

148

П. КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА

СОЧИНЕНІЯ

ВСѢ, КАКІЯ ДО НАСѢ ДОШЛИ.

перевелъ и издалъ

Александръ Клевановъ

КАНДИДАТЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛѢТОПИСЕЙ КНИГИ I—XVI.

1696-0

МОСКВА.

Печатня С. П. Яковлева, Спирidonовка, домъ гр. Бобринскаго.
1870.

7 1117-1 1117-1 1117-1

1117-1 1117-1

1117-1 1117-1

1117-1 1117-1

1117-1 1117-1

1117-1

1117-1 1117-1

1117-1 1117-1

1117-1 1117-1

1117-1

1117-1 1117-1

1117-1

2007112670

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ

СОЧИНЕНИЙ ТАЦИТА.

	Стран.
Къ читателю	I.
Лѣтописей Тацита, книга 1-я.	
Содержитъ взглядъ на предшествовавшую Тиберію исторію Рима вообще, а также на правленіе Августа въ особенности. Затѣмъ излагаются событія правленія Тиберія за 14 и 15 годы по Р. Хр.	1.
Лѣтописей Тацита книга 2-я.	
Правленіе Тиберія—событія 16—19 гг. по Р. Хр..	47.
Лѣтописей Тацита, книга 3-я.	
Правленіе Тиберія, событія за 20, 20 и 22 гг. по Р. Хр.	91.
Лѣтописей Тацита, книга 4-я.	
Правленіе Тиберія, событія за 23, 24, 25, 26, 27 и 28 гг. по Р. Хр.	130.
Лѣтописей Тацита, книга 5-я.	
Правленіе Тиберія—событія за 29 г. по Р. Хр. .	173.
Лѣтописей Тацита, книга 6-я.	
Правленіе Тиберія—событія 32, 33, 34, 35 и 36 гг. по Р. Хр.	177.
Книги лѣтописей 7-я, 8-я, 9-я и 10-я утрачены.	
Лѣтописей Тацита, книга 11-я.	
Правленіе Императора Клавдія—событія 47 и 47 г. по Р. Хр.	206.
Лѣтописей Тацита, книга 12-я.	
Правленіе Клавдія, событія 49—54 гг. по Р. Хр.	
Въ 54 г. 13 октября верховную власть получаетъ Неронъ.	227.
Лѣтописей Тацита, книга 13-я.	
Правленіе Нерона, событія 55, 55, 57 и 58 гг. по Р. Хр.	259. ✓
Лѣтописей Тацита, книга 14-я.	
Правленіе Нерона, событія 59, 60, 61 и 62 гг. по Р. Хр.	293.
Лѣтописей Тацита, книга 15-я.	
Правленіе Нерона, событія 63, 64 и 65 гг. по Р. Хр.	328.
Лѣтописей Тацита, книга 16-я.	
Правленіе Нерона, событія одного 66 г. по Р. Хр..	368.

Содержание

1	Введение	1
2	Глава I. Общие сведения	2
3	Глава II. Описание	3
4	Глава III. Технические характеристики	4
5	Глава IV. Требования к эксплуатации	5
6	Глава V. Гарантийные обязательства	6
7	Глава VI. Заключение	7
8	Приложение 1	8
9	Приложение 2	9
10	Приложение 3	10
11	Приложение 4	11
12	Приложение 5	12
13	Приложение 6	13
14	Приложение 7	14
15	Приложение 8	15
16	Приложение 9	16
17	Приложение 10	17
18	Приложение 11	18
19	Приложение 12	19
20	Приложение 13	20
21	Приложение 14	21
22	Приложение 15	22
23	Приложение 16	23
24	Приложение 17	24
25	Приложение 18	25
26	Приложение 19	26
27	Приложение 20	27
28	Приложение 21	28
29	Приложение 22	29
30	Приложение 23	30
31	Приложение 24	31
32	Приложение 25	32
33	Приложение 26	33
34	Приложение 27	34
35	Приложение 28	35
36	Приложение 29	36
37	Приложение 30	37
38	Приложение 31	38
39	Приложение 32	39
40	Приложение 33	40
41	Приложение 34	41
42	Приложение 35	42
43	Приложение 36	43
44	Приложение 37	44
45	Приложение 38	45
46	Приложение 39	46
47	Приложение 40	47
48	Приложение 41	48
49	Приложение 42	49
50	Приложение 43	50
51	Приложение 44	51
52	Приложение 45	52
53	Приложение 46	53
54	Приложение 47	54
55	Приложение 48	55
56	Приложение 49	56
57	Приложение 50	57
58	Приложение 51	58
59	Приложение 52	59
60	Приложение 53	60
61	Приложение 54	61
62	Приложение 55	62
63	Приложение 56	63
64	Приложение 57	64
65	Приложение 58	65
66	Приложение 59	66
67	Приложение 60	67
68	Приложение 61	68
69	Приложение 62	69
70	Приложение 63	70
71	Приложение 64	71
72	Приложение 65	72
73	Приложение 66	73
74	Приложение 67	74
75	Приложение 68	75
76	Приложение 69	76
77	Приложение 70	77
78	Приложение 71	78
79	Приложение 72	79
80	Приложение 73	80
81	Приложение 74	81
82	Приложение 75	82
83	Приложение 76	83
84	Приложение 77	84
85	Приложение 78	85
86	Приложение 79	86
87	Приложение 80	87
88	Приложение 81	88
89	Приложение 82	89
90	Приложение 83	90
91	Приложение 84	91
92	Приложение 85	92
93	Приложение 86	93
94	Приложение 87	94
95	Приложение 88	95
96	Приложение 89	96
97	Приложение 90	97
98	Приложение 91	98
99	Приложение 92	99
100	Приложение 93	100

КЪ ЧИТАТЕЛЮ

ПОКОРНИЙШЕ ПРОСИМЪ ИСПРАВИТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ОШИБКИ, ВКРАВШІЯСЯ ПРИ ПЕЧАТАНІИ И НЕ ВМѢНЯТЬ ИХЪ ВЪ ВИНУ ПЕРЕВОДЧИКУ.

Напечатано:

А слѣдуетъ читать:

Страница 4, строка 7 сверху
онъ то все

онъ то все

Стран. 9, стр. 18 снизу и слѣд.
уваженіе къ родителю и *край-
нія требованія*—вынужденъ онъ
былъ къ войнѣ

уваженіемъ къ родителю и край-
ними требованіями—вынужденъ
и т. д.

Стран. 10, строка 7 сверху
Пензъ въ рану

Панзѣ въ рану

Стран. 16, стр. 19 снизу
передъ *трибуналомъ* Блеза

передъ трибуналомъ Блеза

Стран. 16, стр. 16 снизу
посланнаго къ вамъ отъ войска
Германика

посланнаго къ вамъ отъ войска
Германскаго.

Стран. 17, стр. 5 снизу
они, какъ только обращали

воины какъ только обращали

Стран. 26, стр. 4 сверху
свиты обычной, для жены Им-
ператора

Запятой тутъ не нужно.

Стран. 26, стр. 7 снизу
ведушемъ происхожденіе

ведемъ происхожденіе

Стран. 31, стр. 2, 3 сверху
храмъ *Танфонъ* сравнилъ съ
землею

храмъ Танфанъ сравнилъ съ
землею

Стран. 34, глава 57 въ концѣ:
жена Арминія, раздѣлявшая бо-
лѣе образъ мыслей мужа, у по-
бѣжденной не было видно ни
слезъ, ни слышно просьбъ; чѣмъ
отца.

жена Арминія, раздѣлявшая бо-
лѣе образъ мыслей мужа, чѣмъ
отца; у побѣжденной и т. д.

- Стран. 36, стр. 12 снизу
на болотахъ и обманчивыхъ равнинахъ
- Стран. 43, глава 74, 1 стр.
претора Вионни
- Стран. 51, глава 4 въ сред.
сами не зная что дѣлать
- Стран. 55, глава 13, строка 1
въ началѣ ночи выйдя мѣста
- Стран. 60, строка 15 сверху
у скалъ выдающихся мысовъ
- Стран. 60, строка 4 снизу
въ сосѣдней роцѣ зарытый орелъ
- Стран. 66, гл. 37, стр. 6 сверху
щедрость Августа, давшаго де-
сять сестерціевъ
- Стран. 63, строка 7 сверху
пріятствіемъ осуществленію
- Стран. 76, строка 2, 3 сверху
и, по договору, предоставлен-
ному древнему и союзному го-
роду — пользоваться однимъ
микторомъ
- Стран. 79, строка 7 сверху
не спросясь главы государства,
вышелъ въ Александрію
- Стран. 79, строка 7 снизу
слоновую кость
- Стран. 94, строка 12 сверху
съ двумя дѣтьми, потушила
глаза
- Стран. 94, строка 15 снизу
свидѣтельствовали
- Стран. 94, строка 11 снизу
разбросанные и съ плачемъ
- Стран. 96, строка 16 снизу
А. Пизонъ
- Стран. 97, строка 3 снизу
Азинія, Галла
- на болотахъ и обманчивыхъ равнинахъ
- претора Вионни.
- сами не зная что дѣлать
- въ началѣ ночи выйдя изъ мѣста
- у скалъ и выдающихся мысовъ
- въ сосѣдней роцѣ зарытый орелъ
- щедрость Августа давшаго мил-
ліонъ сестерцій
- пріятствіемъ осуществленію
- и изъ уваженія къ древнему и
союзному городу, пользовался
онъ (Германикъ) только однимъ
лигаторомъ
- не спросясь главы государства,
вошелъ въ Александрію
- слоновая кость
- съ двумя дѣтьми и потушивъ
глаза
- свидѣтельствовали
- разсѣявшись
- Точки не надо.
- Азинія Галла

Стран. 107, строка 10 снизу
Приводилъ въ примѣръ
 Стран. 111, глава 36 въ началѣ
Распространялось каждому
 Стран. 114, гл. 43, 7 стр. сверху
 знатнѣйшую *молодежь* Галліи
 Стран. 115, строка 4 снизу,
 въ главѣ 45
 старую славу *Галліевъ*
 Стран. 116, строка 5 снизу
 укрѣпленія *Голюданензевъ*
 Стран. 118, стр. 5 и 6 сверху
 похвалилъ *Лепиду*
 Стран. 118, строка 12
 глава 52
 Стран. 118, строка 6 снизу
 опасенія *модъ*
 Стран. 118, строка 3 снизу
 эти дѣятельные люди *юдоли*
 Стран. 124, въ главѣ 69, стр.
 8 снизу
 но и тѣхъ и другихъ
 Стран. 126, строка 1 сверху
пренебрегли медленнымъ
 Стран. 126, строка 3 сверху
 Геллій Попликала
 Стран. 126, строка 1 сверху,
 въ главѣ 68:
извинительнымъ предлогомъ
 Стран. 127, строка 1, въ 70
 главѣ
 выслушаны *Киренейцы*
 Стран. 128, строка 11 сверху
 если случится съ *Діальскимъ*
 фламиноиъ
 Стр. 129, строка 4 сверху
 еще ни разу не скорбѣлъ *еще*
 такъ *Цезарь*
 Стран. 129, строка 7 сверху
гибли столькихъ

Приводилъ (Тиберій) въ примѣръ
 распространялась каждому
 знатнѣйшую молодежь Галліи
 старую славу Галловъ
 укрѣпленія Голюданензевъ
 похвалилъ Лепида
 глава 51
 опасенія людей
 эти дѣятельные люди—адилы
 но и у тѣхъ и у другихъ
 пренебрегши медленнымъ
 Геллій Попликола
 извинительнымъ предлогомъ
 выслушаны Киренейцы
 если случится нездоровье съ ді-
 альскимъ фламиноиъ
 еще ни разу не скорбѣлъ такъ
 Цезарь
 гибли столькихъ

Стран. 129, стр. 19 снизу и убѣжище Гарамантовъ	и убѣжище Гарамантовъ
Стран. 132, строка 8 снизу островъ Капресъ	островъ Капресъ
Стран. 132, строки 4—5 сверху отъ ухаживанья въ <i>сенатъ</i>	отъ ухаживанья въ <i>сенатъ</i>
Стр. 132, строка 8 сверху допускалъ <i>сказывать</i> въ те- атрахъ	допускалъ чтить его (Сеяна) изображенія въ театрахъ
Стр. 138, строка 6 снизу не выслушавъ, сына отдавалъ бы его	не выслушавъ сына, отдавалъ бы его
Стран. 139, послѣдняя строка главы 11 <i>собственно</i> : неиспорченной въ чу- десное	<i>собственно</i> , неиспорченной въ чу- десное
Стран. 139, строка 4 снизу <i>прилюбопытную</i> связь	прилюбопытную связь
Стран. 140, строка 6 сверху городу <i>Цибиратикъ</i>	городу Цибиратикъ
Стран. 140, строка 7 сверху землетресеніемъ	землетресеніемъ
Стран. 140, строка 12 сверху въ томъ <i>на</i> обвиненіи	въ томъ же обвиненіи
Стран. 142, стр. 6 и 7 сверху <i>Корнелию</i> дѣвицъ—20 сестер- цѣвъ	Корнелиѣ дѣвицъ два милліона сестерцій
Стран. 144, строка 3 снизу сбросилъ жену свою Апронію черезъ голову	выбросилъ жену свою Апронію внизъ головою.
Стран. 146, глава 25, строка 11 сверху а напротивъ у непріятелей, ни- чего не <i>знавшиаго</i>	а напротивъ у непріятелей, ни- чего не знавшихъ
Стран. 147, строка 10 сверху Онъ, <i>расположивъ</i> экипажемъ этихъ судовъ	Онъ, распорядясь ^в экипажемъ этихъ судовъ
Стран. 147, стр. 12 снизу боговъ, мстителей	боговъ мстителей

- Стран. 147, стр. 2 снизу
призывались въ непріязненныхъ
смутахъ
- Стран. 148, гл. 30, стр. 6 сверху
а надобно *дать возможность*
- Стран. 148, гл. 30, стр. 9 сверху
объ отмѣнѣ награды обвините-
лемъ
- Стран. 148, гл. 30, стр. 11 сверху
Соглашались было сенаторы на это
мнѣніе, если Цезарь
- Стран. 149, строки 2 и 8 сверху
Суилія
- Стран. 149, строка 6 сверху
клятвою *обязалъ*
- Стран. 149, гл. 32, стр. 2 сверху
покажутся *незначительными* и
недостойными памяти
- Стран. 149, строки 3, 2 и 1 снизу
сената и аристократовъ умы най-
лучше изучившіе, считались ум-
ными и знакомыми съ обстоятель-
ствами времени
- Стран. 150, строка 5 сверху
только тѣмъ, что *случится*
- Стран. 150, строка 9 сверху
и *ободряютъ* умы читающихъ
- Стран. 151, строка 17 снизу.
уничтожилъ, не сохранятьъ
- Стран. 151, строка 8 снизу
тѣмъ ихъ *вмѣненіе* усиливается
- Стран. 152, строка 2 сверху
поставлена *въ виду Цициненамъ*
- Стран. 152, строка 7 сверху
который *проконсуламъ*
- Стран. 153, строка 9 сверху
проводятъ мои дѣйствія
- призывались къ суду въ непрі-
язненныхъ смутахъ
- а надобно предоставить возмож-
ность
- объ отмѣнѣ награды обвините-
лямъ
- Соглашались было сенаторы на
это мнѣніе, если бы не Цезарь;
онъ
- Суилія
- клятвою *обязался*
- покажется *незначительнымъ* и не-
достойнымъ памяти
- Изучившіе наилучше образъ мыс-
лей сената и аристократовъ счи-
тались людьми умными и т. д.
- только тѣмъ что случается
- и освѣжаютъ умы читающихъ
- уничтожилъ, а не сохранятьъ
- тѣмъ ихъ вліяніе усиливается
- поставлена на видъ Кизиценамъ
- который проконсуломъ
- проводили мои дѣйствія

Стран. 153, строка 13 сверху
лучшіе потому что изъ смертныхъ
Стран. 153, стр. 13 и 14 снизу
приучили его такъ. чтобы онъ
свои надежды и обѣты обращалъ
не прежде

Стран. 154, строка 16 сверху
Такъ то и *вырываются* у жен-
щинъ

Стран. 154, строка 15 снизу
но тѣ должностныя лица

Стран. 154, строка 9 снизу
удивительно, что будучи трево-
жимъ

Стран. 155, гл. 41, стр. 8 сверху
доступъ писемъ большей части

Стран. 155, гл. 41, стр. 7 снизу
уменьшилась, съ отсутствіемъ толпы

Стран. 155, въ самомъ низу
Цезарь поставленное ему въ ви-
ну отсутствіе милосердія.

Стран. 157, 3 строка сверху
за поражение Еврѣйскихъ пле-

Потому что лучшіе изъ смертныхъ

приучили его—свои надежды и
обѣты обращать не прежде

Такъ то и вызываются у жен-
щинъ

а тѣ должностныя лица

удивительно ли, что будучи тре-
вожимъ

доступъ (къ Тиберію); писемъ
большой части

уменьшилась бы; съ отсутстви-
емъ толпы

*(По недосмотру наборщика и
корректора тутъ пропущено
нѣсколько строкъ оригиналу;
надобно читать:)*

Цезарь, ухватясь тѣмъ упорнѣе
за поставленное ему въ вину
отсутствіе милосердія— Акви-
лію, на которую послѣдоваль
доносъ въ ея прелюбодѣйстви-
ной связи съ Варіемъ Лигуромъ,
хотя Лентулль Гетуликъ, наре-
ченный консуль, осудилъ ее по
Юліеву закону, наказалъ ссыл-
кою. А Аппидія Мерулу за то,
что онъ не присягалъ дѣйстви-
ямъ божественнаго Августа вы-
черкнулъ изъ списка сенаторовъ.

за поражение Еврѣйскихъ пле-

менъ; эти горные народы оттого еще болѣе дикіе, смѣло не знали покоя	менъ; они жили въ горахъ и тѣмъ смѣлѣе дѣйствовали.
Стран. 158, гл. 48, стр. 6 снизу <i>наносили</i> раны	наносили раны
Стран. 159, стр. 10 сверху <i>потомъ</i> прикрывъ ихъ	потомъ, прикрывъ ихъ
Стран. 159, стр. 21 сверху одни погибли отъ <i>раны</i>	одни погибли отъ ранъ
Стран. 159, строка 6 снизу но тарса. <i>призывая</i>	но Тарса <i>призывая</i>
Стран. 159, строка 5 снизу близкій конецъ необходимость	близкій конецъ и необходимость.
Стран. 161, строка 12 снизу какъ она не настаивала	какъ она ни настаивала
Стран. 163, строка 8 снизу значительно <i>испытанно</i> <i>лѣкарствами</i>	значительно испытанно слѣдами лѣкарственныхъ средствъ
Стран. 164, гл. 59, 4 стр. сверху называемой пещеры (<i>spreluniae</i>)	называемой пещеры (<i>spreluncae</i>)
Стран. 165, строка 12 снизу значеніе и въ потомствѣ, <i>такъ</i> многословное	значеніе и въ потомствѣ, многословное
Стран. 168, строка 12 сверху какъ бы въ дневникѣ <i>записывались</i>	какъ бы въ дневникѣ записывалось
Стран. 168, гл. 68, стр. 4 сверху <i>постоянно</i> былъ у нихъ въ домѣ	постоянно бывалъ у нихъ въ домѣ
Стран. 169, строка 6 сверху какимъ образомъ это услышано было	какимъ образомъ сдѣлать чтобы это услышано было
Стран. 169, строка 2 снизу когда въ обычаѣ <i>воздерживается</i>	когда въ обычаѣ воздерживаться
Стран. 171, строка 17 снизу эскадрону Каннифатскому	эскадрону Канинефатскому
Стран. 171, строка 6 снизу при сомнительномъ положеніи и самъ увлеченный въ опасность	при сомнительномъ положеніи дѣла и самъ увлеченный въ опасность
Стран. 172, строка 18 сверху ни въ <i>прележащія</i> къ нему мѣста	ни въ <i>прилежащія</i> къ нему мѣста

Стран. 172, стр. 16 снизу
и общеніемъ намѣреній
Стран. 173, строка 5 сверху
Недостатокъ событій за три года

Стран. 173, строка 10 сверху
Рубеллія Цемина

Стран. 175, строка 8 сверху
давали волю избрѣтательности
Стран. 175, строка 18 снизу
власть Государя.... Сорозъ че-
тыре рѣчи сказано

Стран. 175, строка 5 снизу
7. Тутъ онъ съ каждымъ порознь

Стран. 176, строка 8 сверху
пріязнь Эмія Галла

Стран. 176, строка 13 снизу
тѣла этого возраста

Стран. 177, строка 7 сверху
въ узкомъ мѣстѣ Истиса

Стран. 178, строка 8 снизу
Умираетъ Поппей Сосбинъ

и общеніемъ замысловъ

Недостаетъ памятниковъ событій
за три года

Рубеллія Гемина

давали волю избрѣтательности
Прим. къ этому мѣсту отъ
словъ: «власть государя» въ тек-
стѣ значительный пробѣлъ и да-
лѣе отъ словъ «сорозъ четыре
рѣчи» текстъ сильно испорченъ и
очень не полонъ. Тутъ излага-
лись въ сенатѣ рѣчи людей за-
мѣшанныхъ въ дѣлѣ Сеяна, ко-
торый, погубивъ многихъ палъ
наконецъ и самъ. Отъ словъ:
«я полагаю» — говоритъ одинъ
впрочемъ неизвѣстный пріятель
Сеяна и уже не въ сенатѣ, но у
себя на дому и въ кругу друзей.
Это относилось къ 31 году по
Р. Хр., а такъ какъ начало
книги излагаетъ событія 29 г.
по Р. Хр., то пробѣлъ почти на
два года событій.

Тутъ онъ говорилъ съ каждымъ
порознь

пріязнь Элія Галла

тѣла дѣтей этого возраста

въ узкомъ мѣстѣ Истма (Ко-
ринесскаго перешейка)

умираетъ Поппей Сабинъ

Стран. 179, строка 8 и 9 сверху
М. Фуриѣ Камиллѣ, Серв. Суль-
пициѣ Гальбѣ

Стран. 180, строка 11 снизу
На избранномъ имъ островѣ Ла-
босѣ

Стран. 180, строка 10 снизу
и *содержится* подъ стражею

Стран. 180, стр. 7 снизу
тайны всѣхъ, *избранный* Сея-
номъ

Стран. 180, стр. 1 снизу
Лаціарисъ, какъ я уже говорилъ

Стран. 182, строка 12 снизу
одни защищали себя, а большая
часть какъ бы зараженные въ
здоровьи и обращеніи

Стран. 183, строка 9 сверху
съ Сеяномъ, *но* столько силенъ

Стран. 183, стр. 7 и 8 снизу
одинъ и тотъ же конецъ: Це-
зарь, оправдаетъ и тебя и насъ

Стран. 180, строка 6 сверху
открылъ жилы

Стран. 184, стр. 17 снизу
Вскуларій—передатчикъ

Стран. 184, стр. 9 снизу
смячая

Стран. 184, стр. 1 и 2 снизу
на время тотъ, кто оказывалъ
бы правосудіе и оказывалъ бы
заботу въ случаяхъ печальныхъ

Стран. 185, стр. 1 сверху
Дентро Ромулія

Стран. 185, стр. 2 сверху

Нуму Марція

Стран. 187, строка 7 сверху
начальникомъ *Циллія* Мецената

М. Фуриѣ Камиллѣ, Серв. Суль-
пициѣ Гальбѣ

* На избранномъ имъ островѣ Лес-
бонѣ

и содержался подъ стражею

тайны всѣхъ, избраннаго Сея-
номъ

Лаціарисъ, какъ я уже гово-
рилъ, игралъ

одни въ защиту себя, а боль-
шинство, какъ бы заразаясь при-
мѣромъ и болѣзною

съ Сеяномъ, настолько силенъ

одинъ и тотъ же конецъ: Це-
зарь, оправдаетъ и тебя и насъ.

открылъ снова жилы

Вескуларій передатчикъ

смягчалъ

на время тотъ, кто дѣлалъ бы
судъ и расправу и оказывалъ
бы помощь въ случаяхъ печал-
янныхъ

Дентра Ромулія

Нуму Марція

начальникомъ Циллія Мецената

Стран. 187, строка 12 сверху ничего, не опасяющихся кромѣ силы	ничего не опасяющихся кромѣ силы
Стран. 187, стр. 19 сверху которую Кининій Галль	которую Каниній Галль
Стран. 187, стр. 21 сверху и объ этомъ предметѣ сенатское опредѣленіе	и объ этомъ предметѣ постано- вить сенатское опредѣленіе
Стран. 187, стр. 14 снизу <i>магистрами</i> людьми учеными	магистрами (наставниками) и людьми учеными
Стран. 186, стр. 1 сверху числа дней <i>вытребовано</i> въ те- атрѣ	числа дней высказано требова- ній въ театрѣ
Стран. 186, стр. 8 сверху и съ меньшею дѣятельностью	и не съ меньшею дѣятельностью
Стран. 186, стр. 11 сверху но перетолковалось за надмен- ность	но перетолковано за надменность
Стран. 186, стр. 16 сверху оковахъ ослабѣвшую цѣпь	оковахъ ослабѣвшую цѣпь
Стран. 187, стр. 14 сверху установленъ полпроцента	установлено полпроцента
Стран. 189, стр. 3 сверху проронивъ (звука) голоса	проронилъ (звука) голоса
Стран. 189, стр. 10 снизу <i>съ</i> грозящей крайнею гибелью	въ грозящей крайнею гибелью
Стран. 189, стр. 7 снизу <i>имѣетъ</i> его въ числѣ самыхъ	имѣлъ его въ числѣ самыхъ
Стран. 191, стр. 12 сверху <i>Приривали</i> конечно	Прерывали конечно
Стран. 191, гл. 25, строка 6 сверху по ея волѣ послѣдовавшей	по ея волѣ послѣдовавшей
Стр. 191, стр. 5 снизу будущіе годы приноситъ даръ Юпитеру	будущіе годы приноситъ даръ Юпитеру
Стр. 192, стр. 14—15 сверху скорѣе <i>поздною</i> , чѣмъ незаслу- женно	скорѣе поздно, чѣмъ незаслу- женно

- Стран. 193, стр. 3 снизу
примѣръ примѣнилъ онъ къ *Ли-
бону* и примѣръ примѣнилъ онъ къ *Ла-
беону*
- Стран. 194, стр. 7 сверху
донесъ о содержаніи и донесъ о содержаніи
- Стран. 195, стр. 9 сверху
по смерти царя Артаксіи по смерти царя Артаксіи
- Стран. 195, стр. 4 снизу
не подѣ силу отечественнымъ не подѣ силу отечественнымъ
нравомъ правамъ
- Стран. 196, стр. 10 снизу
дѣлаеть набѣги съ самого лагеря дѣлаеть набѣги до самого лагеря
- Стран. 197, стр. 10 сверху
рописанные золотомъ ряды *Ма-
кедонянъ* рописанные золотомъ ряды *Ме-
довъ*
- Стран. 197, стр. 8 снизу
но Артабанъ и вельдствіе того но не нужно
- Стран. 197, стр. 2 снизу
Синникъ о враждебномъ Синнакъ, о враждебномъ
- Стран. 198, стр. 10 сверху
свойства съ *Гирканами* свойства съ *Гирканами*
- Стран. 198, гл. 37, стр. 3 сверху
— главные силы легионовъ — а самъ главные силы легионовъ
- Стран. 198, стр. 6 снизу
Не много спусти *Синнищесъ* Не много спусти Синнащесъ
- Стран. 199, стр. 13 сверху
и постоянное удаленіе въ родѣ и постояннымъ удаленіемъ въ
ссылки родѣ ссылки
- Стран. 199, стр. 16 сверху
или долго *оставасъ* или долго оставаясь
- Стран. 199, стр. 6 снизу
но что, управляясь съ дѣлами, но за то, что онъ былъ въ уро-
не становился во главѣ ихъ вень дѣламъ, а стать выше не
старался
- Стран. 199, строка 2 снизу
бѣдствіямъ, не казалось бѣдствіямъ казалось
- Стран. 200, строка 2 сверху
принялъ ядъ *скрытый на груди* привялъ ядъ, вынувъ его изъ
за пазухи

Стран. 200, стр. 15 сверху

не годилась въ *свидѣлем*

Стран. 200, стр. 9 снизу

Галь и Артелисту

Стран. 201, стр. 2 сверху

враждебной партіи. Пареу

Стран. 201, стр. 5 снизу

Поням состарѣвшійся

Стран. 201, стр. 4 снизу

бываетъ въ любви

Стран. 202, стр. 5 сверху

пораженный сначала слухомъ,

потомъ

Стран. 202, стр. 17 сверху

но *удамимсь то* въ видѣ

Стран. 202, стр. 9 снизу

четыре зятя Цезаря

Стран. 203, стр. 14 сверху

но слабость *уже* умственныхъ способностей

Стран. 203, стр. 20 сверху

а слабѣя, тѣмъ рѣшеніе

Стран. 203, стр. 6 снизу

въ *посыщеніи* съ другими

Стран. 206, стр. 5 снизу

пользовался только своимъ умомъ

За тѣмъ недостаетъ книгъ седьмой, восьмой, девятой и десятой и изложенія событій отъ 37 до 47 г. по Р. Хр. Начала одиннадцатой книги, или лучше сказать большей ея половины также недостаетъ.

Стран. 208, стр. 1 сверху

такъ какъ она была

Стран. 208, стр. 2

былъ нѣкогда ея соблазнителемъ

не годилась въ свидѣтели

Галь и Артемиту

враждебной партіи, Пареу

Поняль состарѣвшійся

бываетъ въ изъявленіяхъ любви

пораженный сначала слухомъ объ Артабанѣ, потомъ

но разошлись въ видѣ

четыре зятя (мужья внучекъ) Цезаря

но слабость его умственныхъ способностей

а слабѣя за тѣмъ рѣшеніе

въ совѣщантіи съ другими

сталъ дѣйствовать лишь подъ влияніемъ собственныхъ наклонностей

такъ какъ она (Мессалина) была

былъ нѣкогда ея (Поппей Сабини, жены П. Сципіона и матери той Помпей, о которой упоминается ниже въ Лѣтопис.

Стран. 209, строка 20 сверху
прибавилъ миллионъ сестерцій
Созибію

Стран. 209, стр. 24 сверху
ловко лавировалъ между

Стран. 209, стр. 8 снизу
давъ Суилію 400 тысячъ денегъ

Стран. 210, стр. 9 сверху
адвокатомъ

Стран. 210, стр. 22 сверху
Да и краснорѣчіе

Стран. 210, стр. 4 снизу
не напрасно. Государь

Стран. 210, стр. 3 снизу
положилъ предѣлъ *взысканія де-
негъ*

Стран. 211, гл. 9, стр. 2 сверху
въ каею они обратятся сторону

Стран. 211, стр. 11 и 12
образумленъ письмомъ Цезаря и
обратилось къ Митридату

Стран. 213, гл. 12, стр. 6 сверху
и если только не приготавливали
новыхъ обвиненій и обвинителей,
то, отдавшись новой и близкой
къ безумію любви

Стран. 214, строка 14

Аборигены

Стран. 215, стр. 14 сверху
противнымъ, а чаще пускался

Стр. 215 стр. 16 сверху
которые цвѣли партіями

XIII, 45 и въ другихъ м.) соб-
лазнительемъ;

прибавилъ миллионъ сестерцій
(приблизительно сестерцій рав-
няется 4—5 коп. сер.) Созибію

ловко лавировалъ онъ между

давъ Суилію 400 тысячъ денегъ
(тѣхъ же сестерцій)

адвокатамъ

Да и краснорѣчіе

не напрасно, Государь

положилъ предѣлъ денежнаго
вознагражденія (адвокатамъ)

куда они обратятся

остановленъ письмомъ Цезаря и
все обратилось къ Митридату

И если только не приготавлила
(Мессалина) новыхъ обвиненій и
обвинителей, то потому что от-
далась новой и близкой къ бе-
зумію любви

Аборигены

противнымъ, та и это было чаще —
пускался

которые силу свою основывали
на партіяхъ

Стран. 216, стр. 16 сверху
а прочія суда только по воз-
можности, какую они представ-
ляли, привелъ

Стран. 217, стр. 1 снизу
получилъ *квестору*

Стран. 218, стр. 17 сверху
и всѣмъ гражданамъ: если они
располагались

Стран. 219, стр. 10 сверху
или если какой

Стран. 219, стр. 13 сверху
Юлія осадили у Алезіи

Стр. 219, стр. 13 снизу
Потомъ они раздвинулись

Стран. 219, стр. 9 снизу
жителей той стороны. Но при-
няты

Стран. 221, стр. 17 снизу
не предупрежденнаго

Стран. 221, стр. 10 снизу
И долѣе не ждали

Стран. 221, стр. 8 снизу
совершены всѣ

Стран. 222, стр. 1 сверху
обниманія

Стран. 222, стр. 4 сверху
съ записаннаго *старшаго*

Стран. 222 стр. 12 сверху
въ недалекомъ времени Консуль-
ству

Стран. 222, стр. 19 и 16
Калмитъ

Стран. 222, стр. 1 снизу
представился случай быть съ нимъ
этайнтъ

а прочіе суда по мѣрѣ того какъ
на что они были годны, провелъ

получилъ *квестуру* (должность
квестора)

и всѣмъ гражданамъ, если они
располагались

или если найдется какой

Юлія осаждали у Алезіи

Потомъ она (Италія) раздви-
нулась

Жители той стороны Пада (рѣ-
ки По) приняты

не принимающаго никакихъ мѣръ
предосторожности

И не дожидаясь долѣе

совершила, исполнила (Мессалина)

объятія

съ записаннаго стариками

въ недалекомъ времени Консулъ

Каллистъ

представился случай быть съ
нимъ наединѣ

- Стран. 223, стр. 2 и 3 сверху спрашиваетъ она Клеопатру—дожидаясь
- Стран. 223, стр. 4 сверху приказываетъ: вызвать Нарцисса
- Стран. 224, строка 13 сверху преобладало безобразіе ея...
- Стран. 225, строка 1 сверху и даетъ возможность
- Стран. 225, стр. 20 сверху стражамъ Мессалинѣ
- Стран. 225, стр. 21 сверху Суффей Трога
- Стран. 226, стр. 13 сверху замедленія всего болѣе близкой ночи
- Стран. 226, стр. 19 сверху и при этомъ сидѣла
- Стран. 227, стр. 1 снизу Венній царь
- Стран. 228, стр. 2 сверху усмиряетъ Осторій Иценасъ
- Стран. 228, стр. 9 сверху пренебрегши Британникомъ
- Стран. 228, стр. 10 сверху Надменность Агриппины расположена къ Вителлію
- Стран. 229, стр. 3 сверху Суллія Руфа
- Стран. 229, стр. 12 и 13 снизу ближайшимъ послѣ ея собственнѣхъ; залогомъ любви супружеской
- Стран. 230, стр. 10 и 11 снизу условленъ между Клавдіемъ и Агриппиною бракъ; уже имѣлъ основаніе въ молвѣ, въ любви недозволенной;
- Стран. 230, стр. 8 снизу дочь брата
- спрашиваетъ она Клеопатру—дожидаясь
- требуетъ: вызвать Нарцисса
- пересиливало безобразіе ея
- и даетъ возможность
- стражемъ Мессалинѣ
- Суффей Трога
- замедленія, всего болѣе опасались близкой ночи
- и при ней сидѣла
- Ванній царь
- Усмиряетъ Осторій Иценновъ
- пренебрегши Британникомъ
- Надменность Агриппины—расположена къ Вителлію
- Суллія Руфа
- ближайшимъ къ ней послѣ ея собственнѣхъ залоговъ любви супружеской
- условленный между Клавдіемъ и Агриппиною бракъ скрѣплялся уже молвою и недозволенною любовною связью.
- дочь брата по отцу

Стран. 231, стр. 7 сверху

Какое же конечно самое честное утѣшеніе, какое только может придумать умъ цензора, какъ не взять жену

Стран. 232, стр. 3 сверху

все повиновалось женщинѣ, не дерзко

Стран. 232, гл. 8 стр. 2 сверху или *избравъ* этотъ

Стран. 232, стр. 7 и 8 сверху гл. 8 въ это кровосмѣшательное время отыскиваемы были и казни и очистительные обряды

Стран. 232, гл. 8 стр. 4 снизу впечатлѣніе на *публику*

Стран. 232, гл. 9 стр. 2 сверху

Мелемія Полліона

Стран. 232, стр. 6 снизу.

вошли, въ сенатъ

Стран. 233, стр. 3 сверху

недѣйствительный дома

Стран. 233, стр. 9 сверху

правленіе, ее чтобы было

Стран. 233, стр. 20 сверху

вскормленница города Рима

Стран. 233, стр. 9 снизу

упражнялъ легіоны заботливостью, предусмотрительностью, дѣйствовалъ такъ

Стран. 233, стр. 7 снизу

и рода Кассіевъ и у тѣхъ даже народовъ знаменитыхъ

Стран. 233, 1 снизу

вѣроломно измѣняются. — Но этотъ совѣтъ

Стран. 234, стр. 2 сверху

счастіе въ роскоши.

А какое честнѣе утѣшеніе духу цензора, какъ не взять жену

все повиновалось женщинѣ, дѣйствовавшей не дерзко

или избралъ этотъ

въ одно и тоже время совершались и казни и очистительные обряды за кровосмѣшеніе

впечатлѣніе на общество

Меммія Полліона

вошли въ сенатъ

недѣйтельный дома

правленіе, то чтобы было

вскормленница города Рима

упражнялъ легіоны; дѣйствовалъ такъ заботливо, предусмотрительно

и рода Кассіевъ, даже и у тѣхъ народовъ именитаго

вѣроломно измѣняются, а потому пусть поспѣшить исполненіемъ своего начинанія. Но этотъ совѣтъ

счастіе въ наслажденіяхъ роскоши

Стран. 234, гл. 13 стр. 2 сверху
соединились съ ними войска Кар-

соединились съ войсками Каррена

рена

Стан. 234, стр. 17 сверху

Геркулесу. Онъ въ

Стран. 234, стр. 12 снизу
съ Адіабенами

съ Адіабенами

Стран. 234, стр. 11 снизу
съ легкомысліемъ свойственнымъ

по легкомыслію свойственному

Стран. 234, стр. 9 снизу
предпочитають просить изъ Рима

предпочитають лучше просить
изъ Рима

Стран. 235, стр. 5 сверху

велить *жесть*, отрѣзавъ уши

велить жить, отрѣзавъ уши

Стран. 235, гл. 15 стр. 3 сверху

Котиса; неопытнаго юношу

Котиса, неопытнаго юношу

Стран. 235, гл. 15 стр. 7 сверху
овладѣваетъ его областю

овладѣваетъ его областю

Стран. 235, стр. 18 снизу
къ Евнону, который *стоялы* во
главѣ

къ Евнону, который стоялъ во
главѣ

Стран. 235, стр. 5 снизу

была плохой защитой противъ
нападающихъ и возведенныя вы-
ше башни;

были плохой защитой противъ
нападающихъ; они возвели вы-
ше башни

Стран. 236, стр. 15 и 16 сверху
отъ рѣки *Танаиса*

отъ рѣки Танаиса

Стран. 238, стр. 2 сверху

отъ сестры Валузія

отъ сестры Волузія

Стран. 238, стр. 12 и 13 сверху

Вслѣдствіе этого сила Агриппины
не останавливалась ни передъ
какими самыми тайными сред-
ствами.

Вслѣдствіе чего насиліе Агрип-
пины и не дошло до послѣдней
крайности

Стран. 238, стр. 15 сверху

Кодій Руфъ

Кадій Руфъ

Стран. 239, строка 4 сверху
и М. Сулія

и М. Сулія

Стран. 240, строка 5 сверху
окуружили

окуружили

Стран. 240, стр. 8 сверху
по ближайшимъ дорогамъ непри-
ятелю

Стран. 240, гл. 29 стр. 4 сверху
сдѣлался надменнымъ

Стран. 240, строка 2 снизу
наступили Лигій и Гермундуръ
Стран. 241, строка 7 и далѣе
сверху

а къ подданнымъ — таковъ ли
былъ ихъ собственный характеръ
или таково свойство рабства,
пока домогались власти обраща-
лись съ большею ласкою, а съ
большею еще ненавистью, когда
получили ее.

Стран. 241, стр. 13 сверху
и тѣмъ сильнѣе полагали

Стран. 242, стр. 7 сверху
поселеніе Комилодунумъ

Стран. 242, главы 34, стр. 6
сверху

которые Диктатора прогнали

Стран. 242, стр. 6 снизу
вмѣстѣ приводила въ ужасъ

Стран. 243, стр. 12 снизу
вслѣдъ за тѣмъ

Стран. 243, строка 7 снизу
соотвѣтствовала бы и умѣрен-
ность

Стран. 244, стр. 16 сверху
а Персея—*Л. Павилъ*

Стран. 244, стр. 9 снизу.
не оставилъ бы бѣгства

Стран. 244, стр. 4 снизу
лѣсамъ, *было тамъ*, по указанію

Стран. 244, стр. 3 снизу
: нечаянно, съ предусмотритель-
ностью

по ближайшимъ дорогамъ — не-
приятелю

сталъ надменнымъ

наступали Лигій и Гермундуръ

подданные—таковъ ли былъ ихъ
собственный характеръ или та-
ково свойство рабства, пока ца-
ри домогались власти любили
ихъ, а еще больше стали ихъ
же ненавидѣть, когда тѣ получили
ее.

и тѣмъ сильнѣе, что полагали

поселеніе Комулудунумъ

которые Диктатора Цезаря (Ю-
лія) прогнали

вмѣстѣ приводили въ ужасъ

вслѣдъ за тѣмъ

соотвѣтствовала и умѣренность

а Персея *Л. Палвлъ*

не остановилъ бы бѣгства

лѣсамъ, болотамъ, по указанію

то нечаянно, то съ предусматри-
тельностью

- Стран. 245, стр. 9 сверху
а жертва если не битвы онъ былъ жертвою
- Стран. 246, стр. 4 сверху
Корнелія орфиты Корнелія Орфиты
- Стран. 246, стр. 9 сверху
пользуется проконсульскою вла- пользовался проконсульскою вла-
стью стью
- Стран. 247, гл. 43, стр. 8 и 7
снизу
- Вѣрно *только* то, что на продо- Вѣрно только то, что на продо-
вольствіе города оставалось хлѣ- вольствіе города Рима остава-
ба *только* на пятнадцать дней лось хлѣба всего на пятнадцать
и *только* по великой и т. д. дней не болѣе; по великой и т. д.
- Стран. 248, глава 45, стр. 9
сверху
- уврѣпленіе *Горнасз* уврѣпленіе Горнеосъ
- Стран. 248, стр. 1 снизу
на старшинство *Годами* на старшинство годами
- Стран. 249, стр. 6 сверху
въ свѣтныхъ *припасахъ* въ свѣтныхъ припасахъ
- Стран. 249, стр. 15 сверху
требовать мира и *грозить* требованіе мира и грозить
- Стран. 250, стр. 5 сверху
Митридатомъ сдѣлался *предме-* Митридатъ сдѣлался жертвою из-
томъ измѣны мѣны
- Стран. 250, стр. 15 сверху
можно *извлечь* больше пользы можно извлечь больше пользы
- Стран. 251, стр. 5 сверху
города Армянъ: Артавлата города Армянъ: Артаксата
- Стран. 251, строка 10, сверху
главы 51
- да и не опытный въ дѣлѣ да и не неопытный въ дѣлѣ
- Стран. 251, стр. 2 снизу
въ Далмаціи произвелъ въ Далмаціи произвелъ
- Стран. 252, главы 53, строка
6 сверху
- пятьсотъ* милліоновъ сестерцій пятнадцать милліоновъ сестерцій
- Стран. 252, главы 54, строка
4 сверху
- безнаказаннымъ все безнаказаннымъ все

- Стран. 252, стр. 3 снизу
А потому они
- Стран. 253, глава 55, строка
3 сверху
А потому они
- подъ предводительствомъ *Тразобора*
подъ предводительствомъ *Тразобора*
- Стран. 253, гл. 55, стр. 2 снизу
Тразобора и не многихъ
Тразобора и немногихъ
- Стран. 254, стр. 7 снизу
Апамейцы, пострадавшіе
Апамейцы пострадавшіе
- Стран. 257, стр. 11 снизу
то никакой заслуги государю не
будеть
то нѣтъ у него (*Нарцисса*) передъ
этимъ государемъ никакой за-
слуги
- Стран. 258, стр. 17 сверху
пробававшій ихъ
пробовавшій ихъ
- Стран. 259 стр. 1 сверху
вдругъ среди дня
Тутъ среди дня
- Стран. 259, стр. 4 сверху
Тутъ по внушенію префекта
Здѣсь по внушенію префекта
- Стран. 259, стр. 16 сверху
прабабушки *Ливіи*
прабабушки *Ливіи*
- Стран. 263, гл. 4, стр. 4 сверху
съ отличіемъ, *взятые* за дѣло
общественное
съ отличіемъ *взятые* за дѣло
общественное
- Стран. 264, стр. 10 сверху
прогнавъ Радомиса
прогнавъ *Радомиса*
- Стран. 266, стр. 17 снизу
къ *Плавтію Латерану*
къ *Плавтію Латерану*
- Стран. 267, стр. 15 снизу
предлагая *первый* и лучшее
предлагая первое и лучшее
- Стран. 268, стр. 8 сверху
будеть *выслушена*
будеть *выслушана*
- Стран. 268 стр. 6 снизу
трибуна *Престоріанской* ко-
горты
трибуна *преторіанской* когорты
- Стран. 269, гл. 16, стр. 5 св.
для этой цѣли
для этой цѣли
- Стран. 269, стр. 16 снизу
которой съ ранняго дѣтства
которою съ ранняго дѣтства

Стран. 270, стр. 8 снизу
при его матери и Германцамъ

Стран. 271, стр. 15 сверху
не старое и не разъ уже слы-
шанное

Стран. 271, стр. 19 сверху
Августа и Нерономъ

Стран. 271, стр. 4 снизу
Плиній Клувій говорятъ

Стран. 272, стр. 12 снизу
въ покушеніяхъ на *когортъ* въ
городѣ

Стран. 273, стр. 3 сверху
управленіе Египтомъ К. *Баль-*
биллу

Стран. 274, стр. 14 сверху
такъ какъ черезъ бракъ былъ
зятемъ Антоніи

Стран. 274, стр. 17 сверху
обличавшій свое тщеславіе

Стран. 274, стр. 19 снизу
то выражалъ на *письмъ*

Стран. 274, гл. 24, стр. 3 сверху
болѣе подобія *свободъ*

Стран. 274, стр. 2 сверху
и, при совершенномъ невѣдѣніи,
ихъ принималъ удары

Стран. 274, стр. 5 сверху
а нѣкоторые—какъ разъ

Стран. 274, стр. 10 сверху
почетныхъ мѣсть

Стран. 274, стр. 16 сверху
и какъ бы частное дѣло

Стран. 274, стр. 3 снизу
и не вынуждая какъ бы

Стран. 275, стр. 12 сверху
часть трибъ. (*Прим.*)

Стран. 275, гл. 29 стр. 3 сверху
потомъ, *такъ какъ* вкралось

при его матери и Германцы

уже не старое и не разъ слы-
шанное

Августа съ Нерономъ

Плиній и Клувій говорятъ

въ покушеніяхъ на *когортъ* въ
городѣ

управленіе Египтомъ—К. *Баль-*
биллу

которому онъ былъ зятемъ черезъ
супружество Антоніи

высказывавшій свое тщеславіе

то выражаю на *письмъ*

болѣе подобія *свободы*

да и онъ самъ (Неронъ) до того
былъ неузнаваемъ, что и ему
приходилось получать удары

то нѣкоторые—какъ разъ

почетей

, какъ бы частное дѣло

и вынуждаютъ какъ бы

часть трибъ (*Прим.*)

потомъ когда вкралось

Стран. 275, гл. 29, стр. 5 сверху
преторовъ для главнаго управ-
ленія

Стран. 275, стр. 4 снизу
въ *Ровеннѣ* Италіи

Стран. 275, стр. 2 снизу

К. Аминій *Ребилъ*

Стран. 276, стр. 1 сверху
избѣгъ бѣдственныхъ страда-
ній опасности

Стран. 276, гл. 32, стр. 2 сверху
и общей безопасности

Стран. 278, стр. 8 сверху

возможности оправдать

Стран. 278, гл. 34, стр. 3 сверху

ораторъ *Карвинъ*

Стран. 278, гл. 34 стр. 6 сверху
отпускаемо было по 50 милли-
оновъ сестерцій, которыми *Мас-
сала*

Стран. 278, гл. 34, стр. 8 сверху
Аврелію Коттѣ

Стран. 279, стр. 14 сверху
на покрытой льдомъ палатокъ

Стран. 279, стр. 2 снизу
ближайшихъ укрѣпленій, а войны

Стран. 280, стр. 6 сверху
пока не прощены по просьбѣ
всего войска

Стр. 280, гл. 37 стр. 12—13 св.
за то, что онъ объяснялся намъ
въ вѣрности

Стран. 280, гл. 37, стр. 14—16
Такимъ образомъ соображенія
Тирадота дѣлились на двѣ про-
тивоположныя стороны, Отпра-
вилъ онъ

преторовъ съ тѣмъ, чтобы они
были главными

въ *Равеннѣ* Италію

К. Аминій *Ребий*

избѣгъ страданій болѣзненной
старости

и общей безопасности

возможности оправдать

ораторъ *Карвинъ*

отпускаемо было по пяти сотъ
тысячъ сестерцій, которыми *Мес-
сала*

Аврелію Коттѣ

на покрытой льдомъ почвѣ па-
латокъ

ближайшихъ укрѣпленій, да и
войны

и прощены лишь по просьбамъ
всего войска

чтобы этимъ засвидѣтельство-
вать передъ нами свою вѣрность

Тутъ въ первый разъ призваны
Инсехи (по др. чтенію *Мосхи*)
народъ въ особенности распо-
ложенный къ Римлянамъ. Онъ
сдѣлалъ набѣгъ на самыя не-

Стран. 280, стр. 15 снизу
что *Римляне* предпочитают
Стран. 280, стр. 14, 13 снизу
упорствовать въ открытой неп-

рїязни, но Арзакиды
Стран. 280, стр. 10 снизу
что *Вологезъ* задерживаетъ отпа-

деніе Гирканіи
Стран. 281, стр. 3 сверху
ясно было-бы коварство
Стран. 281, стр. 18, 19 сверху
третьяго легіона и поставлены
подъ одинъ орелъ такъ, что все
это высматривало однимъ легіо-

номъ
Стран. 271, стр. 8 снизу
по имени *Валандумъ*
Стран. 281, стр. 7 снизу
и Юстею Капитону

Стран. 283, стр. 12 сверху
обойдти покамѣсть стѣны
Стран. 283, стр. 19—18 снизу
Вездѣ извнѣ, кромѣ надъ го-

родскими строеніями, облито бы-
ло блескомъ солнца; и все что
было внутри стѣнъ
Стран. 284, 7 стр. сверху
по *Цинціеву* закону

Стран. 284, 11 стр. сверху
и враждебенъ онъ
Стран. 285, стр. 13 сверху
въ ссылку на *Болгарскіе* острова

Стран. 287, стр. 1 снизу
Первая жаловалась на *насмѣд-*
ственные дѣйствія большинства

доступныя мѣста Арменіи. Это
дало совершенно другое направ-
леніе намѣреніямъ (планамъ) Ти-
ридата

что они, Парфы, предпочитаютъ
упорствовать въ войнѣ, то Ар-
закиды

что Вологеза задерживаетъ от-
паденіе Гирканіи

ясно было коварство

третьяго легіона, смѣшаны съ
прочими и поставлены подъ
одинъ орелъ, такъ что все это
имѣло видъ одного и того же
легіона

по имени *Воландумъ*
и *Инстею* Капитону

обойдти покамѣсть стѣны

Все извнѣ, кромѣ надъ город-
скими строеніями, облито было
сіяніемъ солнца, а все что внут-
ри стѣнъ

по *Цинціеву* закону

враждебенъ онъ

въ ссылку на *Болгарскіе* острова

Первое жаловалось на *насмѣд-*
ственные дѣйствія большинства

- Стран. 289, стр. 2 сверху
полной еще вольности народа Римскаго; а *затѣмъ* и остальное
- Стран. 289, стр. 19 сверху
 Ограниченъ привозъ хлѣба
- Стран. 289, гл. 53 стр. 2 сверху
 видя, что отличія триумфа сдѣлались столь обыкновенными большей чести
- Стран. 290, стр. 6—7 сверху
 внушить онъ *этимъ* опасенія если ператору—а *этимъ* по большей части сдерживаются порывы къ честному
- Стран. 290, стр. 18 сверху
 грозилъ: силою
- Стран. 290, стр. 20 сверху
 у цезаря новыхъ заставилъ
- Стран. 290, стр. 3 сверху
 о безопасной ссылкѣ
- Стран. 290, стр. 16 снизу
 и пусть они не допускаютъ другихъ судей, кромѣ самихъ себя
- Стран. 290, стр. 14 снизу
 дружбы *дастъ* поля
- Стран. 292, стр. 1 сверху
 Тубинтамъ—идя къ Каттамъ
- Стран. 292, стр. 2, 3
 въ долгомъ странствованіи странниками въ крайней нуждѣ истреблены
- Стран. 292, стр. 20 сверху
 А народъ Югановъ
- Стран. 292, стр. 8 снизу
 въ огонь съ тѣмъ что больше осквернено
- полной еще вольности народа Римскаго; а за тѣмъ и остальное
- Ограничено требованіе хлѣба
- видя, что отличія триумфа сдѣлались столь обыкновенными, большей чести
- внушить онъ тѣмъ опасенія императору—а это по большей части сдерживало порывы къ честному
- грозилъ силою
- у Цезаря новыхъ—и тѣмъ заставлялъ
- о безопасномъ изгнаніи
- и они (Римляне) не допустить другихъ судей кромѣ самихъ себя
- дружбы дастъ земли
- Тубантамъ — направились къ Каттамъ
- долго блуждали то гостепріимно приняты, то бѣдствуя, то явно враждуя
- А народъ Югоновъ
- и чѣмъ что больше осквернено

- Стран. 293, стр. 13 сверху
Тразеа Петъ обнаруживаетъ
- Стран. 293, стр. 14 снизу
всадниковъ римскихъ, называемые Августовы
- Стран. 294 стр. 3 сверху
вождя Боадисея
- Стран. 294, стр. 5 сверху
Камилодунъ; Петилія Церіала
- Стран. 294, строка 14 снизу
Защищаетъ его Тразеа. Фабрицій Веіенто,
- Стран. 295, стр. 2 сверху
К. Витанія
- Стран. 295, стр. 3 сверху
Имп. Нерона
- Стран. 295, стр. 4 сверху
К. Целонія Пета
- Стран. 295, стр. 8 снизу
Неронъ былъ разгоряченъ виномъ
- Стран. 296, стр. 7 сверху
распутствѣ въ той, кто еще
- Стран. 297, стр. 2 сверху
довѣрчивостью и радостью
- Стран. 297, стр. 3 сверху гл. 5
было преступленіе
- Стран. 297, стр. 4 снизу
то оно служило
- Стран. 297, стр. 9 сверху
Тутъ она сообразила
- Стран. 297, стр. 12 сверху
рузрушился въ верхней части
- Стран. 297, гл. 7, 2 стр. сверху
спаслась: (Агриппина)
- Стран. 299, стр. 8 сверху
пусть Аницезъ
- Стран. 299, стр. 6 снизу
Геркулеемъ и Олоэритомъ
- Тразеа Петъ обнаруживаетъ
- всадниковъ Римскихъ, называемыхъ Августовыми
- вождя Боадисея
- Камилодунъ; Петилія Церіалиса
- Защищаетъ его Тразеа—Фабрицій Веіенто
- К. Винстана
- Имп. Нерона четвертый разъ
- К. Цезонія Пета
- Неронъ былъ разгоряченъ виномъ
- распутствѣ со стороны той, кто
- довѣрчивостью ко всему, что ихъ радуетъ
- обличить преступленіе
- то это самое служило
- Тутъ она сообразила
- разрушился въ верхней части
- спаслась (Агриппина)
- пусть Аницетъ
- Геркулеемъ и Олоэритомъ

Стран. 301, стр. 11 сверху
(Неронъ приписалъ матери—

Стран. 301, стр. 12 сверху
рассказывалъ онъ и караблекру-
шеніе

Стран, 301, стр. 1 гл. 12
но съ удивленнымъ усердіемъ
знати

Стран. 301, стр. 3 снизу
Габала

Стран. 302, стр. 1 сверху
въ Тирентъ

Стр. 302, стр. 1 и 2 въ кон. 13 гл.
а полное развитіе ихъ удержи-
вало уваженіе къ матери

Стран. 302, гл. 14 стр. 4 сверху
При этомъ онъ напоминалъ

Стран, 302, стр. 2 снизу
не принесла за собою пресыщеніе.

Стран. 303, гл. 15, стр. 1 сверху
покажѣсть

Стран. 303, стр. 6 снизу
по *вражденной* бойкости

Стран. 303, стр. 5—3 снизу
оглашали они рукоплесканіями
наружность государя, и голосъ и,
называя ихъ божественными

Стран. 304, гл. 17 стр. 2 сверху
Нуцеринскихъ и Помпеянскихъ

Стран. 304, стр. 5—4 снизу
царя Аніона; имъ вмѣстѣ

Стран. 305, стр. 11.—12 сверху
ее онъ сдѣлалъ еще болѣе слав-
ною, будучи равенъ умомъ, но
на столько же другой нравст-
венности

Стран. 305, стр. 15 снизу
видѣть что гдѣ-либо есть

Неронъ приписалъ матери

рассказывалъ онъ и карабле-
крушеніе

Но съ удивительнымъ усердіемъ
знатнѣйшихъ лицъ

Габала

въ Тирентъ

полное развитіе которыхъ—за-
держиваемо было уваженіемъ къ
матери

При этомъ напоминалъ

не принесла за собою пресыщенія

покажѣсть

по *вражденной* бойкости

не переставали рукоплескать
они, наружность и голосъ го-
сударя называя божественными

Нуцеринскихъ и Помпеянскихъ

царя Аніона—имъ вмѣстѣ

ему онъ придалъ еще болѣе из-
вѣстности будучи равенъ умомъ
(Домицію Афру), но совѣмъ
другой нравственности

видѣть все, что гдѣ-либо есть

Стран. 306, стр. 7 сверху стали <i>даваться</i>	стали <i>даваться</i>
Стран. 306, стр. 8, 9 сверху <i>никто, кто могъ гордиться чест-</i> <i>нымъ происхожденіемъ</i>	<i>никто, рожденный въ положеніи</i> <i>почетномъ</i>
Стран. 306, гл. 22, стр. 1 <i>свилось свѣтило</i>	<i>явилось свѣтило</i>
Стран. 306, строка 4 снизу, <i>самонадѣянное происшедшее</i>	<i>самонадѣянно (опротечиво) по-</i> <i>лучившее начало</i>
Стран. 306, строка 2 снизу <i>прозываемаго suflaqueum</i>	<i>прозываемаго sublaqueum</i>
Стран. 306, строка 1 снизу <i>и столь разбросанъ</i>	<i>и столь разбросанъ</i>
Стран. 307, строка 10 сверху <i>съ женою Антирією</i>	<i>съ женою Антистією</i>
Стран. 308, строка 9 сверху <i>вслѣдствіе пытки</i>	<i>вслѣдствіе пытки</i>
Стран. 308, строка 10 сверху <i>его соучастники</i>	<i>его соучастники</i>
Стран. 308, строка 6 снизу, <i>Прибыль Тигранъ</i>	<i>Прибыль Тигранъ</i>
Стран. 309, строка 11 сверху <i>старинный городъ Путеоме</i>	<i>старинный городъ Путеолы</i>
Стран. 309, строка 11 снизу <i>подвергались также возможности</i> <i>заплатить денежный штрафъ, ка-</i> <i>кой тѣ, которые</i>	<i>подвергались тому же денежно-</i> <i>му штрафу, какой платили тѣ,</i> <i>которые</i>
Стран. 310, строка 3 сверху <i>обнаружившій честолюбіе</i>	<i>обнаружилъ честолюбіе</i>
Стран. 310, строка 4 сверху <i>лестью присовокупилъ</i>	<i>лестью присовокупивъ</i>
Стран. 310, строка 7 сверху <i>достойнъ былъ состязаться</i>	<i>достойный состязаться</i>
Стран. 310 строка 3 снизу <i>жена Боодицея</i>	<i>жена Боодицея</i>
Стран. 311, стр. 7 и 16 сверху <i>Комалодунъ—въ Камалодунъ</i>	<i>Комулодонъ—въ Комулодунъ</i>
Стран. 311, строка 16 снизу <i>не болѣе 200, да и то</i>	<i>не болѣе 200 человекъ, да и то</i>

Стран. 312, строка 1 сверху
но имѣвшій очень большую

Стран. 312, строка 3 сверху

Не избрать ли тутъ мѣсто для
военныхъ дѣйствій,

Стран. 312, строка 12 снизу
а передъ флагами

Стран. 314, строка 3 снизу
Видели они

Стран. 315, стр. 9 и 10 снизу
чтобы какъ ниб. ускользнуть онъ
наказанія

Стран. 315, строка 6 снизу
осужденъ за клевету.

Стран. 316, стр. 10 снизу и д.
Можетъ быть—отнимаемы

но уже прибрѣтшій

Не здѣсь ли избрать мѣсто для
военныхъ дѣйствій;

а передъ флангами

Видѣли они

чтобы какъ нибудь приговоръ
осужденія сдѣлать недѣйстви-
тельнымъ

за ложное и злонамѣренное по-
казаніе

Прим. Нѣмецкій переводчикъ
Тацита Ротъ перевелъ это мѣ-
сто такъ: «не потому ли, что у
него было отцовское достояніе,
о которомъ онъ заключилъ до-
говоръ или наслѣдственный рабъ
у него отнять силою?» Мнѣ ка-
жется Ротъ ошибочно понялъ
это мѣсто; рабы Римскіе въ то
время не могли имѣть своей соб-
ственности; да и у *раба* какъ
могъ быть *рабъ*; да еще *наслѣд-
ственный*?

Стран. 316, строка 6 снизу
что думано

Стран. 317, строка 5 сверху
насъ предавать

Стран. 317, стр. 14 снизу

Но и изъ бѣжавшаго

Стран. 317, стр. 4 снизу

Валузіи и Африканъ

Стран. 318, стр. 10 и 11

Въ этомъ году освѣщенъ Неро-

что придумано

насъ предавать

Да вѣдь и изъ бѣжавшаго

Волузіи и Африканъ

Прим. перев. Въ Римѣ были

номъ гимназій и всадникамъ и сенату роздано масло съ тою готовностью, что у Грековъ

въ большомъ ходу тѣлесныя упражненія, соединенныя съ занятіемъ военною службою: по началу не было для того особенныхъ общественныхъ мѣстъ какъ въ Греціи, а тамъ были особенныя зданія называемыя *гимназіями*, гдѣ собирались молодые люди и занимались разнаго рода гимнастическими упражненіями болѣе для удовольствія и забавы, чѣмъ съ какою-либо похвальною цѣлью. Для борьбы, да и вообще для крѣпости, мазались они масличнымъ масломъ; его обыкновенно жертвовали богатые люди, а часто оно давалось и на общественный счетъ (отъ правительства); этимъ то и объясняется то, что Неронъ далъ масло съ тою готовностью что у Грековъ т. е.: и даромъ и щедро.

Стран. 318, стр. 13 снизу

Петъ Тризеа

Стран. 319, стр. 12 сверху

отвѣтствовало бы значительности

Стран. 319, стр. 14 сверху

исполненія и *тяжкаго*

Петъ Тризеа

отвѣтствовало бы значительности

исполненія и мягкаго (снисходительнаго)

Стр. 319, гл. 50, стр. 1 св. и 4 сн.

Всіенто

Стран. 319, гл. 50, стр. 3 снизу

эжечь

Стран. 319, стр. 6 снизу

предполагали *потому*

Стран. 320, стр. 1 сверху

о здоровіи—я чувствую

Стран. 326, стр. 1 сверху

сосредоточилъ на мнѣ

Всіенто

эжечь

предполагали потому

о здоровьи я чувствую

сосредоточилъ ты на мнѣ

Стран. 321, стр. 2 сверху

блалополучію

Стран. 321, стр. 5 сверху

на Матиленѣ

Стран. 321, стр. 11 сверху

извѣстность такъ, какъ по ви-
димому

Стран. 321, стр. 15 сверху

родясь, во всадническомъ

Стран. 321, стр. 21 снизу

А онъ устраиваетъ

Стран. 322, стр. 8 сверху

но въ этомъ же возрастѣ

Стран. 322, стр. 12, 13 сверху

не было недостатка — если приш-
лось

Стран. 322, стр. 15 сверху

сначала мое *дѣйство*

Стран. 322, стр. 14 сверху

но *что* требовало

Стран. 322, стр. 10, 11 снизу

честь и силу твою окружить
приличными издержками

Стран. 322, стр. 3 снизу

а отъ *навыки* приобрѣтшій

Стран. 324, стр. 7 снизу

удаливъ отъ себя жену Октавію

Стран. 326, гл. 62 стр. 4 сверху

да и допросамъ горничныхъ

благополучію

на Митиленѣ

вслѣдствіе того, что повиди-
мому

родясь во всадническомъ

А не онъ-ли (этотъ самый умъ)

но въ томъ уже возрастѣ

не было бы недостатка — если
бы пришлось

сначала мое дѣйство

но — и этого требовало

не долженъ-ли ты меня удер-
живать и, подерѣшивъ какъ
человѣка, которому содѣйствіе
очень нужно, вестъ впередъ съ
большою энергіею

а отъ *навыка* приобрѣтшій

и не удалишь отъ себя жену
Октавію. *Ротъ*, это мѣсто по-
нялъ иначе. Онъ полагаетъ, что
послѣ словъ *зачѣмъ* въ текстѣ
пропускъ и продолжаетъ послѣ
точекъ: и теперь бесполезно; онъ
Неронъ готовится — ускорить со-
единеніе съ Пoppеею и т. д.

да и допросомъ горничныхъ

- Стран. 327, гл. 64, стр. 6 сверху
общей (ей съ Нерономъ) Герма-
ники
- Стран. 327, стр. 6 снизу
общественнаго *дѣйствія*
- Стран. 329, стр. 11 сверху
въ Бенсвентѣ
- Стран. 329, стр. 13 сверху
Тарквата Силана
- Стран. 329, стр. 16 сверху
бѣдствіе отъ огня пожигаетъ
- Стран. 329, стр. 6 снизу
Преторія Субрій
- Стран. 330, стр. 15 сверху
за тѣмъ Лукани
- Стран. 330, стр. 10 снизу
М. Лицинія Красса
- Стран. 330, стр. 8 снизу
Между тѣмъ царь Паревъ Во-
логезъ, узналъ
- Стран. 331, стр. 4 сверху
неудовольстіемъ
- Стран. 331, стр. 6 снизу
въ пренебреженіи лучшимъ изъ
людей
- Стран. 332, стр. 14 снизу
озлобились въ своихъ расчетахъ
- Стран. 333, гл. 6, стр. 5 сверху
должна была *прекратиться*
- Стран. 333, стр. 9 снизу
Каппадоковъ
- Стран. 334, стр. 3 сверху
какъ упоминалъ
- Стран. 334, гл. 8, стр. 1
недостаточно еще укрѣпивъ зим-
нія квартиры
- Стран. 334, гл. 8, стр. 7 св.
еслибы онъ сѣумѣлъ пользоваться
- общій (ей съ Нерономъ) родъ
Германиковъ
- общественнаго бѣдствія
- въ Бенсвентѣ
- Торквата Силана
- бѣдствіе отъ огня постигаетъ
- Преторія Субрій
- за тѣмъ Лукана
- М. Лицинія Красса
- Между тѣмъ, царь Паревъ, Во-
логезъ узналъ
- неудовольствіемъ
- въ пренебреженіи лучшимъ изъ
людей
- ошиблись* въ своихъ расчетахъ
- должна была прекратиться
- Каппадоковъ
- какъ я упоминалъ
- не довершивъ еще укрѣпленія
зимнихъ квартиръ
- если бы вождь сѣумѣлъ пользо-
ваться

Стран. 334, гл. 8, стр. 1 сн.
къ концу въ пышныхъ выраже-
ніяхъ

Стран. 335, строка 12 сверху
если бы онъ хотѣлъ

Стран. 336, гл. 12, стр. 4 сверху
въ область Коммагену

Стран. 337, строка 10 снизу
что какъ только принадлежитъ

Стран. 337, строка 6 снизу
отъ облежанія

Стран. 338, строка 9 сверху
ввѣчныхъ животныхъ

Стран. 339, строка 6 сверху
обоихъ ноего

Стран. 339, строка 14 сверху
незатрудненную въ движеніи

Стран. 340, гл. 20, стр. 7
проконсуламъ

Стран. 340, строка 8 снизу
прибегнемъ къ рѣшенію

Стран. 340, строка 6 снизу
которымъ мы нисколько, не из-
мѣняя

Стран. 341, гл. 22, стр. 6 св.
проконсуламъ

Стран. 341, строка 11 снизу
даль даже

Стран. 342, строка 6 сверху
выраженіе Цезаря

Стран. 342, гл. 24, стр. 7 св.
послѣ Пэта и

Стран. 343, гл. 26, стр. 2 сн.
и онъ то военному человѣку

Стран. 344, строка 8 сверху
выспросилъ перемиріе

Стран. 344, гл. 28, стр. 5 сн.
въ почетъ ему

Стран. 344, гл. 23, стр. 2 сн.
не замѣдилъ и Корбулонъ

къ концу—въ пышныхъ выра-
женіяхъ

если бы онъ захотѣлъ

въ область Коммагену

и что намъ только принадлежитъ

отъ облежанія

ввѣчныхъ животныхъ

обоихъ ничего

не затрудненною въ движеніи

проконсуламъ

прибѣгнемъ къ рѣшенію

которымъ мы—нисколько не из-
мѣняя

проконсуламъ

даль тоже

выраженіе Цезаря

послѣ—Пэта и

и оно то военному человѣку

выспросилъ перемиріе

въ почетъ ему

не замѣдилъ и Корбулонъ

- Стран. 345, строка 7 сверху
 народамъ чѣмъ, иначе какъ не
 Стран. 346, строка 2 сверху
 еъ пренебреженіемъ
 Стран. 346, строка 12 сверху
 все это наполнили
 Стран. 346, гл. 34, стр. 6 св.
 воздавая благодарственность богамъ
 Стран. 346, строка 9 снизу
 Торкватъ Силанъ
 Стран. 348, строка 8 сверху
 а когда наступилъ сумерокъ
 Стран. 349, строка 3 снизу
 строеніяхъ Эмилианскихъ
- Стран. 350, строка 3 сверху
 поларазрушенныхъ
 Стран. 350, строка 7 сверху
 построенные Сервіемъ Тулліемъ
 Лунъ
 Стран. 351, стр. 12, 13 св.
 камнемъ Гобинскимъ—такъ какъ
 онъ
 Стран. 352, строка 1 сверху
 въ Иудеи
 Стран. 352, строка 6 сверху
 человѣческому роду
 Стран. 353, стр. 14—15 св.
 подлѣ дороги родился теленокъ,
 у котораго голова была будто
 быдлѣшка
 Стран. 354, гл. 50, стр. 4 и 5 св.
 Туллія Сенеціона—Вулкація Ара-
 рика, Юлія Шугурина
 Стран. 354, строка 14 снизу
 Венетъ Павиль
 Стран. 356, строка 11 сверху
 консула Вестана
 Стран. 358, строка 12 сверху
 тоже время
- народамъ чѣмъ иначе, какъ не
 еъ пренебреженіемъ
 все это наполнило
 воздавая благодарность богамъ
 Торкватъ Силанъ
 а когда наступилъ сумракъ ночи
 строеніяхъ Эмилианскихъ, состав-
 лявшихъ собственность Тигеллина
 поларазрушенныхъ
 построенные Сервіемъ Тулліемъ
 Лунъ
 камнемъ Габинскимъ—который
 недоступенъ огню
 въ Иудеѣ
 человѣческому роду
 подлѣ дороги найденъ теленокъ,
 у котораго голова была будто-
 бы у ноги
 Клавдія Сенеціона, Вулкація Ава-
 рика, Юлія Авгурина
 Венетъ Павль
 консула Вестина
 тоже время

Стран. 358, строка 2 снизу
чувствительно боли

Стран. 360, строка 4 сверху
а чѣмъ болѣе

Стран. 360, стр. 5 сверху
разврата обнажить мечь

Стран. 361, гл. 61, стр. 3 сверху
извинился состояніемъ

Стран. 364, стр. 13 сверху
недолго не думая

Стран. 364, стр. 15 сверху
поручена *Всіану* Нигру

Стран. 368, стр. 5, 6, 8 и 10 сн.
Вестана—Вестаномъ—Вестану
—Вестанъ

Стран. 364, стр. 2 снизу
на истинѣ, оставили

Стран. 365, стр. 1 св. и 9,
10 сверху

Вестанъ—Вестана—Вестанъ

Стран. 365, гл. 70, стр. 2 сверху
тотъ, когда текла кровь, онъ
замѣтилъ

Стран. 366, стр. 14 сверху
нѣкогда былъ мужемъ *Помпей*

Стран. 366, стр. 17 сверху
Клувидіену *Квіету*

Стран. 366, стр. 9 снизу
Нимеридію даны

Стран. 367, стр. 9 сверху
Юнія Галліана

Стран. 367, гл. 74, стр. 4 и 5
сверху

игры Цирценскія и Церсальскія

Стран. 367, гл. 74, стр. 6 сверху
долженъ былъ *получать* про-
званіе

Стран. 368, стр. 10 снизу
Тразея *Пету*

чувствительно къ боли

а тѣмъ болѣе

разврата не обнажить ли мечь?

извинился состояніемъ

но долго не думая

поручена *Всіанію* Нигру

Вестина—Вестиномъ—Вестину
—Вестинъ

на истинѣ, оставляли

Вестинъ—Вестина—Вестинъ

тотъ, когда текла кровь и онъ
замѣтилъ

нѣкогда былъ мужемъ *Помпей*

Клувидіену *Квіету*

Нимфидію даны

Иннія Голліона

игры въ циркѣ по случаю празд-
нества въ честь *Цереры*

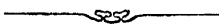
долженъ былъ получить прозваніе

Тразея *Пету*

Стран. 368, стр. 4 снизу	малочисленности сенаторовъ
<i>малочисленности</i> сенаторовъ	
Стран. 368, стр. 3 снизу	Осторій—Бареса Сорана
Осторій—Баресъ	
Стран. 369, гл. 1, стр. 4 сверху	въ надежду
въ надежду	
Стран. 370, стр. 7 сверху	Бассъ изрыль свое поле
Бассъ, перерыль свое поле	
Стран. 370, стр. 10 сверху	Наконецъ отказался
Наконецъ, отказавшись	
Стран. 372, стр. 14 сверху	занятаго болѣе важными прес-
занятаго болѣе <i>возможными</i>	тупленіями
преступленіями	
Стран. 373, стр. 6 сверху	лишь бы не умереть
лишь бы не <i>умереть</i>	
Стран. 373, стр. 2 снизу	оттого отпущенъ
оттого <i>отпущенъ</i>	
Стран. 374, стр. 11 сверху	оплакиваемые женами и дѣтьми
оплакиваемы <i>е же нами</i> и дѣтьми	
Стран. 373, стр. 4 снизу	сокровенное будущее изложенное
сокровенно будущее таинствен-	таинственнымъ
нымъ	
Стран. 375, стр. 7 сверху	завѣщаніе Осторія
завѣщаніе <i>Тигеллина</i>	
Стран. 386, стр. 1 сверху	наслажденіяхъ
<i>наслажденій</i>	
Стран. 377, стр. 7 сверху	много энергіи и показалъ себя
много энергіи и въ урвень этой	въ урвень этой дѣятельности
дѣятельности	
Стран. 377, стр. 10 сверху	тотъ (Неронъ) находилъ
<i>онъ</i> находилъ	
Стран. 377, стр. 13 сверху	Такимъ образомъ обращается
Вскѣдствіе этого обращается онъ	тотъ (Тигеллинъ) къ жестокости
къ жестокости	
Стран. 377, гл. 19, стр. 2 сверху	и Петроній велѣдъ за нимъ до-
Петроніи и дошелъ до Кумъ,	шелъ до Кумъ, но тутъ былъ
но тутъ былъ задержанъ; Пет-	задержанъ; онъ
роній	
Стран. 377, гл. 19, стр. 4 сверху	надрѣзанныя жилы
<i>но</i> надрѣзанныя жилы	

Стран. 377, гл. 19, стр. 8 сверху оо легкія стихотворенія	а легкія стихотворенія
Стран. 381, гл. 27, стр. 3 сверху одѣтыхъ во тоги	одѣтыхъ въ тоги
Стран. 381, гл. 27, стр. 8 сверху будто бы они не пренебрегаютъ	будто бы они пренебрегаютъ
Стран. 381, стр. 12 сверху высказался измѣнникомъ и гос- темъ	высказался измѣнникомъ и вра- гомъ государства
Стран. 383, стр. 3 снизу обвинителямъ <i>Епрію</i> и	обвинителямъ <i>Епрію</i> и
Стран. 384, строка 6 сверху Домицій <i>Цицеліонъ</i>	Домиціанъ <i>Цециліанъ</i>
Стран. 384, стр. 6 снизу дѣлаемъ <i>возливаніе</i> Юпитеру	дѣлаемъ <i>возліаніе</i> Юпитеру

Другія менѣ важныя ошибки мы оставили безъ вниманія какъ неизмѣняющія смыслъ рѣчи. Также просимъ читателя не обращать никакого вниманія на знаки « » такъ какъ они очень часто поставлены ошибочно совсѣмъ не кстати.

К. КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА

ОТЪ КОНЧИНЫ БОЖЕСТВЕННАГО АВГУСТА

ЛѢТОПИСИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Содержаніе книги: Глава 1. Римскихъ дѣлъ положеніе до Августа.—2. Хитрая его политика и способы упрочить власть.—3. Разные Августомъ назначенные ему преемники.—4. Положеніе дѣлъ и ощущенія гражданъ при Августѣ. Сужденія о его наслѣдникахъ.—5. Болѣзнь Августа, кончина его скрыта. Призванъ къ наслѣдству Тиберій.—6. Умерщвленіе Постумія Агриппы.—7. Римъ готовъ раболѣнствовать. Присяга на вѣрность повому Государю.—8. Завѣщаніе Августа и особенныя почести при его погребеніи.—9. Сужденія объ Августѣ и въ ту и въ другую сторону.—10. Послѣдующія сужденія.—11. Тиберій хитро отказывается отъ верховной власти, но сенатъ пристаеъ къ нему. Отчетъ о положеніи государства.—12. На Азинія раздраженъ Тиберій, а потомъ 13. ту же немплость навлекаютъ на себя Аррунтій, Гатерій и Скавръ.—14. Лестъ сената въ отношеніи къ Ливію, се умѣряетъ Тиберій.—15. Возстаніе Папнионскихъ легіоновъ восьмага, девятаго, пятнадцатаго; виновникъ его Перценній.—16. Возмутительныя его рѣчи,—17. Непстоветвуютъ войны; ихъ успокоить старается Блезъ.—18. Посольство къ Государю.—19. Усиливается возмущеніе.—20. Блеза тщетныя усплія.—21. Блеза тщетныя усплія.—22.

Едва не гибнетъ онъ жертвою мнимаго преступленія Вибуллена.—23. Военные трибуны прогнаны. Луцилій убить.—24. Друзъ отправленъ Тиберіемъ усмирить возмущеніе.—25. Онъ прочитываетъ посланіе Тиберія.—26. Отсрочиваетъ удовлетвореніе требованій воиновъ, что тѣ встрѣчаютъ криками.—27. Волненіе разгорается все сильѣе. Опасное положеніе Лентуллы.—28. Затмѣніе луны устрашаетъ возмутившихся и этимъ случаемъ пользуется Друзъ.—29. Ожесточеніе воиновъ мало по малу прекращается.—30. Зачинщики возмущенія казнены, а легіоны возвращены на свои зимнія квартиры.—31. Начинается возмущеніе, еще болѣе важное, десяти Германскихъ легіоновъ.—32. Жестокость къ сотникамъ. Замѣчательное дѣло Херея.—33. Цезарь Германикъ спѣшитъ къ легіонамъ изъ Галліи.—34. Убѣждаетъ ихъ быть вѣрными.—35. Тѣ излагаютъ свои жалобы; нѣкоторые предлагаютъ дать ему верховную власть, но онъ упорно отказывается.—36. Ищетъ средствъ помочь бѣдѣ.—37. Предлагаютъ отставку и деньги и такъ мало по малу волненіе подавлено.—38. Возмущаются значконосцы, но ихъ силою усмиряетъ Менній.—39. Снова возстаніе въ первомъ и двадцатомъ легіонахъ. Воины грозятъ Цезарю насиліемъ, а Планку смертью.—40. Германикъ, отпустивъ сына и жену 41. вынуждаетъ воиновъ къ раскаянію.—42. 43. Говоритъ имъ краснорѣчивое слово.—44. Перейдя къ другому образу мыслей, воины требуютъ сами себѣ наказанія; виновниковъ сами предають казни; назначены новые сотники.—45. Противъ тѣхъ, которые оставались въ волненіи, готовится сила.—46. Безпокойные слухи въ городѣ.—47. Тиберій притворно собирается въ путь.—48. Угрозы Германика.—49. Воины истребляютъ сами тѣхъ, кто ихъ возмущалъ.—50. Желая загладить свое безумство, идутъ противъ непріятеля. Подавлены Марсы.—51. Разрушенъ храмъ Танфаны. Неудача коварнаго умысла засады на обратномъ пути.—52. Тиберій не отъ чистаго сердца хвалитъ Германика.—53. Юліи смерть и нравственность. Гракхъ убить.—54. Уч-

реждается общество Августаловъ. Смуты актеровъ.—55. Въ слѣдующемъ году набѣгъ на Каттовъ. Арминій, Сегестъ.—56. Катты, застигнутые въ раслохъ, подавлены. Маттій преданъ пламени.—57. Осажденнаго Сегеста освобождаетъ Германикъ. Жена Арминія взята въ плѣнъ.—58. Рѣчь Сегеста. Съ нимъ и его семействомъ ласково обращаются.—59. Арминія ругательства на Сегеста и Римлянъ.—60. Возстаніе Херусковъ и другихъ народовъ. Бруктеры разбиты.—61. Памятники бѣдствія Вара.—62. Останки погибшихъ въ немъ преданы погребенію къ неудовольствію Тиберія.—63. Сраженіе съ Арминіемъ.—64. На Цеппу въ неблагопріятной мѣстности нападаетъ Арминій, но тотъ остается безстрашнымъ.—65. Войны пришли въ оцѣпененіе. Зловѣщій сонъ Цецины. Римляне почти разбиты.—66. Паническій страхъ, но онъ подавленъ.—67. Совѣщаніе Цецины объ отступленіи.—68. Счастливая вылазка. Пораженіе Германцевъ.—69. Заботы Агриппины о томъ, что относится къ дѣятельности мушны оскорбляютъ Тиберія.—70. Легіоны переведены назадъ съ опасностью морскимъ проливомъ.—71. Сегимеръ изъявилъ покорность и принять.—72. Притворная скромность Тиберія. Возстановленъ законъ объ оскорбленіи величія, и 73. приложение ему сдѣлано относительно лицъ, самихъ незначительныхъ; явилась язва доносчиковъ.—74. Марцеллъ потребованъ на судъ какъ оскорбитель величества. Неосторожно высказалъ Тиберію свое раздраженіе противъ него.—75. Щедрость Тиберія.—76. Наводненіе Тибра. Облегчено положеніе Ахаіи и Македоніи. Игры, данныя Друзомъ.—77. Своеволіе сцены сдержано.—78. Храмъ Августа. Сотая часть.—79. Очистили воду Тибра.—80. Почему Тиберію рѣдко мѣнялъ управителей.—81. Замѣшательство при производствѣ выборовъ.

Все это дѣлалось почти въ теченіи двухъ лѣтъ въ консульства:

Секста Помпея и Секста Апулея,
Нерона Клавдія Друза Цезаря и К. Норбана.

1. Городомъ Римомъ сначала владѣли цари. Вольность и консульство установилъ Брутъ. По временамъ прибѣгали къ диктатурѣ и власть децемвировъ не могла устоять больше двухъ лѣтъ, и не долго имѣла силу консульская власть военныхъ трибуновъ. Не продолжительны были господства Цинны и Суллы и могущество Помпея и Брасса скоро обратились въ пользу Цезаря, а войны между Лепидомъ и Августомъ окончились Августомъ: ентъ то все, утомленное междуусобными раздорами, принялъ подъ свою власть съ именемъ *перваго* (въ государствѣ), главы государства. Но древняго народа Римскаго все, что было съ нимъ и счастливаго и неблагополучнаго, предано памяти знаменитыми писателями; для описанія времени Августа не было недостатка въ свѣтлыхъ умахъ, пока вкравшаяся лезть не заставила ихъ отвернуться. Дѣла Тиберія, Каія, Клавлія и Нерона, пока они процвѣтали, подъ вліяніемъ страха, передавались ложно; а когда они исчезли, то повѣствованіе о нихъ составлено подъ вліяніемъ еще свѣжей ненависти. Вслѣдствіе этого— мысль моя: немногое передать о послѣднемъ времени Августа, за тѣмъ господство Тиберія и прочее: безъ гнѣва и пристрастія, коихъ побужденія чужды для меня.

2. Послѣ того, какъ съ уничтоженіемъ Брута и Кассія не оставалось уже болѣе и вооруженныхъ силъ за общественное дѣло, Помпей у Сициліи подавленъ, у Ленида отнято все, Антоній убитъ и даже партія Юліанской (приверженцевъ Юлія Цезаря) не осталось другаго вождя кромѣ Цезаря. Сложивъ названіе триумвира, онъ выставлялъ себя консуломъ и для защиты черни довольствовался правомъ трибунскимъ. Обольстивъ воиновъ подарками, народъ раздачами хлѣба, а всѣхъ сладостію покоя, мало по малу началъ воздыматься, и себѣ присвоивать обязанности сената, сановниковъ, законовъ, безо всякаго противудѣйствія. Люди самые энергичные пали или на полѣ битвы или жертвою гоненія; остальные аристократы, чѣмъ болѣе готовности высказывали къ рабству, тѣмъ щедрѣе осыпавы были почестями и богатствами и обязанные своимъ возвышеніемъ новому положенію дѣль, предпочитали готовое и безопасное прежнему и сопряженному съ опасностью. Да и области не отвергали такого положенія дѣль: подозрительна стала для нихъ власть сената и народа, вслѣдствіе раздоровъ между властями и корыстолюбія правителей; помощь закона оказывалась безсильною и они затемнялись подъ вліяніемъ силы, просьбъ и наконецъ денегъ.

3. Впрочемъ Августъ, какъ помощниковъ власти, возвысилъ Клавдія Марцелла, сына сестры и почтилъ находившагося еще въ ранней

молодости М. Агриппу, происхожденія незнатнаго, но добраго товарища военной службы и побѣдъ—повтореннымъ консульствомъ. Велѣдъ за тѣмъ по смерти Марцелла, взявъ въ зятя Тиберія Нерона и Клавдія Друза пасынковъ, увѣнчалъ титуломъ императоровъ; въ то время семейство его еще было цѣло, такъ какъ онъ родившихся отъ Агриппы Каія и Люція ввелъ въ семейство цезарей; ихъ, еще не сложившихъ съ себя дѣтской одежды, задушевныхъ желаніемъ его было почтить названіемъ *первыхъ мужъ юношества* и добиться назначенія ихъ консулами, хотя по видимому онъ отказывался. Когда Агриппа оставилъ жизнь, Л. Цезаря на дорогѣ къ войску въ Испаніи, а Каія на обратномъ пути изъ Арменіи, слабago отъ раны, похитила смерть ранняя или по волѣ судьбы или вслѣдствіе коварства мачихи Ливіи. А такъ какъ Друзъ умеръ еще прежде, то Неронъ одинъ оставался изъ пасынковъ. На него обратилось все: сынъ, соправитель власти, приобщается раздѣлить власть трибуна, показывается всѣмъ войскамъ и уже не тайными, какъ прежде уловками матери, но явно убѣжденіями. Старика Августа опутала она до того, что единственнаго внука—Агриппу Постума, онъ выбросилъ на островъ Планазію, человѣка—это правда—грубаго, недоступнаго изящнымъ искуствамъ, глупо хваставшагося силою физическою, но не уличеннаго ни въ какомъ преступленіи. Германика же, происходившаго отъ Друза, поставилъ начальникомъ надъ восемью легіонами у Рейна и приказалъ Тиберію усыновить его; хотя въ домѣ Тиберія и былъ сынъ юноша, но для того, чтобы опираться на большее число помощниковъ. Войны въ то время не оставалось никакой, кромѣ противъ Германцевъ; да и ту вели для того, чтобы загладить позоръ, понесенный вслѣдствіе потери войска вмѣстѣ съ Квинтиліемъ Варомъ, чѣмъ отъ желанія распространить границы владѣній или другаго достойнаго вознагражденія. Дома дѣла были покойны; должностныя лица носили все прежнія названія: молодое поколѣніе возрасло уже послѣ Актійской побѣды, да и большая часть стариковъ родились во время междуусобныхъ войнъ. Много ли оставалось такихъ, которые видѣли дѣло общественное (республику) невредимымъ?

4. Всѣ, утративъ равенство, дожидались велѣній главы государства, въ настоящемъ не было никакого опасенія, пока Августъ еще въ силахъ возраста, поддерживалъ себя и домъ свой и спокойствіе. Но съ приближеніемъ старости утомилось тѣло отъ болѣзней, близокъ былъ конецъ и новыя надежды. Не многіе толковали на вѣтеръ о благахъ свободы; многіе опасались войны;

иние ея желали. Огромное большинство въ разнообразныхъ толкахъ разсуждали о предстоявшихъ властителяхъ: «суровый Агриппа, раздраженный понесеннымъ безчестіемъ ни возрастомъ своимъ, ни опытною въ дѣлахъ неспособенъ вынести такіа тяжелыя обязанности. Тиберій Неронъ зрѣлъ лѣтами, приобрѣлъ «извѣстность на войнѣ, но гордъ тою древнею и врожденною «въ семействѣ Клавдіевъ гордостью; много признаковъ жестокости, «хотя и сдвоенной, вырываются наружу. Онъ съ ранняго дѣтства «воспитанъ въ царствующемъ домѣ; еще въ молодости осыпанъ «консульствами, триумфами: даже и въ тѣ года, когда онъ, подъ «видомъ уединенія, находился въ ссылкѣ въ Родосъ, мысли его «обращены были только на раздраженіе, притворство и тайный раз- «вратъ. Тутъ же и женщина, слабая какъ и всѣ онѣ; нужно слу- «жить женщинѣ и кромѣ того двумъ молодымъ людямъ; пока они «гнетутъ общественное дѣло, а тамъ пожалуй и растащутъ».

5. Вотъ это и въ такомъ же родѣ толковали, а здоровье Августа становилось все хуже и нѣкоторые подозрѣвали преступленіе жены. Прощель слухъ, что за немного мѣсяцевъ предъ тѣмъ Августъ, съ избранными соучастниками и однимъ провожатымъ Фабіемъ Максимомъ, отправился въ Паназію навѣстить Агриппу. Много тамъ и съ той и съ другой стороны было слезъ и знаковъ расположенія; вслѣдствіе этого возникла надежда, что юноша возвратится подъ кровъ дома. Максимъ открылъ это супругѣ своей Марціѣ, а та Ливіѣ; извѣстился о томъ и Цезарь. Скоро послѣ того умеръ Максимъ (сомнительно искалъ ли онъ самъ себѣ смерти): на похоронахъ его слышались вопли Марціи, виновшей самое себя: въ томъ *«что она была причиною гибели мужа»*.—Какъ бы тамъ дѣло это ни было, Тиберій едва только вошелъ въ Иллирикъ, приглашается спѣшными письмами матери; не довольно вѣрно извѣстно, нашель ли онъ Августа у города Нолы еще живымъ, или бездыханнымъ; сильною стражею Ливія оградаила и домъ и дороги. Между тѣмъ распускаемы были вѣсти благопріятныя, пока съ принятіемъ всѣхъ мѣръ, какія требовали обстоятельства, молва принесла одновременно извѣстіе—о кончинѣ Августа и о томъ, что во главѣ дѣлъ сталъ Неронъ.

6. Первымъ преступленіемъ новаго владычества было убійство Постумія Агриппы; его ничего незнавшаго, обезоруженнаго, сотникъ съ духомъ самаго крѣпкаго закала едва dokonчилъ. Объ этомъ дѣлѣ Тиберій ничего не говорилъ передъ сенатомъ; прикрывался мнимымъ повелѣніемъ отца, которое будтобы онъ передалъ

трибуну стоявшему на стражѣ: «незамедлилъ бы онъ Агриппѣ нанести смерть, лишь только онъ окончитъ жизнь.» Безъ сомнѣнія много и весьма возмутительнаго высказывалъ Августъ въ жалобахъ на нравственность юноши, чѣмъ и достигъ утвержденія Сенатскаго декрета объ его ссылкѣ. Впрочемъ онъ никогда не былъ ожесточенъ до такой степени, чтобы рѣшиться на убійство кого либо изъ своихъ. Да и невѣроятно было—умертвить внука для безопасности пасынка. Гораздо ближе къ истинѣ, что Тиберій и Ливіа, первый отъ страха, а вторая подъ вліяніемъ ненависти, свойственной мачихѣ, поспѣшили убійствомъ молодаго человѣка имъ подозрительнаго и ненавистнаго. Когда сотникъ, по военному обычаю, доложилъ: «исполнено то, что онъ повелѣлъ», то Тиберій далъ отвѣтъ: «я ничего не приказывалъ, а о содѣянномъ надобно «отдать отчетъ сенату.» Когда объ этомъ узналъ Саллюстій Криспъ, (членъ тайныхъ дѣлъ), то онъ къ трибуну послалъ письменное приказаніе, внушалъ Ливіи не выводить на свѣтъ божій тайны семейныя, совѣты пріятелей, услуги воиновъ. Пусть Тиберій не ослабляетъ власти главы Государства, все отсылая къ сенату. Необходимое условіе власти—чтобы отчетъ, гдѣ только нужно, отдаваемъ былъ одному.

7. А въ Римѣ наперерывъ бросались въ рабство консулы, сенаторы, всадники. Чѣмъ кто знатнѣе, тѣмъ болѣе бралъ на себя притворства и спѣшилъ съ постнымъ лицомъ, какъ бы не обнаружить радость при кончинѣ главы государства и не быть печальнѣе должнаго; все тутъ было и слезы, и веселіе, и вопли, и лстивыя рѣчи. Консулы Секстъ Помпей и Секстъ Аппулей первые дали присягу въ вѣрности Тиберію Цезарю, а у нихъ Сеій, Страбонъ и К. Турраній—тотъ префектъ преторіанскихъ когортъ, а этотъ народнаго продовольствія; вслѣдъ за ними сенатъ, воины, народъ. Тиберій все начиналъ черезъ консуловъ, какъ бы при древнемъ порядкѣ общественномъ и не рѣшаясь властвовать. Даже самый указъ, коимъ сзывалъ сенаторовъ въ собраніе подписалъ въ силу власти трибунской, полученной при Августѣ. Указъ былъ въ немногихъ словахъ и смыслъ его крайне скромный: «намѣренъ спросить мнѣніе о почестяхъ родителю; самъ «отъ тѣла его не отходитъ, и изъ общественныхъ обязанностей только «эту взялъ на себя». Но по смерти Августа онъ какъ императоръ далъ *сигналъ* преторіанскимъ когортамъ: караулы, оружіе и прочее во дворцѣ; воины сопровождали его и на общественную площадь и въ засѣданіе сената. Письма къ войскамъ послалъ онъ такія, какъ бы верховная власть была уже утверждена за нимъ; ни въ

чемъ не обнаруживалъ нерѣшительности, кромѣ въ переговорахъ съ сенатомъ. Главная причина заключалась въ опасеніи, какъ бы Германикъ, въ рукахъ котораго находилось столько легионовъ, несчетныя вспомогательныя силы союзниковъ, удивительное расположеніе въ народѣ, не предпочелъ бы взять верховную власть, чѣмъ ее дожидаться. Имѣлъ въ виду (Тиберій) и славу: лучше быть избраннымъ и призваннымъ по требованію общественнаго дѣла, чѣмъ подкрасться при помощи женскихъ ухищреній и усыновленія, сдѣланнаго уже въ старости. Впослѣдствіи обнаружилось, что нерѣшительность была употреблена въ дѣло—узнать расположеніе умовъ первыхъ лицъ въ государствѣ; подмѣчая каждое слово, выраженіе лица—онъ скрывалъ это, какъ готовую улику преступленія.

8. Въ первый день собранія сената не позволилъ онъ (Тиберій) ни о чемъ толковать, кромѣ о послѣднихъ почестяхъ Августу, по его завѣщанію, внесенному дѣвицами Весталками, наслѣдниками назначены — Тиберій и Ливія. Ливія сопричислялась къ семейству Юліевъ съ именемъ Августы; во второмъ порядкѣ—внуки и правнуки, а въ третьемъ написалъ первыя лица въ государствѣ, по большей части ему ненавистныхъ, но изъ собственнаго тщеславія и рассчитывая на похвалу потомства. Завѣщаніе не превышало обыкновенныхъ размѣровъ; только народу и черни далъ сорокъ три милліона пятьсотъ тысячъ сестерцій, воинамъ преторіанскихъ когортъ каждому по тысячѣ, воинамъ легионовъ по 300, когортамъ гражданъ Римскихъ по 500 сестерцій. Тутъ спрошены мнѣнія о почестяхъ: изъ нихъ показались наиболѣе заслуживающими вниманія: «*похоронному шествію идти въ триумфальныя ворота*—мнѣніе Галла Азинія, чтобы впереди были несены заглавія изданныхъ Августомъ законовъ и названія побѣжденныхъ имъ народовъ»—мнѣніе Л. Аррунція. Мессала Валерій присовокупилъ: «чтобы каждый годъ возобновлялась присяга во имя Тиберія». На вопросъ Тиберія: «не по его ли порученію онъ высказалъ это мнѣніе?—Отъ себя выразилъ, отвѣчалъ онъ, да и въ томъ, что относится до дѣла общественнаго, онъ ничѣмъ мыслями не руководствуется кромѣ собственныхъ, если бы даже это было для кого нибудь и обидно». Только такого рода лести не доставало! Сенаторы единогласнымъ крикомъ требовали: «чтобы тѣло несть къ костру на плечахъ сенаторовъ». Въ надменной умѣренности Цезарь призналъ это ненужнымъ и народу внушалъ объявленіемъ: «чтобы онъ какъ нѣкогда неумѣстною ревностью ознаменовалъ безпорядками похороны божественнаго Юлія, такъ и теперь пусть не желаетъ лучше тѣло

Августа предать огню на общественной площади, чѣмъ на Марсовомъ полѣ, мѣстѣ для того назначенномъ». Въ день похоронъ воины стояли какъ бы для обороны, подавая поводъ къ злымъ намекамъ тѣмъ, которые или сами видѣли или родители слышали о томъ днѣ еще несозрѣлаго рабства и вольности не въ добрый часъ вновь стяжанной, когда убитый Цезарь представлялъ для однихъ самое возмутительное, а для другихъ превосходнѣйшее дѣло: а теперь состарѣвшійся во владычествѣ глава государства, послѣ долговременнаго правленія, передавъ даже наслѣдникамъ силы въ дѣлѣ общественномъ, имѣлъ ли необходимость въ военномъ прикрытіи для того, чтобы ненарушено было спокойствіе его похоронъ.

9. Вслѣдствіе этого много было разговоровъ о самомъ Августѣ; для большей части служили предметомъ удивленія пустыя обстоятельства: «одинъ и тотъ же день былъ первымъ принятія власти, «и послѣднимъ—жизни; померъ онъ въ Нолѣ въ томъ домѣ и «даже спальномъ покоѣ, гдѣ отецъ его Октавій окончилъ жизнь; «толковали и о числѣ консульствъ, которыми онъ поровнялся вмѣстѣ «съ Валеріемъ Корвомъ и К. Маріемъ; тридцать семь лѣтъ не «прерывно облеченъ онъ былъ трибунскою властью; названіе императора дано ему двадцать одинъ разъ и другія почести или усилены для него или придуманы новыя». Люди умные въ сужденіяхъ о жизни Августа разнообразно и хвалили его и ставили ему многое въ вину. Первые: «уваженіе къ родителю и крайнія требованія «общественнаго дѣла, въ которомъ не было тогда никакого мѣста «законамъ, вынужденъ онъ былъ къ войнѣ междуусобной; ни изготovitъся къ ней ни вести ее невозможно же было все безукоризненными средствами. Во многомъ онъ вынужденъ былъ уступить «Антонію, мстя убійцамъ отца, во многомъ—Лепиду. А когда «этотъ послѣдній состарѣлъ въ бездѣйствіи, а тотъ погибъ жертвою своего расцутства, то для распадавшагося государства не «было другаго исхода кромѣ—быть управляемымъ властью одного. «Впрочемъ порядокъ общественный устроенъ—не царствомъ, и не «диктатурою, но подъ именемъ *перваго* (главы государства). Предѣлы имперіи ограждены океаномъ или отдаленными рѣками; легионы, провинціи, флоты—все представляло стройное цѣлое. Справедливость къ гражданамъ, умѣренность къ союзникамъ; самый городъ Римъ великолѣпно украшенъ; въ весьма немногихъ случаяхъ «употреблена сила, и то для доставленія спокойствія прочимъ».

10. Противъ этого возражали: «родственные чувства и обстоятельства общественнаго дѣла были взяты только предлогомъ; а на самомъ

«дѣлѣ страстно домогаясь власти подкупомъ поднялъ заслуженныхъ «воиновъ, будучи частнымъ человѣкомъ, и притомъ еще въ ранней «юности приготовилъ войско, подкупилъ легіоны консула и притворно «присталъ къ партіи Помпея. Вслѣдъ за тѣмъ когда, по опре- «дѣленію сената, получилъ ликторскіе пучки и право претора, съ «гибелью Гирція и Панзы (пали ли они жертвою непріятеля, или «Пензѣ въ рану подлить ядъ, а Гирція убили его воины, управ- «лялъ ковомъ Цезарь) присвоилъ себѣ оба войска; противъ воли «сената исторгъ онъ у него консульство и оружіе, врученное ему «противъ Антонія, обратилъ противъ порядка общественнаго; граж- «дане сдѣлались жертвою гоненій; послѣдовали раздѣлы земель, не- «заслужившіе похвалы даже отъ тѣхъ, которые ихъ брали. Конечно «гибель Кассія и Брута была возмездіемъ наслѣдственной вражды «(хотя и слѣдовало бы частными неудовольствіями жертвовать для «общественныхъ); но Помпей введенъ въ заблужденіе приманкою «мира, а Лепидъ—притворною дружбою. Послѣ того Антоній, опу- «станный Тарентинскимъ и Брундузинскимъ союзнымъ договоромъ «и бракомъ съ сестрою его, смертию заплатилъ за это коварное «родство. Затѣмъ конечно былъ миръ, но и тотъ обогранный кровью: «Лолліанское, Варіанское—пораженія; въ Римѣ убиты Варроны, «Егнаціи, Юлы». Не щадили его (Августа) и въ семейныхъ дѣ- «лахъ: «у Нерона уведена жена и въ насмѣшку спрошены перво- «священники: законно ли она выходитъ замужъ съ зачатымъ, но «еще не рожденнымъ плодомъ. Роскошь К. Педія и Ведія Пол- «ліона; наконецъ Ливія, тяжелая мать въ отношеніи дѣла обще- «ственнаго, а для семейства Цезарей невыносимая мачиха. Уже и «божествамъ не оставлено никакихъ почестей съ тѣхъ поръ, какъ «онъ захотѣлъ, чтобы его чтили храмами и божественными изобра- «женіями черезъ фламинговъ и жрецовъ. Да и Тиберій взялъ въ «наслѣдники не вслѣдствіе любви къ нему или заботы къ дѣлу «общественному, но такъ какъ онъ (Августъ) прозрѣвалъ его над- «менность и жестокость, то сравненіемъ худшаго домогался себѣ «славы.» И дѣйствительно Августъ за немного передъ тѣмъ лѣтъ, «требуя отъ сената снова Тиберію трибунской власти, хотя и къ «чести его говорилъ, но вставилъ кое что о его привычкахъ, пове- «деніи и нравственности, что какъ будто бы извиня ставилъ ему «въ вину. Впрочемъ по окончаніи обычномъ похоронъ, опредѣляются (Августу) храмъ и небесныя почести.

11. Обращены потомъ мольбы къ Тиберію. А онъ говорилъ въ разномъ смыслѣ: о громадной власти, о собственной скромности:

«одинъ умъ Августа способенъ былъ совладать съ такою тяжестью; «а онъ, призванный Августомъ раздѣлить часть заботъ—на опытъ узнать до какой степени зависитъ отъ воли судьбы все бремя правленія; а потому въ государствѣ, опирающемся на столькихъ знаменитыхъ людяхъ, пусть они всего не возлагаютъ на одного; большее число дѣятелей легче исполнить соединенными трудами обязанности къ общественному благу». Въ этихъ словахъ заключалось болѣе достоинства, чѣмъ чистосердечія. У Тиберія даже въ предметахъ, гдѣ не хотѣлъ употреблять скрытности, постоянно отъ природы ли или отъ привычки, выраженія были темны и двусмысленны. А въ то время онъ старался вовсе скрыть свои мысли, и тѣмъ болѣе вдавался въ неопредѣленность и двусмысліе. А сенаторы, подъ вліяніемъ единственнаго опасенія, какъ бы не показалось, что они поняли (истинный смыслъ словъ Тиберія) не щадили жалобъ, слезъ, обѣтовъ; простирали руки къ богамъ, въ изображенію Августа, къ колѣнамъ его самого. Тутъ онъ велѣлъ принести книжку и прочитать. Содержалось тамъ изложеніе силъ общественныхъ: сколько гражданъ и союзниковъ подъ оружіемъ, сколько судовъ морскихъ, царствъ, областей, налоговъ и пошлинъ, потребностей и издержекъ. Все это своею рукою переписалъ Августъ и прибавилъ совѣтъ—не распространять далѣе границъ владѣній, неизвѣстно, подъ вліяніемъ опасеній или зависти.

12. Когда сенатъ разсыпался къ самыхъ низкихъ выраженіяхъ преданности, Тиберій тутъ выразился: «что онъ, хотя не чувствуетъ себя подъ силу всему дѣлу общественному, но возьметъ на себя попеченіе о той его части, которая будетъ ему поручена.» Тогда Азиній Галлъ спросилъ его: «Цезарь, какую же часть общественнаго дѣла хочешь ты, чтобы была тебѣ поручена?» Пораженный неожиданнымъ вопросомъ, Тиберій нѣсколько времени хранилъ молчаніе: «считаетъ онъ несоотвѣтственнымъ своей скромности—выбирать что либо или избѣгать чего либо изъ того, отъ чего онъ предпочитаетъ уклониться совсѣмъ.» Снова Галлъ сталъ говорить (изъ лица замѣтилъ онъ, что Тиберій оскорбился): «не съ тѣмъ онъ и спросилъ, чтобы дѣлить то, что дѣленію недоступно, «но съ цѣлью вынудить и у него признаніе—что тѣло общественное едино и должно быть управляемо духомъ одного». Присоединилъ похвалу объ Августѣ, да и самому Тиберію напомнилъ его побѣды и то, что онъ въ тогѣ (въ мирное время) совершилъ прекраснаго въ теченіи столькихъ лѣтъ. Но и тѣмъ не смягчилъ его гнѣвъ, будучи еще прежде ему ненавистнымъ, такъ какъ онъ взялъ

въ супружество Випсанию, дочь М. Агриппы, бывшую нѣкогда женою Тиберія, домогался какъ бы большаго, чѣмъ частному человѣку слѣдовало бы и сдерживалъ энергію своего отца Полліона Азинія.

13. Послѣ Галла Л. Аррунцій своею рѣчью, немного отличавшеюся отъ рѣчи Галла, также оскорбилъ; хотя у Тиберія и не было никакого стариннаго неудовольствія съ Аррунціемъ, но онъ на него смотрѣлъ подозрительно какъ на человѣка богатаго, способнаго, съ лучшими наклонностями и соотвѣтственнымъ добрымъ мнѣніемъ общественнымъ. Августъ въ предсмертныхъ бесѣдахъ разсуждая о тѣхъ, которые отказались бы отъ перваго мѣста въ государствѣ, если бы имъ его предлагали, или желали бы занять его, будучи ему не подъ силу и которые и желали бы и были бы въ состояніи, сказалъ: «М. «Ленидъ способенъ, но смотреть на это съ пренебреженіемъ; Галлѣ «Азиній жадничаетъ, но слабъ; Л. Аррунцій не достоинъ и, если «представится случай, будетъ имѣть достаточно смѣлости». О первыхъ всѣ согласны, а вмѣсто Аррунція нѣкоторые передаютъ Кн. Пизона и всѣ, кромѣ Лепида, сдѣлались жертвою различныхъ обвиненій; такъ устроилъ Тиберій. Даже К. Гатерій и Мамеркъ Скавръ поразили его подозрительный духъ: Гатерій—словами: «доколѣ, Цезарь, потерпѣшь ты, что нѣтъ главы у государства?» а Скавръ сказавъ: «есть надежда, что мольбы сената не останутся безъ дѣйствія, такъ «какъ онъ (Тиберій) правомъ трибунской власти не воспротивился «докладу консуловъ». На Гатерія онъ тотчасъ же накинулся, а Скавра—и тѣмъ неумолимѣе было его раздраженіе, прошелъ молчаніемъ. Утомленный общими криками, упрашиваніями отдѣльныхъ личностей, мало по малу уступилъ и то, не сознавая что какъ будто бы принимаетъ власть, но переставъ отказываться и отпрашиваться. Достоверно извѣстно, что когда Гатерій съ просьбою вошелъ во дворецъ и упалъ къ ногамъ прогуливавшагося Тиберія, то едва не былъ убитъ воинами, потому что Тиберій упалъ случайно или запутавшись въ рукахъ Гатерія; но и опасностью такого человѣка не былъ нисколько тронуть, пока Гатерій не сталъ умолять Августа и только въ ея усерднѣйшихъ просьбахъ нашель себѣ защиту. Много лести сенаторами оказано и въ отношеніи Августы.

14. Одни предложили ей названіе *родительницы*, другіе—*матери отечества*; большая часть предложили къ имени Цезаря приписать *сынъ Юліи*. Тиберій замѣтилъ на это: «необходимо со- «хранять умѣренность въ почестяхъ женщинамъ и ту же умѣрен- «ность примѣнить онъ и къ тѣмъ, которыя ему оказываются». Впрочемъ тревожимый завистью и возвышеніе женщины принимая

какъ уменьшеніе собственнаго достоинства, даже не позволилъ ей назначить ликтора; а жертвенникъ усыновленія и другія подобныя почести воспретилъ. А для Германика Цезаря просилъ власти проконсульской, и отправлены къ нему послы сообщить ему объ этомъ и принести ему утѣшеніе въ печали по случаю кончины Августа. А почему такое же точно требованіе не было высказано относительно Друза, причиною было, что Друзъ былъ назначенъ консуломъ и самъ находился на лицѣ. Кандидатовъ претуры поименовалъ двѣнадцать—число, переданное Августомъ и на убѣжденія сената прибавить, клятвою обязался, что онъ изъ этого числа не выйдетъ.

15. Тутъ то въ первый разъ выборы съ Марсова поля переведены въ Сенатъ; а до этого дня хотя самое важное совершалось произволомъ главы государства, но все еще сколько нибудь значила и дѣятельность самихъ трибъ. Да если народъ и выразилъ сожалѣніе объ отнятомъ правѣ, только бесплодными толками и сенатъ, освободясь отъ подкуповъ и позорныхъ заискиваній, охотно согласился подъ руководствомъ Тиберія рекомендовать не болѣе четырехъ кандидатовъ, которые должны быть назначены безъ искательства и отказа. Между прочимъ трибуны народные просили—на собственный счетъ дать игры, которыя должны быть занесены въ календарь и, отъ имени Августа, носить названіе Августовыхъ. Деньги назначены изъ казначейства и дозволено имъ (трибунамъ) въ циркѣ носить одежду триумфальную; но ѣхать на колесницѣ не дозволено. Вслѣдъ за тѣмъ ежегодное празднованіе перенесено къ тому претору, которому принадлежитъ судебное разбирательство между гражданами и чужестранцами.

16. Въ такомъ положеніи находились городскія дѣла, когда возмущеніе овладѣло паннонскими легіонами; новыхъ причинъ никакихъ не было: перемѣна властителя обнадеживала на безнаказанность своеволія и даже на награды въ случаѣ войны междуусобной. Въ лѣтнихъ лагеряхъ находились вмѣстѣ три легіона подъ начальствомъ Юнія Влеза; онъ, услыхавъ о кончинѣ Августа и вступленіи Тиберія, или вслѣдствіе обычнаго прекращенія всѣхъ дѣлъ, или отъ радости, забылъ обычные подарки. Вслѣдствіе этого воины стали вольничать, заводить ссоры, охотно слушать рѣчи людей самыхъ дурныхъ, наконецъ домогаться наслажденій и спокойствія, а на дисциплину и труды смотрѣть съ пренебреженіемъ. Въ лагеряхъ находился пѣкто Церценій, пѣкогда начальникъ театральныхъ фигурантовъ, впоследствии рядовой воинъ, дерзкій на

языкъ и театральнымъ искусствомъ наученный составлялъ сходбища. Онъ умы неопытные и находившіеся въ сомнѣніи — каковы будутъ условія военной службы послѣ Августа, началъ мало по малу возбуждать въ бесѣдахъ ночныхъ или когда день уже клонился къ вечеру; тутъ уже лучшіе воины расходились и онъ выбиралъ что ни на есть хуже.

17. Наконецъ подготовивъ себѣ и другихъ двигателей возмущенія, онъ спрашивалъ ихъ, какъ бы говоря въ собраніи: «За-
«чѣмъ они на подобіе рабовъ повинуются немногимъ сотникамъ,
«а трибунамъ еще въ меньшемъ числѣ? Когда они дерзнуть тре-
«бовать облегченія, если не подѣйствуютъ на новаго и еще не
«утвердившагося государя или мольбами или оружіемъ? Довольно
«уже за столько лѣтъ наказаны они своею безпечностью, что ста-
«рики вынесли тридцать или сорокъ лѣтъ службы и большая часть
«съ изуродованнымъ отъ ранъ тѣломъ. Даже и для отпущенныхъ
«военная служба не кончается, но ихъ удерживаютъ подъ зна-
«менами и подъ другимъ названіемъ переносятъ они тѣ же труды.
«И если кому удастся преодолѣть столько случайностей жизни,
«то и за тѣмъ влекутъ ихъ въ различныя земли, гдѣ они полу-
«чаютъ подъ именемъ земель — трясины болотъ или невоздѣлан-
«ныя горы. Конечно военная служба сама по себѣ тяжела и без-
«плодна: десятью въ день ассами цѣнятъ душу и тѣло; изъ это-
«го — одежда, оружіе, палатки; изъ этого источника выкупаются
«и строгость сотниковъ, и отпуски отъ службы. Между тѣмъ по-
«боямъ и ранамъ, суровостямъ зимъ, упражненіямъ лѣтнимъ, же-
«стокой войнѣ или бесплодному миру — нѣтъ конца. И другаго
«облегченія не можетъ быть, если только военная служба не бу-
«детъ подчинена извѣстнымъ законамъ: — получать имъ каждому
«по динарію, чтобы шестнадцатый годъ приносилъ конецъ служ-
«бы и далѣе, чтобы ихъ подъ знаменами не задерживали, но что-
«бы въ тѣхъ же лагеряхъ награжденіе выплачивалось деньгамъ.
«Развѣ воины преторіанскихъ кагорть, получающіе по два дина-
«рія, послѣ шестнадцати лѣтъ службы возвращающіеся въ дома
«свои, переносятъ болѣе опасностей? Не унижаютъ они и город-
«ской службы; но сами у варварскихъ народовъ видятъ непріате-
«ля изъ своихъ палатокъ.»

18. Большинство криками выражало одобреніе подъ вліяніемъ разныхъ побужденій: одни негодовали на знаки побоевъ, другіе на свою сѣдину, а большая часть на изношенную одежду и обнаженное тѣло. Наконецъ дошли до такого неистовства, что задумали

три легіона смѣшать въ одинъ. Помѣхою имъ послужило соревнованіе, такъ какъ каждый домогался этой чести для своего легіона; на иное обратились и вмѣстѣ поставили трехъ орловъ и значки кагорть. Вмѣстѣ сносятъ дернъ и устраиваютъ возвышенное мѣсто, съ котораго виднѣе было бы кто тамъ сидѣть будетъ. Когда они такъ хлопотали, прибылъ Блезъ: онъ то ругаль, то удерживаль воиновъ, возглашая: «Лучше моею кровью обогрете руки; «легче преступленіе убить вашего начальника, чѣмъ изъявить ослушаніе Государю: или, оставаясь невредимымъ, удержу легіоны въ «вѣрности или умерщвленный ускорю ваше раскаяніе.»

19. Впрочемъ возвышеніе все росло и уже было въ грудь человѣка, но наконецъ войны уступая упорству Блеза, оставили намѣреніе. Блезъ говорилъ съ большимъ искусствомъ: «не черезъ «возмущенія и безпорядки Цезарь долженъ узнать о желаніяхъ «воиновъ. И ихъ предшественники отъ древнихъ военачальниковъ, «и сами они отъ божественнаго Августа не просили такихъ нововведеній; и не совсѣмъ своевременно обременять заботами только что начинающаго правленіе Государя. Но если бы они и пожелали попытаться въ мирное время того, чего не требовали «даже побѣдители въ междуусобныхъ войнахъ, то къ чему же «они, вопреки обычнаго повиновенія, вопреки уставамъ дисциплины, зымышляютъ насиліе? Пусть они назначать уполномоченныхъ «и при немъ выскажутъ имъ свои порученія.» Возгласили войны: «чтобы сынъ Блеза Трибунъ принялъ на себя это порученіе и «просилъ бы для воиновъ увольненія послѣ шестнадцати лѣтъ «службы. Остальныя порученія дадутъ они тогда, когда въ первомъ получатъ успѣхъ.» Съ отъѣздомъ молодаго человѣка водворилось до нѣкоторой степени спокойствіе; но войны гордились тѣмъ, что сынъ легата, сдѣлавшись ораторомъ (заступникомъ) дѣла общественнаго, достаточно обнаруживаль какъ уступку необходимости то, чего они прежде не могли добиться умѣренностью..

20. Между тѣмъ отряды, до начала возмущенія отправленные въ Навпортъ для устройства дорогъ, мостовъ и другихъ нужныхъ дѣлъ, услыхавъ о смутахъ въ лагеряхъ, свернули значки; разграбили окрестныя селенія и самый Навпортъ, представлявшій что то на подобіе городка: а сотниковъ, старавшихся ихъ удержать, преслѣдовали насмѣшками и ругательствами, а потомъ и побоями. Особенное раздраженіе было противъ Авфидіена Руфа, начальника лагерей; его, стащивъ съ повозки, нагружаютъ ранцами и гонятъ въ первомъ ряду, въ насмѣшку спрашивая: «охотно ли онъ несетъ такую

«большую тяжесть и по такимъ длиннымъ дорогамъ.» Этотъ Руфъ сначала былъ простымъ воиномъ, потомъ сотникомъ, сдѣлался начальникомъ лагерей, постоянно припоминалъ старинную строгость военной службы, самъ состарѣвшись отъ дѣятельности и трудовъ и тѣмъ былъ неумолимъ, что самъ на себѣ перенесъ.

21. Съ прибытіемъ ихъ возобновилось возмущеніе и, разсѣявшись по полямъ, они опустошали окрестности. Блезъ немногихъ, наиболѣе обремененныхъ добычею, въ видѣ угрозы прочимъ велѣлъ высѣчь розгами и залереть въ тюрьму. Въ то время легату оказывали еще повиновеніе сотники и лучшіе изъ простыхъ воиновъ. Тѣ сопротивлялись влекущимъ, обхватывали колѣна около стоявшихъ, поименно зывали къ каждому, то каждый къ той сотнѣ, въ которой служилъ воиномъ, то къ когортѣ, къ легіону, восклицая: «что одна и также участь угрожаетъ всѣмъ». вмѣстѣ съ тѣмъ осыпають ругательствами легата и призываютъ небо и боговъ въ свидѣтели. Однимъ словомъ не оставалось ничего болѣе къ возбужденію негодованія, состраданія, опасеній и раздраженія. Всѣ сбѣжались и, разломавъ тюрьму, расторгають оковы и примѣшиваютъ въ свою среду дезертировъ и осужденныхъ за уголовныя преступленія.

22. Вслѣдствіе этого возмущеніе запылало съ большею силою и вождей для него явилось гораздо болѣе. Нѣкто Вибуленъ, рядовой воинъ, передъ трибуланомъ Блеза поднятый на плечахъ окружающихъ, сказалъ воинамъ смущеннымъ и со вниманіемъ ждавшимъ что то онъ приготовилъ: «конечно въ этихъ невиннымъ и несчастнымъ возвратили «свѣтъ и дыханіе жизни; но кто возвратитъ брату моему жизньъ, а «мнѣ брата? Его, посланнаго къ вамъ отъ войска Германика, объ «общихъ нашихъ интересахъ, въ прошлую ночь закололъ черезъ своихъ гладіаторовъ, которыхъ онъ держитъ и вооружаетъ на по-«гибель воиновъ. Дай, Блезъ, отвѣтъ—куда ты бросилъ трупъ? «Даже враги не отказываютъ въ похоронахъ! Когда лобызаніями «и слезами изолью мое горе, то и меня прикажи умертвить; уби-«тыхъ же не за преступленіе какое либо, а за то, что мы забо-«тились о пользахъ легіоновъ,—они пусть похоронятъ».

23. Еще болѣе возбуждалъ онъ плачемъ, поражая руками грудь и лицо. За тѣмъ, оттолкнувъ тѣхъ, которые поддерживали его на плечахъ, онъ бросился на землю и припадая къ ногамъ каждаго изъ воиновъ, вызвалъ такое негодованіе и ожесточеніе, что часть воиновъ перевязала гладіаторовъ, которые находились на службѣ Блеза; часть—остальныхъ его домочадцевъ, а другіе разсѣялись отыскивать тѣло. И если бы въ скоромъ же времени не обнаружилось, что тѣла ни-

какого не найдено, а рабы, и среди мученій пытки отрицали убійство и оказалось яснымъ, что у него и брата то никогда не было, то легаты были бы на краю гибели. Впрочемъ выгнали трибуновъ и префекта лагерей; вещи бѣгущихъ разграблены и убитъ сотникъ Луциллій, которому въ солдатскихъ шуткахъ дали прозваніе: «давай другую», потому что онъ, сломавъ розгу на спинѣ воина, громкимъ голосомъ требовалъ другую, а за тѣмъ еще. Другіе скрылись по закоулкамъ; удержали одного Клементя Юлія, такъ какъ онъ по своему быстрому соображенію, считался способнымъ исполнять порученія воиновъ. Уже сами легіоны восьмой и пятнадцатый готовили другъ на друга оружіе, вслѣдствіе того, что первый требовалъ за смертную казнь сотника, по прозванію Сирпика, а воины пятнадцатаго легіона его защищали; но воины девятаго легіона вступились съ просьбами и гдѣ на послѣднія не обращали вниманія, то съ угрозами.

24. Слухъ объ этомъ побудилъ Тиберія, какъ онъ ни уединялся и ни старался скрывать въ особенности непріятныя извѣстія—отправить сына Друза съ знатнѣйшими лицами государства и двумя преторіанскими когортами. Онъ не снабдилъ ихъ никакими точными наставленіями; должны были они соображаться съ положеніемъ дѣлъ; а когорты сверхъ обыкновеннаго усилены отборными воинами. Прибавлена большая часть преторіанской конницы и вся сила Германцевъ, составлявшихъ въ то время стражу императора. Присоединенъ и начальникъ преторія Элій Сеянъ, товарищъ Страбона, его отца, имѣвшій сильное вліяніе на Тиберія, попечителемъ молодого человѣка, а для прочихъ руководителемъ къ опасностямъ и наградамъ. Когда Друзъ приблизился, то легіоны, какъ бы исполняя свою обязанность, вышли къ нему на встрѣчу, но не съ радостью какъ обыкновенно, и не блистая вооруженіемъ, а въ самомъ грязномъ видѣ и съ выраженіемъ лицъ, гдѣ подъ видомъ печали изображалась скорѣе дерзость.

25. Когда онъ перешелъ за окопы лагеря, у воротъ поставлены караулы; приказали отрядамъ вооруженныхъ воиновъ находиться въ извѣстныхъ мѣстахъ лагерей; остальные несмѣтною толпою окружаютъ трибуналъ. Друзъ стоялъ, рукою требуя молчанія: они, какъ только обращали глаза на свою многочисленность, издавали грозные звуки негодованія. При видѣ же Цезаря какъ бы трепетали. Пробѣгалъ неясный ропотъ: то дикіе крики, то вдругъ молчаніе; подъ вліяніемъ различныхъ стремленій души, то сами чувствовали страхъ, то старались внушить его. Наконецъ, когда

волненіе прервалось, онъ прочелъ письмо отца, въ которомъ было написано: «особенная ему забота о храбрѣйшихъ легионахъ, съ которыми онъ вынесъ много военныхъ компаній: какъ только духъ его отдохнетъ отъ горестной потери, то онъ доложить сенату объ ихъ требованіяхъ, а покажѣсть послалъ къ нимъ сына—безъ замедленія дать имъ то, что сейчасъ же можетъ быть исполнено; «остальное же надобно оставить до сената, который несправедливо было бы лишить слѣдующей ему доли и милости и строгости.»

26. Собраніе воиновъ отвѣтило: «что они поручили сотнику Клементу говорить за нихъ.» Тотъ началъ: «объ увольненіи послѣ шестнадцати лѣтъ службы; о наградахъ по ея окончаніи, чтобы каждый день жалованья давался динарій; заслуженныхъ воиновъ не держать подъ знаменами.» Когда Друзъ въ этихъ дѣлахъ ссылался на рѣшеніе сената и отца, то прервали его крики: «зачѣмъ же онъ пришелъ, если онъ не въ состояніи ни увеличить жалованье воиновъ, ни облегчить ихъ труды, наконецъ не имѣя воли ни на какое дѣйствіе въ ихъ пользу? Когда то и Тиберій имѣлъ обыкновеніе, ссылаясь на Августа, оставлять безъ исполненія желанія легионовъ. Къ такому же искусству обратился теперь Друзъ. Всегда ли къ нимъ будутъ приходить только молодые люди изъ семейства императора? Совершенная новость, что императоръ только то, что относится до пользы воиновъ—обращаетъ въ сенатъ, а въ такомъ случаѣ надлежало бы совѣтоваться съ сенатомъ каждый разъ, «когда назначаются казни или сраженія; или для награды есть хозяева, а въ наказаніяхъ каждый воленъ».

27. Затѣмъ они расходятся отъ трибунала, и если кто встрѣчался изъ преторіанскихъ воиновъ и пріятелей Цезаря, то они грозили имъ руками; причина раздора и начало военныхъ дѣйствій. Въ особенности негодовали они на Кн. Лентула: о немъ полагали, что онъ превосходя другихъ и лѣтами, и военною славою, поддерживаетъ Друза и съ пренебреженіемъ смотритъ на это своеволие воиновъ. Не много послѣ, когда онъ удалялся съ Цезаремъ и въ предвѣденіи опасности, направлялъ путь къ зимнему лагерю, они окружили его и спрашивали: «куда онъ идетъ? къ императору или къ сенаторамъ? Не для того ли, чтобы и тамъ дѣйствовать вопреки пользы легионовъ?» Съ такими словами они придвигаются, бросаютъ камни; уже исходя кровью отъ раны, нанесенной камнемъ и увѣренный въ гибели, онъ защищенъ толпою людей, прішедшихъ вмѣстѣ съ Друзомъ.

28. Ночь грозную и которая не обошлась бы безъ преступленія,

смягчила судьба. Луна при ясномъ вдругъ небѣ утратила свѣтъ. Воины, не зная причины, приняли это явленіе какъ предзнаменованіе того, что дѣлалось и сравнивали свои труды съ затмѣніемъ свѣтила: «благополучно все ихъ дѣло кончится, если только богинѣ возвратится сіяніе свѣта». Зазвенѣла мѣдь; лагерь огласился звукомъ трубъ и роговъ. Радость и печаль смѣнялись по мѣрѣ того, какъ свѣтило то становилось яснѣе, то темнѣло; а когда нашедшія облака совершенно скрыли его изъ виду и полагали, что оно исчезло во тмѣ, то умы, уже пораженные разъ и тѣмъ болѣе склонные къ суевѣрію горевали: «предвѣщается имъ вѣчный трудъ и ихъ преступленіямъ противны боги». Цезарь счелъ благоразумнымъ воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ и изъ представившейся случайности сдѣлать разумное употребленіе; онъ отдалъ приказаніе обойти всѣ палатки. Призывается сотникъ Клементъ и другіе, которые честными средствами пріобрѣли общее расположеніе; они втираются въ караулы, посты, къ часовымъ у воротъ, манятъ надеждами, грозятъ опасеніями. «Доколѣ будемъ держать въ осадѣ сына императора? Какой конецъ этой борьбы? Неужели Перценнію и Вибулену дадимъ мы присягу на вѣрность? Неужели Перценній и Вибулень будутъ платить воинамъ жалованье, заслуженнымъ раздавать земли? Наконецъ вмѣсто Нероновъ и Друзовъ—они будутъ домогаться власти надъ народомъ Римскимъ? Не лучше ли намъ, послѣднимъ въ преступленіи, быть первымъ въ раскаяніи! Медленно достается то, что требуется сообща; а частную милость тотчасъ можно заслужить, тотчасъ можно получить». Такіе разговоры произвели впечатлѣніе на умы и вкинули между воиновъ подозрѣніе, новонабранца разрознили отъ заслуженнаго воина и разстроили единодушіе легионовъ. Мало по малу водворилось расположеніе къ повиновенію: оставляютъ ворота; значки, въ началѣ возмущенія собранные въ одно мѣсто, относятъ туда, гдѣ они обыкновенно стояли.

29. Другъ съ наступленія дня позвалъ воиновъ на собраніе, хотя не мастеръ говорить, но съ природнымъ благородствомъ винить въ прежнемъ, одобряетъ настоящее, говоритъ: «что не подѣйствуютъ на него никакія застрашиванія и угрозы; если же онъ увидитъ, что они расположены къ умѣренности, услышитъ ихъ мольбы о прощеніи, то напишетъ отцу, чтобы онъ милостиво выслушалъ просьбу легионовъ». На ихъ мольбы о томъ къ Тиберію посланы: снова тотъ же Блезъ, Л. Апроній, всадникъ Римскій изъ когорты Друза и Юстъ Катоній, сотникъ перваго ряда. Затѣмъ произошла *

борьба мнѣній, одни полагали: «нужно подождать пословъ, а между тѣмъ снисходительностью смягчить воиновъ». Другіе полагали: «необходимо дѣйствовать болѣе сильными средствами. Для народа не годятся никакія полумѣры: грозитъ онъ, чтобъ самому не боатьяся; «безнаказанное пренебреженіе слѣдуетъ за нагнаннымъ страхомъ. «Пока еще дѣйствуетъ на нихъ суевѣріе, вождь обязанъ подѣйствовать на нихъ страхомъ и уничтожить виновниковъ возмущенія». Другъ отъ природы былъ расположенъ болѣе къ строгости: призвавъ Вибулена и Перценнія, приказалъ ихъ убить. По мнѣнію большинства, они зарыты въ самой палаткѣ вождя, а по другимъ свѣдѣніямъ ихъ тѣла выброшены за валъ нарочно на показъ.

30. Затѣмъ розысканы все главные виновники смутъ и частью, считаясь за лагерями, они убиты сотниками или воинами преторіанскихъ когортъ, а нѣкоторыхъ выдали ихъ же товарищи въ доказательство вѣрности. Заботы воиновъ увеличила очень ранняя зима, съ постоянными дождями и до того суровая, что невозможно было выходить изъ палатокъ, собираться и съ трудомъ могли собрать самые значки, которые уносимы были вихремъ или потоками воды. Продолжалось опасеніе небеснаго гнѣва: «не даромъ на ихъ преступленія затмѣваются свѣтила, обрушиваются непогоды». Другаго нѣтъ облегченія въ такихъ бѣдахъ, какъ оставить лагерь неблагополучный и оскверненный и, освободясь отъ кары небесной, возвратиться всею къ своимъ зимнимъ квартирамъ. Сначала возвратился восьмой, потомъ пятнадцатый легионъ. Девятый возглашалъ было: «надобно дожидаться писемъ Тиберія», но вслѣдъ затѣмъ огорченный удаленіемъ другихъ, угрожавшую необходимость предупредилъ добровольно. А Другъ, не дожидаясь возвращенія пословъ, такъ какъ настоящее положеніе дѣлъ было уже достаточно спокойнымъ, возвратился въ городъ.

31. Почти въ тѣ же самые дни и отъ тѣхъ же причинъ возмутились Германскіе легионы и ихъ волненіе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они были многочисленнѣе; не мало надѣялись они, что Германикъ Цезарь не будетъ въ состояніи выносить власть другаго и отдастся легионамъ, и они своею силою увлекли бы за собой все. У береговъ Рейна было два войска; верхнимъ начальствовалъ К. Силій, а нижнимъ А. Цецина. Главное начальство надо всею находилось у Германика, вниманіе котораго въ то время было сосредоточено на производствѣ въ Галліяхъ ценза или переписи. Легионы, которыми начальствовалъ Силій, въ нерѣшительномъ состояніи духа смотрѣли на возмущеніе другихъ. Воинами же нижняго

войска овладѣло неистовство; начало взяло оно отъ воиновъ двадцать перваго и пятаго легионовъ; они увлекли за собою первый и двадцатый легионы; они находились на однихъ и тѣхъ же лѣтнихъ помѣщеніяхъ, на границахъ Убіевъ или праздно, или въ легкихъ занятіяхъ. А потому, услыхавъ о кончивъ Августѣ, большинство воиновъ, молодежи только что произведеннаго въ городѣ набора, привыкшее къ своеволю, къ трудамъ необыкновенному, возбуждали грубые умы остальныхъ: «наступило время, въ которое заслуженные воины должны добиться своевременнаго увольненія, молодые люди—болѣе щедрого жалованья, а всѣ конца своихъ бѣдствій «и отмстить за жестокость сотниковъ». И это не одинъ, какъ среди Паннонскихъ легионовъ Перценній и не смущенному слуху воиновъ, обращавшихъ глаза на другія войска болѣе сильныя, но во множествѣ раздались крики и голоса возмущенія: «въ ихъ рукахъ участь Рима; своими побѣдами увеличиваютъ они государство; самыя императоры отъ нихъ заимствуютъ свое наименованіе».

32. Да и легатъ не сопротивлялся; безуміе большинства, не давало мѣста твердости. Вдругъ, прійдя въ неистовство, извлекши мечи, нападаютъ на сотниковъ (старинный источникъ ненависти для воиновъ и поводъ къ жестокости) поваливъ ихъ осыпаютъ ударами, шестьдесятъ на каждаго, чтобы поровнять съ числомъ сотниковъ. Затѣмъ они избитыхъ, истерзанныхъ и отчасти уже бездыханныхъ бросаютъ передъ валомъ или въ рѣку Рейнъ. Септимій убѣждалъ къ трибуналу и припадалъ къ ногамъ Цецины, но до тѣхъ поръ былъ сбченъ, пока не умеръ. Кассій Хереа, векорѣ послѣ того заслужившій память потомства убійствомъ К. Цезаря, въ то время цвѣтущій молодостью и силами, между противуставшихъ вооруженныхъ воиновъ проложилъ дорогу мечомъ. Съ тѣхъ поръ уже ни трибуну, ни префекту лагерей повинovenія оказываемо не было. Караулы, посты и все, въ чемъ потребность настоящаго указывала необходимость, они исполняли сами собою. Это у нихъ, воинскимъ духомъ заносившихся далеко, было главнымъ доказательствомъ волненія сильнаго и неукротимаго; не отдѣльно и не по побужденію немногихъ, но за одно молчали, за одно воспламенялись, съ такимъ постоянствомъ и единодушіемъ, какъ бы все это совершилось царскимъ произволомъ одного.

33. Между тѣмъ Германику, который, какъ мы сказали, занимался въ Галліяхъ переписью—цензомъ, приносятъ извѣстіе, что Августъ умеръ. Въ супружествѣ имѣлъ онъ внучку Агриппину и множество отъ нея дѣтей; а самъ, родясь отъ Друза, брата Ти-

берія, былъ внукомъ Августы, но озабоченъ тайнымъ недоброжелательствомъ къ себѣ дяди и бабки, а оно было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ несправедливѣе его побудительная причина. У народа Римскаго въ свѣжей еще памяти былъ отецъ Германика, Друзъ и было общее убѣжденіе, что если бы онъ достигъ верховной власти, то возвратилъ бы свободу; эта благосклонность народа и съ тою же надеждою обратилась на Германика. У молодого человѣка образъ мыслей былъ истиннаго гражданина, онъ былъ удивительно ласковъ со всѣми и наружною и рѣчью представлялъ совершенную противоположность Тиберію, надменному и скрытному. Присоединялась и свойственная женщинамъ способность легко всѣмъ оскорбляться, а чувство мачихи раздражало Ливію противъ Агриппины. Да и сама Агриппина была болѣе раздражительна, чѣмъ бы слѣдовало — и только ея скромность и любовь къ мужу — неукротимый ея духъ обращали на хорошее.

34. Но Германикъ чѣмъ ближе былъ къ осуществленію лучшихъ надеждъ, тѣмъ болѣе обнаруживалъ усердія за Тиберія. Ближайшихъ Секвановъ и города Белговъ заставилъ дать присягу на вѣрность ему. Оттого то онъ, услышавъ о возмущеніи легионовъ, тотчасъ же поспѣшилъ туда; они встрѣтили его внѣ лагерей съ глазами потупленными въ землю, какъ бы отъ раскаянія. Когда Германикъ вышелъ за лагерные окопы, начали раздаваться нескладныя жалобы. Нѣкоторые, схвативъ его руку, подъ предлогомъ поцаловать, вкладываютъ его пальцы въ ротъ, чтобы онъ ощупалъ челюсти, уже лишенная зубовъ: другіе показывали члены, стербившіеся отъ старости. Образовавшееся было собраніе, такъ какъ оно казалось смѣшаннымъ, распустилъ, велѣвъ воинамъ: «разойдитесь каждому къ своей ротѣ; такъ они лучше услышатъ отвѣтъ: впереди пусть несутъ значки, чтобы хоть по этому можно было различить кѣртты». Исполнено это приказаніе было съ неохотою. Тогда начавъ съ должной почести Августу, обратился къ побѣдамъ и торжествамъ Тиберія, осыпая особенными похвалами: «все, что онъ превосходнаго сдѣлалъ въ Германіяхъ съ этими легионами. Затѣмъ онъ хвалилъ *единодушіе Итали, вѣрность Галліи*». Нѣтъ нигдѣ смуть или несогласій.

35. Все это выслушано было въ молчаніи или съ умѣреннымъ ропотомъ. Коснувшись возмущенія, онъ спросилъ: «гдѣ же скромность, свойственная воинамъ? Гдѣ краса старинной дисциплины? Куда изгнали они трибуновъ, куда сотниковъ?» Всѣ обнажили свои тѣла, показывали съ упрекомъ рубцы: отъ ранъ и слѣды побоевъ;

затѣмъ нескромными голосами жалуются на продажность увольненій, скудное жалованье, трудность работъ и уже прямо словами ставятъ въ вину: валъ, рвы, заготовленіе фуража, матеріаловъ, дровъ и что другое дѣлается по необходимости и противъ спокойствія въ лагеряхъ. Началъ подниматься жестокой крикъ заслуженныхъ воиновъ; они, исчисляя тридцать лѣтъ или и болѣе службы умоляли: «помочь имъ утомленнымъ и чтобы не смерть застигала «ихъ въ тѣхъ же трудахъ, но былъ бы конецъ усердной службы «и безбѣдный покой». Были и такіе, которые вновь требовали денегъ, завѣщанныхъ божественнымъ Августомъ съ благоприятными для Германіека обѣтами и изъявляли готовность ему, буде желаетъ, верховной власти. Тутъ онъ, какъ будто самая мысль о преступленіи его омрачала позоромъ, послѣшно соскочилъ съ трибунала. Когда онъ хотѣлъ удалиться, противопоставили ему оружіе съ угрозами, если онъ не вернется назадъ. Но онъ громко возглашая, что скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить вѣрности, выхватилъ мечъ съ боку и, поднявъ его, уже направлялъ въ грудь, какъ бывшіе къ нему ближе остановили его, силою схвативъ за правую руку. Самая дальняя и стѣснившаяся часть собранія и, трудно повѣрять слову, нѣкоторые отдѣльные воины, подходя ближе, подавали совѣтъ: «пусть поражаетъ себя». Воинокъ, по имени Калусидій, подалъ ему обнаженный мечъ, прибавивъ: «этотъ острѣ». Жестокимъ и безправственнымъ показалось это воинамъ, даже пришедшимъ въ изступленіе, что и дало возможность приближеннымъ Цезаря увлечь его въ палатку.

36. Было тамъ совѣщаніе о томъ, какъ помочь горю: получено извѣстіе: «готовятъ пословъ—привлечь и верхнее войско къ тому «же дѣлу; городъ Убіевъ назначенъ къ разрушенію и руки, обремененныя добычею, обратятся къ разграбленію Галлій.» Увеличивалъ опасенія непріятель, знавшій о возмущеніи у Римлянъ и въ случаѣ, если берегъ будетъ оставленъ, имѣющей немедленно сдѣлать нашествіе. Если противъ отпавшихъ легионовъ вооружить вспомогательныя войска и союзниковъ, начнется междоусобная война—такая строгость была бы полна опасности; щедрость была бы позорною и дѣло общественное было бы въ равной опасности—если ничего не будетъ сдѣлано изъ требованій воиновъ, или все будетъ сдѣлано. А потому, когда всѣ эти основанія были достаточно взвѣшены положено написать письмо отъ имени верховнаго главы государства: «увольненіе дается прослужившимъ двадцать лѣтъ; «облегченіе службы для воиновъ, прослужившихъ шестнадцать лѣтъ;

«удерживаются они под знаменами, но въ дѣло употребляются «только въ случаѣ необходимости отразить непріятели; то, что имъ завѣщено, выдать по ихъ просьбѣ и даже удвоить.»

37. Поняли воины, что это на время придумано, и стали требовать немедленнаго исполненія. Увольненіе поспѣшно производится трибунами, а денежная раздача отсрочивается до удаленія легионовъ по зимнимъ квартирамъ. Воины пятого и двадцать перваго легіона не уходили, пока въ тѣхъ же лѣтнихъ лагеряхъ не были выплачены имъ деньги изъ взятыхъ на дорогу приближенными Цезаря и имъ самимъ. Первый и двадцатый легионъ легать Цецина отвелъ въ городъ Убіевъ; позорно было движеніе этихъ легионовъ, везшихъ между значками и флагами казну, похищенную у главнаго вождя (императора). Германикъ отправился къ верхнему войску и привелъ къ присягѣ легионы второй, тринадцатый и шестнадцатый безъ всякаго съ ихъ стороны замедленія. Воины четырнадцатаго легиона обнаружили было нѣкоторую нерѣшительность; но имъ, хотя и безъ всякаго съ ихъ стороны требованія, предложены деньги и увольненіе.

38. А въ землѣ Хавковъ начали было возмущеніе находившіеся тамъ на караулахъ значконосцы отпавшихъ легионовъ, но медленною казнью двухъ воиновъ нѣсколько усмирены. Отдалъ это приказаніе Менній, префектъ лагерей, дѣйствуя для примѣра хорошо, но врядъ ли по законному праву. Потомъ, когда волненіе усилилось, онъ бѣжалъ и найдень; видя, что небезопасно мѣсто куда было онъ скрылся, защиту заимствуетъ въ смѣлости: «насиліе «употребляютъ они не въ отношеніи префекта просто, но въ отношеніи Германика вождя и Тиверія императора». Пришли въ ужасъ окружавшіе; тутъ онъ, схвативъ значокъ, обратился къ берегу и провозглашая громко: «если кто удалится изъ строя, будетъ сочтенъ дезертиромъ»—отвелъ на зимнія квартиры воиновъ смущенныхъ, но ни на что не дерзнувшихъ.

39. Между тѣмъ послы отъ сената застаютъ Германика уже на обратномъ пути у жертвенника Убіевъ. Тамъ зимовали два легиона: первый и двадцатый и заслуженные воины, недавно посланные подъ знамена. Воинами, волнуемыми опасеніями и совѣстью, овладѣло подозрѣніе—не явились ли эти послы по приказанію сдѣлать недѣйствительнымъ то, чего они добились черезъ возмущеніе и по обычаю черни—находить виновнаго, какъ бы ни было ложно обвиненіе, слагаютъ всю вину на Мунація Планка, бывшаго консула, начальника посольства и виновника сенатскаго декрета.

Ночью, бывшіе на караулахъ, воины начинаютъ требовать значекъ, находившіяся въ домѣ Германика. Сбѣжавшіе толпою къ дверямъ ломаютъ ихъ; стащивъ съ постели Цезаря, принуждаютъ его выдать знамя опасеніемъ немедленной смерти. Затѣмъ разошлись они по дорогамъ и встрѣтили пословъ, которые, услыхавъ о возмущеніи, спѣшили къ Германику. Начинаютъ ихъ ругать, приготовляются убить, въ особенности Планка; его достоинство удерживало его отъ бѣгства и ему въ опасности не было другаго убѣжища, кромѣ лагерей перваго легіона; обнявъ тамъ значки и орла, искалъ защиты въ уваженіи къ религіи и если бы орлоносецъ Кальпурній не отразилъ насилія, то явленіе, рѣдкое даже у враговъ—легать народа Римскаго въ Римскомъ лагерѣ, кровью своею обагрилъ бы жертвенники боговъ. Наконецъ на развѣтѣ, когда можно было распознать и вождя, и воиновъ, и случившееся, Германикъ, войдя въ лагерь, приказалъ привести къ себѣ Планка и принялъ его на трибуналъ. Тутъ палалъ онъ на гибельное неистовство, которое возобновляется гнѣвомъ не воиновъ, а боговъ, и открылъ воинамъ—зачѣмъ пришли легаты. Краснорѣчиво высказалъ онъ сожалѣніе о правѣ посольства, о тяжелой и незаслуженной обидѣ Планка и о томъ, какой позоръ навлекъ на себя легіонъ. Собраніе воиновъ было скорѣе поражено удивленіемъ, чѣмъ спокойно; легаты отосланы подъ прикрытіемъ всадниковъ вспомогательнаго войска.

40. Это опасеніе всѣ ставили въ вину Германику: «онъ не отправился къ верхнему войску, гдѣ было повиненіе и готова помощь противъ бунтовщиковъ. Слишкомъ достаточно надѣлано ошибокъ увольненіемъ воиновъ, денежными раздачами и вообще мѣрами слабости. Далѣе, если онъ не дорожилъ своею собственною безопасностью, то зачѣмъ сына, ребенка, жену беременную держалъ среди людей неистовыхъ, поправшихъ всѣ условія «человѣческаго права? Хоть бы ихъ возвратилъ дѣду и дѣлу общественному.» Долго онъ медлил; наконецъ убѣдилъ онъ удалиться жену несоглашавшуюся было—такъ какъ она говорила, что въ ней кровь божественнаго Августа и опасности ей подлѣ силу—обнимая съ обильными слезами и ея станъ и общаго ихъ сына. Двинулся въ походъ достойный жалости строй женщинъ: изгнанницею шла жена главнаго вождя, неся на груди маленькаго сына; окружали ее съ плачемъ жены друзей (Германика), раздѣлявшія ея участь. Не въ меньшей печали находились тѣ, которые оставались.

41. Не цвѣтущее было лице Цезаря; находился онъ какъ будто не въ своемъ лагерѣ, но въ городѣ взятомъ непріателемъ. Его

вздохи и вопли коснулись даже слуха и вниманія воиновъ; выходятъ изъ палатокъ: «гдѣ это слышатъ плачь? Что это за печаль? Знатныя женщины—не имѣя для прикрытія ни сотника, «ни воиновъ, безо всякой свиты обычной, для жены императора— «удаляются къ Треверамъ, ищутъ у чужестранцевъ вѣрности!» Отсюда стыдъ и состраданіе и воспоминаніе объ отцѣ Агриппы, о дѣдѣ ея Августѣ; тестъ Друзъ; сама отличалась плодородіемъ и удивительнымъ цѣломудріемъ. Ребенокъ, уже въ лагеряхъ рожденный и вскормленъ въ обществѣ легионовъ; его военною кличкою назвали Калигуллою, такъ какъ его обували большею частью въ обувь воина чтобы задобрить умы большинства. Но ничто такъ не подѣйствовало, какъ зависть къ Треверамъ, молятъ, удерживаютъ, пусть *возвертится, останется*, частью бѣгутъ на встрѣчу Агриппинѣ, а большая часть вернулись къ Германику.

42. А онъ, подъ свѣжимъ вліяніемъ горя и раздраженія, началъ такъ говорить окружавшимъ его воинамъ: «ни сынъ, ни жена не «дороже для меня отца или общественнаго порядка; но первый «пусть найдетъ защиту въ своемъ величій, а государство Римское «въ другихъ войскахъ. Жену и дѣтей моихъ, которыхъ охотно за «вашу славу я принесъ бы на жертву, теперь я удаляю отъ неистовыхъ для того, чтобы какое бы тутъ ни совершилось преступленіе, оно было бы искуплено только моею кровью, и чтобы убійство внука Августова, гибель золовки Тиберія не увеличили бы «вашу вину. Въ теченіи этихъ дней на что только вы не рѣшились и чего вы не дерзнули? Какое названіе мнѣ дать этой толпѣ? «*Воинами* ли назову тѣхъ, которые валомъ и оружіемъ держите «въ осадѣ сына императора? Не *гражданами* ли? А для васъ «вліяніе севата до того ничтожно, что право, уважаемое самимъ не- «пріятелемъ, святость посольства и народное право—вы пошрали, «Божественный Юлій умиривъ возмущеніе войска однимъ словомъ, «назвавъ *кеиритами* воинами, неуважавшихъ данную присягу. «Божественный Августъ лицомъ и видомъ привелъ въ ужасъ Актіійскіе легионы. А мы, хотя еще и не такія лица, но отъ нихъ «ведущемъ происхожденіе; если бы воины Испаніи или Сиріи вышли «изъ повиновенія, и то было бы и удивительно, и невыносимо. А теперь первый и двадцатый легионъ, тотъ—получившій знамена отъ «Тиберія, этотъ сотрудникъ въ столькихъ сраженіяхъ, увѣнчанный «столькими наградами, оказываетъ такую то благодарность вождю «вашему! Такую то вѣсть понесу я отцу, до котораго изъ всѣхъ «другихъ областей доходятъ только пріятныя слухи? Что его ново-

«набранцы, его ветераны не могли насытиться ни облегченіями «службы, ни деньгами. Только тутъ убиваютъ сотниковъ, изгоняютъ трибуновъ, заключаютъ въ оковы легатовъ. Лагери, рѣки «—обагрены кровью, а я влеку невѣрное дыханіе среди людей «непріязненныхъ.

43. «Зачѣмъ въ первый день собранія отвели вы мечъ, котормъ я готовился пронзить грудь мою? О, неблагоразумные друзья! «Лучше и съ большею любовью дѣйствовалъ тотъ, который подавалъ кинжалъ. Я палъ бы, но не зналъ бы о столькихъ преступленіяхъ моего войска. Вы избрали бы вождя, который мою «бы смерть оставилъ безнаказанною, а отметилъ бы за гибель Вара «и трехъ легионовъ. И пусть не попустятъ боги, чтобы Бельгамъ, «хотя и по ихъ собственному вызову, принадлежала честь и слава «—оказать помощь имени Римскому, подавить народы Германіи. «Божественный Августъ, духъ твой воспріятый на небо, твой образъ, отецъ Друзъ, твое воспоминаніе съ этими же самими войнами, въ которыхъ уже проникаютъ и стыдъ и слава, пусть «смогутъ это пятно и междуусобные раздоры обратить на гибель «непріятелей! А вы, которыхъ я теперь вижу совсѣмъ съ другою «наружностью, съ другими чувствами, если вы возвращаете сенату «—его послѣвъ, императору—повиновеніе, мнѣ жену и дѣтей, то «удалитесь отъ соприкосновенія и отдѣлите возмутителей; это будетъ ручательствомъ вашего раскаянія, доказательствомъ вашей «вѣрности».

44. Съ повинною головою на это, сознавая справедливость сдѣланныхъ упрековъ, они умоляли: «наказать виновныхъ, простить «впавшимъ въ заблужденіе и вестъ ихъ противъ непріятеля, жену «возвратить назадъ, пусть вернется воспитанникъ легионовъ, а не «служить заложникомъ для Галловъ.» Въ возвращеніи Агриппины отказалъ по случаю близкаго разрѣшенія отъ бремени и наступающей зимы: сынъ прійдетъ; остальное пусть они сами приведутъ въ исполненіе. Разбѣжались воины, совсѣмъ перемѣнясь и самихъ главныхъ возмутителей связавъ влекутъ къ легату перваго легиона К. Цетронію, а тотъ производилъ надъ каждымъ сужденіе и казнь слѣдующимъ образомъ: легионы стояли собранные, извлекши мечи: подсудимаго трибуна показывалъ съ подмостокъ. Если они кричали: «виновенъ», то сброшенный внизъ немедленно былъ убиваемъ и воинъ радовался убійству, какъ будто имъ себя оправдывалъ. Цезарь имъ не препятствовалъ, такъ какъ безъ всякаго его приказанія—жестокость совершеннаго и возмутительность падали на од-

нихъ и тѣхъ же. Послѣдовавшіе примѣру заслуженные воины не много спустя посылаются въ Рецію, подъ видомъ защиты провинціи, угрожаемой Свевами, а на самомъ дѣлѣ чтобы вырвать ихъ изъ лагерей, еще ненавистныхъ какъ жестокостью наказанія такъ и памятью преступленія. Потомъ онъ произвелъ пересмотръ сотниковъ: каждый, по вызову императора, долженъ былъ высказать свое имя, мѣсто служенія, мѣсто родины, число лѣтъ службы и что онъ хорошаго сдѣлалъ въ сраженіяхъ, а у кого были военныя награды, тотъ долженъ былъ ихъ упомянуть. Если трибуны и легіонъ съ похвалою отзывались о его дѣятельности и поведеніи, то онъ сохранялъ свое мѣсто; если же единогласно обвиняли его въ жестокости, корыстолюбіи, то онъ изгонялся изъ службы.

45. Такъ было устроено въ настоящемъ положеніе дѣлъ, но оставалась еще меньшая тягость по случаю ожесточенія пятого и двадцать перваго легіонъ, зимовавшихъ у шестидесятаго камня (мѣсто имѣетъ названіе *Старого*); первые они начали возмущеніе; руками ихъ совершены жесточайшія преступленія: не утрачены они были наказаніемъ своихъ товарищей по службѣ, не обращались къ раскаянію и сохраняли раздраженіе. Вслѣдствіе этого Цезарь готовится спустить по Рейну оружіе, флотъ, союзниковъ съ тѣмъ, чтобы вести войну, если его повелѣнія не будутъ уважены.

46. Между тѣмъ въ Римѣ, гдѣ еще не было извѣстно — чѣмъ кончилось дѣло въ Иллириѣ, а пришелъ слухъ о волненіи Германскихъ легіонъ, смущенные граждане обвиняли Тиберія: «что между тѣмъ какъ онъ притворною нерѣшительностью издѣвается надъ сенаторами и народомъ, обезсиленными и безоружными, воины въ то время бунтуютъ и не могутъ быть удержаны въ повиновеніи властью двухъ юношей, еще не пришедшихъ въ совершеннolѣтіе; слѣдовало ему идти самому и противопоставить власть императорскую и нѣтъ сомнѣнія, что воины смирились бы, видя передъ собою главу государства, обладающаго долговременною опытностью и верховнаго вмѣстѣ съ тѣмъ распорядителя и мѣръ строгости и щедрости. Августъ, удрученный годами, и то былъ въ состояніи столько разъ отпраляться въ Германію, а Тиберій, цвѣтущій годами, сидитъ въ сенатѣ, стараясь перехитрить словами сенаторовъ? Довольно мѣръ принято для удержанія города (Рима) въ рабствѣ: умъ воиновъ слѣдуетъ успокоить, чтобы спокойствіе для нихъ было выносимо.»

47. Никакого дѣйствія не производили на Тиберія эти рѣчи и у него было твердо рѣшено — не упускать изъ рукъ верховное уп-

равленіе и ни себя, ни дѣло общественное не подвергать случайностямъ. Много и разныхъ причинъ было безпокойства: «войско «Германское сильнѣе, но Паннонское ближе; первому опорою могутъ служить богатства Галліи, а второе угрожаетъ Италіи. Которое же ему предпочесть? А обойденные какъ бы не раздражались, хуже оскорблясь этимъ! Черезъ дѣтей же одновременно дѣйствуетъ онъ и на то, и на другое войско и достоинство его отъ «этого нисколько не страдаетъ; въ отдаленіи еще больше къ нему уваженія. вмѣстѣ съ тѣмъ молодымъ людямъ извинительно—кое-что предоставлять усмотрѣнію отца и оказавшихъ сопротивленіе «Друзу или Германику—можетъ самъ или усмирить или сломить; «но гдѣ же искать защиты, если бы они презрѣли императора»? Впрочемъ какъ будто бы уже вотъ вотъ собирался въ путь, назначилъ кому провожать, велѣлъ собирать вещи нужныя для дороги, готовить суда. Велѣдъ затѣмъ ссылаясь то на зиму, то на разные дѣла, держалъ въ заблужденіи прежде всего людей благоразумныхъ, потомъ народъ, а дольше всего провинціи.

48. А Германикъ, хотя стянулъ войско и приготовился отмстить отпавшимъ, счелъ за лучшее дать еще время—можетъ быть войны, подъ вліяніемъ недавняго примѣра, подумаютъ о себѣ и пошлать впередъ письма къ Цецинѣ: «что онъ идетъ съ сильнѣмъ войскомъ «и что если они предварительно не подвергнутъ казни зачинщиковъ «зла, то онъ будетъ избивать всѣхъ безъ разбора». Цецина тайно прочелъ ихъ орлоносцамъ, знаменосцамъ и всѣмъ, сколько было въ лагерѣ людей благонамѣренныхъ и убѣждаетъ: «избавить всѣхъ «отъ позора, а себя отъ смерти. Въ мирное время принимаются въ «соображеніе побудительные поводы и заслуги каждаго, а съ наступленіемъ войны виновные и невинные вмѣстѣ падаютъ». Они, испытавъ расположеніе умовъ тѣхъ, которыхъ считали годными и видя, что большая часть легіона остается вѣрно своимъ обязанностямъ, по мнѣнію легата, назначаютъ время когда пасть съ оружіемъ на людей самыхъ гнусныхъ и къ бунту расположенныхъ. Тутъ, по данному между ними сигналу, врываются въ палатки, избиваютъ ничего не знающихъ и никто, кромѣ участниковъ замысла, не вдалъ какое начало убійства и какой конецъ.

49. Видъ междуусобія былъ совершенно отличный отъ всего подобнаго, что когда либо случалось; не открытымъ боемъ, не изъ разныхъ лагерей, но изъ однихъ и тѣхъ же постелей люди, которыхъ день видѣлъ вмѣстѣ вкушающими пищу, а ночь—покой, расходятся на двѣ стороны, бросаютъ другъ въ друга оружіе. Крики, ра-

ны, кровь—на виду; причина—скрыта; остальное въ рукахъ случая. Погибли и нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ, когда понявъ, на кого обращена жестокость, и дурные люди схватились за оружіе. Ни легать, ни трибуны не сдерживали: большинству предоставленъ полный просторъ и мщенія и удовлетворенія. Вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ лагерь Германикъ и, проливая обильные слезы, называя это не *мъченіемъ*, а *побоищемъ*, отдалъ приказаніе съжечь тѣла.

Умами еще ожесточенными овладѣваетъ страсть—идти противъ непріятеля, какъ бы въ искушеніе своего безумства; не иначе полагали они быть въ состояніи умилостивить тѣни своихъ товарищей, какъ получивъ честныя раны на тѣла, опозоренныя братоубійствомъ. Увлеченный выломъ воиновъ Цезарь, наведя мостъ, переправилъ двѣнадцать тысячъ изъ легионовъ, двадцать шесть союзныхъ когортъ, восемь эскадроновъ всадниковъ, поведеніе коихъ въ это возмущеніе не получило ни малѣйшаго пятна.

50. Веселые, и не вдали, пребывали Германцы, такъ какъ мы удерживаемы были сначала прекращеніемъ дѣлъ вслѣдствіе потери Августа, а впослѣдствіи раздорами. А Римляне посилънымъ движеніемъ пересѣкаютъ Цезійскій лѣсъ и валъ, начатый Тиберіемъ; ставятъ на рубежѣ лагерь; съ фронта и съ тылу ограждаютъ валомъ, а съ боковъ срубленными деревьями. Оттуда осматриваютъ мрачныя ущелья и совѣтуются: «изъ двухъ дорогъ выбирать ли кратчайшую и обычную, или болѣе затруднительную и неиспробованную, но «гдѣ именно поэтому непріятель не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности». Избранъ путь болѣе дальній, остальные всѣ приготовления ускоряются, такъ какъ люди, посланные на развѣдываніе, принесли извѣстіе: «наступающая ночь—праздникъ у Германцевъ и они проводятъ ее въ пиршествахъ и играхъ». Цецинѣ отдало приказаніе—съ легкими когортами идти впередъ и отстранять препятствія движенію отъ лѣсовъ; въ умѣренномъ разстояніи за ними слѣдуютъ легионы. Содѣйствовала ночь совершенно свѣтлал; подошли къ поселкамъ Марсовъ и поставлены кругомъ караулы, а тѣ растянулись по постелямъ, около столовъ безо всякихъ опасеній, не поставивъ вовсе стражей. До того все отъ безопасности было въ безпорядкѣ; никакого опасенія войны, да и между нѣмыми спокойствіе было непрочное и ненадежное.

51. Цезарь—алчные легионы, для того чтобы опустошеніе захватило больше мѣста, раздѣлил на четыре отдѣла: на пятьдесятъ миль пространства опустошилъ огнемъ и мечемъ; ни цоль, ни воз-

расть не вызвали жалости; одновременно и свѣтское, освященное, и знаменитѣйшій храмъ тѣхъ народовъ, называемый у нихъ *Тан-фонг* сравнивали съ землею; воины ранъ не получили, избивая полусонныхъ, безоружныхъ и разсѣявшихся. Это побоище вызвало Бруктеровъ, Тубанговъ, Узипетовъ; они заняли ущелья, черезъ которыхъ предстояло Римскому войску движеніе назадъ. Вождю это было извѣстно; онъ двинулся въ путь и въ сраженіе. Впереди шли часть конницы и вспомогательныя когорты; затѣмъ первый легіонъ, въ среднѣй войсковыя тяжести; лѣвый флангъ составляли воины двадцатаго перваго, а правый флангъ пятаго легіона. Двадцатый легіонъ прикрывалъ тылъ, сзади шли остальные союзники. Но непріатели, пока войско не растянулось по ущелью, не двигались, потому они слегка нападали на фланги, а всѣми силами на задніе ряды. Легкія когорты приходили въ замѣшательство отъ плотныхъ Германскихъ отрядовъ, когда Цезарь, подѣхавъ къ воинамъ двадцатаго легіона, громкимъ голосомъ закричалъ: «вотъ время загладить возмущеніе, пусть идутъ впередъ и спѣшатъ вину обратить въ честь». Воспламенились духомъ, и дружнымъ напоромъ сломили непріателя, выгнали на открытое мѣсто и много избили. Какъ только войска, шедшія впереди, вышли изъ лѣсовъ, укрѣпили лагерь; затѣмъ путь былъ спокоенъ; вѣря въ настоящее и забывъ о прежнемъ, воины размѣщаются по зимнимъ квартирамъ.

52. Извѣстіе объ этомъ и порадовало Тиберія и его озаботило: радовался онъ, что возмущеніе подавлено; но тревожился тѣмъ, что раздачею денегъ и поспѣшнымъ сокращеніемъ срока службы старался заискать Германикъ расположеніе воиновъ, а также и приобрѣтенною имъ Гермаликомъ воинскою славою. Впрочемъ онъ доложилъ сенату о его дѣйствіяхъ, многое припомнилъ о его доблести, болѣе для виду изукрасивъ его словами, чѣмъ стараясь вселить убѣжденіе, что онъ такъ думаетъ отъ души. Гораздо короче похвалилъ онъ Друза и окончаніе волненія въ Имперіи, но съ большимъ стараніемъ и искренностью и всѣ льготы, данныя Германикомъ, распространилъ и на Паннонское войско.

53. Въ томъ же году умерла Юлія, когда то за безстыдство заключенная отцомъ ея Августомъ сначала на островѣ Пандатеріи, а потомъ въ городѣ Региновъ, которые живутъ на берегу Сицилійскаго пролива. Она была въ супружествѣ Тиберія еще при жизни Цезарей, Каія и Луція и оказывала ему пренебреженіе какъ неровнѣ—и вотъ въ чемъ заключалась настоящая причина, почему онъ удалился въ Родось. Достигнувъ власти, онъ ее изгнанницу,

опозоренную и послѣ смерти Постума—Агриппы, не имѣвшую ни откуда надежды, вуждою и долговременнымъ изнуреніемъ уморилъ, полагая, что убійство это останется втайнѣ вслѣдствіе отдаленности мѣста ссылки. Подобная же причина была жестокости къ Семпронію Гракху; онъ, происходя изъ благороднаго рода, ума бойкаго и краснорѣчивый только на дурное, былъ въ связи съ тою же Юліею, когда она была въ супружествѣ М. Агриппы. Но этимъ не кончились его любовныя проказы: уже выданную за Тиберія унорный соблазнитель разными наговорами возбуждалъ въ ненависти къ мужу и письмо, которое Юлія писала къ отцу своему Августу съ жалобами на Тиберія, было сочинено, такъ по крайней мѣрѣ всѣ полагали—Гракхомъ. Вслѣдствіе этого удаленный на Церцинну, островъ Африканскаго моря, онъ перенесъ четырнадцатилѣтнюю ссылку. Тутъ войны, посланные совершить убійство, нашли его на выдавшемся мѣстѣ берега, не ждавшего ничего хорошаго. По прибытіи ихъ просилъ онъ «короткаго срока—последнюю свою волю передать на письмѣ супругѣ его Алліаріѣ.» Затѣмъ онъ подставилъ шею убійцамъ и получилъ смерть съ твердостью, не недостойный имени Семпроніевъ; жизнью же онъ имъ измѣнилъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ эти войны присланы были не изъ Рима, но отъ Л. Аспрената, проконсула Африки, по вліянію Тиберія, который, конечно ошибочно, надѣялся отвѣтственность убійствъ сложить на Аспрената.

54. Въ томъ же году получили начало новые священныя обряды; установлено священнодѣйствіе *Августовыхъ товариществъ* (*sodalium Augustalium*), точно такъ какъ нѣкогда Т. Тацій, удерживая священнодѣйствіе Сабиновъ, установилъ *сподвижниковъ* Тиціевъ. Избраны жребіемъ изъ первыхъ лицъ государства двадцать одинъ; прибавлены Тиберій, Друзъ, Клавдій и Германікъ. Августовы игры, тогда въ первый разъ начатыя, смутилъ раздоръ, возникшій вслѣдствіе спора актеровъ. Поблажку дѣлалъ Августъ сценическимъ представленіямъ подъ вліяніемъ Мецената, предавашагося необузданной любви къ Ватиллу, да и самъ не прочь былъ отъ подобныхъ же слабостей и считалъ нечуждымъ своихъ обязанностей гражданина—принимать участіе къ увеселеніямъ народа. Совѣмъ другаго образа мыслей былъ Тиберій, но народъ, въ теченіи столькихъ лѣтъ привыкшій къ ласковому съ нимъ обращенію, еще не дерзалъ повернуть круто.

55. Въ консульство Цезаря Друза и К. Норбана опредѣлены Германіку триумфъ, а война все еще продолжалась. Хотя онъ съ

величайшимъ стараніемъ дѣлалъ къ ней приготовленія на лѣто, но съ наступленіемъ весны нечаяннымъ набѣгомъ на Каттовъ началъ ее раньше. Возникли надежды вслѣдствіе раздоровъ у непріятеля, дѣлившагося между Арминіемъ и Сегестомъ, изъ коихъ тотъ и другой заслужили извѣстность: одинъ вѣроломствомъ въ отношеніи къ намъ, а другой—вѣрностью. Арминій—возмутитель Германіи, а Сегестъ открывалъ, что «готовится возмущеніе» неоднократно и прежде на послѣднемъ пиршествѣ, послѣ котораго взялись за оружіе. Онъ убѣждалъ Вара: «связать его и прочихъ старѣйшинъ; народъ «ничего не дерзнетъ, лишь только удалены будутъ зачинщики, а «себѣ онъ дастъ время разобрать основательность обвиненій и степень виновности каждаго». Но Варъ палъ жертвою жребія и насилія со стороны Арминія. Сегестъ, хотя единоклюмомъ народа и увлеченный на войну, оставался при своемъ разномысліи, но его личная ненависть усилилась вслѣдствіе похищенія Арминіемъ его дочери, сосватанной за другаго. Зять —ненавистень, родные—враги и то, что при согласіи служить скрѣпленіемъ любви, при враждѣ было только поводомъ къ раздраженію.

56. Вслѣдствіе этого Германикъ передалъ Цецинѣ четыре легиона, пять тысячъ вспомогательныхъ войскъ и набранные въ видѣ ополченія отряды Германцевъ, жившихъ по сю сторону Рейна; столько же легионовъ и двойное число союзниковъ самъ повелъ и—поставивъ укрѣпленіе на слѣдахъ отцовскаго поста, на горѣ Тавнѣ, съ войскомъ на легкѣ спѣшить въ землю Каттовъ, оставивъ Л. Анронія устроить дороги и переправы на рѣкахъ, такъ какъ—а это явленіе рѣдкое въ тѣхъ краяхъ—вслѣдствіе засухи—воды въ рѣкахъ было мало и оттого возможно было быстрое, безпрепятственное движеніе впередъ; а для движенія назадъ опасались дождей и приращенія рѣкъ. Къ Каттамъ подошелъ онъ такъ неожиданно, что все—слабое возрастомъ и поломъ, тотчасъ же захвачено въ плѣнъ или избито. Молодежь вилывъ переправилась черезъ рѣку Адрану и отражала Римлянъ, начавшихъ устраивать мостъ; потомъ сбитые дѣйствіемъ орудій и стрѣлами, послѣ тщетныхъ попытокъ къ соглашенію миромъ, нѣкоторые перешли къ Германику, а остальные, покинувъ села и деревни, разошлись по лѣсамъ. Цезарь, предавъ пламени Маттій (столицу этого народа) опустошилъ открытыя мѣста и повернулъ къ Рейну; непріятель не дерзнулъ тревожить тылъ уходящихъ; что въ ихъ нравахъ, такъ какъ они уступаютъ болѣе изъ хитрости чѣмъ изъ страха. У Херусковъ было въ мысляхъ помогать Каттамъ, но привелъ ихъ въ ужасъ Цецина, туда и сюда

дѣйствуя оружіемъ и Марсовъ, дерзнувшихъ выидти на встрѣчу, остановилъ счастливымъ сраженіемъ.

57. Не такъ много времени спустя, пришли отъ Сегеста послы, прося помощи противъ насилія его соотечественниковъ, которые держали его въ осадѣ; Арминій у нихъ пользовался большимъ вліяніемъ, такъ какъ склонялъ къ войнѣ. У дикарей, чѣмъ кто смѣлѣе и рѣшительнѣе на все, тѣмъ больше ему довѣряютъ и лучшимъ считаютъ для веденія дѣлъ. Присоединилъ Сегестъ сына посла по имени Сегимунда, но молодой человекъ не рѣшался ѣхать отъ совѣсти, такъ какъ онъ будучи въ томъ году, когда Германіи отпали, сдѣланъ жрецомъ у жертвенника Убіевъ, сбросилъ жреческія повязки и убѣжалъ къ бунтовщикамъ. Впрочемъ, обнадеженный въ снисходительности Римлянъ, онъ взялъ на себя порученія отца; ласково принятый, онъ посланъ съ прикрытіемъ на Гальскій берегъ. Дѣло показалось Германіку стоящимъ чтобы обратить войско назадъ; сразился онъ съ осаждающими, и Сегестъ вырванъ вмѣстѣ съ большою толпою и его близкихъ и кліентовъ. Находились тамъ и знатныя женщины, въ числѣ которыхъ жена Арминія—она же и дочь Сегеста, раздѣляющая болѣе образъ мыслей мужа, у побѣжденной не было ни видно слезъ, ни слышно просьбъ; чѣмъ отца; сложивъ руки на груди, она вперила глаза на свой отяжелѣвшій животъ. Несены были и вещи, обобранныя въ побоище Вара и они розданы въ добычу очень многимъ изъ тѣхъ, которые тогда отдались добровольно.

58. Тутъ же былъ и самъ Сегестъ, громадный видомъ; не чувствовалъ онъ робости, воспоминалъ о добромъ союзѣ. Слова его были таковы: «не первый для меня этотъ день вѣрности народу «Римскому и постоянства съ того времени, какъ божественный Августъ пожаловалъ мнѣ званіе гражданина, выбиралъ я друзей и «недрузевъ согласно съ вашими пользами и не изъ ненависти къ «отечеству (такъ измѣнники ненавистны даже тѣмъ, кого предпо- «читаютъ) но отъ убѣжденія, что пользы Германцевъ и Римлянъ «нераздѣльны и отъ того, что болѣе одобрялъ миръ чѣмъ войну. «Вслѣдствіе этого я обвинилъ передъ Варомъ похитителя дочери «моей, нарушителя вашего союзнаго договора—Арминія. Видя, что «дѣло отложено по безопасности вождя и что мало охраны въ за- «конахъ, я усиленно просилъ Вара, чтобы онъ велѣлъ связать меня, Ар- «минія и участниковъ его заговора. Свидѣтельница—та ночь, кото- «рая лучше бы для меня была послѣднею! То, что случилось вслѣдъ «за тѣмъ, скорѣе можетъ быть оплакано, чѣмъ заслужить защиту;

«впрочемъ я и налагалъ оковы на Арминія и вынесъ то, что и «на меня были наложены его партіею. Но какъ только имѣлъ «возможность вступить съ тобою въ сношенія, я предпочитаю преж- «нее новому и спокойствіе смутамъ и—не изъ за награды какой либо, «но чтобы оправдаться въ вѣроломствѣ; а вмѣстѣ я способенъ быть «примирителемъ для народа Германцевъ, если только онъ предпо- «считетъ раскаяніе гибели. Въ молодости и заблужденіи сына прошу «прощенія; признаюсь, что дочь моя приведена сюда только необ- «ходимостью. Твое дѣло принять въ соображеніе, что на тебя «больше повліяетъ—то ли что она зачала отъ Арминія или то, «что она отъ меня рождена?» Цезарь, въ ласковомъ отвѣтѣ, объ- «щаль дѣтямъ и близкимъ его безопасность, а самому мѣсто жи- «тельства въ старой провинціи. Войско отвелъ назадъ и—съ дозволе- «нія Тиберія—принялъ названіе императора. Жена Арминія родила «ребенка мужескаго пола, воспитывала его въ Равеннѣ, но—какъ «съ нимъ сыграла судьба—въ свое время упомяну.

59. Слухъ о томъ, что Сегестъ передался и благосклонно при- «нять, встрѣченъ съ надеждою или съ огорченіемъ, глядя по то- «му кто желалъ войны или кому она была неприятна. Арминій, и «безъ того склонный къ насилію, выходилъ изъ себя отъ бѣшенст- «ва, влѣдствіе похищенія жены и того, что плодъ ея чрева въ раб- «ствѣ; вѣтромъ леталь онъ по Херускамъ, требуя вооружиться про- «тивъ Сегеста, противъ Цезаря; недерживался онъ и отъ брани: «что за прекрасный отецъ! великій Императоръ! сильное войско! «Столько рукъ утащили одну женщину. Передъ нимъ легли три «легіона и такое же число легатовъ. Войну ведетъ онъ не измѣ- «ною, не противъ беременныхъ женщинъ, но открыто, противъ во- «оруженныхъ. И до сихъ поръ видитъ онъ въ священныхъ ро- «щахъ Германцевъ знамена Римскія, принесенныя имъ въ жертву «богамъ отечества. Пусть воздѣлываетъ Сегестъ побѣжденный бе- «регъ; пусть возвратитъ сыну священство; какъ человѣку, Гер- «манцы никогда и ни за что непростятъ ему за то, что, по его «милости, увидали между Рейпомъ и Эльбою розги и сѣкиры. Дру- «гими племенами, незнающими власти Римской, неиспытаны казни, «невѣдомы имъ поборы; и если они сняли ихъ съ себя и безъ «успѣха ушель тотъ, въ число божествъ записанный, Августъ, «тотъ возлюбленный Тиберій; то пусть не робѣютъ они передъ «неопытнымъ юношею, передъ войскомъ, расположеннымъ къ воз- «мущенію. Если они лучше хотятъ сохранить отечество, родныхъ, «если они предпочитаютъ старый порядокъ вещей тому, чтобы

*

«имѣть надъ собою господина и у себя новыя поселенія, то пусть «лучше слѣдуютъ за Арминіемъ, который указываетъ имъ путь «къ славѣ и свободѣ, чѣмъ за Сегестомъ, ведущимъ ихъ къ по-«стыдному рабству.»

60. Возбуждены этимъ не только Херуски, но и смежныя имъ народы; увлеченъ въ эту же партію Ингвиомеръ, Арминія дядя по отцу, пользовавшійся изстари уваженіемъ Римлянъ. Вслѣдствіе этого опасенія Цезаря возрасли и, какъ бы война не нагрянула однимъ ударомъ, послалъ Цецину къ рѣкѣ Амизію, черезъ землю Бруктеровъ, съ сорока когортами Римлянъ для того, чтобы отвлечь непріятеля. Копницу повелъ префектъ Педо границею Фризіевъ; а самъ, посадивъ на суда четыре легіона, повезъ ихъ по озеру; вмѣстѣ собрались у вышеназванной рѣки—пѣхота, конница и флотъ. Хавки, такъ какъ съ ихъ стороны обѣщана была помощь, приняты въ сотоварищи войны. Бруктеровъ, предававшихъ свою собственность огню, разбилъ съ легкимъ отрядомъ А. Стертиній, посланный Германикомъ; среди побоища и разграбленія найденъ] орелъ девятнадцатаго легіона, съ Варомъ утраченный. Потомъ войско поведено въ самые отдаленные предѣлы Бруктеровъ и все пространство земли между Амизію и Луппію рѣками опустошено не вдали отъ Тевтобургскаго лѣсу, въ которомъ, какъ говорили, находились останки Вара и легіоновъ, непреданные погребенію.

61. Вслѣдствіе этого овладѣло Цезаремъ сильное желаніе—отдать послѣдній долгъ воинамъ и вождю; подвинуто было къ сожалѣнію все, находившееся тамъ войско за родныхъ, пріятелей и наконецъ при мысляхъ о случайностяхъ войны и судьбѣ людей. Посланъ впередъ Цецина—осмотрѣть все закоулки лѣса, сдѣлать мосты и насыпи на болотахъ и обманчивыхъ равнинахъ; вступаютъ въ плачевныя мѣста, видомъ и воспоминаніемъ обезображенныя. Сначала лагерь Вара; обширный пространствомъ съ размѣренными путями, обнаруживалъ, что тутъ работали руки трехъ легіоновъ; потомъ полуосыпавшійся валь, неглубокій ровъ давали понять, гдѣ остановились уже полусокрушенныя остатки (войска). Въ серединѣ лагерь бѣлѣли кости или разбросанныя, или въ кучѣ, глядя потому гдѣ бѣжали, гдѣ сопротивлялись. Тутъ же лежали обломки оружія, трупы коней и вмѣстѣ на сучьяхъ деревь торчавшіе впередъ черепы. Въ сосѣднихъ рощахъ жертвенники дикарей, у которыхъ они закололи трибуновъ и сотниковъ первыхъ рядовъ. Пережившіе это побоище, ушедшіе изъ сраженія или оковъ, рассказывали:

«вотъ тутъ пали легаты; здѣсь похищены орлы; мѣсто, гдѣ на-
«несена Вару первая рана, гдѣ онъ нашель смерть, поразивъ се-
«бя своею же несчастною рукою; вотъ съ этого трибунала гово-
«рилъ Арминій, сколько висѣлицъ, сколько могильныхъ яровъ и
«какъ онъ надмѣнно издѣвался надъ значками и орлами!»

62. Такимъ образомъ находившееся на лицо Римское войско, на шестой послѣ побойца годъ, трехъ легионовъ кости, — приче-
мъ никто не зналъ, земля покрываетъ чуждые ли остатки или своихъ,
всѣхъ, какъ родныхъ одной крови — съ возраставшимъ противъ не-
пріятеля раздраженіемъ, предавало погребенію, вмѣстѣ съ чувст-
вомъ горя и озлобленія. Первый кусокъ дерну, когда воздвигался
могильный холмъ, положилъ Цезарь, исполняя какъ лучший долгъ
къ отшедшимъ, такъ и раздѣляя настоящее горе. Тиберій этого
не одобрилъ, или потому что всѣ дѣйствія Германика принималъ
въ дурную сторону, или въ убѣжденіи, что войско видома уби-
тыхъ и непогребенныхъ будетъ медлительнѣе къ бою и болѣе
бояться непріятеля: «и притомъ Императору, которому принадле-
«жать обязанности авгурства и исполненіе древнѣйшихъ священ-
«ныхъ обрядовъ, не слѣдовало касаться похороннаго дѣла.»

63. Германикъ, преслѣдуя Арминія, отступавшаго въ мѣста непро-
ходимыя, какъ только представилась возможность, отдалъ приказаніе
выступить конницѣ и отнять поле, которое занялъ непріятель. Арми-
ній, предупредивъ своихъ, чтобы они собрались и подошли ближе къ
лѣсу, повернулъ вдругъ; вслѣдъ за тѣмъ, онъ далъ знакъ бро-
ситься впередъ — тѣмъ, которыхъ спряталъ по лѣсамъ. Тогда кон-
ница пришла въ смущеніе при видѣ новаго строя; посланы вспомо-
гательныя когорты, но, уступая напору бѣгущихъ, увеличили смя-
теніе и были бы они сбиты въ болото, извѣстное побѣждавшимъ,
для незнавшихъ гибельное, если бы Цезарь не устроилъ въ бое-
вомъ порядкѣ выведенные легионы. Вслѣдствіе этого непріятелемъ
овладѣлъ ужасъ, а воинами — увѣренность (въ успѣхѣ). Разошлись
при равныхъ условіяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, отведя войско къ Ами-
зіи, легионы перевозить на судахъ также какъ они прибыли; часть
конницы получила приказаніе слѣдовать къ Рейну берегомъ Оке-
ана. Цецина, который велъ мое войско, получилъ внушеніе — какъ
ни знакомыми путями предстоитъ ему обратное движеніе, но что-
бы онъ какъ можно поспѣшнѣе перешель *Длинные мосты*. Это
узкій путь между обширныхъ болотъ, по которому когда то Л.
Домицій провель гать. Остальное были болотистыя мѣста вяз-
кія отъ густаго ила или съ неопредѣленными берегами; кругомъ

лѣса, имѣвшіе нѣкоторый склонъ: ихъ тогда наполнилъ Арминій, сокращенными дорогами и быстрымъ движеніемъ опередивъ воиновъ обремененныхъ тяжестями и оружіемъ. Цециною овладѣло сомнѣніе, какимъ образомъ онъ возобновить мосты, провалившіеся отъ вѣхости и вмѣстѣ отразить непріятеля и онъ заблагоразсудилъ на томъ же мѣстѣ стать лагеремъ съ тѣмъ, чтобы одни начали работы, а другіе—сраженіе.

64. Дикари, пытался прорвать охранительную цѣпь и напасть на возводившихъ укрѣпленія, затрогиваютъ, обходятъ кругомъ, набѣгаютъ; смѣшиваются крики производящихъ работы и сражающихся. Все вмѣстѣ для Римлянъ было неблагопріятно, мѣсто глубоко вязкое, на которомъ и стоять было трудно и идти впередъ скользко; тѣла обременены папцырями и въ водѣ не было возможности раскачивать дротики. Напротивъ Херускамъ привычны были сраженія въ болотахъ; ростомъ они были высоки; огромными копьями наносили они раны въ какомъ бы то ни было далекомъ разстояніи; наконецъ ночь прекратила неблагопріятное сраженіе для легионовъ, уже клопавшихся къ пораженію. Германцы не знавшіе утомленія вслѣдствіе удачи, и тутъ не искали покоя, а сколько источниковъ ни получало начало въ поднимавшихся тутъ горныхъ возвышенностяхъ, отвели въ мѣста, находившіяся внизу: земля залита водою, и всѣ слѣды работъ изглажены, а труды воиновъ удвоились. Сороковой годъ военной службы былъ для Цецины какъ повиноваться, такъ и повелѣвать; знакомъ онъ былъ и съ успѣхомъ и съ обстоятельствами сомнительными и потому не доступенъ страху. Но соображая будущее, ничего другаго не нашелъ, какъ непріятеля удерживать въ лѣсахъ, пока раненные и вообще все сколько есть тяжелаго строя уйдетъ впередъ, такъ какъ среди горныхъ возвышенностей и болотъ простиралась равнина, по которой возможно было движеніе для небольшой боевой линіи. Отобраны легионы: пятый на правый флангъ, на лѣвый двадцать первый; воины перваго легиона должны были идти впередъ, а воины двадцатаго легиона слѣдовать сзади.

65. Ночь въ разныхъ отношеніяхъ была безпокойною: дикари весело пировали и ихъ веселыя пѣсни и нестройные звуки наполняли лежавшія внизу долины и лѣса, повторявшія отголосокъ. У Римлянъ слабые огни, прерывистые голоса, а сами въ разныхъ мѣстахъ привалились къ валу, скитались около палатокъ; скорѣе сонъ ихъ не бралъ, чѣмъ они бодрствовали. И вождя привелъ въ ужасъ зловѣщій покой: привидѣлся ему Квинктилій Варъ, облитый кровью,

приподнявшимся изъ болотъ и слышалъ онъ его зовъ, но не послушалъ и оттолкнулъ протянутую руку. Какъ только разсвѣло, посланные на фланги легіоны, неизвѣстно вслѣдствіе робости или недоразумѣнія, оставили назначенное мѣсто, занявъ поспѣшно поле по ту сторону трясины. Впрочемъ Арминій, какъ ни открыта была для него возможность набѣга, не тотчасъ бросился, но когда тяжести войсковыя завязли въ грязи и рывинахъ, войны кругомъ пришли въ смятеніе, порядокъ значковъ разстроился и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, каждый только о себѣ заботится и тушмъ становится слухъ на приказанія, отдаетъ Германцамъ приказъ броситься впередъ, а самъ возглашаетъ: «вотъ Варъ и снова тою же судьбою постигнутыя легіоны!» Въстѣ съ этимъ онъ съ отборными войсками разрѣзаетъ пополамъ строй Римлянъ и преимущественно наноситъ раны лошадямъ; тѣ, скользя въ собственной крови и топи болотъ, сбрасывали всадниковъ, опрокидывали встрѣчныхъ и топтали лежавшихъ. Больше всего труда было около орловъ; впередъ нести ихъ не позволялъ градъ стрѣлъ, а поставить невозможно было въ совершенно влажную землю. Цецина пока поддерживаетъ строй, упалъ съ убитаго коня и былъ бы окруженъ, если бы первый легіонъ не воспротивился. Помогла жадность непріятелей; оставивъ убивать, бросились они за добычею и легіоны съ наступленіемъ вечера вышли на мѣсто открытое и твердое. Но и тутъ не было еще конца бѣдствій; нужно было воздвигать валъ, брать матеріалы для насыпи, а была потеряна большая часть орудій, которыми вынимается земля или срѣзается дернъ; не было палатокъ воннамъ, никакихъ средствъ облегченія для раненыхъ. Дѣля между собою пищу, запачканную грязью или кровью, они оплакивали гибельную темноту, и то что для столькихъ тысячъ людей остался уже только одинъ день.

66. Случайно конь блуждавшій разорвалъ путы, испуганный крикомъ, привелъ въ смятеніе нѣкоторыхъ попавшихся ему на встрѣчу. Вслѣдствіе этого такая вышла тревога отъ убѣжденія, будто бы ворвались Германцы, что всѣ ринулись къ воротамъ и преимущественно стремились къ декуманскимъ (заднимъ), какъ находившимся въ противоположную отъ-непріятеля сторону и слѣдовательно представлявшимъ болѣе безопасности для бѣгущихъ. Цецина, узнавъ, что страхъ этотъ неоснователенъ, но видя, что онъ не въ состояніи удержать войновъ ни вліяніемъ, ни просьбами, ни силою, легъ въ самихъ воротахъ и преградилъ путь состраданіемъ, такъ какъ на-

добно было идти через тѣло легата; вмѣстѣ съ тѣмъ трибуны и сотники научили ихъ, что страхъ ихъ былъ ложный.

67. Тогда, собравъ ихъ въ главное мѣсто лагеря и приказавъ принять его рѣчи въ молчаніи, внушаетъ имъ обстоятельства времени и необходимости; «единственное спасеніе въ оружіи; но имъ «надобно дѣйствовать обдуманно и оставаться внутри окоповъ, пока «непріятель не подойдетъ ближе въ надеждѣ взять приступомъ. «Велѣдъ за тѣмъ налбно со всѣхъ сторонъ сдѣлать вылазку и «прорваться до Рейна. Если они побѣгутъ, то впереди еще много «лѣсовъ, болотъ болѣе глубокихъ и звѣрскій непріятель; а побѣ- «дителямъ честь, слава; припоминаетъ: сколько дома осталось милого, «а въ лагеряхъ честнаго; смолчалъ о невзгодахъ.» Велѣдъ затѣмъ опъ лошадей легатовъ и трибунъ, начавъ съ своихъ, роздалъ безо всякаго искательства храбрѣйшимъ воинамъ для того, чтобы они бросились на непріятеля, а потомъ пѣшіе воины.

68. Не меньше тревожили и Германца надежды и страсти; дѣлился онъ между различными мнѣніями вождей. Арминій совѣтовалъ: «дать Римлянамъ возможность выйти и какъ только они «выйдутъ, то снова ихъ окружить въ мѣстахъ пизменныхъ и не- «удобныхъ для движенія». Мнѣніе Ингвюмера было суровѣе и пріятнѣе дикарямъ: «окопы обойти съ оружіемъ въ рукахъ; велѣдствие поспѣшнаго приступа болѣе будетъ плѣнныхъ и добыча безъ поврежденія. Съ наступленіемъ дня осыпаютъ рвы, набрасываютъ рѣшетки, хватаются за верхи вала, а на верху его рѣдко гдѣ были воины, да и тѣ какъ бы въ оцѣненіи страха. Когда они завязли въ окопахъ, данъ знакъ когортамъ, заиграли рога и трубы; съ крикомъ и натискомъ осыпая они тылъ Германцевъ съ укоромъ: «тутъ не лѣса, не болота, но въ мѣстахъ ровныхъ праведные боги!» Непріятеля, помышлявшаго о легкомъ пзбѣненіи немощныхъ полувооруженныхъ—звукъ трубъ, блескъ оружія, чѣмъ они были неожиданнѣе, тѣмъ больше озадачили; падали, на сколько жадные при удачѣ, такъ при несчастіи неприготовленные. Арминій безвредно, а Ингвюмеръ послѣ тяжкой раны, оставили сраженіе; простыхъ Германцевъ избивали на сколько хватило лишь дна и раздраженія. Уже ночью вернулись легионы, но хотя еще болше было ранъ, а одолѣвалъ все тотъ же недостатокъ въ нищѣ, но въ побѣдѣ было для нихъ все: и сила, и здорovie, и богатство.

69. Между тѣмъ распространилась молва, что «войско обружено и непріязненный строй Германцевъ угрожаетъ Галліямъ», и если бы Агрипина не помѣнала развести мостъ, наведенный на Рейдъ,

то были люди, которые рѣшились бы на это преступленіе, но жена, великая духомъ, въ то время приняла на себя обязанности вождя и воинамъ, если кто изъ нихъ былъ бѣденъ или раненъ, раздавала одежды и лѣкарства. Передаетъ К. Плиній, описавшій Германскія войны, что она (Агриппина) стояла при началѣ моста, высказывая похвалу и благодарность возвращавшимся легионамъ. Это глубоко зашло въ душу Тиберія: «не спроста такая заботливость «и въ войнахъ заискиваютъ не противъ чужестранцевъ. Ничего не «осталось для императоровъ, когда женщина производитъ смотръ «полкамъ, подходитъ къ знаменамъ, пускаетъ въ ходъ подкупъ. «Какъ будто бы уже мало честолюбиваго домогательства—сына «вождя носить въ одеждѣ простаго воина и желать, чтобы его на- «зывали *Каликулою Цезаремъ*. У войска Агриппина имѣетъ уже «болѣе силы, чѣмъ легаты, чѣмъ вожди: подавлено женщиною поз- «мущеніе, которое удержано быть не могло именемъ главы госу- «дарства.» Поджигалъ это и усиливалъ Сеіанъ, знакомый по опыту съ характеромъ Тиберія, ненависть откладывалъ въ долгій ящикъ и скрывалъ, а когда она возрастала, тогда пускалъ въ ходъ.

70. Германикъ изъ легионовъ, везенныхъ на судахъ,—второй и четырнадцатый передалъ П. Вителлію вести сухимъ путемъ для того, чтобы облегчить плаваніе судамъ по морю, обильному мѣлями и возможность пользоваться отливомъ моря. Сначала Вителлій совершалъ движеніе по землѣ сухой или чуть захваченной приливомъ; но скоро, съ наступленіемъ равноденствія, когда особенно воздымается океанъ, при сильныхъ порывахъ сѣвернаго вѣтра, войско было схватываемо и уносимо (волнами). Земли наполнялись водою; все слилось вмѣстѣ—и проливъ, и берегъ, и поля. Нельзя было разобрать почву твердую отъ невѣрной, мелкое мѣсто отъ глубокаго; погружаются въ волны въючныя животныя, тяжести; плаваютъ и попадаютъ на встрѣчу бездыханныя тѣла; перемѣшиваются между собою отряды; одни по грудь, а другіе по ротъ въ водѣ, а мѣстами вслѣдствіе перовностей почвы разбросанные или заваленные; противъ воды безсильны были голоса и взаимныя убѣжденія; не было разницы между дѣятельнымъ и лѣнвымъ, умнымъ и простымъ, обдуманностью и случайностью: все уступало одной и той же силѣ. Наконецъ Вителлій, выбравшись на мѣста болѣе возвышенныя, туда же подвелъ войско; переночевало безъ самыхъ необходимыхъ предметовъ, безъ огня, большая часть воиновъ съ обнаженными или поврежденными тѣломъ не менѣе въ жалкомъ положеніи какъ тѣ, которые находятся въ осадѣ у непріятеля; да и

тѣмъ можно воспользоваться честною смертью, а этимъ конецъ безславный. Съ наступленіемъ дня открылась земля. Проникли до рѣки Визургиса, куда Цезарь направился съ флотомъ; посажены потомъ и легіоны, а между тѣмъ распространился слухъ, что они потонули; не вѣрили спасенію, пока не увидали Цезаря и приведенное назадъ войско. Уже Стертиній, посланный впередъ для принятія въ подданство Сегимера, брата Сегестова, его и сына его привелъ въ городъ Убіевъ. И тому, и другому даровано прощеніе—безъ труда Сегимеру, медленнѣе его сыну, такъ какъ о немъ говорили, что онъ издѣвался надъ тѣломъ Квинктилія Вара. Впрочемъ пополнить потери войска состязались Галліи, Испаніи, Италіи, предлагая, что у кого было готовое—оружіе, лошадей, золото. Похваливъ ихъ усердіе, Германикъ только взялъ на войну оружіе и лошадей, а воинамъ оказалъ пособіе собственными деньгами; а для того, чтобы самое воспоминаніе о несчастіи смягчить ласкою, обходилъ раненныхъ, превозносилъ похвалами отдѣльные подвиги; осматривалъ раны, однихъ—надеждами, другихъ—славою, а всѣхъ привѣтливою рѣчью и заботливостью привязывалъ къ себѣ и укрѣплялъ на битвы.

72. Въ этомъ году опредѣлены отличительные знаки триумфа А. Цецигъ, Л. Апропію, К. Силію за дѣйствія ихъ вмѣстѣ съ Германикомъ. Тиберій отвергъ наименованіе *отца отечества*, народомъ не разъ предлагаемое. И не позволилъ дать себѣ присяги, хотя таково было мнѣніе сената: «невѣрны всѣ дѣла смертныхъ; и чѣмъ бы кто больше ни получилъ, тѣмъ скорѣе въ «свольскомъ положеніи». Но этимъ не давалъ еще увѣренности, что мыслить какъ гражданинъ, потому что онъ ввелъ вновь законъ величества. Тоже наименованіе ему было и у Древнихъ, но другое подвергалось суду; если кто вредилъ измѣною войску, народу—возмущеніемъ, наконецъ дурными дѣйствіями дѣлу обществу и тѣмъ касался величія народа Римскаго. Ставили въ вину дѣйствія, а слова были безнаказанными. Первый Августъ, подъ видомъ этого закона, велѣлъ произвести слѣдствіе объ оскорбительныхъ книжкахъ, взволнованный наглостью Кассія Севера, съ какою онъ въ дерзкихъ сочиненіяхъ касался чести знатныхъ мужчинъ и женщинъ. Да и Тиберій, когда Помпей Магръ преторъ спросилъ его совѣта: «судить ли за оскорбленіе величества?» далъ отвѣтъ: «законы надобно приводить въ дѣйствіе». И его ожесточили стихи, вымышленные въ свѣтъ неизвѣстными сочинителями на жестокость и надменность его и ва, несогласный съ матерью, образъ мыслей.

73. Не лишнимъ будетъ привести обвиненія, взведенныя на Фаланія и Рубрія, всадниковъ Римскихъ, не изъ знатныхъ, съ цѣлю ознакомить—съ какимъ искусствомъ Тиберія вкралось самое пагубное зло, потомъ подавлено, наконецъ разгорѣлось и все охватило. Фаланія уличалъ обвинитель: «въ томъ, будто бы онъ при-
«нялъ въ число священно-служителей Августа, которые по всѣмъ
«домамъ имѣлись въ видѣ братствъ—нѣкоего Кассія, фигуранта по-
«зорнаго тѣломъ и въ томъ, что продавъ сады вмѣстѣ продалъ
«статую Августа». Рубрію ставилось въ вину, «что онъ клятво-
«преступленіемъ оскорбилъ божество Августа». Когда это стало из-
вѣстно Тиберію, то онъ написалъ консуламъ: «не для того отцу
«его опредѣлено небо, чтобы эта почеть обращена была на гибель
«гражданъ. Актеръ Кассій, между прочими занятіями своего ис-
«кусства, принималъ участіе въ играхъ, которыя его мать посвя-
«тила въ память Августа. И не нарушаетъ уваженія къ религіи
«то, что его изображенія, какъ статуи другихъ боговъ, поступаютъ
«вмѣстѣ съ продажею садовъ и домовъ. О клятвѣ же должно такъ
«думать, какъ если бы онъ обманулъ Юпитера; объ оскорбленіи
«боговъ пусть заботятся сами боги.»

74. Не много спустя—Гранія Марцелла, претора Визаніи, его квесторъ Цэпю-Криспинъ потребованъ на судъ въ оскорбленіи величества, за подписью Римлянина Гиспона; онъ принялъ образъ жизни, пріобрѣтшій впоследствии большую извѣстность, вслѣдствіе бѣдственныхъ обстоятельствъ времени и рѣшительности людей на все: находясь въ нуждѣ, неизвѣстности, но будучи безпокойнаго характера онъ тайными доносами вползъ къ Государю жестокому и скоро сталъ грозить опасностью людямъ, наиболѣе пользовавшимся извѣстностью, пріобрѣлъ силу у одного, а ненависть у всѣхъ и подалъ примѣръ, слѣдую которому изъ бѣдняковъ сдѣлались богачи, изъ достойныхъ презрѣнія—грозою для всѣхъ; устроили гибель другимъ, а наконецъ себѣ. Обвиненіе на Марцелла заключалось въ томъ: «что онъ о Тиберіѣ имѣлъ зловѣщія рѣчи». Обвиненіе, отъ котораго увернуться было невозможно, такъ какъ обвинитель изъ нравственныхъ поступковъ главы государства выбиралъ самые гнусные и ставилъ въ вину подсудимому; то, что они были дѣйствительно, заставляло вѣрить словамъ. Гиспонъ прибавилъ: «ста-
«туя Марцелла находится выше, чѣмъ Цезарей и что на другой
«статуѣ, отнявъ голову Августа, поставилъ изображеніе Тиберія». На это онъ вспылилъ до такой степени, что, выйдя изъ обыкновенной молчаливости, вскричалъ: «въ этомъ дѣлѣ и онъ подастъ

мнѣніе открыто и подѣ присягою» для того, чтобы и прочихъ поставить въ эту же необходимость. Но слѣды умиравшей вольности еще оставались, а потому Кн. Пизонъ спросилъ: «въ какомъ порядкѣ выскажешь ты, Цезарь, свое мнѣніе? если первый, буду, имѣть чему слѣдовать, а если послѣ всѣхъ, опасаясь какъ «бы неблагоразумно не разойдтись съ тобой въ образѣ мыслей.» Подѣйствовали эти слова и чѣмъ неосторожнѣе была его горячность, тѣмъ изъ раскаянія терпѣливѣе онъ вынесъ то, что подсудимаго оправдали въ обвиненіи оскорбленія величества; а дѣло о неправильно взятыхъ деньгахъ предоставлено рециператорамъ (обычнымъ судьямъ.)

75. И не довольствуясь изслѣдованіями сенаторовъ, онъ присутствовалъ при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, сидя въ углу трибунала, чтобы не согнать претора съ курульнаго кресла и въ присутствіи его много рѣшено наперекоръ искательству и просьбамъ сильныхъ; но въ пощечиняхъ объ истинѣ, гибла свобода. Между прочимъ сенаторъ Пій Аврелій жаловался: «отъ тяжести общественной дороги и водопровода обрушился его домъ» и просилъ пособія сенаторовъ. Сопротивлялись преторы казначейства, но явился въ помощь Цезарь и дѣну построекъ присудилъ Аврелію, сочувствуя добросовѣстнымъ просьбамъ о деньгахъ: добродѣтель эту онъ удержалъ долго, пока виѣстѣ съ прочими не лишился и этой. Бывшему претору Проперцію Целеру, просившему по бѣдности увольненія изъ сословія, выдалъ десять сестерціевъ, достаточно убѣдился—что денежные затрудненія наследованы имъ отъ отца. Когда и другіе пытались добиться того же самого, онъ приказалъ сенату изслѣдовать дѣло, подѣ вліяніемъ строгости; даже въ томъ, что дѣлалъ какъ слѣдуетъ, былъ онъ суровъ, такъ что другіе предпочитали молчаніе и бѣдность—признанію и благодаренію.

76. Въ этомъ же году Тибръ, увеличенный постоянными дождями, залилъ ровныя мѣста города; за отливомъ его послѣдовала гибель строеній и людей. А потому Азиній Галль подалъ отъ себя мнѣніе «*обратиться къ Сивиллиннымъ книгамъ*». Тиберій отъказалъ, одинаково скрывая и божественное и человѣческое. Атеіу Капитону и Л. Аррунцію поручено (изыскать) средство удержать рѣку въ берегахъ. Признано за лучшее—Ахаію и Македонію, умолявшихъ объ облегченіи тягостей, освободить въ настоящемъ отъ управленія проконсульскаго и передать Цезарю. На выходахъ гладиаторовъ, пожертвованныхъ имъ отъ своего имени и отъ имени Германика, предсѣдательствовалъ Друзъ, слишкомъ радуясь проди-

тію крови, какъ она низка ни была. Для народа это подало поводъ къ опасеніямъ и говорили, что и отецъ замѣчалъ ему о томъ съ упрекомъ. Почему самъ Тиберій не присутствовалъ при зрѣлищахъ, толковали разнo: одни говорили, что ему большое стеченіе народа въ тягость, другіе объяснили это свойственнымъ ему грустнымъ расположеніемъ духа и опасеніемъ сравненія, съ какою ласкою присутствовалъ Августъ. Не повѣрилъ бы я, будто сыну дана возможность—обнаружить жестокость и оскорбить чувства народа: хотя и это было высказываемо.

77. А своеволие театра, начавшееся въ предшествующемъ году, высказалось тутъ съ болѣе важными послѣдствіями: убиты не только изъ черни, но даже воины и сотникъ, раненъ трибувъ преторіанской когорты въ усиліяхъ остановить брань на должностныя лица и раздоръ народа. Шли толки объ этомъ возмущеніи и у сенаторовъ и высказаны были мнѣнія: «предоставить преторамъ право тѣлеснаго наказанія относительно актеровъ.» Вступился противъ этого Патерій Агриппа, трибувъ народный, за что осыпанъ былъ бранью Азинія Галла въ его рѣчи. Тиберій молчалъ, предоставляя сенату это подобіе свободы. Впрочемъ, внимательство трибуна имѣло силу, такъ какъ божественный Августъ далъ когда то отвѣтъ: «что актеры должны быть свободны отъ побоевъ»—и Тиберій поставилъ себѣ за правило не нарушать его распоряженій. Относительно размѣра платы и противъ безграничнаго мотовства любителей состоялись многія опредѣленія; изъ нихъ особенно замѣчательны: «сенаторъ не долженъ входить въ дома пантомимовъ; не должны ихъ, когда они выходятъ всенародно, окружать всадники «Римскіе; не должны быть предметомъ зрѣлища иначе какъ въ театръ: преторамъ предоставлена власть зрителей за невоздержность «осуждать въ ссылку.»

78. На просьбу Испанцевъ дозволено построить Августу храмъ въ поселеніи Тарраконенскомъ и поданъ примѣръ для всѣхъ провинцій. Когда народъ отпрашивался отъ платежа одной сотой съ цѣны продажныхъ предметовъ, Тиберій объявилъ: «военное казначейство «опирается на этотъ доходъ: а также не подь силу будетъ тяжело «дѣлу общественному, если воины заслуженные будутъ имѣть чистую отставку ранѣ двадцати лѣтъ.» Такимъ образомъ необдуманныя послѣдствія внезапнаго возмущенія и вынужденный имъ шестнадцатилѣтній срокъ службы, уничтожены на будущее время.

79. Предложено потомъ въ сенатѣ Аррунціемъ и Атеемъ: чтобы умѣрить разливы Тибра не отвести ли воды рѣкъ и озеръ, изъ

которыхъ прибываетъ?—Выслушаны посольства городовъ и поселеній. Флорентинцы просили: «какъ бы Кланисъ, будучи отведенъ отъ обычнаго русла и обращенъ въ Арно, не принесъ бы имъ такой же гибели.» Соотвѣтственное этому представляли Интерамнаты: «погибнуть плодороднѣйшія поля Италіи, если рѣка Наръ (а къ этому дѣлались приготовленія), разведенная на ручейки, обратится въ болота.» Не молчали и Реатины, не соглашався, чтобы заваленъ былъ исходъ изъ Велинскаго озера въ рѣку Наръ; «тогда разольется оно по окрестностямъ; лучшимъ образомъ озаботилась при рода дѣлами человѣческими, давъ рѣкамъ извѣстные истоки, извѣстныя русла и назначивъ какъ начало, такъ и конецъ. Нельзя не принять въ соображеніе и религіозныя убѣжденія союзниковъ, посвятившихъ и тайнства, и рощи, и жертвенники отеческимъ богамъ. Да и самъ Тибръ не захочетъ, совершенно отчужденный отъ прилежащихъ рѣкъ, имѣть теченіе съ меньшею славою.» Просьбы ли поселеній, затруднительность ли работъ, суевѣріе ли имѣли силу, но принято мнѣніе Пизона, чтобы все оставить безъ перемѣны. Поппею Сабину отсрочено управленіе провинціею Мезіею и прибавлены Ахаія и Македонія. И это въ обычаѣ Тиберія было: продолжать власть и какъ можно большее число людей удерживать до конца ихъ жизни въ однихъ и тѣхъ же войскахъ или гражданскихъ должностяхъ. О причинахъ различно толковали; одни говорили, что: «во избѣжаніе новой заботы, разъ что ему понравилось, сохранялъ навсегда, а нѣкоторые объясняли завистью: чтобы меньшее число пользовалось.» Есть и такіе, которые полагаютъ, что умъ его, быстрый на хитрости, былъ тупъ на соображеніе. Не будучи послѣдователемъ высокихъ добродѣтелей, онъ съ другой стороны ненавидѣлъ пороки; отъ лучшихъ людей ждалъ онъ опасности себѣ, а отъ дурныхъ урону общественному дѣлу. Въ такой перфшительности дошелъ онъ до того, что поручилъ провинція и такимъ личностямъ, которымъ выѣздъ изъ города (Рима) не позволялъ.

81. Относительно консульскихъ выборовъ, которые тогда въ первый разъ были при этомъ государѣ и впоследствии, я не рѣшусь ничего сказать утвердительно; до того различныя свѣдѣнія находимъ не только у писателей, но даже въ его рѣчахъ. То, скрывъ имена кандидатовъ, онъ излагалъ происхожденіе каждаго, и жизнь и службу такъ, чтобы можно было понять это они такіе; а иногда, не приводя и этихъ объясненій, убѣждалъ кандидатовъ, чтобы они искательствомъ не смущали выборовъ и обѣщавъ имъ свою въ томъ

заботу. По большей части утверждалъ онъ: «что только тѣ счи-
таются залвившими свои права, имена которыхъ онъ передалъ кон-
суламъ: могутъ и другіе заявить, если только полагаются на бла-
госклонность или на заслуги.» На словахъ благовидно, на дѣлѣ
пустое или притворное и чѣмъ больше прикрывались подобныя дѣй-
ствія призракомъ свободы, тѣмъ сулили въ будущемъ еще худшее
рабство.

КНИГА ВТОРАЯ.

1. Начало Парейнской войны. Фраатъ, отецъ Вонона.—2.
Вононъ ненавистенъ своимъ соотечественникамъ.—3. Изгнан-
ный Артабаномъ, бѣжалъ къ Армянамъ.—4. Въ Арменіи пе-
ремѣна царей.—5. Германикъ, отозванный Тиберіемъ изъ за-
висти, готовится тотчасъ же напасть на Германцевъ.—
6. Флотъ его. Рейпъ.—7. Вторженіе въ землю Каттовъ. Восста-
новленъ жертвенникъ Друза.—8. Друзовъ ровъ. Амизія. При-
няты мѣры строгости противъ возмущившихся Ангриваріевъ.—
9. Бесѣда Арминія съ братомъ.—10. Послѣдствія—раздраже-
ніе и брань.—11. Римляне переходятъ Визургисъ. Батавы въ
опасности; убитъ Каріовальда.—12. Германикъ изслѣдуетъ
расположеніе умовъ войновъ.—13. Обѣщаны отъ Германцевъ
награды перебѣжчикамъ,—тутъ же они подскакиваютъ къ Рим-
скимъ лагерямъ.—14. Сонъ Германика, его и—15. Арминія
рѣчи къ своимъ.—16. Мѣсто сраженія: Идиставизское поле—
устройство боевыхъ линій.—17. Благопріятное гаданіе по по-
лету птицъ. Бѣгство Германцевъ и избіеніе.—18. Поставленъ
трофей.—19. Возбужденный такимъ посрамленіемъ народъ
 снова берется за оружіе.—20. Жестокій бой.—21. Наконецъ
 побѣждаютъ Римляне какъ ни сомнительно было сраженіе
 конницы.—22. Памятникъ и пышное на немъ описаніе со-
 бытій.—23. Воины привезены назадъ на судахъ.—24. Вслѣд-
 ствіе бури бѣдствіе, грозившее почти гибелью; потерпѣвшіе
 крушеніе пособраны.—25. На Германцевъ, ободренныхъ этимъ

благоприятнымъ обстоятельствомъ, нападаетъ Германикъ и поражаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ обратно орелъ Варовъ.—26. Тутъ, не довершивъ дѣла, отозванъ Тиберіемъ.—27. Донось на Либона Друза отъ его пріятеля.—28. Обвиненъ въ сенатѣ.—29. На находитъ защитниковъ.—30. Хотя скорѣе могъ быть уличенъ въ слабости, чѣмъ преступленіи, видѣлъ по небывалому еще праву пытку рабовъ его на его же голову.—31. Тщетно проситъ главу государства. Либонъ порѣшилъ самъ съ собою.—32. Мнѣніе сенаторовъ о покойномъ. Астрологи и маги изгоняются изъ Италіи. 33. Роскошь общественной слегка стѣснена, а защищаль ее Азиніи.—34. Свобода Пизона, могущество Ургулаціи.—35. Состязаніе въ сенатѣ относительно изложенія дѣлъ.—36. Мнѣніе Азинія о выборахъ, отвергнутое Тиберіемъ.—37. Рѣчь Гортала, просившаго пособія въ бѣдности.—38. Сурово принялъ Тиберіи, по дѣтямъ его оказываетъ кой какую милость.—39. Преступное дѣло раба Клеменса; онъ, ложно назвавшись Постумомъ Агриппою, главѣ государства причинилъ было заботу.—40.—Будучи взявъ хитростью Саллюстія Криспа, убить въ Римѣ.—41. Въ Римѣ посвящены новыя постройки. Въ слѣдующемъ году торжествуетъ Тиберіи.—42. Архелай, царь Каппадоковъ, будучи призванъ въ городъ, погибъ.—43. Возмущенный Востокъ порученъ Германику, а Пизону, челоувѣку звѣрскому—Сирія.—44. Другъ посланъ въ Иллирикъ, по просьбѣ Херусковъ о помощи противъ Свевовъ.—45. Такимъ образомъ Германцы, между собою несогласные, приготовляются къ сраженію; рѣчь Арминія къ своимъ.—46. И Маробода къ своимъ. Жестокое сраженіе. Марободъ слыветъ за побѣжденнаго.—47. Землетрясеніе въ Азиі; потерпѣвшимъ отъ него оказываетъ помощь Тиберіи.—48. Къ другимъ не менѣе щедрый.—49. Посвящены нѣкоторые храмы.—50. Варилія потребована къ суду въ оскорбленіи величества.—51. Состязаніе о замѣнѣ претора. Такфарнатата и Мазинну, взволновавшихъ Африку войною, поражаетъ Камиллъ.—52. Опредѣлены ему почести триумфа.—53. Германіика разные пути.—54.

Возвращаясь совѣтуется съ Кларіемъ Аполлономъ; значеніе оракула.—55. Пизонъ и жена его Планція замышляютъ противъ Германика зло, даже вносятъ порчу въ лагери.—56. Германикъ ставитъ въ Арменіи царя, а въ Каппадокіи и Коммагенѣ легатовъ.—57. Наглость Пизона при свиданіи, совѣтахъ, пиршествахъ.—58. Вопонъ удаленъ изъ Сиріи.—59. Германикъ отправляется въ Египеть, что Тиберій не одобряетъ.—60. Канонъ. Древніе Оивы.—61. Статуя Мемнона, пирамиды и прочее.—62. Раздоръ между Германцами вслѣдствіе хитрости Друза.—63. Марободъ, сбитый силою Катувальда, бѣжитъ къ Римлянамъ. Вскорѣ таже судьба постигла Катувальда.—64. Рескунорисъ, подавивъ Котія сына его брата и выйдя изъ распредѣленія Римлянъ, домогается его части.—65. И самаго захвативъ коварствомъ, занялъ всю Фракію.—66. Позванный оттуда для приписанія оправданія, убиваетъ Котиса.—67. Приведенъ въ Римъ и осужденъ.—68. Вононъ пытается бѣжать, но, будучи схваченъ, прокальвается.—69. Германикъ дѣлается боленъ вслѣдствіе преступленія, какъ полагають, Пизона.—70. Ему отказываетъ въ дружбѣ по древнему обычаю.—71. Поручивъ приближеннымъ отмщеніе и—72. Сдѣлавъ женѣ внушеніе, умираетъ.—73. Сравнивали его съ Александромъ Македонскимъ и ставили выше.—74. Септій дѣлается начальникомъ Сиріи.—75. Агриппина сибшитъ въ городъ.—76. Пизону, находившемуся въ восторгѣ отъ случая съ Германикомъ, сынъ отсовѣтываетъ возвращеніе въ Сирію.—77. Противное совѣтуетъ Доміціи Целеръ—78. и убѣждаетъ.—79. Пизонъ, готовя насиліе преемнику его Септію, встрѣчается съ Агриппиною.—80. Занимаетъ укрѣпленіе; устроиваетъ войско къ бою, но пораженъ Септіемъ.—81. Наконецъ ему дается безопасный путь до Рима.—82. Тамъ, вслѣдствіе смерти Германика, сильныя раздраженіе и плачь.—83. Почести этому человѣку опредѣленны.—84. Ливія Друзу рождаетъ двойней.—Мѣры противъ распутства женщинъ—изгнаніе священнодѣйствій Египетскихъ и Іудейскихъ.—86. Захваченная Весталка.—87. Опредѣлена цѣна хлѣбу; отъ новыхъ

почестей уклоняется Тиберій.—88. Убіеніе Армінія и похвальное ему слово.

Дѣлалось это въ продолженіи четырехъ лѣтъ въ консульства Т. Статилія Сизенны Тавра и Л. Скрибонія Либона—К. Цэлія Руфа и Л. Помпонія Флакка—Тиберія Цезаря Августа въ третій разъ и Германика Цезаря во второй—М. Юнія Силана и Л. Норбана Флакка.

1. Въ консульство Сизенны Статилія Тавра и К. Либона взволновались царства Востока и провинціи Римскія, а начало взялось отъ Паревовъ: они—своего царя, вырощеннаго въ Римѣ и принятаго оттуда, хотя онъ и былъ племени Арзакидовъ—презирали какъ иноземца. То былъ Вононь, Фраатомъ данный Августу въ заложники, такъ какъ Фраатъ, не смотря на то, что отразилъ и войска и полководцевъ Римскихъ, исполнялъ къ Августу всѣ обязанности глубокаго уваженія и для укрѣпленія дружбы отправилъ часть своего потомства; не столько изъ опасенія насъ, сколько не довѣряя преданности соотечественниковъ.

2. Послѣ смерти Фраата и послѣдовавшихъ за нимъ царей, вслѣдствіе междуусобнаго кровопролитія, прибыли въ городъ послы отъ старѣйшинъ Парескихъ съ тѣмъ, чтобы пригласить Вонона, старѣйшаго изъ дѣтей Фраата. Цезарь счелъ это для себя весьма почетнымъ и осыпалъ богатствами. Дикари приняли съ радостью, какъ почти всегда новую власть. Но векоръ овладѣлъ ими стыдъ: «переродились Паревы; «просили, съ другаго края свѣта, царя, зараженнаго происками не-«пріятелей; уже престоль Арзакидовъ считается въ числѣ провин-«цій римскихъ и раздается. Гдѣ та слава умертвившихъ Юрасса, «изгнавшихъ Антонія, если слуга Цезаря, въ теченіи столькихъ «лѣтъ выносившій рабство, повелѣваетъ Паревамъ?» Давалъ пищу презрѣнію и самъ Вононь, уклоняясь отъ обычаевъ прародительскихъ; рѣдко охотился, о коняхъ оказывалъ мало заботливости; а въ своихъ поѣздкахъ по городамъ, носимъ былъ на носилкахъ и показывалъ пренебреженіе къ отечественнымъ пиршествамъ. Служили поводомъ къ насмѣшкамъ и провожатые Греки, и то что самыя незначительные предметы домашняго хозяйства хранились за его печатью; но легкій къ нему доступъ, предупредительная ласка обращенія, добродѣтели, незнакомыя Паревамъ, казались имъ новыми

пороками и, какъ чуждыя ихъ правамъ, были равно ненавистны и дурнымъ людямъ и честнымъ.

3. Вслѣдствіе этого Артабанъ отъ крови Арзакидовъ, выросшій у Даговъ вызванъ; при первой встрѣчѣ разбитый, возобновляетъ силы и овладѣваетъ царствомъ. Убѣжимъ побѣжденному Вонону была Арменія, въ то время никѣмъ не занятая, постоянно недовѣрявшая силамъ Паревовъ и Римлянъ, вслѣдствіе преступленія Антонія, который—Артавазда, царя Армянъ, обольстивъ притворною дружбою, потомъ заключилъ въ оковы и наконецъ умертвилъ. Сынъ его, Артаксіасъ, непріязненный намъ вслѣдствіе воспоминанія объ отцѣ, въ силѣ Арзакидовъ находилъ защиту и себѣ и царству. Когда Артаксіасъ убитъ коварствомъ родственниковъ, Цезарь далъ Армянамъ Тиграна, отведеннаго въ царство Тиберіемъ Нерономъ. Да и Тиграна непродолжительное было господство, а равно и дѣтей его, хотя они, по чужестранному обычаю, соединены были и на брачную жизнь и на царство.

4. Потомъ, по приказанію Августа, навязанъ Артаваздъ и сброшенъ не безъ потери для насъ. Тогда избранъ К. Цезарь для умиренія Арменіи. Онъ, по желанію Армянъ, сдѣлалъ у нихъ правителемъ Аріобарзана, родомъ Меда, за красивую наружность и прекрасную душу. Когда Аріобарзанъ сдѣлался жертвою случайной смерти, потомства его не стали терпѣть. Испытали было господство женщины, по имени Эрато, но и ее скоро выгнали, сами не зная что дѣлать и полные своеволія, скорѣе находились безъ господина, чѣмъ наслаждались свободою; приняли бѣглеца Вонона на царство. Но когда сталъ грозить Артабанъ и мало помощи было въ Армянахъ, а если защищать его нашими силами, то необходимо было начать войну съ Парсами—Правитель Сиріи Кретику Силанъ, вызвавъ его, окружилъ стражею, оставивъ при немъ роскошь и имя царя; а какъ было Вононъ пытался избѣжать отъ этакаго посмѣянія, передадимъ въ своемъ мѣстѣ.

5. Впрочемъ смуты, случившіяся на Востокѣ, были Тиберію не непріятны; подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ могъ онъ отвлечь Германика отъ привыкшихъ къ нему легионовъ и, навязавъ новымъ провинціямъ, бросить на жертву коварству и случайностямъ. А онъ, чѣмъ сильнѣе было къ нему усердіе воиновъ, а расположеніе дяди все непріязненнѣе, тѣмъ болѣе прилагалъ вниманія ускорить побѣду, обсудить пути къ сраженію, принимая въ соображеніе то, что съ нимъ, уже третій годъ ведущимъ войну, случилось неблагопріятнаго или счастливаго. «Германцы терпятъ пораженіе въ открытомъ бою и ровной

«мѣстности; помощь находятъ они въ лѣсахъ, болотахъ, короткомъ лѣтѣ и весьма ранней зимѣ; воины его терпятъ не столько отъ ранъ, сколько отъ дальнихъ дорогъ, отъ тяжести оружія. Галліи излучены поставкою лошадей. Длинный рядъ обозовъ даетъ только поводъ къ засадамъ, при неблагоприятныхъ условіяхъ защиты. А если проникнуть моремъ, то быстрое для нихъ завладѣніе, а не пріятель и знать не будетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ военныя дѣйствія начнутся раньше и вмѣстѣ двигаются и легіоны, и запасы; безъ потерь и всадники, и лошади будутъ въ срединѣ Германіи, если проникнуть въ русла рѣкъ черезъ ихъ устья».

6. А потому онъ сталъ такъ и дѣйствовать: отправлены для переписи Галліи— П Вителлій и К. Антій, а Силій, Антей и Цецина сдѣланы начальниками сооружаемаго флота. Показалось достаточнымъ сдѣлать тысячу судовъ, но съ поспѣшностью: одни короткія съ узкимъ носомъ и коржою и съ широкими боками, чтобы легче переносили волны; нѣкоторые съ плоскимъ дномъ, чтобы безъ вреда садились на мель; большая часть судовъ съ рулями, прикрѣпленными съ той и другой стороны, для того чтобы, повернувъ вдругъ весла, была возможность приставать туда и сюда. Многія покрыты мостами, на которыхъ везены были метательныя орудія; приспособленные вмѣстѣ перевозить конницу или провіантъ, они дѣйствовали легко и парусами, и греблею, а готовность и усердіе воиновъ придавали имъ видъ болѣе грозный. Заблаговременно назначенъ островъ Батавовъ мѣстомъ, куда собираться; къ нему приставать было легко и онъ представлялъ наиболѣе удобствъ для принятія войскъ и отправленія на войну. Рейль, который течетъ однимъ русломъ или обтекаетъ небольшіе острова, въ началѣ Батавскаго поля раздѣляется какъ бы на двѣ рѣки; сохраняетъ тоже имя и быстроту теченія вдоль Германіи, пока не сольется съ океаномъ; у Галльскаго берега шире, тише и съ притоками; измѣнивъ имя, прибрежные жители зовутъ его *Ватавою*; но вскорѣ и это наименованіе перемѣняется на рѣку Мозу и необъятымъ устьемъ вливается она въ тотъ же океанъ.

7. Цезарь, пока собираются суда, отдаетъ приказаніе легату Силію съ отрядомъ налегкѣ сдѣлать вторженіе въ землю Каттовъ; а самъ услышавъ, что укрѣпленіе, прилежащее къ рѣкѣ Луппій, находится въ осадѣ, повелѣлъ туда шесть легіоновъ. И Силій, вслѣдствіе внезапныхъ дождей, не могъ ничего другаго сдѣлать, какъ захватить умѣренную добычу и жену и дочь начальника Каттовъ, Арпа. Да и Цезарю осаждавніе не дали возможности

къ сраженію и по слуху о его прибытіи разошлись. Впрочемъ они разорили могильный холмъ, недавно воздвигнутый легионамъ Вара и старый жертвенникъ, поставленный Друзомъ. Возстановилъ онъ жертвенникъ и въ честь отца самъ первый и съ легионами обошелъ церемоніальнымъ маршемъ; возобновлять же надгробный холмъ незаблагоразсудилось. Все, между укрѣпленіемъ Ализономъ и Рейномъ, укрѣплено новыми границами (пограничными рвами) и насыпями.

8. Уже прибылъ флотъ, когда, пославъ впередъ провіантъ и распредѣливъ суда на легионы и союзниковъ, Цезарь, войдя въ ровъ, носившій наименованіе *Друза*, помолился къ отцу Друзу: «чтобы онъ его, дерзнувшаго на то же предпріятіе, милостиво и «охотно поддержалъ бы своимъ примѣромъ и памятью совѣтовъ «и дѣлъ.» Велѣдъ за тѣмъ переплываютъ счастливо озеро и океанъ до рѣки Амизіи. Флотъ оставленъ въ Амизіи на лѣвой сторонѣ рѣки и сдѣлана погрѣшность въ томъ, что не подвезъ, высадивъ воиновъ, которымъ слѣдовало идти на правой берегъ, а потому очень много дней потеряно на устройство мостовъ. Всадники и легионы перешли безстрашно первые потоки, когда вода не была еще на прибыль; а находившееся назади войско союзниковъ и Батавы, находившіеся тутъ, пока издѣваются надъ водою и показываютъ искусство плавать, пришли въ замѣшательство, а нѣкоторые и потонули. Когда Цезарь ставилъ лагерь, принесено извѣстіе объ отпаденіи Ангриваріевъ, находившихся въ втылу: посланъ туда Стертивій съ всадниками и легковооруженными воинами; огнемъ и убійствами отмстилъ за ихъ вѣроломство.

9. Рѣка Визургисъ течетъ промежду Римлянъ и Херусковъ; на берегу ея остановился Арминій съ прочими старѣйшинами и на вопросъ: «пришелъ ли Цезарь?» получивъ отвѣтъ, что онъ *на лицо*, просилъ *дозволенія переговорить съ братомъ*. Находился онъ въ войскѣ подъ именемъ Флавія, отличался вѣрностью и отъ раны потерялъ глазъ за немного лѣтъ передъ тѣмъ, когда вождемъ былъ Тиберій. Дозволеніе дано; выйдя впередъ, получаетъ привѣтствіе отъ Арминія и онъ, удаливъ окружавшихъ его, требуетъ «чтобы отошли дальше стрѣлки, расположенные передъ нашимъ берегомъ.» Когда они удалились: «отчего у него обезображено лицо?»—спрашиваетъ брата. Когда онъ указалъ и мѣсто, и сраженіе, допытывается: «какую же онъ награду получилъ? Флавій упоминаетъ: «о прибавленномъ жалованьи, ожерельѣ и вѣнкѣ и другихъ военныхъ дарахъ.» Съ насмѣшкою отозвался о нихъ Арминій, какъ о достойныхъ презрѣнія наградахъ за рабство.

10. Тутъ начали они говорить весьма несогласно: «одинъ—о величїи Римлянъ, силахъ Цезаря и о тяжкихъ наказанїяхъ для побѣжденныхъ, а изъявляющему покорность готово милосердіе; и съ женою его и съ сыномъ обращаются не непрїязненно.» А тотъ «объ обязанно-«стяхъ къ отечеству, о свободѣ прадѣлами завѣщанной, о сокровен-«ныхъ божествахъ Германїи, о матери раздѣляющей мольбы, чтобы «онъ не предпочиталъ быть измѣнникомъ и предателемъ родныхъ и «свойственниковъ и всего своего народа чѣмъ главнымъ вождемъ.» Мало по малу дошли до брани и раздѣлявшая ихъ рѣка не помѣшала бы завязать имъ между собою бой, если бы не подоспѣлъ Стертиній и не удержалъ Флавія, полнаго гнѣва и требовавшаго оружіе и коня. Видѣвъ былъ напротивъ и Арминій, полный угрозъ, объявлявшій бой; такъ какъ онъ весьма многое высказывалъ на Латинскомъ языкѣ, бывъ на службѣ въ Римскомъ лагерѣ предводителемъ своихъ земляковъ.

11. На другой день Германцы расположились боевою линїею по ту сторону Визургиса. Цезарь, считая недостойнымъ главнаго вождя подвергнуть опасности легионы прежде, чѣмъ будутъ наведены мосты и поставлены вооруженные отряды, посылаетъ конницу на ту сторону въ бродъ. Начальствовали ею Стертиній и изъ числа примипларіевъ Эмилиї; они сдѣлали атаку въ разныхъ мѣстахъ, чтобы развлечь силы непрїятельскїя. Тамъ, гдѣ рѣка имѣетъ самое быстрое теченіе, бросился Каріовальда; вождь Батавовъ. Его—Херуски притворнымъ бѣгствомъ завлекаютъ въ равнину окруженную лѣсами; потомъ, поднявшись и бросившись со всѣхъ сторонъ, поражаютъ сопротивляющихся, преслѣдуютъ отступающихъ и сбитыхъ въ кучу тревожатъ частью рукопашнымъ боемъ, частью издали. Каріовальда долго выдерживалъ жестокость нападенїя непрїятельскаго, убѣдилъ своихъ—надвигающїяся толпы проломить дружнымъ натискомъ и самъ бросился въ самую густую толпу непрїятелей; подъ градомъ стрѣлъ палъ онъ съ пронзеннаго коня и много знатныхъ легло вокругъ; остальныхъ выручили изъ опасности или собственная сила или всадники, подоспѣвшіе съ Стертиніемъ и Эмилиемъ.

12. Цезарь, перейдя Визургисъ, изъ показанїя бѣглеца узналъ: «избрано Арминіемъ мѣсто сраженїя; собрались и прочїе народы въ лѣсъ, посвященный Геркулесу и дерзнуть на ночный приступъ лагерей.» Доносчику повѣрили, видны были огни и подошедшіе ближе лазутчики принесли извѣстіе: «что слышно

ржаніе коней и ропоть необъятнаго и нестройнаго войска.» А потому съ приближеніемъ окончательной развязки всему дѣлу, Германивъ заблагоразсудилъ испытать расположеніе умовъ воиновъ и какъ бы это узнать неподдѣльно, такъ съ собою разсуждалъ: «трибуны и сотники чаще приносятъ вѣсти пріятныя, чѣмъ вопліи вѣрныя; отпущенниковъ образъ мыслей рабскій; друзья не чужды лести. Если созвать собраніе, то и тамъ что немногіе начнутъ, прочіе поддерживаютъ своими криками. Вопліи узнать образъ мыслей можно только тогда когда, сами съ собою, никѣмъ не наблюдаемые, вкушая свойственную воину пищу, высказываютъ «они надежды или опасенія.»

13. Въ началѣ ночи выйдя мѣста, гдѣ производились гаданія по птицамъ, мѣстами скрытыми и стражамъ неизвѣстными, съ однимъ провожатымъ, покрывъ плеча звѣриною кожею, проходитъ по улицамъ лагерей, останавливается у палатокъ и пользуется плодами своей извѣстности; одни превозносятся похвалами *благородство вождя*, другіе *честность*, большинство *терпѣливость*, *ласковость* и *в шуткахъ*, и *въ важномъ всегдашнее постоянство характера*. Признавались, что *благодарность* свою должны они высказать ему *въ бою* и вмѣстѣ: «*вѣроломныхъ нарушителей мира надобно принести въ жертву мщению и славу.*» Въ это время одинъ непріятель, знавшій латинскій языкъ, подсакавъ на конѣ къ окопамъ, громкимъ голосомъ отъ имени Арминія обѣщаетъ: «тѣмъ, кто перебѣжитъ, женъ, земли, жалованья ежедневнаго, пока будетъ война, по сту сестерцій.» Такое оскорбленіе вызвало раздраженіе легионовъ: «пусть наступитъ день, дана будетъ битва; возьметъ вопль поля Германцевъ, увлечетъ женъ»; принимаютъ они предвѣстіе и обрекаютъ добычѣ и брачныя связи, и деньги непріятелей. Почти въ третью смѣну стражу (ночную) подскочили къ лагерямъ, но и стрѣлы не бросили, вида передъ укрѣпленіями частыя когорты и то, что никакого упущенія въ мѣрахъ предосторожности не сдѣлано.

14. Ночь эта принесла Германиву веселое успокоеніе: видѣлъ себя за дѣломъ жертвоприношенія и вмѣсто своей одежды, окропленной священною кровью, получилъ другую, еще болѣе красивую изъ рукъ бабушки Августы. Обрадованный предсказаніемъ—такъ какъ и гаданія были во томъ же смыслѣ—созываетъ собраніе и разсуждаетъ о томъ, что заблагоразуміемъ предусмотрѣнное, пригодно къ уже близкому бою: «не одни только ровныя поля хороши для Римскаго воина, но съ умомъ и лѣса и горныя ущелья; огром-

«ные щиты дикарей, громадные копыя не одинаково дѣйствуютъ между стволами деревьевъ и бустарниками, выросшими изъ земли, съ дротиками, мечами и одеждами, плотно прикрывающими тѣло. Пусть учащаютъ удары; мечами доискиваются лица. Ни панцирей у Германцевъ, ни племевъ; щиты не скрѣплены ни желѣзомъ, ни бычьими жилами, но представляютъ тонкія дощечки, сплетенныя изъ тростника, раскрашенныя разными цвѣтами. Первая боевая линія еще кое какъ снабжена копыями, а у прочихъ оружіе или короткое или надожженное. Наружность у нихъ грозная и достаточно силъ для кратковременнаго нападенія, но вовсе нѣтъ у нихъ терпѣнія переносить раны, не стыдятся они позора, нисколько не пекутся о вождахъ, уходятъ, бѣгутъ; при несчастіи трусы, въ счастіи не помнятъ ни о божественномъ, ни о человѣческомъ правѣ. Если, наскучивъ переходами и моремъ, желаютъ они конца, то готовъ онъ въ этомъ бою: уже ближе Альбисъ, чѣмъ Рейнъ; за тѣмъ войны дальше нѣтъ; лишь бы только его, попирающаго слѣды отца и дяди, поставили бы побѣдителемъ въ тѣхъ же самыхъ земляхъ.»

15. Рѣчь вождя вызвала усердіе воиновъ и данъ сигналъ къ сраженію. Да и Арминій, и прочіе старѣйшины Германцевъ, не преминули каждый свидѣтельствовать передъ своими: «Эти римляне—бѣглецы войска Варова; чтобы не переносить войны, взялись за возмущеніе; часть ихъ—спины, покрытыя ранами, часть—члены, поврежденные волнами и непогодами, поставятъ снова на жертву ожесточеннымъ врагамъ при противудѣйствіи боговъ, безо всякой надежды на доброе; прибѣгли къ судамъ и непроходимымъ мѣстамъ Океана, какъ бы кто не попался на встрѣчу, когда они шли, какъ бы не тѣснилъ пораженныхъ; но, когда они сойдутся рука съ рукою, то для побѣжденныхъ тиетна будетъ помощь вѣтровъ и весель; пусть только помнятъ они ихъ корыстолюбіе, жестокость, надменность. Осталось ли для нихъ что либо другое, какъ удержатъ свободу или умереть прежде рабства?»

16. Такъ воспламененныхъ и требующихъ битвы выводятъ на поле, которому наименованіе *Идиставизг*. Оно тянется по срединѣ между Визургисомъ и холмами, разнообразно изгибаясь по мѣрѣ того какъ уступаютъ берега рѣки или выдавшіяся горныя возвышенія оказываютъ сопротивленіе. Сзади подымался лѣсъ, съ поднятыми верху сучьями и между стволами деревьевъ была чистая земля. Поле и начало лѣса занялъ строй дикарей: одни Херуски заняли возвышенности, чтобы сверху броситься на сражающихся Римлянъ. Наше вой-

ско выступило такъ: впереди вспомогательные Галлы и Германцы; за ними пѣшіе стрѣлки; потомъ четыре легіона и Цезарь съ двумя преторіанскими когортами и отборною конницею; вслѣдъ за тѣмъ столько же другихъ легіоновъ и легковооруженные съ всадниками, стрѣлками и прочими когортами союзниковъ. Воины внимательно готовы были—порядокъ строя и въ бою поддержать.

17. Видя толпы Херусковъ, которыя будучи увлечены жаждою крови, бросились впередъ, Германикъ отдастъ приказаніе лучшимъ всадникамъ атаковать съ фланговъ, Стертинію обойти кругомъ съ прочими эскадронами и напасть съ тылу, собираясь и самъ явиться когда время будетъ. Между тѣмъ лучшее предзнаменованіе—показались восемь орловъ по направленію лѣса и проникли туда—обратило вниманіе императора. Воскликаетъ: «пусть идутъ (воины) и послѣдуютъ за Римскими птицами, настоящими божествами легіоновъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ двигается пѣшій строй и посланная впередъ конница тѣснить заднихъ, и фланги. Удивительно сказать, но два непріятельскихъ строя бѣжали въ разныя стороны: занимавшій лѣсъ въ открытое поле, а стоявшіе въ полѣ стремились къ лѣсу; Херуски, находившіеся между ними въ срединѣ, сброшены съ холмовъ: между ними особенно замѣтенъ былъ Арминій: руками, голосомъ, раненный поддерживалъ бой; налегъ на стрѣлковъ и сломилъ бы ихъ, если бы когорты Ретовъ, Винделиковъ и Галловъ не противопоставили своихъ значковъ; впрочемъ тѣлеснымъ усиленіемъ и напоромъ коня прорвался, обливъ лицо собственной кровью, чтобы его не узнали. Нѣкоторые передаютъ, будто онъ былъ узнавъ Хавками, находившимися въ числѣ вспомогательныхъ войскъ Римскихъ, и выпущенъ. Доблесть или такая же хитрость дали Ингвіомеру возможность уйти. Прочіе по разнымъ мѣстамъ избиты. Многихъ въ ихъ попыткахъ переплыть Визургисъ—брошенные стрѣлы или сила теченія, наконецъ тяжесть падающихъ и извилины берега погубили. Нѣкоторые въ постыдномъ бѣгствѣ взбирались на вершины деревьевъ, и скрывались въ сучьяхъ; призываемы были стрѣлки, которые съ насмѣшками притвождали ихъ; другихъ задавили подрубленныя деревья. Велика эта побѣда была, да и намъ стоила мало крови.

18. Отъ пятого часа дня до ночи убиваемые непріатели пространство на десять тысячъ шаговъ покрыли трупами и оружіемъ; въ числѣ добычи найдены и цѣпи, которыя они несли на Римлянъ, какъ бы не сомнѣваясь въ успѣхѣхъ. Воины на мѣстѣ сраженія привѣтствовали Тиберія императоромъ и воздвигли насыпь,

поставивъ на ней въ видѣ трофея оружіе, подписавъ имена побѣжденныхъ народовъ.

19. Не столько вызвали у Германцевъ огорченію и раздраженія раны, и потери семейныя и имущественныя, сколько эта похвальба Римлянъ. И тѣ, которые уже готовились было, оставивъ жилища, удалиться за Эльбу, хотя боя, хватаются за сружіе: простолюдины, старѣйшины, молодежь, старики внезапно дѣлаютъ набѣгъ на войско Римское и производятъ въ немъ замѣшательство. Наконецъ выбираютъ мѣсто, рѣкою и лѣсами замкнутое, представлявшее внутри узкую и низменную плоскость. Да и лѣса окружало глубокое болото и только одинъ бокъ Ангриваріи подняли широкою насыпью, съ тѣмъ, чтобы она служила имъ раздѣломъ отъ Херусковъ. Тутъ остановилась пѣхота: всадниковъ скрыли въ сосѣднихъ рощахъ, для того, чтобы они были стылу легионамъ, вошедшимъ въ лѣсъ.

20. Изъ этого ничего для Цезаря не оставалось неизвѣстнымъ: намѣренія, мѣстность, приготовленія явныя и тайныя зналъ и коварство непріятеля обращалъ на гибель его самого. Сею Туберону, легату, передалъ и всадниковъ и поле; а пѣшую боевую линію устроилъ такъ, что часть вступала въ лѣсъ ровнымъ мѣстомъ, а часть взбиралась на насыпь находившуюся напротивъ. Самое трудное оставилъ себѣ, а остальное ввѣрилъ легатамъ. Тѣ, которымъ достались мѣста ровныя, безъ труда прорвались, а тѣ, которымъ нужно было приступать къ насыпи, терпѣли отъ тяжкихъ ударовъ наносимыхъ сверху, все равно какъ бы подступали къ стѣнѣ. Почувствовалъ вождь, что сраженіе вблизи неравное, отодвинулъ легионы немного назадъ и отдалъ приказаніе стрѣлкамъ и пращникамъ выпустить стрѣлы и сбить непріятеля. Изъ метательныхъ машинъ пущены копья и чѣмъ защитники были болѣе на виду, тѣмъ съ большимъ числомъ ранъ сброшены. Первый Цезарь съ преторіанскими когортами, взявъ окопы, сдѣлалъ натискъ въ лѣса: тамъ завязался бой рукопашный; съ тылу непріятеля замыкало болото, а Римлянъ рѣка и горы: тѣмъ и другимъ неизбѣжная необходимость въ мѣстности, надежда—въ доблести, спасеніе въ побѣдѣ.

21. И духомъ Германцы не уступали, но родомъ сраженія и оружія были побѣждаемы: необъятное ихъ множество въ тѣсныхъ мѣстахъ не могло ни протянуть очень длинныхъ копей, ни отодвинуть ихъ назадъ; не было возможности развернуться со всею ихъ ловкостью и быстротою тѣлесною; вынуждены они къ правильному бою. Напротивъ воинъ, у котораго грудь закрыта была щитомъ,

а рука опиралась на немъ, пронзалъ какъ угодно широкіе члены дикарей и ничѣмъ неприкрытыя лица и открывалъ дорогу поражениемъ непріятелей. Армія уже не было на лицо, вслѣдствіе отовсюду грозившей опасности или недавно полученная рана его задержала. Да и Ингвіомеру, носившемуся по всей боевой линіи, измѣняла скорѣе судьба, чѣмъ доблесть. А Германикъ, чтобы его больше признавали, снялъ покровъ съ головы и просилъ воиновъ: «не прекращать убійствъ; не нужно вовсе плѣнныхъ; только въ со- «вершенномъ истребленіи этого народа конецъ войны». Уже поздній былъ часъ дня, когда Германикъ вывелъ изъ боевой линіи одинъ легіонъ—устроить лагери; остальные до ночи насыщались кровью непріятельскою, а всадники сражались на удачу.

22. Похваливъ побѣдителей передъ собраніемъ, Цезарь устроилъ возвышеніе изъ оружія съ гордою надписью: «Усмиривъ народы «между Рейномъ и Эльбою, войско Тиберія Цезаря посвятило этотъ памятникъ Марсу, Юпитеру и Августу». О себѣ ничего не прибавилъ, изъ опасенія зависти или соображая, что достаточно признанія совершеннаго. Вслѣдъ за тѣмъ поручаетъ Стертинію войну противъ Ангриваріевъ, но они предупредили ее покорностью; они умоляли о пощадѣ, ни отъ чего не отказывались и получили прощеніе во всемъ.

23. Но лѣто уже достигало къ концу; изъ легіоновъ одни отсланы сухимъ путемъ на зимнія квартиры; а большую часть Цезарь, посадивъ на суда, по рѣкѣ Амизіѣ—повезъ океаномъ. Сначала тихая поверхность моря огласилась шумомъ тысячъ веселъ или бороздима была судами на парусахъ; но вскорѣ изъ черныхъ кучъ облаковъ посыпался градъ и вмѣстѣ быстрины забурлили, волнуемая разнообразными со всѣхъ сторонъ вѣтрами, закрыли отовсюду видъ, сдѣлали невозможнымъ управленіе судами: войны оробѣли, незнакомые съ случайностями моря; вносили они замѣшательство въ ряды моряковъ или несвоевременно имъ помогали, и только вредили исполненію обязанностей людьми свѣдущими. Затѣмъ все небо и все море слились какъ бы силою южнаго вѣтра; онъ, набравшись силы въ возвышенныхъ мѣстахъ Германіи, ея глубокихъ рѣкахъ, въ облакахъ, прошедшихъ необъятное разстояніе пути, сдѣлался еще ужаснѣе подъ вліяніемъ суровости близкаго сѣвера, схватилъ и разбросалъ суда въ открытыя мѣста океана или на острова, враждебные обрывистыми скалами или скрытыми мелями. Съ трудомъ и чуть чуть отъ нихъ избавясь, съ измѣненіемъ теченія уносимы были по одному съ вѣтромъ направленію; не имѣли возможности

ни стать на якоряхъ, ни исчерпать врывавшуюся воду; лошади, вьючныя животныя, обозы, даже оружіе бросаютъ. чтобы облегчить суда, лежавшія на боку и сверху тѣснимыя волнами.

24. На сколько океанъ грознѣе прочихъ морей и на сколько Германія отличается суровостью климата, на столько это бѣдствіе неожиданностью и значительностью превзошло всѣ прочія. Кругомъ были или враждебные берега или море, до того обширнее и глубокое, что казалось необъятнымъ и неограниченнымъ нигдѣ землею (безбрежнымъ). Часть судовъ погибла въ волнахъ; гораздо больше выброшено у острововъ, находившихся подальше и воины, при отсутствіи тамъ какихъ либо слѣдовъ человѣческой дѣятельности, гибли отъ голода, развѣ которыхъ (жизнь) поддерживали трупы лошадей, туда же выброшенные. Одна трирема Германика пристала къ землѣ Хавковъ; его, въ продолженіи всѣхъ тѣхъ дней и ночей, у скалъ выдающихся мысовъ, между тѣмъ какъ онъ громко называлъ себя *виновникомъ такого страшнаго несчастія*, съ трудомъ удержали друзья, чтобы онъ не бросился въ это же море. Наконецъ улеглось волненіе и при попутномъ вѣтрѣ суда, чуть двигавшіяся какъ хромья, на немногихъ оставшихся веслахъ или съ натянутыми вмѣсто парусовъ одеждами, а нѣкоторыя тащимыя тѣми, въ которыхъ болѣе было силы, возвратились. Исправивъ ихъ на скорую руку, отправилъ осмотрѣть тщательно острова и этою заботливостію собранъ большая часть. Многихъ — Ангриваріи, недавно принятые на вѣру, возвратили выкупленныхъ у жившихъ далѣе внутрь страны; нѣкоторые увлечены въ Британію и назадъ отосланы царьками. Какъ кто издалека возвращался рассказывалъ чудеса: о силѣ вихрей, о неслыханныхъ птицахъ, морскихъ чудесахъ, существахъ съ наружнымъ видомъ не то людей, не то звѣрей.» Видѣнное, а можетъ быть и отъ страха повѣрили.

25. Но слухъ о потерянномъ флотѣ какъ вызвалъ Германцевъ къ надеждѣ войны, такъ Цезаря къ усмиренію. Онъ отдаетъ приказаніе К. Силію идти въ землю Каттовъ съ тридцатью тысячами пѣшихъ и тремя тысячами конныхъ воиновъ, а самъ съ большими силами сдѣлалъ вторженіе къ Марсамъ; вождь ихъ Маловендъ, только что передъ тѣмъ изъявившій покорность, сдѣлалъ показаніе, что въ сосѣдней роцѣ врытый орелъ Варова легіона оберегается умѣреннымъ прикрытіемъ.» Немедленно посланъ отрядъ — непріятеля выманить спереди; другіе, обойдя съ тылу, должны были взрыть почву. И тѣмъ и другимъ

помогло счастье. Тѣмъ быстрѣ Цезарь проникаетъ внутрь, вносить опустошеніе и истребленіе ко врагу, не дерзнувшему сойтись съ нимъ или какъ только гдѣ оказывалъ сопротивленіе, немедленно поражаемому и, какъ отъ плѣнныхъ узнали, никогда онъ еще не былъ въ такомъ страхѣ. Они говорили: «непобѣдимы Римляне и выше всякихъ случайностей, такъ какъ они, потерявъ флотъ, утративъ оружіе, устлавъ берега моря тѣлами людей и лошадей, все съ тѣмъ же мужествомъ, съ такимъ же ожесточеніемъ и какъ бы увеличенные числомъ сдѣлали вторженіе.»

26. Воинъ отведенъ на зимнія квартиры, веселый духомъ, такъ какъ несчастіе на морѣ вознаградили удачнымъ походомъ. Присоединилъ щедрость Цезарь, заплативъ — сколько кто объявилъ убытку. И не было сомнѣнія — что непріятель упалъ (духомъ), собирается съ мыслями просить мира и что война можетъ быть приведена къ концу, если слѣдующее лѣто будетъ прибавлено (для военныхъ дѣйствій); но частыми письмами Тиберій убѣждалъ: «возвратиться къ опредѣленному (ему) триумфу; довольна уже событій, достаточно случайностей: битвы были и великія и удачныя: пусть онъ припомнитъ и то, сколько, хотя и безо всякой вины вождя, тяжкихъ и жестокихъ потерь причинили вѣтры и волны. Онъ, девять разъ посланный Августомъ въ Германію, больше совершилъ благоразуміемъ, чѣмъ силою. Такъ Сугамбры приняты въ подданство; такъ Севеы и царь Марободъ миромъ связаны. Возможно и Херусковъ и прочія возмутившіяся племена, послѣ того какъ довольно уже сдѣлано въ возмездіе ихъ со стороны Римлянъ — представить внутреннимъ несогласіямъ.» Германикъ просилъ годъ — чтобы довершить начатое; Тиберій сильнѣе нападаетъ на его скромность, предлагая ему другое консульство, обязанности котораго долженъ лично исполнить. вмѣстѣ прибавилъ: «если прійдется и еще воевать, то пусть оставитъ онъ пищу славы брата Друза, который, пока нѣтъ другаго непріятели, только въ Германіяхъ можетъ заслужить названіе *Императора* и вынести оттуда лавровый вѣнокъ.» Германикъ далѣе не медлилъ, хотя и понималъ, что все придумано, чтобы его изъ зависти отвлечь отъ заслуженной имъ чести.

27. Около этого времени послѣдовалъ доносъ на Либона Друза въ томъ, что онъ замышляетъ новый порядокъ вещей. Начало, ходъ и окончаніе этого дѣла изложу съ большою подробностью, потому что тогда въ первый разъ оказалось то, что въ теченіи

столькихъ лѣтъ подтачивало общественный порядокъ. Фирмій Катъ, сенаторъ, изъ самихъ близкихъ друзей Либона—юношу неосторожнаго и мягкаго—пустыми рѣчами навелъ на обѣщаніе Халдеевъ, священнодѣйствія маговъ и даже толкователей сновъ, указывая ему съ похвалой на «прадѣда Помпея, тетку Скрибонію; бывшую когда то супругою Августа, свойственниковъ Цезарей, домъ, полный изображеній знаменитыхъ предковъ.» Склоняетъ его къ роскоши и долгамъ, товарищъ шалостей и нуждъ съ тѣмъ, чтобы опутать большимъ количествомъ уликъ.

28. Когда было достаточно свидѣтелей и онъ нашель рабовъ—которымъ это было извѣстно—требуетъ доступа ко главѣ государства, указывая преступленіе и обвиняемаго черезъ Флакка Вексуларія, всадника Римскаго, который былъ близокъ къ Тиберію. Цезарь не пренебрегъ указаніемъ, но въ свиданіи отказалъ: «возможно черезъ посредство того же Флакка имѣть сношеніе.» А между тѣмъ Либона украшаетъ претурою, допускаетъ на пиршества (*convictus*) не выражая лицомъ предубѣжденія, ни въ словахъ тревоги (до такой степени затаилъ раздраженіе) и всѣ его дѣйствія и слова будучи въ состояніи остановить, предпочиталъ знать: пока какой то Юній, котораго пробовали было убѣдить—вызвать стихами адскія тѣни—сдѣлалъ показаніе Фульцинію Триону. И въ числѣ обвинителей получилъ извѣстность умъ Триона, готовый съ жадностью схватить всякое здословіе. Тотчасъ же беретъ за подсудимаго, идетъ къ консуламъ, требуетъ разслѣдованія сената и сенаторы созываются, предупрежденные: «что предстоитъ совѣтъ о дѣлѣ важномъ и возмутительномъ.»

29. Между тѣмъ Либонъ, перемѣнивъ одежду, съ знатнѣйшими женщинами обходитъ дома, умоляетъ родныхъ, требуетъ глоса (защиты) противъ грозящей ему опасности. Всѣ отказывались подъ разными предлогами, а въ сущности изъ такого же страха. Въ день созванія сената, истомленный страхомъ и нездоровьемъ или, какъ нѣкоторые передали, притворившись больнымъ, на носилкахъ отнесенъ къ дверямъ сената; опираясь на брата, обращалъ онъ къ Тиберію протянутыя руки и рѣчи съ мольбою; все это не производило никакого впечатлѣнія на безстрастное лицо Тиберія. Вслѣдъ за тѣмъ Тиберій читаетъ обвинительный актъ и указываетъ свидѣтелей, такъ умѣренно, чтобы ни смягчать, ни ожесточать обвиненія.

30. Обвинителями, кромѣ Триона и Ката, присоединились Фонтей Агриппа и К. Вибій и спорили—кому изъ нихъ дастся

право говорить противъ обвиненнаго: пока Видій, такъ какъ они сами между собою не пришли къ соглашенію, и Либонъ вошелъ безъ защитника, вызвался порознь представить обвинительные пункты и выставилъ до того неразумные, что будто бы Либонъ совѣтовался: «будетъ ли онъ имѣть такое богатство, чтобы Аппіеву дорогу до самого Врундизія покрыть деньгами?» Были и другіе примѣры неразумительнаго тщеславія, если снисходительно смотрѣть, то болѣе достойные состраданія. Впрочемъ, однимъ пунктомъ обвинитель уличалъ, что будто бы рукою Либона къ именамъ Цезарей и сенаторовъ прибавлены замѣтки или кровожадныя, или таинственныя. При отрицаніи подсудимымъ, положено подъ пыткою спросить единомышленниковъ рабовъ. А такъ какъ древнимъ сенатскимъ постановленіемъ запрещенъ былъ допросъ рабовъ въ уголовномъ дѣлѣ ихъ господина, то хитрый Тиберій, изобрѣтатель новаго права, велѣлъ публичному дѣльцу каждому изъ рабовъ порознь даровать свободу, съ тѣмъ разумѣется, чтобы противъ Либона допросить рабовъ, не нарушая сенатскаго постановленія. Подсудимый просилъ отложить дѣло до слѣдующаго дня; удаляясь домой, онъ передалъ черезъ родственника своего П. Квирина главѣ государства свои послѣднія просьбы.

31. Получилъ отвѣтъ: «пусть просить сенатъ.» Между тѣмъ воинами оцѣплялся домъ, шумѣли даже въ передней, такъ что можно было ихъ слышать и видѣть; а самъ Либонъ, измученный пиршествомъ, которое онъ допустилъ какъ послѣднее наслажденіе, звалъ убійцу, хваталъ рабовъ за руки, вручая мечъ. И когда они въ смятеніи убѣгая, опрокинули поставленный на столъ свѣтильникъ, во мракѣ, предвѣстникъ ожидавшей его участи, панесъ себѣ два удара во внутренности. На стонъ упавшаго прибѣжали отпущенники и видя убійство, воины отступили. Впрочемъ передъ сенаторами обвиненіе проведено съ тѣмъ же упорствомъ и Тиберій клялся: «что домогался бы онъ жизни его въ какой бы онъ степени не былъ виновенъ, если бы не предупредилъ добровольною смертью.»

32. Имущество раздѣлено между обвинителями и претуръ даны вѣ очереди тѣмъ, которые были изъ сенаторскаго сословія. Тогда Котта Мессалинъ подалъ мнѣніе: «чтобы изображеніе Либона не сопровождало похоронныя шествія его потомковъ.» Кн. Лентуль: «чтобы ни одинъ изъ Скрибоніевъ не присоединялъ прозванія Друза.» Дни (благодарственныхъ молебствій) установ-

лены по мнѣнію Помпонія Флакка. Дары Юпитеру, Марсу, Со-
гласію и празднованіе идѣ септѣбрскихъ, дня, въ который
убилъ себя Либонѣ—опредѣлены по мнѣнію Л. П. и Галла
Азинія, Папія Мутила и Л. Апропія; ихъ значеніе и лесть
привелъ я, чтобы извѣстно было—какое это старинное зло въ
общественномъ порядкѣ. Состоялись сенатскія опредѣленія объ
изгнаніи изъ Италіи математиковъ и маговъ; изъ числа ихъ
Л. Питуаній сброшенъ со скалы. Съ П. Марціемъ поступили по
древнему обычаю за Есквилинскими воротами, отдавъ приказаніе
играть на трубахъ.

33. Въ слѣдующій за тѣмъ день засѣданія сената многое про-
тивъ роскоши, въ общество вкравшейся, сказано К. Гатеріемъ, быв-
шимъ консуломъ и Октавіемъ Фронтономъ, исполнявшимъ должность
претора: опредѣлено: «для подачи кушамевъ не дѣлать цѣльныхъ
золотыхъ блюдовъ; шелковое платье не должно осквернять мущи-
ну.» Выступилъ Фронтонъ и требовалъ: «назначить мѣру серебра,
домашней утвари и прислугѣ.» Все еще обычнымъ было у се-
наторовъ тотчасъ же высказывать мнѣнія, какія они признавали
соотвѣтствующими требованіямъ общественной пользы. Напротивъ
Галлъ Азиній разсуждалъ: «съ распространеніемъ государства
увеличились и частныя богатства и это не ново, но соотвѣт-
ствуетъ древнѣйшимъ обычаямъ. Не тѣ у Циціоновъ были день-
ги, что у Фабриціевъ и все это имѣетъ отношеніе къ обществен-
ноу дѣлу. Плохо идетъ оно — стѣсненіе въ домахъ гражданъ.
Когда же оно дошло до такого блистательнаго состоянія, то и
отдѣльныя личности поскользнулись. Да и въ количествѣ при-
слуги и серебра и всего, что идетъ въ употребленіе, излишество
и умѣренность опредѣляются только состояніемъ того, кто вла-
дѣетъ. Отличены оцѣнкою цензомъ сенаторы и всадники не по-
тому, чтобы отъ природы представляли различіе, но для того,
«чтобы они стояли впереди и мѣстомъ, и порядкомъ и достоин-
ствомъ и чтобы они имѣли готовое къ успокоенію духа или
«здравію тѣла. Развѣ тѣмъ кто знаменитѣе, тѣмъ больше пред-
«стоитъ ему заботъ, больше опасностей брать на себя, а того,
«что можетъ облегчать заботы и опасности, онъ долженъ себя
«лишать?» Безъ труда дано согласіе Галлу велѣдствіе соз-
нанія пороковъ и сходства слушателей, подъ благовидными пред-
логами. Присоединилъ ѱ Тиберій: «не время строгости; и если
«обнаружился бы упадокъ нравственности, не будетъ недостатка
«въ человѣкѣ, который бы исправилъ.»

34. Между прочимъ Л. Пизонъ, порицая: «происки форума, «подкупность судилищъ, жестокость ораторовъ, грозящихъ обвиненіями» высказывалъ свое желаніе: «удалиться и оставить городъ, «а жить въ какой нибудь отдаленной деревнѣ въ глуши». И съ этими словами оставлялъ зданіе сената. Подѣйствовало это на Тиберія и хотя онъ и самъ снисходительными словами старался успокоить Пизона, но и близкихъ его побудилъ—удержать удаляющагося вліяніемъ или мольбами. Не меньшее доказательство свободного выраженія скорби представилъ вскорѣ тотъ же Пизонъ—позвавъ на судъ Ургуланію, которую пріязнь Августа поставила выше законовъ. Да и Ургуланія не послушалась и, презрѣвъ Пизона, отправилась въ домъ Цезаря; но это не остановило Пизона, хотя Августа и жаловалась на насиліе и униженіе, Тиберій счелъ возможнымъ для гражданина на столько сдѣлать снисхожденія матери, что «пойдетъ онъ самъ къ трибуналу претора защитникомъ Ургуланіи». Вышелъ изъ дворца, отдавъ воинамъ приказаніе слѣдовать издали. Народъ сбѣгался, а онъ показывалъ совершенно спокойное лицо и въ разныхъ разговорахъ тянулъ и время, и путь, пока—такъ какъ родные тщетно старались удержать Пизона, Августа приказала принести деньги, какія требовались. Тѣмъ и кончилось дѣло—и для Пизона не безчестное, и Цезарь вышелъ съ большою славою. Впрочемъ власть Ургуланіи въ государствѣ была до того чрезмѣрная, что она пренебрегла явиться свидѣтелемъ въ какомъ то дѣлѣ, которое разсматривалось въ сенатѣ. Посланъ преторъ допросить ее на дому, хотя старинный обычай былъ—выслушивать дѣвъ Вестальскихъ на форумѣ и судѣ всякій разъ, какъ онѣ высказывали свидѣтельство.

35. Дѣла, въ этомъ году предложенныя, не стали бы я излагать, если бы не заслуживало познакомиться съ различными мнѣніями Кн. Пизона и Азинія Галла объ этомъ предметѣ. Пизонъ полагалъ: «хотя Цезарь и объявилъ, что онъ уѣзжаетъ, поэтому еще «больше должно дѣйствовать и будетъ честь общественному порядку если, и при отсутствіи главы государства, сенаторы и всадники будутъ въ состояніи исполнить свои обязанности». Галлъ, такъ какъ предлогъ свободы предвосхитилъ у него Пизонъ, сказалъ: «ничего достаточно славнаго или соответствующаго достоинству народа Римскаго не можетъ совершаться иначе какъ въ «присутствіи и на глазахъ Цезаря, а потому сходбище Италіи и «сосѣднихъ провинцій должно оставить до его прибытія» Слушалъ Тиберій и молчалъ, а дѣло было предметомъ большихъ споровъ и

съ той, и съ другой стороны. Но дѣла отложены. У Галла съ Цезаремъ завязалась борьба. Первый подалъ мнѣніе: «черезъ пять лѣтъ должны быть выборы должностныхъ лицъ и чтобы легаты легионовъ, которые до претуры исполняли эту военную должность, уже тогда назначались бы въ преторы, а глава государства пусть назначаетъ ежегодно двенадцать кандидатовъ». Не было сомнѣнія, что мнѣніе это старалось проникнуть въ глубь и вывѣдать тайны власти. А Тиберій, какъ будто бы дѣло шло объ увеличеніи его власти, разсуждалъ: «не будетъ соотвѣтствовать его умѣренности—столькихъ избирать, а столько отлагать (выборъ). И ежегодными выборами не избѣгаются неудовольствія, хотя въ отказѣ служить утѣшеніемъ близкая надежда; а сколько же ненависти будетъ со стороны тѣхъ, которые отброшены будутъ за пять лѣтъ далѣе! Откуда можно предузнать, какое у кого черезъ такой долгой промежутокъ времени будетъ расположеніе духа, состояніе, судьба? Гордятся люди и назначеніемъ на годъ; а что же будетъ если они тою же честью будутъ пользоваться въ продолженіи пяти лѣтъ? Упятерятся вовсе должностныя лица, нарушатся законы; они назначили срокъ времени, въ теченіи котораго кандидаты должны пускать въ ходъ свою дѣятельность—искать почестей и получать ихъ.

37. Благовидною по видимому рѣчью поддержалъ онъ силу власти. Онъ оказалъ пособіе въ цензѣ нѣкоторымъ сенаторамъ и тѣмъ было удивительнѣе, что онъ встрѣтилъ съ высокоуміемъ просьбу М. Гортала, благороднаго юноши, находившагося въ явной бѣдности. Онъ былъ внукъ оратора Гортензія; щедрость Августа, давшего десять сестерціевъ, вовлекла его въ женитбу и рожденіе дѣтей для того, чтобы знаменитый родъ не пресѣкся. А потому поставивъ четырехъ своихъ сыновъ у порога Куріи, когда пришелъ его чередъ говорить—сѣнать былъ собранъ во дворцѣ—взирая, то на изображеніе Гортензія, находившееся въ числѣ ораторовъ, то на Августа, началъ говорить такъ: «отцы почтенные, вотъ этихъ (дѣтей), возрастъ и число «ихъ вы видите—произвелъ я на свѣтъ не по собственному побужденію, но по внушенію главы государства; вмѣстѣ съ тѣмъ «и предки мои заслуживали, чтобы имѣть потомство. Съ меня, «который вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ времени не могъ ни «принять, ни приготовить себѣ ни денегъ, ни расположенія на «рода, ни краснорѣчія—прирожденнаго качества нашего рода— «было достаточно того, чтобы стѣсненные обстоятельства мои не

«были бы ни мнѣ въ стыдѣ, ни кому либо въ тягость. По приказанію Императора—взялъ я жену.—Вотъ родъ и потомство «столькихъ консуловъ, столькихъ диктаторовъ и привожу я это «не для возбужденія зависти, но чтобы вызвать состраданіе! «Получать они, при твоёмъ процвѣтаніи, Цезарь, почести какія «ты имъ дашь, а покажѣсть правнуковъ К. Гортензія, воспитанниковъ Августа, отъ нужды защиты.»

38. Расположеніе сената было побужденіемъ Тиберію—скорѣе этому воспротивиться, а въ слѣдующихъ почти выраженіяхъ: «если «сколько есть бѣдныхъ всѣ они начнутъ приходить сюда и дѣ- «тямъ своимъ просить денегъ, то каждый изъ нихъ отдѣльно «не удовлетворится, а общественныя средства изсякнутъ. И, ко- «нечно, не съ этою цѣлью дозволено предками нарушать иногда «обыкновенный докладъ дѣль,—высказывать въ видѣ мнѣнія то, «что относится до общественной пользы не съ тѣмъ, чтобы тутъ «дѣлать приращеніе своимъ частнымъ дѣламъ, своему частному «достоянію, навлекая неудовольствіе на сенатъ и государя, ока- «жутъ ли они снисхожденіе щедрости или откажутъ. Тутъ уже «не просьбы, но вымогательство неожиданное и несвоевременное, «когда сенаторы собрались совѣмъ о другихъ дѣлахъ—вста- «вать, числомъ, возрастомъ дѣтей своихъ тревожить скромность «сената, такую же силу передавать мнѣ и какъ на проломъ брать «общественную казну; если мы ее истощимъ въ угоду иска- «тельствъ, прійдется пополнять ее преступленіями. Даль тебѣ, «Горталь, божественный Августъ денегъ, но безъ принужденія и «не съ тѣмъ, чтобы постоянно давать. Заглохнетъ конечно вся- «кая дѣятельность, водворится лѣность, если въ себѣ не бу- «детъ ни опасеній ни надеждъ. Беззаботно всѣ будутъ ожидать «чужой помощи, для себя нерадивые, а намъ въ тягость.» Это и въ такомъ родѣ—хотя съ одобреніемъ выслушано тѣми, ко- «торымъ въ обычаѣ хвалить все у государей честное и безчест- «ное—отъ большинства принято въ молчаніи или съ затаеннымъ ропотомъ. Почувствовалъ это Тиберій и, немного помолчавъ, ска- «залъ: «даль онъ отвѣтъ Горталу; впрочемъ, если сенаторамъ за- «благоразсудится, дастъ онъ дѣтямъ его по двѣсти тысячъ сес- «терцій каждому, сколько ихъ есть мужскаго пола.» Нѣкоторые благодарили, промолчалъ Горталь или отъ страха или сохраняя даже и при стѣсненныхъ обстоятельствахъ врожденное благородство. И Тиберій послѣ этого не обнаружилъ состраданія, хотя домъ Гортензія впалъ въ самую постыдную бѣдность.

39. Въ томъ же году дерзость одного раба, если бы во время не было принято мѣръ, потрясла бы общественное дѣло раздорами и междоусобною войною. Рабъ, Постума Агриппы, по имени Клеменсъ, узнавъ о кончинѣ Августа, замыслилъ духомъ не рабскимъ отправиться на островъ Планазію и хитростью или силою похитивъ Агриппу, увлечь его къ Германскимъ войскамъ. Припятствіемъ осуществленію его смѣлаго предпріятія была медленность транспортнаго судна. И какъ между тѣмъ убійство совершилось, то онъ, обратясь къ еще болѣе важному и опасному предпріятію, похитилъ пепель и отправясь въ Козу, мысъ Этруріи, скрылся въ неизвестныхъ мѣстахъ, пока не отпустилъ волосы и бороду, а возрастомъ и наружностью представлялъ онъ нѣкоторое сходство съ господиномъ. Тогда черезъ людей способныхъ, участниковъ его тайны, участилъ слухъ: «живъ Агриппа» сначала въ сокровенныхъ рѣчахъ, какъ обыкновенно все запрещенное, а вслѣдъ за тѣмъ неопредѣленною молвою жадному слуху каждаго самого неопытнаго, или, съ другой стороны, людямъ безпокойнымъ и вслѣдствіе того жаднымъ на новенькое; да и самъ начиналъ онъ посѣщать муниципіи въ полусвѣтѣ дневномъ, не показываясь явно и не оставаясь долго въ однихъ мѣстахъ; но все таки справедливость (слуховъ) подтверждалась тѣмъ, что онъ показывался и оставался хотя съ мнимой посѣдностью и какъ то неопредѣленно, но оставляя о себѣ слухъ или предупреждая его.

40. Между тѣмъ по Италіи разносилось все болѣе и болѣе: «какъ даръ боговъ спасенъ Агриппа.» Вѣрили и въ Римѣ. Уже огромная толпа черни толковала, что онъ вѣхалъ въ Остію; тоже говорили въ городѣ тайныя сходбища. Тиберія тревожила двойная забота: силою ли воиновъ усмирить своего раба или ждать, чтобы само время дало возможность разсѣяться этой пустой довѣрчивости. То онъ соображалъ, что ничѣмъ пренебрегать не должно, то—что не всего же и бояться, колеблясь между стыдомъ и опасеніями. Наконецъ поручаетъ дѣло Саллюстію Криспу; тотъ выбираетъ изъ своихъ кліентовъ (нѣкоторые утверждаютъ, что то были воины) двухъ и убѣждаетъ ихъ, притворяясь единомышленниками, явиться къ Клемену — предложить деньги, обѣщать вѣрность и опасности. Исполняютъ какъ было приказано; потомъ высмотрѣвъ ночное время, безъ стражи, при надлежащемъ содѣйствіи, связаннаго, съ зажатымъ ртомъ, потащили во дворець. На вопросъ Тиберія: «какъ сдѣлался Агриппою?»

отвѣчалъ: «какъ ты Цезаремъ.» Выдать товарищей не могли его принудить. Да и Тиберій не дерзнулъ на явную его казнь, а отдалъ приказаніе убить его въ секретной части дворца и тѣло унести тайкомъ и хотя было говорено, будто многіе изъ дому государя, какъ сенаторы такъ и всадники, поддерживали его денежными средствами и помогали совѣтами — оставлено безъ изслѣдованія.

41. Въ концѣ года открыты: арка, подлѣ храма Сатурна за взятые обратно значки, утраченные было съ Варомъ, подѣ предводительствомъ Германика, счастиемъ Тиберія; храмъ доблестнаго жребія подлѣ Тибра въ садахъ, которые Цезарь Диктаторъ завѣщалъ народу Римскому; часовня роду Юліи и изображеніе божественнаго Августа у Бовиллъ. Въ Консульство К. Цецилія и Л. Помпонія, Германикъ Цезарь наканунѣ 7 дня Іюньскихъ календъ праздновалъ триумфъ надъ Херусками, Каттами и Ангриваріями и всѣми другими народами, сколько ихъ ни живетъ до рѣки Альбы (Эльбы); везены добыча, плѣнные, изображенія горъ, сраженій и война, вслѣдствіе того что Германика не допустили ее кончить, считалась оконченною. Особенное вниманіе зрителей привлекала очаровательная наружность самого Германика, колесница, нагруженная пятью дѣтьми; но и тайное опасеніе овладѣвало при мысли: «расположеніе народа послужило не въ пользу отцу его Друзу, а дѣдъ его Марцеллъ похищенъ смертью въ ранней молодости при ревностной къ нему любви; недолговременны и неблагоприятны привязанности народа Римскаго.»

42. Впрочемъ Тиберій отъ имени Германика роздалъ черни по триста сестерцій на человѣка и себя назначилъ товарищемъ его консульства. И тѣмъ не приобрѣтя довѣрія въ чистосердечіи его расположенія рѣшился юношу удалить подѣ предлогомъ почести, устроилъ поводы или воспользовался случайно представившимися. Царь Архелай уже пятидесятый годъ владѣлъ Каппадокією, ненавистный Тиберію за то, что во время пребыванія его въ Родессѣ, не почтилъ его никакимъ знакомъ вниманія. Да и это упущеніе сдѣлалъ Архелай не изъ гордости, но по внушенію приближенныхъ Августа, потому что, при процвѣтаніи К. Цезаря, отправленнаго на дѣла Востока, дружба Тиберія считалась не совсѣмъ безопасною; съ прекращеніемъ потомства Цезарей получивъ власть, Тиберій вызвалъ Архелая письмами матери; не скрывая раздраженія сына предлагала она милость, если онъ явится съ мольбою. Архелай, или не понимая коварства, или опа-

саясь насилія въ случаѣ, если дастъ разумѣть, что понимаетъ—спѣшитъ въ городъ. Безъ милосердія встрѣченъ онъ главою государства и велѣдъ за тѣмъ обвиненъ въ сенатѣ; не велѣдствіе обвиненій на него вымышленныхъ, но велѣдствіе заботъ изнемогли отъ старости, а также потому что царямъ и на ряду со всеми стать а не то что ниже, куда какъ необычно—окончилъ жизнь или добровольно или по указанію судьбы. Царство обращено въ провинцію и Цезарь высказавъ, что доходами съ нея можно облегчить пошлину одной сотой, установилъ двухсотую на будущее время. Въ то же время со смертью царей: Антіоха Коммагенскаго и Филопатора Киликійскаго, народы пришли въ смятеніе; большая часть желали власти Римлянъ, а другіе—царей. Провинціи—Сирія и Іудея, изнемогая подъ тяжестью податей, просили уменьшенія.

43. А потому онъ (Тиберій) излагалъ передъ сенаторами это и объ Арменіи, то, что я привелъ выше: «волненіе Востока можетъ быть успокоено только мудростью Германика: онъ самъ «уже въ преклонномъ возрастѣ, а Друзъ еще недостаточно возмужалъ.» Тогда декретомъ сенаторовъ предоставлены Германику провинціи, которыя отдѣлены моремъ съ большею властью, чѣмъ какая обыкновенно дается получившимъ провинціи по жребію или назначенію государя. Впрочемъ Тиберій удалилъ изъ Сиріи Кретику Силана, связаннаго узами родства съ Германикомъ, такъ какъ дочь Силана была просватана за Нерона, старѣйшаго изъ дѣтей Германика; а начальникомъ туда поставилъ Кн. Пизона человекъ съ характеромъ расположеннымъ къ насилію, неспособнымъ къ послушанію, съ жестокосердіемъ наслѣдованнымъ отъ его отца Пизона, который въ междуусобную войну возмутившюся въ Африкѣ партію поддерживалъ противъ Цезаря самымъ энергическимъ содѣйствіемъ; потомъ послѣдовалъ за Брутомъ и Кассіемъ и, получивъ дозволеніе возвратиться, воздержался отъ искаательства почестей, пока ставъ съ своей стороны предметомъ заискиванія, принялъ консульство назначенное ему Августомъ. Кромѣ наслѣдованнаго отъ отца расположенія духа воспламенялся онъ знатностью и богатствами жены его Планцины. Съ трудомъ уступалъ Тиберію; дѣтей его презиралъ какъ много ниже себя. Не считалъ сомнительнымъ, что онъ избранъ и поставленъ начальникомъ надъ Сирією для обузданія надеждъ Германика. Вѣрили и тому, что Тиберій далъ тайныя порученія; а Планцину, вѣвъ всякаго сомнѣнія, Августа увѣщевала—преслѣдовать Агрип-

пину соревнованіемъ женскимъ. Въ самомъ дворѣ господствовали раздоръ и несогласіе—вслѣдствіе нѣмага расположенія къ Друзу или Германику. Тиберій ласкалъ Друза какъ своего и собственной крови; а для Германика самое отчужденіе дяди увеличило любовь прочихъ, при томъ онъ превосходилъ знатностію материнскаго рода, имѣя дѣдомъ М. Антонія съ отцовской стороны и съ материнской—Августа; а Друза прадѣдъ, всадникъ Римскій Помпоній Атикъ какъ то не шель (не соотвѣтствовали) повидимому изображеніямъ Клавдіевъ; супруга Германика—Агриппина превосходила плодородіемъ и доброю славою Ливію; но между братьями было полное согласіе, невозмущенное и борьбою между ихъ близкими.

44. Немного послѣ Друзъ посланъ въ Иллирикъ, чтобы навывалъ военной службѣ и снискивалъ расположеніе войска. При томъ же молодого человѣка, который могъ избаловаться среди роскошнаго образа жизни въ городѣ, предпочиталъ имѣть въ лагеряхъ Тиберій и себя считалъ безопаснѣе, когда тотъ и другой сынъ командовалъ легіонами. А предлогомъ были Сवेва, просившіе помощь противъ Херусковъ. Съ уходомъ Римлянъ, освобождаясь отъ страха извнѣ, по привычкѣ племени, притомъ же изъ соревнованія славы обратили оружіе другъ противъ друга. Силы народовъ, доблести вождей были одинаковы; но имя царя Маробода было ненавистно у его соотечественниковъ, а общее расположеніе было на сторонѣ Арминія, какъ воевавшего за свободу.

45. А потому не только Херуски и союзники ихъ, старинные воины Арминія, взялись за войну, но даже изъ царства Морободуя Свевскія племена—Семноны и Лонгобарды отпали къ нему. Съ ихъ присоединеніемъ перевѣсъ силъ былъ бы на его сторонѣ, еслибы Ингвиомеръ съ отрядомъ приверженцевъ не перебѣжалъ къ Марободу, не вслѣдствіе другой причины, кромѣ той, что старикъ дядя не хотѣлъ повиноваться молодому человѣку, племяннику. Направляются войска съ равною съ той и другой стороны надеждою, и не такъ, какъ нѣкогда у Германцевъ, неспредѣленными набѣгами, или разбросанными отрядами. Въ долговременной съ нами войнѣ привыкли они слѣдовать за значками, подкрѣплять резервами, принимать приказанія главныхъ вождей. Тогда Арминій, дѣлая всему смотрѣ съ коня, какъ къ кому подѣвжалъ, хвалился: «пріобрѣтенною назадъ вольностію, избитыми легіонами, добычею «Римлянъ и оружіемъ, отнятымъ у Римлянъ и находящимся въ «рукахъ многихъ; а Маробода напротивъ обзывалъ бѣглецомъ, не-

«знающимъ боеваго дѣла, находящимъ защиту въ трущобахъ Герцинии—вовсе недавно черезъ подарки и посольства добивался союзъ; предатель отечества, слуга изъ свиты Цезаря—изгнать его слѣдуетъ съ расположеніемъ духа не менѣе неприязненнымъ, какъ съ какимъ они умертвили Квинтилиа Вара. Пусть они лишь хранятъ въ памяти столько сраженій; исходомъ которыхъ и наконецъ изгнаніемъ Римлянъ достаточно доказано—у кого изъ двухъ будетъ верхъ въ предстоящей войнѣ».

46. Да и Марободъ не воздерживался отъ похвалы собою или отъ ругательства на непріятеля; но, держа Ингвіомера, свидѣтельствовалъ: «что въ этомъ тѣлѣ вся честь Херусковъ, что его со-вѣтами совершилось все, что случилось удачнаго. Арминій безразсуденъ, мало знакомъ съ дѣлами, чужую славу привлекаетъ къ себѣ, потому что три легіона, находившихся въ бездѣйствіи и вождя не знавшаго о коварствѣ, обманулъ вѣроломствомъ съ большимъ бѣдствіемъ для Германіи и съ собственнымъ безславіемъ, а между тѣмъ его жена и сынъ до сихъ поръ несутъ рабство. А онъ—предметъ усилій двенадцати легіоновъ, подъ предводительствомъ Тиберія, сохранилъ неприкосновенною славу Германцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ обѣ стороны разошлись при равныхъ условіяхъ; и не жалѣеть, что въ ихъ рукахъ теперь—захотятъ ли они лучше вновь вести войну противъ Римлянъ, или имѣтъ миръ безъ кровопролитія?» Войска, возбуждаемыя такими рѣчами, подстрекали и собственныя побужденія; такъ какъ со стороны Херусковъ и Лонгобардовъ предстояла борьба за древнюю честь или недавнюю свободу, а съ другой стороны предстояла борьба за приращеніе власти. Нигдѣ столкновеніе не произошло съ большою силою и исходъ не былъ болѣе сомнителенъ, такъ какъ и съ той и съ другой стороны правое крыло было разбито. Надѣялись возобновленія битвы, но Марободъ сталъ лагеремъ на холмахъ. Это было признакомъ его пораженія и, мало по малу оставленный перемѣжчиками, удалился въ землю Маркоманновъ и отправилъ пословъ къ Тиберію—просить помощи. Отвѣтъ данъ такой: «не имѣетъ онъ права призывать вооруженныя силы Римлянъ противъ Херусковъ, такъ какъ онъ не оказалъ никакого содѣйствія Римлянамъ въ ихъ борьбѣ съ тѣмъ же самымъ непріателемъ». Впрочемъ отправленъ, какъ мы выше привели, Друзъ утвердить миръ.

47. Въ этотъ же году двенадцать знаменитыхъ городовъ Азіи обрушились отъ ночнаго землетрясенія и по этому самому бѣдствію было и неожиданнѣе и тяжеле. И обыкновеннымъ въ такихъ слу-

чаяхъ бѣгствомъ въ открытыя мѣста невозможно было воспользоваться такъ какъ разверзшаяся земля поглощала бѣгущихъ: «Огромныя горы опустились, а ровныя мѣста оказались крутыми; среди развалинъ сверкалъ огонь» — такъ упоминаютъ. Самое жестокое бѣдствіе постигло жителей Сардъ и привлекло на нихъ наиболѣе состраданія. И Цезарь обѣщалъ десять милліоновъ сестерцій и на пять лѣтъ отставилъ всѣ платежи въ казну общественную и государственную. Жители Магнезіи Сипильской признаны послѣ жителей Сардъ и наиболѣе пострадавшими и наиболѣе имѣющими право на помощь. Положено — Темніевъ, Филадельфеновъ, Эгеатовъ, Аполлоидензевъ и такъ называемыхъ Мостеновъ, и Македонянь Гиркановъ, а также города Героцезарею, Мирину, Цименъ, Тмолу — освободить на тотъ же срокъ отъ податей и послать изъ сенаторовъ — на мѣстѣ осмотрѣть и оказать помощь. Выбранъ М. Алетъ изъ бывшихъ преторовъ для того, чтобы, какъ Азією управлялъ бывший консулъ, не произошло соперничества между равными и вслѣдствіе этого затрудненія.

48. Свое великое пожертвованіе на общественное дѣло увеличилъ Цезарь щедростью не менѣе пріятною (народу), имущество Эмилии Музы, умершей безъ завѣщанія, которое должно было поступить въ казну, отдалъ Емилию Лепиду, къ роду котораго она по видимому принадлежала, а наслѣдство Патудея, богатаго всадника Римскаго, хотя и самъ, по завѣщанію, состоялъ въ части наслѣдникомъ, передалъ М. Сервилію, который, какъ оказалось, былъ написанъ въ первомъ по времени духовномъ завѣщаніи незаподозрѣнномъ; при чемъ онъ (Тиберій) высказалъ, что знатность того и другаго требуетъ помощи соответствующими денежными средствами. И ничего наслѣдства онъ не касался, развѣ когда его заслужилъ дружественными отношеніями; а незнакомыхъ и изъ непріязни къ другимъ обращавшихся (съ наслѣдствомъ) къ главѣ государства — постоянно держалъ отъ себя вдали. Впрочемъ, если онъ оказалъ пособіе честной бѣдности людей стоящихъ, то расточившихъ свое имущество и пришедшихъ въ крайность вслѣдствіе пороковъ — Вибиція Варрона, Марія Непота, Анпія Анпіана, Корнелія Суллу, К. Вителлія удалилъ изъ сената или смотрѣлъ равнодушно, какъ они добровольно удалились

49. Въ это же время храмы боговъ, разрушенныя или временемъ или огнемъ, начатыя Августомъ, освятилъ — Либеру и Либерѣ и Церерѣ подлѣ большаго цирка, выстроенный по обѣту когда то данному А. Постуміемъ диктаторомъ; въ томъ же мѣстѣ поставленъ храмъ Флоры Эдиліями Луціемъ и Маркомъ Публиціями и

Яну храмъ, у овощнаго рынка, построенный К. Дуилліемъ, что первый счастливо дѣйствовалъ изъ Римлянъ на морѣ и заслужилъ почести морскаго триумфа надъ Карфагенянами. Храмъ Надежды посвященъ Германикомъ; обѣтъ его воздвигнуть даль Атилій въ ту же войну.

50. Между тѣмъ законъ (оскорбленія) величества развивался все болѣе и болѣе. Доносчикъ призывалъ къ суду въ силу этого закона Апулею Вахилію, внуку сестры Августа—будто бы она издѣвалась поносными словами надъ божественнымъ Августомъ, Тиберіемъ и его матерью и, будучи въ родствѣ съ Цезаремъ, нарушаетъ святость брачнаго союза. «Относительно нарушенія брачнаго союза достаточно предусмотрѣно закономъ Юліанскимъ.» Такъ рѣшено, «обвиненіе же въ оскорбленіи величества, Цезарь «требовалъ отдѣлать и подвергнуть ее осужденію, если она говорила объ Августѣ что либо непочтительно: о выраженіяхъ же «ея относительно его, Тиберія, не хочетъ онъ, чтобы производимо «было изслѣдованіе.» Будучи спрошенъ консуломъ: «какое же «его мнѣніе будетъ относительно того, что она уличается въ «неприличныхъ выраженіяхъ относительно его матери?»—смолчалъ. Потомъ въ ближайшій день засѣданія сената, просилъ и отъ имени матери: «чтобы никому не ставили въ вину никакихъ «выраженій и относительно ея.» И освободилъ Апулею отъ преслѣдованія по обвиненію въ оскорбленіи величества; отпросивъ ее отъ болѣе строгаго наказанія за нарушеніе супружеской вѣрности, убѣдилъ: «по примѣру предковъ удалить ее отъ ея родственниковъ за двухсотый милевой столбъ.» Ея соблазнителю Манлію запрещено пребываніе въ Италіи и Африкѣ.

51. О замѣщеніи преторской вакансіи, открывшейся послѣ Виписанія Галла, похищеннаго смертью, произошла борьба. Германикъ и Друзъ—въ то время они находились еще въ Римѣ—поддерживали Гатерія Агриппу, родственника Германику. Напротивъ большинство усиливалось, чтобы въ кандидатахъ преимущественно было уважено число дѣтей какъ требовалъ законъ. Радовался Тиберій, что сенатъ производилъ разбирательство между дѣтьми его и законами. Безъ сомнѣнія законъ побѣжденъ, но и не тотчасъ же и небольшимъ перевѣсомъ голосовъ, такъ какъ законы были побѣждаемы и тогда, когда еще имѣли силу.

52. Въ этомъ же году началась война въ Африкѣ, а предводителемъ враговъ былъ Такфаринатъ. Онъ, родомъ Нумидъ, служилъ во вспомогательныхъ войскахъ Римскихъ, потомъ де-

зertifировалъ и собралъ сначала бродягъ и привыкшихъ жить воровствомъ съ цѣлью грабежа и похищенія; потомъ, согласно военному обычаю, устроилъ ихъ по значкамъ и отрядамъ; наконецъ сталъ онъ уже вождемъ не толпы нестройной, а Мусулановъ. Этотъ сильный народъ, жившій близко отъ пустынь Африки, вовсе не имѣвшій еще понятія о жизни въ городахъ, взялся за оружіе и увлекъ на войну и сосѣдей своихъ Мавровъ; у этихъ вождемъ былъ Мазиппа. Войско раздѣлено такъ, чтобы Такфаринатъ держалъ въ лагеряхъ людей отборныхъ и вооруженныхъ по обычаю Римлянъ, пріучая ихъ къ дисциплинѣ и исполненію приказаній. Мазиппа съ легковооруженнымъ войскомъ долженъ былъ разнести кругомъ — пожары, убійства и ужасъ. Побудили къ тому же и Цинитіевъ, народъ которымъ пренебрегать нельзя было. Тогда Фурій Камилль, проконсулъ Африки — легионъ и сколько было подъ значками союзниковъ, собравъ во едино, повелъ къ непріятелю; войско небольшое, если принимать въ соображеніе численность Нумидовъ и Мавровъ; но ничего такъ не опасались, какъ того чтобы они отъ страха не отказались воевать; надеждою на побѣду поставлены они въ такое положеніе, чтобы быть побѣжденными. Вслѣдствіе этого въ середину поставленъ легионъ, а на флангахъ легкія когорты и два эскадрона. Да и Такфаринасъ не уклонялся отъ боя. Разбиты Нумиды и послѣ многихъ лѣтъ имени Фурія досталась военная слава, такъ какъ послѣ того знаменитаго освободителя и сына его Камилла слава хорошихъ полководцевъ принадлежала другимъ родамъ. Да и этотъ, о комъ говоримъ, считался человѣкомъ не военнымъ. Тѣмъ съ большею готовностью Тиберій выхвалялъ передъ сенатомъ его дѣйствія и сенаторы опредѣлили отличія тріумфа и это Камиллу, по скромности его жизни, не навлекло наказанія.

53. Слѣдующій годъ имѣлъ консулами Тиберія въ третій разъ, Германика во второй; но эту почесть Германикъ принялъ у города Ахаіи Никополиса, куда онъ прибылъ чрезъ Иллирскій берегъ — повидаться съ братомъ Друзомъ, находившимся въ Далмаціи, вынеся неудачное, вслѣдствіе неблагоприятныхъ вѣтровъ, странствованіе по Адриатическому, а вслѣдъ за тѣмъ по Ионическому морю. А потому онъ немного дней потратилъ на исправленіе флота и вмѣстѣ посѣтилъ заливъ, прославленный Автійскою побѣдою, посвященною Августомъ военною добычею и лагерями Антонія, причемъ вспомнилъ онъ и предковъ своихъ, потому что у него дядею съ материнской стороны былъ Августъ и дѣдомъ Антоній и вели-

кіе для него былъ тамъ образы и печальнаго и веселаго. Оттуда прибылъ въ Афины и, по договору, предоставлено древнему и союзному городу—пользоваться однимъ ликторомъ. Встрѣтили (Германника) Греки съ самыми изысканными почестями, хвалясь старинными своими дѣйствіями и словами, чтобы ихъ лесть имѣла больше достоинства.

54. Отправясь потомъ въ Евбею, переправился въ Лесбось, гдѣ Агриппина родила послѣднюю (по времени) дочь Юлію: за тѣмъ посѣтилъ онъ окраину Азіи, Перинею и Византію, Фракійскіе города, вошелъ въ проливъ Пропонтиды и устье Понта, изъ желанія ознакомиться съ мѣстами древними и покрытыми славою; вмѣстѣ съ тѣмъ облегчалъ онъ положеніе провинцій, страдавшихъ или отъ внутреннихъ несогласій или отъ притѣсненій должностныхъ лицъ. Его на обратномъ пути пытавшася осмотрѣть свѣтню Самоераковъ, отбили противные вѣтры. А потому онъ отъ Иліона и всего что тамъ есть достойнаго уваженія, влѣдствіе разнообразія счастья и нашей колыбели, опять обратился въ Азію и присталъ къ Колофону, чтобы воспользоваться тамъ прорицалищемъ Кларія Аполлона. Не жевщина тамъ, какъ у Дельфійцевъ, но священнослужитель изъ извѣстныхъ фамилій и навѣрное изъ Милета приглашенный—выслушиваетъ только что пришедшихъ для совѣта и имени; потомъ, удалясь въ пещеру, почерпнувъ воды потайнаго источника, незнакомый по большей части съ грамотностью и стихотворствомъ, даетъ отвѣты (правильно) сложенными стихами о предметахъ, какіе кто въ умѣ задумалъ. Говорятъ онъ — Германнику обняками, по обычаю оракула, провѣщаль *раннюю кончину*.

55. А Пизонъ, чтобы скорѣе начать (исполненіе) назначеннаго —городское общество Аеинянъ, испуганное его грознымъ нашествіемъ, обругалъ строгою рѣчью, косвенно упрекнувъ Германника: «что онъ «несоотвѣтственно чести Римлянъ, обошелся слишкомъ ласково не «съ Аеинянами, которые перевелись отъ столькихъ бѣдствій, но «съ какою то смѣсью (осадкомъ) народовъ; а эти были союзника-«ми Митридата противъ Суллы, и Антонія противъ божественнаго «Августа.» Да и давнишнее ставилъ въ вину — какъ неудачно дѣйствовали они противъ Македонянъ и насильственно противъ своихъ соотечественниковъ; оскорбленъ онъ былъ раздраженіемъ и самаго города (жителей), такъ какъ они не уважили его просьбы относительно прощенія какого то Теофила, осужденнаго Ареопогомъ за обманъ. Потомъ быстрымъ плаваніемъ черезъ Циклады и сокращеннымъ морскимъ путемъ настигъ у острова Родоса Герма-

ника, которому не безъизвѣстно было—предметомъ какихъ преслѣдованій онъ будетъ; но онъ дѣйствовалъ съ такою кротостью, что когда поднявшаяся буря влекла (Пизона) на утесы и гибель врага можно было бы приписать случаю, послалъ триремы, при помощи коихъ Пизонъ высвобожденъ былъ изъ опасности. Но несмягченный этимъ, Пизонъ, едва стерпѣвъ замедленіе одного дня, оставилъ Германика и опередилъ его. Достигнувъ Сириі и легионовъ—подкупомъ, ухаживаніемъ, пособіями послѣднимъ изъ простыхъ воиновъ, смѣняя старыхъ сотниковъ и строгихъ трибуновъ, а мѣста ихъ раздавая своимъ кліентамъ и вообще кому ни на есть хуже—произвелъ въ лагеряхъ безпечность, въ городахъ своеволіе, допустилъ воиновъ свободно блуждать по полямъ и дошелъ до такой испорченности, что въ рѣчахъ большинства слылъ *отцомъ легионовъ*. Да и Планцина не удерживалась въ границахъ того, что прилично женщинѣ, но присутствовала при упражненіяхъ всадниковъ, маневрахъ пѣхоты; высказывала ругательства на Агриппину, на Германика. И нѣкоторые даже изъ хорошихъ воиновъ были готовы исполнить и дурное, такъ какъ распространился тайный слухъ, что: «все это дѣлается не безъ воли Императора.» Германику это было извѣстно, но усиленіе его забота была—поскорѣ поспѣть къ Армянамъ.

56. Издревле народъ этотъ отличался и двухсмысленнымъ расположеніемъ людей и самой земли, такъ какъ широко касаясь нашихъ провинцій, простирается далеко вглубь къ Медамъ. Находясь между обширныхъ Имперій, часто волнуются внутренними несогласіями, ненавидя Римлянъ и завидуя Парсамъ. Царя въ то время они не имѣли съ удаленіемъ Вонона, но расположение народа клонилось въ пользу Зенона, сына Понтскаго царя, Полемона, такъ какъ съ самаго ранняго дѣтства поставивъ себѣ за образецъ учрежденія и обычаи Армянъ, охотою, пиршествами и вообще всѣмъ другимъ, что нравится дикарямъ, привязалъ къ себѣ вмѣстѣ и знатныхъ, и чернь. А потому Германикъ, въ городѣ Артаксатѣ съ одобренія знатнѣйшихъ лицъ, среди огромной толпы народа, надѣлъ на его голову вѣнецъ царскій. Прочіе, изъявляя почтеніе къ царю, привѣтствовали его именемъ *Артаксій*; названіе это они заимствовали отъ имени города. А Каппадоки, обращенные въ форму провинціи, приняли К. Веранія легата; нѣкоторые изъ податей царями установленныхъ уменьшены, для того чтобы обнадежить ихъ болѣе легкимъ Римскимъ владычествомъ. Начальникомъ надъ Комагенами поставленъ К. Сервей и тутъ-то въ первый разъ они подчинены суду претора.

87. Благополучное устройство всѣхъ дѣлъ у союзниковъ не радовало впрочемъ Германика вслѣдствіе наглости Пизона, который, получивъ приказаніе привести въ Арменію часть легионовъ или самъ, или черезъ сына—не исполнилъ ни того, ни другаго. Наконецъ сошлись они въ Циррѣ на зимнихъ квартирахъ десятаго легиона, скрѣпивъ сердце—Пизонъ противъ страха, Германикъ—чтобы не показаться угрожающимъ; былъ онъ, какъ я уже говорилъ, слишкомъ снисходителенъ. Но пріатели, мастера возбуждать раздраженіе, указывая на то, что было дѣйствительно, прибавляли и лжи, и разными способами винили Пизона, жену его и сыновей. Наконецъ въ кругу немногихъ приближенныхъ, Цезарь сталъ уже говорить въ такомъ тонѣ, какой вызывается скрытностью и раздраженіемъ. Пизонъ отвѣтилъ просьбами съ бранью и разошлись съ явною ненавистью. Послѣ того Пизонъ рѣдко показывался на трибуналѣ Цезаря и если когда и садился, то суровый и явно готовый на противорѣчіе. Слышался его голосъ на пиршествѣ, когда у царя Набатѣевъ поднесены были Цезарю и Агриппинѣ тяжелые золотые вѣнцы, а Пизону и остальнымъ легкіе; «пиршество это дается сыну Государи Римскаго, а не царя Пареевъ» вмѣстѣ съ тѣмъ онъ бросилъ вѣнокъ и многое прибавилъ противъ роскоши и все это Германику, хотя и дерзкое, было еще выносимо.

88. Между тѣмъ пришли послы отъ Артабана, царя Пареевъ; онъ прислалъ ихъ: «напомнить дружбу и союзный договоръ, и «хочетъ онъ вновь скрѣпить его пожатіемъ рукъ и сдѣлаетъ онъ «уступку въ честь Германика въ томъ, что подойдетъ къ берегу Евфрата. «Впрочемъ онъ проситъ Вонона въ Сиріи не держать, чтобы онъ—«посылками по сосѣдству—старѣйшія племена не возбуждалъ къ «раздорамъ.» На это Германикъ далъ отвѣтъ въ самихъ пышныхъ выраженіяхъ о союзѣ Римлянъ и Пареевъ, а о прибытіи царя изъ уваженія къ нему (Германику) въ приличныхъ и скромныхъ. Вононъ удаленъ въ Помпеюполисъ, приморскій городъ Киликіи и сдѣлано это не только по просьбѣ Артабана, но въ непріятность Пизону, которому онъ былъ въ высшей степени пріятель вслѣдствіе весьма многихъ услугъ и подарковъ, которыми привязалъ Планцину.

89. Въ консульство М. Силана и Л. Норбана Германикъ отправился въ Египетъ, чтобы ознакомиться съ древностями; но предлогомъ была забота о провинціи: открытіемъ житницъ уменьшилъ онъ дѣну произведеній земли. Многое пустилъ онъ въ ходъ

пріятное народу: ходилъ безъ воиновъ съ непокрытыми ногами и въ Греческой одеждѣ, соревнуя П. Сципіону, о которомъ мы знаемъ, что онъ также поступалъ въ Сицилію, хотя война съ Карфагенянами была въ полномъ разгарѣ. Тиберій слегка поцѣнялъ его за его манеры и способъ себя держать, но очень строго побранилъ за то, что, противъ уставовъ Августа, не спросясь главы государства, вышелъ въ Александрію; потому что Августъ между прочими тайнами власти, запретивъ безъ особеннаго разрѣшенія доступъ сенаторамъ или знатнѣйшимъ изъ всадниковъ Римскихъ, поставилъ Египетъ въ исключительное положеніе для того, чтобы не стѣснилъ Италію голодомъ тотъ, ктобы эту провинцію, замкнутую и съ сухаго пути и съ моря, хотя бы и самимъ малымъ отрядомъ занялъ противъ несмѣтныхъ войскъ.

60. Но Германикъ, еще не зная, что поѣздки эта подвергалась осужденію, плылъ Ниломъ, начавъ отъ города Канопы. Построили его Спартанцы по случаю похороненнаго тамъ правителя судна—Канопы въ ту бурю, которою Менелай, плывшій въ Грецію, отброшенъ совсѣмъ въ другое море къ землѣ Либіи. Оттуда (отъ Канопы) въ самомъ близкомъ разстояніи устье рѣки, посвященное Геркулесу, о которомъ здѣшніе жители утверждаютъ, что онъ древнѣйшій и родился у нихъ, а что тѣ, которые впоследствии обнаружили равныя съ нимъ качества, приняли его же прозваніе. За тѣмъ осмотрѣлъ онъ обширные слѣды древнихъ Фивъ и на воздвигнутыхъ громадахъ оставались еще Египетскія письма, относившіяся къ прежнему богатству. Одинъ изъ старѣйшихъ священнослужителей, получивъ приказаніе перевезть родную ему рѣчь, передалъ: «жили когда-то семьсотъ тысячъ человѣкъ военного сословія и съ этимъ войскомъ царь Рамсесъ овладѣлъ Ливією, Эѳіопією, Мидами, Персами, Бактрією и Скиаами и какія земли «населяютъ Сиры, Армяне и смежныя имъ Каппадоки—все это «было подъ его властью съ одной стороны до Вионскаго, а съ «другой до Ликійскаго моря.»—Читались и наложенныя племенамъ дани: вѣсъ золота и серебра, количество оружія и коней и дары храмамъ, слоновая кость и благовонія, какое количество хлѣба и всѣхъ нужныхъ припасовъ какой народъ поставлялъ, не менѣе значительныя, какія теперь силою Паревовъ или могуществомъ Римлянъ истребуются.

61. Впрочемъ Германикъ обратилъ вниманіе и на другія чудесныя явленія, изъ коихъ главное было каменное изображеніе Мемнона, издающее звукъ голоса, когда на него падаютъ лучи солнца

и между разбросанными и едва проходимыми песками на подобіе горъ выведены пирамиды съязваніемъ и богатствами царей: озеро, вырытое въ землѣ, пріемникъ избытка воды рѣки Нила, а индѣ узкое мѣсто и страшная глубина, не доступная никакимъ попыткамъ изслѣдователей. Оттуда пришли въ Элефантинъ и Сіэну, нѣкогда пограничныя пункты Римскаго владычества, которое теперь простирается до Краснаго моря.

62. Между тѣмъ какъ это лѣто проходитъ для Германика по многимъ провинціямъ, немалой чести искалъ себѣ Друзъ, возбуждая Германцевъ къ несогласіямъ, чтобы они, сломивъ Маробода, домогались его конечной гибели. Между Гатонами былъ знатный юноша, по имени Катувальда, нѣкогда бѣглець отъ насилія Маробода, а теперь, въ сомнительныхъ его обстоятельствахъ, дерзнулъ на мщеніе. Онъ съ сильнымъ отрядомъ входитъ въ предѣлы Маркоманновъ и подкупивъ знатнѣйшихъ лицъ къ союзу, врывается въ царскій дворецъ и укрѣпленіе подлѣ находящееся. Найдена тамъ старинная добыча Свевовъ и изъ нашихъ провинцій служители и торговцы. Ихъ—торговля дѣла, потомъ страсть пріобрѣсть побольше денегъ, наконецъ забвеніе отечества перенесли каждаго изъ его прежняго мѣстопробыванія въ непріятельскую землю.

63. Марободу, со всѣхъ сторонъ оставленному, не было другаго исхода, кромѣ въ милосердіи Цезаря. Перейдя Дунай въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ течетъ вдоль провинціи Норикъ, написалъ Тиберію не какъ бѣглець и проситель, но съ памятыю прежняго своего счастья: «между тѣмъ какъ многіе народы знаменитѣйшаго нѣкогда «царя зовутъ къ себѣ, предпочелъ онъ дружбу Римлянъ.» Данъ Цезаремъ отвѣтъ: «будетъ для него въ Италіи безопасное и почетное мѣсто, если останется; если же онъ найдетъ для своихъ «дѣлъ что либо другое полезнымъ, то можетъ уйти съ тѣмъ же «довѣріемъ, съ какимъ пришелъ.» Впрочемъ сенату говорилъ онъ (Тиберій): «что ни для Авинянъ Филиппъ, ни народу Римскому «Пирръ или Антіохъ не были такъ страшны.» Существуетъ рѣчь, въ которой онъ превозноситъ: «величіе этого человѣка, силу под-«властныхъ ему народовъ и (излагаетъ) какой близкой къ Италіи «врагъ и свой (осуществленный) планъ къ его уничтоженію.» Маробода держали въ Равеннѣ и дѣлали тотъ видъ, что въ случаѣ если Свевы забудутся, возвратится онъ на царство; но не вышель онъ изъ Италіи въ теченіи 18 лѣтъ и состарѣлся, много утративъ славы, вслѣдствіе излишняго пристрастія къ жизни. Тоже случилось и съ Катувальдою и то же убѣжище; прогнанъ онъ не-

много послѣ силами Гермундуровъ и вождемъ Вибуліемъ; будучи принятъ, отправленъ въ Форумъ Юлія, поселеніе Нарбонской Галліи. И того (Маробода) и другаго (Катуальда) сопровождавшіе его соотечественники дикари, для того чтобы перемѣшанные не произвели смутъ въ спокойныхъ провинціяхъ, помѣщены по ту сторону Дуная между рѣками Маромъ и Кузомъ и данъ имъ царь Ванній изъ племени Квадовъ.

64. Вмѣстѣ получено извѣстіе, что «Армянамъ отъ Германика данъ царь Артаксій.» Опредѣляли сенаторы: «чтобы Германикъ и Друзъ вошли въ городъ съ почестями оваціи (малаго триумфа). Построены и арки (ворота) по бокамъ храма Марса Мстителя съ изображеніемъ цезарей. Тиберій, упрочивъ миръ мудростью, радовался болѣе, чѣмъ если бы окончилъ войну сраженіемъ. А потому пытается подѣйствовать хитростью и на Рескупориса, царя Оракіи. Всѣмъ этимъ народомъ владѣлъ Реметалцесъ; съ его смертью Августъ предоставилъ часть Ораковъ Рескупорису, брату его, а часть сыну Котію. При этомъ дѣленіи воздѣланныя поля, города и лежащее къ Греціи — Котію; все же невоздѣланное, суровое, лежащее къ врагамъ, уступилъ Рескупорису. Самихъ царей характеры были: у того смиренный и пріятный, а у этого суровый, жадный и недружелюбный. Но сначала они дѣйствовали съ притворнымъ согласіемъ: вельдъ за тѣмъ Рескупорисъ сталъ выходить за предѣлы, обращать къ себѣ данное Котію и дѣлать насиліе, когда онъ противился, еще нерѣшительно при Августѣ, котораго, какъ виновника того и другаго царства, опасался мстителемъ, если пренебрежетъ имъ. Но, услыхавъ о перемѣнѣ главы государства, сталъ насылать толпы разбойниковъ, срывать укрѣпленія, какъ поводы къ войнѣ.

65. Ничто такъ не тревожило Тиберія, какъ чтобы улаженное не разстроилось. Выбираетъ онъ сотника, который извѣстилъ бы царей—чтобы они оружіемъ не разбирались, и Котіемъ немедленно отосланы вспомогательныя войска, которыя онъ было приготовилъ. Рескупорисъ съ притворною скромностью требуетъ: «пусть они сойдутся въ одно мѣсто: можно уладить несогласія переговорами.» Не долго оставались въ неизвѣстности о времени, мѣстѣ, самихъ условіяхъ, такъ какъ одинъ влѣдствіе уступчивости, а другой коварства, все между собою и уступали, и принимали. Рескупорисъ, для скрѣпленія, какъ говорилъ, союзнаго договора, прибавилъ пиршество: веселіе продлилось далеко въ ночь. Котиса, влѣдствіе пира и попойки, не принявшаго никакаихъ мѣръ осторожности и, послѣ того какъ по-

нать коварство, призывавшаго въ свидѣтели: «святыню царства, боговъ одного и того же семейства и гостепріимные столы»—обременяетъ цѣпями. Овладевъ всею Фракіею, пишетъ къ Тиберію: «устроены были ему ковы, но виновникъ предупрежденъ.» Въмѣстѣ съ тѣмъ подъ предлогомъ войны противъ Бастарновъ и Скивовъ, усиливаетъ себя новыми войсками пѣшими и конными. Мягко написано: «если не было коварства, то можетъ онъ полагаться на «свою невинность; впрочемъ ни онъ, ни сенатъ иначе, какъ разо- «бравъ дѣло, не опредѣляютъ—на чьей сторонѣ правда и на чьей «оскорбленіе; а потому, передавъ Котія, пусть онъ явится и уст- «ранить обвиненіе въ преступленіи.»

66. Эти письма Латиній Пандъ, пропреторъ Мэзіи, послалъ во Фракію съ войнами, которымъ Котисъ долженъ быть выданъ. Рескупорисъ, нѣсколько времени оставаясь въ нерѣшительности между опасеніями и раздраженіемъ гнѣва, предпочелъ быть виновникомъ совершеннаго, чѣмъ начатаго преступленія, приказываетъ убить Котиса и ложно высказываетъ, будто бы онъ смерть себѣ причинилъ добровольно. Впрочемъ Цезарь не измѣнилъ разъ избраннаго образа дѣйствія; но, по смерти Панда, котораго себѣ непріязненнымъ уличалъ Рескупорисъ—Помпонія Флакка, стариннаго служака и связаннаго съ царемъ тѣсною дружбою, а потому и болѣе годнаго къ его обману—вслѣдствіе преимущественно этихъ соображеній, поставилъ начальникомъ надъ Мэзіею.

67. Флаккъ, перейдя во Фракію—огромными обѣщаніями, хотъ колебавшагося при мысли о своихъ злодѣяніяхъ, царя побудилъ—войти въ Римскіе предѣлы. Тутъ окружилъ царя подъ предлогомъ почести сильный отрядъ. Трибуны и сотники просьбами и убѣжденіями, а чѣмъ далѣе отходили, болѣе явнымъ присмотромъ, наконецъ уже сознавашаго необходимость, увлекли въ городъ. Будучи обвиненъ въ сенатѣ женою Котиса, осужденъ—быть содержимымъ далеко отъ его царства. Фракія раздѣлена между сыномъ Реметалцеса, о которомъ навѣрное было извѣстно, что онъ противился намѣреніямъ отца и между дѣтьми Котиса; а такъ какъ они еще не возрасли, то дается Требеллиентъ Руфъ, занимавшій должность претора, чтобы онъ въ промежуткѣ этого времени управлялъ царствомъ по примѣру, что предки наши послали въ Египетъ Марка Лепида опекуномъ дѣтей Птолемея. Рескупорисъ отвезенъ въ Александрію и тамъ, въ попыткѣ бѣжать, и можетъ быть это обвиненіе и придумано—убить.

68. Въ это же время Вононь, о удаленіи котораго въ Кили-

кію я упомянулъ, подкупивъ сторожей, бѣжалъ къ Армянамъ; оттуда пытался проникнуть къ Албанцамъ, Геніохамъ и себѣ единокровному царю Скиѳовъ; подъ предлогомъ охоты оставивъ приморскія мѣста, онъ удалился въ непроходимыя лѣса; потомъ на быстромъ конѣ бросился къ рѣкѣ Пираму, но мосты на ней—сосѣдніе жители, услышавъ о бѣгствѣ царя, сломали, а въ бродѣ не могъ переѣхать; потому онъ связанъ на берегу рѣки Вибіемъ Фронтонемъ, префектомъ всадниковъ; но скоро Ремій, будучи вызванъ—а онъ имѣлъ до этого надзоръ за царемъ, какъ бы въ раздраженіи гнѣва, прокололъ его мечемъ; отсюда еще больше вѣры, что, вслѣдствіе сознанія преступленія и опасенія суда, нанесъ онъ смерть Вонону.

69. А Германикъ, во возвращеніи изъ Египта, нашелъ, что всѣ его распоряженія относительно легіоновъ и городовъ уничтожены или растолкованы советѣмъ иначе. Вслѣдствіе этого тяжкія обвиненія пали на Пизона; не менѣе возмутительны были и его попытки противъ Цезаря. Потомъ Пизонъ положилъ уйдти изъ Сиріи, но вслѣдъ за тѣмъ задержанный болѣзью Германика, узнавъ, что онъ поправился и совершались обѣты за его здорѳвье, при посредствѣ ликторовъ разгоняетъ приведенныя жертвенныя животныя, изготовившихся священниковъ и ликовавшую чернь Антіохійскую. Тутъ онъ удалился въ Селевкію, дожидаясь (исхода) болѣзни, снова постигшей Германика. Силу болѣзни жестокою увеличивало убѣжденіе въ отравленіи ядомъ, принятымъ отъ Пизона. Находили въ землѣ и стѣнахъ вырытыя останки человѣческихъ тѣлъ, стихи и обреченія, а также имя Германика, вырѣзанное на свинцовыхъ табличкахъ, полуистлѣвшій пепелъ, покрытый гадостью и прочія злыя колдовства, которыми, какъ полагаютъ, обрекаются души (адскимъ) подземнымъ божествамъ. Всѣхъ обвиняли присланныхъ Пизономъ, что они какъ будто бы слѣдили за развитіемъ болѣзни.

70. Германикомъ все это принималось не меньше подъ вліяніемъ раздраженія, какъ и опасеній: «если пороги осаждаются, если предъ «стоитъ испустить духъ передъ глазами непріятелей—что потомъ «станется съ его несчастною женою? Что будетъ съ малыми дѣтьми. Уже ядъ кажется средствомъ слишкомъ медленнымъ; спѣшить «и не даетъ покою, чтобы одному имѣть провинцію, легіоны, но «еще не на столько пораженъ Германикъ и награда за преступленіе не достанется убійцѣ». Составилъ письмо «которымъ отказываетъ ему въ дружбѣ». Большая часть прибавляютъ, что приказалъ (Германикъ) Пизону удалиться изъ провинціи. Да и Пи-

зонъ, не медля долѣе, отплылъ на суднѣ, но замедлялъ движеніе, чтобы имѣть возможность возвратиться скорѣе, если бы смерть Германика открыла для него Сирию.

71. Цезарь, не много было ободрившійся для надежды, а потомъ потерявъ силы тѣлесныя, когда приближался конецъ. къ стоявшимъ около друзьямъ сталъ говорить такъ: «если я бы сдѣлался жертвою неумолимаго рока, то справедлива была бы моя скорбь даже на боговъ, что они меня въ молодости чрезвычайно раннимъ концомъ похищаютъ отъ родныхъ, дѣтей, отечества. Теперь же, сраженный злодѣяніемъ Пизона и Планцины, оставляю въ сердцахъ вашихъ мои послѣднія просьбы. Передайте отцу и брату, истерзанный какими злыми мученіями, какими злодѣйскими умыслами окруженный—окончу бѣдственную жизнь самую жестокою смертию. Если кого мои надежды, если кого родство кровное, если даже кого зависть—и возбуждали противъ меня при жизни моей—прольютъ слезы, что нѣкогда цвѣтушій, изъ столькихъ войнъ вышедшій невредимымъ, палъ отъ женскаго коварства. Будетъ вамъ основаніе жаловаться сенату, призывать законы. Не въ томъ главная обязанность друзей, чтобы сопровождать умершаго безплоднымъ сожалѣніемъ, но помнить его волю; исполнить то, что отъ него поручено. Оплачутъ Германика и люди ему знакомые. Тутъ то вы докажете, что ухаживали за мною, а не за моимъ высокимъ положеніемъ. Покажите народу Римскому внуку божественнаго Августа—она же супруга моя; перечтите шестеро дѣтей. Состраданіе будетъ на сторонѣ обвинителей и придумываемъ преступныя порученія, или не повѣрятъ люди, или не простятъ». Клялись друзья, касаясь руки умирающаго: «утратить прежде духъ, чѣмъ мщеніе. Тогда, обратясь къ женѣ, умолялъ ее: «памятью о себѣ, общими дѣтьми—не предаваться скорби, покоряться духомъ жестокой судьбѣ и по возвращеніи въ городъ соревнованіемъ власти не раздражать тѣхъ кто сильнѣе». Вотъ что говорилъ онъ (Германикъ) явно, а другое тайно и этимъ самымъ какъ полагали обнаруживалъ страхъ передъ Тиберіемъ. Немного спустя угасъ при великомъ плачѣ провинціи и кругомъ жившихъ народовъ. Скорбѣли чужеземные народы и цари; такова была его ласка къ союзникамъ, снисхожденіе къ врагамъ; и видъ его и голосъ равно внушали почтеніе, величіе и важность своего высокаго положенія онъ сохранялъ, избѣгая зависти и надменности.

73. Погребеніе—безъ изображеній и пышности—хвалою и памятью его добродѣтелей, было прославлено. Были люди, которые его на-

ружность, возрастъ, родъ смерти по случаю близкаго сосѣдства самой мѣстности, гдѣ онъ погибъ, приравнивали Александру Великому: «и тотъ и другой красивый наружностью, знаменитаго рода, «не много перешель за тридцать лѣтъ, погибъ жертвою коварныхъ «замысловъ своихъ (близкихъ) и среди чужеземныхъ народовъ; но «этотъ кроткій въ отношеніи къ друзьямъ, умѣренный въ наслаж- «деніяхъ, провелъ жизнь въ супружествѣ съ одною, имѣлъ дѣтей «только законныхъ; но тѣмъ не менѣе отличался на сраженіяхъ; «даже если бы менѣе имѣлъ самонадѣянности и не былъ бы удер- «жанъ—подавилъ бы рабствомъ пораженныя столькими побѣдами «Германіи. Будь онъ одинъ полнымъ хозяиномъ всего, съ именемъ «и правомъ царскимъ, тѣмъ скорѣе приобрѣлъ бы онъ военную сла- «ву, что онъ превосходилъ кротостью, умѣренностью и другими доб- «рыми качествами». Тѣло Германика, прежде чѣмъ быть предан- нымъ сожженію, было обнажено на площади Антіохіи—это мѣсто назначено было для похоронъ—носило ли оно на себѣ признаки отравленія—достоверно не разъяснено. Въ разномъ смыслѣ толко- вали, смотря потому кто былъ болѣе подъ вліяніемъ сожалѣнія о Германикѣ и подготовленнаго заранѣе подозрѣнія или расположе- нія къ Пизону.

74. Потомъ было совѣщаніе между легатами и сенаторами, сколько ихъ тамъ ни находилось—кого *сдѣлать начальникомъ въ Си- рии* и, при слабомъ домогательствѣ остальныхъ, долго не рѣшались между Вибіемъ Марсомъ и Кн. Сентіемъ; потомъ Марсъ уступалъ Сентію какъ болѣе старому и болѣе усильно помогавшемуся. Онъ послалъ въ городъ (Римъ) женщину именемъ Мартину, пользовав- шуюся въ той провинціи худою славою отравленій, а Планциною очень любимую по требованію Вителлія, Веранія и прочихъ, кото- рые производили обвиненіе и устраивали слѣдствіе, какъ бы про- тивъ уже признанныхъ преступниковъ.

75. Агриппина, хотя истомленная горемъ и сама больная, но не перенося ничего, чтобы могло замедлить мщеніе, сѣла на корабль съ прахомъ Германика и дѣтьми при общемъ сожалѣніи: «что жен- щина, занимающая по знатности первое мѣсто, еще недавно на- ходившаяся въ прекраснѣйшемъ брачномъ союзѣ, которую обык- новенно видѣли въ числѣ благодарящихъ поклонницъ (божествамъ) «теперь несетъ на груди смертные останки, еще неувѣренная въ «отмщеніи, въ заботахъ о себѣ и вслѣдствіе несчастнаго плодоро- «дія столько разъ (сколько дѣтей) въ зависимости отъ судьбы». Между тѣмъ Пизона у острова Кая настагаетъ гонецъ съ извѣс-

тіемъ, что Германикъ умеръ. Безъ всякой умѣренности принявъ это извѣстіе приноситъ жертвы, посѣщаетъ храмы и самъ не удерживалъ радости и въ особенности неприлично вела себя Планцина; она трауръ по умершей сестрѣ тутъ только перемѣнила на одежду радости.

76. Стекались сотники и убѣждали: «готово усердіе легионовъ: пусть возвращается въ провинцію, не по праву отнятую и неза-
«нятую». А потому когда онъ совѣтовался: какъ поступить, сынъ М. Пизонъ полагалъ: «что надобно спѣшить въ городъ; еще ни-
«чего не допущено, чего бы нельзя загладить и не слѣдуетъ бо-
«яться ни подозрѣній ниначемъ неоснованныхъ, ни пустыхъ слу-
«ховъ. Несогласіе съ Германикомъ можетъ быть достойно нена-
«висти, а не наказанія: отнятіемъ провинціи дано удовлетвореніе
«врагамъ. Если же возвратиться, то при сопротивленіи Сентія, нач-
«нется междусобная война; да и не долго останутся на ихъ
«сторонѣ сотники и воины, у которыхъ свѣжа еще память объ
«ихъ полководцѣ и любовь къ цезарямъ, глубоко проникающая, бу-
«детъ имѣть болѣе силы.»

77. Напротивъ Домицій Целеръ, изъ числа самихъ близкихъ его пріятелей говорилъ: «надо пользоваться случаемъ. Пизонъ, а
«не Сентій поставленъ надъ Сирією; ему даны пуки и право
«претора, ему—легионы. Еслибы что и случилось непріязненнаго,
«то чего же справедливѣе — противопоставить оружіе ему, получив-
«шему власть легата и особенный наказъ? Да и слухамъ надобно
«оставить время, въ которое бы они устарѣли; по большей части
«съ еще свѣжимъ раздраженіемъ и невинные не въ состояніи бо-
«роться. Но если онъ удержитъ войско, увеличитъ свои силы, то
«многое чего предвидѣть невозможно, случайно обратится къ луч-
«шему. Не послѣдимъ мы пристать вмѣстѣ съ прахомъ Германика,
«чтобы при первой молвѣ тебя беззащитнаго и невыслушаннаго
«похитили вопли Агриппинны и несмысленная чернь. Конечно Ав-
«густа твоя единомысленица, Цезарь къ тебѣ расположенъ, но
«втайнѣ; а о гибели Германика никто невысказываетъ такого глас-
«наго сожалѣнія какъ тѣ именно, которые наиболѣе радуются.»

78. Безъ большаго труда Пизонъ, склонный къ мѣрамъ кру-
тымъ, увлеченъ этимъ мнѣніемъ; отправивъ письмо къ Тиберію,
обвиняетъ Германика: «въ роскоши и надменности и «онъ из-
«гнанный съ цѣлью дать просторъ пощылкамъ къ новому, воз-
«вратился — имѣть заботу о войскѣ съ тою же вѣрностью съ
«какою прежде его держалъ.» Вмѣстѣ отдастъ приказаніе Доми-
цію, сѣвъ на трирему: «избѣгать приближенія къ берегамъ и ми-

мо острововъ открытымъ моремъ плыть въ Сирію.» Сбѣгавшихся дезертировъ располагаетъ въ роты, вооружаетъ маркитантовъ, переславивъ суда на твердую землю, перехватываетъ отрядъ новонабранцевъ идущихъ въ Сирію. Царькамъ Киликіи—*чтобы они* оказали ему содѣйствіе вспомогательными войсками—написалъ, при чемъ недѣливымъ на исполненіе военныхъ обязанностей оказался Пизонъ младшій, хотя и отклонялъ было необходимость начатія войны. А потому двигаясь вдоль береговъ Ликіи и Панфіліи встрѣтили суда, которыя везли Агриппину. И съ той, и другой стороны непріязненные—сначала изготовили оружіе, потомъ вслѣдствіе взаимныхъ опасеній, дѣло не перешло за брань. Марсъ Вибій далъ знать Пизону—«чтобы онъ явился въ Римъ для принесенія оправданій.» Тотъ уклончиво отвѣчалъ: «что явится когда преторъ, который долженъ производить изслѣдованіе объ отравленіяхъ, назначить раньше день (явки) обвиненному и обвинителямъ.» Между тѣмъ Домицій, приставъ къ Лаодикеѣ, городу Сиріи, направился было къ зимнимъ квартирамъ шестаго легіона, такъ какъ онъ считалъ его наиболѣе склоннымъ къ осуществленію новыхъ замысловъ, но предупреждается Пакувіемъ легатомъ. Сентій открываетъ это Пизону письмомъ и убѣждаетъ: «не касаться лагерей людьми вредными (склоняющими къ порчѣ), ни провинцій войною.» Собираетъ въ одно тѣхъ, которые помнили Германика или вратамъ его враждебны, упоминая при этомъ случаѣ, что «оружіе наносится противъ величія Императора и общественнаго «порядка.» Ведетъ сильный отрядъ и готовый къ сраженію.

80. Да и Пизонъ, хотя начатое дѣло иначе выходило (принимало другой оборотъ) опустил самое безопасное изъ настоящаго положенія дѣлъ, а занялъ замокъ Киликіи сильно укрѣпленный, по имени Целендерисъ. Съ примѣсю дезертировъ и рекрутовъ только что передъ тѣмъ перехваченныхъ, своихъ рабовъ и Планцины, вспомогательныхъ войскъ Киликовъ, присланныхъ царьками, составилъ почти численность легіона. Выказывалъ, что: «онъ легатъ (намѣстникъ) цезаря, отъ провинціи, «данной имъ, устраняется, не легіонами—по ихъ приглашенію «прибыль—но Сентіемъ, прикрывающимъ ненависть частнаго чело- «ловѣка ложными обвиненіями. Пусть они станутъ въ боевой по- «рядокъ, а воины не будутъ сражаться какъ только увидятъ «что Пизонъ, отъ нихъ нѣкогда прозванный отцемъ—если дѣло «будетъ разбираться по праву, имѣетъ его на своей сторонѣ, а «если и оружіемъ, то не слабѣ.» Тутъ передъ укрѣпленіями

замка разставляет войска (соб. развертывает роты) на холмѣ крутомъ и обрывистомъ; а съ прочихъ сторонъ ополсывало море. Напротивъ—ветераны, устроенные въ порядкѣ и снабженные резервами; съ одной стороны была суровость воиновъ; съ другой мѣстности, по ни присутствія духа, ни надежды (на успѣхъ), ни даже оружія кромѣ полевого, изготовленнаго для нечаяннаго употребленія. Какъ только сошлись на бой, то не долже могло еще оставаться сомнѣніе, пока Римскія когорты не выбрались на ровное мѣсто; оборачиваютъ тылъ Килики и запираются въ укрѣпленіи.

81. Между тѣмъ Пизонъ флотъ, не вдали ожидавшійся, тщетно пытается атаковать. По возвращеніи передъ стѣнами, то поражая самъ себя, то поименно вызывая воиновъ и приглашая ихъ наградами, начиналъ возмущеніе и дотога взволновалъ, что значконосець шестаго легіона перенесъ къ нему значокъ. Тутъ Сентій отдалъ приказаніе: «заиграть въ рога и «трубы, устремиться къ окопамъ и подтавить лѣстницы и что-бы всѣ лучшіе воины были впереди, а прочіе чтобы бросали «изъ орудій копья, камни и зажженные цуки.» Наконецъ побѣждено упорство Пизона и онъ просилъ: «чтобы, выдавъ оружіе, оставаться ему въ лагерь, пока Цезарю будетъ возможность спросить—кому онъ предоставитъ Сирію.» Условія не приняты и недозволено ничего, кромѣ удалиться на суда и безопасно отправиться въ Римъ.

82. А въ Римѣ—когда все болѣе и болѣе распространялся слухъ о нездоровьи Германика и все, какъ обыкновенно изъ мѣстъ отдаленныхъ, приносилось увлеченное въ дурную сторону— господствовали скорбь, раздраженіе. Вырывались жалобы: «да вотъ «зачѣмъ онъ (Германикъ) былъ отосланъ на край земли! вотъ «отъ чего Пизону предоставлена провинція; вотъ что было пред- «метомъ тайныхъ бесѣдъ Августы съ Плянциною! Справедливое «вполнѣ толковали о Друзѣ старики; не правится правителямъ «образъ мыслей сыновей достойнаго гражданина и не за другое «что перехвачены (скошены) какъ за то, что замыслили народъ «Римскій обнять правомъ равенства, возвративъ ему свободу.» Эти рѣчи народа—слухъ о смерти воспламенилъ до того, что прежде распоряженія властей, прежде сенатскаго опредѣленія, площади опустѣли, дома заперлись; вездѣ или молчаніе или вопли, ничего искусственно устроеннаго и хотя не удерживались и отъ внѣшнихъ признаковъ людей въ горѣ, но въ душахъ еще

глубже скорбѣли. Случилось, что кушцы, вышедшіе изъ Сирии еще при жизни Германика, принесли болѣе радостныя извѣстія о его здоровьи; тотчасъ повѣрили, разнесли слухъ, какъ только кто кому встрѣчался; хотя и слегка слышаннымъ, дѣлился съ другимъ, а тотъ съ увеличенною радостью переносилъ еще на другихъ; бѣгутъ по городу, вламываются въ двери храмовъ. Содѣйствовала легковѣрію ночь и болѣе готовое во мракѣ ея завѣреніе. Тиберій не старался опровергнуть неосновательности (слуха), пока съ теченіемъ времени онъ самъ собою не исчезъ.

83. А народъ тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ оплакивалъ какъ бы вдвойнѣ похищеннаго. Почести найдены и опредѣлены на сколько лишь хватило любви къ Германику или изобрѣтательности: «чтобы имя его было воспѣто въ Саліевыхъ стихахъ; «чтобы поставлены были курульныя кресла въ мѣстахъ Августовыхъ священнослужителей и надъ ними помѣщены дубовыя «вѣнки; чтобы во время игръ цирка его изображеніе изъ слоновой кости было несено впереди и чтобы на мѣсто Германика «ни фламиною, ни авгуромъ не назначался никто иначе какъ изъ «рода Юліевъ.» Прибавлены арки въ Римѣ и у берега Рейна и на Сирійской горѣ, Аманѣ съ надписью совершенныхъ дѣяній и о томъ: «что принялъ смерть за отечество.» Надгробный памятникъ въ Антиохіи, гдѣ преданъ сожженію; трибуналъ въ Епидафирѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончилъ жизнь. Статуй и мѣстъ, гдѣ должна быть чтима его память, не легко было бы сосчитать. Когда присуждаемъ былъ щитъ, замѣчательный по величинѣ и отдѣлкѣ золотомъ, въ числѣ краснорѣчивыхъ ораторовъ, въ такомъ смыслѣ говорилъ Тиберій: «необходимо сдѣлать обыкновенный «и подобный прочимъ. Краснорѣчіе не зависитъ отъ высокаго положенія человѣка и довольно знаменитости, если его (Германика) «будутъ считать наравнѣ съ древними писателями.» Порядокъ всадничій назвалъ *клиномъ Германика*, что прежде прозѣвался Юніевъ и установилъ, чтобы эскадроны сопровождали его изображеніе въ Июльскія Иды. Большая часть всего этого остается и теперь, а кое-что или тотчасъ опущено или время изгладило.

84. Впрочемъ, при свѣжемъ еще горѣ, сестра Германика Ливія, бывшая въ замужествѣ за Друзомъ, родила вмѣстѣ двухъ младенцевъ мужескаго пола; это явленіе, рѣдкое въ семействахъ съ средствами умѣренными, причинило такую радость главѣ государства, что не могъ удержаться отъ похвалы передъ сенаторами: «что прежде никогда у Римлянъ у человѣка въ та-

«комъ высѣкомъ положеніи не родилось еще двойней.» Все, даже и случайное, обращалъ въ славу; по народу въ такое время и это принесло оторченіе, какъ будто бы приумноженный дѣтьми Друзъ больше стѣснилъ домъ Германика.

85. Въ этомъ году строгими Сенатскими декретами сдержана похотливость женщинъ и постановлено: «чтобы тѣломъ своимъ не торговала та, у которой дѣдъ, отецъ или мужъ былъ всадникъ Римскій.» Потому что Вистилія, происходившая изъ семейства преторскаго, обнаружила передъ Едиліями распутную жизнь, по обычаю принятому у древнихъ, которые полагали, что безстыднымъ женщинамъ достаточно наказанія въ самомъ исполненіи ихъ порочнаго ремесла. Потребовали и отъ Титидія Лабеопа, мужа Вистиліи: «почему онъ при явномъ проступкѣ жены не прибѣгъ къ возмездію законовъ?» Когда онъ утверждалъ: «назначены шестьдесятъ дней на размышленіе, и еще не прошли,» то найдено достаточноымъ постановить приговоръ о Вистуліи и она скрыта на островъ Серифосъ. Толковали объ изгнаніи священнодѣйствій Египетскихъ и Іудейскихъ и составлено опредѣленіе сенаторовъ: «чтобы четыре тысячи человекъ изъ сословія вольноотпущенниковъ, зараженныхъ «этимъ суевѣріемъ, которые находятся въ возрастѣ годномъ (для «военной службы) отвезены были въ Сардинію» — усмирять тамъ разбойниковъ, а еслибы и погибли отъ суровости климата, то — потеря небольшая; «остальные должны удалиться изъ Італіи, если «только къ извѣстному дню не оставятъ запрещенныхъ обрядовъ.»

86. Послѣ этого Цезарь доложилъ: «надобно взять дѣвицу на мѣсто Оціи,» а она въ продолженіи 57 лѣтъ съ величайшею святостью жизни, завѣдывала священнодѣйствіемъ весталокъ. Благодарилъ Фонтія Агриппу и Домиція Полліона: «что предлагая «своихъ дочерей, соревнуютъ одинъ передъ другимъ исполнить свою «обязанность передъ обществомъ.» Предпочтеніе отдано дочери Полліона не вслѣдствіе чего либо другаго, какъ того, что мать ея оставалась въ одномъ супружествѣ, а Агриппа разводомъ бросилъ тѣнь на свое семейство. Цезарь дочь его, хотя обойденную, утѣшилъ приданымъ, въ миллионъ сестерціевъ.

87. Такъ какъ народъ обвинялъ дороговизну хлѣба, то Тиберій постановилъ цѣну хлѣбу, какую долженъ былъ платить покупатель «подвѣ монеты будетъ онъ прибавлять кушамъ на каждую мѣру. Впрочемъ не принялъ и за это названія *отца отечества* предложеннаго еще раньше и рѣзко побранилъ тѣхъ, которые называли его занятія божественными и самаго — господиномъ. Вслѣдствіе

этого стѣснена и скользка была рѣчь при государѣ, который свободы боялся, а лесть ненавидѣлъ.

88. Нахожу у писателей и сенаторовъ того времени: читаны въ сенатѣ письма Адгандестрія, государя Каттовъ, въ коихъ обѣщаль *смерть Арминія*, если только будетъ присланъ ядъ для совершенія убійства. Данъ отвѣтъ: «не коварствомъ и средствами «тайными, но явно и оруженною рукою народъ Римскій мститъ своимъ врагамъ.» Этою славою Тиберій приравнивалъ себя древнимъ Императорамъ, которые воспретили употребленіе яда противъ царя Пирра и выдали.—Впрочемъ Арминій, по уходѣ Римлянъ и изгнаніи Маробода, домогаясь царства, имѣлъ противъ себя свободу соотечественниковъ и, вооружа ихъ противъ себя, боролся съ разнообразнымъ счастіемъ, и палъ вслѣдствіе коварства близкихъ. Внѣ всякаго сомнѣнія освободитель Германіи, онъ—не начатки народа Римскаго, но власть его въ самомъ цвѣтѣ затронулъ: въ сраженіяхъ нерѣшительныхъ, на войнѣ не побѣжденъ; исполнилъ 37 лѣтъ жизни и 12 власти; воспѣваемъ и до сихъ поръ у дикихъ народовъ; незнакомый лѣтоисчислѣніемъ Грековъ, которые удивляются только тому, что ихъ; да и у Римлянъ не столько извѣстный, такъ какъ мы превозносимъ древнее, нелюбопытные къ недавнему.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1. Агриппина съ траурною урною встрѣчена великимъ плачемъ въ разныхъ мѣстахъ.—2. Торжество похоронъ; встрѣтили знатнѣйшія лица города.—3. Тиберій, Августа и Антонія не показываются публично.—4. Общественная скорбь.—5. Тиберій оказалъ себя скупымъ въ оказаніи похоронныхъ почестей.—6. Извиняетъ себя и ободряетъ народъ.—7. Оставлено прекращеніе дѣлъ. Друзъ уходитъ къ Иллирскимъ войскамъ.—8. Пизонъ къ Друзу.—9. оттуда въ Римъ съ бодрымъ духомъ.—10. Вслѣдъ за тѣмъ обвиненъ. Глава государства отсылаетъ дѣло къ сенату.—11. Отыскиваются подсудимому защитники.—12. Тиберія рѣчь къ сенаторамъ.—13. Обвинителей доводы, 14, подсудимый плохо опровергаетъ.—14. Противъ него судьи не обнаруживаютъ большой дѣятельности,

а народъ въ высшей степени враждебенъ.—15. Плавцина дѣло свое отдѣляетъ. Смерть Пизона —16. Сомнительно—по приказанію ли—и завѣщаніе Тиберію.—17. Пизонъ сынъ оправданъ. Плавцину простили вслѣдствіе просьбъ Августы. Миѣнія противъ Пизона—18. Государь смягчаетъ. Неблаго-разумная лесть.—19. Другъ получаетъ почести оваціи. Ви-сания умираетъ.—20. Такфаринасъ возобновляетъ войну въ Африкѣ.—21. Строгостью Апронія она подавлена.—22. Ле-пида обвинена въ ложныхъ родахъ, прелюбодѣяніи, отрав-леніи.—23. При нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ Тиберія осуж-дена.—24. Силанъ исхлопоталъ дозволеніе на ссылку.—25. Законъ Папія Поппея. Доносчики.—26. Нѣсколько словъ о законахъ, которые сначала были просты и немногочислен-ны.—27. Потомъ умножились до безконечности.—28. По-пытка ихъ поправить.—29. Неронъ, сынъ Германика, полу-чаетъ повышенія почестей, беретъ въ супружество Юлію, дочь Друза.—30. Смерть и похвальное слово Саллюстія и Волузія, могущество при дворѣ невѣрно.—31. Консулами Ти-беріи и Друзъ. Замѣчена непочтительность молодежи. Забота о дорогахъ.—32. Такфиринасъ производитъ смятеніе вновь. Ленидъ проконсулъ Азіи.—33. Цеципа удаляетъ женъ изъ провинцій.—34.—Ему, съ поддержкою Друза, сопротивляется Вал. Мессалинъ.—35. Блезъ, проконсулъ Африки.—36. Зло-употребленіе изображеніями Государя.—37. Остановлено Дру-зомъ.—38. Обвиненные во взяткахъ, въ оскорбленіи величе-ства. Движеніе во Фракіи.—39. Веллей подавляетъ.—40. Гал-лія возмущается подъ предводительствомъ Флора и Сакрови-ра.—41. Андековеновъ усмиряетъ Авіола; Туроніевъ подав-ляетъ.—42. Флоръ падаетъ отъ собственной ружьи; конецъ Тревирскаго возмущенія.—43. Эдуевъ возмущаетъ Сакро-виръ.—44. Поражаетъ страхомъ Римъ, но не Тиберія.—45. Силій.—46. Галловъ поражаетъ, панцырныхъ избиваетъ. Сакро-виръ валагаетъ на себя руки.—47. Тиберіи притворяется будто хочетъ идти въ Галлію.—48. Смерть Квирина почте-на.—49. Луторій обвиненъ.—50. Защищается Лепидомъ.—51.

Умерщвленъ въ тюрьмѣ. Сенатское опредѣленіе объ отложеніи наказанія.—52. Едили толкуютъ объ уменьшеніи роскоши. Сенатъ это дѣло возлагаетъ на главу государства.—53. 54. Онъ объявляетъ, что пособія этому надобно ждать отъ времени.—55. Мало по малу сами собою перемѣнятся нравы.—56. Власть трибуна проситъ для Друза и 57. получаетъ при изъясненіяхъ лести сенаторовъ.—58. Діалъскій фламизъ добывается провинціи.—59. Другіе сопротивляются. Друзь замѣченъ въ надменности.—60—63. Изображеніе свободы.—*Азилы* (пріюты) Греческихъ городовъ сенатъ разсматриваетъ и предписываетъ имъ способъ устройства.—64. Болѣзнь Августы. Тиберія къ матери нечистосердечная любовь.—65. Времена, зараженныя гнусною лестью.—66. К. Силанъ призванъ на судъ во взяткахъ и оскорбленіяхъ величества.—67 отъ многихъ тѣснимъ и отъ самаго государя и 68. Осуждается. Лестъ Долабеллы.—69. Подавляетъ Тиберій и смягчаетъ мнѣнія.—70. Кордъ, Енній, Капито—подсудимые.—71. Всадничье счастье. Право фламизевъ.—72. Базилика Павла, театр.—73, Безстыдная просьба Такфаринаса.—74. Блезъ на него нападаетъ, беретъ его брата, но войну не довершаетъ.—75. Смерть Салонина, Катона.—76. Юніи и ея торжественныя похороны. Все это совершалось въ теченіи трехъ лѣтъ въ консульство.

М. Валерія и М. Аврелія—Тиберія Императора въ четвертый разъ и Друза Нерона во второй—К. Сульпиція и К. Гатерія.

1. Нисколько не оставляя плаванія зимняго моремъ, Агриппина приплыла къ острову Корцирѣ, лежащему напротивъ береговъ Калабріи. Тутъ немного дней взяла она успокоиться духомъ, неумѣренная въ горѣ и не умѣя переносить. Между тѣмъ, услыхавъ о ея прибытіи, каждый изъ близкихъ и друзей и очень много военныхъ, какъ тѣ, которые служили при Германикѣ, такъ и многіе неизвѣстные изъ сосѣднихъ городовъ, часть—считая это обязанностью въ отношеніи къ главѣ государства, а большинство, слѣдуя

за ними, бросились къ городу Брундизію, служившему для плавателей самымъ скорымъ и вѣрнымъ пристанищемъ. И какъ только увидѣли флотъ издали, наполнился не только портъ и ближайшія мѣста къ морю, но стѣны, дома и откуда только можно было видѣть подальше — толпою горевавшихъ и спрашивавшихъ другъ друга: «въ молчаніи ли или какимъ либо привѣтствіемъ должны принять, когда будетъ выходить изъ судна?» И недостаточно было извѣстно — что больше соответствовало бы времени; когда флотъ подошелъ мало по малу, не быстро, какъ обыкновенно греблю, но все было прилажено къ выраженію печали. Послѣ того какъ Агрипина вышла изъ судна, держа траурную урну съ двумя дѣтьми, потушила глаза — одинъ у всѣхъ вырвался вопль, и невозможно было различать плачь близкихъ и чужихъ, мужчинъ и женщинъ. Только свиту Агрипинину, утомленную продолжительнымъ горемъ, встрѣтившіе, еще свѣжіе въ печали, опережали. Пославъ двѣ преторіанскія когорты, Цезарь присовокупилъ: «что власти Калабріи, Апулы и Кампанцы исполняютъ «послѣднія свои обязанности къ памяти его сына.» Вслѣдствіе этого прахъ несли на своихъ плечахъ трибуны и сотники; впереди шли неприлаженные значки, перевернутые къ низу пучки; а гдѣ переходили колоніи простой народъ въ черномъ одѣяніи, всадники въ траурѣ, сообразно съ средствами мѣстности, жгли одежды, благовопія и прочее, что обыкновенно во время похоронъ. Даже тѣ, города которыхъ находились въ сторонѣ, все таки выходили на встрѣчу и, устраивая жертвы и алтари богамъ тѣнямъ, слезами и восклицаніями свидѣтельствовали о своемъ горѣ. Другъ выступилъ въ Таррачину съ братомъ Клавдіемъ и дѣтьми Германика, находившимися въ городѣ. Консулы М. Аврелій и К. Аврелій (уже они заняли свои должности), Сенатъ и большая часть народа наполнили дорогу, разбросанные и съ плачемъ сколько кто хотѣлъ. Лести тутъ не было, такъ какъ всѣ знали худо скрытую радость Тиберія о смерти Германика.

3. Тиберій и Августа удержались показаться всеародно, считая несоотвѣтствующимъ ихъ величію явно проливать слезы, а можетъ быть какъ бы, когда всѣ глаза будутъ тщательно всматриваться въ ихъ лица, не уразумѣли бы ихъ лживость. Относительно матери Антоніи, ни у описывавшихъ эти событія, ни въ письменномъ дневникѣ имъ веденномъ, не нахожу, чтобы она исполняла какую нибудь видную обязанность, когда кромѣ Агрипины, Друза и Клавдія и прочіе одной крови поименно переписаны; но или удер-

жало ее нездоровье или духъ, побѣжденный плачемъ, всю громадность горя не могъ бы перенести въ глазахъ. Всего легче я повѣрю, что ее удержали Тиберій и Августа, которые изъ дому не выходили, чтобы показать равную скорбь и что примѣръ матери подѣйствовалъ и на бабу и на дядю.

4. День, въ который останки Германика вносились въ гробницу Августа, или носилъ отпечатокъ могильной тишины или тревожимъ былъ плачемъ; полны городскія улицы, по Марсову полю сверкали факелы. Тамъ воины съ оружіемъ; должностныя лица безъ признаковъ своего достоинства, народъ по трибамъ, вопили: «погибло дѣло общественное, никакой надежды не осталось.» Съ большею готовностью и откровенностью, чѣмъ повѣрилъ бы кто что они помнятъ о властвующихъ надъ ними; ничто не кольнуло Тиберія болѣе, какъ усердіе гражданъ, обнаружившееся съ жаромъ къ Агриппинѣ; ее называли: «украшеніемъ отечества, «единственною кровью Августа, послѣднимъ (остаткомъ) примѣромъ древности.» Обратясь къ небу и богамъ, молили: «потомство ея оставалось бы цѣлымъ и пережило бы неправедныхъ.»

5. Были, которые требовали «торжества всенародныхъ похоронъ» и сравнивали: «что Августъ совершилъ почетнаго и великолѣпнаго относительно Друза, отца Германика; такъ какъ «онъ самъ, въ крайне суровую зиму, вышелъ до Тичина и не отходя отъ тѣла вошелъ вмѣстѣ въ городъ. Окружали ложе (покойнаго) изображенія Клавдіевъ и Ливіевъ; оплакивали его на «форумѣ, хвалили передъ рострами; собрано все, что найдено «предками или придумано потомками. А Германику не досталось «и обычныхъ почестей, должныхъ даже каждому человѣку «знатнаго рода. Конечно тѣло, влѣдствіе огромнаго разстоянія «дорогъ, въ чужой землѣ какъ только можно было сожжено; но «справедливо было бы потомъ приложить еще больше почестей, «когда сначала судьба въ нихъ отказала. Братья встрѣтили «только на разстояніи вѣды одного дня, а дядя даже и до «воротъ, и то не вышелъ на встрѣчу. Гдѣ же эти старинныя «обычаи предковъ? Поставленное передъ ложемъ изображеніе, «стихи, внушенные воспоминаніемъ о его доблестяхъ, и похвалы, «и слезы, какъ возбужденія скорби?» Извѣстно это было Тиберію и чтобы подавить рѣчи народныя, внушалъ эдиктомъ: «много знаменитыхъ Римлянъ приняли смерть за отечество; но «никто не былъ прославленъ до такой степени живою скорбью. «Все это очень хорошо и для него и для другихъ, если только

«приложена будетъ умѣренность. Не одно и то же прилично лю-
 «дямъ, стоящимъ во главѣ государства и народу властителю
 «(императору), что простымъ семействамъ или обществамъ. Еще
 «свѣжей печали приличенъ былъ плачь и утѣшеніе въ самомъ
 «горѣ; но пора уже обратить духъ къ ободренію, какъ нѣкогда
 «божественный Юлій, утративъ единственную дочь, какъ боже-
 «ственный Августъ когда у него исторгнуты были внуки, про-
 «гнали же прочь печаль. Вовсе не нужно примѣровъ болѣе древ-
 «нихъ: сколько разъ народъ Римскій съ твердостью переносилъ
 «потери войскъ, гибель вождей, совершенную утрату знаменитыхъ
 «родовъ. Правители смертны, государство вѣчно, а потому пусть
 «возьмутся за свои обыкновенныя занятія, а—такъ какъ подхо-
 «дило время смотрѣть Магалезскія игры — то и за самыя удо-
 «вольствія.»

7. Тутъ окончилось прекращеніе дѣлъ и каждый принялся за
 свои занятія. Другъ отправился къ Иллирскимъ войскамъ; умы
 всѣхъ были на сторожѣ въ надеждѣ скорого отищенія Пизону;
 раздавались частыя жалобы: «что онъ между тѣмъ странствуя по
 «веселымъ мѣстамъ Азіи и Ахеи, надменнымъ и коварнымъ про-
 «медленіемъ старается уничтожить доказательства своихъ преступ-
 «леній.» Такъ сдѣлалось общезвѣстнымъ: «что посланная Кн.
 «Сентиємъ, какъ я выше сказала, знаменитая отравительница Мар-
 «тина погибла въ Брундизиѣ внезапною смертію; ядъ оказался
 «скрытымъ у ней въ волосахъ и на тѣлѣ не оказалось никакихъ
 «признаковъ, чтобы она сама себя причинила смерть.» А. Пизонъ,
 пославъ впередъ въ Римъ сына и давъ порученія, какими онъ
 долженъ былъ смягчить главу государства, отправился къ Друзу;
 онъ надѣялся, что его онъ будетъ имѣть къ себѣ не столько оже-
 сточеннаго вслѣдствіе гибели брата, сколько болѣе расположеннаго
 вслѣдствіе удаленія соперника. Тиберій, чтобы тѣмъ доказать без-
 пристрастіе суда, принявъ ласково молодого человѣка, обращается
 съ нимъ съ щедростью, какую обыкновенно употреблялъ относитель-
 но сыновей знатныхъ семействъ. Другъ отвѣчалъ Пизону: «если
 «была бы правда въ томъ, въ чемъ его упрекаютъ, то мѣсто его
 «въ скорби было бы главнѣйшее, но предпочитаетъ онъ считать
 «это ложнымъ и пустымъ и смерть Германика не обращать кому
 «либо въ пагубу.» Это онъ говорилъ явно и избѣгая какой либо
 таинственности. Да и небыло сомнѣнія, что такъ было предписано
 и Тиберіемъ, такъ какъ юноша обыкновенно простой и не хитрый
 дѣйствовалъ тутъ съ искусствомъ старика.

9. Пизонъ, переправясь черезъ Далматское море и оставивъ суда у Анконы черезъ Пиценъ, а потомъ Фламенскою дорогою, настигаетъ легионъ, который былъ веденъ изъ Панноніи въ городъ, а потомъ на караулы въ Африку. Много толковъ было о томъ обстоятельстве: «что онъ дорогою во время движенія часто показывался войнамъ.» Отъ Нарніи, избѣгая подозрѣній или вслѣдствіе того что люди робкіе обыкновенно не знаютъ на что рѣшиться, спустился по Нару, а потомъ по Тибру и усилилъ раздраженіе народа, приставъ съ кораблемъ къ могилѣ Цезарей. Днемъ, когда на берегу было много людей, и самъ среди большой толпы Кліентовъ, Планцина, окруженная женщинами—выступали съ веселыми лицами. Къ обстоятельствамъ, увеличивавшимъ негодованіе, принадлежало и то, что домъ Пизона, возвышавшійся надъ форумомъ, былъ украшенъ какъ на праздникъ, готовилось торжество и пиршество и вслѣдствіе знаменитости мѣста—ничего не могло остаться втайнѣ.

10. На другой день Фульціній Тріо заявилъ у консуловъ требованіе къ Пизону. Съ другой стороны Вителлій, Вераній и прочіе изъ свиты Германика, помогали: «нѣтъ тутъ никакого дѣла «Тріону; да и они не обвинителями, но въ качествѣ свидѣтелей «и доказчиковъ событій передадутъ порученія Германика.» Онъ, опустивъ доносъ этого дѣла, добился позволенія обвинять его прежнюю жизнь и сенаторы просили государя, чтобы онъ принялъ на себя дознаніе. И подсудимый не уклонялся отъ этого, опасаясь расположенія умовъ народа и сенаторовъ. Напротивъ: «Тиберій доста-«точно силенъ, чтобы пренебречь слухами; да и связанъ онъ со-«участіемъ матери. Одинъ судья легче разберетъ истину и то, «что растолковано въ дурную сторону; ненависть же и не добро-«желательство преобладаютъ у большинства.» Тиберій сознавалъ всю тяжесть дознанія и то, какими толками терзали его собственную добрую славу. А потому, допустивъ немногихъ приближенныхъ, выслушиваетъ угрозы обвинителей, а съ другой стороны мольбы—и дѣло нетронутымъ возлагаетъ на сенатъ. Между тѣмъ Друзъ, возвратясь изъ Иллирика, хотя сенаторы и положили: «за принятіе Маробода и дѣла совершенныя въ предшествующее лѣто, войдти ему въ городъ съ почестями овацій»—отлагая почеть, вошелъ такъ. Послѣ этого подсудимый просилъ себѣ защитниками Л. Аррунція, Т. Виниція, Азинія, Галла, Эзернина Марцелла и Секс. Помпея, но они отказывались подъ разными предлогами и явились защитниками М. Лепидъ, Л. Пизонъ и Ливиней Регулъ.

Вниманіе всѣхъ гражданъ было возбуждено: «какая вѣрность у «друзей Германика, какая самоувѣренность въ подсудимомъ! До- «статочно ли Тиберій сдерживаетъ и подавляетъ то, что чув- «ствуетъ?» Къ этому болѣе чѣмъ къ чему либо другому внима- тельный народъ, относительно главы государства позволилъ себѣ болѣе тайныхъ толковъ или многозначительнаго молчанія.

12. Въ день собранія сената Цезарь сказалъ рѣчь, обдумавъ въ какомъ расположеніи духа: «Пизонъ былъ легатомъ и другомъ «его отца, а имъ данъ въ помощники Германику, по внушенію «Сената, для управленія дѣлами Востока. Тамъ наглостью и со- «перничествомъ ожесточилъ юношу и предлежитъ безпристрастнымъ «настроеніемъ умовъ разобрать — радовался ли только онъ его «кончинѣ или Германикъ погибъ жертвою злодѣйства. Такъ какъ «если Пизонъ, будучи легатомъ, нарушилъ предѣлы своихъ обязан- «ностей, нарушилъ долгъ повинненія къ Императору, если смерть «его, а мое горе служило для него предметомъ радости, вознена- «вижу его, устранию отъ моего дома, но не буду силою государя «мстить за частныя неудовольствія. А если откроется преступле- «ніе, которое должно быть отомщено хотя бы касалось убійства «какого бы то ни было гражданина; то себѣ, и дѣтямъ Германика, «и намъ родителямъ доставите праведное утѣшеніе. вмѣстѣ то «считайте въ виду, что Пизонъ обращался съ войскомъ какъ воз- «мутитель и бунтовщикъ; искательствомъ старался онъ пріобрѣсть «расположеніе воиновъ; съ оружіемъ въ рукахъ домогался пріоб- «рѣсть назадъ провинцію. Но можетъ быть это ложно и въ пре- «увеличенномъ видѣ представили обвинители; на ихъ излишнее «усердіе, справедливо негодую. Къ чему напримѣръ шло — обна- «жать тѣло, допускать его быть предметомъ празднаго зрѣлища «для черни, распустить и между чужеземцами слухъ, что онъ «погибъ жертвою яда, если все это еще не вѣрно и должно быть «предметомъ изслѣдованія? Оплакиваю моего сына и всегда буду «оплакивать; но не воспрепятствую подсудимому—представить все, «что можетъ обнаружить его невинность или обнаружить въ чемъ «даже могъ быть несправедливъ Германикъ. Да и васъ умоляю, «чтобы вы въ этомъ дѣлѣ потому только, что оно связано съ «моею скорбью, предложенныя обвиненія не приняли за доказан- «ныя. Защитники, которыхъ ему дали или узы крови, или довѣ- «ріе къ нему—помогите находящемуся въ опасности, на сколько «у кого достанетъ силы краснорѣчія и заботы. Такой же трудъ, «такое же постоянство убѣждаю имѣть и обвинителей. Только то

«сдѣлаемъ мы для Германика помимо законовъ, что изслѣдованіе «о его смерти будетъ производиться въ сенатѣ, а не на форумѣ «и сенаторами, а не (простыми) судьями. Во всемъ остальномъ «должна быть употреблена одинаковая умѣренность. Пусть никто «не видитъ ни слезъ Друза, ни моей печали и вообще того, что «противъ насъ вымышляютъ ложнаго.»

13. За тѣмъ назначенъ двухдневный срокъ для представленія обвиненій и чтобы черезъ промежутокъ времени въ шесть дней, обвиненный могъ защищаться въ продолженіи трехъ дней. Тутъ Фульциній начинаетъ старое и пустое: «съ надменностью и корыстолюбіемъ управлялъ онъ Испанією». И доказанное это не могло обратиться во вредъ подсудимому, если въ недавнемъ оправдывается а въ случаѣ еслибы онъ былъ въ этомъ защищенъ, немогло бы послужить къ его оправданію, если онъ будетъ связанъ болѣе значительными преступленіями. Послѣ него Сервей, Вераній и Вителлій съ одинаковымъ стараніемъ, а Вителлій съ большимъ краснорѣчіемъ ставили въ вину подсудимому: «изъ ненависти къ Германику и желанія переворотовъ, Пизонъ — большинство простыхъ «воиновъ своевоіемъ и обидами союзниковъ до того испортилъ, «что отъ самыхъ, что ни есть худшихъ, получилъ названіе: *отца «легионовъ*. Напротивъ, ко всѣмъ лучшимъ людямъ, въ особенно- «сти сопровождавшимъ Германика и его друзей, былъ свирѣпъ; «наконецъ его самого извелъ заклинаніями и ядомъ; это послужило «ему и Планцинѣ, — къ священнодѣйствіямъ и нечестивымъ приноше- «ніямъ жертвъ. Взятся онъ за оружіе противъ государства и для «того, чтобы явиться подсудимымъ, побѣжденъ въ сраженіи.» Защита въ прочихъ отношеніяхъ была робка; невозможно было отвергать ни ухаживанья за воинами, ни того что провинція отдана была на жертву самымъ дурнымъ людямъ, ни даже ругательства противъ императора; только въ одномъ обвиненіи онъ повидимому оправдался. Да и обвинители не слишкомъ на этомъ настаивали, уличая его, будто бы онъ на пиршествѣ Германика, возлежа выше его, своими руками испортилъ пищу. Нелѣпнымъ казалось, — чтобы Пизонъ дерзнулъ на это среди чужихъ рабовъ и въ виду столькихъ бывшихъ тамъ и передъ самимъ Германикомъ. Подсудимый предлагалъ всю свою прислугу и требовалъ исполнителей на пытку. Но судьи по разнымъ причинамъ были неумолимы: Цезарь — за войну нанесенную провинціи; сенатъ — не могъ вполнѣ повѣрить, чтобы смерть Германика не сопровождалась коварствомъ.

(*) написали требуя; но это отвергли и Тиберій, и Пизонъ. Передъ зданіемъ сената раздавались голоса народа: «если Пизонъ ускользнетъ отъ мяѣнїя сенаторовъ, то они наложатъ на него руки». Изображенія Пизона влекли въ Гемонїи и разорвали бы—если бы, по приказанію главы государства, не были они защищены и поставлены на мѣсто. Вслѣдствіе этого Пизонъ уведенъ въ закрытыхъ носилкахъ трибуномъ преторїанской когорты; разные слухи были—сопровождаетъ ли это его стражъ безопасности, или исполнитель смертнаго приговора.

15. Такая же была не любовь къ Планцинѣ, но больше къ ней милости и потому считалось сомнительнымъ—насколько Цезарю относительно ея была воля. И сама, пока еще надежды Пизона были ни въ ту, ни въ другую сторону; обѣщала «что она раздѣлитъ его участь какая бы она ни была и, если къ тому дѣло пойдетъ, будетъ товарищемъ его гибели.» Но когда тайными просьбами Августы исхлопотала себѣ прощеніе, мало по малу начала удаляться отъ мужа и раздѣлять свою защиту отъ его. Подсудимый понялъ въ этомъ признакъ своей гибели, колебался—не сдѣлать ли послѣднюю попытку; по убѣжденію сыновей, укрѣпляется духомъ и снова входитъ въ сенатъ. Снесъ онъ возобновленіе обвиненія, непрїязненные голоса сенаторовъ, все противъ него враждебное и неумолимое, но ничѣмъ такъ неустрашенъ какъ видя Тиберія безъ состраданія, безъ гнѣва, замкнутого какъ бы упорствомъ, чтобы не дать мѣста прорваться какому либо чувству. Будучи отнесенъ домой, какъ бы придумывая защиту къ слѣдующему дню, немного написалъ, запечаталъ и передалъ вольноотпущеннику. Затѣмъ исполняетъ онъ обычную заботу относительно отдохновенія тѣла, много уже ночи прошло, когда по выходѣ жены изъ спальни, велѣлъ затворить дверь и на разсвѣтѣ найденъ съ проколотымъ горломъ, а мечъ лежалъ на землѣ.

16. Помню слышалъ я отъ стариковъ—не разъ видали въ рукахъ Пизона книжечку, которую онъ самъ не пускалъ въ общее извѣстіе; но друзья его говорили: «содержитъ она письма Тиберіа и порученія относительно Германика и имѣлъ было онъ на смѣненіе—изложить это передъ сенаторами и учить главу государства, не будь онъ обманутъ Сепяномъ ложными обѣщаніями; да и не самъ собою погибъ онъ, но впущенъ былъ убійца.» Ни того, ни другаго утверждать не стану; но и недолженъ былъ скрывать

(*) *Прим.* Здѣсь въ подлинникѣ пропускъ.

рассказанное тѣми, которыхъ жизнь продлилась до нашей молодости. Цезарь съ лицомъ, принявшимъ выраженіе печали, жаловался передъ сенатомъ, что «такая смерть имѣла цѣлью возбудить негодованіе противъ него» и частными вопросами допытывался: «какъ Пизонъ провелъ послѣдній день и ночь.» А онъ по большей части умно, а кое что и необдуманно отвѣчалъ—прочелъ послѣднюю волю Пизона, выраженную почти въ такой формѣ: «подавленный заговоромъ враговъ моихъ и тяжестью живаго обвиненія, насколько нигдѣ нѣтъ мѣста ни истинѣ ни моей невинности, свидѣтельствуюсь богами безсмертными что жилъ я, Цезарь, вѣрнымъ къ тебѣ и съ такимъ же чувствомъ благоговѣнія къ твоей матери. И васъ умоляю подумайте о моихъ дѣтяхъ. Изъ нихъ Кн. Пизонъ нисколько не былъ участникомъ моего жребія, все это время оставаясь въ городѣ. М. Пизонъ отсовѣтывалъ мнѣ возвращаться въ Сирію; и за чѣмъ лучше я неуступилъ сыну юношѣ чѣмъ, онъ старику отцу? И тѣмъ усерднѣе прошу, чтобы онъ невинный не заплатился за мои дурныя поступки. Сорока пяти лѣтнею службою, удостоенный когда то отцемъ твоимъ божественнымъ Августомъ бытъ товарищемъ консульства, твоею прежнею дружбою—и никогда уже послѣ этого не буду тебѣ докучать просьбами,—умоляю о спасеніи несчастнаго сына.»

17. О Плянцинѣ ничего не прибавилъ. Послѣ этого Тиберій очистилъ юношу отъ обвиненія въ междуусобной войнѣ: «сынъ не могъ уклониться отъ приказаній отца» и вмѣстѣ сострадалъ надъ знатностью дома и надъ тяжкимъ несчастіемъ съ самимъ Пизономъ, какъ бы оно ни было заслужено. За Плянцину говорилъ онъ со стыдомъ и противъ совѣсти, ссылаясь на просьбы матери; а на нее то преимущественно и раздавались тайныя жалобы всѣхъ лучшихъ людей: «такъ это долгъ бабушки—убійцу внука видѣть, приговаривать, исторгать у сената! Что законы требуютъ за всѣхъ гражданъ, одному Германику не досталось! Вителлія и Веранія голоса оплакали Цезаря, а Плянцина нашла себѣ защиту въ Императорѣ и Августѣ. Конечно теперь она—ядъ и искусство, имѣвшее уже такое удачное приложеніе къ дѣлу—обратить на Агриппину, на дѣтей ея и насытить примѣрную бабуку и дядю кровью несчастнѣйшаго семейства.» Затѣмъ истрачены еще два дни подъ видомъ слѣдствія. Тиберій приставалъ къ дѣтямъ Пизона, чтобы они защищали мать. И послѣ того какъ наперерывъ говорили обвинители и свидѣтели, а никто не

давалъ отвѣта, увеличивалось болѣе сожалѣніе, чѣмъ недоброжелательство. Первый спрошенъ о мнѣніи Аврелій Котта, консулъ (потому что при докладѣ Цезаря, и должностныя лица исполняли эту обязанность) онъ полагалъ: «имя Пизона изгладить изъ общественныхъ памятниковъ; часть имущества назначить въ публичную продажу, часть отдать сыну Кн. Пизону, но чтобы онъ перемѣнилъ прозваніе. М. Пизона, лишить сана, дать ему десять милліоновъ сестерціевъ и сослать на десять лѣтъ, а Планцинъ даровать безнаказанность по просьбѣ Августы.» Въ этомъ мнѣніи многое смягчено Государемъ: «изъ общественныхъ памятниковъ недолжно быть изгладено имя Пизона, когда тамъ остаются имена М. Антонія, нанесшаго войну отечеству, Юлія Антонія, учинившаго насиліе въ домѣ Августы.» И М. Пизона избавилъ отъ потери чести и отдалъ ему отцовское достояніе; довольно твердый, какъ не разъ уже я замѣтилъ протівъ денежныхъ соблазновъ, а въ то время былъ еще милостивѣе влѣдствіе стыда въ оправданіи Планцины. Онъ же (Тиберій) воспротивился, когда подали мнѣнія Валерій Мессанинъ—чтобы поставлена была золотая статуя въ храмѣ Марса Мстителя, а Цецина Северъ—чтобы воздвигнуть былъ жертвенникъ мщенію. Онъ говорилъ: «все это посвящается за внѣшнія побѣды; домашнія же бѣдствія надобно прикрывать печалью.» Прибавилъ Мессалинъ: «Тиберію, Августѣ, Агриппинѣ и Друзу надобно высказать благодарность за отищеніе Германика», а о Клавдіѣ не упомянулъ. Мессалина Л. Аспренасъ передъ сенатомъ спросилъ: «съ умысломъ ли пропустилъ?» и уже тутъ только приписано имя Клавдія. А чѣмъ болѣе обдумываю какъ то, что дѣлалось встарину, такъ и то что теперь дѣлается, тѣмъ болѣе замѣчаю во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ забавнаго. И по слуху, и по извѣстности, и по уваженію скорѣе все назначались для власти кромѣ именно того, кого судьба припрятывала тайно какъ будущаго главу государства.

19. Немного дней спустя, Цезарь предложилъ сенату: «Вителлію, Веранію и Сервею дать священство. Фульцинію общая свое содѣйствіе къ почестямъ, внушилъ, чтобы онъ краснорѣчіе не портилъ рѣзкостью. Таковъ былъ конецъ мщенія за смерть Германика, которая послужила предметомъ разнообразныхъ толковъ не только для людей тогда жившихъ, но и во времена послѣдующія; такъ самыя значительныя событія бывають сомнительными влѣдствіе того, что иные какимъ бы то ни было обра-

зомъ услышанное считаютъ за достовѣрное; другіе самую истину обращаютъ въ противное; а въ потомство переходитъ и то, и другое.—Друзь, выйдя за городъ для повторенія гаданій, вслѣдъ за тѣмъ вошелъ съ почестями оваціи. Немного дней спустя кончила жизнь Випсанія, его мать, одна изъ всѣхъ дѣтей Агриппы смертью покойною; а прочіе или погибли явно мечемъ или какъ полагали—ядомъ и голодомъ.

20. Въ этомъ же году Такфаринасъ, о которомъ я упоминалъ, что онъ въ предшествовавшее лѣто разбитъ Камилломъ, возобновляетъ войну въ Африкѣ сначала неопредѣленными набѣгами и опустошеніями, по быстротѣ движенія остававшимися безнаказанными; потомъ сталъ уничтожать цѣлыя деревни, увлекать большую добычу. Наконецъ, недалеко отъ рѣки Пагида, окружилъ когорту Римскую. Надъ укрѣпленіемъ начальствовалъ Декрій, человѣкъ дѣятельный, опытный, на войнѣ; такую осаду считалъ онъ позоромъ. Онъ сдѣлалъ увѣщаніе воинамъ—чтобы они въ открытомъ мѣстѣ дали возможность сраженія—передъ лагерьмъ устроиваетъ боевую линію. Первымъ натискомъ сбита когорта и Декрій быстро среди летящихъ стрѣлъ бросается на встрѣчу бѣгущихъ, ругаетъ значконосцевъ—«что воины Римскіе «обращаютъ тыль передъ нестройными толпами бѣглецовъ.» Тутъ онъ получаетъ раны и хотя съ проколотымъ глазомъ, но все обращаетъ лицо прямо къ непріятелю; и битву не покинулъ пока не упалъ, оставленный своими.

21. Когда узналъ Л. Апроній, преемникъ Камилла, болѣе озабоченный позоромъ своихъ, чѣмъ славою непріятелей, вслѣдствіе преступленія рѣднаго и въ то время и по старой памяти, десятаго человѣка изъ безславной когорты, жребіемъ назначеннаго, умерщвляетъ подъ палками. Иэта строгость сдѣлала такую пользу, что отрядъ ветерановъ, числомъ не болѣе пятисотъ, разбитъ тѣже Такфаринатовы войска, когда они напали на укрѣпленіе называемое Тала. Въ этомъ сраженіи Руфъ Гельвій, простой воинъ, совершилъ подвигъ спасенія гражданина и получилъ отъ Апронія въ подарокъ ожерелье и копье. Цезарь прибавилъ гражданскій вѣнокъ (*civica corona*); онъ скорѣе жаловался, чѣмъ оскорбленъ былъ, что и его не далъ Апроній по праву Проконсула. А Такфаринасъ—такъ какъ Нумиды были устрашены и не хотѣли имѣть дѣла съ укрѣпленіями, раздробляетъ войну; при наступленіи онъ удалялся, опять являлся въ тылу и пока дикарь дѣйствовалъ такимъ образомъ, безнаказанно издѣвался надъ Ри-

мьянами, утомленными бесплодными поисками. А когда онъ свернулъ въ мѣста приморскія, то, будучи связанъ добычею, оставался въ постоянныхъ лагеряхъ; посланный отцемъ Апроній Цезарь съ конницею и вспомогательными когортами, къ которымъ онъ прибавилъ самыхъ ловкихъ воиновъ изъ легионовъ — далъ удачное сраженіе противъ Нумидовъ и прогналъ ихъ въ пустынные мѣста.

22. А въ Римѣ на Лепиду—у ней сверхъ славы (происхожденія отъ Эмилиевъ), были прадѣдами Л. Сулла и Кн. Помпей, послѣдовалъ доносъ — что она притворилась родившею отъ П. Квирина богатаго и безроднаго. Присоединяли къ этому прелюбодѣянія, отравленія и что чрезъ Халдеевъ дѣлались разспросы относительно дома Цезарей; подсудимую защищаль братъ Манлій Лепидъ. Квининъ и послѣ даннаго развода все еще непрізнанный, только прибавлялъ сожалѣнія къ женщинѣ, какъ ни была она худо ославлена и виновна. Въ изслѣдованіи этого дѣла не легко было бы кому нибудь узнать истинный образъ мыслей государя, до того онъ разнообразно дѣйствовалъ, переѣшивалъ признаки то раздраженія, то кротости. Сначала онъ упрасиваль сенатъ: обвиненіе въ оскорбленіи величества не принимать въ соображеніе. А вслѣдъ за тѣмъ М. Сервилія изъ бывшихъ консуловъ и другихъ свидѣтелей склонилъ высказать то, что какъ будто бы хотѣлъ смолчать. Онъ же рабовъ Лепиды, когда она содержалась подъ военною стражею, перевелъ къ консуламъ и не допустилъ, чтобы съ пыткою распрашивали о томъ, что касалось его дома. Друза, назначеннаго консула, изъясилъ отъ обязанности —первому говорить мнѣніе. Одни считали это гражданскою доблестью, чтобы другихъ не поставитъ въ необходимость соглашаться. Нѣкоторые относили къ жестокости: «не уступилъ бы онъ иначе, какъ съ обязанностью осудить.»

23. Лепида—въ дни игръ, которые наступили во время изслѣдованія, войдя въ театръ вмѣстѣ съ знатными женщинами, съ горькими воплями называя предковъ своихъ и самого Помпея, а его памятники и изображенія находились въ виду, вызвала такое состраданіе, что, разливаясь слезами въ крикахъ, желали «всего худшаго и ненавистнаго Квирину, которому уже старику «безродному самаго темнаго происхожденія дана, назначенна «когда то въ супруги Л. Цезарю и въ невѣстки божественному «Августу.» Потомъ пыткою рабовъ открыты преступленія и принято мнѣніе Рубеллія Блонда, который устраивалъ ее отъ огня

и воды. Съ нимъ согласился Друзъ, хотя другіе болѣе снисходительныя подавали мнѣнія. Велѣдъ за тѣмъ для Скавра, имѣвашаго отъ нея дочь, сдѣлано—чтобы имѣніе ея не было назначено въ публичную продажу. Тутъ только открылъ Тиберій: «узналъ онъ даже отъ рабовъ П. Квирина — что Лепида покушалась и на него ядомъ.» Несчастіямъ знатныхъ домовъ (утратившихъ въ непродолжительное время Кальпурнія Пизона, Эмилиа Лепида) послужило утѣшеніемъ возвращеніе Д. Силана семейству Юніевъ. Въ немногихъ словахъ припомню то, что съ нимъ случилось. На сколько имѣло силы счастье Августа въ общественномъ дѣлѣ, на столько въ его домѣ оно было неблагополучно, вслѣдствіе безстыдства дочери и внуки; ихъ онъ изгналъ изъ Рима, а соучастниковъ въ преступленіи наказалъ или смертию, или ссылкой. Винѣ, весьма обыкновенной между мужчинами и женщинами, придавалъ тяжкое названіе *оскорбленія религии и насилія величеству* и выходилъ за предѣлы снисходительности предковъ и своихъ собственныхъ законовъ. Но другихъ участь, а также и прочее того времени, сохранию для памяти, если довершивъ то, что я вознамѣрился, протяну жизнь для большихъ заботъ. Д. Силанъ, соблазнитель внучки Августа, хотя строгость къ нему не перешла бы за предѣлы устраненія отъ дружбы Цезаря, понялъ за указаніе ему ссылку и только уже въ правленіе Тиберія, дерзнулъ умолять сенатъ и государя черезъ сильное вліяніе брата своего, М. Силана, который отличался и знатностью рода и краснорѣчіемъ. Но Тиберій, когда Силанъ благодарилъ, передъ сенаторами, далъ отвѣтъ: «и онъ съ своей стороны радуется, что братъ его вернулся изъ отдаленнаго странствованія; «и по праву это дозволено, такъ какъ онъ не былъ изгнанъ «ни сенатскимъ опредѣленіемъ, ни закономъ, но впрочемъ у «него всецѣлымъ осталось отцовское раздраженіе и возвращеніемъ «Силана не уничтожено то, чего хотѣлъ Августъ.» Послѣ того Силанъ находился въ городѣ (Римѣ), но почестей никакихъ не получалъ.

25. Потомъ доложилъ о смягченіи закона Папіа Помпеа, утвержденнаго Августомъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, послѣ Юльскихъ проектовъ, съ цѣлью вызвать наказанія холостяковъ и усилить средства казначейства. Но послѣдствіемъ его не было усиленія числа браковъ и воспитанія дѣтей, а одиночество преобладало. Впрочемъ увеличивалось число лицъ, находившихся въ опасности, такъ какъ всякій домъ могъ пострадать отъ только-

раній доносчиковъ. И какъ прежде преступленія, такъ теперь законы стали въ тягость. Это обстоятельство внушаетъ глубже вникнуть въ начала права и въ то, какимъ образомъ достигли мы до такого безконечнаго множества и разнообразія законовъ.

26. Люди отдаленной древности, не имѣя еще никакихъ дурныхъ страстей, проводили жизнь безпорочно, безъ преступленій, а потому безъ необходимости наказаній или мѣръ обузданія. Да не было надобности въ наградахъ, такъ какъ честнаго добивался каждый по своимъ наклонностямъ. И гдѣ не было стремленій въ нравственности, нечего было запрещать страхомъ. Но съ утратою равенства—мѣсто скромности и стыда заступили честолюбіе и насиліе. Появилась страсть къ господству и на вѣки осталась у многихъ народовъ. Нѣкоторые тотчасъ или послѣ того, какъ цари имъ надоѣли, предпочли законы. Сначала они, по необразованности еще людей, были просты. Преимущественно были въ славѣ законы Кретійцевъ, написанные Минсомъ, Спартанцевъ—Ликургомъ и велѣдъ за тѣмъ Аѳинянь уже болѣе обработанные и многочисленные—Солономъ. Нами Ромуль управлялъ какъ только ему хотѣлось; потомъ Нума связалъ народъ религіею и божественнымъ правомъ. Кое что придумано Туллою и Анемъ, но Сервій Туллій былъ главнымъ установителемъ законовъ, которымъ должны были повиноваться и цари.

27. Съ изгнаніемъ Тарквинія противу домогательствъ патриціевъ народъ многое приготовилъ въ защиту свободы и для утвержденія согласія. Избраны децемвиры и сведомъ всего, что гдѣ либо нашлось лучшаго, составлены двѣнадцать таблицъ—вънецъ истиннаго права. Затѣмъ послѣ давали законы, хотя иногда и на злодѣевъ велѣдствіе преступленія, но чаще велѣдствіе раздоровъ между сословіями и домогательства недозволенныхъ почестей или для изгнанія людей знаменитыхъ и другихъ дурныхъ побужденій, насиліемъ введены. Отсюда Гракхи и Сатурнины, возмутители черни и не меньше щедрый именемъ сената Друзъ; союзники подкупленные надеждами или проведенные вмѣшательствомъ. Даже въ войну Итальянскую, велѣдъ за тѣмъ междуусобную, не опущено того, чтобы утвердить много разнообразнаго, пока Л. Сулла диктаторъ, уничтоживъ и измѣнивъ прежнее, а еще больше прибавивъ, приготовилъ отдыхъ этому дѣду, но не надолго; тотчасъ возмутительными предложеніями Лепида и немного послѣ—трибунамъ возвращенъ произволь, куда ни захотятъ увлекать народъ. И уже не только въ томъ, что

касалось общества, но и относительно отдѣльныхъ личностей сдѣланы распоряженія и при высшей степени испорченности общества всего болѣе законовъ.

28. Тутъ Кн. Помпей, въ третій разъ консулъ избранный для исправленія нравовъ, сдѣлался болѣе въ тягость стараніемъ помочь, чѣмъ были тяжки самыя порочныя дѣйствія, своихъ же законовъ вмѣстѣ и творецъ и нарушитель, что защищалъ оружіемъ, оружіемъ же утратилъ. Велѣдствіе этого постояннаго, въ теченіи двадцати лѣтъ, несогласія: ни нравственности, ни права. Самые возмутительныя поступки оставались безнаказанными, а много честныхъ служили къ гибели. Наконецъ въ шестое консульство Цезарь Августъ, обезпеченный во власти, уничтожилъ, что бывши тріумвиромъ установилъ и даль права, которыми мы должны пользоваться мирно подъ властью государя. Велѣдствіе этого строже стали обязанности, приданы стражи и закономъ Папія Поппеа побуждены наградами, такъ что если права родителей теряли силу, то мѣсто ихъ заступалъ какъ бы общій отецъ — народъ. Но и глубже проникали; городъ, Италію и гдѣ только были граждане касались ихъ; многихъ состоянія совершенно разорены и ужасомъ грозили всѣмъ, если бы не Тиберій: чтобы помочь горю, онъ по жребію назначилъ пять бывшихъ консуловъ, пять бывшихъ преторовъ и столько же изъ остальнаго сената; они облегчили большую часть обязательствъ закона, что и послужило въ настоящемъ нѣкоторымъ облегченіемъ.

29. Въ это же время Нерона, изъ дѣтей Германика, уже вступившаго въ юношескій возрастъ, представилъ сенаторамъ и, не безъ смѣха слушателей, просилъ: «освободить его отъ обязанности домогаться *Vigintiviratus* (*) и пятью годами ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ по законамъ, дозволить просить Квестуры. Приводимъ въ примѣръ — ему и брату опредѣлено то же самое по просьбѣ Августа. Не усумнился бы я, что уже въ то время находились люди, которые тайно издѣвались надъ подобными просьбами и впрочемъ это были первые ступени возвышенія Цезарей. Болѣе въ глазахъ былъ еще обычай старины и пасынкамъ съ вотчимомъ не такъ тѣсна была связь родственная, какъ дѣда относительно внука. Присоединяется первосвященство и въ какой первой день вступилъ онъ на общественную площадь (*forum*) — *congiarium*, подарокъ, простому народу, который сильно радовался, видя потомство Герма-

(*) *Прим.* Обязанности имѣть двадцатилѣтній возрастъ.

ника уже возмужалымъ. Радость еще увеличилась вслѣдствіе бракосочетанія Нерона и Юліи, дочери Друза. И какъ это встрѣчено благопріятными толками, такъ принято съ непріятнымъ чувствомъ, что сыну Клавдія тестемъ назначенъ Сеянъ. Казалось оскверняющимъ знатность семейства и черезъ мѣру возвышающимъ Сеяна, уже подозрѣваемаго въ честолюбивыхъ надеждахъ.

30. Въ концѣ года распростились съ жизнью знаменитые люди Л. Волузій и Саллюстій Криспъ. У Волузія старинный родъ, не выходившій впрочемъ далѣе преторства, а самъ внесъ консульство и со властью цензора, онъ занимался избраніемъ декурій всадниковъ и былъ первымъ собирателемъ богатствъ, которыми этотъ домъ необъятно усилился. Криспа, родившагося во всадническомъ сословіи, К. Саллюстія, знаменитый писатель исторіи Римской, внука сестры, принялъ въ свою фамилію. А тотъ, хотя и готовъ былъ ему доступъ къ полученію почестей, соревнуя Меценату, не имѣя достоинства сенаторскаго, превзошелъ могуществомъ многихъ увѣчаныхъ триумфомъ и бывшихъ консуловъ, отличался отъ обычая древнихъ опрятностью и заботливостью о своей наружности; вслѣдствіе избытка и богатства—ближе къ роскоши; впрочемъ обладалъ онъ силою духа, достаточною для самыхъ значительныхъ дѣлъ и тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ больше показывалъ сонливости и лѣни. А потому и когда Меценатъ былъ еще не тронутъ—ближайшій, а вслѣдъ за тѣмъ былъ главнымъ, на комъ опирались тайны императоровъ, —зналъ онъ объ убіеніи Постумія Агриппы въ преклонномъ возрастѣ; болѣе по видимому былъ въ дружбѣ государя, чѣмъ пользовался силою — то же случилось и съ Меценатомъ. Такова уже участь власти, рѣдко вѣчной — пресыщеніе ли овладѣваетъ тѣми ли, что уже все дали, что можно, или другими, когда уже не осталось ничего болѣе желать.

31. Послѣдовало четвертое Тиберія и Друза второе консульство, знаменитое сотовариществомъ отца и сына; за два года передъ тѣмъ Германику съ Тиберіемъ была таже почестъ, и для дяди не веселая и не представляла такой родственной связи. Въ началѣ этого года Тиберій какъ будто для поправленія здоровья, удалился въ Кампанію, мало по малу обдумывая долговременное и постоянное отсутствіе, или для того чтобы, съ удаленіемъ отца, Друзъ одинъ исполнялъ обязанности консульства. Случилось, что обстоятельство, само по себѣ ничтожное, обратясь въ размѣры значительнаго состязанія, подало молодому человѣку поводъ пріобрѣсть расположеніе. Домицій Корбуло, исполнявшій должность претора, жаловался

передъ сенатомъ на Л. Суллу, благороднаго юношу, что онъ ему во время гладіаторскихъ зрѣлищъ не уступилъ мѣста. За Корбулона были: лѣта, отеческій обычай, сочувствіе стариковъ. Напротивъ Мамеркъ Скавръ и Л. Аррунцій и другіе близкіе поддерживали Суллу. Состязались рѣчами и припоминаемы были примѣры предковъ, которые непочтительность молодежи строгими декретами заклеили. Пока Друзъ не изложилъ того, что могло успокоить умы и Корбулону оказано удовлетвореніе Мамеркомъ; онъ вмѣстѣ и дядя и вотчимъ Суллы, былъ изъ ораторовъ того времени самымъ плодовитымъ. Тотъ же Корбулонъ, объявляя во всеуслышаніе—что большая часть дорогъ въ Италіи вслѣдствіе обмана содержателей и беззаботности должностныхъ лицъ, сдѣлались непроходимыми и какъ бы прерванными, принялъ на себя охотно исполненіе этого дѣла. И это не столько принесло пользы обществу, сколько было гибельно для многихъ, на деньги и добрую славу которыхъ съ жестокостью употребилъ онъ осужденія и продажи съ аукціона.

32. Немного спустя Тиберій въ посланныхъ къ сенату письмахъ увѣдомлялъ его: «взволнована опять Африка набѣгомъ Такфаринаса и по обсужденію сенаторами необходимо избрать за консула человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ, сильнаго тѣломъ и котораго достало бы на войну.—Секстъ Помпей, получивъ поводъ высказать свою ненависть къ М. Лепиду, обвинялъ его какъ недѣятельнаго, нищаго, въ позоръ его предкамъ и что его за это надо устранить по жеребью и отъ Азіи. Сенатъ противорѣчилъ: «Лепидъ больше смиренъ чѣмъ недѣятеленъ; стѣсненные обстоятельства наслѣдовалъ онъ отъ отца и поддержалъ свое благородство беззупречно, что и должно быть обращено ему въ честь, а не въ позоръ». А потому онъ посланъ въ Азію. И относительно Африки опредѣлено: «Цезарю предоставить избраніе—кому ее поручить».

33. Тутъ же Северъ подаль мнѣніе: «чтобы должностному лицу, которому достанется провинція, не сопутствовала жена». Предварительно онъ подробно излагалъ: «съ женою живетъ онъ въ согласіи и она родила ему шесть человѣкъ дѣтей и онъ, что хочеть примѣнить къ общему дѣлу, соблюлъ и дома, удержавъ жену въ Италіи, между тѣмъ какъ самъ по многимъ провинціямъ исполнилъ сорокъ лѣтъ службы. Не даромъ и встарину было постановленіе, чтобы женщины не таскать съ собою къ союзникамъ и чужестраннымъ народамъ. Въ присутствіи женщинъ есть кое-что вносящее въ мирное время роскошь, въ военное—опасенія и

«движеніе Римскаго войска уподобляютъ нашествію народовъ ди-
«кихъ. Поль не только слабый и къ трудамъ неспособный, но если
«только дашь волю—жестокій, честолюбивый, жадный къ власти.
«Ходить (женщина) среди воиновъ, имѣеть подъ рукою сотниковъ:
«недавно женщина стояла въ главѣ упражненія когортъ, маневра
«легионовъ. Пусть сообразятъ—всякой разъ какъ кто либо обви-
«няется во взяткахъ, большая часть обвиненій падаетъ на жену.
«Къ нимъ тотчасъ льнетъ все что ни есть худшаго въ провинціи.
«Онѣ берутъ на себя дѣла, ведутъ ихъ; двухъ лицъ выходовъ
«ждутъ съ подобострастіемъ; двѣ главныхъ квартиры. А прика-
«занія женщинъ болѣе рѣзки и неудобны. Онѣ, нѣкогда связанныя
«Ошпиевымъ и другими законами, теперь разорвавъ всѣ узы—бу-
«дутъ управлять дѣлами гражданскими, а скоро и войскомъ».

34. Это все выслушано было съ одобреніемъ немногими; боль-
шинство старалось помѣшать: «и не доложено объ этомъ дѣлѣ, да
«и Цецина плохой цензоръ въ такомъ важномъ вопросѣ. Затѣмъ
«Валерій Мессалинъ; отецъ его былъ Мессала, было въ немъ по-
«добіе отеческаго краснорѣчія, отвѣчалъ такъ: многое въ старину
«суровое перемѣнено на лучшее и болѣе пріятное. И теперь, не
«какъ прежде, городъ нашъ не находится въ облежаніи враговъ,
«и провинціи уже болѣе не непріязненны и немного дѣлается какъ
«уступка необходимостямъ женщинъ, что не можетъ быть въ тя-
«гость домамъ самихъ мужей, а не только союзниковъ, остальное—
«общее съ мужемъ и нѣтъ въ этомъ никакой помѣхи миру. Ко-
«нечно на войну надобно идти совершенно готовому; но по воз-
«вращеніи съ трудовъ—что же приличнѣе, какъ не ласки жены?
«Но нѣкоторыя сдѣлались причастны корыстолюбію и честолюбію!
«Что же? Развѣ сами сановники не подвержены многимъ и разно-
«образнымъ дурнымъ страстямъ? Но вѣдь нельзя же вслѣдствіе
«этого никого не посылать въ провинціи. Мужья часто подверга-
«ются вредному вліянію женщинъ; ну, а всѣ холостяки безпорочны?
«Приняты нѣкогда Ошпиевы законы,—того требовало положеніе го-
«сударства. Потомъ сдѣланы уступки и смягченія, потому что
«такъ признано полезнымъ. Тщетно нашу же недѣятельность будемъ
«взваливать на другихъ. Мужъ въ томъ виновенъ, если жена вы-
«ходитъ изъ границъ умѣренности. Да и вслѣдствіе слабости ха-
«рактера того или другаго, неужели необходимо сдѣлать зло мужь-
«ямъ—лишивъ ихъ самыхъ вѣрныхъ сотоварищей въ счастіи и
«несчастіи? При томъ же поль, отъ природы слабый, предоставляетъ
«ся самъ себѣ на жертву собственной роскоши и пожеланій дру-

«гихъ. Съ трудомъ остаются брачныя связи невредимыми и при по-
«стоянномъ присмотрѣ. Что же будетъ, если въ теченіи разлуки мно-
«гихъ лѣтъ въ родѣ развода, они ослабнутъ. Такъ они, предупреждая
«порочныя дѣйствія въ другихъ мѣстахъ, должны же имѣть въ па-
«мяти то, что дѣлается дурнаго и въ самомъ Римѣ». Немногое
присоединилъ Друзъ о своемъ бракѣ: «Государямъ часто бываетъ
«необходимо посѣщать самыя отдаленныя мѣста Имперіи. Сколько
«разъ божественный Августъ странствовалъ по Востоку и Западу
«въ сопровожденіи Ливіи? Да и онъ ѣздилъ въ Иллирикъ, и если
«необходимо будетъ, отправиться къ другимъ народамъ, то не со-
«всѣмъ равнодушно перенесъ бы онъ, если бы пришлось ему раз-
«статься съ обожаемою женою, родительницею столькихъ общихъ
«дѣтей». Такимъ образомъ мнѣніе Цецины осталось втунѣ. И въ
день слѣдующаго собранія сената, Тиберій, письмами косвенно уц-
рекнувъ сенаторовъ, что «всю заботу дѣль сбрасываютъ на госу-
даря», назначилъ М. Лепида и Юнія и изъ нихъ долженъ быть
выбранъ проконсулъ Африки. Тогда выслушаны слова того и дру-
гаго. Весьма усиленно отговаривался Лепидъ, ссылаясь на тѣлесное
нездоровье, возрастъ дѣтей, невѣсту дочь. Понятно было и то, о
чемъ онъ умалчивалъ—что Влезъ родня (дядя) Сеяна, а потому
сильнѣе. Отвѣчалъ и Влезъ, показывая видъ будто отказывается,
но не съ такимъ упорствомъ и сочувствіе льстецовъ его не под-
держивало (въ отказѣ).

36. Вслѣдствіе этого обнаружено то, что прикрывалось заду-
шевными жалобами многихъ. Распространялось каждому самому
дурному человѣку полная свобода—безнаказанно возбуждать про-
тивъ людей хорошихъ порицанія и ненависть, схвативъ изобра-
женіе Цезаря. Даже вольноотпущенники и рабы, противъ хозяи-
на или господина возвышали голосъ, руки—сами внушали страхъ.
А потому сенаторъ К. Цестій высказывалъ: «конечно государи
«на подобіе боговъ; но и боги слушаютъ просьбы моельщикова
«только справедливыя, и никто не ищетъ убѣжища въ Капи-
«толѣ или другихъ храмахъ города, чтобы тамъ находить за-
«щиту въ преступныхъ дѣйствіяхъ. Отмѣнены законы и въ ко-
«нецъ уничтожены, когда на форумѣ, на порогѣ сенатскаго зда-
«нія, Аннія Руффилла, которую передъ судьбою обвинилъ бы онъ
«въ обманѣ, осыпала его бранью и угрозами и не дерзаетъ онъ
«примѣнить правосудіе вслѣдствіе противопоставленнаго изобра-
«женія Императора.» Въ этомъ родѣ другіе, нѣкоторые и еще
хуже—высказывали кругомъ ропотъ; молили Друза «подать при-

мѣръ отмщенія,» пока онъ ее приведенную и уличенную не приказалъ держать подъ общественною стражею.

37. И. Консидій Эквъ и Целій Курсоръ, всадники Римскіе за то, что вымышленными обвиненіями въ оскорбленіи величества—коснулись претора Магія Цециліана, наказаны декретомъ Сената, по распоряженію государя. То и другое обращалось въ похвалу Друза: «имъ, обращающимся въ городъ въ собраніяхъ и бесѣдахъ людей, смягчаются тайныя (дѣйствія) отца. И вельдствіе этого самая роскошь въ юношѣ не такъ не нравилась: «пустъ лучше онъ имѣеть такое направленіе: день проводитъ въ выходахъ, ночь въ пиршествахъ, чѣмъ одинъ, не прельщаемый никакими наслажденіями, предается грустной наблюдательности и попеченіямъ о злѣ.»

38. И Тиберій, и обвинители не утомлялись. Анхарій Прискъ потребовалъ на судъ во взяткахъ Цезія Корда, проконсула Крита, прибавивъ обвиненіе оскорбленія величества, а оно въ то время было дополненіемъ всѣхъ обвиненій. Цезарь— Антистія Ветера, изъ значительнѣйшихъ лицъ Македоніи,—оправданнаго въ прелюбодѣянніи, побранивъ судей, снова вызвалъ на судъ оправдываться въ оскорбленіи величества, какъ возмутителя, соучастника замысловъ Рескупориса въ то время, когда онъ умертвивъ Котія, замышлялъ противъ насъ войну. А потому: «обвиненному не вельно давать «ни огня, ни воды, и прибавлено, чтобы его содержать на островѣ, не прилежащемъ ни къ Фракіи, ни къ Македоніи.» Такъ какъ Фракія—гдѣ власть была раздѣлена между Реметалкомъ и дѣтьми Котія, у которыхъ по ихъ малолѣтству былъ опекуномъ Требелліенъ Руфъ, къ намъ еще непривычная, была жертвою раздоровъ, обвиняя не меньше Реметалка, какъ и Требелліена въ томъ, что онъ даетъ безнаказанно обижать соотечественниковъ. Целеты, Одрузы и Діи, сильные народы, взяли за оружіе, съ вождями различными, но равными между собою незначительностью происхожденія. Что и было причиною, что война не приняла большихъ размѣровъ. Одни вносятъ смуту въ настоящее положеніе дѣль, другіе переходятъ гору Гемъ, чтобы вызвать и отдаленные народы. Большая часть и по лучше устроенные осаждаютъ царя и городъ Филиппополисъ, поставленный Филиппомъ Македонскимъ.

39. Когда объ этомъ узналъ и Веллей (а онъ начальствовалъ надъ ближайшимъ войскомъ)... послалъ всадниковъ и легковооруженныхъ воиновъ когортъ на тѣхъ, которые блуж-

дали, отыскивая добычу или содѣйствіе. Самъ повелъ всю силу пѣхоты для снятія осады. Все вмѣстѣ совершенно съ успѣхомъ; грабители истреблены, а между осаждающими начались несогласія; царь сдѣлалъ удачную вылазку, а тутъ прибылъ и легионъ. Да и не соотвѣтствовало бы названіе битвы или сраженія, въ которомъ избиты полувооруженные бродяги безъ пролітія капли нашей крови.

40. Въ этомъ году города Галлій начали возмущеніе вслѣдствіе значительности долговъ. Главный возбудитель его былъ у Треверовъ—Юлій Флоръ, у Эдуевъ—Юлій Сакровіръ. И тотъ, и другой могли похвалиться знатностью рода и хорошими дѣйствіями предковъ и, вслѣдствіе этого, дано когда-то Римское гражданство, еще тогда, когда это было рѣдкимъ и только наградою за добродѣтели. Они, тайно сговорясь—пригласивъ людей, что ни самыхъ на все рѣшительныхъ или такихъ, которымъ, по ихъ нищетѣ, опасеніемъ наказаній за преступныя дѣйствія была величайшая необходимость сдѣлать что нибудь дурное, соглашаются—Флоръ возмутить Бельговъ, а Сакровіръ ближайшихъ галловъ. А потому на собранияхъ и въ публичныхъ мѣстахъ ведутъ возмутительныя рѣчи: «нѣтъ конца податямъ, проценты тяжелые, начальники жестоки и надменны. И между воинами несогласіе вслѣдствіе слуха о гибели Германика. Лучшее время воспользоваться опять свободою, если только они, будучи сами въ цвѣтущемъ состояніи, сообразятъ—какъ бѣдна Италия, какъ городская чернь невоинственна, нѣтъ силы въ войскахъ кромѣ въ иноземныхъ.»

41. Врядъ ли хотя одинъ городъ не былъ тронутъ сѣменами этого волненія; но первые высказались Андекавы и Туронія; изъ нихъ—Андекавовъ усмирилъ Ацилій Авіола, легатъ, вызвавъ ко-горту, содержавшую гарнизонъ въ Лугдунѣ. Туроніи подавлены войнами легиона, присланными Визелліемъ Варрономъ, легатомъ нижней Германіи, подъ начальствомъ того же Авіола и нѣкоторыхъ Галльскихъ старѣйшинъ. Они подали помощь, чтобы скрыть свое отпаденіе и обнаружить его при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ. Виднѣнъ былъ и Сакровіръ съ непокрытою головою; вызывавшій на борьбу за Римлянъ: для показанія, какъ онъ говорилъ, «доблести,» а плѣнники его уличали: «далъ онъ себя узнавать, чтобы въ него не стрѣляли». Объ этомъ дали знать Тиберію, но онъ пренебрегъ доносомъ и далъ войнѣ пищу нерѣшительностью.

42. Между тѣмъ Флоръ настойчиво осуществлялъ свои намѣ-

ренія, переманивалъ эскадронъ конницы, который, будучи набранъ изъ Треверовъ, дисциплиною и знаніемъ военнаго дѣла считался за нашъ, съ тѣмъ чтобы, перерѣзавъ купцовъ римскихъ, начать войну. Немногіе изъ всадниковъ поддались соблазну, а большинство осталось вѣрно своимъ обязанностямъ. — Другая толпа обремененныхъ долгами и кліентовъ взялась за оружіе; стремились они въ лѣса, носившіе названіе Ардуэнны, но легіоны изъ того и другаго войска, посланные Визелліемъ и К. Силіемъ встрѣчными дорогами не допустили ихъ туда. Пославъ впередъ съ отборнымъ отрядомъ Юлій Индъ, изъ того же города, но врагъ Флора и, вслѣдствіе этого, готовый усердно дѣйствовать, толпу большую, но еще неустроенную разогналъ. Флоръ мало извѣстными потайными мѣстами ушелъ было отъ побѣдителей, но, увидавъ воиновъ, сторожившихъ выходъ, палъ отъ своей руки и таковъ былъ конецъ Треверскаго волненія.

43. У Эдуевъ началось движеніе съ большею силою, такъ какъ и городъ ихъ былъ богаче и дальше силы, которыя могли бы подавить. Августодунъ, столицу народа, занялъ Сакровиръ вооруженными когортами и захватилъ знатнѣйшую молодежь Галліи, занимающуюся тамъ изученіемъ наукъ и искусствъ съ цѣлью — этимъ залогомъ присоединить къ себѣ ихъ родныхъ и близкихъ. Въстѣ оружіе, тайно сдѣланное, раздаетъ молодымъ людямъ. Было сорокъ тысячъ; пятая часть имѣла вооруженіе легіоновъ; остальные имѣли рогатины и ножи и вообще обыкновенное оружіе охотниковъ. Изъ рабовъ присоединили назначенныхъ въ гладиаторы, которыхъ по обычаю, въ ихъ племени принятому, носить постоянный покровъ — называютъ *крупнеларіями*; они, неспособные наносить удары, сами были непроницаемы, силы эти росли хотя еще не явнымъ содѣйствіемъ сосѣднихъ городовъ, но усердіемъ и готовностью отдѣльныхъ лицъ; да и притомъ же вслѣдствіе соперничества вождей римскихъ, между которыми было нерѣшено, такъ какъ и тотъ и другой веденіе войны присвоивалъ себѣ; но скоро Варронъ, дряхлый отъ старости уступилъ Силію, полному силъ.

44. А въ Римѣ говорили: «отпали уже не Треверы только и «Эдун, но шестьдесятъ четыре Гальскихъ города вступили въ союзъ съ Германцами, сомнительны и Испаніи». Все какъ обыкновенно бываетъ по слуху принято съ преувеличеніемъ. Лучшіе люди въ заботахъ объ отечествѣ горевали: многіе изъ ненависти къ современному положенію дѣлъ и желая переменъ, сами радовались своей же опасности и ненали Тиберія: «что при такомъ опа-

«сномъ положеніи дѣлъ, всю заботу посвящаетъ донесеніямъ обвинителей. Будетъ ли Юлій Сакровіръ въ сенатѣ подсудимымъ по дѣлу въ оскорбленіи величества. Явились наконецъ люди, которые остановили оружіемъ кровожадныхъ посланія. Исполненный «бѣдствій миръ лучше промѣнять даже и на войну». Тѣмъ тщательнѣе принявъ на себя видъ совершенно беззаботный, не измѣнивъ ни мѣстопребыванія, ни выраженія лица, Тиберій и въ то время велъ себя по прежнему: изъ возвышенности ли духа, или достовѣрно зная, что все это далеко не такъ значительно и важно какъ распространилось въ народѣ.

45. Между тѣмъ Силій, выступивъ съ двумя легіонами, пославъ впередъ вспомогательный отрядъ, опустошилъ земли Секвановъ, а они были самые пограничные союзники и сосѣди Эдуевъ и вѣдлись за оружіе. Вслѣдъ за тѣмъ поспѣшнымъ движеніемъ стремится онъ къ Августодуну—значконосцы соревновали другъ другу, да и простые воины толковали: «не нужно давать время ни обычному покою и обращать вниманіе на ночи; лишь бы только увидѣть непріятеля и показаться ему лицомъ къ лицу; этого достаточно для побѣды». У двѣнадцатаго камня показался Сакровіръ и его войска въ открытыхъ мѣстахъ: съ фронта поставилъ онъ покрытыхъ желѣзомъ (въ панцыряхъ), на флангахъ когорты, сзади полувооруженныхъ. Самъ впереди на отличномъ конѣ разбѣжалъ, приводя на память: «старую славу Галліевъ и сколько они «бѣдствій причинили Римлянамъ; какъ украситъ побѣдителей свобода и снова побѣжденнымъ сколько несноснѣе будетъ опять «рабство».

46. Не долго такъ говорилъ и не передъ веселыми: приближался уже строй легіоновъ; а неустроенные и незнающіе военного дѣла жители города уже недостаточно хорошо владѣли зрѣніемъ или слухомъ. А Силій съ своей стороны, хотя предвзятая надежда дѣлала убѣжденія излишними, однако, восклицалъ: «должно имъ «стыдиться, что ихъ—побѣдившихъ Германцевъ, ведутъ противъ «Галловъ, какъ бы противъ непріятеля. Недавно одна когорта «разила возмутившагося Туронія, одинъ эскадронъ Тревера, а «многія роты этого самого войска—Секвановъ. Тѣмъ скорѣе «бѣдите Эдуевъ, еще менѣе воинственныхъ, богатыхъ деньгами и «погрязшихъ въ наслажденіямъ, а съ побѣжденными поступите какъ «знаете». Слова эти встрѣчены громкимъ крикомъ. Конница окружила (непріятеля), а съ фронта наступала пѣхота. На флангахъ не было нисколько задержки; немного остановивъ принесли закован-

ные въ желѣзо, такъ какъ панцири выдерживали удары дрогиговъ и мечей; но войны, схвативъ топоры и ломы—какъ будто бы сокрушать стѣну, поражали и тѣла, и то что ихъ покрывало. Нѣкоторые дубинами и вилами валили тяжесть неспособную къ движенію и лежавшіе, не дѣлая никакихъ попытокъ встать, оставлены были какъ бы бездыханные. Сакровірь идетъ сначала въ Августодунъ; потомъ, опасаясь сдачи, удаляется съ людьми наиболѣе ему вѣрными въ сосѣднюю виллу. Тамъ онъ погибъ отъ своей руки, а остальные отъ взаимныхъ ударовъ; зажженная потомъ вилла служила всѣмъ погребальнымъ костромъ.

47. Тутъ только Тиберій написалъ сенату, что война началась и кончилась; и не убавилъ и не прибавилъ ничего къ тому какъ было, но: «ему принадлежитъ планъ дѣйствій, а легаты отличились «доблестью и вѣрностью». Вместе присоединилъ онъ причины, почему не онъ самъ, ни Друзъ не отправились на эту войну. Превозносилъ онъ: «обширность Имперіи, и неприлично государямъ «если тотъ и другой городъ возмутится, оставлять столицу, средоточіе управленія. Теперь, такъ какъ уже не опасеніями будетъ «онъ руководиться, отправится—видѣть настоящее положеніе дѣлъ «и устроить». Назначили сенаторы обѣты за его возвращеніе, и молебствія, и иное приличное случаю. Одинъ Корнелій Доллабелла, въ своихъ усиліяхъ опередить другихъ, дошелъ до нелѣпой лести, подавъ мнѣніе: «чтобы съ почестями оваціи вошелъ изъ Кампаніи «въ городъ». Послѣдствіемъ было письмо Цезаря, въ которомъ высказывалъ; «что онъ не такъ чуждъ славы, чтобы по усмирении «самыхъ свирѣпыхъ народовъ, послѣ столькихъ триумфовъ въ молодости или полученныхъ или пренебреженныхъ—уже старикомъ «добиваться пустой награды за подгородную поѣздку».

48. Около этого времени Тиберій просилъ сенатъ: «чтобы умершій Сульпицій Квиринь получилъ почести публичныхъ похоронъ». Этотъ Квиринь не имѣлъ ничего общаго съ древнимъ родомъ патриціевъ того же наименованія (Сульпиціевъ); родился онъ въ муниципіи Ланувіи. Показавъ свою дѣятельность въ военной службѣ и усердно исполняя порученія, получилъ консульство при божественномъ Августѣ и вслѣдъ за тѣмъ, взявъ приступомъ въ Киликіи укрѣпленія Голюнадензевъ—получилъ почести триумфа и данъ въ попечители К. Цезарю, когда онъ владѣлъ Арменією и за Тиберіемъ онъ, когда тотъ жилъ въ Родосѣ, ухаживалъ, что въ то время и обнаружилъ (Тиберій) въ сенатѣ: хвала его (Квирина) услужливость къ себѣ и обвиняя М. Лоллія, какъ виновника ис-

порченности К. Цезаря и несогласій. А для прочих невесела была память К. Квирина за то опасное положеніе, въ которое поставилъ онъ Лепиду, о чемъ я упоминалъ выше, за гнусную (вслѣдствіе скупости) старость съ чрезмѣрнымъ вліяніемъ.

49. Въ концѣ года доносчикъ ухватился за К. Луторія Приска, всадника Римскаго, получившаго отъ Цезаря денежный подарокъ за знаменитое стихотвореніе, въ которомъ онъ оплакалъ послѣднія минуты Германика. Ему ставили въ вину что онъ: «когда «Друзь былъ боленъ, написалъ еще стихи съ тѣмъ, чтобы, если бы «онъ померъ, обнародовать ихъ еще съ большею гласностью». Ихъ К. Луторій читалъ изъ тщеславія въ домѣ П. Петронія передъ его тещею Вителліею и многими знатными женщинами. Какъ только явился доносчикъ, прочіе въ ужасѣ сдѣлали свидѣтельскія показанія; одна Вителлія утверждала, что ничего не слыхала; но удачавшимъ на гибель больше дано вѣры, и по мнѣнію Гатерія Агриппы, назначеннаго консула, подсудимый осужденъ на смертную казнь.

50. Напротивъ М. Лепидъ началъ говорить такимъ образомъ: «Если, отцы достопочтенные, будемъ имѣть въ виду только то, «какъ нечестивымъ голосомъ К. Луторій Прискъ осквернилъ и умъ «свой, и слухъ людей, то недостаточно будетъ для него ни тюрьмы, ни пети, и никакихъ самыхъ рабскихъ мученій. Но если «нѣтъ мѣры преступленіямъ и порокамъ; наказанія же и средства «исправленія смягчаютъ умѣренность государя и примѣры ваши и «предковъ. Пустое отъ преступнаго, слова отъ злыхъ дѣйствій пред- «ставляютъ разницу. Есть мѣсто мнѣнію, по которому ни просту- «покъ его (Леторія) останется безнаказаннымъ, и намъ не приш- «лось бы раскаиваться ни въ снисходительности, ни въ строгости. «Часто слышалъ я, что Государь нашъ жалѣлъ, если кто, причи- «нивъ себѣ смерть, предупреждалъ его милосердіе. Жизнь Луторія «невредима; его спасеніе не послужитъ ни ко вреду общественнаго «порядка; казнь не будетъ примѣромъ. Всѣ его стремленія, какъ «полныя безразсудства, ничтожны и непостоянны. И ничего важ- «наго или опаснаго можно ожидать отъ человѣка, который самъ «же выдалъ свое преступленіе и старался дѣйствовать на слухъ не «мушницъ, а женщинъ. Впрочемъ пусть онъ удалится изъ города, «утратитъ имущество, устранился отъ огня и воды и, по моему мнѣ- «нію, это все тоже какъ бы онъ подлежалъ дѣйствію закона объ «оскорбленіи величества». Съ Лепидомъ согласился только Рубеллій Бландъ изъ бывшихъ консуловъ; прочіе приняли мнѣніе Аг-

риппы; отведенъ въ тюрьму Прискъ и тотчасъ же лишень жизни. Тиберій съ свойственною ему двусмысленностью какъ бы осудилъ дѣйствию сената, превознося: «набожное чувство къ государю тѣхъ, которые строго мстятъ за самыя легкія его оскорбленія», просилъ впередъ такъ поспѣшно не наказывать за слова. Похвалилъ Лепиду, но и Агриппу не осудилъ. А потому состоялось сенаторское опредѣленіе: «декреты сената не вносить въ казначейство до десятиаго дня и чтобы это продолженіе времени служило отсрочкою «осужденнымъ». Но и сенатъ не былъ воленъ возвращаться на свои рѣшенія и Тиберій промежуткомъ времени не смягчался.

52. За тѣмъ послѣдовали консулы: К. Сульпицій, К. Гатерій. Дѣлами внѣшними невозмущенный годъ — дома (отличился) подозрительною строгостью противъ роскоши; которая приобрѣла необъятныя размѣры на все, на что только тратятся деньги.

52. Но другія издержки, хотя и важнѣе, скрывались, такъ какъ, по большей части, цѣны не были извѣстны; а приготовленія обжорства и пресыщенія желудка, приобрѣтшія общую извѣстность постоянными толками въ народѣ, принесли заботу, какъ бы государь не повернулъ круто къ старинной бережливости. Началь К. Бибуль и прочіе эдилы толковали: «пренебрегаютъ закономъ противъ роскоши и запрещенныя цѣны на предметы домашняго употребленія увеличиваются со дня на день; умѣренными средствами «остановить невозможно». Сенаторы, спрошенные, все это дѣло возложили на государя. Но Тиберій часто самъ съ собою обдумывалъ есть ли возможность удержать въ предѣлахъ такъ разгулявшіяся страсти? И строгія мѣры не принесутъ ли болѣе вреда общественному дѣлу? Какъ неприлично касаться того, чего достигнуть былъ бы онъ не въ силахъ? Или строгимъ соблюденіемъ домогаться безславія и позора людей знаменитыхъ. Наконецъ составилъ онъ письмо къ сенату слѣдующаго содержания: «Отцы достопочтенные, въ «прочихъ можетъ быть дѣлахъ и болѣе было бы полезно, чтобы «я былъ спрошенъ лично и высказалъ, что считаю соотвѣтствующимъ общественному интересу. При этомъ же докладѣ лучше было мнѣ глазъ не показывать, дабы, когда вы будете замѣчать на «лицахъ выраженные опасенія моды, которыя уличаются въ по«стыдной роскоши, и мнѣ не видѣть ихъ и, какъ бы захватить «съ поличнымъ. И если бы ранѣе посовѣтовались со мною эти дѣя«тельные люди юдоли—не знаю посовѣтовалъ ли бы я имъ—лучше «оставить пороки уже усилившіеся и возмужавшіе, чѣмъ добиваться «обнаруженія того—съ какими порочными наклонностями справиться

«мы не можемъ. Но они исполнили свою обязанность такъ, какъ бы я желалъ, чтобы и прочія должностныя лица дѣйствовали въ исправленіи ихъ должностей. Но и нечестно молчать и неловко говорить мнѣ, на которомъ не лежитъ обязанностей ни эдила, ни претора, ни консула, и когда въ хорошо сдѣланномъ честь каждый себѣ беретъ лично, недостатки всѣхъ обращаются къ отвѣтственности одного. Ну что первое начну я запрещать и возвращать къ прежнему обычаю? Необъятны ли пространства виллъ, число прислуги или, правильнѣе, цѣлыя племена? Количество золота и серебра? Чудеса произведеній ваянія и живописи? Одежды ли общія для мужчинъ и женщинъ? И ту исключительную принадлежность женщинъ, для коихъ за камни — деньги наши уходятъ къ чужестраннымъ и враждебнымъ народамъ.»

54. Не безъизвѣстно мнѣ, что на пиррахъ и въ бесѣдахъ осуждаютъ это и требуютъ границъ, но если бы кто утвердилъ законъ, назначилъ наказанія, то тѣже самые возопіютъ о гибели общества, о томъ что самымъ свѣтлымъ личностямъ готовится пагуба, что никто не уйдетъ отъ обвиненія. — Конечно, и въ тѣлѣ болѣзни застарѣвшія долго усиливавшіяся, нельзя остановить иначе, какъ крутыми и рѣшительными средствами. Уже испорченный, но и самъ порча, вмѣстѣ больной и ненасытныи духъ долженъ быть обузданъ средствами настолько же сильными, какъ сильны пожеланія, которыми онъ пылаетъ. Сколько законовъ придумано предками нашими, сколько издано Августомъ: одни изглажены забвеніемъ, а другіе — что хуже всего, отмѣнены пренебреженіемъ, а роскошь сдѣлалась еще безопаснѣе. Желая того, что еще не запрещено, опасаясь какъ бы не запретили: но если можно запрещенное обойти безнаказанно, то нѣтъ уже мѣста ни страху, ни стыду. Почему же когда то преобладала бережливость? потому что каждый самъ себя удерживалъ, потому что мы были граждане одного города, да и соблазны были еще не тѣ, пока власть наша ограничивалась предѣлами одной Италіи. Внѣшними побѣдами чужое, а гражданскими (междоусобными) войнами выучились тратить и свое. Какъ не важно то, о чемъ внушаютъ эдили! Какъ, если посмотришь на прочее, легко надобно на то смотрѣть! Но, клянусь Геркулесомъ, никто не выскажетъ, что Италія существуетъ, но нуждается въ внѣшнихъ силахъ и средствахъ, что жизнь народа Римскаго со дня на день въ зависимости отъ бурь и непостоянства морскаго. Если не подоспѣютъ средства провин-

«ции и господамъ, и рабамъ, и полямъ, то поддержать ли насъ «наши сады и виллы. Вотъ, достопочтенные отцы, какая забота «овладѣваетъ государемъ; нерадѣніе объ этомъ повлечетъ за со- «бою гибель государства. Остальному надобно помочь въ душѣ; «насъ стыдъ, бѣдныхъ крайность, богатыхъ пресыщеніе наве- «детъ на лучшее. Но если кто изъ должностныхъ лицъ будетъ «обѣщать такую дѣятельность и строгость, что въ состояніи «будетъ противудѣйствовать этому злу, такого и хвалю и соз- «наю, что онъ облегчитъ часть трудовъ моихъ. Если же они «желаютъ только выставить для обвиненія пороки, а потомъ, «снискавъ славу такого поступка, уклоняются и мнѣ оставляютъ. «Повѣрьте, отцы достопочтенные, что и я не слишкомъ жаденъ «къ порицаніямъ; и безъ того много тяжкихъ и, по большей ча- «сти, несправедливыхъ принимаю за общественное дѣло—и ос- «новательно избѣгаю пустыхъ и неосновательныхъ, которые ни «мнѣ, ни вамъ не принесутъ никакой пользы.» По выслушаніи нисѣма Цезаря, эдилы уволены отъ этой заботы и роскошь ста- ла отъ конца Актіакской войны до той, которой Сервій Гальба сталъ во главѣ правленія; въ продолженіи ста лѣтъ бывшая по- водомъ къ огромнымъ расходамъ, мало по малу стала приходиться въ упадокъ. Не считаю излишнимъ вникнуть въ причины этой перемѣны. Нѣкогда богатые семейства, знатныя по роду или по пріобрѣтенной ими извѣстности, увлекались стремленіемъ къ рос- коши, потому что еще тогда дозволялось ухаживать за чернью, союзными царствами и наоборотъ принимать и отъ нихъ знаки рас- положенія. Какъ кто обращалъ на себя вниманіе богатствами, домомъ, образомъ жизни, такъ и знатнѣе считался именемъ и количествомъ кліентовъ. Но когда совершились жестокія убійст- ва и самая извѣстность обращалась на гибель, прочіе обратились къ болѣе разумному образу дѣйствій. вмѣстѣ новые люди изъ муниципій, колоній и даже провинцій, часто принятые въ се- натъ, внесли домашнюю бережливость и хотя черезъ случай или собственную дѣятельность большая часть достигли до богатой деньгами старости, однако, оставались вѣрны прежнему образу мыслей. Въ особенности виновникомъ строгихъ нравовъ былъ Ве- спасіанъ, въ жизни и поведеніи вѣрній древности. Подобрастіе къ государю и страсть подражать ему едѣлали гораздо больше, чѣмъ наказаніе по законамъ и страхъ. А можетъ быть во всѣхъ событіяхъ есть какъ бы очередь, по которой какъ наступаетъ время пороковъ, такъ и смѣняется временемъ нравственнымъ. Да

и не все это было лучше у нашихъ предшественниковъ, но и наше время произвело много искуснаго и похвалы достойнаго на подражаніе потомству. Впрочемъ это намъ.... а за предками безспорно останется превосходство въ стремленіи къ честному.

56. Тиберій, снискавъ славу умѣренности за то, что установилъ нападки обвинителей, послалъ къ сенату письмо, въ которомъ просилъ для Друза *Трибунской власти*. Это слово придумалъ Августъ для означенія верховной власти, чтобы не принимать названій ни царя, ни диктатора, а все таки какимъ либо названіемъ стать выше другихъ властей. Потомъ товарищемъ этой власти назначилъ онъ М. Агриппу, а по смерти его Тиберія Нерона, дабы не было сомнѣній о томъ кто будетъ его преемникомъ; тѣмъ хотѣлъ онъ удержать злые замыслы другихъ. Въѣстъ полагался онъ на скромность Нерона и на свое величіе. По этому то примѣру Тиберій Друза принимаетъ участникомъ въ верховномъ управленіи, такъ какъ, при жизни Германика, онъ держалъ себя одинаково (безпристрастно) и къ тому и къ другому. Въ началѣ письма, почтивъ боговъ мольбою, чтобы они его намѣренія обратили къ пользѣ государства, привелъ кое что небольшое о нравственности молодаго человѣка и притомъ безъ лживаго преувеличенія: «есть у него жена, трое дѣтей и находитъ «ся въ томъ возрастѣ, въ какомъ находился онъ, Тиберій, когда его божественный Августъ призвалъ къ исполненію этихъ «же обязанностей. Да и теперь не съ поспѣшностью, но на основаніи восьмилѣтняго опыта: подавлены возмущенія, покончены войны, увѣнчаннаго триумфомъ и два раза бывшаго консуломъ принимаетъ соучастникомъ труда, уже ему извѣтнаго.» Содержаніе этого письма сенаторы какъ бы прозрѣвали въ душахъ и лестъ тѣмъ была изысканнѣе. Впрочемъ не нашлось ничего придумать кромѣ подать мнѣніе относительно изображеній государей, воздвигнутія жертвенниковъ богамъ, храма и арки. Только М. Силанъ уничтоженіемъ консульства добивался новой почести для государей и сказалъ вмѣсто мнѣнія «чтобы на общественныхъ и частныхъ памятникахъ, для памяти времени не «консуловъ имена записывались, но тѣхъ которые несутъ трибунскую власть.» А. К. Гатерій, подалъ мнѣніе: «что «этого дня сенатскія опредѣленія должны быть золотыми буквами изображены въ Куріи; былъ смѣшнѣе старикъ въ самой «гнушенной лести, дошедшій до такой степени посярмленія.»

58. Тутъ же провинція Африка отсрочена Юнію Блезу; а

Сервій Малугинензъ, фламиній Юпитеровъ, (flamen Dialis) требовалъ, чтобы ему, по жеребью, предоставили Азію; онъ говорилъ: «нерасовательно общее убѣжденіе, что Діаламъ нельзя выходить изъ Италіи и будтобы право его не иное, какъ и фламиновъ Марса и Квирина. Далѣе, если брали провинціи, то почему же это запрещено Діальскимъ (Юпитера) фламинамъ? Нѣтъ объ этомъ никакихъ постановленій народа и ничего не находится въ книгахъ обрядныхъ. Часто первосвященники совершали священнодѣйствія фламиновъ, если фламину препятствовало здорověе или общественныя обязанности. Въ теченіи семидесяти двухъ лѣтъ, послѣ смерти Корнелія Мерулы никто на его мѣсто не былъ назначенъ, впрочемъ обряды религіи не прекращались. И если въ теченіи столькихъ лѣтъ возможно было не назначать фламину безо всякаго вреда для священнодѣйствій, то тѣмъ легче можно ему отлучиться для исполненія проконсульской власти въ теченіи года? Послѣдствіемъ частныхъ когда то неудовольствій было то, что верховные первосвященники не допускали ихъ идти въ провинціи. Теперь, по милости боговъ, верховный первосвященникъ есть вмѣстѣ и глава всѣхъ, недоступный ни зависти, ни недоброжелательству, ни какимъ либо частнымъ вліяніямъ.» Когда противъ этого спорили авгуръ Лентулъ и другіе весьма разнообразно, дошли до того: «что необходимо дожидаться мнѣнія великаго первосвященника.» Тиберій, отложивъ излѣдованіе о правѣ фламиновъ, умѣрилъ обряды, назначенные по поводу Трибунской власти Друза; онъ прямо обличилъ: «уродливость мнѣнія и что золотыя буквы противъ обычаевъ предковъ.» Прочитаны и письма Друза: скромныя ихъ выраженія приняты какъ самыя надменные: «до того все пришло въ упадокъ, что даже молодой человѣкъ, получивъ такую почесть, не почтилъ (посѣщеніемъ) боговъ города, не вошелъ въ сенатъ, не началъ своего служенія подъ предзнаменованіями взятыми на родной почвѣ? Война его удерживаетъ или можетъ быть дальность разстоянія? Нѣтъ, онъ, главное, скитается по берегамъ и озерамъ Кампаніи. Вотъ въ какомъ духѣ воспитывается будущій правитель рода человѣческаго; вотъ ему главный урокъ изъ отеческихъ совѣтовъ! Конечно видъ гражданъ въ тягость старику Императору; усталость лѣтъ и совершенныхъ имъ трудовъ беретъ предлогомъ. Друза же что удерживаетъ, если не надменность?»

60. Тиберій, укрѣпляя за собою силу первенства, предоставлялъ сенату подобіе стараго (порядка вещей)—требованія провин-

цій отсылая на разсмотрѣніе сенаторовъ. Распространялось по Гре-
чскимъ городамъ своеволие и безнаказанность учрежденія прію-
товъ (asyla). Храмы наполнялись худшими изъ рабовъ; тамъ же
находили зациту должники отъ кредиторовъ и привимаемы были
подозрѣваемые въ уголовныхъ преступленіяхъ. И не было власти
достаточно сильной для усмиренія возмущеній народа, оказавшаго
свое повровительство преступнымъ дѣйствіямъ людей такъ какъ
бы священнымъ обрядамъ боговъ. А потому положено, чтобы го-
рода представили свои права и пословъ. И нѣкоторые доброволь-
но оставили то, чѣмъ воспользовались безъ основанія; а многіе
полагались на старинныя суевѣрія или на заслуги народу Римско-
му. Замѣчательно было величіе этого дня, въ который сенатъ
подвергъ своему разбору благодѣянія предковъ, договоры союзни-
ковъ, установленія царей, предшествовавшія власти Римлянъ съ
полною свободою, какъ прежде—и утверждать и отмѣнять.

61. Первые изъ вѣсхъ пришли Эфезцы; они припоминали,
«что Діана и Аполлонъ родились не въ Делосѣ, какъ вѣрять
«народъ. У нихъ находится рѣчка Кенхрій, Ортигійская роща,
«гдѣ Латона беременная, опиралась на масличное, и до нынѣ су-
«ществующее, дерево, родила эти божества: по внушенію боговъ
«посвящена роща. И самъ Аполлонъ тамъ. послѣ убіенія Цик-
«лоповъ, искалъ убѣжища отъ гнѣва Юпитера. Потомъ Либеръ
«отецъ, побѣдивъ на войнѣ, простилъ Амазонкамъ, умолявшимъ
«о пощадѣ и занявшимъ жертвенникъ. Съ дозволенія Геркулеса,
«когда онъ овладѣлъ Лидією, эта священная принадлежность
«храма еще увеличена; да и во время власти Персеовъ, право
«это не уменьшено. Послѣ того Македоняне, а потомъ мы со-
«храняли.»

62. Первые послѣ Ефезцевъ, Магнеты опирались на учрежденія
Л. Сципіона и Л. Суллы, изъ нихъ тотъ, прогнавъ Антіоха, а
этотъ — Митридада, увѣнчали вѣрность и доблесть Магнетовъ
тѣмъ, чтобы: «убѣжище Діаны Левкофрины было недоступно на-
«силію. За тѣмъ Афродіензы, Стратоникійцы представили опре-
«дѣленія диктатора Цезаря за старинныя услуги его дѣлу и
«недавній декретъ Августа. Похвалены: за то что намѣствіе
«Персеовъ перенесли, не измѣнивъ ни насколько вѣрность народу
«Римскому.» Но городъ Афродіензевъ — Венеры, а Стратоникій-
цевъ — Юпитера и Тривіи защищали поклоненіе. Еще далѣе по-
шли Героцезарейцы, излагая, что: «Діана у нихъ Персидская
«и капище освящено еще при царѣ Кирѣ.» Припоминали имена

Перперны, *Исаврижа* и многихъ иныхъ Римскихъ полководцевъ, которые приписали ту же святость не только храму, но и мѣсту кругомъ на двѣ тысячи шаговъ. Далѣе жители Кипра защищали три храма, изъ коихъ самого древняго—Венеры Паэосской построителемъ былъ Эріасъ; послѣ него сынъ Аматъ воздвигъ храмъ Венеры Аматузской; а Юпитеру Саламинскому—Тевцеръ, убѣжавшій отъ гнѣва его отца Теламона.

63. Выслушаны также посольства и другихъ городовъ. Утомленные ихъ обиліемъ сенаторы, а такъ какъ это было предметомъ большихъ споровъ, предоставили консуламъ: «раземотрѣвъ права, если найдутъ какую либо несправедливость, дѣло, не касаясь его сущности, опять доложутъ сенату.» Консулы о тѣхъ городахъ, которые я упоминалъ, донесли: «за Пергамомъ достоверно признано право убѣжища; остальныхъ же начало темно, «вслѣдствіе древности. Такъ жители Смирны ссылаются на оракулъ Аполлона, по приказанію котораго будто бы посвятили «они храмъ Стратоникійской Венерѣ; а жители Теноса приводятъ его стихи, коими онъ отдалъ приказаніе имъ воздвигнуть «изображеніе Нептуна и храмъ. Ближе по времени Сарды: подарокъ это Александра побѣдителя; точно также Милезійцы «основываются на царѣ Даріѣ; но и тѣхъ и другихъ читается «одинаково память Діаны и Аполлона. А Кретійцы просятъ въ «честь изображенія божественнаго Августа.» Составлены сенатскія опредѣленія, которыми, съ большею, впрочемъ, почестью, предписывались всетаки границы (этого права) и приказано: «въ самихъ храмахъ прикрѣпить мѣдныя доски для священнаго воспоминанія и подъ предлогомъ религіи не предаваться честолюбивымъ замысламъ.»

64. Около этого времени крайне плохое здоровье Юліи Августы поставило государя въ необходимость посѣлжить возвращеніемъ въ городъ: искренне ли было еще согласіе между матерью и сыномъ или скрытая ненависть. Не задолго передъ тѣмъ Юлія, посвящая изображеніе божественному Августу недалеко отъ театра Марцелла, имя Тиберія помѣстила послѣ своего и полагаючи, что онъ это, какъ униженіе величія Государя, затаилъ въ груди какъ тяжкое оскорбленіе, не показавъ, впрочемъ, виду. Но въ то время сенатъ опредѣлилъ: «мольбы богамъ, *великія игры*; «ихъ должны были дать первосвященники, авгуры, члены коллегіи пятнадцати, члены коллегіи семи и члены коллегіи Августы.» Д. Апоній подаль мнѣніе: «чтобы и Феціалы приняли

«особенное участіе въ этихъ играхъ.» Цезарь воспротивился этому, вслѣдствіе различія правъ священнослужителей и приведенныхъ примѣровъ: «никогда Феціалы не пользовались такимъ значеніемъ: Августовы (жрецы) прибавлены вслѣдствіе того, что это «священство есть собственность его дома съ цѣлью за него со- «вершить обѣты.»

65. Не имѣю я намѣренія приводить мнѣнія, развѣ замѣчательныя по ихъ честности или по явному позору. По моему мнѣнію главная обязанность лѣтописей—не умалчивать о добродѣтеляхъ, а за дурныя слова и дѣйствія внушать опасенія потомства и безславія. Впрочемъ, тѣ времена до того уже были заражены самою гнусною лестью, что не только первыя лица въ государствѣ, которыя самимъ униженіемъ должны были прикрывать свою извѣстность, но всѣ бывшіе консулы, большая часть тѣхъ, которые исполняли должности преторовъ и многіе простые сенаторы наперерывъ другъ передъ другомъ вставали, подавая мнѣнія излишнія и позорныя. Сохранилось въ памяти, будтобы Тиберій, каждый разъ какъ выходилъ изъ курии, обыкновенно такъ выражался греческими словами: «о люди, готовые на рабство!» То есть даже и тотъ, кто не хотѣлъ общественной свободы, скупчалъ терпѣливостью столь униженнаго рабства.

66. Мало по малу потомъ отъ неприличныхъ дѣйствій переходили къ непріязненнымъ. К. Силанъ, проконсулъ Азіи, потребованъ союзниками на судъ во взяткахъ. Вмѣстѣ напали на него: Мамеркъ Скавръ изъ бывшихъ консуловъ, преторъ Юній Отто, эдиль Брутидій Нигеръ и ставятъ ему въ вину: «оскорблена божественность Августа, пренебрежено величіе Тиберія.» Мамеркъ приводилъ старинныя примѣры, что: Л. Котта обвиненъ «Сципіономъ Африканскимъ, Серв. Гальба.—бывшимъ цензоромъ «Катономъ, П. Рутилій—М. Скавромъ. То есть за такія именно дѣла требовали возмездія и Сципіонъ, и Катонъ, и тотъ Скавръ, котораго, своего прадѣда Мамеркъ, позоръ предкамъ, безчестилъ безславною дѣятельностью. Юнія Оттона стариннымъ ремесломъ было учить грамотѣ; вскорѣ чрезъ могущественное вліяніе Сеяна сдѣлался онъ сенаторомъ и темноту своего происхожденія старался прикрыть безстыднымъ дерзновеніемъ. Брутидій имѣлъ избытокъ честныхъ силъ и если бы шелъ прямымъ путемъ, могъ бы достигнуть всего славнаго, но его подстрѣкала торопливость: домогался онъ опередить сначала сверстниковъ, потомъ высшихъ, а наконецъ собственныя надежды. А многихъ: даже людей добра,

погубило то, что пренебрегли медленнымъ, но безопаснымъ — торопятся даже къ своей гибели.

67. Увеличили число обвинителей: Геллій Попликала и М. Посконій; тотъ—квесторъ — Силана, а этотъ—легатъ. И не было сомнѣнія, что подсудимый связанъ уже достаточно преступленіемъ захвата денегъ, но присоединили многое гибельное и для невинныхъ. Когда, при непріязни столькихъ сенаторовъ, при избранныхъ для его обвиненія краснорѣчивѣйшихъ людяхъ всей Азіи, приходилось ему отвѣчать одному, — незнакомому съ ораторскимъ искусствомъ и притомъ въ опасеніи за себя, которое ослабляетъ и самый опытный въ дѣлѣ краснорѣчія талантъ; Тиберій не сдерживался, но тѣснилъ его и голосомъ, и выраженіемъ лица и тѣмъ, что самъ, какъ можно чаще, задавалъ вопросы. Не давалось возможности ни опровергать, ни уклоняться и часто даже приходилось признаваться, чтобы не оставить вопросъ безъ отвѣта. Да и рабовъ Силана, чтобы они могли быть спрошены подъ пыткую, общественный агентъ отпустилъ на волю; а для того, чтобы ктонибудь изъ близкихъ не оказалъ помощи находившемуся въ опасности — подавали обвиненія въ оскорбленіи величества—что сковывало языкъ и заставляло молчать. А потому, испросивъ промежутокъ немногихъ дней, оставилъ свою защиту, осмѣлившись написать къ Цезарю записку, въ которой перемѣшивалась ненависть съ просьбами.

68. Тиберій, чтобы подѣ болѣе извинительнымъ предлогомъ было принято приготовленное отъ него Силану, приказываетъ прочесть обвинительный актъ божественнаго Августа о Волезѣ Мессалѣ, также проконсулѣ Азіи и составленное противъ него сенатское рѣшеніе. Вслѣдъ за тѣмъ Тиберій спрашиваетъ Л. Пизона о мнѣніи. Тотъ, предпославъ многое о милосердіи государя, высказалъ: «запретить Силану давать огонь и воду» и сослать его на одинъ изъ Гіарскихъ острововъ. То же и прочіе; только Лентулъ сказалъ: «необходимо отдѣлить у Силана имущество «его матери (какъ рожденнаго отъ второй жены) и возвратить «сыну»; на что согласился Тиберій.

69. А Корнелій Долабелла, давая внѣшній ходъ лести, поощрялъ нравственность К. Силана и прибавилъ: «чтобы никто «не былъ допускаемъ къ жеребью провинцій порочный и покрытый безславіемъ. И пусть это разбираетъ государь, законы наказываютъ проступки. На сколько же будетъ лучше выразить «заботливость и о себѣ, и о союзникахъ предупредивъ дурныя

«дѣйствія.» Противъ этого высказался Цезарь: «не безъизвѣстно «было ему то, что говорили о Силанѣ; но нельзя уже основываться на слухахъ и многіе дѣйствовали въ провинціяхъ не«соотвѣтственно ни надеждамъ, ни опасеніямъ, какія о нихъ «имѣли. Для нѣкоторыхъ самая важность дѣла служила побуж«деніемъ къ лучшему; другіе же дѣлаются еще глупѣе. Да и «невозможно государю своимъ знаніемъ обнять все; и мало бу«детъ пользы, если онъ будетъ увлекаться честолюбіемъ другихъ. «Потомуто законы установлены на уже совершившееся, что бу«дущее вовсе неизвѣстно. Такъ и предками установлено, чтобы «наказаніе слѣдовало за предварительнымъ совершеніемъ про«ступка. Не нужно измѣнять того, что умно придумано и посто«янно соблюдалось. Довольно бремени государямъ, довольно и «власти. Правда уменьшается по мѣрѣ того, какъ вкрадывается «произволь; не нужно употреблять въ дѣло власть тамъ, гдѣ «можно дѣйствовать черезъ посредство законовъ.» Чѣмъ рѣже случалось Тиберію говорить въ народномъ духѣ, тѣмъ болѣе съ веселымъ расположеніемъ духа встрѣчены его слова. А онъ, склонный къ умѣренности, если только не былъ подъ вліяніемъ собственнаго раздраженія, прибавилъ: «островъ Піерскій суровъ и безъ слѣ«довъ человѣческой дѣятельности. Пусть же они сдѣлаютъ сни«схожденіе для фамиліи Юнійской и для человѣка, нѣкогда од«ного съ ними сословія—пусть онъ лучше удалится въ Цитеру. «Умоляетъ объ этомъ и сестра Силана, Торквата, дѣвушка ста«ринной святости жизни.» Согласно этому мнѣнію состоялось рѣшеніе.

70. Послѣ того выслушаны Кирсенеицы и, по обвиненію Анхарія Приска, Цезій Кордъ осужденъ за взятки. Л. Эннія, всадника Римскаго, потребованнаго къ суду въ оскорбленія величества тѣмъ: «будто бы онъ изображеніе государя обратилъ на разнаго рода «употребленіе серебра». Явно высказалъ свое пренебреженіе Атей Капитонъ, какъ будтобы заступаясь за свободу: «не слѣдуетъ от«нимать у сенаторовъ власть дѣлать постановленія; да и нельзя «оставить безнаказаннымъ такое преступленіе: пусть какъ онъ «хочетъ будетъ медлителемъ въ собственномъ оскорбленіи, но не «дарить оскорбленія государственнымъ». Понялъ это Тиберій какъ оно было, а не такъ какъ говорилось и продолжалъ заступаться. Для Капитона позоръ былъ тѣмъ значительнѣе, что знакомый съ правомъ человѣческимъ и божественнымъ, прекрасную публичную дѣятельность и честныя занятія дома онъ обезчестилъ.

71. Потомъ занялись религіознымъ вопросомъ: въ какомъ храмѣ поставить даръ, за здоровье Августы принесенный, по объѣту всадниками Римскими. *Всадничьему счастью*, хотя въ Римѣ и много было капищъ этой богини, но ни одного съ такимъ названіемъ. Найдено, что у Антія есть храмъ, который носить такое названіе: «а всѣ церемоніи въ Итальянскихъ городахъ, храмы и изображенія боговъ—принадлежать къ праву и владѣнію Римлянъ». Вслѣдствіе этого даръ поставленъ у Антія.—И такъ какъ коснулись религіозныхъ вопросовъ, то отложенный недавно отвѣтъ противъ Сервія Малугиненза, Діальскаго фламена, изложилъ Цезарь, прочитавъ декретъ первосвященниковъ: «если случится съ Діальскимъ фламиною, то, по усмотрѣнію Великаго первосвященника, онъ можетъ отсутствовать болѣе двухъ ночей, лишь бы только «не въ дни публичнаго священнодѣйствія и не чаще двухъ разъ «въ годъ». Такое рѣшеніе въ правленіе Августа, достаточно показывало, что отсутствіе на цѣлый годъ и управленіе провинціями для Діаловъ не допускалось. Припоминали примѣръ Л. Метелла, Великаго первосвященника, который задержалъ фламина Авла Постумія. Такимъ образомъ жребій Азіи отнесенъ къ тому, кто изъ бывшихъ консуловъ былъ ближайшимъ къ Корнелію Малугинензу. Въ тѣ же дни Лепидъ просилъ сенатъ: «чтобы дозволили ему «базилику Павла—воспоминаніе Емилиева рода, на собственныя «деньги поправить и украсить». Еще въ то время было въ обычаѣ тратиться на общественные расходы. Да и Августъ не удерживалъ Тавра, Филиппа, Бальба—добычу отъ непріятеля и излишекъ богатствъ употреблять на украшеніе города и славу въ потомствѣ. И по этому примѣру Лепидъ, хотя и съ умѣренными денежными средствами, поддерживалъ честь, наслѣдованную отъ предковъ. А театръ Помпея, сдѣлавшійся случайно жертвою огня, Цезарь обѣщалъ построить: «такъ какъ изъ рода Помпеевъ ни у кого «не достанетъ средствъ на его возобновленіе, а имя Помпея все «таки останется». Вмѣстѣ съ тѣмъ осыпалъ онъ похвалами Сеяна: «будто бы его трудами и бдительностью такой сильный пожаръ ограничился гибелью одного строенія». И сенаторы приговорили: «статую Сеяну, а поставить ее у Помпеева театра». И немного спустя Цезарь—когда Ювія Блеза, проконсула Африки, почтилъ почестями триумфа, сказалъ: что дѣлаетъ это въ честь Сеяна, котораго онъ былъ дядею по матери». А, впрочемъ, дѣйствія Блеза были достойны такой почести, потому что Такфаринасъ, хотя неоднократно прогоняемый, внутри Африки возобновилъ

свои потери новыми силами, дошелъ до такой наглости, что от-правилъ посла къ Тиберію: требуя съ своей стороны мѣсть для поселенія себѣ и войску, или грозя безконечной войною. Говорятъ еще ни разу не скорбѣлъ еще такъ Цезарь, вслѣдствіе обиды ему и народу Римскому нанесенной; «бѣглець и разбойникъ дѣй-«ствуетъ какъ бы врагъ открытый. И Спартаку, когда онъ послѣ «гибили столькихъ консульскихъ войскъ, безнаказанно жегъ Ита-«лію, а государство изнемогало въ важныхъ войнахъ Серторія и «Митридата, не дано, чтобы онъ, по договору, былъ припятъ на «вѣру: неужели теперь, когда дѣла народа Римскаго находятся «въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, отъ разбойника Такфаринаса «откупаться миромъ и уступкою полей». Даетъ порученіе Блезу: «остальныхъ склонять къ надеждѣ, что они могутъ положить ору-«жіе безъ вреда для себѣ; а чтобы самимъ вождемъ овладѣлъ во «чтобы то ни стало». Большая часть прощены и приняты, а потомъ стали вести войну противъ хитростей Такфаринаса тѣмъ же, что и онъ, способомъ. Такъ какъ онъ, далеко неравный силою войска болѣе къ воровству способный, дѣлалъ набѣги многими въ разъ шай-ками, уклоняясь отъ Римлянъ и вмѣстѣ пытаясь имъ сдѣлать засаду. Приготовлено движеніе по тремъ направленіямъ и столько же отря-довъ. Изъ нихъ Корнелій Сципіонъ, легать, начальствовалъ съ той стороны, откуда грабили Лептиновъ и убѣжище Гарамантовъ. На другомъ флангѣ, чтобы земли Циртензевъ не были безнаказанно жер-твою непріятеля собственный отрядъ велъ Блезъ сынъ, а въ срединѣ съ отборными воинами, оставляя въ мѣстахъ удобныхъ укрѣпленія и запасы, вождь самъ все сдѣлалъ для непріятеля тѣснымъ и враж-дебнымъ: потомучто въ какую бы сторону ни уклонился непріятель, какая нибудь часть войска Римскаго оставалась спереди, съ фланговъ и часто съ тылу, многіе такимъ образомъ убиты или обой-дены. Тогда всѣ три отдѣленія войска распредѣляетъ на многіе отряды, поставивъ во главѣ сотниковъ испытанной доблести и не слѣдуя принятому обычаю, не отвелъ войска по простествіи лѣта и не расположилъ по зимнимъ квартирамъ старой провинціи, но какъ на порогъ войны расположивъ укрѣпленія, черезъ воиновъ на легкѣ и хорошѣ знакомыхъ съ пустынею, тревожить Такфарина-наса, переносившаго кочевье съ мѣста на мѣсто, пока не отступилъ: захвативъ его брата, впрочемъ, поспѣшнѣе, чѣмъ требовали пользы союзниковъ, такъ какъ остались тѣ, которые могли возоб-новить войну. Но Тиберій истолковалъ это какъ копченное и до-пустилъ даже для Блеза то, что легіоны его поздравили *Импе-*

раторомъ. Старинная это была почесть относительно вождей и они за хорошее веденіе общественнаго дѣла получали это наименованіе восклицаніями войска въ порывѣ радости; одновременно было много императоровъ, но безо всякаго вреда для равенства другихъ. И Августъ далъ нѣкоторымъ это названіе; но въ то время Тиберій Блезу въ послѣдній разъ.

75. Умерли въ этомъ году знаменитые люди—Азиній Салонинъ, бывшій на виду (какъ внукъ) М. Агриппы и Полліона, братъ Друза, назначенный зять Цезаря. И Капитонъ Атій, о которомъ я упоминалъ, стяжавшій первое мѣсто въ государствѣ гражданскою дѣятельностію; дѣдъ у него былъ сотникъ Суллы, а отецъ преторъ. Августъ поторопился дать ему консульство, чтобы онъ Лабеона Антистія, отличавшагося на томъ же поприщѣ, опередилъ удостоеніемъ этого сана. То время произвело вмѣстѣ тѣхъ двухъ людей какъ украшеніе міра; но Лабеонъ—ревнитель свободы неподкупленный и потому слава его значительнѣе; повелители же болѣе ободряли услужливость Капитона. Лабеону то, что онъ остановился на преторствѣ, самое оскорбленіе обращалось въ честь, а зависть къ Капитону за то, что онъ добился консульства, возбуждала къ нему ненависть.

76. Юнія окончила жизнь въ шестьдесятъ четвертомъ году послѣ Филиппензскаго сраженія; дѣдъ ея былъ Катонъ; жена К. Кассія, она была сестрою М. Брута. Завѣщаніе ея подало поводъ къ большимъ толкамъ въ народѣ: при своемъ большомъ состояніи, упомянувъ съ честью почти о всѣхъ знатнѣйшихъ лицахъ, Цезаря опустила. Это принято съ чувствами гражданина и онъ (Цезарь) не препятствовалъ тому, чтобы ея похороны почтены были похвальнымъ словомъ съ рострѣ и прочими торжественными обрядами. Впереди несены изображенія двадцати знатнѣйшихъ фамилій—Манліевъ, Квинціевъ и другихъ столь же именитыхъ, но болѣе всѣхъ сіяли имена Кассія и Брута, тѣмъ самымъ, что изображеній ихъ не было видно.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Содержаніе: 1. Тиберій становится жестокомъ—причиною Элій Сеянъ, его характеръ и нравственность.—2. Онъ стремится къ господству и чтобы достигнуть его, уводитъ вои-

новъ изъ Рима въ преторіанскіе лагеря.—3. Друзу, сыну Тиберія, онъ стронть кovy черезъ жену его, вступивъ съ нею въ преступную связь.—4. Друзъ, сынъ Германика, надѣваетъ мужскую тогу.—Положеніе государства, число легионовъ.—5. Изложеніе мѣстъ, гдѣ они расположены, когорть и флотовъ.—6. Каково было до тѣхъ поръ гражданское управленіе.—7. Сеянъ увеличиваетъ свою власть,—8. ядомъ погубивъ Друза. Тиберій укрѣпляется духомъ, ободряетъ сенатъ и ему представляетъ двухъ сыновей Германика, какъ преемниковъ власти.—9. Блестящія похороны Друза.—10. и 11. Ложная молва объ умерщвленіи Друза неосторожнымъ отцемъ.—12. Расположеніе народа обращается ко вреду дѣтей Германика. Имъ и Агриппинѣ Сеянъ устраиваетъ кovy. 13. Тиберій выслушиваетъ посольства и обвиненія городовъ и провинцій.—14. Толкуютъ о пріютахъ. Актеры изгнаны изъ Италіи.—15. Одинъ изъ дѣтей Друза умираетъ, также Луцилій Лонгъ, другъ государя. Капитонъ осужденъ.—16. Издавъ законъ о Діальскомъ фламинѣ: Весталкамъ оказана почестъ.—17. Торжественные обѣты за государя. Въ нихъ внесены Неронъ и Друзъ; вслѣдствіе того ненависть Тиберія, которую развиваетъ Сеянъ.—18. Онъ нападаетъ на друзей Германика.—19. Силій осужденъ.—20. Жена его, Созія, отправлена въ ссылку. Умѣренность М. Лепида.—21. Пизонъ умираетъ обвиненнымъ. Кассій Северъ сосланъ на утесъ Серпфій.—22. Плавтій Силанъ погибаетъ.—23. Такфарината, опять начавшаго войну—24. Долабелла подавляетъ—25. и убиваетъ.—26. Почестей триумфа добиться не могъ. Птоломей получаетъ дары.—27. Въ Италіи подавлены начатки возмущенія рабовъ.—28. К. Вибій Серенъ обвиненъ сыномъ;—29—30. отсылается въ Аморгъ. Доносчикамъ назначены награды.—31. П. Суилій удаленъ въ ссылку, а Фирмій изъ сената.—32—33. Сужденіе объ этихъ лѣтописяхъ.—34. Кремуцій Кордъ, писатель исторіи, подвергается обвиненію за похвалы Бруту и Кассію, свободно защищается и—35 жизнь кончаетъ, воздерживаясь отъ пищи. Книги его сожжены.—36. У Кизикійцевъ

отнята вольность.—37—38. Тиберій съ пренебреженіемъ отклоняетъ почесть храма, предложенную Испанцами.—39. Сеянъ, возгордясъ отъ непомернаго счастья, проситъ у государя себѣ въ супружество Ливію. Тотъ—40. скромно отказываетъ, опровергнувъ доводы Сеяна.—41. Сеянъ, для увеличенія власти, совѣтуетъ Тиберію удалиться изъ города.—42. Выслушанными въ дѣлѣ Вотіена Монтана убѣждаетъ.—43. Въ Римѣ выслушаны посольства Грековъ о правѣ приютовъ.—44. Смерть Лентулла, Домиція, Антонія.—45. Преторъ Л. Пизонъ умерщвленъ какимъ-то крестьяниномъ.—46. Взбунтовавшіеся горные Оракіицы—47—51. Сабинномъ поражены, избиты, подвергнуты облежанію и сдаются послѣ тщетной вылазки.—52. Осуждена Клавдія Пульхра, обвиненная въ Римѣ въ прелюбодѣянніи.—53. Агриппина проситъ мужа, но безуспѣшно; ей—54. Сеянъ устраиваетъ ковы.—55. Одинадцать городовъ Азіи состязаются между собою о постройкѣ храма Тиберію.—56. Предпочтены жители Смирны.—57—58. Тиберій, вслѣдствіе причинъ весьма сомнительныхъ, удаляется въ Кампанію съ небольшою свитою.—59. Въ пещерѣ жизнь его подверглась опасности вслѣдствіе внезапнаго паденія камней и онъ спасенъ Сеяномъ; отсюда еще больше къ нему довѣрія. Онъ нападаетъ на Нерона, сына Германика, и 60. клеветами вредитъ ему.—61. Смерть Азинія Агриппы и К. Гатерія.—62—63. Паденіемъ амфитеатра въ Флоренціи много тысячъ людей или завалено совсѣмъ, или повреждено.—64—65. Въ Римѣ пожаръ истребилъ гору Цэліи.—66. Варъ обвиненъ.—67. Глава государства скрывается на островѣ Капресъ.—68—70. Тицію Сабинъ, жертва гнуснаго обмана, осужденъ въ самые календы года.—71. Тиберій негодуетъ, что его умъ темнѣетъ.—Умираетъ Юлія, внучка Августа.—72. Фризіи, вслѣдствіе денежныхъ вымогательствъ, взбунтовались.—73. Подавить ихъ идетъ Л. Априній, но не очень счастливо.—74. Гнусное подличаніе сената; Сеяна надменность.—75. Кней Домиціи беретъ въ супружество Агриппину, дочь Германика.

Все это дѣлалось почти шесть лѣтъ въ консульства: К. Азинія, К. Антистія, Корнелія Цетега, Визеллія Варрона, Косса Лентулла, Азинія Агриппы, Кн. Лентулла Гетула, К. Калвизія, М. Лицинія Красса, Л. Калпурнія Пизона, Ап. Юнія Силана, П. Силія Нервы.

1. Въ консульство К. Азинія, К. Антистія исполнился Тиберію девятый годъ спокойнаго правленія государствомъ и процвѣтанія его дома (потомучто смерть Германика считалъ для себя благополучнымъ событіемъ). Вдругъ судьба начала мутить: сталъ онъ или самъ жестокъ или жестокимъ дѣйствіямъ давать силы. Начинъ и поводъ отъ Элія Сеяна, префекта преторіанскихъ когортъ. О могуществѣ его упоминалъ я выше; теперь изложу происхожденіе, характеръ и какими преступными дѣйствіями стремился ко власти. Родился онъ въ Вулсиніяхъ отъ отца Сея Страбона, всадника Римскаго и въ первой молодости находился въ свитѣ К. Цезаря, внука божественнаго Августа, при чемъ носился слухъ, что онъ продалъ за деньги свое цѣломудріе Апицію, богатому и расточительному. Вскорѣ разными средствами опуталъ онъ Тиберія до того, что его, скрытнаго для другихъ, сдѣлалъ только для себя откровеннымъ и довѣрчивымъ, не столько хитростью (самъ онъ побѣжденъ тѣми же средствами), сколько вслѣдствіе гнѣва боговъ къ дѣлу Римскому, на пагубу которому было и его процвѣтаніе и паденіе. Тѣло у Сеяна было сносное для трудовъ, духъ дерзновенный: прикрывая себя, чернилъ другихъ; вмѣстѣ и льстивъ и гордъ; явно бралъ на себя личину скромности, въ душѣ сильная страсть ко власти и вслѣдствіе этого то щедръ и расточителенъ, то еще чаще дѣятеленъ и внимателенъ, но эти самыя качества вредны уже, какъ только примѣняются къ домогательству верховной власти.

2. Онъ усилилъ власть префекта до того времени умѣренную, сведя разсѣянные по городу когорты въ одинъ лагерь съ цѣлью, чтобы одновременно принимали онѣ приказанія, чтобы видъ ихъ множества и силы внушалъ бы имъ увѣренность въ себя, а другимъ страхъ. Предложомъ ему было: «у войновъ, разведенныхъ по разнымъ мѣстамъ усиливается своеволие. Въ случаѣ чего либудъ нежданнаго, дружная помощь будетъ имѣть такую же силу и будутъ вестъ себя войны строже, если окопы (лагерные) будутъ воз-

«ведены вдали отъ соблазновъ городскихъ». Когда эти лагеря были сдѣланы, Сеянъ сталъ дѣйствовать мало по малу на умы воиновъ привѣтливимъ обращеніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сотниковъ и трибуновъ назначалъ самъ. Не удерживался и отъ ухаживанья въ сенатъ—украшая почестями и провинціями своихъ кліентовъ, на что Тиберій смотрѣлъ легко и даже такъ благосклонно, что не только въ разговорахъ, но и передъ сенаторами и народомъ прославлялъ его, какъ товарища трудовъ, допускалъ сказывать въ театрахъ и на общественныхъ площадяхъ и на сборныхъ мѣстахъ легионовъ. Впрочемъ полный домъ Цезарей: сынъ—юноша, внуки уже возросшіе приносили замедленіе алчному ко власти и такъ какъ не безопасно было бы на столькихъ разомъ дѣйствовать силою, то коварство требовало для злодѣйствъ промежутковъ. Впрочемъ, любилъ Сеянъ путь еще болѣе сокровенный и началъ съ Друза, подъ вліяніемъ еще свѣжаго къ нему негодованія: такъ какъ Друзъ, характера вспыльчиваго и не терпя соперника, поссорившись случайно съ Сеяномъ, замахнулся на него руками и ударилъ по лицу, такъ какъ тотъ уклоняться и не думалъ. Готовый на всё попытки, Сеянъ избралъ какъ самое удобное средство—обратиться къ женѣ Друза—Ливіи; она сестра Германика—сначала была наружною некрасива, но скоро развитіемъ красоты опередила всѣхъ. Ее Сеянъ, какъ будто бы пылая любовью, склонилъ къ преступной связи и какъ только достигъ цѣли—женщина, утративъ стыдливость, уже ни отъ чего не откажется—сталъ ее побуждать надеждою брака съ собою и раздѣла верховной власти, къ убійству супруга. И та, имѣя дѣдомъ Августа, тестемъ Тиберія, отъ Друза дѣтей, оскверняла себя, и предковъ и потомство связью съ мѣщаниномъ, прелюбодѣемъ и вмѣсто честнаго, что уже было въ ея рукахъ, стала жить мыслью о порочномъ и невѣрномъ. Берется въ соучастники Евдемъ, другъ и медикъ Ливіи, подъ предлогомъ искусства знавшій о тайнахъ. Сеянъ прогоняетъ изъ дому жену Аспикату, отъ которой родилъ трехъ дѣтей, чтобы не внушать подозрѣній любовницѣ. Но огромность преступленія приносила страхъ, а проволочка времени—нерѣшительность въ образѣ дѣйствій.

4. Между тѣмъ въ началѣ года Друзъ, изъ дѣтей Германика, принялъ мужскую тогу и повторено все то, что (по тому же случаю) сенатъ опредѣлилъ брату его, Нерону. Цезарь присоединилъ рѣчь, гдѣ много хвалилъ сына: «что онъ имѣетъ отеческое расположеніе къ дѣтямъ брата.» Такъ какъ Друзъ—хотя и весьма трудно, чтобы вмѣстѣ были и могущество и согласіе—былъ, по

общему убѣжденію, справедливъ въ отношеніи къ молодымъ людямъ (племенникамъ) или по крайней мѣрѣ не враждебенъ. За тѣмъ излагается старинное и нерѣдко уже притворно высказанное намѣреніе отправиться въ провинціи. Какъ предлогъ выставялъ императоръ «множество заслуженныхъ воиновъ и необходимость пополнить войска наборомъ, при недостаткѣ воиновъ «охотниковъ»; да будь таковыхъ и достаточное количество, ве-
«дутъ они себя не такъ хорошо и скромно, потому что по большей ча-
«сти нищіе и бродяги добровольно принимаютъ на себя военную
«службу.» Изложилъ вкратцѣ число легионовъ и какія провинціи ими оберегаются. Я полагаю, что и мнѣ также слѣдуетъ изложить: какія тогда Римскія войска были подъ оружіемъ, какіе цари союзниками и насколько тѣснѣе (теперешняго) простиралась власть (Римлянъ).

5. Италію съ того и другаго моря прикрывали два флота: у Мизена и Равенны и ближайшій берегъ Галліи окованныя въ носовой части мѣдью суда, которыя Августъ, взявъ послѣ Актіской побѣды, отослалъ въ Форумъ Юльскій съ сильнымъ составомъ гребцовъ. Но главныя силы были подлѣ Рейна—какъ готовая помощь вмѣстѣ и противъ Галловъ и Германцевъ—восемь легионовъ. Испаніи недавно усмиренныя, удерживаемы были тремя легионами. Мавровъ царь Юба принялъ какъ даръ народа Римскаго. Въ остальной Африкѣ было два легиона и такое же количество въ Египтѣ. За тѣмъ, начавъ съ Сиріи и до рѣки Евфрата, сколько ни есть тамъ необъятнаго пространства земель, все это защищалось четырьмя легионами. Союзди были цари: Иберскій, Албанскій и другіе, которые въ величій нашемъ находятъ себѣ защиту отъ другихъ державъ. Фракією владѣли: Реметалъ и дѣти Котиса; берега Дуная прикрывали два легиона въ Панноніи и два въ Мезіи; столько же помѣщено въ Долмаціи. Они, вслѣдствіе положенія провинціи съ тылу ихъ, могли быть, по близости разстоянія, вызваны въ Италію, если бы она нуждалась въ поспѣшной помощи. Хотя въ городѣ (Римѣ) находилось собственное войско: три когорты городскихъ, девять преторіанскихъ, набранныя почти все въ Этруріи, или Умбріи, или старинномъ Лаціѣ и поселеніяхъ издавна Римскихъ. Въ удобныхъ пунктахъ провинцій помѣщены были союзныя триремы, эскадры и резервы когортъ. Немного менѣе силъ заключалось въ нихъ; но изложить подробно невозможно съ точностью, такъ какъ вслѣдствіе потребностей времени они переходили туда и сюда, измѣнялись

въ числѣ и иногда уменьшались. Полагалъ бы кетати коснуться и прочихъ частей общественнаго дѣла какъ съ ними обращались до того дня, когда начало этого года принесло съ собою измѣненіе управленія Тиберія къ худшему. Начнемъ съ того, что дѣла общественныя и главнѣйшія изъ частныхъ находились въ вѣдѣніи сенаторовъ. Первымъ лицамъ въ государствѣ дозволялось разсуждать и впадавшихъ въ лѣсть воздерживалъ самъ Тиберій; раздавалъ почести, соображаясь съ знатностью предковъ, извѣстностью заслугъ на войнѣ и похвальною дѣятельностію дома, такъ что довольно ясно было, что иныхъ лучшихъ нѣтъ. Свое значеніе было у консуловъ, было у преторовъ. И второстепенныхъ должностныхъ лицъ власть имѣла силу; законы, помимо изслѣдованія объ оскорбленіи величества, въ хорошемъ употребленіи (примѣненіи). А хлѣбная поставка и сборы пошлинъ и другихъ общественныхъ доходовъ, находились въ завѣдываніи компаній всадниковъ Римскихъ. Дѣла свои (частныя) Цезарь препоручалъ людямъ въ особенности достойнымъ, а нѣкоторымъ и неизвѣстнымъ по доброй о нихъ молвѣ; разъ взятые оставались на мѣстахъ, совершенно безъ ограниченій и большая часть успѣвали состариться при однихъ и тѣхъ же занятіяхъ. Простой народъ нѣсколько страдалъ отъ недостатка хлѣбныхъ подводовъ, но въ томъ не было никакой вины государя, потому что онъ старался помочь безплодію земель, или суровости моря насколько только было возможно деньгами и дѣятельностію. И о томъ заботился, чтобы провинціи не были тревожимы новыми тягостями и прежнія переносили безъ корыстолюбія, или жестокости должностныхъ лицъ; не было ни тѣлесныхъ наказаній, ни отнятія имущества.

7. По Италіи рѣдки были земли Цезаря; количество рабовъ умѣренно; домашняя прислуга состояла изъ немногихъ отпущенниковъ; а въ случаѣ какихъ либо споровъ съ частными людьми, было публичное разбирательство по закону. Все это, хотя и не ласково, а по большей части, скрѣпя сердце и внушая опасенія, однако соблюдалъ (Тиберій), пока все это не измѣнилось вслѣдствіе смерти Друза. Пока онъ былъ живъ, оставалось все по старому, такъ какъ и Сеянъ, власть котораго еще только начиналась, хотѣлъ заслужить извѣстность совѣтами на добро, да и спасень былъ мститель (Друзъ), не скрывавшій свою ненависть и часто высказывавшій жалобы: «при бытности сына сотруди-
«комъ власти приглашается другой и много ли еще нужно, что-

«бы провозгласить его товарищем? Только первыя надежды государства затруднительны, а стоит вступить на этотъ путь, явятся усердные слуги: Устроены уже, по волѣ префекта, лагери; даны въ его руки войны; изображеніе его видѣется на памятникахъ Кн. Помпея. Общіе будутъ ему съ фамилією Друзовъ внуки. Послѣ этого остается только молить объ умѣренности, чтобы онъ, Сеянъ, удовольствовался всѣмъ этимъ.» Не рѣдко и не передъ многими высказывался такъ Друзъ и самыя тайны его, влѣдствіе испорченности жены, выходили наружу.

8. А потому Сеянъ, считая нужнымъ спѣшить, избралъ ядъ, медленное дѣйствіе котораго имѣло видъ случайной болѣзни. Ядъ давъ Друзу звнухомъ Лигдономъ, какъ это узнано черезъ восемь лѣтъ. Впрочемъ Тиберій, во всѣ дни болѣзни Друза не обнаруживалъ никакихъ опасеній, можетъ быть, для того, чтобы показать твердость духа; а когда Друзъ умеръ, но еще похороненъ не былъ. Тиберій вошелъ въ зданіе сената. Консуламъ, подъ видомъ печали сидѣвшимъ на простыхъ мѣстахъ, напомнилъ ихъ честь и мѣсто. И когда сенатъ разразился въ слезахъ, онъ, подавивъ стenanія, вмѣстѣ съ тѣмъ ободрилъ его связною рѣчью: «Не безъизвѣстно ему, что возможно даже въ вину ему поставить, что при такомъ еще свѣжестъ горѣ явился онъ передъ глаза сената. Большая часть «горюющихъ съ трудомъ переносятъ рѣчи близкихъ, едва взираютъ на свѣтъ дневный. И не надобно ихъ осуждать какъ за слабость; а онъ ищетъ болѣе сильныхъ утѣшеній изъ тѣснаго общенія съ «дѣломъ общественнымъ». Умилился онъ надъ преклонною старостью Августы, еще незрѣлымъ возрастомъ внуковъ и надъ уменьшеніемъ влѣдствіе лѣтъ собственныхъ силъ — просилъ: «вестить «дѣтей Германика какъ единственное утѣшеніе въ теперешнихъ «несчастіяхъ». Консулы вышли и ставятъ передъ Цезаремъ приведенныхъ ими молодыхъ людей, успокоивъ ихъ предварительно убѣжденіями. Держа ихъ, Тиберій сказалъ: «Отцы достоочтенные, «вотъ ихъ то, потерявшихъ отца, я передалъ было ихъ дядѣ и «умолялъ его, чтобы онъ, хотя имѣетъ и собственныхъ дѣтей, не «иначе какъ кровь свою ласкалъ и воспитывалъ, приготовляя ихъ «для себя и потомства. Такъ какъ теперь Друзъ похищенъ смертью, «то мольбы мои обращаю къ вамъ и заклиная передъ богами и «отечествомъ: примите, устройте правнуковъ Августа, отъ знамени- «тѣйшихъ родителей рожденныхъ; исполните вашу и мою обязан- «ность. А вамъ, Неронъ и Друзъ, они (сенаторы) будутъ вмѣсто «родителей. Вы такъ рождены, что и хорошее ваше и дурное не-

«раздѣльно съ судьбою общественною». Выслушано это съ большимъ плачемъ, а вслѣдъ за тѣмъ съ пожеланіями на лучшее. И удовольствуйся Тиберій тѣмъ только, что сказалъ, то исполнилъ бы онъ умы всѣхъ слышавшихъ сожалѣніемъ о немъ и похвалою; но, обратясь къ рѣчамъ пустымъ и столько уже разъ осмѣяннымъ: «о возстановленіи общественнаго управленія и чтобы во главѣ его «стали консулы или иной кто-либо», тѣмъ самимъ отнял вѣру къ тому, что было въ его словахъ правдиваго и честнаго. Въ память Друза опредѣлено все тоже, что и относительно Германика, а очень много и прибавлено, какъ обыкновенно любить позднѣйшая (по времени) лесть. Похороны въ особенности отличались обиліемъ изображеній, такъ какъ родоначальникъ семейства Юліевъ Эней, всѣ цари Албанцевъ и строитель города, Ромуль, за тѣмъ знатный Сабинецъ Аттъ Клавзъ и прочія изображенія Клавдіевъ—виднѣлись длиннымъ рядомъ.

10. Передавая смерть Друза я привелъ то, что передано большою частью писателей наиболѣе заслуживающихъ вѣры, но не могу опустить слухъ того времени до того сильный, что и до сихъ поръ онъ не могъ изгладиться: «соблазнивъ на преступленіе Ливію, Сеянъ привязалъ къ себѣ духъ знуча Лигда преступною «связью: тотъ и возрастомъ и наружностью былъ дорогъ господину «и былъ у него въ числѣ первыхъ служителей; потомъ, когда «единомышленники уладили между собою и время и мѣсто отравленія, дошелъ (Сеянъ) до такой дерзости, что съ себя свернулъ «и тайнымъ показаніемъ уличая Друза въ намѣреніи отравить «отца, предупредилъ Тиберія уклониться отъ питья, которое будетъ ему во время его пиршества у сына предложено первое. «Вслѣдствіе этого обмана, старецъ, принявъ участіе въ пиршествѣ, «взявъ чашу, передалъ ее Друзу, а тотъ, ничего не зная, выпилъ «съ веселостью свойственною его молодости и тѣмъ усилилъ подозрѣніе, будто бы отъ страха и стыда причинилъ самъ себѣ «смерть, которую готовилъ было отцу».

11. Ну кто же бы сколько нибудь благоразумный, а не только Тиберій, приобрѣтшій опытность въ дѣлахъ самыхъ важныхъ—не выслушавъ, сына отдавалъ бы его на гибель и притомъ собственноручно и безъ всякой возможности поправить дѣло? Не скорѣе ли бы передалъ пыткамъ подавшаго ядъ, старался бы отыскать виновниковъ и при врожденной, даже относительно чужихъ медлительности и нерѣшимости, отступилъ бы отъ нихъ дѣйствуя противъ единственнаго сына, до тѣхъ поръ ни въ чемъ дурномъ не

уличеннаго. Но такъ какъ Сеяна считали виновнымъ во всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ, то вслѣдствіе излишняго къ нему расположенія Цезаря и ненависти остальныхъ къ нимъ обоимъ (Цезарю и Сеяну)—вѣрили самымъ нелѣпнымъ выдумкамъ: такъ какъ и молва принимаетъ всегда огромные размѣры въ томъ, что касается обстоятельствъ смерти повелителей. Впрочемъ самый ходъ преступленія, обнаруженный Апикиатою Сеяна (женою), раскрытъ вслѣдствіе пытки Евдема и Лигда. Да и не нашлось писателя столь неприязненнаго, который ставилъ бы это въ вину Тиберію, все прочее отыскивая и подбирая. А я же счелъ нужнымъ привести этотъ слухъ и обличить его несостоятельность, чтобы нагляднымъ примѣромъ опровергнуть ложные толки и я просилъ бы тѣхъ, въ руки которыхъ дойдетъ этотъ мой трудъ — не предпочитать распространенное въ народѣ и тѣмъ съ большею жадностью принятое, чѣмъ оно невѣроятнѣе—истинѣ, какъ бы она проста ни казалось собственно: неиспорченной въ чудесное.

12. Впрочемъ, когда Тиберій передъ Рострами говорилъ похвальное слово сыну, сенатъ и народъ приняли и въ наружности и въ голосѣ видъ скорбящихъ, но болѣе притворно, чѣмъ по добровольному побужденію, а въ душѣ радовались, что домъ Германика вновь приобретаетъ значеніе. Эти начатки народнаго расположенія и то, что мать Агриппина плохо прикрывала надежды, ускоряло гибель. Сеянъ, видя что смерть Друза осталась его убійцамъ неотмщенной, да и не имѣла послѣдствіемъ общественной печали, дерзкій на преступленія именно потому, что первое удалось—сталъ самъ собою обдумывать—какимъ бы способомъ известить дѣтей Германика, наслѣдованіе которыхъ было внѣ всякаго сомнѣнія. Да и невозможно было дѣйствовать ядомъ на трехъ, при испытанной вѣрности ихъ дядекъ и неприкосновенномъ цѣломудріи Агриппины. А потому сталъ онъ преслѣдовать ее заочными наговорами, раздувая старинную ненависть Августы и дѣйствуя на еще свѣжее сознаніе Ливіи—чтобы они обличали передъ Цезаремъ: «гордится же она своимъ плодородіемъ, жадничаетъ власти, «опираясь на расположеніе народа». Такія рѣчи отъ хитрыхъ клеветниковъ (въ число ихъ выбралъ Сеянъ Юлія Постума, черезъ прилюбоудѣйную связь съ Мутиліею Прискою попавшаго въ число приближенныхъ бабки и его намѣреніямъ наиболѣе пригоднаго, потому что Приска имѣла сильное вліяніе на душу Августы) старуху, отъ природы дрожавшую за власть, отчуждали отъ невѣсты.

Близкихъ къ Агриппинѣ лицъ склоняли—злосамѣренными рѣчами призывать и безъ того надменное расположеніе ея духа.

13. Тиберій, нисколько не оставивъ заботы о дѣлахъ—самыя занятія служили ему утѣшеніемъ, обсуждалъ права гражданъ, прошенія союзниковъ. Состоялись, по его предложенію, сенатскія опредѣленія: «городу Цибиратикъ въ Азіи, Эгіѣ въ Ахайѣ, разрушеннымъ землетресеніемъ оказать помощь освобожденіемъ отъ повинностей на три года». Вибій Серенъ, проконсулъ дальней Испаніи, виновный въ насиліи общественномъ, осужденъ за суровость нравовъ и отправленъ въ ссылку на островъ Аморгъ. Карсидій священнослужитель, обвиненный въ томъ, будтобы онъ хлѣбомъ помогалъ неприятелю нашему, Такфаринату, оправданъ; въ томъ на обвиненіи оправданъ и К. Гракхъ. Его, товарища ссылки, въ раннемъ еще дѣтствѣ, взялъ съ собою отецъ Семпроній на островъ Церцину. Взросъ онъ тамъ среди изгнанниковъ, чуждыхъ высшаго образованія, прокармливался кое какъ, промѣнивая по Африкѣ и Сицилиі товары самые простые; но не ушелъ отъ опасности великаго имени. Еслибы его невиннаго не защитили Элій Ламія и Л. Апроній, управлявшіе Африкою—погибъ бы онъ жертвою знатности несчастнаго рода и отцовскихъ бѣдствій. И въ этомъ году были посольства Греческихъ городовъ: Самосцы просили за Юоны, а Коосцы за Эскулапа храмомъ утвердить старинное право пріюта. Самосцы основывались на декретъ Амфитріоновъ, у которыхъ сосредоточено было главное сужденіе обо всѣхъ дѣлахъ въ то время, когда греки построивъ по Азіи города, владѣли морскимъ прибрежьемъ. Въ родѣ этой древности была и у Коосцевъ, но присоединялась еще чисто мѣстная заслуга. Коосцы ввели въ храмъ Эскулапія гражданъ Римскихъ, когда они, по приказанію царя Мидридата, избиваемы были по всѣмъ островамъ и городамъ Азіи. За тѣмъ послѣ разнообразныхъ и часто бесполезныхъ жалобъ преторовъ, наконецъ Цезарь доложилъ: «о невоздержности актеровъ, «многие они стараются дѣлать въ обществѣ возмутительнаго, дома «гнуснаго. Забава, взятая нѣкогда отъ Осковъ, доставляющая народу пустѣйшее препровожденіе времени, дошла до такой зловередной силы, что необходимо ее подавить властью сената». Тогда актеры изгнаны изъ Италіи.

15. Тотъ же годъ принесъ еще горе Цезарю—похитивъ одного изъ родившихся было у Друза двоюшекъ, и не менѣе смертью друга. То былъ Луцилій Лонгъ, товарищъ его бѣдствій и удачъ, единственный изъ сенаторовъ, сопровождавшій его

при удаленіи на Родосъ. А потому, хотя новому человѣку—сенаторы опредѣлили: похороны цензорскіе, изображеніе на форумѣ Августа и все это на общественныя деньги. Въ то время въ сенатѣ были сосредоточены все дѣла до такой степени, что когда прокураторъ Азіи, Луцилій Капито, обвиняемый провинціею, защищался, то государь завѣрялъ сильно: «далъ онъ ему только права распоряженія на рабовъ и свои частныя средства; «если же онъ присвоилъ себѣ власть претора и пользовался трудами воиновъ, то этимъ пренебрегъ онъ его порученія, пусть «выслушаютъ союзниковъ.» По изслѣдованіи дѣла, подсудимый осужденъ. За эту строгость и то, что въ прошломъ году также строго поступлено съ К. Силапомъ, города Азіи опредѣлили храмъ Тиберію, матери его и сенату. Получивъ дозволеніе, воздвигли. Въ этомъ дѣлѣ благодарилъ Неронъ сенаторовъ и отца, при общемъ къ нему расположеніи слушателей; по свѣжей еще памяти Германика, полагали что его видятъ, его слышатъ. Молодой человѣкъ обладалъ скромностью и красивою наружностью, достойною его высокаго положенія: знали и ненависть къ нему Сеяна, а потому и самая опасность увеличивала къ нему участіе.

16. Около этого же времени Цезарь изложилъ: о фламинѣ Діалъскомъ (Юпитера), котораго предстоитъ выбрать на мѣсто умершаго Сервія Малугиненза и о необходимости издать новый законъ: «по древнему обычаю назначаемы были вмѣстѣ три патриція, происходящіе отъ родителей, соединенныхъ бракомъ «съ обрядами конфарреации съ тѣмъ, что изъ нихъ долженъ «быть выбранъ одинъ (фламиномъ). А теперь нѣтъ уже въ нихъ «такого изобилія, какое было прежде, вслѣдствіе пренебреженія «обычаемъ конфарріации, который сохранили весьма немногіе. «Приводилъ многія причины этому дѣлу; но главная—незаботливость о томъ самихъ мушьянъ и женщинъ. Присоединяются и «затрудненія самой церемоніи, такъ что намѣренно отъ нихъ «уклоняются, тѣмъ болѣе что освобождался отъ права отцовскаго, кто получалъ фламинство, а также и та, которая доставалась «въ руки фламينا. А потому необходимо пособить сенатскимъ «декретомъ или закономъ; такъ и Августъ многое изъ той суровой древности примѣнилъ къ теперешнему употребленію.» Вслѣдствіе этого, обсудивъ эти религіозныя вопросы—постановили: «въ установленіи фламиновъ не дѣлать никакой перемѣны.» Но изданъ законъ, по которому «фламиника Діалъская (Юпи-

«терова) въ отношеніи священнодѣйствій должна находиться во «власти мужа; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ пользоваться общими правами со всѣми женщинами.» Сынъ заступилъ мѣсто отца Малугиненза. А чтобы распространялось уваженіе къ священнослужителямъ и чтобы они изъявляли болѣе усердія къ исполненію церемоній, опредѣлено Корнелію дѣвицѣ, которая была назначена на мѣсто Скантии 20 сестерціевъ и чтобы Августа великой разъ какъ входитъ въ театръ, имѣла бы мѣсто сидѣть между весталокъ.

17. Въ консульство Корнелія Цетега и Визеялія Варрона первосвященники и по ихъ примѣру прочіе священнослужители, возсылая мольбы за здоровье государя—Нерона и Друза препоручили въ милость тѣхъ же боговъ, не столько изъ расположенія къ этимъ молодымъ людямъ, сколько изъ лести, а она, при испорченности нравовъ одинаково опасна и совершеннымъ отсутствіемъ, и излишествомъ. Тиберій, не могшій когда либо смягчаться относительно семейства Германика, не могъ перенести, что отроковъ приравниваютъ его старости и огорчился этимъ. Призвавъ первосвященниковъ, спрашивалъ: «уступили ли они въ этомъ случаѣ просьбамъ Агриппины или угрозамъ?» Хотя они и запирались, но въ умѣренныхъ выраженіяхъ получили выговоръ (большая часть ихъ были изъ его же близкихъ или знатнѣйшія лица государства). Впрочемъ, и въ сенатѣ онъ внушалъ рѣчью на будущее время: «легко подвижные умы молодыхъ людей преждевременными почестями не возбуждать къ гордости.» Сеянь между тѣмъ, настаивалъ, обличая: «общество раздѣлилось какъ бы въ междуусобной войнѣ. Есть люди, сами себя называющіе сторонниками Агриппины и если не оказать противудѣйствія будетъ ихъ гораздо больше и нѣтъ другаго средства остановить вкрадывающійся раздоръ, какъ ниспровергнуть того или другаго изъ наиболѣе усердныхъ.

18. По этой причинѣ нападаетъ онъ на К. Силія и Тиція Сабина. Дружба Германика послужила на гибель тому и другому. А такъ какъ Силій, въ теченіи семи лѣтъ завѣдывалъ огромнымъ войскомъ и побѣдитель въ войнѣ съ Сакровиромъ заслужилъ почести триумфа надъ Германією, то чѣмъ чувствительнѣе было бы его паденіе, тѣмъ болѣе страха распространилось бы на другихъ. Большинство было того убѣжденія, что раздраженіе противъ себя усилилъ невоздержностью, неумѣренно хвалясь: «что его войны остались вѣрны долгу, когда остальные увлече-

«ны были къ возмущенію и не осталось бы власти Тиберію, если бы и этими легионами овладѣло стремленіе къ нововведеніямъ.» Цезарь полагалъ, что такія слова сокрушаютъ его счастье и ставятъ его въ неоплатный долгъ къ такой заслугѣ. «Благодѣянія пріятны до тѣхъ поръ, пока повидимому можно «отплатить за нихъ; но когда же они зашли слишкомъ далеко, «то вмѣсто благодарности платятъ ненавистью.»

19. У Силіа была жена Созія Галла, любовь Агрипины дѣлала ее ненавистною государю. Положено за нихъ взяться, отложивъ до время дѣло Сабина: напущень консулъ Варронъ; онъ подъ предлогомъ еще отцовской неприязни, съ собственнымъ безславіемъ старается подслужиться ненависти сената. Подсудимый просилъ: «немного отсрочки, пока обвинитель оставитъ консульство.» Цезарь воспротивился: «въ обычай и лицамъ должностнымъ при-«зывать къ суду частныхъ лицъ; и не слѣдуетъ нарушать пра-«во консуловъ, на бдительности котораго лежитъ отвѣтственность «какъ бы дѣло общественное не понесло какого урона.» Свой-«ственно было Тиберію вновь придуманныя преступленія прикрывать выраженіямъ древними. А потому съ большою настойчивостью, какъ будто бы и съ Силіемъ поступали на основаніи законовъ, и Варронъ былъ дѣйствительно консулъ, и порядковъ общественный былъ все тотъ же что прежде, созываются сенаторы. Подсудимый молчалъ, да если бы онъ и началъ защиту, то ясно было, чей гнѣвъ его гнѣтетъ. Въ вину ставили: «зналъ «онъ о приготовленіяхъ къ войнѣ Сакровира, но долго скрывалъ, побѣду, осквернилъ жадностью и жену Созію.» Сомнѣнія не было въ захватѣ ими чужихъ денегъ; но все шло, согласно требованіямъ закона въ оскорбленіи величества и Силій неизбежное осужденіе предупредилъ добровольнымъ концомъ.

20. Строго поступлено и съ его имуществомъ, но не съ тѣмъ, чтобы возвратить деньги заслужившимъ: о томъ никто изъ нихъ не просилъ, но и отняты плоды щедрости Августа, при чемъ тщательно сосчитано сколько именно слѣдуетъ въ казну. Это первая была заботливость Тиберію относительно (присвоенія) чужихъ денегъ. Созія прогнана въ ссылку, по мнѣнію Азинія Галла, а тотъ полагалъ; «часть имущества въ казну, а часть оставитъ дѣтямъ.» Напротивъ М. Лепидъ призналъ нужнымъ: «чет-«вертую часть дать обвинителямъ согласно требованію закона, «остальное дѣтямъ.» Объ этомъ Лепидъ я достовѣрно узналъ, что въ тѣ времена онъ былъ человѣкъ почтенный и умный.

Очень многое отъ жестокой услужливости другихъ, обратилъ на лучшее. Да и не имѣлъ онъ надобности скрывать свой характеръ, пользуясь у Тиберія справедливымъ вліяніемъ и расположеніемъ. Все это вынуждаетъ меня думать, что судьбою и жребіемъ рожденія предопредѣлено какъ и все прочее, такъ и расположеніе государей къ однимъ, немилость къ другимъ. Или что нибудь зависитъ отъ нашихъ соображеній и предстоитъ возможность между грубымъ осужденіемъ и гнусною угодливостью, идти своимъ путемъ, чуждаясь честолюбія и опасностей. А Мессалинъ Котта, неменьше знатный родомъ, но совсѣмъ другаго характера, подалъ мнѣніе: «необходимо предусмотрѣть сенатскимъ декретомъ, чтобы какъ бы ни были невинные должностныя лица, не зная о чужой винѣ, но по обвиненіямъ женъ за ихъ дѣйствія въ провинціяхъ, подлежали бы отвѣтственности какъ за собственные.»

21. Потомъ толковали о Кальпурніѣ Пизонѣ, человѣкѣ знатномъ и смѣломъ. Онъ то, какъ я изложилъ выше, кричалъ въ сенатѣ, что удалится изъ города, велѣдствіе происковъ обвинителей и дерзнулъ, презрѣвъ властью Августы, привлечь къ суду Ургуланію, вызвавъ ее изъ дому государя. Въ то время Тиберій снесъ это какъ слѣдуетъ гражданину, но въ душѣ подавленный гнѣвъ, хотя сила оскорбленія и ослабѣла отъ времени, обновлялся воспоминаніемъ. К. Граній обвинилъ Пизона въ тайныхъ бесѣдахъ, оскорбительныхъ для величества, и прибавилъ: «въ домѣ его есть ядъ и онъ, опоясанный мечемъ, входитъ въ скуру.» Впрочемъ это обстоятельство, какъ съ истиною далеко несогласное, опущено; въ остальномъ же—а много было взвѣдимо на него обвиненій, признанъ подсудимымъ, но судимъ не былъ, но случаю пришедшей кстати смерти. Доложено и объ изгнанникѣ Кассіѣ Северѣ; низкаго происхожденія, зловредной жизни, но мастеръ говорить—вызвавъ безмѣрную противъ себя неприязнь достигъ того, что по приговору присяжнаго сената удаленъ въ Критъ а тамъ, продолжая дѣйствовать по прежнему, обратилъ на себя и прежнія и новыя чувства ненависти; лишенный имущества, устранимый отъ огня и воды, состарился на Серифійскомъ утесѣ.

22. Въ это же время преторъ Плавтій Сильванъ по неизвѣстной причинѣ сбросилъ жену свою Апронію черезъ голову. Повлеченный къ Цезарю тестемъ своимъ Л. Апропіемъ смутясь отвѣчалъ, что онъ былъ отягченъ своимъ и ничего не знаетъ, а жена сама

себѣ причинила смерть. Немедленно Тиберій отправился въ домъ, осмотрѣлъ спальню, а тамъ были видны слѣды борьбы и драки. Докладываетъ сенату; назначены судьи, тогда Ургуланиа, бабка Сильвана, посылаетъ внуку кинжалъ. И это въ общемъ мнѣніи такъ и принято, что сдѣлано, по внушенію государя, вслѣдствіе дружественныхъ отношеній Августы къ Ургуланиа. Подсудимый, послѣ тщетной попытки лишить себя жизни желѣзомъ (кинжаломъ), далъ себѣ разрѣзать жилы. Вслѣдъ затѣмъ обвинена Нумянтина, первая его жена въ томъ, будто бы она наговорами и отравками набросила на мужа безумство—судъ нашелъ что она невинна.

23. Наконецъ этотъ только годъ освободилъ народъ Римскій отъ продолжительной войны противъ Нумида Такфарината. Бывшіе съ тѣхъ перъ вожди, какъ только полагали, что достаточно сдѣлали для полученія почестей триумфа—оставляли непріятели. Уже въ Римѣ было три статуи увѣнчанныхъ лаврами, а Африку все еще опустошалъ Такфаринатъ, усиленный содѣйствіемъ тѣхъ изъ Мавровъ, которые при Птоломеевѣ, сынѣ Юбы, вслѣдствіе молодости еще неопытномъ въ дѣлахъ, промѣняли царскихъ отпущенниковъ и рабское господство на войну. У него былъ укрывателемъ добычи и товарищемъ опустошеній—царь Гарамантовъ и не тѣмъ, чтобы онъ наступалъ съ войскомъ, но посылалъ легковооруженныя войска, а вдали о нихъ распространялся слухъ преувеличенный. Да и изъ самой провинціи люди неимущіе, безпокойные по характеру, спѣшили съ готовностью, такъ какъ Цезарь, послѣ дѣйствій Влеза, какъ будто бы въ Африкѣ уже нѣтъ никакого непріятели, отдалъ приказаніе вывезти девятый легіонъ. И проконсулъ этого года П. Долабелла не осмѣлился удержать—опасаясь болѣе приказаній государя, чѣмъ неизвѣстныхъ случайностей войны.

24. А потому Такфаринатъ, распространивъ слухъ: «Римлянъ «терзаютъ и другіе народы и, вслѣдствіе этого, они мало по малу «оставляютъ Африку; а остальные могутъ быть окружены, если на- «лягутъ на нихъ всѣ, кому свобода дороже рабства», умножаетъ силы и поставивъ лагерь, осаждастъ городъ Тубускъ. А Долабелла, стянувъ воиновъ сколько было, ужасомъ имени Римскаго и вслѣдствіе того, что Нумиды не могутъ выносить дѣйствія пѣхоты—первымъ наступательнымъ движеніемъ заставилъ снять осаду и укрѣпилъ всѣ удобныя для того мѣста. вмѣстѣ старѣйшинъ Музуланскихъ, приступавшихъ въ отпаденію, казнилъ отсѣченіемъ головъ. Потомъ—такъ какъ извѣдано многими противъ Такфарината походами, что непріятели блуждающаго невозможно застигнуть од-

нимъ движеніемъ, да и притомъ тяжелаго войска. Вызванъ и царь Птоломей съ его соотечественниками; изготовлено четыре отряда, ввѣренныя трибунамъ или легатамъ; а отряды для грабежа поведены отборными изъ Мавровъ; самъ (Долабелла) является для всѣхъ совѣтникомъ.

25. Немного спустя приносятъ извѣстіе: «Нумиды, разставивъ «налатки, расположились у полуразрушеннаго укрѣпленія, ими же «когда то преданнаго огню, которому названіе—Авзеа; полагаются «они на мѣстность, будучи замѣнуты отовсюду обширными лѣсами». Тогда легкія когорты и эскадроны, сами не зная въ какую сторону ихъ поведутъ, отправляются въ поспѣшный походъ. вмѣстѣ начался день и при звукѣ трубъ и грозныхъ крикахъ бросились на полусонныхъ дикарей, а лошади Нумидовъ были или стреножены или блуждали по разнымъ пастбищамъ. Со стороны Римлянъ сплошная масса пѣхоты, конные отряды въ порядкѣ, все приготовлено къ бою; а напротивъ у непріятелей, ничего не знавшаго, ни оружія, ни устройства, ни плана дѣйствія, но, подобно скоту, ихъ увлекаютъ, убиваютъ, берутъ въ плѣнъ. Воинъ раздраженъ памятью трудовъ и сраженія столько разъ желаннаго, но отъ котораго они уклонялись, а потому насыщался въ волю мщеніемъ и кровью. Разносится по рядамъ: «пусть они всѣ преслѣдуютъ Такфарината, «знакомаго уже имъ по столькимъ сраженіямъ; отдохновеніе отъ «войны будетъ только когда убьютъ вождя». А онъ—окружавшіе его были разбросаны и сынъ уже связанъ—со всѣхъ сторонъ стремились Римляне—бросился на оружіе и избѣжалъ плѣна не безъ отмщенія.

26. Таковъ былъ конецъ военныхъ дѣйствій. На просьбу Долабеллы триумфа, Тиберій отказалъ, дѣлая это для Сеяна, какъ бы не затмилась слава его дядюшки, Влеза; но Влезъ не сдѣлался оттого знаменитѣе, и отказанная почеть увеличила славу Долабеллы, такъ какъ онъ съ меньшимъ войскомъ вывезъ знатныхъ плѣнныхъ, смерть вождя и убѣжденіе войны къ концу приведенной. Послѣдовали и послы Гарамантовъ; рѣдко видали ихъ въ городѣ Римѣ; ихъ, по смерти Такфарината, прислалъ съ удовлетвореніемъ народу Римскому народъ, пораженный страхомъ и несознававшій за собою вины. Когда узнали объ усердномъ участіи Птолемея въ этой войнѣ—возобновленъ обычай древности и посланъ изъ числа сенаторовъ—вручить ему скипетръ изъ слоновой кости, разрисованную тогу—старинныя подарки сената и привѣтствовать его названіемъ царя, союзника и друга.

27. Въ этомъ же году возникшіе было въ Италіи зачатки возстанія рабовъ подавилъ случай. Виновникъ возмущенія Т. Куртизіи, нѣкогда воинъ преторіанской когорты, сначала на тайныхъ сходкахъ въ Брундизиѣ и окружающихъ городахъ, потомъ выставленными явно объявленіями призывалъ къ свободѣ рабовъ; разсѣянные по обширнымъ лѣсамъ они были дики и грубы: тутъ, какъ бы даромъ боговъ причалили три биремы (судна о двухъ рядахъ весель), на случай надобности переѣзжающимъ это море. И въ этихъ сторонахъ находился квесторъ Курцій Лупъ, которому, по старинному обычаю, досталась провинція Калесъ. Онъ расположивъ экипажемъ этихъ судовъ, разсѣялъ возмущеніе, начавшее было распространяться очень сильно. Цезаремъ посланъ послѣднимъ Стаій трибунъ съ сильнымъ отрядомъ; онъ вождя самого и ближайшихъ къ нему по дерзости (готовности на все) повлекъ въ городъ, уже трепетавшій вслѣдствіе множества прислуги, а со дня на день уменьшалось количество свободнаго простаго народа.

28. При тѣхъ же консулахъ—возмутительный примѣръ строгости и бѣдствій—подсудимый отецъ, обвинитель сынъ—и того и другаго звали Вибіемъ Сереномъ—введены въ сенатъ. Возвращенный изъ ссылки, пылью и грязью покрытый, и въ то время цѣпью скованный отецъ по просьбѣ сына. А молодой человѣкъ, весьма заботливо украсившій свою наружность и съ веселымъ лицомъ: «устроены противъ государя ковы и посланы въ Галлію подстрекатели войны»—высказывалъ онъ же—доносчикъ, онъ же—свидѣтель и присоединялъ, что «Цецилій Корнутъ, бывшій преторъ, давалъ на то деньги». И онъ (Цецилій), скучая заботами и такъ какъ опасность самая считалась гибелью, ускорилъ самъ себѣ смерть. Напротивъ подсудимый, нисколько не падая духомъ, обратясь къ сыну, потрясалъ цѣпями, призывалъ «боговъ, мстителей, пусть ему «возвратятъ ссылку, гдѣ онъ будетъ жить по прежнему; сыну же «когда нибудь послѣдуетъ наказаніе». Утверждалъ: «Корнутъ невиненъ и ложно приведенъ въ ужасъ и это легко будетъ понять, «если представятъ другихъ; не могъ же онъ замышлять убійство «государя и нововведенія съ однимъ товарищемъ».

29. Тутъ обвинитель наименовалъ Кн. Лентуллу и Сеія Туберона къ большому стыду Цезаря, такъ какъ первыя лица въ государствѣ, приближенные его друзья—Лентуллъ уже чрезвычайно старый человѣкъ, а Туберонъ съ искалѣченнымъ тѣломъ—призывались въ непріязненныхъ смутахъ и ниспроверженіи общественнаго порядка. Но они, по крайней мѣрѣ, тотчасъ же изъяты. Относи-

тельно отца (Серена) допросили пыткой рабовъ и ихъ показанія были противъ обвинителя. И тотъ, робкій отъ самаго преступленія, вмѣстѣ приведенный въ ужасъ толками народа, грозившими ему страшною темницею—утесомъ или казнью отцеубійцъ, возвращенный изъ Равенны, вынужденъ провестъ до конца обвиненіе; а Тиберій не скрывалъ старинную ненависть противъ изгнанника Серена. Послѣ осужденія Либона, онъ послалъ къ Цезарю письмо, въ которомъ упрекалъ его, что «одного его усердіе осталось безплоднымъ» и прибавилъ кое что рѣзче, чѣмъ насколько это было безопасно слуху надменному и расположенному къ обидчивости. Цезарь это припомнилъ и черезъ восемь лѣтъ, разнообразно ставя ему въ вину и прошедшее съ тѣхъ поръ время, если бы даже узорныя пытки рабовъ свидѣтельствовали совершенно противное.

30. Потомъ когда высказывались мнѣнія, Тиберій, желая смягчить неудовольствіе, заступился, требуя, чтобы Серенъ былъ наказанъ по обычаю предковъ. Галлъ Азиній подалъ мнѣніе, что нужно его (Серена) заключить на Гіаръ или Донузу — и этимъ пренебрегъ, приводя: «что тотъ и другой островъ имѣетъ недостатокъ «въ водѣ, а надобно дать возможность пользоваться жизнью тѣмъ «кому она дается.» Такимъ образомъ Серенъ отправленъ въ ссылку въ Аморгъ. А такъ какъ Корнуть палъ отъ своей руки, то и предложено: «объ отмѣнѣ награды обвинителемъ, если кто будучи «призванъ къ суду въ оскорбленіи величества, самъ себя лишитъ «жизни.» Соглашались было сенаторы на это мнѣніе, если Цезарь въ выраженіяхъ рѣзкихъ, противъ своего обычая, явно за обвинителей, жаловался: «безполезны законы и общественный порядокъ «въ опасности; пусть лучше уничтожатъ права, чѣмъ удалятъ ихъ «блюстителей.» Такимъ образомъ доносчики, родъ людей найденный на гибель общества и наказаніемъ никогда достаточно не обузданный—поощряемы были наградами.

31. При такомъ постоянствѣ направленія грустномъ вызвало умѣренную радость то, что Цезарь—К. Коминія, всадника Римскаго, уличеннаго въ сочиненіи ругательнаго противъ него стихотворенія—простилъ по просьбѣ брата, бывшаго сенаторомъ. И тѣмъ удивительнѣе кажется, что зная лучшее и то, какая слава слѣдуетъ за милосердіемъ—предпочиталъ направленіе болѣе печальное. Да и въ числѣ его недостатковъ не было полного равнодушія ко всему. И не составляетъ тайны, когда правдиво и когда съ отгнѣнкомъ радости дѣянія Императоровъ прославляются. Да и самъ Тиберій, въ другихъ случаяхъ принужденно и какъ бы черезъ силу находя

выраженія, говорилъ быстрѣе и развязнѣе, когда предстояло явиться кому нибудь на помощь. А относительно П. Суллія, вѣкогда квестора Германика, когда его удаляли изъ Италиі, убѣжденный, что онъ за сужденіе дѣлъ бралъ деньги, подаль мнѣніе, что необходимо его удалить на островъ, а съ такимъ напряженіемъ духа, что и клятвою обязалъ: такъ поступить требуютъ интересы государства. Такое распоряженіе съ неудовольствіемъ принятое тогда, въ послѣдствіи обратилось въ похвалу; по возвращеніи Суллія послѣдовавшее поколѣніе видѣло его на верху могущества продажнымъ и дружбою Клавдія, главы государства, пользовался онъ долго и благополучно, но никогда хорошо. Тоже наказаніе назначено сенатору Катю Фирмію—будтобы онъ ложными обвиненіями въ оскорбленіи величества преслѣдовалъ сестру. Катъ, какъ я привелъ выше, сначала опуталъ ковами Либона, потомъ поразилъ его судебнымъ преслѣдованіемъ. Тиберій, помня это его содѣйствіе, но подъ другими предлогами—упросилъ его несылать, а не противился, чтобы его прогнали изъ сената.

32. Большая часть того, что я привелъ и привожу можетъ быть покажутся незначительными и недостойными памяти; это мнѣ не безызвѣстно; но никто же лѣтописей нашихъ и не станетъ сравнивать съ писаніемъ тѣхъ, которые изложили старинныя дѣянія народа Римскаго. Въ свободномъ изложеніи припоминали они громадныя войны, взятія городовъ, пораженія и плѣны царей или, обращаясь къ дѣламъ внутреннимъ, раздоры консуловъ противъ трибуновъ, законы поземельные и продовольственные, борьбу между народомъ и знатью. Нашъ же трудъ и тѣсенъ, и неблагодаренъ. Миръ ничѣмъ ненарушенный или чуть возмущенный, грустныя дѣла въ Римѣ, а государь—неохотникъ расширять границы владѣній. Но не бесполезно будетъ вникнуть въ то, что незначительное съ перваго взгляда нерѣдко служитъ зародышемъ великихъ переворотовъ.

33. Всѣ народы и города управляются или гражданами, или знатью, или однимъ. Форма правленія изъ этихъ трехъ выбрана и составлена скорѣе можетъ быть предметомъ похвалы, чѣмъ осуществиться на дѣлѣ, а если и осуществляется, то не можетъ быть долговременною. А потому какъ вѣкогда при могуществѣ простаго народа или перевѣсѣ сенаторовъ—необходимо было изучить характеръ народа и какими способами надобно было дѣйствовать на него благоразумно; сената и аристократовъ умы, наилучше изучившіе, считались умными и знакомыми съ обстоятельствами времени. Такимъ образомъ при со-

вершенной перемиѣнѣ обстоятельствъ и такомъ положеніи дѣлъ Римскихъ, что вся власть сосредоточилась въ рукахъ одного — изыскать и передать то не будетъ чуждымъ предмета, такъ какъ немногіе разумно отдѣляютъ честное отъ дурнаго, полезное отъ вреднаго. Большинство же научается только тѣмъ, что случится съ другими. Впрочемъ, хотя и полезные уроки въ будущемъ представляютъ въ настоящемъ мало занимательнаго. Описанія народовъ чужеземныхъ, разнообразія сраженій, знаменитые исходы вождей занимаютъ и ободряютъ умы читающихъ; а мы соединяемъ жестокія повелѣнія, ложныя дружбы, гибель невинныхъ и тѣже причины ихъ гибели; тотчасъ же слѣдуетъ пресыщеніе этими разказами похожими одинъ на другой. Притомъ же древнихъ писателей рѣдко кто станетъ осуждать и никому нѣтъ дѣла на чьей сторонѣ будетъ твое расположеніе—Римскихъ ли или Кароегенскихъ войскъ, а многихъ, которые, въ царствованіе Тиберія, подверглись казни или безславію остаются потомки. Даже еслибы самыя роды уже и перевелись, найдешь и такихъ, которые, похожіе нравственностью, чужія злодѣянія сочтутъ брошеннымъ себѣ упрекомъ.—Даже слава и доблесть вызываетъ недоброжелательство, какъ бы изъ слишкомъ близкаго прошлаго представляя въ упрекъ совѣмъ другое. Но возвращусь къ тому, что началъ.

34. Въ консульство Корнелія Косса и Азинія Агриппы—призванъ на судъ Кремуцій Кордъ въ преступленіи новомъ и тогда въ первый разъ услышанномъ—за то: «что онъ, издавъ лѣтописи «и похваливъ М. Брута, назвалъ К. Кассія послѣднимъ Римляниномъ». Обвинителями были Сатрій Секундъ и Пинарій Натта, кліенты Сеяна. Это было губительно для подсудимаго, и Цезарь съ лицомъ непріязненнымъ встрѣтилъ защиту. А Кремуцій, убѣжденный въ необходимости оставить жизнь, началъ въ такомъ смыслѣ: «обличаются слова мои, отцы достопочтенные; слѣдовательно «дѣйствіемъ я невиновенъ. Да и тѣ (слова) не противъ государя «или его родныхъ, которыхъ объемлетъ законъ величества. Миѣ «говорятъ, что я похвалилъ Брута и Кассія; объ ихъ дѣлахъ «писали многіе, но никто не упоминалъ безъ похвалы. Титъ Ли- «вій, занимающій первое мѣсто по знаменитости краснорѣчія и «достоверности, превознесъ Кн. Помпея такими похвалами, что «Августъ его назвалъ Помпеевымъ, а, впрочемъ, это не повредило «ихъ дружественнымъ отношеніямъ. Сципіона, Афранія, этого са- «маго Касія, этого Брута, нигдѣ не именуетъ разбойниками и «отцеубійцами—какія названія имъ нынѣ приписываются—а не-

«рѣдко упоминаетъ о нихъ, какъ о людяхъ замѣчательныхъ. Со-
чиненія Азинія Полліонна передаютъ отличную память о томъ и
«о другомъ. Мессала Корвинъ хвалился Кассіемъ, какъ своимъ
«Императоромъ; но тотъ и другой остались при своихъ поче-
«стяхъ и богатствахъ. На книгу Марка Цицерона, въ которой
«онъ до небесъ привознесъ Катона, диктаторъ Цезарь отвѣ-
«тилъ ли иначе какъ писанною рѣчью какъ бы передъ судьями?
«Письма Антонія, Брута рѣчи заключаютъ въ себѣ конечно лжи-
«вые порицанія Августа, но весьма рѣзкія. Читаются стихи Би-
«бакула и Катулла, полные брани на Цезарей. Но сами: боже-
«ственный Юлій, божественный Августъ и переносили это, и остав-
«ляли (безъ преслѣдованія); не легко объяснить—болѣе ли подъ
«вліяніемъ умѣренности или благоразумія, потому что пренебре-
«женное само собою приходитъ въ забвеніе; а если вызоветъ
«гнѣвъ, сознается какъ бы за истину. Не касаюсь Грековъ, у
«которыхъ не только свобода, но и своеволіе безнаказанны; а если кто
«и обращаетъ вниманіе, то рѣчами же отмщаетъ за рѣчи. Всего
«же извинительнѣе, не навлекая на себя неудовольствій, говорить
«о тѣхъ, которыхъ смерть уже освободила и отъ ненависти и отъ
«расположенія. Развѣ съ вооруженными Кассіемъ и Брутомъ, за-
«нимающими поля Филиппенскія, — виновникъ междуусобной вой-
«ны — народъ возмущающъ рѣчами? Или они, павшіе лѣтъ семьдесятъ
«тому назадъ, узнаются же въ ихъ изображеніяхъ, которыя и
«побѣдитель даже не уничтожилъ, не сохраняя у писателей нѣ-
«которой доли воспоминанія? Потомство каждому отдаетъ должную
«ему честь и если послѣдуетъ осужденіе, найдутся люди, которые
«вспомнятъ не только о Кассіѣ и Брутѣ, но и обо мнѣ. Выйдя
«потомъ изъ сената, окончилъ жизнь воздержаніемъ. Сенаторы при-
«говорили — книги съечь черезъ эдильей, но всетаки остались из-
«данныя тайно. А потомуто, по истинѣ, заслуживаетъ посмѣянія
«безразсудство тѣхъ, которые своею настоящею властью полагаютъ
«возможнымъ уничтожить память и въ послѣдующихъ вѣкахъ. На-
«противъ чѣмъ болѣе наказываются умы, тѣмъ ихъ вмѣненіе уси-
«ливается; и ничего другаго не достигли чужестранные цари или
«тѣ, которые примѣняли такую же строгость, кромѣ посрамленія
«себѣ, а тѣмъ славы.»

36. Впрочемъ этотъ годъ былъ такъ занятъ непрерывными
обвиненіями, что даже въ дни Латинскихъ ферій — къ начальнику
города, Друзу, взошедшему на трибуналь для взятія ауспицій,
подошелъ Кальпурній Сальвіанъ съ обвиненіемъ Секс. Марія, за

что Цезарь явно побранилъ и что для Сальвіана было причиною ссылки. Всенародно поставлена въ виду Цициценамъ незаботливость объ обрядахъ божественнаго Августа; къ этому присоединены обвиненія въ насилии противъ гражданъ Римскихъ. И утратили свободу, которую заслуживали во время войны съ Митридатомъ осажденные, прогнавъ царя столько же своею твердостью, сколько и содѣйствіемъ Лукулла. А Фонтей Капитонъ, который прокусуломъ управлялъ Азією, оправданъ, такъ какъ достоверно открылось, что Вибій Серенъ взвелъ на него вымышленныя обвиненія. Впрочемъ это Серену не было во вредъ; самая общая ненависть дѣлала его еще безопаснѣе и чѣмъ кругъ дѣятельности обвинителя былъ шире, тѣмъ считался онъ священнѣе и неприступнѣе; незначительныя же и неважныя подвергались наказаніямъ.

37. Въ то же время дальняя Испанія, отправивъ пословъ къ сенату, умоляла: чтобы, по примѣру Азіи, дозволено ей было выстроить капище Тиберію и его матери. По этому случаю Цезарь, вообще имѣвшій довольно силы для презрѣнія почестей, счелъ нужнымъ отвѣчать тѣмъ, толками которыхъ уличался, якобы онъ сталъ увлекаться честолюбіемъ и началъ рѣчь слѣдующаго рода: «знаю, отцы достопочтенныя, что большая часть желали бы во мнѣ больше прежняго постоянства, чѣмъ когда не воспротивился я городамъ Азіи, недавно просившимъ о томъ же; а потому и вмѣстѣ открою и защиту прежняго молчанія, и что я постановилъ на будущее время. Когда божественный Августъ не воспрепятствовалъ воздвигнуть себѣ и городу Риму храмъ у Пергама, я, слова и дѣйствія Августа замѣчая какъ законъ для себя, тѣмъ съ болышею готовностью послѣдовалъ уже за одобреннымъ примѣромъ, что къ почести моей присоединялось уваженіе къ сенату. Но если извинительно разъ принять, то по всѣмъ провинціямъ быть предметомъ обожанія въ видѣ божества было бы возмутительною гордостью. Да и самая честь Августа померкнетъ, если сдѣдается предметомъ общаго всенароднаго обожанія.»

38. «Но я, отцы достопочтенныя, сознаю, что смертенъ и раздѣляю всѣ обязанности людей; довольно съ меня занимать первое мѣсто въ государствѣ и передъ вами свидѣтельствуюсь и желаю передать въ память потомства. А оно для моей памяти сдѣлаетъ достаточно и даже слишкомъ, если будетъ такого убѣжденія, что я достоинъ моихъ предковъ, заботливъ о дѣлахъ вашихъ, твердъ въ опасностяхъ, не боюсь ни чьихъ неудовольствій за общественную пользу. Вотъ какой храмъ воз-

«двинете вы мнѣ въ душахъ вашихъ, вотъ изображенія самыя «лучшія и прочныя. А которыя изъ камней воздвигаются, если «судь потомства обратить въ ненависть, презираются какъ гроб- «ницы. А потому обращаюсь съ мольбою моею къ союзникамъ, «согражданамъ и самимъ богамъ; послѣднихъ прошу о томъ, «чтобы они до конца жизни дали бы мнѣ умъ спокойный и ра- «зумѣющій права божественныя и человѣческія; а первыхъ, что- «бы, когда я удалюсь (со сцены житейской) — добрымъ словомъ «и воспоминаніемъ проводить мои дѣйствія и славу моего имени.» Упорствовалъ послѣ того даже въ тайныхъ бесѣдахъ пренебре- гать такимъ его обожаніемъ.. Одни объясняли это какъ скром- ность, многіе потому что не довѣрялъ, а нѣкоторые какъ признакъ выродившагося духа. «Лучшіе потому что изъ смертныхъ «желали всего самого высокаго. Такъ къ числу боговъ присое- «динены — Геркулесъ и Либерь у Грековъ, Квиринь у насъ. «Лучше Августъ былъ, и тотъ питалъ эту надежду. Прочее у «государей тотчасъ же есть: одно должно готовить нена- «сытно — благополучную себѣ память; съ презрѣніемъ къ славѣ «презираются и добродѣтели.» А Сеянъ, излишнимъ счастіемъ избалованный и кромѣ того поджигаемый страстными стремлені- ями женщины — такъ какъ Ливія сильно домогалась обѣщаннаго ей брака, составилъ къ Цезарю записку — таковъ былъ тогда обычай — къ нему хотя и на лицо находившемуся обращаться на письмѣ; она, записка, была въ такомъ видѣ: «благоклонность «отца его, Августа, а велѣдъ за тѣмъ весьма многія сужденія «Тиберія приучили его такъ, чтобы онъ свои надежды и обѣты «обращалъ не прежде къ богамъ, какъ и къ слуху государей. «Да и никогда не просилъ онъ о самыхъ блистательныхъ изъ «почестей: предпочиталъ онъ переносить какъ одинъ изъ вои- «новъ труды и бдительность сторожа за безопасность императора. «Впрочемъ онъ добился самого лучшаго — что его считали дос- «тойнымъ союза съ Цезаремъ. Отсюда начало надежды. И такъ «какъ онъ слышалъ, что Августъ, устроивая судьбу дочери нѣ- «сколько принималъ въ соображеніе и всадниковъ Римскихъ; та- «кимъ образомъ, еслибы сталъ искать мужа Ливіи, имѣлъ бы «въ памяти друга, который воспользуется только славою родства. «Не сниметъ онъ съ себя наложенныхъ на него обязанностей. «Достаточнымъ считаетъ — упрочить домъ (Друза) противъ не- «справедливыхъ оскорбленій Агриппины — и это для дѣтей, а

«для него самого много и слишкомъ много жизни, которую онъ «проведеть съ такимъ государемъ.»

40. На это Тиберій, похваливъ чувства Сеяна и умѣренно коснувшись своихъ къ нему благодарній, просилъ времени для обсужденія этого вопроса въ цѣлости и прибавилъ: «прочимъ «смертнымъ образъ дѣйствія заключается въ томъ, что они на- «ходятъ для себя полезнымъ. Государей жребій совѣмъ другой; «въ важныхъ дѣлахъ они должны соображаться съ славою; а «потому онъ не обращается прямо къ тому, на что отвѣчать «очень легко. Ливія сама можетъ рѣшить — послѣ Друза нужно «ли ей выходить замужъ, или должна сносить свою участь у «тѣхъ же пенатовъ. Есть у ней мать и бабушка, съ которыми «посовѣтоваться ближе. А онъ будетъ дѣйствовать проще; сна- «чала о неприязни Агриппины, но и та разгорится еще сильнѣе, «если бракосочетаніе Ливіи разорветъ какъ бы домъ Цезарей «на части. Такъ то и вырываются у женщинъ соревнованія, а «эти несогласія гибельны для его внуковъ. А что если возник- «нетъ борьба противъ такого брачнаго союза? Ошибешься ты, «Сеянъ, если полагаешь что останешься въ томъ же положеніи «и что Ливія, бывшая въ замужествѣ за К. Цезаремъ, а велѣдъ «за тѣмъ за Друзомъ, будетъ дѣйствовать въ такомъ образѣ «мыслей, чтобы состариться съ всадникомъ Римскимъ. Если бы я «это и допустилъ, то — думаешь ты — стерпятъ тѣ, которые ви- «дѣли ея брата, отца и всѣхъ нашихъ предковъ на верху мо- «гущества и славы? Но ты, конечно, и желаешь остаться на твоёмъ «мѣстѣ, но тѣ должностныя лица и знатные люди, которые про- «рываются противъ твоей воли и обо всѣхъ дѣлахъ заботятся «—не скрывая, толкуютъ что давно уже затмился блескъ всад- «ничьяго сословія и что далеко опережены дружественныя связи «отца моего — и, завидуя тебѣ, меня обвиняютъ. Но и Августъ «помышлялъ дочь свою вручить всаднику Римскому. По истинѣ «удивительно, что, будучи тревожимъ заботами всякаго рода и «предвидя непоумѣрное возвышеніе — того, кого такимъ союзомъ «возвысилъ бы надъ другими — К. Прокулея и нѣкоторыхъ дру- «гихъ, упоминалъ въ бесѣдахъ — людей, отличавшихся спокой- «ствіемъ жизни и нисколько не замѣшанныхъ въ дѣла обще- «ственные. Но, если на насъ дѣйствуетъ колебаніе Августа, то «на сколько сильнѣе то, что всетаки онъ отдалъ ее М. Аг- «риппѣ, а потомъ мнѣ. И я это не скрылъ отъ тебя по нашимъ «дружескимъ отношеніямъ; впрочемъ, я не буду противиться судьбѣ

«ни твоей, ни Ливіи. Что я самъ обсуживалъ въ душѣ и въ какія еще болѣе тѣсныя ко мнѣ отношенія хотѣлъ тебя поставить—не стану излагать на этотъ разъ. Открою только, что нѣтъ ничего достаточно высокаго, чего не заслужили бы твои добродѣтели и твое ко мнѣ расположеніе и когда представится «время, то не смолчу объ этомъ ни въ сенатѣ, ни въ народномъ собраніи.»

41. Въ отвѣтъ на это Сеянъ уже не о бракѣ, но въ опасеніи худшаго—старается отклонить тайныя подозрѣнія, толки народа, нападки зависти. И для того, чтобы прекращеніемъ постоянныхъ сборищъ въ своемъ домѣ не подорвать власть или, принимая, не подать повода къ обвиненію, свелъ дѣло на то, чтобы склонить Тиберія къ жизни вдаль отъ Рима въ пріятныхъ мѣстахъ. Многое онъ тутъ предвидѣлъ: въ его рукахъ доступъ писемъ большей части онъ будетъ полнымъ хозяиномъ, такъ какъ они шли черезъ воиновъ. Да и Цезарь, все старѣясь и изнѣжась въ уединеніи того мѣста, легче будетъ относиться къ обязанностямъ власти. Зависть же къ нему (Сеяну) уменьшилась, съ отсутствіемъ толпы, приходившихъ на поклонъ, уничтожится пустая внѣшность, а истинная власть увеличится. А потому, мало по малу, сталъ онъ поносить дѣла городскія, стеченіе народа, множество приходящихъ превознося похвалами: «спокойствіе и одиночество; тамъ нѣтъ ни наскучающихъ, ни оскорбляющихъ, и преимущественно можно заботиться о важныхъ дѣлахъ.»

42. Случилось такъ, что въ тѣ дни происходило изслѣдованіе о Вотіенѣ Монтанѣ, мужѣ знаменитаго ума; оно то медлившаго еще Тиберія и привело къ убѣжденію о необходимости избѣгать собраній сената и ихъ рѣчей, которыя, по большей части, передъ нимъ произносились правдивыя и важныя. Вотіенъ потребованъ былъ къ суду за бранныя слова, сказанныя противъ Цезаря. Свидѣтель Емилиій, челоуѣкъ военный, изъ усердія доказать, излагая все и хотя встрѣченъ былъ ропотомъ, но усиливается съ большимъ упорствомъ и Тиберію пришлось выслушать брань, которою втайнѣ его осыпали. До того былъ пораженъ, что закричалъ: «что онъ или тотчасъ же или при изслѣдованіи оправдается.» Просьбами ближайшихъ, лестью всѣхъ съ трудомъ успокоилъ духъ. И Вотіенъ подвергся казни за оскорбленіе величества. Цезарь, поставленное ему въ вину отсутствіе милосердія.

43. Выслушаны затѣмъ посольства Македонянь и Месинцевъ — о правѣ храма Діаны Лимнатидской. Лакедемоняне утверждали, что онъ посвященъ ихъ предками и на ихъ землѣ, ссылаясь на показанія лѣтописей и на стихи прорицателей: но отнять оружіемъ Филиппа Македонскаго, съ которымъ воевали и впоследствии возвращенъ по опредѣленію К. Цезаря и М. Антонія. Противъ этого Месинцы представили: «древнее раздѣленіе «Пелопоннѣза между потомками Геркулеса, по которому Деятели-«адское поле, гдѣ стоитъ храмъ, уступлено ихъ царю. Память «этого событія сохранилась рѣзбою на камняхъ и старинныхъ «мѣдныхъ статуяхъ. Да и если приводить въ свидѣтели прори-«цателей и лѣтописи, то за нихъ найдется и поболѣе, и подробнѣе. «Да и Филиппъ постановилъ такъ не властью, но по правдѣ. «Таково же было сужденіе и царя Антигона и императора Мум-«мія: такъ опредѣлили Милезійцы, допущенные въ гласные пос-«редники, наконецъ Антидій Геминъ, преторъ Ахеи». Такимъ образомъ дѣло это рѣшено, согласно желанію Месинцевъ. И Сегестаны домогались возобновить храмъ Венеры у горы Ерика, развалившійся отъ ветхости, приводя на память о его началѣ извѣстное и Тиберію пріятное; охотно принялъ заботу, какъ одной съ ними крови. Затѣмъ толковали о просьбахъ Массилійцевъ и одобренъ примѣръ П. Рутилія; его, изгнаннаго законами, Смирнейцы присоединили къ числу своихъ гражданъ; по этому же праву Вулкатій Мосхъ, изгнанникъ, принять въ число Массилійцевъ и свое имущество оставилъ ихъ обществу, какъ отечеству.

44. Въ этомъ году умерли знатные люди: Кн. Лентуллъ и Л. Домицій. Лентуллу, кромѣ консульства и триумфа надъ Гетулами, къ славѣ послужила честно перенесенная бѣдность, потомъ великое богатство, безвредно пріобрѣтенное и скромно употребленное; Домицію честь принесъ отецъ, въ междуусобную войну могущественный на морѣ, пока присоединился онъ сначала къ сторонѣ Антонія, потомъ Цезаря. Дѣдъ погибъ въ Фарсальскомъ сраженіи за интересы аристократіи; а самъ онъ избранъ быть супругомъ Антоніи Меньшой, рожденной отъ Октавіи. Впоследствии съ войскомъ перешель онъ Альбисъ (Эльбу) и проникъ въ Германію далѣе, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ и за эти дѣла получилъ онъ почести триумфа. Умеръ и Л. Антоній, весьма знатный родомъ, но неблагополучно. Когда отецъ его, Юль Антоній, былъ казненъ смертью за преступную связь съ

Юлію—его, внука сестры еще въ раннемъ отрочествѣ, Августъ удалилъ въ городъ Массилійскій, гдѣ названіе ссылки прикрывалось предлогомъ ученія. Впрочемъ, отдана послѣдняя почеть и кости его, по опредѣленію сената, внесены въ гробницу Октавіевъ.

45. При тѣхъ же консулахъ совершенно въ ближней Испаніи жестокое преступленіе однимъ селяниномъ изъ народа Терместинцевъ; онъ на претора провинціи, Л. Пизона, вслѣдствіе мирнаго времени ничего не опасавшагося, неожиданно напалъ на дорогѣ и одною раною нанесъ ему смерть: онъ убѣжалъ на быстромъ конѣ и достигнувъ лѣсистыхъ мѣстъ, отпустилъ коня и непроходимыми и утесистыми путями обманывалъ преслѣдовавшихъ, но не долго. Лошадь была схвачена и поведена по сосѣднимъ деревнямъ, гдѣ и узнали чья она. Найденный, пытками вынуждаемъ бывъ открыть соучастниковъ, громкимъ голосомъ на родномъ языкѣ воскликнулъ: «напрасно его спрашиваютъ; пусть будутъ здѣсь его товарищи и смотрятъ; не будетъ столь «сильныхъ болей, которыя могли бы исторгнуть у него истину.» Онъ, же когда его на другой день снова тащили къ допросу, съ усиліемъ вырвался у сторожей и такъ ударился головою о камень, что тотчасъ же потерялъ дыханіе. Впрочемъ о Пизонѣ полагаютъ, что онъ палъ жертвою коварства Терместинцевъ, съ которыхъ онъ вымогалъ деньги, перехваченные изъ общественной казны строже, чѣмъ могли стерпѣть эти дикари.

46. Въ консулство Лентулла Гетулика и К. Кальвизія опредѣлены знаки триумфа Помпею Сабину за пораженіе Оракійскихъ племенъ; эти горные народы оттого еще болѣе дикіе, смѣло не знали покоя. Поводомъ къ волненію послужило то, что на памяти людей не могли переносить они наборовъ и не хотѣли наиболѣе сильныхъ изъ среды себя отдавать намъ на военную службу. Да и царямъ не привыкли они повиноваться, развѣ изъ прихоти и, если посылали вспоможеніе, своихъ вождей ставили во главѣ его и вели войну только съ своими сосѣдями. А тутъ распространился слухъ, будто бы разбросанные и перемѣшанные съ другими народами, повлечены они будутъ въ разныя земли. Но прежде чѣмъ взяться за оружіе отправили они пословъ, приводя на память ихъ дружбу и повиновеніе и останутся они при нихъ, если только не будутъ ихъ испытывать никакою новою тягостью; если же имъ, какъ бы побѣжденнымъ, наложено будетъ рабство, то есть у нихъ желѣзо и молодежь и духъ, готовый и къ вольности и на смерть. Вмѣстѣ укрѣпленія, нахо-

дившіяся на утесахъ, собранныхъ тамъ родителей и женъ показывали, грозя войною кровопролитною, жестокою и неудобною.

47. А Сабинъ, пока войско собиралъ въ одно мѣсто, давалъ отвѣты мягкіе, пока Помпоній Лабенъ прибылъ изъ Мезіи съ легиономъ и царь Реметалъ съ вспомогательными войсками его соотечественниковъ, которые не измѣнили вѣрности. Присоединивъ эти войска къ тѣмъ, которые уже онъ имѣлъ на лицо, двинулся къ непріятелю, уже изготовившемуся въ тѣнинахъ лѣсистыхъ мѣстъ. Нѣкоторые посмѣлѣе показывались на открытыхъ холмахъ; ихъ вождь Римскій, подойдя къ нимъ въ боевомъ порядкѣ, безъ труда сбиль, съ малымъ урономъ дикарей по близости ихъ убѣжищъ. Вслѣдъ за тѣмъ укрѣпивъ лагерь на мѣстѣ сильнымъ отрядомъ занимаетъ гору узкую и протянувшуюся ровнымъ хребтомъ до ближайшаго укрѣпленія, которое было прикрыто большими силами частью вооруженными, частью неустроенными дикарей. Вмѣстѣ противъ самыхъ отчаянныхъ, которые передъ окопами, по обычаю народа, гарцовали съ пѣніемъ и пляскою, послалъ отборныхъ стрѣлковъ. Они, пока двигались издали, наносили раны частыя и неотомщенныя, но когда подошли ближе, приведены въ замѣшательство внезапною вылазкою и приняты резервомъ Сугамбрской когорты. Ее, готовую на опасности и не менѣе (дикарей) наводившую страхъ шумомъ пѣсень и звукомъ оружія, поставилъ Римскій вождь неподалеку.

48. Перенесенъ потомъ лагерь ближе къ непріятелю, а у прежнихъ укрѣпленій оставлены Фракійцы, которые, какъ я выше упоминалъ, находились при нашихъ войскахъ; имъ предоставлено: «опустошать, жечь, тащить добычу, лишь бы опустошеніе ограничивалось днемъ, а ночь должны они были проводить въ лагерѣ безопасно и бдительно.» Сначала это такъ и соблюдалось; но скоро пустились они въ роскошь, разбогатѣвъ отъ награбленнаго, стали пренебрегать караулами, предаваясь наслажденіямъ пиршествъ, сну и вину. Вслѣдствіе этого непріятель, узнавъ объ ихъ безпечности, приготовилъ два отряда съ тѣмъ, чтобы съ однимъ напасть на грабителей, а съ другимъ приступить къ Римскому лагерю, не въ надеждѣ взять его, но чтобы, вслѣдствіе крика и звука оружія, каждый, будучи занятъ своею собственною опасностью, не слыхалъ шума отъ другаго сраженія; а кромѣ того избрано темное время для увеличенія страха. Но тѣ, которые произвели покушеніе на валъ легионовъ, безъ труда прегнаны; вспомоگательныя войска Фракійцевъ, приведенныя въ

ужасъ внезапнымъ набѣгомъ—когда часть ихъ лежала подлѣ укрѣпленій, а еще больше скиталась снаружи, тѣмъ съ большимъ чувствомъ непріязни умерщвлены, что ихъ винили какъ перебѣжчиковъ и измѣнниковъ, поднявшихъ оружіе къ порабощенію себя и отечества. На другой день Сабинъ показалъ войско на ровномъ мѣстѣ на случай, если бы дикари, ночнымъ успѣхомъ ободренные, дерзнули на сраженіе; а послѣ того какъ они не отходили отъ укрѣпленій и соединенныхъ съ ними холмовъ, началъ осаду посредствомъ вооруженныхъ постовъ, которые онъ укрѣплялъ, гдѣ было удобно; потовъ прикрывъ ихъ ровомъ и брустверомъ, захватилъ окружность на четыре тысячи шаговъ. Тутъ мало по малу, чтобы обрѣзать непріятеля отъ воды и пастбищъ, подвигомъ укрѣпленія ближе и окружалъ линією, все болѣе и болѣе тѣсною. Воздвигалась насыпь, съ которой можно было бы бросать уже въ близкаго непріятеля камни, копья, огонь: но ничто такъ не истомляло непріятеля какъ жажда, такъ какъ огромному количеству воиновъ и безоружныхъ приходилось пользоваться однимъ источникомъ. Вѣтъ съ тѣмъ лошади и рабочей скотъ, по обычаю дикарей, тутъ же заключенные, колѣли отъ недостатка корму. Тутъ же лежали тѣла людей: одни погибли отъ раны, другіе отъ жажды; вредно дѣйствовали на всѣхъ зловредныя испаренія и прикосновеніе. Къ смутному положенію дѣлъ присоединилось, какъ послѣднее зло— несогласіе; одни готовились къ покорности, а другіе къ смерти и взаимнымъ между себя ударамъ. Были такіе, которые совѣтовали гибель не безъ отщепенія, а вылазку, и люди не простые, хотя и весьма разнообразными мнѣніями.

50. Впрочемъ изъ вождей—Динисъ, преклонной старости, наученный долгимъ опытомъ силъ и милосердію Римлянъ, утверждалъ, что положить оружіе, единственное средство помощи въ ихъ бѣдахъ. Первый онъ съ женою и дѣтьми отдался побѣдителю; послѣдовали слабые возрастомъ, или поломъ и тѣ, которые имѣли болѣе страсти къ жизни, чѣмъ къ славѣ. А молодежь раздѣлялась между Тарсою и Турезисомъ; и тотъ и другой рѣшились погибнуть съ вольностью; но тарса, призывая криками близкій конецъ необходимость разомъ положить конецъ и надеждамъ и опасеніямъ, подалъ примѣръ, опустивъ въ грудь желѣзо; не было недостатка къ людямъ, которые тѣмъ же способомъ лишились жизни. Турезисъ съ своимъ отрядомъ дожидается ночи, что не безызвѣстно было наше-

му вождю. А потому посты укрѣплены болѣе сильными масса-ми и надвигалась ночь, суровая влѣдствіе дождя, а непріятель, то смутными криками, то совершеннымъ молчаніемъ, оставлялъ осаждающихъ въ неизвѣстности. Между тѣмъ Сабинъ, обходя воиновъ, увѣщевалъ ихъ, чтобы «они ни на двусмысленные зву-«ки, ни на мнимое спокойствіе непріятеля, не открыли бы слу-«чая исполнить его коварный замыселъ, но пусть, не двигаясь съ «мѣста, каждый исполняетъ свои обязанности и оружіе не бро-«саетъ попустому.» Между тѣмъ дикари сбѣгали отрядами, и то бросали на окопы ручныя каменья, надожженные колья и срубленные бревна, то хворостомъ, плетнями и бездыханными тѣлами наполняли рвы. Нѣкоторые, заготовивъ ранѣе мосты и лѣстницы, приставляли ихъ къ укрѣпленіямъ, схватывали, выта-скивали (частоколь) и грудью силились противъ оказывавшихъ сопротивленіе. Воины съ своей стороны старались сбить стрѣла-ми, сдвинуть щитами, бросая оборонительныя дротики и собран-ныя кучи камней. Однимъ—надежда пріобрѣтенной побѣды и въ случаѣ отступленія тѣмъ болѣе позоръ; а другимъ послѣд-нее средство спасенія и тутъ же у большей части, находившіяся матери и жены и ихъ вопли придають мужества. Однимъ ночь способствовала къ дерзости, а другимъ къ робости; удары не-вѣрны, раны неожиданы, неразспознавали непріятелей отъ сво-ихъ; а голоса, отражаемые уступами горъ и слышавшіеся какъ бы стлыу, дотога смѣшали все, что Римляне оставили нѣкото-рыхъ укрѣпленія какъ бы прорванныя, а впрочемъ непріятели не перешли черезъ нихъ, развѣ весьма немногіе; а прочіе, когда са-мые усердные, или погибли, или ранены, съ наступленіемъ раз-свѣта прогнаны на самую вышину укрѣпленія. Тутъ наконецъ вынуждена покорность и ближайшія мѣста заняты вновь съ со-гласія жителей; остальнымъ къ тому, чтобы они не были поко-рены силою и облежаніемъ, помогла зима весьма ранняя и же-стокая въ горахъ Гема.

52. А въ Римѣ затронуть и домъ государя и какъ бы вступ-леніе къ будущей гибели Агриппины, требуется на судъ Клавдія Пульхра, двоюродная сестра ея; обвинителемъ былъ Домицій Аѳръ. Еще свѣжій преторъ, неизбалованный наградами, но торопившійся прославиться какимъ бы то ни было преступленіемъ—ставитъ въ вину преступленіе безстыдства, прелюбодѣйную связь съ Фурніемъ, повушенія ядомъ и обреченіями противъ государя. Агриппина всегда смѣлая, а тутъ въ особенности воспламененная опасностью близкой

къ ней особы, бросилась къ Тиберію и случайно нашла его приносящимъ жертвы отцу. Начавъ съ этого повода осужденіе, стала говорить: «не можетъ одинъ и тотъ же человекъ приносить жертвы «божественному Августу и преслѣдовать его потомство; не въ нѣмья «изображенія перешель божественный духъ, но истинный образъ, «происшедшій отъ небесной крови, понимаетъ опасность, облачается «въ одежду печали. Напрасно преслѣдуется Пульхра, для которой «единственная причина гибели то, что совершенно глупо избрала «она Агриппину предметомъ своего ухаживанья, забывъ Созію, за «то же попавшую въ бѣду». Слушаніе этого вызвало голосъ, затаянный въ груди: съ неудовольствіемъ онъ ей сдѣлалъ внушеніе греческимъ стихомъ: «не оттого ли оскорбляется, что не царствуетъ?» Пульхра и Фурній осуждены. Аферъ присоединенъ къ первымъ изъ ораторовъ; обнаружались его способности и послѣдовало завѣреніе Цезаря, въ которомъ онъ назвалъ его опытнымъ въ его (Цезаря) правѣ. Вслѣдъ затѣмъ, принимая на себя обвиненія, или защищая подсудимыхъ, былъ онъ болѣе счастливъ въ краснорѣчїи, чѣмъ въ нравственности, развѣ только что преклонный возрастъ многое отнималъ у краснорѣчїа, такъ какъ утомленіе духа сдерживало нетерпѣніе говорить.

53. Агриппина, упорная въ гнѣвѣ, и впавшая въ болѣзнь тѣла, когда ее навѣстилъ Цезарь, долго молча проливала слезы; вслѣдъ затѣмъ высказала неудовольствіе и мольбы: «пусть поможетъ одичеству, дастъ ей мужа: еще она молода и на все способна, а «честнымъ единственное утѣшеніе въ бракѣ; найдутся въ государствѣ.... удостоятъ принять жену Германика и дѣтей». Но Цезарь, зная очень хорошо—сколь важнаго въ отношеніи къ общественному дѣлу просить у него, но чтобы не обнаружить, ни оскорбленія, ни опасеній, оставилъ безъ отвѣта, какъ она не настаивала. Я это, не переданное писателями лѣтописей, нашелъ въ запискахъ Агриппины дочери; она, мать государя Нерона, жизнь свою и то, что случилось съ ея близкими, предала памяти для предковъ. Впрочемъ Сеянъ Агриппину, печальную и непредъусмотрительную поразилъ глубже, подославъ тайныхъ, которые подъ предлогомъ дружбы, внушили бы ей: «приготовленъ ей ядъ, должна она избѣгать пиршествъ свекора». А она, не умѣя притворяться, возлежавъ подлѣ свекора, нисколько не смягчалась ни выраженіемъ лица, ни бесѣдою, а вовсе не касалась нищи: пока замѣтилъ Тиберій случайно, или потому, что слышалъ; а чтобы испытать это точнѣе, похваливъ лежавшія тутъ яблоки—собственной рукою подалъ невѣсткѣ. Уси-

дилось вслѣдствіе этого подозрѣніе Агриппины и не коснувшись устами, передала рабамъ. И, впрочемъ, Тиберій ничего ей прямо не сказалъ, но, обратясь къ матери: «неудивительно, произнесъ онъ, «если бы онъ что нибудь и строже поступилъ въ отношеніи къ той, «которая на него взводитъ подозрѣніе въ отравленіи». Вслѣдствіе этого слухъ: «готовится гибель; но явно сдѣлать это не дерзаетъ императоръ, совершить преступленіе ищетъ втайнѣ».

55. А Цезарь, для того, чтобы дать другое направленіе толкамъ, сталъ часто бывать въ сенатѣ и, въ теченіи многихъ дней, вслушивалъ пословъ Азіи, недоумѣвавшихъ — въ какомъ городѣ построить храмъ. Одинадцать городовъ спорили, съ равнымъ честолюбіемъ, но силами разными. Они припоминали непредставлявшее большой разницы одно съ другимъ: «древность происхожденія, усердіе къ Римскому народу во время войнъ съ Персеемъ, Аристоніемъ и другими царями». Впрочемъ Гипепены, Тралліаны вмѣстѣ съ Лаодицецами и Магнетами оставлены безъ вниманія, какъ имѣвшіе притязанія недостаточно основательныя. Даже Иліензы, ссылаясь, что Троя родоначальница города Рима, имѣли силу только славою древности. Немного призадумались было надъ тѣмъ, что Галикарнасцы утверждали, что: «въ теченіи тысячи двухсотъ лѣтъ «не было у нихъ землетрясенія и не переносили они жилищъ своихъ и основанія храма лягутъ на живомъ (чистомъ) камнѣ». Относительно Пергаменцевъ сочтено достаточнымъ (а на это самое они опирались), что они уже имѣютъ храмъ Августа. Относительно городовъ Ефеза и Милета показалось, что они уже достаточно заняты обрядами богослужебными, первые — Аполлона, вторые — Діаны. Такимъ образомъ пришлось рѣшать между Сардійцами и Смирнейцами. Сардіяны прочитали опредѣленіе (декретъ) Этрурій, какъ связанные кровнымъ родствомъ: «Тирренъ и Лидъ, рожденные отъ «царя Атія, раздѣлили народъ по случаю его многочисленности; «Лидъ остался на отцовскихъ земляхъ; а Тиррену дозволено — «занять новыя мѣста для жительства, и по названіямъ вождей даны наименованія народамъ: тѣмъ въ Азіи, а этимъ въ Италіи. «И увеличилась еще сила Лидовъ, такъ что они послали еще народы въ Грецію, которая вслѣдъ за тѣмъ получила наименованіе «отъ Пелопа». Вмѣстѣ съ тѣмъ приводили на память: «письма императоровъ и заключенный съ ними союзный договоръ въ Македонскую войну, обиліе рѣкъ, умеренность климата и богатство «обрестныхъ земель».

56. А Смирнейцы, ссылались на свою древность: «Танталъ ли

«происшедшій отъ Юпитера, Тезей ли—тоже божественнаго рода, «однали изъ Амазонокъ построили ихъ городъ». Перешли потомъ, на что имѣли больше всего надежды, на услуги народу Римскому, отправленіемъ морскихъ силъ не только на вѣшнія войны, но и тѣ, которыя были въ самой Италіи: «они первые поставили храмъ «городу Риму при консулѣ М. Порціѣ—уже при цвѣтущемъ положеніи дѣлъ народа Римскаго, хотя еще и недостигшемъ полнаго развитія, такъ какъ еще существовали: и Пуническій городъ, и въ Азіи сильные цари». Вмѣстѣ приводили они въ свидѣтели Л. Суллу: «когда войско его находилось въ величайшемъ затрудненіи, вслѣдствіе суровости зимы и недостатка одеждъ и «когда объ этомъ получили извѣщеніе въ Смирнѣ, въ народномъ собраніи, то всѣ, которые тутъ находились, сняли покровы съ тѣла и отослали нашимъ легионамъ». Такимъ образомъ сенаторы, спрошенные о мнѣніи, предпочли Смирнейцевъ. Вибій Марсъ подалъ мнѣніе, чтобы: «къ М. Лепиду, которому досталась эта провинція, «сверхъ прочихъ лицъ его свиты долженъ быть присоединенъ, кто «принялъ бы на себя попеченіе о храмѣ». И такъ какъ Лепидъ самъ, по скромности, отказался выбрать, то по жеребью посланъ Валерій Назо, изъ бывшихъ преторовъ.

57. Между тѣмъ долго обдумывая и часто откладывая это намѣреніе, Цезарь, наконецъ, сталъ жить во всякомъ случаѣ вдали отъ Рима, въ Кампаніи подъ предлогомъ освятить храмы: у Капуи—Юпитера, у Нолы—Августа. Причину удаленія, хотя я, послѣдую большей части писателей, отнесъ къ продѣлкамъ Сеяна; но такъ какъ онъ, и по совершеніи убійства надъ нимъ и шесть послѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтъ, провелъ въ томъ же уединеніи, то сильно это меня побуждаетъ—несправедливѣ ли будетъ отнести къ нему самому, такъ какъ онъ свою жестокость и любострастіе, исполняя на дѣлѣ, скрывалъ мѣстностью. Были и такіе, которые полагали, что онъ въ старости сталъ стыдиться наружности своей: при высокомъ ростѣ онъ былъ сухощавъ и сгорбленъ, голова лишена волосъ, лицо покрытое струпьями и значительно испятнено лѣкарствами. И въ Родосѣ привыкъ онъ къ уединенію, избѣгалъ собраний, скрывалъ свои дурныя страсти. Передаютъ и то, будто бы онъ удалился, не сладивъ съ матерью; какъ товарищемъ управленія пренебрегалъ онъ ею, но удалить ее совершенно не могъ, получивъ самую власть отъ нея въ даръ. Думалъ-было Августъ—Германика, внука сестры, хвалимаго всѣми, поставить во главѣ дѣлъ Римскихъ; но, уступая просьбамъ жены, приобщилъ Тиберию—Герма-

ника, а себѣ Тиберіа; и этимъ Августа его упрекала и требовала (своей части).

58. Отъѣздъ былъ съ небольшою свитою: одинъ сенаторъ, бывшій уже консуломъ—Бокцей Нерва, опытный въ законахъ: всадникъ Римскій, кромѣ Сеяна, изъ знатныхъ—Курцій Аттікъ. Остальные изъ числа лицъ, занимавшихся науками и искусствами, почти всѣ Греки, должны были развлекать его своими бесѣдами. Опытные въ изученіи небесныхъ явленій говорили: «при такихъ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ Тиберій оставилъ Римъ, что ему не придется туда возвратиться». Это было поводомъ гибели многихъ, которые догадывались о близкомъ концѣ его жизни и распускали объ этомъ слухъ; а столь невѣроятнаго случая не предвидѣли, чтобы онъ въ теченіи одиннадцати лѣтъ добровольно лишилъ себя отечества. Тутъ то обнаружилось какъ близко граничить наука съ ложью и какъ самая истина прикрывается мракомъ. Не случайно, конечно, сказано: «что онъ не вернется въ городъ», а о прочемъ оставались въ неизвѣстности, такъ какъ Тиберій въ сосѣдней деревнѣ, или на побережьѣ, и часто находясь какъ бы у самыхъ стѣнъ города дожилъ до крайней старости.

59. Случилось, что въ тѣ дни постигла Цезаря двойная опасность и она то увеличила пустые толки; она же подала Тиберію поводъ—болѣе вѣрить дружбѣ и преданности Сеяна. Завтракали они въ виллѣ (загородномъ домѣ), называемой *пещеры* (speluniae), между Амукланскимъ моремъ и Фунданскими горами, въ природной пещерѣ. Вдругъ въ ея устьѣ обвалились камни и задавили нѣсколько слугъ; отсюда робость овладѣла всеми и разбѣжались участники пиршества. Сеянъ на колѣнахъ наклонился и лицомъ и руками надъ Цезаремъ защищая его отъ того, что падало сверху и въ такомъ положеніи найденъ онъ воинами пришедшими на помощь. Выросъ онъ этимъ и чтобы пагубное ни совѣтовалъ онъ, съ довѣріемъ былъ выслушиваемъ какъ не о себѣ тревожный.—Онъ принималъ роль свидѣтеля противъ потомства Германика, подставивъ тѣхъ, которые брали на себя обязанности обвинителей, и въ особенности преслѣдовали Нерона, самаго близкаго къ наслѣдству, и хотя скромно проводившаго молодость, но, по большей части, забывавшаго что ему было бы полезно въ настоящемъ, между тѣмъ какъ отпущенники и кліенты, торопившіеся достигнуть власти, подстрекали его обнаруживать смѣлый и надежный образъ мыслей: «же-
«лаетъ того народъ Римскій, домогается войско; и не дерзнетъ
«противъ него Сеянъ, теперь разомъ оскорбляющій долготерпѣніе

«старика и бездѣйствіе молодого человѣка». Выслушивая эти рѣчи и въ такомъ родѣ, не имѣлъ онъ по истинѣ никакихъ злыхъ мыслей: но иногда вырывались у него слова, необдуманная порицанія; приставленные сторожа подхватывали ихъ и переносили съ прибавленіями, а Нерону не давалось возможности защищаться; разные кромѣ того возникали виды заботы. Тотъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ; нѣкоторые, отплативъ привѣтствіемъ, тотчасъ же отвращались; весьма многіе начатый разговоръ прерывали, а при атомъ были и насмѣхались тѣ, которые благопріятствовали Сеяну. Самъ Тиберій смотрѣлъ сурово и съ притворно-веселымъ лицомъ; говорилъ ли молодой человѣкъ, молчалъ ли—въ вину ставилось ему и молчаніе, и разговоръ. И ночь не была для него безопасна; жена отрывала то, что онъ говорилъ на яву и во снѣ и самыя вздохи матери Ливіи, а та—Сеяну. Сеянъ привлекъ на свою сторону и брата Неронова Друза, польстивъ его надеждою перваго мѣста, если онъ устранить старшаго возрастомъ и уже готоваго къ паденію. Суровый духъ Друза, кромѣ страсти къ владычеству и обыкновенной между братьями ненависти, подстрекаемъ былъ и завистью, такъ какъ мать Агриппина была болѣе расположена къ Нерону. Впрочемъ Сеянъ ласкалъ Друза не на столько, чтобы не обдумывать и противъ него зачатковъ будущей гибели, зная его за предрезкаго и наиболѣе доступнаго ковамъ.

61. Въ концѣ года умерли замѣчательные люди: Азиній Агриппа, знатный предками, хотя и недревними и неизмѣнившій имъ и жизнью и К. Гатерій, изъ семейства сенаторскаго, славимый за краснорѣчіе, пока жилъ: памятники ума его не настолько уважаются, такъ какъ онъ болѣе имѣлъ силы порывомъ слова, чѣмъ обработкою. И между тѣмъ какъ другіихъ мысли и трудъ имѣютъ значеніе и въ потомствѣ, такъ многословное и звучное слово Гатерія замолкло съ нимъ вмѣстѣ.

62. Въ консульство М. Лицинія и Л. Кальпурнія съ урономъ огромныхъ войнъ сравнялось бѣдствіе неожиданное; его начало и конецъ случились вмѣстѣ. Начавъ у Фиденъ амфитеатръ, нѣкто Атилій изъ рода отпущенниковъ—въ этомъ амфитеатрѣ должно было быть даво зрѣлище гладиаторовъ—ни основаній не укрѣпилъ на материкѣ, ни выведенное сверхъ строеніе не укрѣпилъ достаточно твердыми связями; такъ какъ онъ (дѣлалъ это) не отъ избытка денегъ, и не подъ влияніемъ гражданскаго честолюбія, но домогался позорнаго барыша. Стеклись охотники до такихъ зрѣлищъ, при господствѣ Тиберія устраненные отъ наслажденій—

мужчины и женщины всѣмъ всякаго возраста и по близости мѣста тѣмъ въ большемъ числѣ. Отчего и несчастіе было тѣмъ важнѣе. Тѣсно и тяжело наполненное строеніе обломилось, провалилось внутрь или распалось по сторонамъ. Огромное число людей, смотрѣвшихъ на зрѣлище или стоявшихъ близко вокругъ—поташило за собою или покрыло. И тѣ, по крайней мѣрѣ, которыхъ начало этой бѣды поразило на смерть, при такомъ жребіи избѣжали мученій. Болѣе достойны жалости тѣ, которые съ поврежденными частями тѣла, не были оставлены жизнью: въ теченіи дня—видомъ своимъ, въ продолженіи ночи—воплями и стонами—терзали супруговъ и дѣтей. Уже прочіе, вызванные слухомъ, оплакивали: тотъ брата, тотъ близкаго, тотъ родителей. Даже и тѣ, у которыхъ по другой причинѣ отсутствовали родные и знакомые, были въ опасеніи и пока не было дознано, кого именно постигло это несчастіе, страхъ былъ тѣмъ больше, влѣдствіе неизвѣстности.

63. Какъ начали разбирать обломки, сбѣжались къ бездыханнымъ обнимать, цаловать и часто спорили, если лицо было неузнаваемо, а наружность и возрастъ соответствовали и вводили въ заблужденіе узнавшихъ. Пятьдесятъ тысячъ человекъ этимъ случаемъ, или изранены, или побиты. Предусмотрѣно на будущее время сенатскимъ декретомъ: «чтобы не давалъ гладіаторскихъ игръ никто, имѣвшій менѣе пятисотъ тысячъ капиталу и чтобы амфітеатръ «строился, не иначе какъ на почвѣ дознанной твердости».—Атилій прогнанъ въ ссылку. Впрочемъ, при свѣжемъ еще бѣдствіи, растроились дома знатныхъ, въ разныхъ мѣстахъ приготовлены лѣкарства и врачи и въ тѣ дни городъ, хотя представлялъ видъ грустный, но соответствующій обычаямъ предковъ, которые, послѣ большихъ сраженій поддерживали раненыхъ щедростью и заботливостью.

64. Еще то бѣдствіе не изгладилось, какъ сильный сверхъ обыкновеннаго пожаръ потревожилъ городъ Римъ; погорѣла гора Целій. Толковали: «гибельный этотъ годъ и подъ дурными предзнаменованіями Государь предпринялъ намѣреніе отъѣзда». Таковъ обычай народа дѣло случая обращать въ вину; но Цезарь предупредилъ, раздавъ деньги соразмѣрно убытку. Высказана ему благодарность въ сенатѣ знатными и доброю молвою въ народѣ, потому не изъ тщеславія, или по просьбамъ близкихъ, но лицъ совершенно неизвѣстныхъ и, самъ призывалъ, одѣлялъ щедро въ видѣ пособія. Прибавлены (въ сенатѣ) мнѣнія, чтобы гора Целій на будущее время называлась Августовою, такъ какъ среди общаго

кругомъ пожара, одно лишь изображеніе Тиберія, находившееся въ домѣ сенатора Юнія, оставалось нетронутымъ: «случилось это «нѣкогда съ Клавдіею Квинтою и ея статую, два раза изъ огня «вышедшую, предки осыятили у храма Матери Боговъ. Священны «и пріятны богамъ Клавдіи и нужно увеличить священное почтеніе къ мѣсту, въ которомъ боги оказали такую честь первенствующему лицу въ государствѣ».

65. Кстати будетъ упомянуть, что гора эта издревле называлась *дубовою*, такъ какъ тутъ произрасталъ частый и отличный дубовый лѣсъ. Вслѣдъ за тѣмъ названа гора Целіевою отъ Цела Вибенна, вождя Этрускаго племени. Приведя призванное вспоможеніе, получилъ это мѣстопребываніе отъ Тарквинія Приска, или кто другой изъ царей далъ, потому что у писателей есть на этотъ предметъ разногласіе; остальное же въ сомнѣніи; эти значительныя войска жили и по ровнымъ мѣстамъ и близкимъ къ форуму; вслѣдствіе этого, по имени пришельцевъ названа *Тускская улица*.

66. Но если усердіе знатныхъ лицъ и щедрость государя облегчали случайное бѣдствіе, увеличивавшееся день ото дня, число обвинителей и сила ихъ все болѣе и болѣе непріязненная — дѣйствовали безо всякаго облегченія. Ухватился за Вара Квинтилія, богача и родню Цезаря, Домицій Аферъ, осудившій мать его, Клавдію Пульхру и никому не было удивительно, что, терпѣвъ долго нужду и дурно употребивъ пріобрѣтенную недавно награду, поощренъ былъ на большія преступленія. Удивительно было, что товарищемъ обвиненія явился Публій Долабелла, такъ какъ знатный предками, съ родни Вару, самъ губилъ свою знатность, свою кровь. Впрочемъ сенатъ воспротивился и постановилъ: *дожидаться Императора*; въ то время это было единственное прибѣжище, тѣснившихъ (отовсюду) золь.

67. А Цезарь, посвятивъ по Кампаніи храмы, хотя едиктомъ и предупредилъ, чтобы никто не пытался нарушить его покой и поставленные воины не допускали стеченія горожанъ, возненавидѣвъ впрочемъ и города (муниципіи) и колоніи (поселенія) и все, что находилось на твердой землѣ, удалился въ Капрею, на островъ проливомъ трехъ миль отдѣленный отъ края Суррентинскаго мыса. Я полагалъ бы, что въ особенности понравилась ему пустынность этого мѣста, такъ какъ кругомъ море безъ пристаней и едва для небольшихъ судовъ небольшія убѣжища. И никто не могъ бы пристать безъ вѣдома сторожей: климатъ зимою умѣренный вслѣдствіе защиты горы, останавливающей дѣйствіе суровыхъ вѣтровъ. Дѣ-

томъ островъ обращенъ къ Фавонію (Восточному вѣтру, зефиру) и пріятный видъ на открытое кругомъ море и далѣе на заливъ прекраснѣйшій, прежде чѣмъ Везувій загорѣвшій измѣнилъ видъ мѣстности. Молва передаетъ, что Греки владѣли когда-то этимъ островомъ и жили тамъ Телебои. Но въ то время Тиберій—занялъ его именами и постройками двѣнадцати виллъ и насколько былъ онъ прежде внимателенъ къ общественнымъ заботамъ, на столько теперь пустился въ тайное сладострастіе и злую праздность. Осталось въ немъ расположение къ подозрѣніямъ и довѣрчивость; ее, Сеянъ, привыкнувъ увеличивать и въ городѣ, сильнѣе развивалъ, не скрывая уже коварныхъ замысловъ противъ Агриппины и Нерона. Приставлены къ нимъ воины и какъ бы въ дневникъ записывались и кто приносилъ вѣсти, и кто входилъ, явное и тайное. Самъ подстроивалъ тѣхъ, которые внушали имъ, или бѣжаты къ Германскимъ войскамъ, или на самомъ людномъ мѣстѣ форума обнять изображеніе божественнаго Августа и призвать на помощь народъ и сенатъ. И это, пренебреженное ими, ставилось въ вину какъ будто они приготавливали.

68. Въ консульство Юнія Силана и Силія Нервы гнусное начало года послѣдовало; повлеченъ былъ въ тюрьму знаменитый всадникъ Римскій — Тицій Сабинъ, за дружбу Германика, такъ какъ онъ не опустилъ чтить его жену и дѣтей, постоянно былъ у нихъ въ домѣ, сопровождалъ въ общество—послѣ столькихъ кліентовъ одинъ; тѣмъ онъ заслуживалъ похвалу отъ людей добрыхъ и тяжекъ былъ злымъ. Латиній Лаціарисъ, Порцій Катонъ, Петицій Руфъ, М. Опей—исполнявшіе должности преторовъ, напали на него изъ желанія консульства; а къ нему доступъ не иначе какъ чрезъ Сеяна; расположение же Сеяна снискивалось только преступленіемъ. Слажено между ними, чтобы Лаціарисъ, который имѣлъ нѣкоторыя отношенія знакомства къ Сабину, подстроилъ ковь, а прочіе должны были явиться свидѣтелями: потомъ уже начать обвиненіе. Такимъ образомъ Лаціарисъ заводилъ сначала какъ бы случайно рѣчь; потомъ сталъ хвалить твердость: «что онъ не такъ какъ другіе пріятель цвѣтущаго дома, «угнетенный оставляетъ». Въмѣстѣ онъ разсуждалъ о Германикѣ, съ честью сожалѣя объ Агриппинѣ. И послѣ того какъ Сабинъ—въ несчастіи вѣдь мягки характеры людей—пролилъ слезы, соединенныя съ жалобами, смѣлѣе уже винить Сеяна, жестокость, гордость, его надежды; даже не воздерживается отъ брани на Тиберія. Эти разговоры—такъ какъ бы они помѣнялись запре-

ценнымъ, сдѣлали подобіе тѣсной дружбы. И уже Сабинъ, съ своей стороны, сталъ отыскивать Лаціариса, приходитъ къ нему въ домъ, дѣлится съ нимъ горемъ какъ съ самымъ вѣрнымъ пріателемъ.

69. Совѣщаются тѣ, о которыхъ я упомянулъ — какимъ образомъ это услышано было большимъ числомъ лицъ, потому что мѣсту, въ которомъ сходились (Сабинъ съ Лаціарисомъ) надобно было оставить видъ уединенія и еслибы они присутствовали за дверями, можно было опасаться какъ бы ихъ не увидали, не услышали, или можетъ быть уже случайно и были подозрѣнія. Между крышею и настилкою потолка спрятались три сенатора въ убѣжищѣ на столько же гнусномъ, на сколько отвратительно было ихъ коварство; къ отверстиямъ и щелямъ прикладываютъ уши. Между тѣмъ Лаціарисъ, встрѣтивъ на улицѣ Сабина, какъ бы для того чтобы рассказать ему только что узнанное, потащилъ за собою въ домъ и въ спальню: прошедшее и настоящее — а всего этого было вдоволь много — и новые предметы опасеній излагаетъ все вмѣстѣ. Точно также и тотъ (Сабинъ) и тѣмъ продолжительнѣе; что горе, разъ прорвется, не легко замолкнетъ. Вслѣдъ за тѣмъ поспѣшили съ обвиненіемъ и посланы къ Цезарю письма, гдѣ рассказали ходъ обмана и свой собственный позоръ. Врядъ ли, когда обществомъ овладѣло такое тревожное состояніе, какъ тогда: стали не довѣрять самымъ близкимъ; стали избѣгать свиданій, разговоровъ, слуха людей и знакомыхъ и незнакомыхъ; даже осматривали нѣкое и бездушное — крышу и стѣны.

70. А Цезарь, въ письмѣ послѣ обычной молитвы по случаю торжества начала новаго года — календъ январскихъ, обратился на Сабина, уличая въ томъ, «что подкуплены нѣкоторые отпущенники и были на него замыслы», и нескротно требовалъ возмездія. Не было замедленія въ опредѣленіи его декретомъ. Влечень былъ осужденный и насколько позволяли ему голова, прикрытая одеждою и туго стянутое горло, съ усиліемъ кричалъ: «такъ начинается годъ! Такія то падаютъ жертвы Сеяну!» Куда бы ни обратилъ глаза, куда бы ни падали слова его, повсюду бѣгство, пустыня: дороги, площади оставлены; и нѣкоторые опять возвращались и показывались снова, опасаясь именно того, что обнаружили робость. «Какой же день свободенъ отъ казни, если среди священнодѣйствій и молебствій, въ то время, «когда въ обычаѣ воздерживается даже отъ неприличныхъ вырженій, надѣваются оковы и пегля? Благоразумно ли Тиберій

«навлекаетъ на себя такую массу ненависти? Изыскано и обдуманно—какъ бы что не помѣшало должностнымъ лицамъ открыть «виѣстѣ капища и олтари, и доступъ въ тюрьму». Послѣдовали вслѣдъ за тѣмъ письма Тиберія, гдѣ онъ благодарилъ за то, что они наказали человѣка враждебнаго общественному порядку» прибавивъ: «въ тревогѣ онъ за свою жизнь, подозрѣваетъ онъ замыслы враговъ». Ни на кого именно не указалъ, но не было сомнѣнія—что онъ тутъ разумѣлъ Нерона и Агриппину.

71. Не будь у меня назначено—все приводить подѣ своимъ годомъ, желалъ бы я душевно зайти впередъ и тотчасъ же припомнить исходъ, какой имѣли Латиній, Опсій и прочіе виновники этого злодѣйства, не только послѣ того какъ К. Цезарь сталъ во главѣ государства, но еще при жизни Тиберія. Онъ—тѣхъ, которые были орудіемъ преступленій, не позволялъ губить другимъ, но по большей части, пресѣтившись и когда являлись на это же дѣло люди свѣжіе, прежнихъ и уже ставшихъ въ тягость—губилъ; но эти и другія казни виновныхъ, передадимъ въ свое время. Тутъ Азиній Галлъ, дѣтямъ, коимъ Агриппина была теткою, подаль мнѣніе: «нужно просить государя—свои «опасенія высказать сенату и дозволить ихъ отстранить». Ни одно изъ своихъ достоинствъ, какъ полагаютъ, Тиберій такъ не любилъ, какъ скрытность; тѣмъ съ большею досадою встрѣтилъ желаніе открыть то, что онъ скрывалъ. Успокоилъ его Сеянъ не изъ любви къ Галлу, но выжидая нерѣшительность государя и зная, что медленно обдумывая, разъ онъ прорвется—къ словамъ печальнымъ присоединитъ жестокія дѣйствія. Около того же времени умерла Юлія; ее, свою внучку, Августъ, уличенную въ прелюбодѣянніи, осудилъ и отбросилъ на островъ Тримиру не далеко отъ береговъ Апуліи; тамъ она вынесла двадцатилѣтнюю ссылку, будучи поддерживаема помощью Августы: она тайно, погубивъ цвѣтущихъ пасынковъ, явно высказывала состраданіе къ гонимымъ.

72. Въ этомъ же году Фризіи, народъ за—Рейнскій, нарушили миръ болѣе вслѣдствіе нашей жадности, чѣмъ не вынося повиновенія. Данъ имъ Друзъ наложилъ умѣренную, по малому ихъ достатку: «чтобы они на военныя потребности платили кожи «быковъ», но никто не позаботился опредѣлить, какая должна быть прочность, мѣра, пока Оленій, изъ примипиларіевъ (*)

(*) *Прим.* Примипиларій—начальникъ первой роты триаріевъ; а *триаріи* луч-

поставленный для управления Фризіями, избралъ кожи буйволовъ (дикихъ, лѣсныхъ быковъ) по образцу которыхъ должны быть принимаемы кожи. Это и для другихъ народовъ тяжелое, тѣмъ труднѣе было вынести Германцамъ; лѣса ихъ богаты были огромными звѣрями, а дома они имѣли небольшія стада. Сначала они отдавали въ неволю самихъ быковъ, потомъ поля, наконецъ—женъ и дѣтей. Вслѣдствіе этого —раздраженіе и жалобы, и когда и это не помогало, стали искать облегченія въ войнѣ: схвачены войны, которые находились при сборѣ этого налога и повѣшены. Олений предупредилъ бѣгствомъ непріязнь и удалился въ укрѣпленіе, называемое *Флсвз*. Не маловажны тамъ силы гражданъ и союзниковъ прикрывали берега океана. Когда объ этомъ узналъ Л. Апруній, пропреторъ нижней Германіи, призвалъ онъ значки легіоновъ изъ верхней провинціи и отборныхъ воиновъ пѣшихъ и конныхъ изъ вспомогательныхъ войскъ. И вмѣстѣ то и другое войско, привезя его по Рейну, ввелъ въ земли Фризіевъ, а уже осада крѣпости была снята и бунтовщики ушли защищать свое достояніе. А потому ближайшее теченіе рѣки укрѣпилъ насыпями и мостами, для того чтобы перевести войска болѣе тяжелыя; а между тѣмъ, найдя броды, эскадрону Каннифатскому и всѣмъ пѣшимъ Германцамъ, сколько ихъ было у насъ на службѣ, отдалъ приказаніе обойти непріятеля съ тылу, а тѣ, уже устроясь въ боевой порядокъ, тѣснить союзные отряды союзниковъ и всадниковъ легіоновъ, на помощь имъ посланныхъ. Тутъ пущены въ дѣло сначала три легкихъ когорты и потомъ двѣ, затѣмъ, спустя нѣкоторое время — союзные всадники. Этихъ силъ было бы достаточно, еслибы они налегли разомъ; но какъ они подходили съ промежутками, то и не придавали твердости пришедшимъ въ замѣшательство и сами увлекаемы были робостью бѣгущихъ. Передалъ Цетегу Лабелону, легату пятого легіона все что оставалось еще вспомогательнаго войска и тотъ, при сомнительномъ положеніи и самъ увлеченный въ опасность послалъ гонцовъ и умолялъ о подкрѣпленіи силами легіоновъ. Бросились прежде всѣхъ войны пятого легіона и, въ упорномъ сраженіи, сбивъ непріятеля, принимаютъ къ себѣ когорты и эскадроны, изнемогшіе отъ раны. Да и вождь Римскій не пошелъ мстить и тѣла не предалъ погребенію, хотя пали многіе изъ трибуновъ,

шіе солдаты римскаго легіона, составлявшіе *третій* рядъ (оттого и названіе) за *гастатами* и *принципами*; ихъ тогда вводили въ дѣло, когда была крайняя надобность въ людяхъ.

префектовъ и самые видные изъ сотниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ узнали отъ перебѣжчиковъ, что девятьсотъ Римлянъ у роци, называемой *Бадугенне* — побиты въ сраженіи, протянувшемся до другого дня; а другой отрядъ въ четыреста человекъ занялъ виллу Крупторика, когда то находившагося на жалованіи у Римлянъ и воины, изъ опасенія предательства, сами себя поразили взаимными ударами.

74. Прославилось вслѣдствіе этого между Германцами — имя Фризовъ: скрывалъ Тиберій уронъ, чтобы никому не поручать веденія войны. Да и сенату не было въ томъ заботы — не терпитъ ли государство безчестія на границахъ: внутренній страхъ овладѣвалъ душами и пособія ему искали только въ лести. А потому, хотя ихъ мнѣнія спрашивали совершенно о другихъ предметахъ, они постановили: «жертвенникъ Милосердію, жертвенникъ Дружбѣ, и изображенія около нихъ Цезаря и Сеяна.» Частыми просьбами усиливались: «чтобы далъ возможность его «видѣть.» Впрочемъ они (Тиберій и Сеянъ) не пошли ни въ городъ, ни въ прележащія къ нему мѣста. Достаточнымъ показалось — оставить островъ и показаться въ ближайшемъ мѣстѣ Кампаніи. Туда явились сенаторы, всадники, большая часть простаго народа, весьма озабоченные относительно Сеяна, свиданіе съ которымъ было затруднительно и снискивалось только ухаживаніемъ и общеніемъ намѣреній. Довольно было достовѣрно, что надменность увеличилась у него, когда онъ увидалъ явно самое гнусное раболѣпство. Въ Римѣ посѣщенія были въ обычаѣ и, по огромности города, было неизвѣстно на какое кто шелъ дѣло; а тамъ, расположившись по полю или берегу, безо всякаго различія днемъ и ночью, переносили вмѣстѣ благоволеніе или наглость привратниковъ; когда и это было запрещено и возвратились въ городъ смущенными тѣ, которыхъ не удостоили ни словомъ, ни видомъ своимъ. Нѣкоторые и обрадованные, но къ дурному; ихъ неблагополучной дружбѣ угрожалъ, и скоро, тяжкій конецъ.

75. Впрочемъ Тиберій внучку Агриппину, родившуюся отъ Германика, при себѣ передалъ Кн. Домицію, а свадьбу велѣлъ праздновать въ городѣ. Въ Домиціѣ кромѣ древности рода — избралъ близкую Цезарямъ кровь, такъ какъ у него бабушка была Октавія, а черезъ нея Августъ — дѣдъ по матери.

КНИГА ПЯТАЯ.

Содержаніе: Глава 1. Смерть Августы Ливіи и похвальное ей слово.—2. Тиберій несправедливъ даже къ мертвой.—3. Сеяна власть увеличивается. Агриппина и Неронъ обвинены государемъ.—4. Благосклонность къ нимъ народа—5. при раздраженіи Тиберія. Недостатокъ событій за три года.—6. Сеянь, когда стремленіе къ власти открыто, гибнетъ—7.—9. съ большимъ числомъ друзей своихъ.—10. Псевдо(лже) — Друза преслѣдуетъ Помпей Сабинъ.—11. Раздоръ консуловъ.

Все это дѣлалось въ теченіе почти трехъ лѣтъ въ консульство К. Рубеллія Цемина и К. Фуфія Гемина, М. Винуція Квартина, К. Кассія Лонгина, Тиберія Цезаря въ пятый разъ и Элія Сеяна.

1. Въ консульство Рубеллія и Фуфія—и у того и у другаго изъ нихъ было прозваніе Геминъ—умерла Юлія Августа, въ крайне глубокой старости, чрезвычайной знатности рода, черезъ семейство Клавдіевъ и усновленіемъ Ливіевъ и Юліевъ. Первое ея супружество и дѣти были съ Тиберіемъ Нерономъ; бѣглець въ войну Перузинскую, онъ, по заключеніи мира между Секстомъ Помпеемъ и триумвирами возвратился въ городъ. Велѣдъ за тѣмъ Цезарь, прельстясь наружностью, отнял ея у мужа, неизвѣстно противъ ея ли воли и до того спѣшилъ что даже не давъ времени родить, беременную ввелъ къ себѣ домъ. Никакого послѣ того потомства не произвела она, но, вступивъ въ кровный союзъ съ Августомъ, велѣдствіе соединенія Агриппины и Германика, имѣла общихъ внуковъ. Святостью домашней жизни вѣрная древнимъ обычаямъ, ласковая болѣе, чѣмъ одобрялось у женщинъ въ прежнее время, мать безсильная, жена слабая и хорошо знакомленная съ хитростями мужа, съ притворствомъ сына. Похороны ея были не пышны, а завѣщаніе долго оставалось неисполненнымъ; хвалима она съ роствъ правнукомъ К. Цезаремъ, который вскорѣ сталъ во главѣ государства.

2. А Тиберій, не присутствовавъ при отдачѣ послѣдняго долга матери, нисколько не измѣнивъ пріятнаго ему образа жиз-

ни, письмомъ извинился *многочисленностью* долъ. Памяти Юліи Сенатомъ оказанныя щедро почести, онъ (Тиберій) уменьшилъ, оставивъ весьма небольшое и прибавивъ, чтобы: «отнюдь не было «опредѣлено божественное поклоненіе; такъ она сама предпочла.» А въ части этого письма коснулся съ порицаніемъ *женскихъ привязанностей*, косвенно упрекая консула Фуфія. Онъ цвѣлъ расположеніемъ Августы, имѣя все для прельщенія женскихъ умовъ; притомъ же онъ былъ болтливъ и имѣлъ въ обычаѣ насмѣхаться надъ Тиберіемъ въ рѣзкихъ шуткахъ, а люди сильные помнятъ объ этомъ очень долго.

3. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ господство Тиберія сдѣлалось крутымъ и стѣснительнымъ. Пока жива была Августа, было еще прибѣжище, потому что у Тиберія сохранялось еще старинное почтеніе къ матери, да и Сеянъ не смѣлъ опережать вліяніе родительницы. А тутъ, какъ бы разорвавъ узду, пустились во все; отправлены письма противъ Агриппины и Нерона; о нихъ народъ полагалъ, что они давно принесены и задержаны Августою и черезъ немного времени послѣ ея смерти, прочитаны. Выраженія были изысканно суровы: но въ вину ставилъ не оружіе, не стремленіе къ новому порядку вещей, а попрекалъ внука *страстью къ молодымъ людямъ и безстыдствомъ поведенія*. На невѣстку и этого не дерзнувъ придумать, взводилъ обвиненіе въ надменности лица и дерзновенномъ образѣ мыслей, къ большому страху и молчанію сената: пока немногіе—которымъ нечего было надѣяться отъ честнаго образа дѣйствій (и общественное зло для отдѣльныхъ личностей служитъ средствомъ снискать милость) стали требовать: «*чтобъ было доложено.*» Больше всѣхъ усердія показывалъ Котта Мессалинъ съ мнѣніемъ немилосердымъ; но другія знатныя лица, преимущественно должностныя, находились въ тревогѣ, потому что Тиберій, хотя и непріязненно нападалъ, прочее все оставилъ подъ сомнѣніемъ.

4. Былъ въ сенатѣ Юній Рустикъ, избранный Цезаремъ для редактированія распоряженій сената; вслѣдствіе этого думали, что онъ проникаетъ въ его размышленія. Онъ то подъ какимъ то роковымъ вліяніемъ (и до того времени не былъ онъ образцомъ твердости) или отъ ложнаго усердія—въ опасеніи неизвѣстнаго, забывъ о настоящемъ—вмѣшался среди людей, полныхъ сомнѣнія и убѣждалъ консуловъ: «не начинать докладъ, «разсуждая, что въ краткое мгновеніе могутъ имѣть другой оборотъ самыя важныя дѣла, и, можетъ быть, Герм... раскаяніе

«старика.» Тутъ и народъ, неся изображенія Агриппины и Нерона, сталъ около зданія сената и съ радостными Цезарю пожеланіями, кричалъ: «письма лживыя и противъ воли государя грозятъ гибелью этому дому (Германика).» И такимъ образомъ въ этотъ день не совершилось ничего грустнаго; даже подаваемы были, подъ именами бывшихъ консуловъ, мнѣнія, придуманныя противъ Сеяна. Весьма многіе скрытно, и тѣмъ рѣзче даваема волю изобрѣтательности; а вслѣдствіе этого гнѣвъ его (Сеяна) былъ тѣмъ сильнѣе, а равно и поводъ къ обвиненіямъ: «пренебрежена сенатомъ скорбь государя; отпалъ и народъ; уже «слушаютъ и читаютъ новыя рѣчи, новыя декреты сената. Что «же еще осталось, какъ не взяться за оружіе и чѣмъ изображеніямъ послѣдовали они вмѣсто знаменъ—тѣхъ и взять вождями и императорами?»

5. А потому Цезарь, повторивъ порицанія, высказанныя имъ противъ внука и невѣстки, эдиктомъ попенявъ простой народъ, жаловался передъ сенатомъ, что: «обманомъ одного сенатора все-народно осмѣяно величіе императора;» но требовалъ, чтобы все дѣло было поручено вполнѣ ему (Тиберию). Разсужденій больше не было, а тѣмъ менѣе возможно было опредѣлить что либо рѣшительное—это было запрещено; а только сенаторы свидѣтельствовали «что готовы они къ отпущенію, но препятствуетъ имъ «власть государя.»... Сорокъ четыре рѣчи сказаны объ этомъ дѣлѣ; изъ нихъ немногіе, вслѣдствіе страха, а большая часть по привычкѣ.... я полагаю, что я причиню себѣ стыдъ, а Сеяну навлеку негодованіе.... Счастіе перемѣнилось и даже тотъ, кто его принялъ товарищемъ и зятемъ, ему прощаетъ, а прочіе того, за кѣмъ съ позоромъ ухаживали, съ преступленіемъ преслѣдуютъ.... что бѣдственнѣе—за дружбу терпѣть обвиненіе, или друга обвинять, рѣшать не берусь.... ни жестокости, ни милосердія ничьего испытывать не стану, но свободнымъ и самъ себѣ вѣрный, предупреджу опасность. А васъ заклинаю, чтобы вы не съ грустью воспоминали обо мнѣ исполненномъ радости, прибавивъ и имена къ списку тѣхъ, которые честнымъ концомъ избѣжали общественныхъ золъ.

7. Тутъ онъ съ каждымъ порознь, чьего присутствія или разговора онъ хотѣлъ, удерживалъ или отпускалъ, и въ томъ провелъ часть дня и среди еще многолюднаго собранія, когда всѣ видѣли его неустрашимое лицо и полагали, что еще остается времени въ избыткѣ для рѣшительнаго конца, налегъ на мечъ,

спрятанный на груди. Да и Цезарь не преслѣдовалъ умершаго какими либо обвиненіями или порицаніями, между тѣмъ какъ на Блеза взводилъ много гнуснаго.

8. Доложено потомъ о П. Вителліѣ и П. Секундѣ; перваго доносчики уличали, что онъ: «желавшимъ переворота предло-
«жилъ доступъ въ казнохранилище, надъ которымъ былъ на-
«чалникомъ, и военныя деньги.» Ему Консидій, занимавшій долж-
ность претора, ставилъ въ вину «пріязнь Эмія Галла, который,
«послѣ казни Сеяна, убѣждалъ въ сады Помпонія, какъ убѣжи-
«ще самое вѣрное.» И находившимся въ опасности не было дру-
гой помощи, какъ въ постоянствѣ братьевъ, явившихся порука-
ми. Вслѣдъ за тѣмъ, при частыхъ отсрочкахъ, Вителлій, тре-
вожимый одинаково и надеждами и опасностями, выпросивъ подъ
предлогомъ ученыхъ занятій ланцетъ, нанесъ легкій ударъ въ
жилы и окончилъ жизнь, скорбя духомъ. А Помпоній, знамени-
тый умомъ и ведшій жизнь нравственно и изящно, равнодушно
перенесъ невзгоду и пережилъ Тиберія.

9. Постановлено вслѣдъ за тѣмъ: «чтобы и къ остальнымъ
«дѣтямъ Сеяна примѣнена была казнь.» Хотя раздраженіе про-
стаго народа уже проходило и большинство было уже удовлет-
ворено прежними казнями. Вслѣдствіе этого отнесли въ тюрьму
сына, уже понимавшаго что ему угрожало, а дѣвочку, до того
непонимавшую, что она часто спрашивала: «за какой просту-
«покъ и куда ее влекутъ? больше она того дѣлать не станетъ»
и можно ее дитя наказать и розгами. Передаютъ писатели того
времени, что такъ какъ неслыханнымъ считалось дѣвственницу
подвергнуть триумвиральской казни, то палачъ ее изнасиловалъ
подлѣ висѣлицы; потомъ съ перетянутыми горлами тѣла этого
возраста брошены въ гемоніи.

10. Около этого же времени Азія и Африка приведены въ ужасъ
болѣе рѣзкимъ, чѣмъ продолжительнымъ слухомъ, будто бы Друза,
сына Германика, видѣли на Цикладскихъ островахъ, а вслѣдъ за
тѣмъ и на твердой землѣ. И дѣйствительно явился молодой чело-
вѣкъ соответствующаго возраста, съ хитрымъ замысломъ, сопровож-
даемый нѣкоторыми отпущенниками Цезаря, какъ будто ими узна-
нный. Привлекала незнающихъ слава имени и расположеніе Грековъ
во всему новому и чудесному: «будто бы, вырвавшись изъ подъ
«стражи идетъ онъ къ отцовскимъ войскамъ, съ тѣмъ, чтобы завла-
«дѣть Египтомъ, или Сирією»—такъ и вымышляли вмѣстѣ и вѣ-
рили. Уже сбѣгалась молодежь, уже сдѣлался онъ предметомъ об-

щественнаго уеердія, радуясь настоящему въ несбыточныхъ надеждахъ. Тутъ то услыхалъ это Поппей Сабинъ; въ то время занятый Македонією имѣлъ онъ попеченіе и объ Ахайѣ. А потому, чтобы упредить справедливое ли, ложное ли, онъ послѣшно прошелъ заливы Торонейскій и Термейскій, потомъ Эвбею, островъ Эгейскаго моря и Пирей на берегу Аттики; потомъ вышелъ на Коринескій берегъ въ узкомъ мѣстѣ Истиса и войдя на другомъ морѣ въ Никопольскій—Римское поселеніе, тутъ то наконецъ узналъ и на тщательные распросы о томъ кто онъ? тотъ отвѣчалъ, что родился отъ М. Силана. Многіе изъ слѣдовавшихъ за нимъ разошлись и онъ вошелъ на корабль какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Италію. Онъ написалъ это Тиберію. Дальнѣйшихъ свѣдѣній, ни о началѣ, ни о концѣ этого событія не находимъ.

11. Въ концѣ года обнаружился между консулами раздоръ, давно уже возраставшій, потому что Трио, легко приобретавшій непріязни и опытный на форумѣ, косвенно упрекнулъ Регула въ недостаткѣ дѣятельности при подавленіи слугъ Сеяна. Тотъ держался скромности, если его не затронуть и не только отразилъ (нападки) товарища, но и привлекалъ къ слѣдствію, какъ виновнаго въ заговорѣ. Многіе сенаторы просили отложить ненависть, имѣющую обратиться на гибель, но они оставались непріязненными и грозили другъ другу, пока не оставили должности.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Содержаніе: Главы 1. Гнусныя страсти Тиберія.—2. Жестокое преслѣдованіе самой памяти Сеяна и Ливіи. Государь насмѣхается надъ лестью Тогонія.—3. Галліона за лесть бранить и наказываетъ. Паконіанъ.—4. Лаціарисъ. Раздоръ консуловъ успокоиваетъ Максимъ.—5. Котта Мессалинъ обвиненъ.—6. Тиберія сознаніе, сокровенныя мученія тирановъ.—7. Цециліанъ, Сервей, Термъ осуждены. Частые доносы.—М. Теренцій, обвиненный за дружбу Сеяна, защищается отлично и свободно.—9. оправданъ. Вестиллій умерщвляетъ себя; большая часть обвинены сподрядъ.—10. Л. Пизона смерть и погребеніе.—11. Начало и развитіе городской

префектуры.—12. О сибиллинскихъ стихахъ совѣщаніе.—
13. Возмущеніе въ Римѣ вслѣдствіе дороговизны хлѣба усми-
рено.—14. Всадники Римскіе падаютъ жертвамъ обвиненія
въ заговорѣ.—15. Дочери Германика отданы за Л. Кассія и
М. Виниція.—16. Ростовщики обвинены; подавлена лихва.—
17. Щедростью Цезаря возстановленъ кредитъ.—18. Опять
обвиненія въ оскорбленіи величества и—19. всѣ обвиненные
въ товариществѣ съ Сеяномъ умерщвлены.—20. К. Цезарь
береть Клавдію. Тиберія предсказаніе о Сер. Гальбѣ.—21.
Искусство Халдеевъ. Тразиллъ.—22. Сомнѣніе о судьбѣ.—
23. Азиній Галлъ умираетъ. Жалкая смерть Друза.—24.
Ожесточеніе противъ него Тиберія.—25. Агрипина поги-
баетъ голодомъ.—26. Кокцей Нерва добровольно оставляетъ
жизнь.—27. Смерть Элія Ламіи, Флакка Помпонія, М. Лепи-
да.—28. Въ Египтѣ видѣли феникса; о немъ разказы и
сужденія.—29. Лабеонъ умираетъ добровольно, при стараніи
Тиберія отклонить нерасположеніе. Скавръ предупреждаетъ
осужденіе.—30. Разные граждане изгнаны изъ города. Ге-
туликъ удивительною самонадѣянностью уклоняется.—31.
Парѣамъ, желавшимъ удалить Артабана и просившимъ царя,
Тиберій даетъ Фраата и—32. послѣ его смерти, назначаетъ
Тиредата. Надъ Востокомъ дѣлаетъ начальникомъ Вителлія.—
33.—35. Армяне нападаютъ на Парѣовъ; имъ помогаютъ Албан-
цы и Иберы, происходя еще отъ Фессалійцевъ.—36. Когда
Артабанъ бѣжалъ въ Скиею,—37. Тиридатъ его замѣщаетъ.—
38. Въ Римѣ Тиберій продолжаетъ жестокости.—39. Уми-
раетъ Понпей Сосбинъ.—40. Смерть Вибулея Агриппы, Тиг-
рана, Емилии Лепиды.—41. Клитовъ Каппадоковъ, возмутив-
шихся противъ своего царя, подавляетъ Требеллій.—42. Ти-
ридатъ принимаетъ царскіе знаки,—43. вслѣдъ за тѣмъ несо-
гласіемъ вельможъ изгнанъ и—44. Артабанъ возстановленъ.—
45. Большой пожаръ въ Римѣ Тиберій смягчаетъ своею ще-
дростью. Макро завлекаетъ Калигулу.—46. Тиберій недоумѣ-
ваетъ о наслѣдникѣ; его предсказаніе о Калигулѣ; скрываетъ

болѣзнь.—47. Акуція осуждена; Альбуцилла подвергается доносу въ неуваженіи къ государю.—48. Аррунцій, наскучивъ обстоятельствами времени, разрѣзаетъ жилы.—49. Папній бросается.—50. Тиберій скрываетъ свой упадокъ силъ, открытый хитростью доктора Хариклеса. Кончается задавленный.—51. Разныя съ нимъ случайности и смерть.

Все это совершилось въ теченіи почти шести лѣтъ, при консулахъ Кн. Домицій и М. Фуриі Кампиль, Серв. Сультицій Гальбъ и Л. Корнели Суллъ, П. Фабіи и Л. Вителліи, Г. Гестіи Галлъ и М. Сервиліи Руфъ, К. Плавтіи, Секст. Папніи, К. Ацерроніи и К. Понтіи.

1. Кн. Домицій и Камилль Скрибоніанъ вступили въ консульство, когда Цезарь, переправившись черезъ проливъ, отдѣляющій Каприи и Суррептъ, шелъ вдоль Кампаніи, колеблясь—не войдти ли въ городъ или уже твердо рѣшась на противное, притворяясь будто бы взойдетъ. Часто доходилъ онъ очень близко, посѣтилъ даже сады у Тибра, но потомъ опять удалился къ утесамъ и уединенію моря, стыдясь своихъ преступленій и разврата. Онъ воспылалъ до того необузданною похотливостью, что, по обычаю царей, благородную молодежь осквернялъ растлѣніемъ, и побужденіемъ похоти служили не только красота и хорошія формы тѣла, но въ однихъ—дѣтская скромность, въ другихъ—изображенія предковъ. Тутъ то въ первый разъ придуманы названія дотолѣ неизвѣстныхъ: отходниковъ (селларіевъ) и *спинтріевъ*, вслѣдствіе гнусности мѣста и многообразнаго терпѣнія. Подстроены рабы, которые должны были отыскивать, увлекать съ дарами, готовыми угрозами противъ отказывающихся; а если удерживали родители или родственники, то приводили въ дѣло насиліе, похищеніе и вообще что ни вздумалось, какъ бы противъ плѣнныхъ.

2. А въ Римѣ въ началѣ года, какъ бы только тутъ узнали преступленія Ливіи и какъ будто не были они уже давно наказаны, произносимы были жестокія мнѣнія на ея изображенія и память и о томъ, чтобы имущество Сяна было взято изъ общественной казны и передано въ собственную Императорскую—какъ будто бы въ этомъ была разнища. И такъ—Сципіоны, и Силаны

и Кассіи, этими же почти или немного измѣненными словами— подавали мнѣнія съ большою настойчивостью. Какъ вдругъ пришлось съ насмѣшкою выслушать Тогонія Галла, который свою малоизвѣстность примѣшалъ къ знатнымъ именамъ. Онъ умолялъ государя: «назначить сенаторовъ, изъ которыхъ двадцать, избранные по «жеребью и мечемъ опоясанные, всякій разъ какъ только будетъ «входить въ зданіе сената, должны защищать его безопасность». Повѣрилъ онъ, разумѣется, письму, въ которомъ Тиберій требовалъ солѣйствія другаго консула для того, чтобы безопасно отъ Капрен добраться до города. А Тиберій, у котораго было въ обычаѣ мѣшать шуточное съ важнымъ, благодарилъ сенаторовъ за ихъ расположеніе: «но кого же изъ нихъ онъ можетъ опустить? кого изъ «брать? постоянно ли однихъ и тѣхъ же? Или за одними другихъ? «И покрытыхъ уже почестями или молодыхъ людей? Изъ частныхъ «или должностныхъ лицъ? И что это будетъ за видъ—брать имъ «мечи на порогъ Куріи? Да и жизнь не такъ ему дорога, если «пришлось бы защищать ее оружіемъ». Вотъ что противъ Тогонія, умѣряя выраженія и совѣтовалъ только отмѣнить мнѣніе.

3. Но Юлія Галліена подавшего мнѣніе, чтобы преторіанцы, по окончаніи срока службы, получали право, сидѣть на четырнадцати скамейкахъ, назначенныхъ для всадниковъ—сильно побранилъ, какъ бы лицомъ къ лицу спрашивая: «что ему (общаго) съ воинами? «Имъ слѣдуетъ и приказанія и награды получать отъ одного лишь «императора. Нашли и то чего не предвидѣлъ божественный Августъ. Не скорѣе ли Сеяномъ слуга добивался раздора и возмущенія? И грубые умы видомъ почести побудить къ порчѣ военныхъ обычаевъ». Такую то награду получилъ Галлій за обдуманную лесть, будучи изгнанъ немедленно изъ сената, потомъ изъ Италіи. И такъ какъ его винили, что легко ему будетъ переносить ссылку на избранномъ имъ островѣ Лабосѣ, именитомъ и веселомъ, то онъ возвращенъ въ городъ и содержится подъ стражею, въ домахъ сановниковъ. Этимъ же письмомъ Цезарь сразилъ Секста Паконіана, бывшаго претора, къ большой радости сенаторовъ, смѣлаго, злонамѣреннаго, подстерегавшаго тайны всѣхъ, избранный Сеяномъ, чтобы при его содѣйствіи приготовить коварный умыселъ къ Цезарю. Когда это открылось, вырвалась наружу давно уже созрѣвавшая ненависть и опредѣлена была бы смертная казнь, если бы онъ не высказалъ доносъ. А когда онъ началъ на Латинія Лаціара, то и обвинитель и обвиненный, равно ненавистные, представили пріятнѣйшее зрѣлище. Лаціарисъ, какъ я уже говорилъ,

нѣкогда главную роль въ гибели Тицезія Сабина, и въ то время первый долженъ былъ поплатиться за это наказаніемъ. Тутъ же Гатерій Агриппа напалъ на прошлогоднихъ консуловъ: почему, затѣявъ взаимное обвиненіе, теперь молчатъ? Конечно, союзомъ имъ служить страхъ и вредныя послѣдствія единомыслія; а отъ сенаторовъ не должны они скрывать, чтобы ни услышали. На это отвѣчали—Регулъ: есть еще время для отпущенія и онъ приведетъ свое намѣреніе въ исполненіе передъ государемъ; а Тріо—соревнованіе было между товарищами и если они что въ раздорѣ высказали, то лучше предать это забвенію. Когда Агриппа сильно приставалъ съ этимъ, то Санквиній Максимъ изъ бывшихъ консуловъ умолялъ сенатъ: «не увеличивать заботы императора, отыскивая «вездѣ раздраженіе; достаточно и его (сената) чтобы помочь этому «дѣлу». Такимъ образомъ Регулъ спасенъ, а Тріона гибель отсрочена. Гатерій былъ тѣмъ ненавистнѣе, такъ какъ изнуренный сномъ или распутною безсонницею и по своей лѣни не опасавшійся государя, какъ ни былъ онъ жестокъ, обдумывалъ гибель людей знатныхъ среди обжорства и разврата.

5. Велѣдъ за тѣмъ Котта Мессалинъ, виновникъ постоянно самихъ строгихъ мнѣній и потому уже давно ненавистный, какъ только дана была возможность, уличается въ весьма многомъ: будтобы онъ говорилъ о К. Цезарѣ, какъ кровосемѣтельной возмужалости и когда, въ день рожденія Августы, пировалъ онъ между священниковъ, назвалъ этотъ ужинъ девятидневными поминками: жалуясь на силу М. Лепида и Л. Аррунція, съ коими имѣлъ споръ по денежному дѣлу, прибавилъ: «пусть ихъ сенатъ, «а меня защититъ мой Тиберчикъ». И не во всемъ находилъ онъ защиту у первыхъ лицъ государства. При ихъ настойчивости апеллировалъ къ императору и немного спустя принесено было письмо, въ которомъ, въ видѣ защиты, обратился къ началу дружбы между нимъ и Коттою и, припомнивъ частые его услуги, требовалъ: чтобы не обрачаемы были въ преступленія слова злонамѣренно перетолкованныя и чистосердечіе бесѣдъ за пиршествомъ. Особенно замѣчательно показалось вступленіе этого письма Цезарева, такъ какъ онъ началъ этими словами: «если «я, отцы достопочтенные, знаю, что вамъ писать или какимъ «образомъ писать, или вовсе не писать въ это время, то пусть «меня боги и богини накажутъ хуже, чѣмъ я теперь чувствую «себя гибнущимъ ежедневно!» До такойто степени его преступленія и пороки обратились къ его собственной казни. И не да-

ромъ лучший въ дѣлѣ мудрости имѣлъ обыкновеніе утверждать, что еслибы открылись внутренности тирановъ видны были бы терзанія и удары: и какъ тѣло раздирають побои, такъ духъ терзаемъ жестокостью, похотливостью, злыми намѣреніями; потому что Тиберія не защитили ни его высокое положеніе, ни уединеніе отъ признанія во внутреннихъ мученіяхъ и въ своей собственной казни.

7. Тутъ, когда сенаторамъ дана была возможность постановить о Цециліанѣ, сенаторѣ, который болѣе другихъ свидѣтельство-валъ на Котту, постановлено: «назначить тоже наказаніе, какое «Арузею и Санквинію, обвинителямъ Л. Аррунція». И ничего не могло быть почетнѣе для Котты; онъ благороднаго происхожденія, но отъ роскоши въ нуждѣ, опозоренный порочными поступками, достоинствомъ (степенью) возмездія сравнялся съ Аррунціемъ, отличавшимся святостью жизни. Послѣ того введены Квинтъ Сервей и Минуцій Термъ: Сервей, исполнявшій должность претора и когда то изъ свиты Германика; Минуцій изъ сословія всадниковъ—скромно пользовались они дружбою Сеяна и вслѣдствіе этого къ нимъ было больше состраданія. Напротивъ Тиберій, порицая ихъ какъ первыхъ на преступленія, внушалъ К. Цестію отцу—высказать сенату; что онъ ему написалъ и Цестій взялъ на себя обвиненіе. И въ особенности гибельное принесли тѣ времена, когда знатнѣйшіе сенаторы занимались самыми низкими доносами: одни явно, а многіе тайно, и не отличилъ бы ты чужихъ отъ родныхъ, друзей отъ незнакомыхъ, что недавное и что уже стало темно отъ времени: одинаково о чемъ бы ни переговорили на форумѣ, на пиршествѣ, были обвиняемы, такъ какъ каждый спѣшилъ предупредить и указать на виновнаго: одни защищали себя, а большая часть какъ бы зараженные въ здоровьи и обращеніи; но Минуцій и Сервей осужденные присоединились къ доносчикамъ. Вовлечены въ тоже положеніе Юлій Африканъ, изъ Сантонъ Галльскаго города и Сей Квадратъ: его происхожденія не отыскалъ. И не безъизвѣстно мнѣ, что большая часть писателей опустили многихъ опасности и казни, утомленные ихъ многочисленностью или опасаясь, какъ бы то, что и имъ показалось излишнимъ и печальнымъ, такую же скукою не поразило читателя. Намъ большая часть достойнаго памяти попала, хотя другими не упоминая.

8. Такъ въ то время, когда прочіе ложно снимали съ себя (обвиненіе) въ дружбѣ Сеяна, осмѣливался всадникъ Римскій М.

Теренцій, за это именно обвиненный, въ ней сознаться, обратясь такъ къ сенату: «судьбѣ моей можетъ быть и не такъ будетъ «выгодно, если я сознаю обвиненіе, чѣмъ буду его отрицать, но «какія бы ни были послѣдствія, сознаюсь, что и былъ я другомъ «Сеяна, и добивался быть имъ, и радовался, когда сдѣлался имъ. «Видѣлъ я его сотоварищемъ отца въ управленіи преторіанскими «когортами; велѣдъ за тѣмъ вмѣстѣ исполнявшимъ обязанности «и гражданскія и военныя; его близкіе и родные осыпаны были «почестями. Насколько кто коротокъ съ Сеяномъ, но столько си- «ленъ въ дружбѣ Цезаря. Напротивъ, кому онъ былъ непріяз- «ненъ—опасеніемъ и позоромъ поражаемы были. Никого не при- «вожу въ примѣръ, но всѣхъ, которые были чужды его послѣд- «няго замысла, я буду защищать съ опасностью меня одного. «Чтили мы не Сеяна, уроженца Вульнній, но часть семейства «Клавдіевъ и Юліевъ, въ которыя вошелъ онъ свойствомъ; тво- «его, Цезарь, зятя, товарища твоего консульства, исполнителя «твоихъ обязанностей дѣлу общественному. Не наше дѣло обсу- «живать—кого ты возвышаешь надъ другими и по какимъ при- «чинамъ. Боги дали тебѣ верховное сужденіе обо всемъ; намъ «осталась слава повиновенія. Мы видимъ то, что у насъ передъ «глазами—кому ты даешь силы, почести, власть наиболѣе и при- «нести пользы и повредить. А что Сеянъ имѣлъ все это—ни- «кто и отрицать не станетъ. Сокровенныя же чувства государя «и не готовитъ ли онъ что либо втайнѣ, размыкивать—непоз- «волительно и опасно: да и все таки не узнаешь. Отцы досто- «почтенные, припомните не послѣдній день Сеяна, но шестнад- «цать лѣтъ (его могущества); даже Сатрія и Помпонія, и тѣхъ «мы чтили; за большую честь считалось сдѣлаться извѣстнымъ «даже его отпущенникамъ и привратникамъ. Чтожь это? Неуже- «ли безразлично будетъ обвиненіе и смѣшанно? Нѣтъ, разгра- «ните вѣрными чертами: пусть будутъ наказаны коварные за- «мыслы противъ общественнаго порядка и жизни императора: «а относительно дружбы и ея обязанностей одинъ и тотъ же «конецъ: Цезарь, оправдаетъ и тебя, и насъ».

9. Твердость рѣчи и потому что нашелся, кто бы высказалъ то, что у всѣхъ было на душѣ,—все это возмогло на столько, что обвинители его, съ присоединеніемъ въ чемъ прежде погрѣшили, наказаны ссылкой или смертью. Послѣдовали за тѣмъ письма Тиберія на Секста Вестилія, бывшаго претора; его весьма любимаго братомъ Друзомъ, перевелъ въ свою когорту. Причина

оскорбленія Вестилію была: или сочинилъ онъ кое-что на К. Цезаря, какъ (будто бы) безстыднаго, или едѣлано довѣріе вымышленному. За это устранинный изъ общества государя, когда старческаго рукою принялся было за желѣзо, перевязалъ жилы; умолялъ было его запискою, получилъ немилосердый отвѣтъ; открылъ жилы. Велѣдъ за тѣмъ разомъ потребованы на судъ въ оскорбленіи величества—Анній Полліо, Аппій Силанъ вмѣстѣ съ Скавромъ Мамеркомъ и Сабиномъ Кальвизіемъ; въ Полліону отцу присоединенъ Виниціанъ, знатные родомъ и нѣкоторые послѣ высшихъ почестей. Содрогнулись сенаторы: такъ какъ кто же былъ чуждъ или связей родства или дружбы съ столькими знаменитыми людьми? Но Цельсъ, трибунъ городской когорты, въ то время, въ числѣ доносчиковъ (находившихся), изъясилъ изъ опасности Аппія и Кальвизія. Цезарь Полліона и Виниціана и Скавра дѣло, чтобы самому разобрать съ сенатомъ, отложилъ, давъ нѣкоторые противъ Скавра печальныя отмѣтки. Даже и женщины не были изъяты изъ опасности; а такъ какъ нельзя же было ихъ обвинить въ домогательствѣ стать во главѣ вещей, то за слезы ихъ обвиняли. Казнена старушка Витія, мать Фузія Гемина за то, что оплакивала смерть сына. Вотъ что у сената (дѣлалось). И не иначе и у государя: Вексуларій Аттикъ и Юлій Маринъ гонятся на смерть—а они изъ стариннѣйшихъ его приближенныхъ послѣдовали въ Родосъ и въ Капреи были неразлучны. Вексуларій—передатчикъ коварнаго умысла противъ Либона: съ участіемъ Марина Селянъ подавилъ Курція Аттика и тѣмъ съ большею радостью принято, что на совѣтниковъ палъ ихъ собственный примѣръ.

10. Въ это же время умеръ первосвященникъ Л. Пизонъ своею смертию—явленіе рѣдкое при такой извѣстности; никакого рабскаго мнѣнія не былъ онъ добровольнымъ виновникомъ и всякій разъ какъ только предстоила въ томъ необходимость, благоразумно смягчая. Я уже припоминалъ, что отецъ его былъ цензоромъ: дожилъ до восьмидесяти лѣтъ; почести триумфа заслужилъ онъ во Фракіи; но особенная слава его была въ томъ, что, будучи послѣднее время префектомъ города, власть постоянную и по новостямъ повиновенія тяжелую, удивительно смягчилъ.

11. И прежде, при отъѣздѣ изъ города царей, а велѣдъ за ними должностныхъ лицъ, дабы городъ не оставался безъ власти, избираемъ былъ на время тотъ, кто оказывалъ бы правосудіе и оказывалъ бы заботу въ случаяхъ печальныхъ. Передаютъ, что

такъ Ромуль оставилъ Дентро Ромулія, а впослѣдствіи Тулль Гостилій—Нуму Морція и Тарквиній Гордый—Спурія Лукреція. Затѣмъ консулы передавали также власть; остается подобіе всякой разѣ какъ по случаю Латинскихъ ферій (празднествъ) назначается лицо, для исполненія консульской обязанности. Впрочемъ, Августъ во время междуусобныхъ войнъ надо веѣмъ въ Римѣ и Италіи сдѣлалъ начальникомъ Цилнія Мецената, всадническаго сословія. Вслѣдъ за тѣмъ, ставъ во главѣ государства, по многочисленности народа и медленности пособія законовъ, взялъ изъ бывшихъ консуловъ — людей, которые сдерживали бы рабовъ и все что есть гражданъ дерзкихъ и расположенныхъ къ смутамъ, ничего, не опасаящихся кромѣ силы. И первый — Мессала Корвинъ принялъ эту власть, кончившуюся въ теченіи немногихъ дней, какъ бы неумѣлый ею пользоваться. Тутъ Тавръ Статилій, хотя и въ преклонномъ возрастѣ, отлично ее исполнялъ. Потомъ Пизонъ, въ теченіи двадцати лѣтъ равно одобряемый, почтенъ общественными похоронами вслѣдствіе сенатскаго декрета.

12. Доложено потомъ сенату Квинтиліаномъ, плебейскимъ трибуномъ—о книгѣ Сивиллы, которую Кининій Галль изъ Коллегія пятнадцати требовалъ—принять въ число прочихъ той же прорицательницы и объ этомъ предметѣ сенатское опредѣленіе. Когда оно состоялось посредствомъ ухода сенаторовъ, Цезарь прислалъ письмо въ которомъ умѣренно бранить трибуна — «по молодости лѣтъ, незнающаго стариннаго обычая». Галла упрекалъ: «что состарившись въ наукѣ священныхъ обрядовъ, не зная автора, прежде постановленія Коллегія, а не такъ какъ требуетъ обычай по прочтеніи магостраліи людьми учеными и оцѣнкѣ стихотворенія, провелъ это дѣло въ малочисленномъ собраніи сената. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушалъ: «что такъ какъ много пустаго распространяемо было въ народѣ подъ славнымъ именемъ, то Августъ постановилъ—въ какой срокъ все это должно быть предствляемо къ городскому претору и за тѣмъ частнымъ образомъ не можетъ быть сохраняемо». Тоже было опредѣленно предками послѣ сожженія Капитолія въ междуусобную войну, при чемъ розысканы были въ Самосѣ, Иліонѣ, Еритрахъ, даже по Африкѣ, Сициліи и Итальянскимъ колоніямъ—стихи Сивиллы—была ли она одна, или много и дано порученіе священникамъ разобрать истину, на сколько возможно это съ человѣческими средствами. А потому и тутъ книга эта предоставлена разсмотрѣнію Коллегіи пятнадцати. При тѣхъ же консулахъ вслѣдствіе дороговизны хлѣба дошло было до возмущенія; многое

и въ теченіи значительнаго числа дней вытребовано въ театрѣ съ большимъ своеволіемъ, чѣмъ это было въ обычаѣ, относительно Императора. Возволнованный этимъ, обвинилъ сановниковъ и сенаторовъ за то, что не усмирили народъ общественнымъ вліяніемъ и прибавилъ—изъ какихъ провинцій и на сколько большее, чѣмъ Августъ, количество хлѣбныхъ запасовъ велѣлъ привести». Вслѣдствіе этого, для обуздавія простаго народа, составлено опредѣленіе сената въ духъ старинной строгости. И съ меньшею дѣятельностью распорядились консулы: молчаніе же самаго Тиберія не было сочтено, какъ онъ предполагалъ, за гражданскую съ его стороны доблесть, но перетолковалось за надменность.

14. Въ концѣ года Геминій, Цельзъ, Помпей, всадники Римскіе, пали обвиненные въ заговорѣ. Изъ нихъ Геминій расточительностью своихъ средствъ и роскошью жизни — пріятель Сяна; но ни на что серьезное неспособенъ. И Юлій Цельзъ трибунъ, въ оковахъ ослабившую цѣпь, которою былъ обязанъ, растягивая въ разныя стороны самъ разбилъ свою голову. А Рубрію Фабату приданы караульные; будтобы онъ, отчаявшись въ положеніи дѣлъ Римскихъ, хотѣлъ бѣжать и искать состраданія у Паревовъ; конечно онъ былъ найденъ у Сицилійскаго пролива и приведенъ назадъ сотникомъ, никакихъ основательныхъ причинъ дальняго странствованія не приводилъ онъ; остался впрочемъ невредимъ болѣе отъ забвенія, чѣмъ отъ милосердія.

15. Въ консульство Гальбы и Л. Суллы, послѣ долговременнаго разсмотрѣнія кого мужьями назначить своимъ внукамъ—Цезарь—такъ какъ требовалъ уже того совершенный возрастъ дѣвицъ, избралъ Л. Кассія и М. Виниція. М. Виницій—изъ роду горожанъ, родился въ Калесѣ, отецъ и дѣдъ его были консулами, остальные (родные) всадническаго сословія: мягкій характеромъ и выражался хорошо. Кассій—плебейскаго рода Римскаго, но древняго и честнаго; воспитанный въ строгой наукѣ отца, заслуживалъ одобреніе чаще уступчивостью, чѣмъ дѣятельностью. Его соединилъ онъ съ Друзиллою, а Виниція съ Юлією, дочерью Германика и объ этомъ дѣлѣ написалъ сенату, слегка почтивъ молодыхъ людей; потомъ, представивъ довольно неясные поводы отлучки, обратился къ болѣе важному и преслѣдованіямъ начатымъ за общее дѣло и просилъ: чтобы префектъ Макро и немногіе изъ трибуновъ и сотниковъ входили съ нимъ вмѣстѣ всякой разъ когда посѣтитъ сенатъ. Исполнено это широко и безъ означенія числа, или рода (воиновъ) сенатскимъ декретомъ; но онъ (Тиберій) ни разу не во-

шелъ подъ крыши города, а столько въ общественный совѣтъ, большую часть окольными путями обходи мѣсто рожденія и избѣгая. Между тѣмъ обвинители съ большою силою накинулись на тѣхъ, которые приращали деньги процентами, вопреки закона Диктатора Цезаря, которымъ онъ установилъ размѣры кредита поземельнаго владѣнія внутри Италіи. Давно уже онъ былъ оставленъ, такъ какъ общее благо приносится на жертву частнымъ пользамъ. Конечно, для города Рима старинное было зло — лихвенные проценты, самая частая причина раздоровъ и возмущеній и оно пока сдерживалось древними и менѣ испорченными правами. Такъ вначалѣ двѣнадцатую таблицами было постановлено: «чтобы никто не бралъ болѣе одного процента (въ мѣсяцъ)» — между тѣмъ какъ прежде въ этомъ случаѣ былъ полный произволъ людей богатыхъ: потомъ, по предложенію трибуновъ, установленъ полпроцента, а наконецъ и вовсе отмѣненъ платежъ процентовъ. Многими народными приговорами предупреждались обманы, и они столько разъ подавленные, удивительными способами возникали опять. Но тутъ преторъ Гракхъ, которому досталось это изслѣдованіе, пораженный множествомъ лицъ, находившихся въ опасности, доложилъ сенату; встревоженные сенаторы (потомучто никто не былъ свободенъ отъ вины въ этомъ) просили снисхожденія у Государя и, съ его согласія, данъ впередъ годъ и шесть мѣсяцевъ, въ которые, согласно распоряженію закона, каждый долженъ былъ устроить свои денежныя расчеты.

17. Вслѣдствіе этого обнаружился недостатокъ денегъ, такъ какъ разомъ затронуты долги всѣхъ и вслѣдствіе осужденія столькихъ лицъ и продажи ихъ имуществъ заклеянное серебро оставалось въ общественной или Императорской казнѣ. Сверхъ того Сенатъ предписалъ, чтобы каждый двѣ части роста помѣстилъ въ земляхъ по Италіи. Но кредиторы призывали къ расплатѣ наличными и не къ чести должниковъ уменьшили кредитъ. Вслѣдствіе этого стеченіе народа и просьбы, потомъ шумъ около преторскаго трибунала. И въ чемъ искали средства помочь горю — продажа и покупка, то обратилось совсѣмъ въ противоположную сторону, потомучто ростовщики затратили всѣ деньги на покупку полей. За избыткомъ продажи послѣдовала дешевизна и чѣмъ кто болѣе обремененъ долгами, тѣмъ съ большимъ трудомъ могъ продать. Многие теряли все имущество: утрата состоянія влекла за собою упадокъ достоинства и добраго имени, пока Цезарь не оказалъ пособія, расположивъ по столамъ тысячу сестерціевъ (собств. тысячу тысячъ, миліонъ) и

давъ возможность занимать на три года безъ процентовъ, если должникъ народу представить обеспеченіе вдвойнѣ недвижимою собственностью. Такимъ образомъ возобновленъ кредитъ и мало по малу нашлись и частные кредиторы. Да и покупка полей совершалась не въ точности по сенатскому опредѣленію; въ началѣ, какъ обыкновенно случается, было строго, а къ концу пренебрегли имъ.

18. Затѣмъ вернулись прежнія опасенія, такъ какъ потребованъ на судъ въ оскорбленіи величества—Консидій Прокулъ. Ничего не опасаясь, праздновалъ онъ свой день рожденія, какъ повлеченъ въ сенатъ и вмѣстѣ осужденъ и умерщвленъ. А сестра его, Санція, устраниена отъ воды и огня, вслѣдствіе обвиненія К. Помпонія. Онъ, характера безповойнаго, утверждалъ что дѣйствуетъ такъ и въ этомъ родѣ съ тѣмъ, чтобы, пріобрѣтя благорасположеніе государя, помочь брату Помпонію Секунду, находившемуся въ опасности. Опредѣлена ссылка и Помпоніѣ Макринѣ, которой мужа Арголика и свекора Лакона, изъ первыхъ лицъ у Ахейцевъ, казнилъ Цезарь. Отецъ, именитый всадникъ Римскій и братъ, бывший преторъ, въ виду неизбѣжнаго обвиненія, умертвили сами себя. Поставлено было въ вину то, что Теофана Митиленеяца, прадѣда ихъ, Кней Магнъ имѣлъ въ числѣ приближенныхъ и что умершему Теофану льстивость грековъ предоставила небесныя почести.

19. Послѣ этихъ предметомъ доноса сдѣлался Секс. Марій, самый богатый въ Испаніяхъ въ томъ, будто бы онъ имѣлъ кровосмѣшеніе съ дочерью, и сброшенъ съ Тарпейской скалы; а чтобы не оставалось подъ сомнѣніемъ, что именно во вредъ ему послужило богатство—то его золотыя прииски, хотя они были назначены въ публичную продажу, Тиберій себѣ оставилъ. Разсвирѣпѣвъ отъ казней, всѣхъ содержавшихся въ тюрьмѣ и обвиненныхъ въ союзѣ съ Сеяномъ, повелѣлъ умертвить. Послѣдовало необъятное побоище: всякаго пола, всякаго возраста, знатные и простые, порознь и массами. Да и не дозволялось близкимъ и друзьямъ ни быть при этомъ, ни оплакивать, ни долго смотрѣть. Но поставленные кругомъ стражи, внимательные къ горю каждаго, сопровождали тѣла, предавшіяся тлѣнію, пока влачили ихъ въ Тибръ, гдѣ плившія или приставшія къ берегамъ, не дозволялось ни касаться кому либо, ни сжигать. Силою страха прекратилось общеніе рода человѣческаго и куда только проникала жестокость, устранялось состраданіе.

20. Около того же времени К. Цезарь, сопровождая дѣда, уxo-

дившаго изъ Капрей—принялъ въ супружество Клавдію, дочь М. Силана; неукротимый духъ прикрывалъ коварною скромностію, не проронивъ (звука) голоса ни при осужденіи матери, ни при изгнаніи братьевъ. Какъ день начинался для Тиберія—тѣже маневры и слова (выраженія) немного представлявшія разницы. Въслѣдствіе этого вскорѣ разнеслось умное изреченіе оратора Пассіена «не бы-
«ло ни лучшаго когда либо раба, ни худшаго повелителя». Не опустилъ бы я предсказанія Тиберія о Серв. Гальбѣ, въ то время консулѣ: пригласивъ его и испытавъ въ разныхъ бесѣдахъ—наконецъ на греческомъ языкѣ сказалъ ему въ такомъ смыслѣ: «и
«ты Гальба когда нибудь отвѣдаешь верховной власти, означая «позднее и кратковременное могущество знаніемъ Халдейскаго искусства, приобрѣсть которое имѣлъ довольно свободнаго времени
«въ Родосѣ, а учителемъ Тразилла, въ опытности его удостовѣ-
«рясь такимъ образомъ».

21. Всякій разъ какъ о подобномъ дѣлѣ совѣтовался, пользовался возвышенною частью дома и соучастіемъ одного отпущенника. Тотъ, незнавшій грамоты, но здоровый тѣломъ, по непроходимымъ и крутымъ мѣстамъ (такъ какъ домъ возвышается надъ скалами) шель впереди того, чье искусство испытать предположилъ себѣ Тиберій и, на обратномъ пути, если только возникало подозрѣніе въ тщеславіи или обманѣ, низвергалъ въ находившееся внизу море, дабы не было свидѣтели тайны. А потому Тразиллъ приведенный по тѣмъ же скаламъ, послѣ того какъ заинтересовалъ Тиберія, открывалъ на его вопросы ему власть и будущее, тщательно былъ спрошенъ: «знаетъ ли онъ свой часъ рожденія; который ему годъ
«и какой день тогда?» Онъ положенія небесныхъ тѣлъ и промежутки размѣровъ, сначала остановился, потомъ оробѣлъ и что больше всматривался, то болѣе и болѣе трепеталъ отъ удивленія и страха, а наконецъ восклицаетъ: «въ опасности онъ и пришелъ
«въ грозящей крайнею гибелью».—Тутъ Тиберій, обнявъ его, поздравляетъ, что онъ предузналъ опасность, но останется невредимымъ,—и все, чтобы онъ ни говорилъ, принимая какъ голосъ орacula, имѣетъ его въ числѣ самыхъ приближенныхъ друзей.

22. Но для меня, слыша такое и въ этомъ родѣ, остается неизвѣстнымъ окончательное рѣшеніе вопроса—дѣла смертныхъ управляются ли судьбою и неизмѣнною необходимостію, или случаемъ, потому что мудрѣйшихъ изъ древнихъ и тѣхъ, которые соревнуютъ ихъ ученію, найдешь ты разныхъ мнѣній. Многие остаются при убѣжденіи: «что богамъ нѣтъ заботы ни о началѣ нашемъ,

ви о концѣ, но вообще о людяхъ; а потому-то всего чаще грустное случается съ добрыми и веселое съ дурными. Напротивъ, другіе полагаютъ, что судьба соотвѣтствуетъ событіямъ, но не по блуждающимъ звѣздамъ, а по началамъ и связямъ естественныхъ причинъ: впрочемъ выборъ жизни намъ предоставляютъ и уже, по выборѣ ея, хорошо извѣстна послѣдовательность того, что имѣетъ случиться. Да и не то счастье или несчастье, что такимъ считаетъ народъ: многіе, повидимому поражаемые неудачами, счастливы, а большая часть и при великихъ богатствахъ крайне бѣдствуютъ; если тѣ тяжкія обстоятельства переносятъ съ твердостью, то эти благополучіемъ, своимъ неблагоразумно пользуются. Впрочемъ большей части смертныхъ не чуждо убѣжденіе, что: «при первомъ «началѣ каждаго его будущее уже опредѣлено; но если кое-что «случается иначе, какъ сказано, то вслѣдствіе обмана говорящихъ «то, чего не знаютъ; такимъ образомъ подрывается довѣріе къ на- «укѣ, которой ясныя доказательства принесло и древнее время и «наше». Такъ сыномъ тоже Тразилла предсказано господство Нерона, о чемъ въ свое время упомянемъ, дабы теперь не уклониться далеко отъ начатаго нами. При этихъ же консулахъ прошло извѣстіе о смерти Азинія Галла, о которомъ нѣтъ сомнѣнія, что погибъ отъ недостатка пищи—добровольно или по необходимости считалось неизвѣстнымъ. Спрошенный о мнѣніи Цезарь—позволить ли похоронить, не краснѣя позволилъ и съ своей стороны винилъ случайность, похитившую подсудимаго, прежде чѣмъ съ очей на очи могъ онъ быть уличенъ». Какъ будто въ срединѣ трехлѣтія не доставало времени подвергнуть суду старца, бывшаго консула, родню столькихъ бывшихъ консуловъ. — Затѣмъ гаснетъ Друзъ, протянувшій жизнь свою до девятаго дня самую жалкою пищею, вынимая изъ тюфяка то, чѣмъ онъ былъ набитъ. Нѣкоторые передали, что было предписано Макрону—если Сеянъ попытается прибѣгнуть къ оружію, извлеки изъ подъ стражи молодого челоуѣка (такъ какъ его держали во дворцѣ), поставить его во главѣ народнаго движенія. Вслѣдъ за тѣмъ, такъ какъ прошелъ слухъ, что Цезарь хочетъ простить невѣстку и внука—предпочелъ строгость раскаянію. — Даже напалъ на умершаго и ставилъ ему въ вину: пороки тѣла, гибельное настроеніе ума относительно своихъ и неприязненное относительно общественнаго дѣла. Затѣмъ приказалъ онъ прочесть ежедневную записку того, что онъ дѣлалъ и говорилъ. Ничего не могло показаться возмутительнѣе этого: въ теченія столькихъ лѣтъ при немъ (Друзѣ) находились люди, под-

мѣчавшіе выраженіе лица, стоны, даже тайный ропотъ. И что дѣдъ былъ въ состояніи слышать, читать, высказывать публично съ трудомъ можно повѣрить; а письма сотника Акція и вольноотпущенника Дидима заключали даже имена рабовъ, какъ который выходившаго изъ спальни Друза билъ или пугалъ. Даже сотникъ присовокупилъ свои слова, полныя жестокости, какъ нѣчто отличное и слова умирающаго, которыми онъ сначала (притворяясь утратившимъ разумъ) какъ бы въ безуміи—призывалъ гибель на Тиберія, а вслѣдъ затѣмъ, когда потерялъ надежду къ жизни, обдуманно изысканныя проклятія: «чтобы онъ какъ невѣстку и племянника и «внуковъ и весь домъ наполнилъ убійствами, такъ пусть воздастъ «казнь имени и роду предковъ и потомкамъ». Прирывали конечно сенаторы какъ будто бы изъ негодованія; но проникалъ въ нихъ страхъ и удивленіе, что человѣкъ когда-то хитрый и умѣвшій скрывать злодѣянія, дошелъ до такой довѣрчивости, что, какъ бы раздвинувъ стѣны, показывалъ внука подъ бичемъ сотника среди ударовъ, наносимыхъ рабами, тщетно просящаго пищи для поддержанія послѣднихъ остатковъ жизни.

25. Эта скорбь не успѣла еще изгладиться, какъ распространился слухъ объ Агриппинѣ, которая, какъ я полагаю, поддерживаемая надеждою послѣ умерщвленія Сеяна, прожила долѣе и послѣ того какъ жестокость въ отношеніи къ ней нисколько не уменьшилась—добровольно окончила жизнь; а можетъ быть отказано ей въ пищѣ и данъ видъ ея кончивъ, будто бы по ея волѣ послѣдовавшей. Да и Тиберій разразился самыми гнусными обвиненіями, уличая ее въ безстыдствѣ, въ прелюбодѣйной связи съ Азиніемъ Галломъ, смерть котораго побудила будто бы покончить съ наскучившею ей жизнью. Но Агриппина, не выносившая равенства, алчная ко власти, въ заботахъ мужчины утратила недостатки, женщинамъ свойственные: «Въ тотъ же день она умерла, въ который за два «года передъ тѣмъ заплатилась жизнью Сеяна и это заслуживаетъ «быть сохраненнымъ въ памяти».—Прибавилъ Цезарь и хвалился что «незадушена петлею и не брошена въ Гемоніи». Выказана ему за это признательность и опредѣлено: «пятнадцатый день Ноябрьскихъ календъ, день смерти обоихъ (Сеяна и Агриппины)—во всѣ «будущіе года приносить даръ Юпитеру».

26. Немного спустя Кокцей Нерва, приближенный Государя, опытный въ знаніи правъ божескихъ и человѣческихъ, не тронутый въ положеніи, не страдая тѣломъ, задумалъ умереть. Когда это стало извѣстно Тиберію—присталъ онъ къ нему, спрашивалъ о

причинѣ, присовокупилъ просьбы, наконецъ признавался: «тяжко «будеть на его совѣсти, оскорбительно для чести, если ближайшій «изъ друзей его, безъ всякой причины умереть, оставить жизнь». Уклоняясь отъ его убѣжденій, Нерва пересталъ принимать пищу. Рассказывали знавшіе его мысли, что чѣмъ ближе видѣлъ онъ бѣдствія общества, тѣмъ болѣе желалъ честнаго конца, вслѣдствіе раздраженія и страха пока еще былъ цѣль и ни въ чемъ не обвиненъ. Впрочемъ, гибель Агриппины—а поэтому едва возможно повѣрить, повлекла за собою и Планцины. Когда-то жена Пизона, не скрывала она радость о смерти Германика; при паденіи Пизона нашла себѣ защиту въ просьбахъ Августа и, неменѣе, во враждѣ Агриппины; а когда ненависть и пристрастіе окончились, возъимѣла силу справедливость; преслѣдуемая обвиненіями не безызвѣстными, своею рукою совершила надъ собою казнь скорѣе поздюю, чѣмъ незаслуженно.

27. Въ обществѣ, опечаленномъ столькими потерями, и то служило поводомъ къ сожалѣнію, что Юлія, дочь Друза, нѣкогда жена Нерона, вышла въ замужество въ домъ Рубеллія Бланда, котораго дѣда Тибурта, всадника Римскаго, многіе припоминали. Въ концѣ года смерть Элія Ламы почтена похоронами цензореками; онъ наконецъ освобожденный отъ мнимаго управленія Сирією начальствовалъ въ городѣ.—Онъ былъ честнаго рода, свѣжій старикъ и недопущеніе его до провинціи прибавило къ его достоинству. Вслѣдъ за тѣмъ со смертью Флакка Помпонія, пропретора Сиріи, прочитано письмо Цезаря, въ которомъ винилъ что лучшіе люди, способные управлять войсками, отказываются отъ этой обязанности. И онъ вынужденъ необходимостью прибѣгнуть къ просьбамъ, чтобы убѣдить нѣкоторыхъ изъ бывшихъ консуловъ взять на себя управленіе провинціями. Забылъ о томъ, что Аррунція уже девятый годъ удерживалъ отъ отправленія въ Испанію. Въ этомъ же году умеръ и М. Лепидъ, объ умѣренности и мудрости котораго достаточно помѣстилъ я свѣдѣній въ прежнихъ книгахъ. Да и благородство происхожденія далѣе нечего доказывать: потому что родъ Емилиевъ богатъ былъ благонамѣренными гражданами и такими, которые происходя изъ того же семейства были испорченной нравственности, но пользовались высокимъ положеніемъ.

28. Въ консульство Павла Фабія и Л. Вителлія, послѣ длиннаго ряда вѣжовъ, птица фениксъ прилетѣла въ Египетъ и доставила поводъ ученѣйшимъ изъ туземцевъ и Грековъ—многое

изложить объ этомъ чудесномъ явленіи; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ согласно, а гораздо больше разнообразно, но, какъ не нѣлое, считаю нужнымъ тутъ изложить. Посвящена солнцу эта птица, видомъ и цвѣтомъ перьевъ отличная отъ прочихъ птицъ, по согласному показанію тѣхъ, которые опредѣлили ея наружность. О числѣ лѣтъ передаютъ разное: наиболѣе принято время пятьсотъ лѣтъ, а есть которые утверждаютъ, что этотъ промежутокъ времени составляетъ тысячу четыреста шестьдесятъ одинъ годъ и что прежнія птицы прилетали первый разъ во время господства Сезостриса, потомъ Амазиса, потомъ Птолемея, который изъ Македонянъ царствовалъ третій, въ городѣ, называемый Геліополисъ, сопровождаемый большимъ количествомъ другихъ птицъ, дивившихся невиданной наружности. Но древность конечно темна, а между Птолемеемъ и Тиберіемъ прошло менѣе двухсотъ пятидесяти лѣтъ. Велѣдствіе этого нѣкоторые считали этого феникса ложнымъ и не изъ Арабской земли и что онъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми, о которыхъ утверждаетъ древнее преданіе. Съ окончаніемъ извѣстнаго числа лѣтъ, когда приближается смерть, на своихъ земляхъ строить гнѣздо, спускаетъ туда плодородную силу, отъ которой зачинается плодъ. Взросшей птицѣ первая забота—похоронить отца и это не какъ нибудь, но, поднявъ тяжелый кусокъ мирры, пробуетъ дальній путь и когда совладеетъ съ тяжестью и съ полетомъ, беретъ тѣло отца, переноситъ его на жертвенникъ солнца и тамъ сожигаетъ. Все это невѣрно и смѣшано съ баснями; впрочемъ не подвержено сомнѣнію, что птицу эту видають иногда въ Египтѣ.

29. А въ Римѣ продолжались убійства: Помпоній Лабео, о которомъ я говорилъ, что онъ былъ начальникомъ Мезіи, изъ перерѣзанныхъ жилъ испустилъ кровь; его примѣру послѣдовала жена его Паксея. Опасеніе палача причиняло такіа быстрыя кончины, такъ какъ осужденныхъ имущества конфисковались и они лишаемы были погребенія; а тѣхъ, которые сами себя порѣшали, тѣла предавались землѣ, завѣщанія имѣли силу и оттого стоило спѣшить; но Цезарь, пославъ письмо сенату, излагалъ: «было въ обычаѣ предковъ, прекращая дружественныя отношенія, «отказывать отъ дому и тѣмъ полагать конецъ ласкъ». Этотъ примѣръ примѣнилъ онъ къ Либону. А тотъ, тѣснимый обвиненіями въ дурномъ управленіи провинціею и другими, вину свою прикрылъ немилостью; тщетно устрасилъ онъ жену; она, хотя

и виновная, была изъята отъ опасности. Потомъ опять признается на судъ Мамеркъ Скавръ, знаменитый знатностью рода и защищенными имъ дѣлами. Его погубила не столько пріязнь Сеяна, сколько не менѣ имѣвшая силу на погубленіе ненависть Макрона, который, хотя втайнѣ, шелъ тѣмъ же путемъ (что и Сеянъ), донесъ о содержаніи трагедіи, писанной Скавромъ, прибавивъ стихи, которые имѣли будто примѣненіе къ Тиберію; а отъ обвинителей Сервилія и Корнелія ставились ему въ вину— прелюбодѣянная связь съ Ливією и священные обряды маговъ. Скавръ, какъ и было достойно потомка древнихъ Эмилиевъ, предупредилъ осужденіе; убѣждала его и жена Секстія, она побудила его къ смерти и раздѣлила ее. Впрочемъ и обвинители, если только представлялся удобный случай—подвергались наказаніямъ, такъ Сервилій и Корнелій, получившіе извѣстность черезъ погубленіе Скавра, за то, что взяли деньги съ Варія Лигура, чтобы оставить свой доносъ, удалены на острова съ устраненіемъ отъ огня и воды. Абудій Руфъ, служившій эдилемъ—въ попыткѣ причинить опасность Лентулѣ Гетуликѣ, подъ начальствомъ котораго командовалъ легиономъ, тѣмъ—будтобы онъ прочилъ себѣ въ зятя сына Сеянова, самъ осужденъ и изгнанъ изъ города. Въ это время Гетуликъ завѣдывалъ легионами верхней Германіи и приобрѣлъ удивительную ото всѣхъ любовь: безгранично милосердый, въ строгости умѣренный и ближайшему даже войску черезъ тестя Л. Апронія не непріятный. Вслѣдствіе этого былъ вѣрный слухъ, что онъ дерзнулъ послать къ Цезарю письмо: «толки о родственныхъ отношеніяхъ между нимъ и Сеяномъ начались не по его мысли, а по совѣту Тиберія, а потому онъ могъ ошибиться на столько же, насколько и Тиберій, а потому не должно ошибку, которую онъ себѣ не ставитъ въ вину, обращать на гибель другихъ. Онъ вполне ему вѣренъ и такимъ останется если не будетъ предметомъ враждебныхъ замысловъ; преемника же приметъ онъ не иначе какъ за объявленіе «ему смерти; а потому пусть они скрѣпяты между собою какъ «бы союзный договоръ, по которому онъ, государь, пусть будетъ «полнымъ властителемъ всего прочаго, а онъ удержитъ лишь свою «провинцію». Этотъ слухъ, какъ удивителенъ ни былъ, но заслуживаетъ вѣроятія уже и потому, что Гетуликъ одинъ изъ всѣхъ свойственникововъ Сеяна остался невредимымъ и даже въ большой милости. Тиберій принималъ въ соображеніе—всенародную къ себѣ ненависть, преклонность лѣтъ и то, что господ-

ство его поддерживалось болѣе славою, чѣмъ дѣйствительною силою. Въ консульство К. Цестія и М. Сервилія знатные Пары пришли въ городъ безъ вѣдома царя Артабана. Онъ, изъ опасенія Германика былъ вѣренъ Римлянамъ, справедливъ къ своимъ; а впослѣдствіи сталъ надмененъ въ отношеніи къ намъ и жестокъ къ соотечественникамъ, обнадеженный войнами, которыя велъ счастливо противъ окружающихъ народовъ и презиралъ старость Тиберія, какъ безоружную, жаждалъ Арменіи, надъ которою, по смерти царя Артиксіи, поставилъ Арсака, старшаго изъ дѣтей своихъ; прибавилъ къ этому и ругательства, послалъ требовать: денежную казну, оставленную Вономъ въ Сиріи и Киликіи, а также старинныя границы Персовъ и Македонянъ, и хвалился въ пустыхъ рѣчахъ съ угрозами, что онъ займетъ все чѣмъ владѣлъ Киръ и впослѣдствіи Александръ. Но тому, что Пары послали тайныхъ вѣстниковъ, главнѣйшій виновникъ былъ Синнацесъ, знатный родомъ, а также и богатствами и первый послѣ него Абдъ, лишенный принадлежностей мушцины (эвнухъ). Это не въ пренебреженіи у варваровъ, а еще придаетъ значенія. Они, съ вѣдома и другихъ знатныхъ лицъ, — такъ какъ не могли никого изъ рода Арсакидовъ поставить во главѣ государства — большую часть умертвилъ Артабанъ, а прочіе не выросли еще, — требовали изъ Рима Фраата, сына царя Фраата: «необходимо только имя и орудіе, для того, чтобы по во-
лѣ Цезаря родъ Арсака опять появился на берегахъ Евфрата.» Это соотвѣтствовало желанію Тиберія: осыпаетъ честью Фраата и возвышаетъ на отеческое достоинство, вѣрный своему образу дѣйствій — политикою и хитростью дѣйствовать въ дѣлахъ иностранныхъ, вовсе не прибѣгая къ оружію. Между тѣмъ, узнавъ замыселъ, Артабанъ, то медлитъ отъ страха, то пылаетъ жаждою мщенія, а дикарямъ медленность кажется свойствомъ рабскимъ; а тотчасъ приводитъ въ исполненіе — дѣломъ царскимъ. Впрочемъ польза имѣла верхъ и подъ предлогомъ дружбы пригласилъ Абда на пиршество, отравилъ медленнымъ ядомъ, а Синнака замедлялъ притворствомъ и дарами, а также переговорами. А Фраатъ въ Сиріи, оставивъ образъ жизни Римскій, въ которому привыкъ въ теченіи столькихъ лѣтъ, принялъ обычаи Пареевъ; не подъ силу отечественнымъ нравомъ, умеръ отъ болѣзни; но Тиберій не оставилъ предпріятое: Тиридата, той же крови, избираетъ соперникомъ Артабана, а для возвращенія Арменіи Ибера Митридата и примиряетъ съ братомъ Фаразманомъ,

царствовавшимъ надъ своими соотечественниками, а надо всѣмъ, что дѣлалось на Востокѣ, сдѣлалъ начальникомъ Л. Вителлія. Объ этомъ человѣкѣ, не безызвѣстно мнѣ, какой мрачный слухъ ходилъ въ городѣ: припоминали весьма многія его гнусныя дѣла: впрочемъ въ управленіи провинціями дѣйствовалъ онъ съ доблестью временъ древнихъ. По возвращеніи оттуда, изъ опасенія К. Цезаря и изъ пріязни Клавдія, переѣхалъ свой образъ дѣйствій на позорное раболѣпство и у потомства послужилъ примѣромъ безобразія лести. Первые начатки уступили послѣднимъ и порочная старость затмила хорошія дѣйствія молодости.

33. А изъ царьковъ Митридатъ первый склонилъ хитростью и силою помогать его попыткамъ; нашлись люди, которые подкупили слугъ Арсака и большимъ количествомъ золота побуждаютъ ихъ къ преступленію. Вмѣстѣ Иберы, съ большими силами, врываются въ Арменію и овладѣваютъ городомъ Артаксатою. Когда это узналъ Артабанъ, онъ сына, Орода, приготовляетъ мстителемъ, даетъ войска Парескія и посылаетъ людей, которые за плату нашли бы вспоможеніе. Фаразманъ съ своей стороны присоединяетъ Албанцевъ, призываетъ Сарматовъ; ихъ державцы, взявъ дары и съ той, и другой стороны, по обычаю народа, приняли различныя личины. Но Иберы, хозяйева мѣстности, Каспійскою дорогою посушно выпускаютъ Сарматовъ на Армянъ; а которые изъ Сарматовъ шли къ Парсамъ, безъ труда были задерживаемы, такъ какъ другіе проходы заперъ непріятель; единственный же оставшійся—между моремъ и краемъ горъ Албанскихъ; препятствовало время года (лѣто), потому что когда дуютъ пассатныя вѣтры, броды наполняются водою; а зимній, съ юга дующій вѣтеръ, отгоняетъ волны, вода удаляется и небольшія пространства берега обнажаются.

34. Между тѣмъ Орода, лишеннаго вспомогательныхъ войскъ, получившій подкрѣпленіе Фаразманъ зоветъ на сраженіе; видя, что уклоняется, пристаеетъ къ нему, дѣлаетъ набѣги съ самого лагеря, не даетъ спокойно пользоваться пастбищемъ и часто, какъ бы осажденнаго, окружалъ постами, пока Парсы, не привыкшіе къ оскорбленіямъ, обступили царя, требовали сраженія; у нихъ вся сила въ конницѣ, а Фаразманъ былъ богатъ и пѣхотою; такъ какъ Иберы и Албанцы, живя по мѣстамъ лѣсистымъ, болѣе пріобыкли къ терпѣнію и лишеніямъ. Толкуютъ, будто бы они происходятъ отъ Тесалійцевъ того времени, когда Язонъ, увезя Медею и родныхъ отъ нея дѣтей, снова отправился уже въ пустой дворецъ Есты и въ осиротѣвшимъ Колхамъ. Многое упоминаютъ о его имени и ора-

кулѣ Фрикса и никто не принесетъ въ жертву барана въ убѣжденіи, что они всѣ Фриксы; было ли это животное, или таковъ былъ отличительный признакъ корабля. Впрочемъ, когда сошлись оба войска, Парѣ излагалъ: «господство надъ Востокомъ, знаменитость Арсакидовъ; напротивъ Иберъ обезславилъ себя наемными воинами». Фаразманъ: «уцѣдѣли они отъ власти Парѣовъ: чѣмъ большаго домогаются они, тѣмъ болѣе чести побѣдителямъ, «а если, обратятъ тыль, тѣмъ болѣе позора и опасности вынесутъ». Виѣстѣ указывалъ онъ на суровый строй своихъ и росписанные золотомъ ряды Македонянъ, показывалъ что съ одной стороны—мужи, съ другой—добыча. Дѣйствительно у Сарматовъ вождя голосъ не единственный: каждый посприаетъ самъ себя: «не начинать сраженія стрѣлами, а нужно предупредить непріятеля натискомъ и рукопашнымъ боемъ». Вслѣдствіе этого разный видъ у враждующихъ сторонъ: между тѣмъ какъ Парѣ равно обыкшій и преслѣдовать, и бѣжать, раздвигалъ полки, чтобы дать болѣе мѣста ударамъ; Сарматы, оставивъ лукъ, которымъ они менѣе сильны, бросились съ копьями и мечами; то, какъ бы въ конномъ сраженіи дѣйствовали съ фронта, забѣгая и стыду; то, гдѣ находили густыя массы напоромъ тѣла и силою оружія тѣснили или были тѣсними. Уже Албаны и Иберы схватывались съ непріателемъ, сбивали его и давали бою характеръ сомнительный. Кромѣ того ему вредила конница и пѣхота, вблизи наносившая раны. Тутъ особенно на виду были Фаразманъ и Ородесъ, ободряя усердныхъ, помогая колебавшимся и всѣмъ извѣстные, встрѣчаются на коняхъ съ крикомъ и готовымъ оружіемъ. Ударъ Фаразмана былъ сильнѣе: сквозь шлемъ нанесъ онъ рану врагу и повторить ударъ не былъ въ состояніи, потому что и конь пронесъ его мимо, и раненнаго прикрыли сильнѣйшіе изъ его товарищей. Но ложной молвѣ о томъ, что вождь убитъ, повѣрили Парѣы и, пришедши въ ужасъ, уступили побѣду.

36. Вслѣдъ за тѣмъ Артабанъ отправился мстить со всѣми силами царства; но Иберы лучше вели войну, зная хорошо мѣстность; но Артабанъ, и вслѣдствіе того, не уходилъ, если бы не Вителлій, распространивъ слухъ будто бы онъ хочетъ сдѣлать вторженіе въ Месопотамію, заставилъ опасаться войны съ Римлянами. Тогда Арменія оставлена и дѣла Артабана приняли другой оборотъ. Вителлій прельщалъ: «пусть они оставятъ царя; жестокаго въ мирное время, а въ сраженіяхъ ведущаго на гибель». Вслѣдствіе этого Синникъ, о враждебномъ настроеніи котораго я и прежде говорилъ, увлекъ въ измѣну отца Абдагаза и другихъ, незнавшихъ замысла,

а тутъ, вслѣдствіе постоянныхъ пораженій, болѣе къ тому расположенныхъ; мало по малу стекались тѣ, которые, бывъ удерживаемы болѣе страхомъ чѣмъ расположеніемъ, какъ только нашлись вожди, ободрились духомъ. И у Артабана не оставалось никого другихъ, кромѣ какіе при немъ находились тѣлохранители изъ чужестранцевъ, утратившихъ свое отечество—они, не разумѣя хорошаго и не заботясь о дурномъ, находя себѣ пропитаніе въ наемной платѣ—готовые исполнители злодѣйствъ. Взявъ ихъ, онъ поспѣшилъ бѣжать въ дальнія мѣста сопредѣльной Скиѣи въ надеждѣ на помощь (такъ какъ онъ имѣлъ связи, свойства съ Гарканами и Карманіями) а между тѣмъ и Пары, къ отсутствующимъ справедливые, съ тѣми кто на лицо непостоянные, могли обратиться къ раскаянію.

37. А Вителлій, послѣ бѣгства Артабана, когда умы соотечественниковъ обратились къ новому царю, увѣщевалъ Тиридата— «взяться за готовое»—главныя силы легионовъ и союзниковъ повелъ къ берегамъ Евфрата. Когда они приносили жертвы и Римскій вождь, по своему обряду—свиньею, овцею и быкомъ, Тиридатъ изготовилъ въ умилостивленіе рѣки богатоубраннаго коня, сосѣдніе жители принесли вѣсть, что Евфратъ вовсе не отъ дождей, которыхъ и не было, а самъ собою страшно переполнился водою; вмѣстѣ катитъ онъ волны съ пѣною на гривахъ въ видѣ короны—предзнаменованіе благополучнаго перехода. Нѣкоторые толковали это болѣе тонкимъ образомъ: «начало предпріятія будетъ удачно, но «непродолжительно, потому что предвѣщающимъ явленіямъ неба и «земли болѣе довѣрія, а непостоянное свойство водъ таково, что «они вмѣстѣ и показываютъ и уносятъ». Устроивъ мостъ изъ судовъ и переправлено войско; тутъ первый Орноспадесъ пришелъ въ лагерь съ тысячею человекъ конницы; когда то изгнанникъ и Тиберию, когда онъ привелъ къ концу Далматскую войну, не безславный помощникъ и за то одаренный Римскимъ гражданствомъ; но потомъ снискалъ дружбу царя и былъ въ большемъ у него почетѣ, получилъ начальство надъ землями, которыя, обтекаемыя двумя знаменитыми рѣками: Евфратомъ и Тигромъ, получили названіе Месопотаміи (Междурѣчья). Немного спустя Синницесъ еще увеличилъ войска, а столпъ отечества, Абдагезъ, присоединилъ сокровищницу и всѣ принадлежности царскія. Вителлій, считая достаточнымъ сдѣлать только показъ Римскихъ силъ, дѣлаетъ увѣщаніе Тиридату и знатнѣйшимъ лицамъ: первому о томъ, чтобы онъ помнилъ дѣда Фраата и виновника возвышенія Цезаря и всего хорошаго, сдѣлан-

наго и тому и другому. а послѣднимъ, чтобы они сохранили повиновеніе къ царю, уваженіе къ намъ, каждый свою честь и вѣрность. Вслѣдъ за тѣмъ онъ съ легіонами возвратился въ Сирію. Все это совершавшееся въ теченіи двухъ лѣтъ я соединилъ вмѣстѣ, чтобы отдохнуть душою отъ внутреннихъ бѣдствій. И Тиберій, хотя уже три года прошло послѣ казни Сеяна, не смягчался тѣмъ, что обыкновенно дѣйствуетъ на другихъ — временемъ, мольбами, пресыщеніемъ и за невѣрное и уже несуществовавшее наказывалъ какъ за самое свѣжее и недавнее. Въ такомъ то страхѣ Фульциній Трио не вынесъ накинувшихся на него обвинителей и въ послѣдней (предсмертной) запискѣ изложилъ много крайне рѣзкаго о Макронѣ и главныхъ отпущенникахъ Цезаря, его самого попрекая затмѣніемъ ума отъ старости и постоянное удаленіе въ родѣ ссылки. Эту записку, скрытую было наслѣдниками, Тиберій приказалъ прочесть, обнаруживая терпѣніе къ чужой свободѣ и пренебрегая самъ своимъ безславіемъ, или долго оставался въ невѣдѣніи преступленій Сеяна, велѣдъ за тѣмъ предпочитать давать гласность всему, чтобы ни говорилось, желая хоть въ видѣ брани узнать истину, которая не уживалась съ лестью. Въ эти же дни сенаторъ Граній Марціанъ, потребованный на судъ К. Гракхомъ въ оскорбленіи величества, самъ насильственно покончилъ съ жизнью; а Тацій Граціанъ, служившій преторомъ, тѣмъ же закономъ осужденъ на смертную казнь.

39. Въ этомъ же родѣ былъ конецъ Требелліена Руфа и Секстія Паконіана; такъ какъ Требелліенъ палъ отъ своей руки, а Паконіанъ задушенъ въ тюрьмѣ за стихи тамъ составленные противъ государя. Узнавалъ это Тиберій не моремъ, какъ прежде отдѣленный и черезъ дальнихъ гонцовъ, но подлѣ города, чтобы въ тотъ же день или въ протекучкѣ ночи давать консуламъ отвѣтъ на письмѣ, какъ бы любясь тепшею по домамъ кровью и дѣйствіями палачей. Въ концѣ года оставилъ жизнь Поппей Сабинъ, происхожденія скромнаго, черезъ дружбу государей удостоенный почестей консульства и триумфа; въ теченіи двадцатичетырехъ лѣтъ управлялъ важнѣйшими провинціями, вовсе не за какія либо возвышенныя достоинства, но что, управляясь съ дѣлами, не становился во главѣ ихъ.

40. Затѣмъ были консулами: К. Плавтій и Секс. Папиній. Въ этомъ году *** и не то, что Л. Арузій—смертью были казнены, по привычкѣ къ бѣдствіямъ, не казалось особенно возмутительнымъ; но привело въ ужасъ, что Вибуленъ Агриппа,

всадникъ Римскій, когда говорили противъ него обвинители, въ самомъ зданіи сената принялъ ядъ скрытый на груди; упалъ и въ предсмертныхъ судорогахъ поспѣшно руками ликторовъ увлеченъ въ тюрьму и уже бездыханная шея осквернена петлею. Да и Тигранъ, нѣкогда властитель Арменіи, а въ то время подсудимый, именемъ царя не былъ спасенъ отъ обычной казни гражданъ. А К. Гальба, бывшій консулъ, и два Блеза погибли добровольною смертью. Гальбѣ мрачное письмо цезаря помѣшало по жеребью получить провинцію; священническія должности Блезовъ, вполнѣ принадлежавшія ихъ семейству, сначала отнял, а тутъ, какъ бы уже никѣмъ незанятая, отдалъ другимъ. Они поняли это какъ знакъ смерти, и привели въ исполненіе. Емилія Лепида, о которой я уже говорилъ, что она была отдана въ замужество за молодого Друза, частными обвиненіями преслѣдовала мужа и, хотя не годилась въ свидѣтели, однако оставалась безнаказанною, пока живъ былъ отецъ ея, Лепидъ. Послѣ доноски ухватились за нее, обвиняя въ прелюбодѣйной связи съ рабомъ; сомнѣній не было въ этомъ преступленіи, а потому не стала защищаться и покончила сама жизнь.

41. Въ то же время народъ Клитовъ, подчиненный Кашадоку Архелаю, вынуждаемый, по нашему обычаю, вносить цензъ и платить подати, удалился на вершины горы Тавра и въ самомъ свойствѣ мѣстности находилъ себѣ защиту отъ невоинственныхъ силъ царя, пока М. Требеллій, легатъ—Вителліемъ, завѣдывавшемъ Сирією, отправленъ съ четырьмя тысячами воиновъ легіона и отборными вспомогательными войсками; а два холма, занятые дикарями (меньшему названіе *Кафра*, а другому—*Давара*) окружилъ осадными работами и дерзнувшихъ сдѣлать вылазку мечемъ, а остальныхъ жаждою, выпудилъ къ сдачѣ. А Тиридатъ, по желанію Паревовъ—Ницефорій и Антемузіаду и прочіе города, которые, будучи построены Македонянами, имѣютъ Греческія названія, Галь и Артелисту, Паревскіе города, опять занялъ. Соревновали въ изъясненіяхъ радости тѣ, которые ненавидѣли Артабана, воспитаннаго среди Скивовъ, за жестокость, надѣялись, что Тиридатъ, по примѣру Римлянъ, будетъ имѣть мягкій характеръ. Болѣе всего лести приняли на себя Селевкійцы; ихъ сильный городъ, огражденный стѣнами, остался вѣренъ своему основателю Селевку, безъ всякой порчи со стороны дикарей. Триста человекъ, по выбору, за богатство или мудрость, составляли сенатъ; народъ имѣлъ свое значеніе и когда эти двѣ

силы дѣйствовали согласно, то пренебрегали Пароомъ а при несогласіи, призывая себѣ помощь противъ враждебной партіи. Пароу, призванному на часть, дали власть на все. Это случилось незадолго передъ тѣмъ въ царствованіе Артабана, который отдалъ простой народъ знатымъ лицамъ, согласно съ своими пользами; такъ какъ власть народа нераздѣльна съ свободою, господство немногихъ ближе къ произволу царей. Тутъ явившагося Тиридата осыпаютъ почестями древнихъ царей и тѣми, которыя позднѣйшее время придумало въ изобиліи; вмѣстѣ съ тѣмъ осыпали Артабана бранью: «происхожденіемъ по матери Арзакидъ, «въ прочихъ отношеніяхъ выродокъ.» Тиридатъ правленіе въ Селевкии предоставилъ народу. Вслѣдъ за тѣмъ, совѣтуясь—въ какой день торжественно вступить на царство—получилъ письма Фраата и Герона, владѣвшихъ сильнѣйшими областями—просили они небольшой отсрочки. Положено—подождать этихъ могущественныхъ людей; между тѣмъ отправились въ Ктезифонъ, столицу государства. Но когда тѣ откладывали со дня на день, то въ присутствіи многихъ и съ ихъ одобренія, Сурена, согласно съ обычаемъ предковъ, Тиридата облекъ знаками царскими. И еслибы онъ немедленно отправился въ глубь страны и къ прочимъ народамъ, подавлено было бы колебаніе нерѣшительныхъ и все бы уступило одному; а, сидя въ замкѣ, куда собралъ Артабанъ деньги и наложницъ, далъ время уклониться отъ исполненія договоровъ. Фраатъ и Геронъ, а также и все другіе, которые, производя наборъ, не праздновали день вѣнчанія на царство, одни вслѣдствіе опасеній, другіе—зависти къ Абдагезу, во власти котораго находился и дворъ и новый царь, обратились къ Артабану. Его нашли въ землѣ Гиргановъ, покрытаго грязью и снискиваваго пропитаніе стрѣльбою изъ лука. Сначала онъ пришелъ въ ужасъ какъ будтобы готовился коварный противъ него умыселъ; а когда завѣрили его, что пришли возвратить ему власть «ободрился онъ духомъ и сталъ разспрашивать: что «за внезапная переменна?» Тутъ Геронъ сталъ винить: молодость Тиридата и власть не у Арзакида, а только пустое имя (власти) у изнѣженнаго чужестранною роскошью; вся же сила (власти) въ домѣ Абдагеза. Поняли состарѣвшійся на царствѣ, что притворство бываетъ въ любви, а ненависть искренна и, не медля долѣе сколько нужно было, чтобы вызвать вспоможеніе отъ Скивовъ, двинулся впередъ поспѣшно, идя на встрѣчу умысламъ неприятелей и раскаянію друзей; не измѣнилъ и грязную наруж-

ность, чтобы вызвать въ простомъ народѣ состраданіе; ни обманъ, ни просьбы, ничто не упущено изъ виду, чтобы опутать нерѣшительныхъ и обнадежить готовыхъ содѣйствовать. Уже съ большимъ отрядомъ подходилъ въ сосѣдство Селевкии, когда Тиридатъ, пораженный сначала слухомъ, потомъ самимъ Артабаномъ, терялся въ разныхъ предположеніяхъ—идти ли на встрѣчу или войну протянуть медленностью? Тѣ, которымъ нравилось сраженіе и поспѣшный исходъ, увѣряли, что непріатели разбросаны и утомлены дальнимъ путемъ, да и въ мысляхъ недостаточно еще сошлись они на повиновеніе—еще недавніе измѣнники и враги того, кого опять лелѣютъ.—А Абдагезъ полагалъ: «нужно «отступитъ въ Месопотамію, чтобы, прикрывшись рѣкою, вызвать «между тѣмъ Армянъ, Елимеевъ и прочихъ стыду и, усилясь войсками союзными и тѣми, которыя пришлетъ вождь Римскій, попытать счастья.» Это мнѣніе имѣло перевѣсъ, потому что главное вліяніе было у Абдагеза, а Тиридатъ былъ трусливъ на опасность, но удалились то въ видѣ бѣгства и начавъ съ народа Арабовъ одни уходить домой, а другіе въ лагерь Артабана, пока Тиридатъ съ немногими, прійдя въ Сирію, освободилъ всѣхъ отъ стыда измѣны.

45. Тотъ же годъ поразилъ городъ (Римъ) сильнымъ пожаромъ: сгорѣла часть цирка, прилежащая къ Авентинскому холму и на самомъ Авентинѣ. Это бѣдствіе Цезарь обратилъ себѣ въ славу, заплативъ цѣнность домовъ и наемныхъ помѣщеній. Тысячу тысячъ сестерціевъ (милліонъ) роздано вслѣдствіе этой щедрости и тѣмъ пріятнѣе это было народу, что онъ очень былъ расчетливъ на частныя постройки. Да и общественнаго не строилъ ничего кромѣ двухъ зданій: храма Августу и сцены Помпеева театра и окончивъ ихъ—изъ пренебреженія къ честолюбію или вслѣдствіе старости, не посвятилъ ихъ (т. е. не сдѣлалъ имъ торжественнаго открытія). Для оцѣнки убытка каждаго лица избраны четыре зятя Цезаря: Кн. Домицій, Кассій Лонгинъ, М. Виницій, Рубеллій Бландъ, а, по назначенію консуловъ, прибавленъ П. Петроній; изобрѣтательность каждаго изъ нихъ была занята изысканіемъ и опредѣленіемъ почестей государю: какія изъ нихъ онъ оставилъ бы, а какія принялъ, было неизвѣстно вслѣдствіе близкаго конца жизни. Немного спустя послѣ кончины Тиберія, консулы Кн. Ацерроній и К. Понтій вступили въ отправленіе должности; а могущество Макрона было уже слишкомъ велико; онъ день ото дня заискивалъ болѣе и болѣе расположенія въ К. Це-

зарѣ, которымъ никогда не пренебрегалъ и побудилъ послѣ смерти Клавдіи, о которой замуштво за него я говорилъ—жену свою Бивію прельстить молодого человѣка, напустивъ на него любовь и сѣрѣпить брачнымъ договоромъ, а ни отъ чего бы не отказался К. Цезарь, пока домогался лишь власти, потому что онъ, хотя и раздражительнаго характера, но всю ложь притворства изучилъ въ груди дѣда. Извѣстно было это государю, а потому сначала колебался—не передать ли власть внукамъ: изъ нихъ рожденный Друзомъ былъ ближе и по крови, и по расположенію, но не достигъ еще возраста возмужалости; а сынъ Германика имѣлъ на своей сторонѣ и всю силу юности и любовь народа—достаточно причинъ для ненависти дѣда. Даже и о Клавдіѣ онъ было подумывалъ—такъ какъ онъ уже лѣтъ зрѣлыхъ, искренно желалъ дѣйствовать хорошо—но слабость уже умственныхъ способностей воспрепятствовала. Если же бы онъ попытался искать преемника внѣ своего дома, опасался—какъ бы память Августа и имя Цезарей не сдѣлались предметомъ поруганія и насмѣшки, потому что онъ принималъ въ соображеніе не столько то, что лучше въ настоящемъ, сколько честолюбіе относительно потомковъ. Но скоро ни на что не рѣшамъ въ душѣ, а слабѣя, тѣмъ рѣшеніе, которое ему было не подъ силу, предоставилъ судьбѣ. Впрочемъ вырывались у него слова, которыми давалъ разумѣть, что предвидѣлъ будущее, такъ Макрона, не скрывая намекъ, попрекнулъ: Западъ ужъ онъ покидаетъ, а обратился къ Востоку. «А К. Цезарю, въ случайно зашедшемъ разговорѣ насмѣхавшемуся надъ «Л. Суллою, предрекъ, что онъ будетъ имѣть все пороки Суллы «и ни одной его добродѣтели.» Вмѣстѣ съ обильными слезами обнимая младшаго изъ внуковъ при чемъ другой смотрѣлъ мрачно, сказалъ: «ты убьешь этого, а тебя ктонибудь другой.» Но здоровье становилось хуже, а онъ не опускалъ ничего изъ своихъ прихотей, терпѣніемъ стараясь придать себѣ видъ крѣпости силъ. Имѣлъ онъ обыкновеніе обращать въ шутку искусство медиковъ или тѣхъ, которые послѣ тридцатилѣтняго знакомства съ его сложеніемъ, обнаруживали необходимость въ ~~необходимости~~ ^{консультации} съ другими для узнанія того, что ему полезно и что вредно.

47. А между тѣмъ въ Римѣ разбрасывали сѣмена казней, которыя должны были совершиться послѣ Тиберія. Делій Бальбъ потребовалъ на судъ въ оскорбленіи величества Акуцію, нѣкогда жену П. Вителлія; по осужденіи ея, когда толковали объ опре-

дѣленіи награды обвинителю, Юній Отто, трибунъ народный, воспротивился. Вслѣдствіе этого между ними ненависть, а вслѣдъ за тѣмъ изгнаніе Оттона. Потомъ Альбуцилла, заслужившая извѣстность многими любовными интригами—а въ супружествѣ была она за Сатріемъ Секундомъ, доносчикомъ заговора—уличается въ непочтеніи къ государю. Запутаны были какъ соучастники и соблазнители ея: Кн. Домицій, Вибій Марсъ и Л. Аррунцій. Объ извѣстности Домиція я говорилъ выше; Марсъ знаменитъ былъ своими учеными занятіями и давно полученными почестями. Записка, присланная въ сенатъ, извѣщала, что Макронъ завѣдывалъ допросомъ свидѣтелей, пытками рабовъ. Совершенное отсутствіе письма Императора противъ нихъ давало поводъ къ подозрѣнію, что онъ былъ нездоровъ, а даже, можетъ быть, и вовсе не зналъ; а большая часть (обвиненій) была вымышленная вслѣдствіе извѣстной недружбы Макрона къ Аррунцію.

48. Домицій, обдумывая защиту, а Марсъ, какъ будто бы рѣшась умирить себя голодомъ—продлили себѣ жизнь; Аррунцій—когда друзья его совѣтовали ему медлить и продлить время, далъ имъ такой отвѣтъ: «не всѣмъ одно и тоже прилично; ему «уже довольно дѣтъ (жизни) и если онъ о чемъ либо жалѣеть, «то о томъ, что съ терпѣніемъ выносилъ тревожимую опасно-«стями и насмѣшками старость, долгое время Сеяну, теперь Мак-«рону, а постоянно кому либо изъ могущественныхъ ненавистный, «не по его винѣ, но потому что не могъ равнодушно смотрѣть «на злодѣянія. Конечно возможно уклониться отъ немногихъ и «послѣднихъ дней государя, но какъ уйти отъ юности имѣю-«щаго вступитъ? И если Тиберій послѣ такой опытности въ дѣ-«лахъ, силою господства сраженъ и измѣненъ, то за лучшее ли «возьмется К. Цезарь, чуть только вышедшій изъ дѣтства, «ничего незнающій или напитанный всѣмъ что есть дурнаго— «имѣя Макрона руководителемъ? А тотъ, какъ худшій, будучи «избранъ для подавленія Сеяна, многими преступными дѣйствіями «причинилъ вредъ государству. Предвидитъ онъ еще худшее «рабство, а потому вмѣстѣ хочетъ избѣгнуть и отъ настоящаго «и отъ будущаго». Выказавъ это въ видѣ прорицателя раз-рѣзалъ себѣ жилы. Послѣдующее послужитъ доказательствомъ, что Аррунцій хорошо воспользовался смертью. Альбуцилла, ранивъ сама себя безуспѣшнымъ ударомъ, по приказанію сената, отнесена въ тюрьму. Соучастники ея распутства приговорены: Карсидій Садерцосъ, бывшій преторъ, быть отправленнымъ въ

ссылку на островъ, а Понцій Фрегелланъ—къ лишенію сенаторскаго званія, а Леллій Вальбъ—къ смертной казни. Впрочемъ этотъ послѣдній приговоръ сдѣланъ съ радостью, потому что краснорѣчіе Вальба было ненавистно; онъ его обращалъ противъ невинныхъ.

49. Въ это же время Секетъ Палиній, изъ консульскаго семейства, избралъ себѣ конецъ внезапный и безобразный, бросившись въ пропасть. Причину относили къ матери: она, давно уже отвергнутая мужемъ, баловствомъ и роскошью побудила молодаго человѣка къ тому, чему исхода найдти онъ не могъ ни въ чемъ кромѣ смерти. А потому, когда она обвинена была передъ сенатомъ, то хотя и валялась въ ногахъ сенаторовъ, подробно излагая, что горе общее и что духъ женщины въ такихъ случаяхъ гораздо слабѣе мужчины; многое съ цѣлью вызвать печаль и состраданіе высказала она объ этомъ горестномъ предметѣ; Впрочемъ на десять лѣтъ ей воспрещенъ вѣздъ въ городъ, пока меньшій сынъ уйдетъ отъ соблазновъ юности.

50. Уже Тиберію измѣняли тѣлесныя силы, но не притворство; тотъ же непреклонный духъ: внимательный и къ словамъ и къ выраженію лица, даже изысканною иногда вѣжливостью прикрывалъ самую явную слабость (силъ). Чаше (обыкновеннаго) перемѣняя мѣста, остановился наконецъ у Мизенскаго мыса въ загородномъ домѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Л. Лукуллу. Тутъ то, что приходитъ ему послѣдній часъ, узнано было такимъ образомъ: былъ медикъ, знаменитый своимъ искусствомъ, по имени Хариклесь; конечно онъ не постоянно слѣдилъ за здоровьемъ государя, но подавалъ ему обыкновенно совѣты. Онъ какъ бы удаляясь по собственнымъ дѣламъ и подъ видомъ почтенія, цѣлуя руку, коснулся пульса; но не обманулъ Тиберія. А тотъ неизвѣстно—обидѣлся ли, но тѣмъ сильнѣе сдерживая негодованіе велѣлъ приготовить пиршество и принялъ въ немъ участіе сверхъ обыкновеннаго, какъ будто бы въ честь отъѣзжавшаго пріятеля. Хариклесь, Впрочемъ, завѣрилъ Макрона, что жизнь его оставляетъ и не протянетъ онъ больше двухъ дней; а потому спѣшили все устроить переговорами съ находившимися на лицо и гонцами съ легатами и войсками. Въ 17 день апрѣльскихъ календъ пересталъ дышать и всѣ подумали что покончилъ онъ съ жизнью. При большемъ стеченіи поздравителей К. Цезарь выходилъ уже начать первыя дѣйствія правленія; какъ вдругъ даютъ знать, что Тиберію возвратились: и голосъ, и зрѣніе, и зоветь

онъ—подать ему пищу, подкрѣпить слабыя силы. Страхъ овладѣлъ всѣми; прочіе тотчасъ же разбѣжались и каждый притворялся или печальнымъ или незнающимъ. Цезарь упорно молчалъ; послѣ самыхъ высокихъ надеждъ ждалъ гибели. Неустрашимый Макронъ отдаетъ приказаніе—задушить старика, набросивъ много платя и уйдти отъ порога. Такъ скончался Тиберій, на семьдесятъвосьмомъ году отъ роду.

51. Отцомъ его былъ Неронъ, и по отцу и матери происходилъ онъ изъ рода Клавдіевъ, хотя мать перешла усыновленіемъ въ родъ сначала Ливіи, а потомъ Юлія. Съ перваго дѣтства судьба его была двойная: изгнанныкомъ послѣдовалъ онъ за осужденнымъ отцемъ и, когда вошелъ пасынкомъ въ семейство Августа, былъ предметомъ преслѣдованія многихъ соперниковъ, пока были въ силѣ сначала Марцеллъ и Агриппа, потомъ Кай и Луцій. Даже братъ его Друзъ имѣлъ болѣе расположенія со стороны гражданъ. Но въ особенности скользкое его положеніе было, когда онъ взялъ въ супружество Юлію, причемъ онъ сносилъ безстыдство жены или уклонялся отъ него. Потомъ, по возвращеніи изъ Родоса, въ теченіи 12 лѣтъ былъ полнымъ хозяиномъ въ опустѣвшемъ домѣ государя и въ теченіи 23 лѣтъ былъ распорядителемъ дѣлъ Римскихъ. Да и нравственный характеръ его былъ по времени различный: отличные и образъ жизни его и репутація пока были частнымъ человѣкомъ или и съ властью, но подъ рукою Августа. Скрытнымъ и съ маскою ложныхъ добродѣтелей, пока живы были Германикъ и Друзъ; такимъ же, представляя смѣсь добра и зла, пока жива была мать; ненавистный жестокостью, но скрывая свои дурныя страсти, пока Сеяна и любилъ и опасался; наконецъ разомъ бросился и на преступленія и пороки, когда, отложивъ стыдъ и боязнь, пользовался только своимъ умомъ.

КНИГА ОДИНАДЦАТАЯ.

Содержаніе. Глава 1.—3. Валерій Азіатикъ, обвиненный Сулліемъ и Созибіемъ, гибнетъ жертвою коварства Мессалины и Вителлія и умираетъ весело.—4. Сонъ—поводъ къ жестокости.—5. Противъ обмана адвокатовъ сильно домогаются за-

кона Цициева.—6.—7. Наградамъ за покровительство полагаютъ мѣру государь.—8. Несогласіе у Парѳовъ. Готарцесъ разбитый возобновляетъ силы.—9. Заключаетъ миръ съ Барданомъ.—10. А тутъ, побѣдителемъ, умерщвленъ своими.—11. Игры вѣковыя. Домицій Неронъ назначенъ властвовать.—12. Мессалина влюбляется страстно въ Силія.—13. Клавдій думаетъ совсѣмъ о другомъ, издаетъ законы, обнаруживаетъ новую форму литтеръ.—14. Объ изобрѣтателяхъ буквъ.—15. Клавдій утверждаетъ гадателей.—16. По просьбѣ Херусковъ дается имъ царемъ Италикъ.—17. Вслѣдъ за тѣмъ раздоръ о немъ народа и война.—18. Корбулонъ подавляетъ Хавковъ, возобновившихъ было войну; строго дѣйствуетъ въ отношеніи къ воинамъ.—19. Устраиваетъ дѣла у Фризовъ, убиваетъ Ганнаска.—20. Усердіе его умѣряется Клавдіемъ; проводитъ ровъ (каналъ) между Мозелемъ и Рейномъ. Даны ему почести триумфа.—21. Также и Курцію Руфу.—22. Ноній погибаетъ. О зрѣлищѣ гладіаторовъ и о квесторахъ.—23. Галлы домогаются полнаго гражданства и—24. покровительствуемыегосударемъ,—25. получаютъ, и прежде всего Эдуи. Дополнены патриціи; сдѣлана перепись.—26. Мессалина, обезумѣвъ отъ любви—27. явно выходитъ замужъ за Силія.—28. Приходятъ въ смущеніе придворные.—29.—30. Нарциссъ доноситъ объ этомъ дѣлѣ черезъ распутныхъ женщинъ.—31. Клавдій трепещетъ, а Мессалина празднуетъ Вакху;—32. готовится просить черезъ весталокъ.—33. Нарциссъ возбуждаетъ медлившаго государя,—34. отклоняетъ просьбы,—35.—36. виновныхъ, и въ томъ числѣ Мнестера, требуетъ наказанія.—37.—38. Мессалину при нерѣшительности государя, безъ его вѣдома, принимаетъ мѣры убить.

Совершилось все это въ теченіи почти двухъ лѣтъ, въ консульство: К. Валерія Азіатика, М. Валерія Мессалы, А. Вителлія, Л. Випсанія.

.....такъ какъ она была того убѣжденія, что Валерій Азіатикъ два раза бывший консуломъ, былъ нѣкогда ея соблазнителемъ; а также сильно домогалась она его садовъ: начатыя Лукулломъ, онъ ихъ украсилъ изящною роскошью. Для обвиненія того и другаго напускаетъ Суллія. Присоединенъ Созибій, воспитатель Британника; онъ, подъ видомъ доброжелательства, долженъ былъ внушить Клавдію: «остерегаться силы и богатствъ, враждебныхъ государямъ; «главнымъ виновникомъ убіенія Цезаря былъ Азіатикъ: не оробѣлъ «передъ стеченіемъ народа Римскаго, сознался въ своемъ поступкѣ «и самъ искалъ за него славы. Заслужилъ онъ этимъ извѣстность «въ городѣ; слухъ о томъ распространился и по провинціи, гото- «вится онъ въ дорогу къ Германскимъ войскамъ: а между тѣмъ, «родясь въ Виеннѣ, опираясь на множество сильныхъ родственниковъ, «всего удобнѣе онъ можетъ возмутить чужестранные народы». А Клавдій, безо всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, поспѣшно посылаетъ съ воинами какъ бы на военныя дѣйствія Криспина, префекта преторія. Тотъ нашель Азіатика въ Баіяхъ и, заключивъ въ оковы, повлекъ въ городъ. И не дали ему возможности оправдываться передъ сенатомъ. Выслушавъ онъ въ спальнѣ: передъ Мессалиною и Суиліемъ ставили ему въ вину: развращеніе воиновъ, которыхъ онъ деньгами и раскуствомъ изготавилъ на всѣ преступленія, потомъ связь съ Почеіей и наконецъ изнѣженность тѣла. — На это, прервавъ молчаніе, подсудимый высказался: «спроси, Суиллій, сы- «новой своихъ, сознають, что я мущина». Начавъ защиту, растрогалъ въ высшей степени Клавдія, а у Мессалины даже извлекъ слезы. Уходя изъ спальни, чтобы омытъ ихъ, предупреждаетъ Вителлія, чтобы отнюдь не выпускалъ подсудимаго; а сама спѣшитъ на погубленіе Поппеи, подославъ людей, которые, угрожая тюрьмою, побудили ее къ добровольной смерти. До такой степени не зналъ этого Цезарь, что немного дней спустя обѣдавшаго у него мужа ея, Сципіона, спросилъ: «почему онъ явился безъ жены»? «Умерла» — отвѣтилъ тотъ. Но когда совѣтовался объ освобожденіи Азіатика, Вителлій, съ плачемъ припомнивъ старую дружбу и то, какъ они вмѣстѣ чтили Антонію, мать Государя, изложилъ потомъ услуги Азіатика общественному дѣлу и недавній походъ въ Британнію и многое иное повидимому для возбужденія состраданія, предоставилъ ему свободный выборъ рода смерти. Затѣмъ послѣдовали и слова Клавдія въ духѣ тогоже милосердія. Совѣтовали нѣкоторые воздержаніе отъ пищи и медленный конецъ — Азіатикъ имъ сказалъ, что онъ отказывается отъ такой милости. Послѣ обычныхъ, какъ

и всегда упражненій, омывъ тѣло, весело пировалъ, сказавъ: что честиѣ погибъ бы онъ отъ хитрости Тиберія или вспыльчивости К. Цезаря, чѣмъ отъ женскаго коварства и безстыдныхъ устъ Вителлія. Разрѣзалъ себѣ жилы: но увидя передъ этимъ костеръ велѣлъ его перенести въ другую сторону, «дабы густота деревьевъ не пострадала отъ жару огня». Столько у него было беззаботности и въ минуту кончины. Созваны послѣ того сенаторы и Суилій идетъ далѣе, присоединивъ какъ подсудимыхъ всадниковъ Римскихъ знатныхъ, по прозванію Петра; а причина ихъ казни то, что домъ свой давали для свиданій Валерія и Поппеи. Впрочемъ одному изъ нихъ поставили въ вину грезы ночнаго успокоенія: «будто бы онъ видѣлъ Клавдія въ вѣнкѣ изъ колосевъ съ колосьями обращенными внутрь и будто бы онъ сказалъ, что это «видѣніе предвѣщаетъ дороговизну хлѣба». А нѣкоторые передаютъ, что видѣлъ вѣнокъ изъ виноградныхъ, но побѣлѣвшихъ листьевъ и что онъ это объяснялъ такъ, что съ наступленіемъ осени умретъ государь. Одно только то вѣ сомнѣніи, что сонное видѣніе, какое бы оно ни было, ему и брату условило гибель. Криспину опредѣлены: пять милліоновъ сестерцій и украшенія претуры. Вителлій прибавилъ милліонъ сестерцій Созибію за содѣйствіе Британнику наставленіями, а Клавдію совѣтами. Спрошенный о мнѣніи Циціонъ: «такъ какъ я раздѣляю образъ мыслей другихъ относительно «поступковъ Поппеи то считайте, что я тоже говорю (объ этомъ «предметѣ) что и другіе—ловко лавиривалъ между любовью къ «супругѣ и обязанностями сенатора».

Б. Вслѣдствіе этого Суилій сталъ постоянно и строго обвинять подсудимыхъ и много явилось соревнователей его смѣлой дѣятельности. Такъ какъ государь, сосредоточивая на себѣ всѣ обязанности законовъ и высшихъ сановниковъ—подалъ поводъ (изъ грабительства) хищенію. И врядъ ли изъ предметовъ общественной торговли было что-либо такъ продажно, какъ коварство адвокатовъ; въ такой степени что Самій, знаменитый всадникъ Римскій, давъ Суилію 400 тысячъ денегъ и узнавъ о его сдѣлкѣ съ противною стороною—въ его же домѣ бросился на мечъ. Вслѣдствіе этого, по начину К. Силлія, назначеннаго консула, о могуществѣ и гибели котораго упомяну въ свое время, сенаторы встали и потребовали Циціева закона, а имъ издревле предусмотрѣно: «дабы никто, за защиту дѣла, не бралъ ни денегъ, ни подарковъ». Потомъ, при ропотѣ тѣхъ, которымъ готовилось это посрамленіе, враждебный Суилію, Силлій сильно налегъ (на это дѣло) ссылаясь

на примѣры древнихъ ораторовъ, которые имѣли въ виду славу въ потомствѣ—лучшую награду краснорѣчія, а теперь главное изъ изящныхъ искусствъ опозорено гнусною наемною платою; даже и вѣрность не остается безупречною тамъ, гдѣ имѣется въ виду только количество прибыли. Еслибы въ дѣлахъ не было расчета на денежную выгоду, то и дѣлъ было бы меньше; теперь развиваются недружбы, обвиненія, ненависти и оскорбленія; точно также, какъ болѣзни даютъ деньги докторамъ, такъ развращеніе, порча форума доставляетъ ихъ адвокатамъ. Пусть припомнятъ К. Азинія и Мессалу Аррунція и Эзернина; они достигли самаго высокаго положенія безпорочною жизнью и краснорѣчіемъ. Такъ говорилъ назначенный консулъ, соглашались съ нимъ и другіе, готовилось мѣненіе, по которому долженъ былъ имѣть тутъ примѣненіе законъ о взяткахъ. Тутъ Суилій, Коссуціанъ и прочіе, видя, что постановляется уже не сужденіе (потому что всѣ они были въ виду), но наказаніе, обступили Цезаря, прося снисхожденія за то, что дѣлалось прежде. А когда онъ согласился, начинаютъ представлять ему: «кто можетъ имѣть столько самоувѣренности, чтобы надеждою предвосхищать вѣчность славы? Въ дѣлахъ же и событіяхъ жизни является помощь, дабы никто, за отсутствіемъ защитника «(адвоката), не былъ готовою добычею людей могущественныхъ. «Да и краснорѣчіе не дается даромъ: оставляетъ свои собственныя, кто посвящаетъ себя чужимъ дѣламъ; многіе въ военной «службѣ, а нѣкоторые въ занятіи земледѣліемъ снискиваютъ средства къ жизни. Никто не станетъ стремиться къ тому, въ чемъ «ранѣе не предвидитъ пользы. Легко было быть великодушными— «Азинію и Мессалѣ, обогатившимися добычею войнъ, бывшихъ «между Августомъ и Антоніемъ или Эзернинамъ и Аррунціямъ, «наслѣдникамъ богатыхъ семействъ; но готовы и у нихъ примѣры, «за какую плату обыкновенно говорили въ народномъ собраніи «П. Клодій или К. Курію; а они, сенаторы, съ средствами умѣренными: при спокойномъ состояніи общественныхъ дѣлъ, не могутъ «искать прибыли иначе какъ мирными средствами. Пусть подумаеть и о простомъ народѣ, которому единственное средство возвышенія—гражданская дѣятельность; если же не будетъ награды «за занятія, то и самыя занятія погибнуть. — Находя все это «хотя и менѣе честнымъ, но все же высказаннымъ не напрасно. «Государь положилъ предѣлъ взысканію денегъ до десяти тысячъ «сестерціевъ, а сверхъ этого размѣра должны были отвѣчать какъ «за взятки».

8. Около этого времени Митридатъ, о которомъ я упоминалъ, что онъ начальствовалъ въ Арменіи и былъ вызванъ явиться къ Цезарю, по убѣжденію Клавдія, отправился въ свое царство, полагаясь на средства Фаразмана. Онъ, царь Иберовъ и братъ Митридата, давалъ вѣсть, что у Парвовъ несогласіе, недоумѣніе насчетъ верховной власти, а о прочемъ менѣе важномъ и заботы нѣтъ. Такъ какъ вслѣдствіе многихъ жестокихъ поступковъ Готарцеса (онъ приготовилъ убійство брату Артабану, женѣ его и сыну, а оттого страхъ напалъ и на прочихъ) призвали Бардана. Онъ готовый на смѣлыя и важныя предпріятія, въ два дни прошелъ три тысячи стадій и сбилъ ничего незнавшаго и пришедшаго въ ужасъ Готарцеса: да и не медлитъ—занять ближайшія префектуры; одни лишь Селевкійцы отказали ему въ повиновеніи. Раздраженный противъ нихъ какъ противъ измѣнчившихъ и отцу его, болѣе слѣдуя влеченію гнѣва, чѣмъ расчетамъ что ему было нужнѣе въ настоящемъ, беретъ за осаду города сильнаго, укрѣпленнаго и заграждавшаго его рѣкою, и стѣнами и съ обезпеченными подвозами. Между тѣмъ Готарцесъ, усилясь вспоможеніемъ Даговъ и Гиркановъ, возобновляетъ войну, и Барданъ, вынужденный оставить осаду Селевкии, перенесъ лагерь въ Бактріанскія равнины.

9. Тутъ-то, когда силы Востока были развлечены въ разныя стороны и неизвѣстно было—въ какую они обратятся сторону—Митридату представился случай занять Арменію при содѣйствіи Римскихъ воиновъ для сокрушенія твердыхъ крѣпостей, между тѣмъ какъ Иберское войско дѣйствовало въ мѣстахъ ровныхъ. Да и Армяне не оказывали сопротивленія послѣ того какъ разбитъ Демонагтъ префектъ, дерзнувшій на сраженіе. Немного замедленія причинилъ было Котисъ, царь Малой Арменіи, къ которому обратились нѣсколько знатныхъ лицъ, но образумленъ письмомъ Цезаря и обратилось къ Митридату, болѣе жестокому, чѣмъ-то было въ пользу его новому еще правленію. Парескіе вожди уже приготовлялись къ бою, какъ вдругъ заключаютъ союзный договоръ, узнавъ коварный замыселъ ихъ соотечественниковъ, открытый самимъ Готарцесомъ брату, и, сойдясь, сначала медлятъ, потомъ взялись правыми руками и дали другъ другу клятву передъ олтаремъ боговъ: «отмстить врагамъ за ихъ коварство, а другъ другу уступить». Барданесъ признанъ болѣе имѣющимъ право—сохранить власть, а Готарцесъ, чтобы не оставалось и тѣни соперничества, удалился въ глубь Гирканіи. По возвращеніи Барданеса къ Селевкии, она сдалась на седьмой годъ послѣ ея отпаденія, не безъ стыда для

Паревъ, отъ власти коихъ столько времени ускользалъ одинъ городъ.

10. Затѣмъ онъ занялъ сильнѣйшія префектуры и домогался снова захватить Арменію, но былъ удержанъ Вибіемъ Марсомъ, легатомъ Сиріи, грозившимъ войною. Между тѣмъ Готарцесъ, раскаясь, что уступилъ царство и призываемый назадъ дворянствомъ, которому рабство въ мирное время тяжеле, собралъ войска; ему на встрѣчу вышли къ рѣкѣ Еринду. При переходѣ черезъ нее произошла упорная борьба, наконецъ Барданесъ побѣдилъ и въ счастливыхъ битвахъ покорилъ всѣ народы, жившіе до рѣки Синда, отдѣляющей Даговъ и Аріевъ. Тутъ-то положенъ предѣлъ удачнымъ дѣйствіямъ, потому что Паревы, хотя побѣдители, не любили отдаленныхъ походовъ. А потому, воздвигнувъ памятникъ, свидѣтельствовавшій о его силахъ и о томъ, что еще никто изъ Арзакидовъ не бралъ еще дани съ этихъ народовъ—возвратился назадъ. Громадную славу приобрѣлъ Барданесъ и оттого сдѣлался только жесточе и невыносимѣе для подвластныхъ. Они, составивъ прежде коварный умыселъ, убили его неостерегаюся и занимавшюся охотою, въ ранней юности стяжалъ, онъ славу рѣдкую и между престарѣлыми царями, если бы онъ столько же заботился о любви соотечественниковъ, сколько о томъ, чтобъ быть грозою непріятелей. Вслѣдствіе смерти Барданеса пришли въ замѣпательство дѣла Паревянъ, нерѣшавшихся кого принять на царство. Многіе склонялись къ Готарцесу, а нѣкоторые къ Мегердату, сыну Фраата, отданному намъ въ заложники. Потомъ имѣлъ перевѣсъ Готарцесъ, и, овладѣвъ царскимъ дворцомъ, жестокостью и роскошью вынудилъ Парфовъ послать къ государю Римскому съ тайными просьбами—отпустить Мегердата на отеческій престолъ.

11. При тѣхъ же консулахъ даны (вѣковны) столѣтнія игры на всемисотомъ году послѣ построенія Рима и на шестьдесятъ четвертомъ послѣ того, какъ ихъ далъ Августъ. Основанія, которыя имѣли тотъ и другой государь опускаю, достаточно изложивъ ихъ въ книгахъ, въ которыхъ я изложилъ дѣянія императора Домиціана, такъ какъ и онъ давалъ вѣковныя игры и я при нихъ присутствовалъ со вниманіемъ облеченный саномъ жреца изъ коллегіи пятнадцати и въ то время претора; объ этомъ упоминаю я не изъ тщеславія, но потому что коллегіи пятнадцати издревле принадлежала эта забота, а сановники преимущественно исполняли обязанности обрядовъ. Сидѣлъ и Клавдій во время игръ въ циркѣ, когда молодые знатные лю-

ди на коняхъ представили зрѣлище Троянское и между ними Британникъ, сынъ императора и Л. Домицій, черезъ усновленіе вскорѣ потомъ приобщенный къ (участію) власти и прозванію Нерона. Расположеніе простаго народа высказалось сильнѣе къ Домицію, что и принято вмѣсто предназначенія. Толковали «будто въ дѣтствѣ окружали его драконы въ видѣ стражей». Все это были басни въ подражаніе иноземнымъ чудеснымъ явленіямъ, такъ какъ и онъ самъ, ужь очень далекій отъ уменьшенія собственной славы, имѣлъ обыкновеніе рассказывать, что только одного ужа видѣлъ въ спальнѣ.

12. Но расположеніе народа оставалось при немъ въ память Германика, котораго онъ былъ единственнымъ потомкомъ мужескаго пола. И состраданіе къ матери его Агриппинѣ росло по мѣрѣ жестокости Мессалины: постоянно ей враждебная, а въ то время еще раздражительнѣе и, если только не приготавливали новыхъ обвиненій и обвинителей, то, отдавшись новой и близкой къ безумію любви. Она до того воспылала страстью къ К. Силію, красивѣйшему изъ молодыхъ людей Рима, что Юнію Силану, женщину знатнаго рода, удалила отъ брачнаго съ нимъ сожитія для того, чтобы имѣть въ своей власти нераздѣльно обольстителя. Силій сознавалъ и преступленіе и опасность, но увѣренный въ гибели, еслибы отказалъ Мессалинѣ, питалъ еще нѣкоторую надежду вернуться: потомъ же осыпавый большими наградами считалъ утѣшеніемъ—дождаться будущаго и пользоваться настоящимъ. А она не украдкою, но съ большою свитою приходила къ нему въ домъ, не отставала отъ него и когда онъ выходилъ, осыпала его богатствами, почестями; наконецъ, какъ бы уже и самая судьба измѣнилась, рабы, отпущенники, вся пышность государя показались при соблазнителѣ.

13. А. Клавдій, какъ бы не зная женатъ ли онъ, взявъ на себя обязанности цензора, строгими едиктами порицалъ: «своеволіе народа въ театрѣ за то, что тотъ высказалъ бранныя слова противъ П. Помпонія, бывшаго консула (онъ назначалъ произведенія на сцену), и знатныхъ женщинъ.»—И изданнымъ закономъ обуздаль притѣсненія кредиторовъ, установивъ, чтобы они не давали изъ процентовъ денегъ молодымъ людямъ семействъ, рассчитывая на смерть родителей. Родниковую воду, проведя отъ Симбруинскихъ холмовъ, ввелъ въ городъ. Новыя формы буквъ присовокупилъ и обнародовалъ, узнавъ основательно, что и грамотность Грековъ не разомъ началась и пришла въ совершенство,

14. Первые Египтяне изображеніемъ животныхъ старались передать умственные понятія (эти древнѣйшіе памятники умственной дѣятельности человѣка, видны напечатлѣнными на камняхъ) и они (Египтяне) выдають себя за изобрѣтателей буквъ. Потомъ Финикіяне, преобладая на морѣ, внесли въ Грецію и стяжали славу какъ будто бы сами изобрѣли то, что получили отъ другихъ. Дѣйствительно есть слухъ, будто бы Кадмъ, прибывшій на Финикійскомъ флотѣ, былъ изобрѣвателемъ искусства письменности для еще необразованныхъ народовъ Греціи. Нѣкоторые упоминають, будто Кекропсъ Аѳинянинъ или Линъ Оивянинъ, а во времена Троянскаго Паламедъ Аргивецъ—изобрѣли шестнадцать (формъ) фигуръ буквъ; а впоследствии другіе, въ особенности же Симонидъ, придумали другіе.» Въ Италіи Херуски выучились имъ отъ Коринѳянина Демарата, а Аборыгены отъ Аркадійца Евандра и форма письменъ латинскихъ была таже, что древнѣйшихъ Греческихъ. Да и у насъ сначала было ихъ не много, потомъ прибавлены. По этому примѣру Клавдій прибавилъ три буквы; они были въ употребленіи, пока онъ властвовалъ, впоследствии забыты и повнѣ ихъ видно на мѣдной доскѣ для объявленія народныхъ притворовъ, прикрѣпленной на площадяхъ и храмахъ.

15. Потомъ Клавдій обратилъ вниманіе сената на коллегій гадателей: «какъ бы древнѣйшая наука Италіи не пришла въ забвеніе, вслѣдствіе безпечности. Нерѣдко, при неблагополучныхъ обстоятельствахъ государства, приглашаемы были люди, по наставленію которыхъ возстановлялись обряды и на будущее время соблюдаемы были правильнѣе. Старѣйшины Етрусскіе, сами собою или побуждаемые сенаторами Римскими, сохранили эти знанія и передали ихъ въ семейства. А теперь все это исполняется небрежнѣе, вслѣдствіе общаго равнодушія къ хорошимъ занятіямъ и распространенія иноземныхъ суевѣрій. Теперь въ насъ все представляется въ радостномъ видѣ, но необходимо принести благодарность благоволенію боговъ, какъ бы священные обряды,—предметъ заботливости во времена трудныя—не пришли въ забвеніе во времена благополучія.» Вслѣдствіе этого состоялся сенатскій декретъ: «пусть озаботятся первосвященники тѣмъ, что относительно гадателей нужно удержатъ и утвердить.»

16. Въ этомъ же году народъ Херусковъ просилъ себѣ царя изъ Рима; во внутреннихъ войнахъ утратили они знатнѣй-

шихъ лицъ и остался только одинъ потомокъ царскаго рода; держали его въ Римѣ и назывался онъ Италикомъ. По отцу происходилъ онъ отъ Флавія, брата Арминіева, и мать была дочерью Каттумера, государя Каттовъ; самъ красивой наружности, отлично владѣлъ лошадыю и оружіемъ, по отеческому и нашему обычаю. А потому Цезарь, осыпавъ его деньгами и давъ ему свиту, убѣждалъ: «съ возвышенными мыслями взятыя за насъ слѣдственную почесть. Онъ первый, родясь въ Римѣ, не заложникомъ, а гражданиномъ, отправляется на чужеземное господство.» Сначала прибытіе его было радостно Германцамъ и тѣмъ болѣе, что, чуждый всѣмъ несогласіямъ, былъ ко всѣмъ одинаково внимателенъ: прославляли его, уваживали за нимъ; а онъ то былъ обходителенъ и соблюдалъ умѣренность, что никому не можетъ быть противнымъ, а чаще пускался въ пьянство и распутство, пріятныя дикарямъ. Уже и у близкихъ, и у дальнихъ народовъ пронеслась о немъ слава, какъ тѣ, которые цвѣли партіями — подозрительно смотря на могущество Италика уходятъ къ сопредѣльнымъ народамъ и свидѣтельствуютъ: «отнимается у Германіи ея древняя свобода и увеличивается вліяніе Римлянъ. Неужели до такой степени изъ рожденныхъ въ одной и той же землѣ нѣтъ никого — занять первенствующее мѣсто, кромѣ потомка лазутчика Флавія, возвысившагося надъ всѣми? Вотще упоминаютъ имя Арминія, если бы сынъ его, взросши въ неприятельской землѣ, прибылъ на царство, то могъ бы внушить опасенія, какъ зараженный чужестранными пищею, службою, образомъ жизни и вообще всѣмъ. Да еслибы Италикъ и паслѣдовалъ отцовскій образъ мыслей, то врядъ ли кто когданибудь враждебнѣе отца его обращалъ оружіе противъ отечества и боговъ домашнихъ.»

17. Такими, и въ этомъ родѣ, убѣжденіями собрали большія войска, а не меньшіе сопровождали Италика; о немъ припомнили: «не противъ ихъ воли навязался онъ, но приглашенъ». И если знатностью рода превосходитъ онъ другихъ, то пусть испытаютъ и его доблесть — покажетъ ли онъ себя достойнымъ дяди Арминія и дѣда Каттумера. Да и нечего ему краснѣть за отца, что онъ, съ согласія Германцевъ, вступивъ въ отношенія вѣрности къ Римлянамъ, ни разу ихъ не нарушилъ. Лживо прикрываются словомъ свободы тѣ, которые, какъ частные люди, измѣнили своему происхожденію, какъ общественные дѣятели пагубны и все надежды свои возлагаютъ только на раздоры.—

Простой народъ подтверждалъ это усердно своими криками и въ большомъ сраженіи между дикарей побѣдилъ царь; потомъ, вслѣдствіе удачъ, впалъ онъ въ гордость и изгнанъ; снова подкрѣпленный силами Лангобардовъ, и въ счастіи и въ несчастіи вредилъ дѣламъ Херусковъ.

18. Около этого же времени Хавки, вслѣдствіе отсутствія домашнихъ несогласій и смертью Санквинія обрадованные, сдѣлали, подъ предводительствомъ Ганнаска, вторженіе въ нижнюю Германію. Онъ родомъ Каннинефасъ, долго служилъ у насъ воиномъ вспомогательнымъ, потомъ сдѣлался перебѣзчикомъ и для грабежа на малыхъ судахъ, преимущественно опустошалъ берега Галліи, не безъизвѣстный о томъ, что они богаты, но невоинственны. А Корбулонъ, войдя въ провинцію съ большою заботливостію а потомъ и славою, началомъ которой былъ этотъ походъ, триремы привелъ русломъ Рейна, а прочія суда только по возможности какую они представляли, привелъ по заливамъ и каналамъ, подавилъ челноки непріятелей и прогналъ Ганнаска. А когда настоящее положеніе дѣлъ было достаточно устроено, легіоны, незнакомые съ трудами и занятіями и обрадованные опустошеніями, поставилъ на старую ногу: чтобы никто не оставлялъ строя и не начиналъ боя иначе какъ по приказанію; караулы, посты, обязанности службы дневной и ночной, исполняемы были съ оружіемъ въ рукахъ. Говорятъ, что казнены смертью «одинъ воинъ за то, что неопоясанный мечемъ подошелъ къ валу, а другой за то, что вооруженный однимъ кипжаломъ, копалъ землю». Такія крайности, неизвѣстно можетъ быть и ложно придуманныя, брали начало отъ строгости вождя: это давало понять до какой степени былъ внимателенъ и неумолимъ къ важнымъ проступкамъ тотъ, котораго считали столь строгимъ и въ отношеніи къ мало-важнымъ.

19. Впрочемъ такая гроза различно подѣйствовала на воиновъ и на враговъ: у нашихъ увеличивалось доблести, а у дикарей поубавилось дерзости. И народъ Фризіевъ, послѣ возмущенія, начавшагося пораженіемъ К. Апронія, непріязненный или неискренний въ вѣрности, давъ заложниковъ, поселился на земляхъ, назначенныхъ Корбулономъ. Онъ же установилъ имъ сенатъ, сановниковъ, законы; а чтобы они не уничтожили его распоряженій—усилилъ гарнизонъ. Онъ послалъ соблазнять старѣйшихъ Хавковъ къ покорности и вмѣстѣ нельзя ли хитростію подѣйствовать на Ганнаска; и не безуспѣшны и не безчестны

были коварные замыслы противу перебѣжчика и нарушителя вѣрности. Но убійство его взволновало умы Хавковъ, а Корбулонъ подалъ поводъ къ возмущенію, насколько онъ доброю у однихъ пользовался славою, настолько у другихъ мрачною: «зачѣмъ онъ «вызываетъ непріятеля? Неудача обратится на дѣло общественное; если же бы онъ сталъ дѣйствовать счастливо, то опасенъ «въ мирное время замѣчательный человѣкъ и въ высшей степени «непріятель государю недостойному». А потому Клавдій воспрепятлъ дальнѣйшія дѣйствія силою въ Германіи и даже отдалъ приказаніе всѣ вооруженные посты перевести по сю сторону Рейна. Это письмо императора отдано Корбулону, когда ужъ онъ устраивалъ лагерь на непріятельской землѣ. Онъ, пораженный неожиданностью и хотя представилось его уму многое вмѣстѣ:—опасеніе со стороны императора, презрѣніе дикарей, насмѣшки союзниковъ, не сказалъ ничего болѣе кромѣ словъ: «счастливы были «прежніе вожди Римскіе!» и подалъ знакъ къ отступленію. А впрочемъ, чтобы воины не оставались праздыми, онъ провелъ между Маасомъ и Рейномъ каналъ на протяженіи 23 миль, для того чтобы избѣгнуть непостоянства водъ океана. Впрочемъ, Цезарь, отказавъ въ возможности вести войну, благосклонно далъ знаки триумфа. И не много спустя Курцій Руфъ достигъ той же почести за то, что онъ на Маттіакскомъ полѣ открылъ пещеру, гдѣ нашлись жилы серебра. Добыча была скудная—и не на долго, а для легионовъ трудъ со вредомъ—вырывать ходы, сверху снимать тяжести и внизу копать землю. Изнуряемые такими работами воины—такъ какъ по многимъ провинціямъ приходилось имъ выносить подобное, составили безъименное письмо, отъ войскъ и въ немъ просили императора—кому онъ будетъ ввѣрять войска, тому пусть заранѣе дастъ почести триумфа.

21. О происхожденіи Курція Руфа—о которомъ нѣкоторые утверждали даже, что онъ сынъ гладіатора, не стану приводить ложныхъ показаній, да и вникать въ истину какъ то совѣстно. Когда онъ возмужалъ, то, находясь въ свитѣ квестора, которому досталась Африка, когда въ городѣ Адруметѣ ходилъ одинъ по портикамъ среди дня опустѣлымъ, явилось передъ нимъ подобіе женщины природы выше человѣческой и услышалъ онъ слова: «ты, Руфъ, прійдешь въ эту провинцію проконсуломъ». Ободренный въ своихъ надеждахъ такимъ предназначеніемъ, отправился въ Римъ и деньгами друзей, а также и своимъ острымъ умомъ получилъ квестору, а потомъ и при знатныхъ со-

искателяхъ волею государя получилъ претуру и Тиберій низость его происхожденія прикрылъ слѣдующими словами: «мнѣ кажется «что Курцій Руфъ самъ отъ себя родился». Продолжительная послѣ того старость; къ вышнимъ съ жалкою лестью, съ низшими надмененъ, а съ равными тяжелъ въ обращеніи, достигъ власти консула, знаковь триумфа и наконецъ управленія Африкою; тамъ и померъ и тѣмъ исполнилъ предвѣщаніе судьбы.

22. Между тѣмъ въ Римѣ безо всякой явной причины, да и впоследствии такой открыть не могли, Кн. Ноній, всадникъ Римскій, найденъ опоясаннымъ мечемъ въ кружкѣ явившихся привѣтствовать государя. Когда его терзали пытками, то относительно себя не скрывалъ, а соучастниковъ не назвалъ, неизвѣстно утаивая ли ихъ (или таковыхъ и не было). При тѣхъ же консулахъ П. Долабелла подаль мнѣніе: «гладіаторское зрѣлище «черезо всѣ года должно совершаться на деньги тѣхъ, которые «получать квестуру.» У предковъ это было наградою добродѣтели и всѣмъ гражданамъ: если они располагались на добрыя средства, дозволено было домогаться должностей; даже и возрастъ не принимался въ расчетъ, такъ что въ ранней юности получали и консульство, и диктатуру. Что же касается до квесторовъ, то они учреждены еще при господствѣ царей, что доказываетъ законъ, утвержденный народомъ по куріямъ, на который ссылается Л. Брутъ. Консуламъ оставалась власть выбирать ихъ; пока наконецъ и эта почесть стала зависѣть отъ народа. Сначала избраны Валерій Потитъ и Емилиѣ Мамеркъ въ шестьдесятъ третьемъ году по изгнаніи Тарквиніевъ для завѣдыванія всѣмъ, что до войны относится; потомъ, по мѣрѣ развитія дѣлъ, прибавлены двое, которыхъ дѣятельность ограничивалась Римомъ. Потомъ удвоено число, когда Италия уже платила подати и присоединились платежи пошлинъ изъ провинцій. Вслѣдъ за тѣмъ, по закону Суллы, двадцать выбраны для пополненія сената, которому онъ передалъ судебную часть и, хотя всадникамъ она была возвращена, однако квестура по достоинству кандидатовъ или уступчивости тѣхъ, которые давали ее, давалось даромъ, пока по мнѣнію Долабеллы, стала какъ бы съ торговъ продаваться. При консулахъ А. Вителліѣ и Л. Випсаніѣ, когда толковали о пополненіи сената и старѣйшины Галліи—которая называется Комата, (долговолосая)—давно уже получившіе права союза и гражданства Римскаго, испрашивали право получать въ городѣ почести, то объ этомъ предметѣ былъ большой разнообразный

толкъ. Разными доводами старались подѣйствовать на государя; одни утверждали, что: «не до того изнемогла Италия, чтобы не «быть въ силахъ своему городу доставить сенатъ. Прежде по-«полняли туземцевъ единокровными народами, и не раскаивалась «въ томъ издревле республика. Не привесть ли еще примѣровъ, «какъ старинными нравами природа Римлянъ возбуждала ихъ «на добродѣтель и славу? Развѣ мало, что Венеты и Инсубры «вторглись въ курію, если будетъ введено туда цѣлое собрание «чужеродцевъ, какъ (готовое) порабощеніе? Какая же еще по-«честь будетъ для остальныхъ людей знатныхъ или если какой «бѣдный сенаторъ изъ Лаціума? Наполнятъ все тѣ богачи, ко-«торыхъ дѣды и прадѣды, божди враждебныхъ народовъ вой-«ска наши поражали оружіемъ и силою; божественнаго Юлія оса-«дили у Алезіи. Это все недавнее, а что же, ежели коснуться «памяти тѣхъ, которые собственными руками Капитолій и жерт-«венники Римскіе воспользовались бы, конечно, намено-«ваніемъ гражданства; и слѣдуетъ бросать на поруганіе почести «сенаторовъ, отличія должностныхъ лицъ».

24. Но такія и въ этомъ родѣ рѣчи не подѣйствовали на го- сударя и немедленно онъ ихъ оспаривалъ и, созвавъ сенатъ, началъ такъ: «предки мои (изъ коихъ древнѣйшій Клавзъ, происхожденія «Сабинскаго одновременно принять и въ гражданство Римское и «роды патриціевъ) побуждаютъ меня дѣйствовать также по отно- «щенію къ общественному дѣлу, перенося сюда, что гдѣ либо бы- «ло лучшаго. Мнѣ не безызвѣстно что Юлы изъ Альбы, Корун- «кани изъ Камерія, Порціи изъ Тускула и не пускаясь въ из- «слѣдованіе глубокой древности, въ сенатъ призываемы были изъ «Этруріи, Луканіи и всей Италіи. Потомъ они раздвинулись до «самыхъ Альповъ, такъ что не только отдѣльныя личности, но «земли, племена сrostались въ единство имени съ нами. Тутъ то «обеспечено было спокойствіе и внутри государства и усилились мы «противъ внѣшнихъ враговъ, какъ жители той стороны. Но при- «няты въ гражданство, какъ подъ предлогомъ развести легіоны по «лицу земли, прибавлены сильнѣйшіе изъ жителей провинцій— «тутъ то изнемогавшему государству оказано пособіе. Приходится «ли намъ раскаиваться, что Бальбы изъ Испаніи и люди не ме- «нѣ замѣчательные перешли къ намъ изъ Нарбонской Галліи? Ос- «таются потомки ихъ и въ любви къ этому отечеству намъ не «уступаютъ. Что же другое погубило Лакедемонянъ и Аѳинянъ, «хотя они и сильны были оружіемъ, что они побѣжденныхъ ус-

«страняли отъ себя какъ чужеродцевъ? А основатель нашъ Ромуль «обладалъ такою мудростью, что большую часть народовъ въ одинъ «и тотъ же день имѣлъ врагами и потомъ согражданами. При- «шельцы надъ нами царствовали. Сыновьямъ отпущенниковъ поручать государственныя должности—явленіе не недавнее, какъ большинство ошибочно полагаетъ, но случалось и прежде въ народѣ «Римскомъ. Но мы сражались съ Сенонами, а Вольски и Эквы ни- «когда не воздвигали противъ насъ враждебнаго строя! Мы взяты «были Галлами, но мы и Тускамъ (Этрускамъ) давали заложниковъ и вынесли иго Самнитовъ. Впрочемъ, если принять въ со- «ображеніе всѣ войны, то ни одна не приведена къ концу въ промежуткѣ времени болѣе краткій, какъ война противъ Галловъ, «и затѣмъ утвердился миръ постоянный и вѣрный. Уже, сливаясь «нравами, занятіями и сродствомъ съ нами, пусть лучше вносятъ «къ намъ золото и богатства свои, чѣмъ имѣють ихъ отдѣльно. «Отцы достопочтенные! всѣ установленія, которыя нынѣ считаются «древнѣйшими, были новыми: должностныя лица изъ плебеевъ послѣ патриціевъ; латиняне послѣ плебеевъ; прочіе народы Италиі послѣ латинянъ. И теперешняя мѣра будетъ имѣть за себя право древности и теперь мы ее подкрѣпляемъ, а тогда она сама «будетъ примѣромъ».

25. За рѣчью государя послѣдовало сенатское опредѣленіе и первые Эдуи приняты въ городъ съ правами сенаторства; сдѣлано это вслѣдствіе древности союза и потому, что одни изъ Галловъ пользуются именемъ братства въ отношеніяхъ къ народу Римскому. Въ эти же дни Цезарь принималъ въ число патриціевъ изъ сенаторовъ самыхъ старыхъ и тѣхъ, которые происходили отъ знатнаго рода, такъ какъ уже немного осталось семействъ, получившихъ названіе отъ Ромула *старѣйшихъ родовъ* и отъ Л. Брута *младшихъ родовъ*. Даже и тѣ уже перевелись, которыми дополнялъ диктаторъ Цезарь по Кассіеву закону, а государь (собственно первенствующій) Августъ закономъ Сеніевымъ. Пріятныя эти обязанности въ отношеніи къ дѣлу общественному, принимаемы были съ большою радостью цензора. Озабоченный тѣмъ, какъ удалить изъ сената лицъ ослабившихся пороками—употребилъ лучшее средство мягкое и вновь изобрѣтенное, чѣмъ примѣнилъ старинную строгость, внушая: «пусть каждый подумаетъ самъ о себѣ и просить о правѣ «оставить это сословіе. Легко они получаютъ на то дозволеніе и «вмѣстѣ онъ предложить и объ удаленныхъ и объ уволенныхъ, для «того, чтобы приговоръ цензоровъ и стыдъ добровольно удаляю-

«щихся, одновременно дѣйствуя, смягчили позоръ. Вслѣдствіе этого «Випсаній консуль доложилъ: что Клавдій долженъ быть названъ «отцомъ сената, такъ какъ названіе отца отечества слишкомъ обшчее, а новыя заслуги въ отношеніи дѣла общественнаго должны «быть почтены словами еще небывшими въ употребленіи». Но самъ (Клавдій) остановилъ консула, какъ слишкомъ угодливаго и произвелъ перепись, по которой гражданъ сочтено 6.944.000. Тутъ только возымѣло конецъ незнаніе о томъ, что происходило у него въ домѣ. Немного спустя вынужденный разслѣдовать и наказать преступленія жены, потомъ воспламенился самъ на кровосмѣсительный бракъ.

26. Уже Мессалинѣ наскучила легкость ея преступныхъ связей и она пускалась въ степень распутства, дотолѣ еще невѣдомаго. Даже самъ Силій понуждалъ ее — положить конецъ притворству: или самая судьба влекла его къ этому безумію или онъ въ самыхъ опасностяхъ находилъ единственное средство помощи противъ грозящихъ опасностей. «Такъ какъ не до того дошло, чтобы имъ дождаваться старости государя; только у невинныхъ и планы безвредныя, а въ явныхъ преступленіяхъ можно рассчитывать только «на смѣлость: есть и соучастники, у которыхъ тѣ же опасенія. «Онъ холостъ, бездѣтенъ, готовъ на ней жениться и усыновить «Британника. За Мессалиною останется тоже могущество, но только «прибавится безопасность, если они предупредятъ Клавдія, столько «же непредупрежденнаго противъ коварныхъ замысловъ, сколько и «готоваго на гнѣвъ». Равнодушно приняты эти слова, не изъ любви къ мужу, но изъ опасенія какъ бы Силій, достигнувъ верховной власти, не пренебрегъ развратною женою и преступленіемъ, въ затруднительномъ положеніи имъ одобренное, потомъ не оцѣнилъ бы по истинному его достоинству. Но страстно пожелала она названія супружества по громадности безславія, а для людей, пустившихся во все это — высшая степень наслажденія. И долѣе не ждали, какъ только пока Клавдій отправился въ Остію на жертвоприношеніе, совершены всѣ торжественные обряды бракосочетанія.

27. Не безызвѣстно мнѣ, что сочтутъ за сказочную выдумку, что когда нибудь люди могли дойти до такой самоувѣренности, что въ городѣ, гдѣ все знали и ни о чемъ не умалчивали, назначенный консуль сошелся съ женою государя въ день заранѣе объявленный, призвавъ свидѣтелей для подписи какъ бы въ дѣлѣ законнаго (обезпечивающаго участь дѣтей) брака; они выслушивали слова предвѣщаній, молились богамъ, приносили имъ жертвы. По-

томъ разлеглись они среди пирующихъ: поцѣлѹи, обниманія, и ночь проведена со всею безграничною свободою супружества. Но рѣшительно ничего не прибавлено къ этому истинно удивительному событію, а все передано съ записаннаго старшаго, что они сами слышали.

28. А потому все домашніе государи пришли въ ужасъ, а въ особенности тѣ, у кого была власть, а при переворотѣ и больше за себя опасеній, уже не въ тайныхъ бесѣдахъ, но явно роптали: «пока актеръ осквернилъ ложе государя, конечно, причинъ былъ этимъ позоръ; но до развода было еще далеко; теперь молодой человѣкъ знатнаго рода, красивой наружности, «сильнаго ума, въ недалекомъ времени консульству—увлекается «болѣе значительными надеждами; да и не скрыто—что остается «послѣ такого брака?» Конечно овладѣвали ими и опасенія, когда они соображали: «какъ тупоумень Клавдій и привязанъ къ женѣ «и что много смертныхъ казней совершенно, по приказанію Мессалины». Съ другой стороны самое легкомысліе императора придавало увѣренность: «если только они возьмутъ верхъ самую «гнусностью преступленія, то можно погубить осужденную и безъ «суда. Но въ томъ то и опасность—если будетъ выслушана защита, то какъ бы слухъ Клавдія не остался замкнутымъ и для «самаго признанія». И прежде всего Калмитъ, о которомъ я уже упоминалъ, говоря объ убійствѣ К. Цезаря и исполнитель казни надъ Анніемъ—Нарциссъ и Палласъ, бывшій въ то время въ наибольшей милости Клавдія, толковали: «тайными угрозами не «отпугнуть ли Мессалину отъ любви къ Силію, а прочее все «скрыть?» Потомъ изъ опасеній, какъ бы самихъ не повлекли на гибель, отступаются: Палласъ—изъ трусости, Калмитъ, опытный въ дѣлахъ и предшествоваваго двора, считалъ безопаснѣе основать власть болѣе на осторожныхъ чѣмъ на рѣшительныхъ планахъ. Упорствовалъ одинъ Нарциссъ и только въ томъ измѣнивъ планъ дѣйствія, чтобы какимъ нибудь словомъ не предупредить ее знаніемъ обвиненія и обвинителя, самъ подстерегалъ случая и такъ какъ Цезарь долго замедлил въ Остіи, то Нарциссъ двухъ женщинъ легкаго поведенія, къ тѣлесной связи съ которыми болѣе привыкъ Клавдій—убѣдилъ деньгами, обѣщаніями и усиленіемъ вліянія когда ниспровергнута будетъ жена—взять на себя доносъ.

30. Въслѣдствіе этого Кальпурнія (такъ звали любовницу Цезаря), когда представился случай быть съ нимъ втайнѣ, броси-

лась къ его ногамъ и воскликнула: «Мессалина вышла замужъ за Силія»; вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваетъ онъ Клеопатру, которая стояла тутъ же дожидаясь: знаетъ ли она объ этомъ? и когда она подтвердила, приказываетъ: «вызвать Нарцисса». — Тотъ сталъ говорить: «прося прощеніе за прошлое, что скрывалъ отъ него относительно Векція и Плавція, да и теперь не сталъ бы указывать на одни любовныя интриги и не требуетъ «онъ назадъ ни дома, ни рабовъ, ни прочихъ принадлежностей «состоянія. Пусть онъ ими наслаждается, а возвратитъ жену, «уничтожитъ брачный договоръ». Зналъ ты, спрашиваетъ тутъ Клавдія Нарциссъ, о твоёмъ разводѣ? А бракосочетаніе Силія видѣли и народъ, и сенатъ, и воины, и если не будешь дѣйствовать поспѣшно, то новобрачный завладѣетъ городомъ.

31. Тутъ то призываетъ лучшихъ друзей своихъ: перваго спрашиваетъ начальника хлѣбной части Турранія, потомъ Лузія Гету, которому вѣрено было начальство надъ преторіанцами. Когда тѣ признались, наперерывъ прочіе шумятъ: «пусть отправляется въ лагерь, утвердить за собою преторіанскія когорты и прежде озаботится обезопасить себя, чѣмъ мститъ». — Довольно вѣрно, что такая робость овладѣла Клавдіемъ, что онъ много разъ спрашивалъ: да въ его ли рукахъ еще власть? Частный ли человекъ Силій? А Мессалина, болѣе чѣмъ когда нибудь предавалась сладострастію, въ самой серединѣ осени, празднуетъ въ своемъ домѣ подобіе уборки винограда. Давятъ виноградъ прессомъ, текутъ потоки вина; а женщины, опоясанныя кожами, припрыгиваютъ, какъ Вакханки, приносящія жертвы, или неистовствующія. Сама, съ распущенными волосами, потрясаетъ тирсомъ; а подлѣ Силія, опоясанный плющомъ, въ котурнахъ (театральной обуви) кривляется головою, а вокругъ раздается своевольный хоръ. Говорятъ, что Векцій Валентъ, изъ шалости, забрался на превысокое дерево и когда его спросили: что онъ видитъ? отвѣчалъ: грозную тучу, идущую отъ Остіи. Въ самомъ ли дѣлѣ показалось ему такъ, или случайно вырвавшееся слово обратилось въ предзнаменованіе.

32. Между тѣмъ уже не слухъ, но вѣстники со всѣхъ сторонъ являются, донося, что извѣстно Клавдію и идетъ онъ готовый на мщеніе. Вслѣдствіе этого Мессалина удалилась въ Луккуловы сады, а Силій, скрывая свой страхъ, на форумъ для исполненія своихъ обязанностей. Когда и другіе расходились было въ разныя стороны, явились сотники и заключали въ око-

вы какъ кого находили въ общественномъ ли мѣстѣ или въ тайномъ. Впрочемъ Мессалина, хотя самое несчастіе исключало возможность дѣйствовать обдуманно — не медля рѣшилась идти на встрѣчу и показаться мужу, что часто ей служило пособіемъ и приказала, чтобы Британникъ и Октавія спѣшили въ объятія отца. А Вибидію, старѣйшую изъ дѣвъ Вестальскихъ упростила: «добиться аудіенціи у великаго первосвященника и испросить «помилованіе.» А между тѣмъ всего въ сопровожденіи трехъ лицъ (такая вдругъ сдѣлалась около нея пустота), прошла пѣшкомъ все пространство города и на телегѣ, въ которой возили соръ при очищеніи садовъ, отправилась по дорогѣ, ведущей въ Остію; ни въ комъ не возбуждая состраданія, до такой степени преобладало безобразіе ея преступныхъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе не безъ опасеній было и у Цезаря: Гетъ, префекту преторія, онъ не совсѣмъ довѣрялъ, какъ человѣку равно легкомысленному и въ честномъ и дурномъ. А потому Нарцисъ, призвавъ тѣхъ, у которыхъ было тоже опасеніе, утверждаетъ: «нѣтъ другой надежды на безопасность Цезаря, какъ расположеніе войнами на одинъ этотъ день передать кому либо изъ отпущенниковъ и себя предлагаетъ, что онъ на себя возьметъ. А для того чтобы Клавдія дорогою въ городъ не склонили къ состраданію Л. Вителлій и П. Ларгъ Цецина, просить съѣсть въ «однихъ съ нимъ носилкахъ, чего и достигаетъ.»

34. Частый былъ послѣ этого слухъ, что между тѣмъ какъ государь говорилъ различно, то обвиняя жену въ преступленіи, то обращаясь воспомяніемъ къ союзу съ нею и дѣтству дѣтей, Вителлій ничего другаго не сказалъ, кромѣ: вотъ дѣло! вотъ преступленіе!—Настаивалъ впрочемъ Нарцисъ «открыть двусмысленности и изложить истину вполне, но ничего не добился кромѣ словъ обоюдныхъ, которыя могли быть разтолкованы куда «бы ни склонилось счастье; примѣру Вителлія слѣдовалъ и Ларгъ Цецина. Уже была въ виду Мессалина; она кричала, чтобы выслушалъ мать Октавіи и Британника; а обвинитель шумѣлъ, упоминая о Силіи и бракосочетаніи; вмѣстѣ онъ передалъ Клавдію «записку о любовныхъ похожденияхъ Мессалины, чтобы только «дать глазамъ его другое направленіе. Немного спустя, когда онъ «входилъ въ городъ, явились бы передъ нимъ общіе дѣти, если «бы Нарцисъ не отдалъ привязанія ихъ увести. Вибидіи не могъ «сбить и она съ большимъ негодованіемъ требовала, чтобы не губилъ свою жену беззащитную. А потому онъ отвѣчалъ: выслу-

«шааетъ ее государь и даетъ возможность оправдаться отъ обвиненія, а пока пусть дѣвица уходитъ и займется святынею.»— Удивительно было при такихъ обстоятельствахъ молчаніе Клавдія: Вителлій походилъ на ничего незнающаго; все повиновалось отпущеннику; онъ отдааетъ приказаніе «отворить домъ соблазнителя и повесть туда императора». И прежде всего въ передней залѣ указываетъ на изображеніе отца Силія, уничтоженное сенатскимъ опредѣленіемъ; потомъ на все, что изъ дѣдовскаго достоянія Нероновъ и Друзовъ поступило сюда какъ цѣна позора. Разгнѣваннаго и раздражавшагося угрозами, приказываетъ несть въ лагерь, гдѣ воины уже были приготовлены въ сборъ. Тутъ, по внушенію Нарцисса, сказалъ коротенькую рѣчь, потому что стыдъ сдерживалъ огорченіе, какъ оно справедливо ни было. Дружный раздался въ котортахъ крикъ; желали они знать имена виновныхъ и наказать ихъ. Силій подведенъ къ трибуналу, не штался ни защищаться, ни тянуть время, просилъ: ускорить смерть. Такою твердостью побудилъ онъ и знатныхъ всадниковъ Римскихъ усердно желать скорѣйшей смерти. Нарциссъ приказываетъ влечь на казнь Тиція Прокула, котораго Силій далъ стражамъ Мессалинѣ. Векція Валента, предлагавшаго показанія и сознавашагося и изъ соучастниковъ Помпея Урбика и Суффея Трога. Да и Децій Кальпурніанъ, префектъ стражей, Сульпицій Руфъ, завѣдывавшій играми, Юнкъ Виргиліанъ сенаторъ, подверглись тому же наказанію.

36. Одинъ Мнестеръ принесъ замедленіе; разорвавъ платье, кричалъ онъ: пусть взглянетъ на слѣды розогъ и вспомнить слова, которыми онъ отдалъ его въ полное распоряженіе приказаній Мессалины. Другихъ вина отъ подкупа, или значительности надеждъ, а ему отъ нужды: да и никто бы не погибъ бы раньше его, если бы Силій сталъ во главѣ вещей. Тронуть былъ этимъ Цезарь, готовый къ милосердію, но отпущенники его убѣдили: «не заботиться объ актерѣ когда уже казнено столько «знатныхъ людей; добровольно ли или вынужденно онъ сдѣлалъ такую важную вину—несколько къ дѣлу не относится.»—Не принято также оправданіе Травла Монтана, всадника Римскаго. Скромно проводилъ онъ молодость, но красивой наружности, призванъ былъ нарочно и въ теченіи одной ночи смущенъ былъ Мессалиною одинаковыми соблазнами и на похоть, и на пренебреженіе. Суллій Цезонинъ и Плавцій Латеранъ помилованы отъ смерти; этотъ послѣдній за отличные заслуги его дяди, а Це-

зонинъ нашелъ себѣ защиту въ самомъ пороки, такъ какъ онъ въ томъ гнусномъ обществѣ, терпѣлъ страдательную роль женщины. Между тѣмъ Мессалина въ Лукулловыхъ садахъ старалась протянуть жизнь съ нѣкоторою надеждою, а иногда и раздраженіемъ; съ такою надменностью вела она себя даже въ крайнемъ положеніи. Да и не успѣвши Нарциссъ ея убійствомъ, гибель обратилась бы на обвинителя. Потому что Клавдій возвратясь домой, смягченный своевременнымъ обѣдомъ, разгораясь виномъ, приказываетъ идти и дать знать несчастной (говорятъ онъ употребилъ именно это слово), чтобы она на другой день явилась для защиты своего дѣла. «Слыша это, опасались того, что гнѣвъ утихаетъ, любовь возвращается или въ случаѣ замедленія всего болѣе близкой ночи и воспоминанія о брачномъ ложѣ жены. Бросился Нарциссъ и извѣщаетъ сотниковъ и трибуновъ, находившихся тутъ же: совершить убійство; таково приказаніе императора. Блюстителемъ и исполнителемъ назначенъ изъ отпущенниковъ Еводъ. Онъ успѣшно отправился въ сады и нашелъ тамъ Мессалину, растянувшуюся на землѣ и при этомъ сидѣла мать Лепида. Она не дружна была съ дочерью въ ея цвѣтущее время, но послѣднія грустныя ея обстоятельства подвинули на состраданіе.» Она убѣждала: не дожидаться убійцы; жизнь прошла и теперь не остается ничего болѣе искать кромѣ честной смерти. «Но въ душѣ, испорченной вожделѣніями, не было ничего честнаго: а слезы и жалобы вырвались бесполезныя. Напоромъ приходящихъ растворились двери и явился трибунъ молча, а отпущенникъ поносилъ ее сильною и рабскою бранью.»

38. Тутъ только впервые прозрѣла она судьбу свою, взялась за желѣзо, но безъ успѣха въ торопяхъ придвигала она его къ горлу и груди; а ударомъ трибуна пронзена; тѣло отдано матери. Клавдій пировалъ когда ему принесено извѣстіе, что Мессалина погибла, не упоминая: отъ собственной ли или отъ чуждой руки. Да онъ и не спросилъ, а потребовалъ чашу и исполнилъ все какъ слѣдуетъ на пиршествѣ. Да и въ послѣдующіе дни не подалъ никакихъ знаковъ ненависти, радости, гнѣва, печали, вообще ничѣмъ не обнаружилъ сколько нибудь человѣческаго чувства ни тогда, когда видѣлъ радость обвинителей и печаль сыновей. Забывчивости его помогъ сенатъ, постановивъ опредѣленіе, чтобы имя и изображеніе (Мессалины) были уничтожены во всѣхъ мѣстахъ общественныхъ и частныхъ. Нарциссу опре-

дѣлены: отличительные знаки квесторскіе, совершенно незначительные для возвышенія того, который и такъ уже дѣйствовалъ сильнѣе Палланта и Каллиста. Конечно все это было честно, но должно было послужить исходомъ самому худшему, къ большому горю.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Содержаніе: Главы 1.—2. Клавдій имѣеть разсужденіе съ отпущенниками о бракѣ.—3. Агриппина, дочь брата его Германика, предпочтена другимъ. Л. Силану, которому сосватана Октавія, устроиваетъ ловушку.—4. при содѣйствіи Вителлія.—5.—7. Проведенные его искусствомъ сенать и народъ одобряють позорный бракъ.—8. Силанъ себя причиняетъ смерть. Сенека, по возвращеніи изъ ссылки, завѣдываетъ ученіемъ Нерона.—9. И ему просватана Октавія.—10. Пары просятъ изъ Рима царя Мегердата.—11. Его посланнаго Клавдіемъ, Кассій пытается отвестъ на царство.—12. Препятствуетъ обманъ Абгара и 13. Изата.—14. Побѣжденный Мегердатъ передается Готарцесу; по смерти его царскій санъ перенесенъ на Вонона, а потомъ на Вологеза.—15. Митридату, въ его усиліяхъ возвратить себя царство Понта, противятся Римляне, и Котисъ и Евнонь.—16. По взятіи города Успы,—17. Зорзинесь оставляетъ Митридата и тотъ—18. умоляетъ Евнона и—19—21. черезъ него отъ государя получаетъ прощеніе и отведенъ въ Римъ.—22. По проискавъ Агриппины, Лолліа получаетъ приказаніе удалиться изъ Италіи, а Кальпурнія погублена.—23. Гаданіе благополучія, объемъ города распространень.—24. Кто прежде это дѣлали.—25. Неронъ Домиціи усыновленъ Клавдіемъ по вліянію Палланта.—26. Британикъ упалъ духомъ. 27.—28. Поселеніе отведено въ землю Убіевъ. Катты, занявшіяся грабительственными набѣгами, побѣждены.—29.—30. Венній, царь Све-

вовъ, прогнанъ своими.—31. Возмутившихся въ Британніи умиряеть Осторій Иценасъ.—32. Канговъ, Бригантовъ,—33.—35. Царя Силуровъ Карактата побѣждаетъ.—36. Онъ, отведенный въ Римъ—37 мужественно говоритъ съ Цезаремъ и получаетъ прощенье. 38.—39. Британцы возобновляютъ силы. Осторій умираеть, получивъ почести триумфа.—40. Ему преемникомъ назначень Дидій. Междуусобная война Венуція и Картиемандуп.—41. Нерона спѣшать облечь въ тогу мужа, принебрегши Британникомъ.—42. Бурръ,—префектъ преторія.—Надменность Агриппины расположена къ Вителлію.—43. Чудесныя явленія въ Римѣ. Дороговизна хлѣба.—44.—47. Война между Армянами и Иберами. Радомистъ, сынъ Фарасмана Иберъ, подъ личиною союзнаго договора, нападаетъ на Митридата, заключаетъ его въ оковы, умерщвляетъ.—48. Квадратъ, начальникъ Сирій, разсуждаетъ о возмездіи.—49. Пеллгнъ совѣтуетъ смѣло Радомисту принять на себя знаки царскаго достоинства.—50. Парыи нападаютъ на Арменію.—51. Радомистъ прогнанъ своими. Жена его Зенобія, имъ раненная, съ трудомъ спасена.—52. Фурій Скрибоніанъ сосланъ. Сенатское опредѣленіе о математикахъ.—53. Сенатское опредѣленіе о женщинахъ, которыя соединились бы съ рабами. Лестъ Палланту.—54. Феликсъ и Вентидій смущаютъ Иудею. Квадратъ возвращаетъ ей спокойствіе.—55. Волненія въ Киликіи умиряеть царь Антиохъ.—56. Озеро Фуцинское выпущено и на немъ морское зрѣлище и—57. пиршество съ опасностью.—58. Неронъ женится на Октавіи.—59. Статилій Тавръ испровергнуть.—60. Увеличена власть управляющихъ провинціями.—61. Коосцамъ дана безнаказанность.—62.—63. Византійцамъ на время отложены платежи; положеніе этаго города.—64. Чудесныя явленія гибели Клавдія.—65. Лепидъ назначена смерть. Нарцисса свободный голосъ.—66.—67. Клавдія Агриппина отравляетъ ядомъ.—68. Неронъ вступаетъ въ управленіе имперією.—69. Погребеніе Клавдія и освященіе его памяти.

Совершалось все это въ теченіи шести лѣтъ въ консульства: К. Помпея и К. Вераннія, К. Антистія, М. Суллія Руфа, Т. Клавдія и Сер. Корнелія Орфита, П. Корнелія Суллы и Л. Сальвія Оттона, Д. Юнія Силана, К. Гатерія, М. Азинія Марцелла, М. Ацилія Авіолы.

1. Вслѣдствіе убійства Мессалины произошло большое смятеніе въ домѣ государя и между отпущенниками завязалась борьба—кто выберетъ жену Клавдію, немогущему вынести холостой жизни и жить безъ зависимости отъ власти жены. Неменьшимъ соревнованіемъ воспламенились и женщины: каждая, упиравая на свою знатность, красоту, богатства, показывала себя достойною такого брачнаго союза. Но въ особенноти не рѣшались сдѣлать выборъ между Лолліею Павлиною, дочерью бывшаго консула М. Лоллія и Юліею Агриппиною, рожденною отъ Германика. Благопріятелями были: у этой—Палласъ, а у той Каллистъ, а Элія Петина, изъ семейства Тубероновъ, была покровительствуема Нарциссомъ. Самъ Клавдій то туда, то сюда; какъ только выслушивалъ кого-либо изъ совѣтовавшихъ, на то и былъ готовъ. Несогласныхъ зоветь на совѣтъ и приказываетъ—высказать мнѣнія и присоединить основанія. Нарциссъ излагалъ: «старинная брачная связь, общее семейство «(такъ какъ Антонія была дочь Петины), ничего новаго въ его «домашнемъ быту, если вернется уже привыкшая супруга; ни въ «какомъ случаѣ ненависти свойственной мачихамъ не примѣнить «она въ Британнику и Октавію, ближайшимъ послѣ ея собствен- «ныхъ; залогомъ любви супружеской—Каллистъ утверждалъ, не въ «похвалу ей, былъ продолжительный разводъ и если бы она опять «была взята, то этимъ самимъ возгордится. Гораздо правильнѣе «взять Лоллію тѣмъ болѣе что она вовсе не родила дѣтей, сво- «бодна отъ соревнованія и пасынкамъ будетъ вмѣсто матери». А Палласъ хвалилъ то особенно въ Агриппинѣ: «что она съ собою «привела бы внука Германика, знатную отрасль, достойную вполнѣ «Императорскаго величія и того, чтобы соединить своихъ потом- «ковъ съ родомъ Клавдія и какъ бы женщина испытаннаго пло- «дородія, безупречной молодости, знаменитость Цезарей не пере- «несла въ другое семейство».

3. Пересилили эти доводы вмѣстѣ съ обольщеніями Агриппины.

Она, приходя къ нему часто подъ видомъ родства, соблазнила дядю такъ, что предпочтенная прочимъ и еще не жена, пользовалась уже властью жены. А когда она была уже увѣрена въ томъ, что бракъ ее не минуетъ, подстроивала большее и замышляла бракосочетаніе Домиція, котораго родила отъ Кн. Энобарба и Октавіи, дочери Цезаря; а совершить это безъ преступленія было невозможно, потому что Цезарь просваталъ Октавію Л. Силану, молодому человѣку и въ другихъ отношеніяхъ знаменитому почетомъ триумфа и роскошью даровыхъ гладіаторскихъ представленій имъ данныхъ и его выставялъ какъ предметъ усердія народнаго. Но ничего труднаго не казалось уму государя, который не имѣлъ ни собственнаго убѣжденія, ни предпочтеній, развѣ только наданныхъ и приказанныхъ.

4. А потому Вителлій, прикрывая именовъ цензора рабскія плутни и предвидя уже будущихъ властителей, съ цѣлью снискать благорасположеніе Агриппины, сталъ соучастникомъ ея замысловъ—вводилъ обвиненія на Силана, котораго вмѣстѣ красивая и бойкая сестра—Юнія Кальвина—незадолго передъ тѣмъ была невѣсткою Вителлія. Отсюда начало обвиненія и родственную, не кровосмѣнительную, но неосторожную любовь обратилъ ему (Силану) въ безчестіе, и Цезарь слушалъ охотно; самая любовь его къ дочери располагала съ довѣрчивостью принимать подозрѣнія противъ зятя. А Силанъ, вовсе незнавшій о коварномъ противъ него умыслѣ; случилось что онъ въ этомъ году былъ преторомъ; вдругъ объявленіемъ (эдиктомъ) Вителлія удаленъ изъ сенаторскаго сословія, хотя уже прежде былъ пересмотренъ сенатъ и составлена перепись. Вмѣстѣ съ тѣмъ Клавдій прервалъ родственныя отношенія; Силанъ вынужденъ отказаться отъ должности и остальные дни претуры перенесены на Епрія Марцелла.—Въ консульство К. Помпея и К. Веранія условленъ между Клавдіемъ и Агриппиною бракъ; уже имѣлъ основаніе въ молвѣ, въ любви недозволенной; а впрочемъ не дерзали еще отпраздновать торжественно бракосочетанія, такъ какъ не было примѣра, чтобы дядя бралъ въ домъ (женою) лочь брата. Опасались обвиненія въ кровосмѣшеніи, а еслибы и пренебречь имъ, то какъ бы не обратилось ко вреду общества. Не прежде оставлена нерѣшительность какъ Вителлій взялъ совершить это своими хитростями. Онъ спросилъ Цезаря: уступить ли онъ требованію народа и настоянію сената?—А когда тотъ далъ отвѣтъ, что онъ только одинъ изъ гражданъ и противъ общаго голоса спорить не будетъ—велитъ подождать внутри дворца, а самъ вхо-

дѣтъ въ сенатъ и, свидѣтельствуя, что онъ будетъ говорить о самыхъ важныхъ для общественнаго блага дѣлахъ, испрашиваетъ право голоса прежде другихъ и начинаетъ: «самые тяжкіе труды государя: онъ объемлетъ своею заботою весь кругъ земной и нуждается въ поддержкѣ, чтобы, свободный отъ домашней заботы, могъ заняться общимъ благомъ. Какое же, конечно, самое честное утѣшеніе, какое только можетъ придумать умъ цензора, какъ не взять жену, которая дѣлила бы и счастье и обстоятельства сомнительныя; которой онъ, государь, ввѣрялъ бы самыя задушевыя мысли, передалъ бы ея попеченію малыхъ дѣтей, не привыкшей къ сладострастію и наслажденіямъ, но съ ранней молодости повиноваться законамъ.»

6. Когда онъ это предпослалъ въ искусной рѣчи и ее сопровождало сильное одобреніе сенаторовъ, то онъ началъ опять говорить: «если всѣ совѣтуютъ государю жениться, то необходимо, чтобы выборъ палъ на женщину, замѣчательную знатностью рода, плодородіемъ и святостью жизни. И не нужно большихъ изслѣдованій къ убѣжденію въ томъ, что Агриппина превосходитъ всѣхъ знатностью рода. Ея плодородія она представляетъ образъ; соотвѣтствуетъ и честность нравовъ. А лучше всего того, что предусмотрѣніемъ боговъ вдовою соединена она будетъ съ государемъ, также испытавшимъ только одинъ свой бракъ. Слышалъ онъ отъ родителей—сами они видѣли какъ по произволу Цезарей увлекали женъ. Далекое это отъ теперешней скромности. Пусть же будетъ постановлено основаніе, по которому императоръ приметъ жену. Но не виданы еще у насъ супружества съ дочерьми братьевъ; а у другихъ народовъ совершаются торжественно и никакимъ закономъ не запрещены. Такъ и брачныя союзы съ двоюродными сестрами, долгое время неизвѣстныя, съ теченіемъ времени приняты въ обычай. А обычай измѣняется подъ вліяніемъ обстоятельствъ и также будетъ и относительно того, что вслѣдъ за этимъ будетъ принято въ употребленіе». Не было недостатка и въ такихъ, которые на перебой бросились изъ зданія сената, свидѣтельствуясь, что если замедлитъ Цезарь, то употребятъ силу. Собирается разнообразная толпа съ криками, что народъ Римскій умоляетъ о томъ же. Да и Клавдій, не дожидаясь болѣе, является на форумъ и принимаетъ поздравленія. Войдя въ сенатъ, требуетъ декрета, по которому и на будущее время считались правильными браки между дядями и дочерьми братьевъ. Впрочемъ, нашелся только одинъ охотникъ до такого брачнаго союза,

Т. Алледій Северъ, всадникъ Римскій; да и то большая часть говорили, что побужденіемъ было расположеніе Агриппины. Измѣнилось положеніе дѣлъ и все повиновалось женщинѣ, не дерзко, какъ Мессалина, въ распутствѣ издѣвавшейся надъ Римскими дѣлами. Порабощеніе имѣло характеръ серьезный и какъ бы отъ мушны; явно строгость, а еще чаще надменность; дома ничего безстыднаго кромѣ насколько нужно было, чтобы обезпечить себѣ власть. Ненасытная алчность къ золоту имѣла предлогомъ — приготовить силы правленію.

8. Въ день брака Силанъ себѣ причинилъ смерть; протянулъ ли онъ до того времени надежду жизни или избравъ этотъ день, чтобы усилить негодованіе. Кальвина, сестра его, изгнана изъ Италіи. Клавдій прибавилъ: «должны быть совершены священныя «обряды согласно съ законами царя Тулла и первосвященниками «принесены искупительныя жертвы у роши Діаны». Всѣ издѣвались, что въ это кровосмѣшательное время отыскиваемы были и казни, и очистительныя обряды. Агриппина, желая пріобрѣсть извѣстность не одними дурными дѣлами, выхлопатываетъ для Аннія Сенеки прощеніе ссылки и вмѣстѣ преторское достоинство, полагая, что это произведетъ благопріятное впечатлѣніе на публику, вслѣдствіе извѣстности ученыхъ занятій Сенеки; Агриппина полагала, что Сенека будетъ вѣренъ ей, помня о ея благодѣяніи и непріязненъ Клавдію огорченный его обидою.

9. Вслѣдъ за тѣмъ положено: далѣе не медлить, но назначеннаго консула—Мелемія Полліонна—огромными обѣщаніями побуждаютъ—высказать мнѣніе, которымъ бы просить Клавдія—просватать Октавію за Домиція; что не совсѣмъ не соотвѣтствовало ихъ возрасту и открывало огромную перспективу въ будущемъ. Полліо подаетъ мнѣніе почти въ томъ же смыслѣ, какъ недавно Вителлій. Просватана Октавія и сверхъ прежней связи родства, женихъ и зять уже Домицій сравненъ съ Британникомъ стараніемъ матери и происками тѣхъ, которые опасались отъ сына мщенія за обвиненіе Мессалины.

10. Около этого времени уполномоченные Пареовъ, посланные, какъ я уже упомянулъ—выпросить Мегердата, вошли, въ сенатъ и начинаютъ излагать порученіе такимъ образомъ: «не безъизвѣстенъ имъ союзный договоръ и приходятъ они не съ измѣною «семейству Арзакидовъ; но прибѣгаютъ къ сыну Вонона, внуку «Фраата—противъ господства Готарцеса, сдѣлавшагося равно невыносимымъ и дворянству, и простому народу. Уже немного ихъ

«братевъ, родственниковъ, какъ бы они отдаленно ни жили, которые уцѣлѣли бы отъ его убійствъ; присоединились сюда беременныя жены, малые дѣти: недѣйствительный дома, несчастливый на войнахъ, свою неспособность прикрываетъ жестокостью. У нихъ же издревле и всенародно начатыя съ нами дружественныя отношенія; и необходимо помочь союзникамъ, силами почти равнымъ, но уступающимъ изъ почтенія. Затѣмъ то и даются въ заложники дѣти царей: если имъ будетъ въ тягость ихъ внутреннее правленіе, а чтобы было приближище къ государю и сенаторамъ и возможность получить лучшаго царя, уже привыкшаго къ ихъ обычаямъ». Когда они выказали это и въ этомъ же родѣ, то Цезарь началъ рѣчь о ведичи Римлянъ и покорности Паревъ; сравнилъ себя съ божественнымъ Августомъ, ссылаясь, что и отъ него просили царя, а о Тиберіѣ не упомянулъ, хотя и тотъ послалъ. Прибавилъ и наставленія (такъ какъ Мегердаты тутъ присутствовалъ): «чтобы онъ помышлялъ не о тираніи и рабахъ, а о томъ, что онъ правитель гражданъ; употребилъ бы въ дѣло милосердіе и справедливость, которыя будутъ тѣмъ пріятнѣе дикарямъ, чѣмъ менѣе они имъ извѣстны». Тутъ, обратясь къ посламъ, превозноситъ похвалами: вскормленника города Рима, скромности до сихъ поръ примѣрной; но необходимо выносить характеры царей и не на пользу частыя перемѣны. Дѣло Римлянъ пресыщеніемъ славы до того дошло, что и чужестраннымъ народамъ желаютъ спокойствія.—Послѣ этого поручено К. Кассію, начальствовавшему въ Сиріи, отвезти молодаго человѣка на берега Евфрата.

12. Въ то время Кассій превосходилъ прочихъ опытностью въ законахъ; во время спокойствія, военное искусство становится извѣстнымъ и миръ держитъ наравнѣ (такъ сказать на одной доскѣ) и дѣятельныхъ, и лѣнливыхъ. Впрочемъ—на сколько это было доступно безъ войны, возобновилъ старинные обычаи, упражнял легіоны заботливостью, предусмотрительностью; дѣйствовалъ такъ, какъ если бы наступалъ непріятель. Онъ считалъ, что такой образъ дѣйствія достоинъ его предковъ и рода Кассіевъ и утѣхъ даже народовъ знаменитыхъ. Затѣмъ, вызвавъ тѣхъ, по мыслямъ которыхъ выпрошенъ былъ царь, сталъ лагеремъ у Зевгмы, гдѣ рѣка всего удобнѣе для перехода и послѣ того какъ прибыли знатныя Парыи и царь Арабовъ Акбаръ, совѣтуетъ Мегердату—стремительныя рѣшенія дикарей отъ промедленія слабѣютъ, или вѣроломно измѣняются. Но этотъ совѣтъ пренебреженъ, вслѣдствіе

коварства Ахарса, который юношу неопытного и считавшаго высше счастье въ роскоши, задержалъ въ теченіи многихъ дней у города Едесы. По призыву Каррена, указывавшаго на то, что вее готово (въ ихъ пользу), если поспѣвать приидти, не идутъ прямо въ Месопотамію, но обходомъ въ Арменію, въ то время неблагопріятную, потому что начиналась зима.

13. Отсюда утомленные движеніемъ по снѣгамъ и горамъ — когда приближались къ равнинамъ, соединились съ ними войска Каррена. По переправѣ черезъ рѣку Тигръ, проходятъ (земли) Адіабеновъ, которыхъ царь Изатесъ явно взялъ на себя личину союза съ Мегердатомъ, а тайно съ большею вѣрностью склонялся въ пользу Готарцеса. По дорогѣ взять городъ Нинось — древнѣйшая столица Ассиріи и Арбела, крѣпость знаменитая славою, таѣ какъ въ послѣдней битвѣ между Даріемъ и Александромъ — тутъ сокрушены силы Персовъ. Между тѣмъ Готарцесъ у горы, которой названіе *Самбулосъ*, воздавалъ обѣты мѣстнымъ богамъ, въ особенности уважаемому тамъ Геркулесу. Онъ въ ошредѣленное время во снѣ дастъ знать священникамъ, чтобы подлѣ храма они поставили коней, приготовленныхъ для охоты. — Лошади, принявъ на себя колчаны, полные стрѣлъ, блуждаютъ по лѣсамъ и наконецъ возвращаются ночью съ опустѣвшими колчанами и тяжело дышатъ отъ усталости. Снова богъ, въ ночномъ видѣніи, показываетъ, въ какихъ мѣстахъ прошелъ онъ лѣса и въ разныхъ мѣстахъ находятъ распостертыхъ животныхъ.

14. Впрочемъ Готарцесъ, недостаточно еще усиливъ войско, пользовался рѣкою Корма вмѣсто укрѣпленія и хотя вызывали его на бой и преслѣдованіемъ и вѣстниками, медлилъ, перемѣнялъ мѣста и, подсылая лазутчиковъ, подкупалъ противниковъ измѣнить ихъ слову. Изъ нихъ уходятъ сначала Изатесъ съ Адіабенами, а вслѣдъ за нимъ Акбаръ съ Арабскимъ войскомъ съ легкомысліемъ свойственнымъ этимъ народамъ и потому что изъ опыта извѣстно было, что дикари предпочитаютъ просить изъ Рима царей, чѣмъ ихъ держать. А Мегердаты, потерявъ сильныя вспомогательныя войска, подозрѣвая измѣну и остальныхъ, рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему, какое осталось средству — дѣло предоставить судьбѣ и испытать счастья въ бою. Не уклонился отъ него и Готарцесъ, съ уменьшеніемъ непріятелей болѣе смѣлый. Въ схваткѣ произошло большое побоище, а результатъ его нерѣшительный, пока Каррена, зашедшаго далеко впередъ послѣ пораженія тѣхъ, которые были противъ него, не окружилъ сзади свѣжій отрядъ. Тутъ, потерявъ

всякую надежду—Мегердаты, послѣдовавъ общаніямъ Паррака, пользовавшагося покровительствомъ его отца, коварствомъ его связанъ и переданъ побѣдителю. А тотъ, порицая его не какъ родственника или члена рода Арзакидовъ, но чужеродцемъ и Римляниномъ, велить жечь, отрѣзавъ уши, на показъ своему милосердію, а намъ на посрамленіе. Потомъ Готарцесъ умеръ отъ болѣзни и приглашенъ на царство Вононесъ, въ то время правившій Медами. Не было у него ни удачъ, ни несчастій, которыя заслуживали бы упоминанія; правленіе его было кратковременно и славнымъ ничѣмъ не ознаменовано; а верховная власть надъ Парѣами перенесена на сына его Вологеза.

15. А Митридатъ Босфорскій, скитавшійся, утративъ силы— послѣ того какъ узналъ что Дидій, вождь Римскій и все главное войско его ушли, оставивъ въ новомъ царствѣ Котиса; неопытнаго юношу и немного когорть съ Юліемъ Аквилю всадникомъ Римскимъ—презирая тѣхъ и другихъ, возбуждалъ народъ, сманивалъ перебѣлчиковъ; наконецъ, собравъ войско, выгоняетъ царя Дандаридовъ и овладѣваетъ его областью. Когда это узнали и полагали, что вотъ вотъ онъ сдѣлаетъ нашествіе на Босфоръ, Аквила и Котисъ, не довѣряя собственнымъ силамъ, потому что Зорзинесъ, царь Сираковъ, возобновилъ военныя дѣйствія, и сами стали искать поддержки извнѣ и отправили пословъ къ Евнону, который стоялъ во главѣ народа Адорсовъ. И небыло затрудненій къ союзу, такъ какъ они доказывали на могущество Римлянъ противъ возмутителя Митридата; а потому условились: конными сраженіями пусть состязается Евнонъ, а осаду городовъ пусть возьмутъ на себя Римляне. Затѣмъ они двигаются впередъ въ правильномъ боевомъ порядкѣ: его фронтъ и тылъ оберегали Адорсы, а середину когорты и Босфоране въ нашемъ вооруженіи. Такъ сбитъ непріятель и пришли къ Созѣ, городу Дандарики; его, оставленный Митридатомъ заблагоразсудили занять и вслѣдствіе шаткаго образа мыслей жителей оставить гарнизонъ. Отсюда двигаются они къ Сиракамъ, и перейдя рѣку Панду — окружаютъ городъ Усне, стоявшій на возвышенномъ мѣстѣ и укрѣпленный стѣнами и рвами; только стѣны не изъ камня, но изъ плетней съ набитою въ серединѣ землею — была плохую защитою противъ нападающихъ и возведенныя выше башни; оттуда факелами и копьями вносили замѣшательство въ осажденныхъ и, если бы сраженіе не было прервано ночью, то осада была бы начата и довершена въ одинъ и тотъ же день.

17. На другой день прислали уполномоченныхъ, умоляя о прощеніи свободнымъ, а предлагали десять тысячъ рабовъ; но побѣдители этимъ пренебрегли, потому что избить отдавшихся было бы жестоко, а такое множество окружить стражею трудно; пусть лучше падутъ по праву войны. Воинамъ, вошедшимъ по лѣстницамъ, данъ знакъ къ убійству. Истребленіемъ Успензевъ заброшенъ страхъ на прочихъ и тѣ не находили уже ничего безопаснымъ, когда вмѣстѣ сокрушаемы были—вооруженіе, укрѣпленія въ неприступныхъ, или возвышенныхъ мѣстностяхъ, рѣки и города. А потому Зорзинесъ, долго взвѣсивая мысль—озаботиться ли крайнимъ положеніемъ дѣлъ Митридата, или отеческимъ царствомъ; когда перевѣсила польза его народа, давъ заложниковъ, распростерся передъ изображеніемъ Цезаря къ большой славѣ войска Римскаго, которое побѣдоносное безъ кровопролитія, какъ достовѣрно извѣстно, находилось отъ рѣки Танаши только на три дня пути; но на обратномъ движеніи счастье было уже не то, потому что нѣкоторыя изъ судовъ, возвращавшихся моремъ, занесены на берега Тавровъ и окружены дикарями, при чемъ убиты префектъ когорты и большая часть сотниковъ. Между тѣмъ Митридатъ, не находя себѣ никакой помощи въ оружіи обдумываетъ — чье состраданіе испытать. Братъ Котисъ, прежде измѣнникъ, а потомъ врагъ, внушалъ опасенія: изъ Римлянъ не было никого съ такимъ вѣсомъ, чтобы обѣщанія его могли считаться за что-либо значительное. Обратился онъ къ Евнону, не раздраженному никакими личными неудовольствіями и сильному влѣдствію недавно заключенной съ нами дружбы. А потому, приладивъ свою наружность и выраженіе лица какъ можно больше своему настоящему положенію—входитъ въ дворецъ, и, упавъ къ ногамъ Евнона, сказалъ: «я Митридатъ, въ продолженіи столькихъ лѣтъ предметъ поисковъ Римлянъ на сушѣ и на морѣ, являюсь добровольно. Пользуйся какъ хочешь потомкомъ великаго Ахемена, что одно непріатели «не отняли еще у меня». А Евнонъ, на котораго произвели впечатлѣніе знатность этого человѣка, перемѣна его обстоятельствъ и просьба нелишенная благородства, поднимаетъ просителя, хвалить за то; что онъ избралъ народъ Адорсовъ и его правую руку для испрошенія прощенія. Вмѣстѣ онъ посылаетъ пословъ и письма къ Цезарю такого рода: «у императоровъ народа Римскаго и царей великихъ народовъ первая дружба влѣдствіе сродства счастья, а «у него съ Клавдіемъ даже общность (единство) побѣды. Самый

«честный конец войны какъ только улаживается все прощениемъ. Такъ у побѣжденнаго Зорзина ничего не отнято. За Митридата, на сколько заслужилъ онъ болѣе тяжкую участь, не просить онъ ни власти, ни царства; но лишь бы не былъ онъ предметомъ триумфа и не заплатилъ головою».

20. А Клавдій, хотя и снисходительный къ чужеземнымъ знаменитостямъ, усумнился было—принять ли плѣннаго съ договоромъ о его безопасности, или не будетъ ли правильнѣе требовать его выдачи оружіемъ? Къ послѣднему склоняло огорченіе отъ оскорбленій и жажда мщенія; но съ другой стороны представлялось: «предпринять войну необходимо будетъ путями не-«проходимыми по морю, лишенному пристанищъ. Къ тому же цари «свирѣпы, народонаселеніе бродящее (кочующее); земля непроизво-«дящая хлѣба. Отъ медленности явится скука, а отъ поспѣшно-«сти—опасности; мало чести побѣдителямъ, а безславія много, если «будутъ прогнаты. Почему же не воспользоваться предложеніемъ «и не спасти изгнанника? И ему бѣдному чѣмъ жизнь будетъ «продолжительнѣе, тѣмъ болѣе наказанія». Подѣйствовали такіа разсужденія на Клавдія и онъ написалъ Евнону: «Митридатъ «конечно заслужилъ примѣрную казнь, да и достаточно было бы «у него, Клавдія, силы исполнить это. Но такъ и предками по-«становлено: сколько упорства нужно употреблять относительно «врага, столько снисходительности къ умоляющимъ о пощадѣ, «а триумфы приобрѣтаются надъ народами и царями, которые «во всей еще силѣ».

21. Выданъ послѣ того Митридатъ и отведенъ въ Римъ Юніемъ Цилономъ, правителемъ Понта, смѣлѣе чѣмъ слѣдовало бы въ его положеніи, говорятъ, онъ объяснялся передъ Цезаремъ. Распространилось въ народѣ сказанное имъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я не присланъ къ тебѣ, но возвратился, «а если не вѣришь, то отошли и отыскивай». Съ неустрашимымъ лицомъ остался и тогда, когда подлѣ ростръ, окруженный стражами, выставленъ былъ на показъ народа. Отличія бывшаго консула—Цилону, а Аквилѣ—претора опредѣлены.

22. При тѣхъ же консулахъ жестокая въ ненависти Агриппина, а Долліи непріязненная, за то, что она съ нею соперничала о брачномъ союзѣ съ государемъ, вызываетъ обвиненія и обвинителя, который ее попрекнулъ бы Халдеями, Магами, спрощеніемъ изображенія Аполлона Кларія—о бракосочетаніи императора. Вслѣдствіе этого Клавдій, не выслушавъ подсудимой и

предпославъ въ рѣчи многое о знатности ея передъ сенатомъ: «что она рождена отъ сестры Валувія, что братъ ея прадѣда «былъ Котта Мессалинъ, а сама она была замужемъ когда то «за Мемміемъ Регуломъ,—а о бракѣ съ К. Цезаремъ съ умысломъ умалчивалъ». Присоединилъ: «гибельныя ея замыслы противъ общественнаго порядка и нужно отнять у ней средства къ преступленію, а потому, имущество ея описать въ казну, «а ее удалить изъ Италіи». Такимъ образомъ пять милліоновъ сестерцій оставлено изгнанницѣ изъ необъятныхъ богатствъ. И знатная женщина, Кальпурнія, погублена за то, что ея красоту похвалилъ государь и вовсе не изъ вождельнія, а такъ случайно. Вслѣдствіе этого сила Агриппины не останавливалась ни передъ какими самыми крайними средствами. Къ Лолліи посланъ трибунъ, который долженъ былъ вынудить ее къ смерти. Осужденъ по закону о лихоимствѣ Кодиѣ Руфѣ, по обвиненію Вионинцевъ. Галліѣ Нарбонской, за отличное уваженіе къ сенаторамъ, дано: «сенаторамъ этой провинціи дозволяется осматривать свои имущества, не испросивъ мнѣнія государя по праву, которымъ пользуется Сицилія».—Итуреи и Іудеи, по смерти царей Согема и Агриппы, присоединены къ провинціи Сиріи. *Гаданіе безопасности* (*Augurium Salutis*—гаданіе предпринимаемое въ мирное время о вопросѣ—можно ли боговъ просить за сохраніе государства), оставленное въ теченіи 25 лѣтъ, заблагоразсудили возобновить и потомъ продолжать. И объемъ города увеличилъ Цезарь стариннымъ обычаемъ, которымъ предоставлялось раздвигать предѣлы города тѣмъ, которые распространили владѣнія. И, впрочемъ, вожди Римскіе, хотя и покорили великіе народы не пользовались этимъ правомъ, кромѣ Л. Суллы и божественнаго Августа.

24. Разно переданы побужденія честолюбія или славы царей въ этомъ случаѣ; но ознакомиться съ началомъ устройства и какіи границы городу назначилъ Ромуль—полагаю неумѣстнымъ. Такимъ образомъ отъ форума бычачьяго, гдѣ мы видимъ мѣдное изображеніе быка—такъ какъ этотъ родъ животныхъ запрягается въ плугъ, начата борозда для назначенія города, такъ чтобы захватить въ эту черту и жертвенникъ Геркулеса. Оттуда въ извѣстныхъ промежуткахъ разбросаны камни по низамъ горы Палатинской до жертвенника Конза; за тѣмъ къ старымъ куріямъ и далѣе до часовни Ларовъ. Полагали, что форумъ Римскій и Капитолій прибавлены къ городу не Ромуломъ, а Т. Таціемъ.

Вслѣдъ за тѣмъ съ успѣхами счастья раздвигались предѣлы города, а какія въ то время Клавдій опредѣлилъ границы, легко узнать и записано въ общественныхъ актахъ.

25. Въ консульство Л. Антистія и М. Суллія торопятся съ усыновленіемъ Домиція—по вліянію Палланта. Онъ тѣсно связанный съ Агриппиною, какъ уладившій ея бракъ, а потомъ вступившій съ нею и въ тѣлесную связь, побуждалъ Клавдія: «заботиться о дѣлѣ общественномъ; дѣтству Британника дать «сильную podporу. Такъ и у божественнаго Августа, хотя и «окруженнаго внуками, были въ силѣ и пасынки. Тиберій, кромѣ «собственнаго рода, присоединилъ Германика. Пусть онъ (Клав-«дій) и себѣ возьметъ молодаго человѣка, который раздѣлилъ «бы часть заботъ.» Уступая такимъ убѣжденіямъ Домицію даетъ первенство передъ сыномъ, котораго тотъ былъ старше двумя годами, а передъ сенатомъ сказалъ рѣчь въ томъ же смыслѣ, какъ слышалъ отъ отпущенника. Люди опытные замѣтили, что никакого до тѣхъ поръ не было усыновленія у патриціевъ Клавдіевъ и отъ самого Атта Клавза непрерывно велись они. Впрочемъ, высказана государю признательность съ лестью относительно Домиція болѣе изысканною и принять законъ, по которому онъ долженъ былъ перейти въ семейство Клавдіевъ и прозваніе Нерона. И Агриппина почтена наименованіемъ *Августы*. Когда это совершилось, не было никого столь чуждаго состраданія, котораго не коснулось бы горе объ участи Британника. Мало по малу покинутый даже услугами рабовъ, неумѣстное вниманіе мачихи обращалъ въ наемѣшку, понимая его лживость. И передаютъ, что онъ имѣлъ отъ природы быстрыя способности—можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, а можетъ быть опасное положеніе задобривало въ его пользу, но добрая слава при немъ осталась, хотя и безъ опытовъ.

27. Но Агриппина для того, чтобы показать свою силу и союзнымъ народамъ, выхлопатываетъ отвесь въ городъ Убіевъ, въ которомъ родилась, заслуженныхъ воиновъ и поселеніе, которому названіе придано отъ ея имени. И надобно было случиться, что именно дѣдъ ея, Агриппа, принялъ изъявленіе покорности этого народа, когда онъ перешелъ Рейнъ. Въ тоже время въ верхней Германіи произошла тревога, вслѣдствіе прихода Каттовъ, пришедшихъ въ движеніе съ цѣлью грабежа. Вслѣдствіе этого легатъ Л. Помпоній убѣждаетъ вспомогательныхъ Вангіоновъ и Неметовъ съ присоединеніемъ союзной конницы—опере-

дить грабителей, или окружить, когда они разойдутся, ничего не ожидая. Совѣту вождя соответствовала дѣятельность воиновъ; раздѣлились они на два отряда и тотъ, который пошелъ по дорогѣ на лѣво—только что возвратившихся, употребившихъ добычу на наслажденія и отягченныхъ ѣномъ, окружили. Радость была тѣмъ сильнѣе, что нѣкоторые жертвы Варова побоища освободили изъ рабства послѣ сорокалѣтней неволи. А тѣ, которые пошли на право по ближайшимъ дорогамъ непріятелю, попавшемуся на встрѣчу и дерзнувшему на бой, сдѣлали еще болѣе урону; обремененные добычею и славою воротились къ горѣ Тавну, гдѣ дожидался Помпоній съ легионами на случай, если Катты отъ жажды мщенія, дадутъ случай къ сраженію. Они изъ опасенія какъ бы не окружили ихъ съ одной стороны Римляне, съ другой Херуски, съ которыми они вѣчно враждуютъ, отправили въ городъ пословъ изъ сотниковъ. Определена Помпонію почестъ тріумфа, малая часть славы его у потомства, въ которомъ онъ блистаетъ геніемъ поэта.

29. Около этого же времени Ванній, навязанный Свевомъ Друзомъ Цезаремъ, прогнанъ изъ царства; въ первое время правленія былъ пріятель своимъ землякамъ и пользовался у нихъ доброю славою, а потомъ, вслѣдствіе долговременнаго правленія, сдѣлался надменнымъ и сдѣлался жертвою ненависти сосѣдей и домашнихъ неудовольствій. Исполнителями были: Вибиллій, царь Гермундуровъ, Вангій и Сидъ, дѣти сестры Ваннія. А Клавдій, не смотря на частныя просьбы не вмѣшался съ оружіемъ въ борьбу дикарей, обѣщая Ваннію—безопасное убѣжище, если будетъ прогнанъ и написалъ П. Ателлію Гистру, завѣдывавшему Паннонію: «чтобы онъ «передъ берегомъ (Дуная) устроилъ легионъ и вспоможенія, набранныя изъ самой провинціи, для поддержки побѣжденныхъ и устраненія побѣдителей, какъ бы они, возгордятся счастьемъ, не возмutilи и нашего спокойствія». Приходили въ безчисленномъ множествѣ Лигіи и другіе народы по слуху богатаго царства, которое Ванній въ теченіи 30 лѣтъ обогатилъ грабительствами и денежными сборами. А у него собственный отрядъ пѣхоты, а конница была изъ Сарматовъ и Язиговъ—все это не подъ силу многочисленности враговъ; а потому рѣшился защищаться укрѣпленіями и войну тянуть. Но Язиги, не вынося осады, разбрелись по соседнимъ полямъ и причинили необходимость сраженія, такъ какъ туда наступили Лигій и Гермундуръ. Вслѣдствіе этого Ванній, вышедшій изъ укрѣпленій, разбитъ въ сраженіи и не смотря на не-

удачу заслужилъ похвалу за то, что въ сраженіи принялъ непосредственное участіе и получилъ раны, дѣйствуя противъ непріятеля. Впрочемъ, онъ нашель убѣжище на флотѣ, ожидавшемся на Дунаѣ; за нимъ послѣдовали тѣ, которые пользовались его покровительствомъ и, получивъ земли, поселены въ Панноніи. Царство раздѣлили между собою Вангіо и Сидо, сохранивъ примѣрную въ отношеніи къ намъ вѣрность; а къ подданнымъ—таковъ ли былъ ихъ собственный характеръ, или таково свойство рабства, пока помогались власти, обращались съ большою ласкою, а съ большею еще ненавистью, когда получили ее.

30. А въ Британніи П. Осторія, пропретора, встрѣтило смутное положеніе дѣлъ: непріятели разсыпались по землямъ союзниковъ и тѣмъ сильнѣе полагали—что новый вождь, еще не знавшій войска и при начавшейся уже зимѣ, не пойдетъ на встрѣчу. Онъ зная, что отъ первыхъ событій возникаютъ, или опасенія, или увѣренность, увлекаетъ поспѣшно когорты и избивъ тѣхъ, которые сопротивлялись, преслѣдовалъ разсѣявшихся и чтобы не дать имъ возможности снова сосредоточиться въ массы и чтобы непрочный и непріязненный миръ не далъ покою ни воину, ни вождямъ, готовится отобрать оружіе у подозрительныхъ и всѣхъ удержать укрѣпленнымъ лагеремъ у рѣкъ Аввоны и Сабрины. Первые отказали въ этомъ Ицены, народъ сильный, еще не сраженный въ битвахъ такъ какъ они добровольно приступили къ союзу съ нами. Подъ ихъ руководствомъ сосѣдніе народы избрали мѣсто для сраженія, огражденные сельскою плотиною и съ узкимъ доступомъ, для того чтобы оно было непроходимо конницѣ. Эти укрѣпленія вождь Римскій, хотя онъ велъ союзныя войска не подкрѣпленныя силою легионовъ, пытается прорвать и, распредѣливъ когорты, и отрядамъ пѣшихъ назначаетъ ихъ обязанности. Тогда, по данному сигналу, прорываютъ насыпь и приводятъ въ замѣшательство запутавшихся въ своихъ собственныхъ окопахъ. А они влѣдствіе сознанія возмущенія и видя, что пути къ бѣгству заграждены, совершили многія славныя дѣйствія. Въ этомъ сраженіи сынъ легата, М. Острий, заслужилъ честь спасенія гражданина. Впрочемъ пораженіе Иценовъ успокоило тѣхъ, которые не рѣшались между войною и миромъ и войско оттуда поведено въ землю Канговъ. Опустошены поля, добыча въ разныхъ мѣстахъ собрана; непріятель не рѣшился на сраженіе и даже коварныя попытки тайкомъ тревожить движеніе нашего войска, были строго наказаны. Уже дошли не далеко отъ моря, которое обращено къ острову Гиберніи, когда начавшіеся

у Бригантовъ раздоры вернули вождя, твердо рѣшившагося новаго не начинать, пока не будетъ упрочено прежнее. Да и Бриганты, по убіеніи немногихъ, взявшихся за оружіе, успокоились, когда остальнымъ даровано прощеніе. Народъ Силуровъ ни жестока, ни кротка мѣры не могли отклонить отъ продолженія войны и ихъ необходимо было тѣснить постоянными лагерями легионовъ. А чтобы скорѣе этого достигнуть — поселеніе Камилодунумъ — сильный отрядъ заслуженныхъ воиновъ, отведенъ на земли плѣнныхъ — какъ вспоможеніе противъ возмущившихся и средство союзниковъ приучить къ повиновенію законамъ. — Оттуда пошли въ землю Силуровъ, а тѣ, кромѣ собственной смѣлости, полагались и на силы Карактака: его многія сомнительныя и многія удачныя дѣйствія возвысили до того, что онъ сталъ выше прочихъ Британскихъ вождей. Но превосходя хитростью, умѣніемъ пользоваться мѣстностью къ обману противниковъ, а уступая силою воиновъ, переноситъ войну къ Ордовикамъ, присоединивъ тѣхъ, для кого миръ съ нами былъ предметомъ опасеній и испытываетъ рѣшительный бой, выбравъ для него мѣстность, гдѣ доступъ и отступленіе равно для насъ неблагопріятныя, для его воиновъ были къ лучшему. Тутъ на крутизнахъ горъ, гдѣ удобнѣе былъ всходъ на подобіе вала набрасываетъ камни, а впереди бѣжала рѣка съ невѣрными бродами и лучшихъ изъ воиновъ поставилъ впереди укрѣпленій.

34. Кромѣ того народные предводители обходили, дѣлали увѣщанія, ободряли умы, уменьшали опасенія, а поощряли надеждами и другими побужденіями къ войнѣ. А самъ Карактакъ, летая туда и сюда, свидѣтельствовалъ: «вотъ готовъ день, готовъ бой или «для возвращенія свободы, или для начала вѣчнаго рабства». Называлъ имена предковъ, которые Диктатора прогнали; доблестью коихъ они, свободные отъ сѣкиръ и податей, сохраняютъ неоскверненными тѣла своихъ женъ и дѣтей. «Когда онъ говорилъ это и «въ такомъ родѣ народъ одобрялъ криками; свойственными ихъ на «роду клятвами обязали они другъ друга — неуступать ни передъ «оружіемъ, ни передъ ранами.»

35. Такая готовность поразила удивленіемъ вождя Римскаго и вмѣстѣ приводила въ ужасъ: препятствіе находившейся впереди рѣки, прибавленнаго къ ней вала, возвышавшихся надъ ними холмовъ — все это грозное и наполненное защитниками. А воины требовали битвы; они кричали, что храбростью можно взять все. Префекты и трибуны говорили въ томъ же смыслѣ и разжигали усердіе войска. Тогда Осторій, разсмотрѣвъ гдѣ невозможно было

пройти и гдѣ можно, повелъ открытою силою и перебрался черезъ рѣку безъ большихъ затрудненій. Когда достигли насыпи, пока состязались стрѣлами, наши терпѣли болѣе отъ ранъ, да и убитыхъ было очень много. Но когда войны, прикрывшись щитами въ видѣ черепахи, растащили грубо и безобразно сложенные массы камней и рукопашный бой завязался при равныхъ условіяхъ, дикари удалились на горныя возвышенности. Но и туда прорвались и легко и тяжело вооруженные войны первые бросая стрѣлы, а вторые дружнымъ маршемъ. А ряды Британцевъ пришли въ замѣпательство у нихъ небыло никакихъ покрововъ, панцирей и шлемовъ и если они сопротивлялись вспомогательнымъ войскамъ, гибли отъ мечей и копей воиновъ легионныхъ, а если они обращали свои силы противъ нихъ, то—отъ дротиковъ и кинжаловъ вспомогательныхъ воиновъ. То была блистательная побѣда; взяты жена и дочь Карактака и братья изъявили покорность; а самъ (такъ какъ при несчастіи трудно найдти гдѣ-либо безопасность) просилъ убѣжища у Каргисмандуи, царицы Бригантовъ, но былъ связанъ и выданъ побѣдителямъ черезъ девять лѣтъ послѣ того, какъ началась война въ Британніи. Молва о ней распространилась по островамъ и ближайшимъ провинціямъ и достигла Италіи: все желали видѣть того, кто въ теченіи столькихъ лѣтъ презиралъ наши силы. Да и въ самомъ Римѣ не безъизвѣстно было имя Карактака и Цезарь, возвышая свою собственную честь, прибавилъ славы побѣжденному. Созывается пародъ какъ на какое-то необычайное зрѣлище. Подъ оружіемъ стали преторіанскія когорты на полѣ, находящемся впереди ихъ лагерей. Тутъ шли впереди люди, принадлежавшіе къ свитѣ царя, потомъ богатая убранства коней и ожерелья были несены, а также все, что онъ пріобрѣлъ во внѣшнихъ войнахъ; влѣдъ за тѣмъ вели его братьевъ, жену и дочь, а наконецъ показался и самъ. Прочихъ мольбы были униженные, внушенные страхомъ; а Карактакъ, не смиряясь ни въ выраженіи лица, ни въ словахъ, не искалъ состраданія. Когда онъ предсталъ передъ трибуналь, то сталъ говорить такъ: «если бы моею знатности и высокому положенію соотвѣтствовала бы и умѣренность въ счастіи, то «я пришелъ бы въ этотъ городъ скорѣе другомъ, чѣмъ плѣннымъ «и не пренебрегъ бы ты принять въ союзъ мира человѣка, происходящаго отъ знатныхъ предковъ, повелителя многихъ народовъ. «Теперешній жребій мой сколько для меня позоренъ, столько для «тебя честенъ; были у меня кони, люди, оружіе, богатства. Что «же удивительнаго, если я все это утратилъ недобровольно? Развѣ

«при вашемъ стремленіи повелѣвать всѣми не есть естественное послѣдствіе—всѣмъ принимать рабство. Если бы я сдался немедленно и съ покорностью, ни судьба моя, ни твоя слава не пріобрѣли бы такой громкой извѣстности. И казнь мою покроетъ забвеніе, а если ты сохранишь меня невредимымъ, то я буду вѣчнымъ примѣромъ твоего милосердія». На это Цезарь даровалъ прощеніе ему, женѣ и братьямъ и они, освобожденные отъ оковъ Агриппину, не подалеку сидѣвшую на другомъ возвышеніи—тѣми же что и государя почтили изъявленіями похвалы и признательности. Невиданное дотолѣ зрѣлище и несвойственное древнимъ нравамъ, что женщина сидѣла во главѣ знаковъ Римскаго могущества и сама себя представляла какъ бы соучастницею власти, ея предками пріобрѣтенной. Позванные послѣ того сенаторы не щадили выраженій самыхъ пышныхъ по поводу плѣна Карактака: дѣло это не менѣе славно, какъ когда Сифакса П. Циціонъ, а Персея—Л. Павиль и если какіе другіе полководцы показывали народу Римскому царей въ оковахъ. Остороію присуждены знаки тріумфа. До этого времени счастливы были его дѣла, но тутъ стали сомнительными или потому что съ удаленіемъ Карактата, какъ будто бы война приведена была къ концу и не такъ старательно уже занимались и съ нашей стороны военнымъ дѣломъ, а можетъ быть и непріатели изъ сожалѣнія о такомъ царѣ, воспылали болѣе сильною жаждою мести. Окружаютъ они префекта лагерей и когорты легионовъ, оставленныя для построенія укрѣпленій въ землѣ Силуровъ. Если бы не было оказано поспѣшной помощи изъ сосѣднихъ сель и укрѣпленій, то войска эти были бы окончательно истреблены. Впрочемъ и такъ пали: префектъ, восемь сотниковъ и лучшіе изъ рядовыхъ воиновъ; немного спустя обращаютъ въ бѣгство нашихъ фуражировъ и посланные на помощь отряды.»

39. Тогда Остороій противопоставилъ легкія когорты и все таки не оставилъ бы бѣгства, если бы не ввелъ въ дѣло легионы; ихъ силою уравнившена борьба и наконецъ приняла оборотъ для насъ болѣе благопріятный. Убѣждали непріатели съ небольшимъ урономъ, такъ какъ день клонился къ вечеру. Частыя велѣдъ за тѣмъ стычки и чаще на подобіе разбоевъ по лѣсамъ, было тамъ, по указанію обстоятельствъ, или по степени мужества: нечаянно, съ предусмотрительностью; изъ раздраженія и изъ за добычи; по приказанію, а иногда и безъ вѣдома вождей. И въ особенности, велѣдствіе упорства Силуровъ, а

ихъ подстрекало слово императора Римскаго: «какъ нѣкогда «Сугамбры вырѣзаны и переведены въ Галлію, такъ самое имя «Силуровъ слѣдуетъ искоренить.» Вслѣдствіе этого двѣ вспомогательныхъ когорты, высланныхъ корыстолюбиемъ преторовъ для грабежа неосторожно, были перехвачены непріателемъ; щедро раздавалъ добычу и плѣнныхъ—и прочіе народы влекли къ измѣнѣ. Тутъ Осторій, наскучивъ утомленіемъ заботъ, оставилъ жизнь къ радости непріятелей, какъ вождь котораго презирать не слѣдовало, а жертва если не битвы, то во всякомъ случаѣ войны. А Цезарь, узнавъ о смерти легата, дабы провинція не была безъ правителя, замѣстилъ А. Дидіемъ. Онъ прибылъ поспѣшно, но нашелъ дѣла не въ цвѣтущемъ положеніи, такъ какъ между тѣмъ произошла неудачная битва легіона, которымъ начальствовалъ Манлій Валенсъ. Слава этого событія и непріятелей приняла громадныя размѣры; было бы чѣмъ попугать шедшаго вождя; да и онъ самъ выслушалъ, увеличивая еще значеніе событія для того, чтобы въ случаѣ, если бы уладилъ пріобрѣсть больше похвалы, а если бы продолжались неудачи, то это было бы для него тѣмъ извинительнѣе. Силуры и этотъ уронъ намъ причинили и широко распространили набѣги, пока прибытіемъ Дидія не были прогнаны. Но послѣ взятія Карактака, особенно хорошо знавшій военное дѣло Венуцій, изъ города Бригантовъ, какъ я выше упомянулъ, долгое время вѣрный и защищенный Римскимъ оружіемъ—былъ въ супружествѣ съ царицею Картиемандуею; потомъ вышелъ раздоръ, открылась война и онъ противъ насъ началъ непріязненные дѣйствія. Но сначала была у нихъ только между собою борьба и Картиемандуя хитрыми замыслами погубила брата и близкихъ Венуція. Вслѣдствіе этого, непріятель раздраженный позоромъ, чтобы не быть подъ властью женщины, съ сильною и отборною вооруженною молодежью вторгается въ его царство, а мы это предвидѣли и посланные на помощь когорты завязали упорное сраженіе; начало его сомнительное имѣло исходъ болѣе благопріятный. Не съ меньшимъ успѣхомъ сразился легіонъ, которымъ начальствовалъ Цезій Назика, такъ какъ Дидій, отягченный старостью и избыткомъ богатствъ, считалъ достаточнымъ дѣйствовать чрезъ уполномоченныхъ и только отражать непріятеля. Эти дѣла, хотя двумя пропреторами Осторіемъ и Дидіемъ въ продолженіи многихъ лѣтъ совершенныя, соединилъ я вмѣстѣ для того, что

отдѣльно они не такъ то заслуживали бы памяти. Возвращаюсь къ послѣдовательному порядку времени.

40. Въ консульство Тиб. Клавдія въ пятый разъ и Серв. Корнелія орфиты поспѣшили облечь Нерона въ тогу возмужалости для того, чтобы онъ казался способнымъ заняться общественными дѣлами. И Цезарь охотно уступилъ льстивымъ предложеніямъ сената: «чтобы Неронъ на двадцатомъ году принялъ консульство, а между тѣмъ будучи назначенъ въ эту должность, пользуется проконсульскою властью внѣ города и получилъ бы наименованіе *перваго* (старшаго) изъ молодыхъ людей.» Присоединены отъ имени его денежныя раздачи войску и раздачи деньгами и припасами народу. Во время совершенія игръ цирка, а они давались для снисканія народнаго благорасположенія, провезены Британникъ въ претекстѣ, а Неронъ въ триумфальной одеждѣ. Пусть смотритъ народъ одного въ императорскомъ убранствѣ, а другаго въ дѣтскомъ платьѣ и пусть одинаково догадывается о судьбѣ того и другаго. Вмѣстѣ тѣ изъ сотниковъ и трибуновъ, которые сострадали надъ жребіемъ Британника, удалены подъ разными вымышленными предлогами и нѣкоторые подъ предлогомъ почтить ихъ; да и изъ вольноотпущенниковъ, если которые неподкупной преданности, прогнаны при такомъ случаѣ. Встрѣтаясь другъ съ другомъ, Неронъ привѣтствовалъ Британника его именемъ, а тотъ его называлъ Домиціемъ. И это какъ начало раздора, Агрипина сильно, жалуясь переноситъ къ мужу: «пренебрегается усновленіе и что присудили сенаторы и повелѣлъ народъ, то среди семейства отмѣняется и, если не предупредить столь непріязненной злонамѣренности научающихъ, то кончится это со вредомъ для общества.» Растревоженъ этимъ Клавдій какъ бы преступленіемъ и лучшихъ изъ воспитателей сына казнить изгнаніемъ или смертью и навязываетъ ему данныхъ мачихою. Впрочемъ, Агрипина не рѣшалась еще приняться за самое важное, прежде чѣмъ отъ завѣдыванія преторіанскими когортами освобождены Лузія Гета и Руфій Криспінъ, а она полагала, что они помнятъ о Мессалинѣ и преданы ея дѣтямъ. А потому, велѣдствіе завѣреній супруги, что когорты жертвою честолюбивыхъ происковъ двоихъ и если одинъ будетъ ими управлять, то тщательнѣе будетъ дисциплина, начальство надъ когортами ввѣрено Бурру Афранію, съ отличною военною славою, но знавшему по чьей милости получилъ онъ это назначеніе. И

свое значеніе Агриппина увеличивала все болѣе и болѣе: въ колесницѣ вѣзжала въ Капитолій, а право это издревле предоставленное только жрецамъ и священнослужителямъ—увеличивало почтеніе къ женщинѣ и единственный по сей день примѣръ представляла она, рожденная отъ императора, сестра того, кто стоялъ во главѣ государства, супруга и мать. Между тѣмъ главный ея поборникъ Вителлій, будучи въ ея самой большой милости и уже въ преклонной старости (до такой степени невѣрны дѣла могущественныхъ лицъ) подвергся обвиненію по доносу сенатора Юнія Лупа; онъ ставилъ ему въ вину оскорбленіе величества и стремленіе къ верховной власти. Послушалъ бы Цезарь, если бы не подѣйствовали на него скорѣе угрозы, чѣмъ просьбы Агриппины, и обвинителя устранилъ отъ огня и воды. Именно того и хотѣлъ Вителлій.

43. Многія въ этомъ году случились чудесныя явленія; на капитолій съли зловѣщія птицы; дома обвалились отъ частыхъ землетрясеній и при распространившемся страхѣ и смятеніи народа всѣ малосильные были задавлены. Самый недостатокъ произведеній земли и возникшій влѣдствіе того голодъ—были приняты за чудесное. И не одни тайныя жалобы, но Клавдія, когда онъ оказывалъ судъ и расправу—осыпали возмутительными криками и, загнавъ въ самую крайнюю часть форуа, тѣснили силою, пока онъ съ отрядомъ воиновъ не прорвался чрезъ неприязненныхъ. Вѣрно только то, что на продовольствіе города оставалось хлѣба только на пятнадцать дней и только, по великой благосклонности боговъ и умѣренной зимѣ, успѣли пособить такому крайнему положенію. А по истинѣ когда то изъ Италіи возили припасы легіонамъ въ отдаленныя провинціи; да и теперь нельзя жаловаться на непроизводительность почвы; но мы предпочитаемъ пользоваться Африкою и Египтомъ и жизнь народа Римскаго предоставлена судамъ и случайностямъ.

44. Въ этомъ же году война, начавшаяся между Армянами и Иберами была поводомъ къ весьма важнымъ столкновеніямъ Паревовъ и Римлянъ. Надъ народомъ Паревовъ начальствовалъ Вологезъ, происходившій отъ матери, любовницы гречанки; а надъ Иберами Фаразманъ и владѣніе его было старинное. Армянами владѣлъ братъ его Митридатъ при содѣйствіи нашего. Былъ у Фаразмана сынъ, по имени Радамистъ, высокій и стройный, обладавшій замѣчательною тѣлесною силою, перенявшій всѣ знанія отца и пользовавшійся доброю славою у сосѣдей. Онъ слишкомъ часто

и смѣло говорилъ: «скромное царство Иберовъ задерживаетъ ста-
«рость отца, для того, чтобы скрыть свои пожеланія. А потому
«Фаразманъ юношу готоваго уже властвовать, обнадеженнаго рас-
«положеніемъ соотечественниковъ, опасаясь за свой уже преклонный
«возрастъ сталъ прельщать другою надеждою — указывалъ ему на
«Арменію, напоминая, что онъ то далъ ее Митридату, прогнавъ
«Пареовъ, но нужно отложить намѣреніе дѣйствовать силою, и
«предпочесть хитрость, которою и подавить неосторожнаго». Такимъ
образомъ Радамистъ, притворно разсорившись будто бы съ отцемъ,
не будучи въ состояніи переносить нерасположенія мачихи, отпра-
вился къ дядѣ. Тотъ принялъ его чрезвычайно ласково точно сына
роднаго, сталъ склонять знатнѣйшихъ Армянъ къ перевороту, а
Митридатъ этого не зналъ и продолжалъ чествовать его все болѣе
и болѣе.

45. Подъ предлогомъ будто бы примиренія вернулся къ отцу
съ извѣстіемъ: чего можно только достигнуть хитростью, сдѣлано
все; прочее же нужно довершить оружіемъ. «Между тѣмъ Фараз-
«манъ придумываетъ поводы къ войнѣ: когда сражался онъ про-
«тивъ царя Албанцевъ и звалъ на помощь Римлянъ, то воспро-
«тивился братъ и за это оскорбленіе отмститъ онъ тѣмъ, что пой-
«детъ на его гибель». Вмѣстѣ передаетъ онъ сыну большія вой-
ска. Тотъ приведеннаго въ ужасъ внезапнымъ вторженіемъ и по-
терявшаго лагерь Митридата загоняетъ въ укрѣпленіе Горнсасъ,
безопасное по мѣстности и гарнизону изъ воиновъ, которыми на-
чальствовалъ префектъ Цэлій Полліонъ и сотникъ Касперій. Ни
въ чемъ такъ малосвѣдущи дикари, какъ въ употребленіи машинъ
и вообще осадномъ искусствѣ; а намъ эта часть военного дѣла
преимущественно знакома. Такимъ образомъ Радамистъ, сдѣлавъ по-
кушеніе на укрѣпленія или безъ успѣха или съ урономъ, началъ
осаду и, видя что сила остается безъ дѣйствія, подбуждаетъ коры-
столюбиваго префекта, не смотря на громкія заявленія Касперія —
какъ бы союзный царь и Арменія, даръ народа Римскаго, не сдѣ-
лались жертвою преступленія и подкупа. Наконецъ такъ какъ Пол-
ліонъ ставилъ на видъ численность враговъ, а Радамистъ прика-
занія отца, то, условясь о перемиріи, удалился съ тѣмъ, чтобы, если
Фаразмана не отпугнетъ отъ войны, то дать знать Т. Уммадію
Квадрату, префекту Сиріи, въ какомъ положеніи находятся Арменія.

46. По удаленіи сотника префектъ, какъ бы освободясь отъ
надзора, сталъ убѣждать Митридата къ заключенію союзнаго до-
говора, ссылаясь на ихъ братскую связь, на старшинство Годалии,

Фаразмана и на другія родственныя отношенія; онъ женатъ на его дочери, а Радамисть ему зять. Не отказываются отъ мира Иберы, хотя на этотъ разъ перевѣсъ силы на ихъ сторонѣ; а вѣроломство Армянъ довольно хорошо извѣстно. У него же не осталось другаго прибѣжища, кромѣ укрѣпленія, гдѣ уже чувствуется недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; пусть онъ не усумнится предпочесть войнѣ условія, которыя не будутъ стоить кровопролитія. «Не рѣшался на это Митридатъ и подозрѣвалъ замыслы префекта, такъ какъ онъ осквернилъ царскую любовницу и считался продажнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ Касперій приходитъ къ Фаразману и требуетъ, чтобы Иберы оставили осаду». Онъ, давая явно отвѣты неясныя и чаще въ духѣ примиренія, тайными гонцами даетъ Радамисту знать, чтобы какъ можно поспѣшилъ съ осадой. Увеличено вознагражденіе за преступленіе и Полліо тайнымъ подкупомъ склоняетъ воиновъ требовать мира и грозитъ, что они уйдутъ изъ укрѣпленія. Въ такой крайности Митридатъ принимаетъ день и мѣсто для союза и выходитъ изъ крѣпости.

47. Сначала Радамисть бросился къ нему съ распростертыми объятіями, прикинулся послушнымъ, именуя его отцемъ и тестемъ. Присоединилъ и клятву: «не сдѣлаетъ онъ ему насилія ни мечемъ ни ядомъ; тутъ же увлекаетъ его въ ближайшую рощу, говоря «что тамъ приготовлено, по его приказанію, жертвоприношеніе для «того, чтобы скрѣпить миръ свидѣтельствомъ боговъ». У Царей есть обычай великой разъ, когда они заключаютъ союзный договоръ — соединить правыя руки и большіе пальцы связать, затаивъ узломъ; а потомъ когда кровь нальется въ оконечность члена, легкимъ ударомъ извлекаютъ кровь и другъ у друга прикасаются къ ней устами; этотъ союзъ считается тайнымъ и какъ бы освященнымъ взаимною кровью. Но тутъ тотъ, кто подходилъ съ этимъ завязываньемъ, притворяясь будто бы упалъ, ухватился за колѣна Митридата и его повалилъ; вмѣстѣ сбѣжались многіе, наложены цѣпи и его повлекли въ ножныхъ оковахъ, что считается позоромъ у дикарей. Тутъ же народъ, съ которымъ онъ обращался строго, осыпалъ его бранью и ударами. Съ другой стороны были, которые сострадали надъ такою переменною судьбы. Слѣдовавшая съ малыми дѣтьми жена наполняла все плачемъ. Скрыты они въ разныя закрытыя повозки, пока послали узнать приказанія Фаразмана. А для него алчность владѣнія была дороже брата и дочери и духъ его готовъ на преступленія; впрочемъ онъ позаботился о томъ, чтобы они убиты были не въ виду его, а за глазами. Да и Радамисть какъ бы

помня клятву, на сестру и дядю не употребилъ ни меча, ни яда, но брошенныхъ на землю лишаетъ жизни покрытыхъ большимъ количествомъ тяжелаго платья. И сыновья Митридата за то, что оплакивали убійство родителей, умерщвлены.

48. А Квадратъ, узнавъ, что Митридатъ сдѣлался предметомъ измѣны, а царство его во власти убійцы, зоветъ совѣтъ, передаетъ о томъ, что сдѣлалось и спрашиваетъ: мстить ли? Немногихъ была забота о чести общественной: большая часть толкуютъ о томъ, что безопасно: «каждое вѣдшее (иноземное) преступленіе нужно встрѣчать съ радостью; необходимо даже бросать сѣмена неудовольствій, такъ какъ уже часто государи Римскіе ту же Арменію, подъ видомъ щедрости, дѣлали поводомъ къ тому, что произвель смуты у дикарей. Пусть владѣть Радамистъ дурно пріобрѣтенымъ, пусть онъ будетъ ненавистенъ, безславенъ, если только изъ этого можно извлечь больше пользы, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы онъ пріобрѣлъ со славою». Мнѣніе это принято. А чтобы не показаться, что преступленіе одобрено, и такъ какъ Цезарь предписалъ совсѣмъ другое, то и отправлены къ Фараману гонцы повѣстить: «чтобы онъ отступилъ отъ предѣловъ Арменіи и сына «бы отвлекъ».

49. Правителемъ Каппадокіи былъ Юлій Пелигнъ, лѣнивый умомъ и одинаково заслуживавшій презрѣніе смѣшною наружностью, но человекъ чрезвычайно близкій къ Клавдію, когда тотъ, будучи еще частнымъ человекомъ и празднымъ, находилъ удовольствіе проводить свободное время въ обществѣ шутовъ. Этого то Пелигнъ, собравъ вспомогательныя войска изъ провинціи какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы возвратить Арменію, пока грабилъ болѣе союзниковъ, чѣмъ враговъ, вслѣдствіе ухода своихъ (воиновъ) и нуждаясь въ защитѣ, пришелъ къ Радамисту. Подъ вліяніемъ его подарковъ, онъ же самъ, по собственному побужденію, убѣждаетъ его— «принять знаки царскаго достоинства», а когда тотъ принялъ, то онъ былъ его исполнителемъ и товарищемъ. Когда это разнеслось и молва о томъ была самая дурная, то какъ бы и о прочихъ не сдѣлали такой же догадки какъ о Пелигнѣ, то легатъ Гельвидій Прискъ посланъ съ легіономъ, чтобы по обстоятельствамъ принять мѣры въ такомъ смутномъ положеніи дѣль. А потому, поспѣшно перейдя гору Тавръ, онъ уладилъ больше умѣренностью, чѣмъ силою; но тутъ получилъ приказаніе—возвратиться въ Сирію, чтобы не подать повода къ началу войны противъ Паревовъ.

50. Такъ какъ Вологезъ, считая, что пришелъ случай овла-

дѣтъ Арменію: ею владѣли его предки, а теперь чужестранный царь присвоилъ преступленіемъ, собираетъ войска и готовится отвести брата Тиридата на царство, для того, чтобы ни одинъ членъ его семейства не оставался безъ владѣнія. Наступленіемъ Пароовъ безъ боя прогнаны Иберы и города Армянъ: Артаклата и Тиграноцера—покорились. Затѣмъ жестокая зима, а можетъ быть и недостаточные запасы продовольствія, а велѣдствіе той и другой причины возникшая моровая язва—побудили Вологеца оставить на этотъ разъ (замыселъ). Опустѣвшую снова Арменію занялъ Радамистъ, болѣе жестокой чѣмъ прежде, такъ какъ въ отношеніи къ измѣнчившимъ и при случаѣ опять готовымъ взбунтоваться. Но они, хотя и привыкшіе къ рабству, теряютъ терпѣніе и съ оружіемъ окружаютъ царскій дворецъ.

51. И другаго средства къ спасенію не было у Радамиста, какъ быстрота коней и они унесли его и жену. Но беременная женщина кое какъ еще переносила начало бѣгства изъ опасенія враговъ и любви къ мужу; но велѣдствіе постоянной поспѣшности животъ приходилъ въ сотрясеніе и вся внутренность потрясалась, а потому она умоляла честною смертію избавить ее отъ позора, попасть въ плѣнъ. Онъ сначала ее обнималъ, приподнималъ, увѣщаль, то удивляясь ея твердости, то болѣзненный отъ страха, какъ бы она, будучи оставлена, кому нибудь не досталась. Наконецъ, въ изступленіи любви, да и не опытный въ дѣлѣ преступленій, извлекаетъ мечъ и раненную влечетъ къ берегу Аракса и бросаетъ въ рѣку, какъ бы и тѣло то кто не унесъ, а самъ сломя голову спѣшитъ къ Иберамъ въ отцовское царство. Между тѣмъ Зенобію (такъ звали эту женщину) въ тихомъ заливѣ, увидали пастухи дышащую и съ признаками жизни; по ея величавой наружности, считая ее не простаго рода, перевязываютъ рану, прикладывая сельскія лѣкарства. Узнавъ ея имя и судьбу, несутъ въ городъ Артаксатъ, оттуда общественною заботливостію отведена къ Тиридату, ласково принята и съ нею обращались какъ съ царицею.

52. Въ консульство Фавста Суллы и Сальвія Оттона, Фурій Скрибоніанъ отправленъ въ ссылку за то, что будто бы онъ старался разузнать о кончинѣ государя, черезъ Халдеевъ. Къ обвиненію припутана была и Юнія, мать его, будто бы не вынося того, что постигло ее прежде (она была сослана). Отецъ Скрибоніана, Камилль, въ Долмаціи произвелъ было вооруженное возстаніе и Цезарь относилъ это къ милосердію, что опять оста-

виль въ живыхъ родъ непріязненный. Впрочемъ изгнанникъ жилъ послѣ того не долго; случайно ли онъ умеръ или изведенъ ядомъ, — каждый разсказывалъ такъ, какъ самъ вѣрилъ. Объ изгнаніи математиковъ изъ Италіи состоялось сенатское опредѣленіе, жестокое и бесполезное. За тѣмъ похвалены въ рѣчи государя тѣ, «которые по стѣсненному положенію дѣлъ домашнихъ добровольно «оставляли сенатское сословіе и удалены тѣ, которые, оставаясь, «безстыдство присоединяли къ бѣдности.»

53. Между прочимъ доложено сенаторамъ—о наказаніи женщинъ, которыя соединяются съ рабами. Постановлено: «чтобы «поступившія такъ, безъ вѣдома господина, считались въ раб-«ствѣ, а если съ его согласія, то отпущенниками.» Палланту, котораго Цезарь представилъ какъ виновника этого доклада, дать преторскіе знаки и пятьсотъ милліоновъ сестерцій—подаль мнѣніе назначенный консулъ Бореа Соранъ. Сципіонъ Корнелій прибавилъ: «публично высказать ему (Палланту) благодарность «за то, что, происходя отъ царей Аркадіи, столь древнимъ бла-«городствомъ пожертвовалъ общественной пользѣ и допустилъ— «считаться въ числѣ слугителей государя.» Клавдій завѣрилъ: «доволенъ почестью Паллантъ и останется при прежней бѣдности.» И изображено на мѣдной доскѣ всенародно сенатское опредѣленіе, въ которомъ отпущенникъ, владѣлецъ трехъ сотъ милліоновъ сестерцій—осыпанъ былъ похвалами за бережливость (умѣренность) древнихъ временъ.

54. А братъ его, по прозванію *Феликсъ* (счастливый), дѣйствовалъ не съ такою умѣренностью уже давно будучи поставленъ начальникомъ надъ Іудеею, онъ считалъ для себя безнаказаннымъ все, чтобы ни сдѣлалъ дурнаго, опираясь на такую всеильную поддержку. Конечно Іудеи подали поводъ, начавъ возмущеніе послушаніемъ К. Цезаря. Когда узнали о его убіеніи, оно затихло; оставалось опасеніе, какъ бы кто изъ государей не распорядился бы приказать тоже самое. Между тѣмъ Феликсъ несвоевременными мѣрами подстрекалъ ихъ проступки, причемъ ему во всемъ худшемъ соревновалъ Вентидій Куманъ, которому принадлежала часть провинціи. Она была раздѣлена такъ, что Вентидію повиновался народъ Галиллеевъ, а Феликсу—Самаритяне; издавна въ раздорѣ они и въ то время, презирая правителей, не старались сдержать взаимной ненависти. А потому они грабили другъ друга, насылали шайки разбойниковъ, устраивали засады, а иногда и прямо сходились сражаться, а награбленное

и добычу относили къ прокураторамъ. Тѣ сначала радовались, но когда зло принимало все болѣе опасные размѣры, употребили въ дѣло оружіе воиновъ, а тѣ были разбиты. Загорѣлась бы войною провинція, если бы не пришелъ на помощь Квадратъ, правитель Сиріи. Не долго думали употребить въ дѣло смертную казнь противъ Іудеевъ, которые рѣшились на убійство воиновъ; а Куманъ и Феликсъ причинили замедленіе, такъ какъ Клавдій, выслушавъ о причинахъ возмущенія, далъ (Квадрату) право постановить приговоръ и надъ прокураторами. Но Квадратъ, чтобы умѣрить усердіе обвинителей, показалъ Феликса между судьей принятаго на трибуналъ и осужденъ за преступленія, совершенныя двумя—однимъ Куманъ. Спокойствіе возвращено провинціи.

55. Не много спустя народъ полевыхъ Киликовъ, носившій прозваніе *Клитовъ*, часто волновавшійся и прежде, въ то время подъ предводительствомъ Тразобора, заняли лагеремъ крутыя горы, и оттуда набѣгами на берега и города, причиняли насиліе земледѣльцамъ и горожанамъ, а въ особенности купцамъ и плившимъ на судахъ. Осажденъ городъ Анемуриенскій и посланы изъ Сиріи на помощь всадники, но они съ ихъ начальникомъ Курціемъ Северомъ — приведены въ замѣшательство, такъ какъ суровая мѣстность прилежащей страны, представляя удобства для пѣшаго сраженія, не годилась вовсе для коннаго. Потомъ уже царь побережья Антиохъ, лестью въ отношеніи къ простому народу и коварствомъ къ вождю, разстроилъ войска дикарей, Трюбора и не многихъ старѣйшинъ умертвилъ; остальныхъ успокоилъ мѣрами снисхожденія.

56. Около этого же времени, прорывъ гору между Фуцинскимъ озеромъ и рѣкою Лирисомъ—съ тѣмъ, чтобы великолѣпіе этого дѣла могло быть предметомъ зрѣлища для большаго числа, на самомъ озерѣ готовится морское сраженіе; какъ нѣкогда Августъ, устроивъ по сю сторону Тибра прудъ—показалъ такое же, но легкими судами и въ меньшемъ размѣрѣ. Клавдій снарядилъ вполнѣ триремы, квадриремы и девятнадцать тысячъ вооруженныхъ воиновъ; обходъ опоясалъ плотами для того, чтобы не было возможности уходить во всѣ стороны, но впрочемъ охвачено было пространство достаточное для силы гребли, искусства кормчихъ, натиска судовъ и вообще того, что обыкновенно дѣлается въ сраженіи. На плотамъ были разставлены взводы и эскадроны преторіанскихъ когортъ, а впереди устроены оплоты, съ которыхъ дѣйствовать катапультами и баллистами. Остальное

пространство занимали матросы на крутыхъ (съ палубами) судахъ. Берега, холмы и возвышенія горъ, на подобіе театра, наполнило несмѣтное количество зрителей изъ сосѣднихъ муниципій, а также и изъ самаго Рима изъ желанія видѣть и подслужиться государю. Самъ Клавдій въ блестящей одеждѣ, и недалеко Агриппина въ позлащенной хламидѣ, сидѣли впереди. Сраженіе, хотя и между осужденными, происходило съ настроеніемъ ума людей храбрыхъ и, послѣ многихъ ранъ, отъ смерти спасены.

57. По окончаніи зрѣлища открытъ ходъ водѣ. Нерадѣніе при производствѣ работъ ясно было, такъ какъ выемка была недостаточно глубока до низу или даже до середины озера. Тутъ же, спустя нѣкоторое время глубже вырыты рвы и для привлеченія опять народнаго множества дано зрѣлище гладіаторовъ и сдѣланъ помостъ для пѣшаго сраженія. Но тутъ пиршество, устроенное при источѣ озера, поразило всѣхъ большимъ страхомъ, такъ какъ сила воды, прорываясь, увлекала то что ближе, снеся тѣхъ, которые стояли по ту сторону или приведя въ ужасъ шумомъ и плескомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Агриппина, воспользовавшись испугомъ государя, обвиняетъ Нарцисса, завѣдывавшаго работами, въ алчности и грабительствѣ; да и тотъ не смолчалъ, уличая ее въ женскихъ слабостяхъ и излишнихъ надеждахъ.

58. Въ консульство Д. Юнія и К. Гатерія, Неронъ, шестнадцати лѣтъ отъ рожденія, принялъ въ супружество Октавію, дочь Цезаря. А чтобы отличиться честными занятіями и славою краснорѣчія, взявшись за дѣло Иліензевъ, искусно изложивъ, что Римляне выходцы изъ Трои и Эней родоначальникъ семейства Юліевъ и другія преданія древности, недалекія отъ басенъ, добился, что Иліензы освобождены отъ всѣхъ повинностей для государства. Благодаря тому же оратору Бононіенскому поселенію, сдѣлавшемуся жертвою пламени, оказано пособіе въ десять милліоновъ сестерцій. Родосцамъ возвращена свобода, не разъ то отнятая, то закрѣпленная, какъ они оказывали заслуги во вѣншихъ войнахъ, или провинились внутренними возмущеніями. Апапейцы, пострадавшія отъ землетрясенія, освобождены отъ податей на пять лѣтъ.

59. Клавдій вынуждаемъ былъ къ крайней жестокости интригами той же Агриппины; она погубила Статилія Тавра, знаменитаго богатствами, желая завладѣть его садами. Обвинителемъ былъ Тарквицій Прискъ. Онъ былъ легатомъ (помощникомъ) Тавра, правившаго Африкою съ властью проконсула; по возвращеніи ста-

вилъ ему въ вину незначительное обвиненіе во взяткахъ и еще въ волшебствѣ и суевѣріяхъ. Тотъ не выдержалъ долге ложнаго обвиненія и незаслуженнаго жребія и насильственно лишилъ себя жизни прежде сенатскаго приговора. Тарквіцій впрочемъ выгнанъ изъ куріи и сенаторы, изъ ненависти къ обвинителю, настояли на томъ, не смотря на усилія Агриппины.

60. Въ томъ же году часто и прежде повторяемая государемъ слова: «приговоры его прокураторовъ должны имѣть такую же «силу какъ если бы онъ самъ ихъ постановилъ», — чтобы не сочтены были за вырвавшіеся случайно — установлено и сенатскимъ опредѣленіемъ полнѣе и яснѣе чѣмъ прежде. Еще божественный Августъ повелѣлъ: «всадникамъ, завѣдывающимъ управленіемъ «Египта, разбирать дѣла по законамъ и рѣшеніямъ ихъ имѣть «такую же силу, какъ если бы ихъ постановили сановники Рим-«скіе». Вслѣдъ затѣмъ по другимъ провинціямъ и въ городѣ (Римѣ) предоставлена (всадникамъ) большая часть того, что прежде было въ вѣдѣніи преторовъ. Клавдій передалъ всю судебную часть, о которой столько разъ состязались возмущеніями и оружіемъ, когда по проэктахъ Семпроніевъ всадническое сословіе получило судебную власть и наоборотъ законы Сервиліевы возвратили ее сенату; а вѣкогда Марій и Сулла объ этомъ то главное и вели войну. Но въ то время сословія были уже вовсе не тѣ стремленія и тѣ, которые побѣдили, всенародно обнаруживали свою силу. К. Опцій и Корнелій Бальбъ первые силами Цезаря могли предписывать условія мира и объявлять войну. Ни къ чему не повело бы припоминать здѣсь всеильныя имена Мадіевъ, Ведіевъ и другихъ всадниковъ Римскихъ, когда Клавдій отпущенниковъ, которымъ ввѣрилъ управление своею частною собственностью, сравнялъ съ собою и законами. — Доложилъ потомъ о необходимости дать особья права жителямъ Коса и привелъ на память многое объ ихъ древности: «Аргивцы или Косей, отецъ Латоны — древнѣйшіе воздѣлыватели «острова; потомъ съ прибытіемъ Эскулація внесено искусство лѣ-«ченія и оно, въ высшей степени, заслужило извѣстность между его «предками». — причемъ приводилъ онъ имена каждаго порознь и въ какое время жили они. Онъ даже прибавилъ, что и Ксено-«фонтъ, знаніями котораго онъ самъ пользуется, происходилъ изъ того же семейства, и уступая его (Клавдія) просьбамъ, необходимо сдѣлать, чтобы Коосцы, на будущее время свободные отъ всякихъ платежей, населяли бы островъ священный, обреченный одному служенію божества. И не подлежитъ сомнѣнію, что можно было бы

передать много такого рода заслугъ народу Римскому и общихъ побѣдъ. Но Клавдій съ свойственною ему легкостью, то что дѣлалъ для когонибудь не считалъ необходимымъ прикрывать какими либо чрезвычайными средствами.

62. Византійцы, получивъ возможность говорить, отмаливались передъ сенатомъ отъ непомѣрныхъ тягостей и припомнили все, начавъ отъ союзнаго договора, который они заключили съ нами въ то время, когда мы вели войну съ царемъ Македонскимъ, которому, какъ выродку, дано наименованіе Лжефилиппа. Приводили на память, что послѣ того посылали они войска на Антиоха, Персея, Аристовика и во время войны съ пиратами (морскими разбойниками) оказывали содѣйствіе Антонію, предлагали свои услуги Суллѣ, Лукуллу и Помпею; затѣмъ: «недавнія въ отношеніи къ Цезарямъ заслуги, такъ какъ они занимаютъ мѣстность, въ высшей степени удобную для полководцевъ и войскъ, переходящихъ (изъ Европы въ Азію) сухимъ путемъ и моремъ и для подвоза припасовъ». Дѣйствительно Греки поставили Византію въ самомъ узкомъ проливѣ между Европою и Азіею, на краю Европы. И когда они брали совѣтъ у Ціеійскаго Аполлона: гдѣ воздвигнуть городъ? то данъ оракулъ: пусть ищутъ мѣсто для жительства насупротивъ земли слѣпыхъ. Этою двусмысленностью обозначались Халкедоніи, такъ какъ они первые, прибывъ въ эти края и разсмотрѣвъ пользы мѣстности, выбрали худшую. А Византія стоитъ на плодородной почвѣ и при обильномъ морѣ, такъ какъ безчисленное множество рыбы, вырывается изъ Понта, испуганное рядами камней подводными, расположенными наискось, покинувъ изгибъ противоположнаго берега, стремится къ этому порту. Вслѣдствіе этого жители Византіи съ самаго начала стали алчными къ пріобрѣтенію и богатыми; въ послѣдствіи, тѣснимые громадностью повинностей, умоляли о концѣ или мѣрѣ. Содѣйствовалъ и государь, говоря, что имъ, недавно изнуреннымъ войною Фракіяскою и Воссфоранскою, необходимо помочь. А потому на пять лѣтъ имъ оставлены подати.

Въ консульство М. Азинія и М. Ацилія частыя чудесныя явленія показали предвѣстіе, что дѣла пережмются къ худшему. Небесный огонь показался на значкахъ и палаткахъ воиновъ. На вершинѣ Капитолія сѣлъ рой пчелъ. Двудикія порожденія людей и у свиньи родился плодъ, у котораго были ястребиныя когти. Въ числѣ чудесныхъ явленій считалось уменьшенное число всѣхъ сановниковъ, такъ какъ въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ умерли одинъ за другимъ: квесторъ, эдилъ, три-

бунъ, преторъ и консулъ; но въ особенномъ страхѣ была Агриппина, опасаясь словъ Клавдія, вырвавшихся у него въ пьяномъ видѣ: «видно ужь судьба его такая переносить позорное «поведеніе женъ и потомъ казнить ихъ.» Она рѣшилась дѣйствовать и какъ можно скорѣе, а прежде погубила Домицію Лепиду изъза женскихъ расчетовъ: Лепида родилась отъ меньшей Антоніи, дѣдъ у ней былъ Августъ; сначала двоюродная сестра Агриппины и родная Кнея, мужа ея, она считала себя равною Агриппинѣ знатностью. Дѣйствительно и наружность, и лѣта, и средства были почти одинаковы. Та и другая безстыдная, чуждая доброй славы, расположенная къ насилію; онѣ соревновали пороками не меньше, какъ и тѣмъ, что хорошаго получили по милости судьбы. И между нихъ шла борьба преупорная — кто будетъ имѣть больше вліянія на Нерона — тетка или мать. Ласкою и щедрыми подарками Лепида задабривала юношескій умъ, а Агриппина злилась и грозила; хотѣла она сыну дать власть, а переносить ее надъ собою была бы не въ состояніи.

65. Лепидѣ въ вину поставили: «будто бы она обреченіями (заговоромъ, клятвами) посягала на брачную жизнь государя и «будто бы она хотѣла возмутить спокойствіе Италіи при содѣйствіи не совѣмъ усмиренныхъ по Калабріи шаякъ рабовъ.» За это назначена Лепидѣ смертная казнь, при сильномъ сопротивленіи Нарцисса. Онъ, все болѣе и болѣе подозрѣвая Агриппину, говорить высказывалъ своимъ ближнимъ: «вѣрная ему (Нарциссу) гибель: достанется ли верховная власть Британнику или Нерону. Впрочемъ Цезарь такія ему оказалъ заслуги, что онъ для его пользы готовъ пожертвовать жизнью. Уличены Мессалина и Силій. Такіе же вновь есть поводы къ обвиненію (если Неронъ будетъ властвовать. Если же Британникъ будетъ «преемникомъ, то никакой заслуги государю не будетъ); коварство мачихи грозитъ гибелью всему роду съ большимъ позоромъ, чѣмъ еслибы онъ смолчалъ о безстыдствѣ первой жены. «Да въ невѣрности и теперь нѣтъ недостатка, когда любовникомъ Паллантъ и пусть никому не будетъ сомнѣнія, что для верховной власти жертвуется приличіями, стыдомъ, тѣломъ и всѣмъ «вообще.» Часто повторялъ онъ эти слова и въ такомъ родѣ, обнимая Британника и моля для него скорѣйшаго приращенія силъ съ лѣтами; то къ богамъ, то къ нему простирая руки: «пусть онъ возмущаетъ и поразитъ враговъ отца, а потомъ «пусть хоть отмститъ убійцамъ матери.»

66. При такихъ тяжкихъ заботахъ, съ Клавдіемъ случилось нездоровье и для поправленія силъ мягкостью климата и цѣлебностью водъ, отправился въ Синусеу. Тутъ Агриппина, уже давно рѣшась на преступленіе, торопливо ухватилась за представившійся случай и, не имѣя недостатка въ соучастникахъ, совѣтовалась о выборѣ яда: «какъ бы скорымъ и внезапнымъ не «обнаружить преступленія; а если выберетъ медленный и обезси-«ливающій, то Клавдій какъ бы не попявъ на краю гроба ко-«варство, не возвратился бы къ любви сына. Необходимо было «какое нибудь особенное средство, которое, внеся разстройство «въ умственные способности, отдалило бы смерть. Орудіемъ это-«го выбрана одна, по прозванію *Ложуста* (кузнечикъ, саранча), «незадолго передъ тѣмъ за отравленіе осужденная, но долго «бывшая въ числѣ орудій верховной власти. Изобрѣтательностью «этой женщины приготовленъ ядъ, а подалъ его служитель изъ «эвнуховъ, по имени Галотъ, вносившій обыкновенно кушанья и «пробававшій ихъ. И все до того сдѣлалось скоро извѣстнымъ, «что писатели тѣхъ временъ передали»: ядъ влить въ вкусное кушанье изъ шампильоновъ и Клавдій тотчасъ не почувствовалъ силы этого приема, или, по безопасности, или по пьяному состоянію. вмѣстѣ съ тѣмъ открывшійся поносъ повидимому облегчилъ его. А потому Агриппина пришла въ ужасъ и, опасаясь всего худшаго, пренебрегла негодованіемъ присутствовавшихъ, прибѣгла къ содѣйствію уже раньше приготовленному медика Ксенофонта. Онъ, какъ бы желая содѣйствовать рвотѣ, какъ полагають, опустилъ въ его горло перо, покрытое быстрымъ ядомъ, хорошо зная, что начало преступленія сопряжено съ опасностью, а доведеніе до конца съ наградою.

68. Сзывается между тѣмъ сенатъ; за здоровье государя приносятъ обѣты консулы и жрецы, а его бездыханнаго прикрывали уже одеждами и перевязками, пока уладятъ дѣла къ упроченію за Нерономъ верховной власти. Сначала Агриппина, какъ бы пораженная горемъ и ища себѣ утѣшенія, держала въ объятіяхъ Британника, называла его настоящимъ портретомъ отца и разными средствами задерживала, какъ бы онъ не вышелъ изъ спальни. Она удержала тутъ же Антонію и Октавію, сестеръ Британника; все входы заперла караулами и часто повторяла громко, что здоровье государя лучше, «съ тою цѣлью, что-«бы убавлять воиновъ хорошими надеждами, а между тѣмъ по-«дойдетъ благопріятное по совѣтамъ Халдеевъ время.»

69. Вдругъ среди дня, въ третій передъ идами Октябрьскими день, растворились ворота дворца и Неронъ, въ сопровожденіи Бурра, вышелъ къ когортѣ, которая, по военному обычаю занимала караулы. Тутъ, по внушенію префекта, приняты онъ радостными голосами и садится въ носилки. Говорятъ, что нѣкоторые (воины) были въ недоумѣніи, озирались и спрашивали: «гдѣ же Британникъ?» Но потомъ, такъ какъ съ другой стороны не было никого, чтобы дѣйствовалъ, послѣдовали за тѣмъ, что предлагалось какъ готовое. Неронъ внесенъ въ лагерь и сказалъ что соответствовало (обстоятельствамъ) времени, обѣщалъ денежную раздачу, по примѣру отцовской щедрости и привѣтствованъ *императоромъ*. За мнѣніемъ воиновъ послѣдовали сенатскія опредѣленія; не было колебанія и въ провинціяхъ. Опредѣлены Клавдію небесныя почести, а похороны совершены съ такою же торжественностью, какъ и божественнаго Августа: такъ какъ Агриппина сореживала пышности пробабушки Ливіи; а завѣщаніе не читано, для того, чтобы предпочтеніе пасынка сыну не вызвало въ умахъ простаго народа негодованія и недоброжелательства.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

Содержаніе: Гл. 1. Силанъ, проконсулъ Азіи, коварно умерщвленъ ядомъ Агриппиною. Нарциссъ вынужденъ къ смерти.—2. Похвала Бурра и Сенеки.—3. Клавдію, вынось тѣла котораго былъ какъ цензора, государь говоритъ похвальное слово.—4. Хорошее начало Нерона; многое установлено по волѣ сената.—5. Достойныя мужчины запятія Агриппины.—6. Пары стремятся въ Арменію; разныя о Неронѣ сужденія народа.—7. Онъ принимаетъ на себя заботу войны. Пары теряютъ Арменію и надъ нею—8. сдѣланъ начальникомъ Корбуло.—9. Вологезъ даетъ заложниковъ. Неронъ улаживаетъ несогласія вождей.—10. Неронъ дѣйствуетъ какъ хорошій гражданинъ,—11. обнаруживаетъ милосердіе.—12. Любитъ Актенъ,—13 къ неудовольствію матери, потомъ тщет-

но подольщавшейся, но съ этого времени утратившей власть.—
14. Палласъ отпущеникъ уволенъ ото всѣхъ занятій общественными дѣлами. Агриппина начинаетъ грозить.—15—
17. Неронъ Британика умерщвляетъ быстро дѣйствующимъ ядомъ и торопится его похоронами.—18. Негодующую мать лишаетъ почетной стражи, начинаетъ жить врозь.—19.—22. Покинутая обвинена въ домогательствѣ переворота; оправдывается. Обвинители ея наказаны.—23. Доносы на Палласа и Бурра.—24. Театрамъ данъ видъ большой свободы. Въ городѣ перепись.—25. Ночныя шалости Нерона. Монтанъ, сошедшійся съ государемъ въ потьмахъ, вынужденъ умирать. Актеры изгнаны изъ Италіи.—26.—27. Предложено о возвращеніи въ рабство неблагодарныхъ отпущениковъ, но не прошло.—28. Трибуновъ и эдлей власть стѣснена.—29. Разнообразныя старанія о казначействѣ.—30.—31. Осужденія нѣсколькихъ знатныхъ лицъ. Л. Волузій умеръ своею смертію. Амфитеатръ Нерона. Начальствующимъ лицамъ запрещено давать игры.—32. Мѣры къ безопасности жизни господъ. Помпонія, Гречанка, обвиненная въ иноземномъ суевѣрїи, объявлена невинною;—33. виновными П. Целеръ, Коссутіанъ Капито, Епрїій Марцеллъ.—34. Мессала консулъ; щедрость Нерона.—35. Съ Парѣами снова раздоръ объ Арменїи. Дисциплина, доблесть и строгость Корбулона.—36. Пактїй Орфитъ, сразившійся вопреки приказанія и разбитый, получилъ повелѣніе удалиться за валь.—37. Тиридатъ войною тревожитъ Арменїю, отправляетъ пословъ къ Корбулону, — 38. а тотъ коварный замыселъ, приготовленный ему во время переговоровъ, отклоняетъ ловко.—39—41. Беретъ укрѣпленныя мѣста Арменїи, дѣлаетъ къ Артаксатѣ приступъ и, по удаленїи непрїятеля, беретъ и предаетъ пламени; почести за это Нерону и богамъ.—42. П. Сулліій подсудимый нападаетъ на Сенеку.—43. отправленъ въ ссылку.—44. Октавій въ безразсудной любви къ Сагиттѣ уклонявшася Понтія пронзаетъ мечемъ. Отпущеника удивительная вѣрность.

45. Неронъ начинаетъ любить Поппею Сабину. Ея родъ, наружность, богатства, супружества, любовникъ — 46. Чтобы удалить мужа ея Оттона, его дѣлають начальникомъ Лузитаніи. — 47. Корн. Сулла, подозрительный государю, отправленъ въ Массилію. — 48. Въ ПUTEОЛАХЪ возстановлено согласіе. — 49. Споръ о числѣ гладіаторовъ, которые должны были явиться на играхъ въ СИРАКУЗАХЪ. Мнѣніе Тразея Пета. — 50. Пошлины удержаны, несмотря на нападки Нерона. — 51. Положены мѣры несправедливости откупщиковъ. — 52. Подсудимые проконсулы оправданы. — 53. Л. Ветъ, черезъ посредство Мозеллы и Арара, готовится соединить Рейнъ съ океаномъ. Препятствуетъ недоброжелательство Элія Грациля. — 54. Фризійи тщетно пытаются поселиться на постоянное жительство возлѣ Рейна. — 55. Тѣже поля занимають Анзибары и участь ихъ такая же. — 56. Бойокала твердость. Анзибары уничтожены. — 57. Катты истреблены Гермундурами почти совершенно. Огонь, вырвавшійся изъ земли, съ трудомъ погашень. — 58. Руминальское фиговое дерево.

Все это дѣлалось въ теченіи четырехъ лѣтъ въ консульство: Императора Клавдія Нерона и Л. Антистія Витера, К. Волузія и П. Корнелія Сципіона, Императора Клавдія Нерона 2, Л. Кальпурнія Пизона, Императора Клавдія Нерона 3 и Валерія Мессалы.

1. При новомъ правленіи первая смерть была Юнія Силана, проконсула Азіи; безъ вѣдома Нерона совершена она коварствомъ Агриппины, не потому, чтобы онъ своею пылкостью ума подготовилъ себѣ гибель; безпечный, наскучилъ уже онъ властью всякаго рода до того, что К. Цезарь имѣлъ обыкновеніе его называть *золотою скотиною*. Но Агриппина, приготовившая убійство брата его Л. Силана, опасалась мстителя вслѣдствіе частыхъ въ народѣ толковъ: «необходимо бы предпочесть Нерону, «только что вышедшему изъ дѣтства, пріобрѣтшему власть преступленіемъ, человѣка уже возрастомъ пожилаго, добродѣтельной

«жизни, знатнаго рода и—въ то время еще на это обращали вниманіе—изъ потомковъ Цезаря» такъ какъ и Силанъ былъ правнукъ божественнаго Августа. Вотъ причина убійства. Исполнителями были П. Целеръ, всадникъ Римскій и Гелій, отпущенникъ, завѣдывавшіе частнымъ достояніемъ государя въ Азіи. Ими проконсулу данъ ядъ во время пиршества открытѣ, чѣмъ они могли бы кого обмануть, на этотъ счетъ. Не менѣе поспѣшно Нарциссъ, отпущенникъ Клавдія, о бранныхъ словахъ котораго противъ Агриппины я упоминалъ, суровымъ присмотромъ и крайнею нуждою доведенъ до смерти, противъ воли государя, котораго еще скрытымъ порокамъ, черезъ корыстолюбіе и расточительность онъ удивительно соотвѣтствовалъ.

2. Пошло бы дѣло на убійства, если бы не воспротивились Афраній Бурръ и Анней Сенека. Они, управлявшіе молодостью императора и—явленіе рѣдкое при сотовариществѣ власти—согласные между собою, въ разныхъ отрасляхъ одинаково имѣли силу—Бурръ попеченіемъ о войскѣ и строгою нравственностью, а Сенека—знаніемъ краснорѣчія и честною угодливостью: они содѣйствовали другъ другу какъ бы удобнѣе молодость столь скользкую государя, если онъ пренебрежетъ добродѣтелю, удержатъ въ предѣлахъ дозволенныхъ наслажденій. Борьба и тому и другому была одна—противъ жестокости Агриппины; она, цылая всеми страстями превратнаго честолюбія, имѣла сотрудникомъ Палланта, а онъ былъ виновникъ, что Клавдій кровосмѣсительнымъ бракомъ и зловреднымъ усыновленіемъ погубилъ самъ себя. Но умъ Нерона не былъ въ уровень съ рабскимъ и Палласъ, неумѣстною надменностью выйдя изъ предѣловъ, для отпущенника дозволенныхъ, былъ ему въ тягость. А явно осмѣяли ее всеми почестями и когда трибунъ, по военному обычаю просилъ лозунга, Неронъ далъ такой: «лучшей матери». Сенатомъ опредѣлены два ликтора; дано званіе Клавдіева фламینیя, а Клавдію назначены Цензорскіе похороны и вслѣдъ за тѣмъ посвященіе.

3. Въ день похоронъ государь началъ говорить ему похвальное слово. Пока онъ исчислялъ: древность рода, консульства и триумфы предковъ, то онъ и прочіе были внимательны. Припоминаніе его занятій изящными искусствами и того, что въ его правленіе дѣлу общественному извнѣ не приключилось никакого несчастія—выслушано охотно; но когда онъ свернулъ на мудрость и предусмотрительность, то никто не могъ удержаться

отъ смѣха, хотя рѣчь, сочиненная Сенекою, отличалась искусною обработкою; у него были способности пріятныя и соотвѣтствовавшія требованіямъ того времени. Замѣтили люди пожилые, которымъ довольно свободнаго времени сравнивать давно прошедшее съ настоящимъ, что Неронъ первый изъ тѣхъ, которые стояли во главѣ государства, имѣлъ надобность въ чужомъ краснорѣчіи. Цезарь Диктаторъ стоялъ наравнѣ съ лучшими ораторами; да и краснорѣчіе Августа было, какое надлежитъ имѣть государю—готовое и обильное. Тиберій тоже былъ силенъ въ искусствѣ выбирать слова или полныя смысла или умышленно неясныя. Даже смятенный умъ К. Цезаря не испортилъ его силы краснорѣчія. Да и въ Клавдіѣ, когда онъ говорилъ то, что обдумалъ, не было недостатка въ изяществѣ выраженій. Неронъ съ дѣтскихъ лѣтъ живой умъ—обратилъ на другое: лѣпить, рисовать, пѣть или управлять конями, а иногда сочиненіемъ стихотвореній обнаруживалъ, что и онъ не чуждъ началъ учености.

4. Затѣмъ совершивъ весь долгъ мнимой печали, онъ вошелъ въ курію и, предпославъ нѣсколько словъ о значеніи сенаторовъ и единодушій воиновъ, онъ припомнилъ: «совѣты и примѣры для него съ отличіемъ взятые за дѣло общественное. Молодое поколѣніе чуждо междуусобной войны и внутреннихъ несогласій: а отсутствіе раздраженія и неудовольствій условливаетъ и нежеланіе «казней». Тутъ онъ начерталъ правила будущаго правленія, то въ особенности отклоняя, что ненавистно было въ настоящемъ: «Не «будетъ онъ судьбою во всѣхъ дѣлахъ такъ, чтобы—при нахожденіи въ одномъ и томъ же домѣ и обвинителей и подсудимыхъ, «не распространялась власть немногихъ. Въ домашнемъ его кружкѣ не будетъ ничего продажнаго или такого, гдѣ бы личныя «искательства могли имѣть мѣсто: собственныя его дѣла будутъ «отдѣлены отъ общественныхъ. Пусть сенатъ исполняетъ свои старинныя обязанности; передъ трибуналами консуловъ пусть является «Италія и провинція государства. Они—консулы пусть даютъ до- «ступъ къ сенаторамъ, а онъ будетъ заботиться о вѣрныхъ ему «войскахъ». И не было недостатка въ искренности. Многое установлено по волѣ сената: «чтобы никто на защиту дѣлъ не былъ «нанимаемъ за плату или подарки; чтобы назначеннымъ въ квесторскую должность не было необходимости давать гладиаторскія «игры». И сенаторы настояли на этомъ, не смотря на противудѣйствіе Агриппины, жаловавшейся на ниспроверженіе будто бы «распоряженій Клавдія. Сенаторовъ затѣмъ и звали во дворецъ, что-

бы она имѣла возможность присутствовать за находившимися сзади дверьми покрытыми занавѣсомъ, такъ, что, не показываясь, можно было все слышать. Даже когда послы Армянъ излагали въ рѣчи передъ Нерономъ дѣло своего народа, Агриппина приготовилась взойдти на возвышеніе Императора и сѣсть съ нимъ вмѣстѣ. Всѣ растерялись отъ страха, только Сенека посовѣтовалъ ему—поспѣшить на встрѣчу идущей матери. Такимъ образомъ подъ видомъ почтительности предупреждено униженіе.

6. Въ концѣ года пришли безпокойные слухи, что прорвались снова Парѣи и оторвали Арменію, прогнавъ Радамиса; а тотъ не разъ то овладѣвалъ царствомъ, то бѣжалъ и на этотъ разъ оставилъ войну. А потому въ городѣ, жадномъ до всякаго рода толковъ, одни задавали вопросы: «какимъ образомъ государь, которому чуть исполнилось 17 лѣтъ, будетъ въ состояніи взяться за такое бремя и съ нимъ справиться? Какую помощь можно найти въ томъ, кѣмъ управляетъ женщина? Развѣ сраженія, осады городовъ и другія военныя дѣйствія могутъ быть совершаемы черезъ учителей?» А другіе имъ возражали: «лучшаго исхода надобно ждать, чѣмъ еслибы Клавдій, обезсилѣвшій отъ старости и бездѣйствія, призванъ былъ бы къ военнымъ трудамъ, повинаясь самъ рабскимъ приказаніямъ. Бурръ и Сенека извѣстны опытною во многихъ отрасляхъ дѣль. Да и императору сколько же не достаетъ до полного развитія силъ, когда принимали участіе въ междуусобныхъ войнахъ Кн. Помпей—восемнадцати, а Цезарь Октавіанъ—девятнадцати. Притомъ въ самихъ важныхъ дѣлахъ гораздо болѣе дѣлается счастіемъ и предусмотрительностью, чѣмъ оружіемъ и силою тѣлесною. Вотъ онъ, конечно, представитъ доказательство—честными ли онъ друзьями пользуется или нѣтъ—выберетъ ли онъ, отбросивъ зависть, вожда отличнаго или назначитъ по проскамъ богатаго деньгами и полагающагося на личную милость.»

7. Между тѣмъ какъ толковали такъ и въ этомъ родѣ, Неронъ приказываетъ: «молодежь, набранную по ближайшимъ провинціямъ, отправить на пополненіе Восточныхъ легионовъ и самыя легионы поставить поближе къ Арменіи. А двумъ стариннымъ царямъ—Агриппѣ и Антіоху, отправить войска, которыя бы сами вступили въ предѣлы Парѣевъ; а вмѣстѣ навели бы мосты на рѣкѣ Евфратѣ. Арменію малую поручаетъ Аристокбулу а страну—Софену Согеу со знаками царскаго достоинства». И явился во время со-

перникъ Вологезу—сынъ Варданъ и Парѳы удалились изъ Арменіи, какъ бы отложивъ войну.

8. А въ сенатѣ все прославлено въ большемъ размѣрѣ мнѣніями тѣхъ, которые опредѣлили: «благодарственное молебствіе и «на дни молебствій торжественную (тріумфальную) одежду государю «и входъ ему въ городъ съ почестями оваціи; статую ему (Неронъ) такой же величины какъ и Марса и въ томъ же храмѣ». Сверхъ обычной льстивости радовались, что Неронъ поручилъ удержаніе Арменіи Домицію—Корбулону, и повидимому открылось мѣсто добродѣтелямъ. Войска Востока раздѣлены такъ, что часть вспомогательныхъ войскъ съ двумя легіонами должна была остаться въ провинціи Сиріи, у намѣстника ея Квадрата Умидія. Ровное же число гражданъ и союзниковъ должно было находиться у Корбулона, съ присоединеніемъ когорты и другихъ зимовавшихъ въ Каппадокіи, а союзнымъ царямъ повелѣно повиноваться, насколько потребуетъ того война. Но усердіе ихъ было больше къ Корбулону. Онъ, желая удовлетворить молвѣ, имѣющей великое значеніе при началѣ предпріятій, совершивъ послѣдно переѣздъ, нашель у Егей, города Киликіи, вышедшаго къ нему на встрѣчу Квадрата съ цѣлю какъ бы Корбулонъ, если бы вошелъ въ Сирію для принятія войскъ не обратилъ на себя вниманія всѣхъ, громадный тѣломъ, величавый на словахъ и кромѣ мудрости и опытности, богатый и внѣшними, суетными достоинствами.

9. Впрочемъ и тотъ и другой черезъ посланцевъ предупреждали Вологеза: «предпочеть миръ войнѣ и, давъ заложниковъ, оставаться въ чувствахъ почтенія къ народу Римскому обычныхъ и «прежде». А Вологезъ—чтобы удобнѣе изготovitъ на войну, а, можетъ быть, съ цѣлю удалить подъ предлогомъ заложниковъ тѣхъ, кого подозрѣвалъ въ соперничествѣ, выдалъ знатнѣйшихъ изъ рода Арсакидовъ. Принялъ ихъ сотникъ Питеій, посланный Умидіемъ случайно по прежнему поводу, вслѣдствіе свиданія съ царемъ. Когда Корбулонъ узналъ объ этомъ, то приказалъ идти префекту когорты Аррію Вару и взять заложниковъ. Произошла перебранка между префектомъ и сотникомъ а, чтобы она не была долбе зрѣлищемъ чужимъ, то рѣшеніе дѣла предоставлено заложникамъ и посламъ, которые ихъ вели. Они, вслѣдствіе свѣжей славы и нѣкотораго расположенія самихъ непріятелей, избрали Корбулона. Вслѣдствіе этого раздоръ между вождями: Умидій жаловался, что воспользовались плодами его соображеній, а Корбулонъ напротивъ приводилъ какъ доказательство не въ пользу Умидія то, что царь

не прежде склонился дать заложниковъ, какъ когда онъ, будучи избранъ главнымъ начальникомъ войны, надежды его перемѣнилъ въ опасеніи. Неронъ, чтобы уладить несогласіе, приказалъ обнародовать: «за дѣла, счастливо совершенныя Квадратомъ и Корбулономъ, присоединить лавръ къ Императорскимъ цукамъ». Тутъ я изложилъ вмѣстѣ событія, которыя перешли во время управленія другихъ консуловъ.

10. Въ томъ же году Цезарь просилъ у сената—статую отцу своему Кн. Домицію и консульскія отличія Аспонію Лабеоу, который былъ у него опекуномъ; а отказался отъ статуй литыхъ, золотыхъ или серебряныхъ, которыя были ему предлагаемы. И хотя сенаторы опредѣлили было, чтобы начало года считалось съ декабря мѣсяца, въ которомъ родился Неронъ—но онъ оставилъ за январскими календами прежнее значеніе—начинать годъ. И неприятны подсудимыми: Каринасъ Целеръ, сенаторъ по обвиненію раба и Юлій Дензъ, всадническаго сословія, которому ставили въ вину расположеніе къ Британнику. Въ консульство Клавдія Нерона и Л. Антистія, когда должностныя лица давали присягу на дѣйствія государей, Неронъ не допустилъ чтобы Антистій, его сотоварищъ (консульства) далъ присягу на его дѣйствія. Сильно хвалили (этотъ поступокъ) сенаторы для того, чтобы юношескій умъ, поощряемый славою, хотя и въ малозначительныхъ дѣйствіяхъ, въ томъ же духѣ продолжалъ бы и въ большемъ размѣрѣ. Послѣдовала снисходительность къ Плевтію Латерану, котораго, за любовную съ Мессалиною связь удаленнаго изъ сословія (сенаторскаго) возвратилъ сенату, милосердіе свое, выставляя въ частыхъ рѣчахъ, которыя устами государя произносилъ Сенека, или въ доказательство какія честныя правила онъ ему внушалъ или для того, чтобы похвалиться изобрѣтательностью ума.

12. Впрочемъ мало по малу надломлено могущество матери, когда Неронъ низошелъ до любви къ отпущеницѣ, прозванной Акте, а дѣлалось это съ вѣдома Оттона и Клавдія Сенеціона, прекрасныхъ молодыхъ людей. Изъ нихъ Оттонъ происходилъ изъ консульскаго семейства, а Сенецію родился отъ отца отпущеника Цезаря. Сначала мать (Агриппина) не знала, а потомъ безъ успѣха противудѣйствовала, и Неронъ совершенно погрузился въ сладострастіе и тайныя двусмысленности. И болѣе суровые друзья государя не усиливались противъ этого, такъ какъ эта женщина (Акте) безъ обиды кого-либо удовлетворяла страсти государя. Тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ отвращеніе отъ Октавіи, женщины знатной родомъ и че-

стности испытанной или по волѣ судебъ или потому, что не дозволенное имѣеть болѣе силы. Съ другой стороны опасались какъ бы не прорвался бы онъ (Неронъ) на насилія женщинъ знатныхъ, если его воздержать отъ той страсти (къ Акте).

13. А Агриппина роптала: и соперница ей отпущеница, невѣсткою «раба», и другое въ этомъ родѣ, свойственное женщинѣ. И не дожидалась она, чтобы сынъ передумалъ или пресытился и чѣмъ она хуже его попрекала, тѣмъ подстрекала сильнѣе, и наконецъ—весь предавшись любви,—у матери отнялъ ея значеніе и передалъ Сенекѣ. Изъ его короткихъ знакомыхъ Анней Серенъ, притворною любовью къ той же отпущеницѣ, прикрывалъ первыя страстныя стремленія юноши и что государь тайкомъ давалъ женщинѣ, явно выдавалъ за изъявленіе своей щедрости. Тутъ Агриппина, перемѣнивъ образъ дѣйствія (тактику) лестью старалась дѣйствовать на молодаго человека; предлагала свое ложе и грудь для прикрытія того, чего требуютъ молодость и верховная власть. Сознавалась въ несвоевременной строгости и передавала всѣ свои богатства, которыя немного не равнялись съ императорскими; недавно доходя до крайностей въ обузданіи сына, теперь, на оборотъ, неумѣренно себя унижала. Такая перемѣна не обманула и Нерона, а ближайшіе изъ друзей высказывали свои опасенія и умоляли: «остерегаться коварства женщины, всегда жестокосердой, а на этотъ разъ и лживой». Случайно тѣми днями Цезарь, пересматривая дорогія вещи, которыми блистали жены и родныя государей, отобралъ платье и драгоценныя камни и послалъ въ даръ матери, безо всякой скупости предлагая первый и лучшее, и то что для другихъ составляло предметъ страстныхъ желаній. Но Агриппина высказала громко: «не этимъ показывается къ ней вниманіе, когда она отстранена ото всего прочаго и сынъ дѣлитъ съ нею то, что все имѣеть «по ея милости». Не было недостатка въ людяхъ, которые переносили еще въ худшемъ смыслѣ.

14. И Неронъ, враждебный тѣмъ, на кого опиралась женская надменность, удаляетъ Палланта отъ завѣдыванія дѣлами. Онъ, поставленный Клавдіемъ, былъ какъ бы распорядителемъ царства. И говорятъ, что Неронъ, когда Паллантъ уходилъ, сопровождаемый большою толпою слѣдовавшихъ за нимъ, не безъ остроумія сказалъ: «идетъ Паллантъ отрекаться отъ клятвы», Конечно Палласъ условился: «не подвергаться допросу ни за какое дѣло въ прошломъ и чтобы таковы же были его расчеты съ государствомъ». Послѣ того Агриппина, очертя голову, бросилась на за-

стращиванья и угрозы, и въ слухъ самаго государя говорила: «уже въ совершенныхъ лѣтахъ и Британникъ—истинная и достойная отрасль для принятія отцовской власти, которою пришелецъ «и усыновленный пользуется къ оскорбленію матери; не прочь она «отъ того, чтобы обнаружались всѣ бѣдствія несчастнаго семейства: «во первыхъ ея бракосочетаніе, потомъ отравленіе. Впрочемъ и «боги, и она имѣли попеченіе о томъ, чтобы живъ былъ пасынокъ. «Пойдетъ она съ нимъ въ лагеря. Пусть будетъ выслушена съ «одной стороны дочь Германика, съ другой низкій Бурръ и ссыль- «ный Сенека, отрубкомъ руки и учительскимъ языкомъ помогаю- «щія управленія надъ родомъ человѣческимъ». При этомъ под- «нимала она руки, не шадя бранныхъ словъ, призывала посвящен- «наго Клавдія, изъ ада тѣни Силановъ и столько бесплодныхъ преступленій.

15. Смущенъ былъ этимъ Неронъ и на слѣдующій день, въ который исполнилось Британнику 14 лѣтъ отъ рожденія, обдумывалъ онъ самъ съ собою то готовность матери на всякое насиліе, то характеръ Британника. А послѣдній узналъ недавно по ничтожному обстоятельству, которымъ, впрочемъ, онъ свискалъ общее расположеніе. Въ праздничные Сатурну дни, въ числѣ другихъ игръ съ сверстниками, въ игрѣ бросавшихъ жребій кому царствовать, досталось Нерону. Прочимъ отдавалъ онъ приказанія разныя и въ краску не вводившія, а Британнику отдалъ приказаніе: встать и, выступивъ на середину, начать какое-либо стихотвореніе, въ надеждѣ обратить это въ насмѣшку мальчика, незнакомаго съ обществомъ и трезвыхъ, а не говоря уже пьяныхъ. А тотъ (Британникъ) твердымъ голосомъ началъ стихотвореніе, въ которомъ высказывалъ: «что онъ лишенъ отцовскаго мѣста и верховной власти». Это вызвало состраданіе съ откровенностью тѣмъ больше, что ночь и веселое настроеніе духа не давали мѣста притворству. Неронъ, понявъ недоброжелательство, сталъ питать ненависть; а такъ какъ Агриппина приставала съ своими угрозами, то Неронъ не дерзая ни на какое преступленіе и на то, чтобы явно отдать приказаніе убить брата, покушается на тайное: приказываетъ приготовить ядъ чрезъ посредство Полліона Юлія, трибуна Престоріанской когорты, а его заботливости поручено было охраненіе осужденной за отравленія именемъ Локусти, извѣстной многими преступленіями. А уже давно приняты были мѣры, что всѣ лица, ближайшія къ Британнику ни во что ставили долгъ и обязанности. Сначала Британникъ принималъ ядъ отъ самихъ воспитателей, но онъ про-

шелъ разстройствомъ желудка, или не будучи достаточно силенъ или таково было его свойство, что онъ не тотчасъ обнаруживалъ всю свою жестокую силу. Но Неронъ не имѣлъ довольно терпѣнія для медленнаго преступленія, грозилъ трибуну и приказывалъ: «казнить отравительницу, такъ какъ они пока обращаютъ вниманіе «на толки, готовятъ какъ защищаться, замедляютъ безопасность». Вслѣдъ за этимъ обѣщали убійство такое скорое, какъ еслибы онъ былъ пронзенъ мечемъ. Подлѣ спальни Цезаря варятъ ядъ, самый быстрый изъ всѣхъ дотолѣ извѣстныхъ ядовъ.

16. Былъ обычай, чтобы дѣти государей съ прочими того же возраста знатными дѣтьми, сидя вмѣстѣ, въ виду родныхъ, пользовались отдѣльнымъ столомъ и не столь роскошнымъ. Тутъ когда обѣдалъ Британникъ — такъ какъ и пищу его и питье пробовалъ на вкусъ, выбранный для этой цѣли служитель, то чтобы и обычаемъ этимъ не пренебречь, и преступленіе не обнаружилось бы смертью того и другаго, придумана такая хитрость. Еще не отравленное и отвѣданное на вкусъ, но прегорячее питье подано Британнику; и когда онъ отъ этаго кипятку обнаружилъ отвращеніе, то въ холодной водѣ данъ ядъ и онъ такъ быстро поразилъ всѣ его члены, что разомъ отнялись у него и голосъ и дыханіе. Сидѣвшіе около трепетали, а испуганные нечаянностью даже убѣжали. А тѣ, у кого понятія было побольше, оставались, внимательно смотря на Нерона. Онъ какъ возлежалъ будто бы ничего не зная, сказалъ: «это явленіе обыкновенное, «вслѣдствіе падучей болѣзни, которой съ ранняго дѣтства, стра- «даетъ Британникъ и мало по малу возвратится къ нему и зрѣ- «ніе и чувства.» Агриппина, какъ не скрывала выраженіе лица, обнаружила такой страхъ и такое оцѣпененіе ума, что ясно было, что она настолько же не знала этого, насколько и Октавія, сестра Британника; она понимала, что у ней отнято послѣднее средство помощи и что это примѣръ отцеубійства. Да и Октавія какъ ни была еще неопытна годами, научилась скрывать скорбь, любовь и вообще всѣ чувства.

17. Такимъ образомъ, послѣ непродолжительной тишины, возобновилось веселіе пиршества. Одна и таже ночь соединила и смерть Британника, и его костеръ; заранѣе приготовлено было все для похоронъ, и притомъ очень скромно. Впрочемъ погребенъ Британникъ на Марсовомъ полѣ при погодѣ столь ненастной, что народъ былъ увѣренъ въ негодованіи боговъ на такое преступленіе. А его прощали и большинство людей, принимавшихъ въ

соображеніе старинныя несогласія братьевъ и невозможность совмѣстнаго управленія. Большинство писателей того времени передаетъ, что, за нѣсколько дней до смерти Британника, Неронъ не разъ воспользовался его невинностью, какъ будто бы уже и такъ не была преждевременною и жестокою смерть Британника, среди святыни пиршества, даже не давъ срока обнять сестру, въ глазахъ его врага совершенная надъ этимъ послѣднимъ потомкомъ крови Клавдіевъ, если онъ не былъ прежде опозоренъ насиліемъ, чѣмъ сдѣлался жертвою яда. Поспѣшность похоронъ защитилъ Цезарь эдиктомъ (указомъ)—сылаясь на установленія предковъ: «устранять отъ глазъ печальную церемонію и не задерживать похвальными словами или пышностью. Впрочемъ и «ему, утративъ содѣйствіе брата, остаются надежды только въ «государствѣ. И тѣмъ болѣе и сенату и народу надлежитъ имѣть «расположенія къ государю, одному оставшемуся въ живыхъ изъ «семейства, рожденнаго для высшей власти». Велѣдъ за тѣмъ онъ осыпаетъ щедрыми дарами сильнѣйшихъ изъ своихъ друзей. Нашлись и такіе, которые уличали людей, хвалившихся умѣренностью въ томъ, что они раздѣлили въ то время дома, виллы какъ бы добычу. А другіе полагали, что они поставлены въ эту необходимость государемъ, сознававшимъ за собою преступленіе и надѣявшимся на прощеніе, если подкупомъ привяжетъ всѣхъ, кто посиленѣе. А раздраженіе матери не смягчалось никакими самыми щедрыми подарками; она обратила всю любовь на Октавію, съ друзьями имѣла частые тайныя переговоры и при своемъ природномъ корыстолюбіи, она со всѣхъ сторонъ старалась захватить деньги, какъ бы готова средства. Ласково принимала трибуновъ и сотниковъ; почетно обращалась съ именами и доблестями знатныхъ родовъ, какіе еще въ то время оставались, какъ будто бы отыскивала вождя и составляла партію. Узналъ объ этомъ Неронъ и отдалъ приказаніе, чтобы удалились отъ нея военные караулы, которые, какъ прежде, были при женѣ императора, такъ теперь оставались при его матери и Германцамъ, которые были прибавлены стражами сверхъ обычной почести. А для того, чтобы ее не посѣщала толпа приходящихъ съ привѣтствіемъ, отдѣляетъ дома и мать переводить въ тотъ, что былъ Антоніи. Каждый разъ, какъ самъ туда приходилъ, былъ окруженъ толпою сотниковъ и послѣ короткаго поцѣлуя удалялся. Изъ обстоятельствъ человѣческихъ нѣтъ ничего столь непрочнаго и непостояннаго какъ слава могущества, на собственной силѣ неоснованнаго. Тот-

часъ же оуетѣль порогъ Агриппины. Никто не утѣшалъ, никто не приходилъ, кромѣ немногихъ женщинъ, неизвѣстно и то, по расположенію ли, или по недоброжелательству. Въ числѣ ихъ находилась Юнія Силана, которую, какъ я говорилъ выше, развела Мессалина съ ея мужемъ К. Силіемъ, она обращала общее вниманіе знатностью рода, красотою и легкимъ поведеніемъ. Долго была она очень дорога Агриппинѣ; но потомъ открылись между ними тайныя неудовольствія за то, что Агриппина отвлекла отъ брака съ Силаною Секстія Африкана, знатнаго молодого человѣка, говоря, что она и безстыдна, и лѣтъ уже не молодыхъ. И это не съ тѣмъ, чтобы для себя приберечь Африкана, но чтобы Силана оставалась одинокою и богатства ея не перешли къ мужу. Та, при представившейся надеждѣ отомстить, приготовляетъ обвинителей изъ своихъ кліентовъ—Итурія и Кальвизія, приводя нестарое и не разъ уже слышанное: «будто бы Агриппина оплакиваетъ смерть Британника и распускаетъ слухи о томъ какъ обижена Октавія»; но то: «будто бы она рѣшила Рубеллія Плавта, по матери равнаго происхожденіемъ и степенью рода «отъ божественнаго Августа и Неронамъ, поставить посредствомъ «переворота во главѣ государства и бракомъ съ нимъ обезпечить «за собою снова верховную власть». Итурій и Кальвизій открываютъ это Атиму, отпущеннику Домиціи, тетки по отцу Нерона. А тотъ, радуясь представившемуся случаю (такъ какъ между Агриппиною и Домиціею постоянно были соперничество и непріятности) Париса Гистріона (актера), тоже отпущенника Домиціи, побуждаетъ идти тотчасъ же и обвиненіе представить въ самомъ страшномъ видѣ. Уже много было ночи—а Неронъ проводилъ ее въ пьянствѣ, какъ вошелъ Парисъ, но онъ обыкновенно и въ такое время присматривалъ за наслажденіями государя. На этотъ разъ принялъ онъ видъ весьма печальный, и изложивъ порядкомъ доносъ, до того испугалъ слушавшаго его Нерона, что онъ рѣшилъ не только предать смерти мать Плавта, но и Бурра лишить префектуры, какъ человѣка, выдвинувшагося впередъ милостью Агриппины и ей обязаннаго. Фабій Рустипъ сообщаетъ, что уже была написана записка къ Цецинію Туску, въ которой ему поручаемо было попеченіе о преторіанскихъ когортахъ, но содѣйствіемъ Сенеки эта почестъ осталась за Бурромъ. Плиній Клувій говорятъ, что о вѣрности префекта не было никакого сомнѣнія. Конечно Фабій имѣетъ наклонность хвалить Сенеку, дружбою котораго процвѣлъ. А мы слѣдовали болѣе согласному мнѣнію авторовъ изъ пе-

редавшихъ различныя и приволимъ ихъ, именуя каждаго. Оробѣвшій Неронъ, жаждавшій убійства матери, не прежде могъ отложить его, какъ Бурръ обѣщаль предать ее смерти, если будетъ уличена въ преступленія: «но каждому, а тѣмъ больше родителямъ, надобно дать возможность защищаться. Да и обвинителей «нѣтъ, но слышится единственный голосъ изъ враждебнаго дому. «Пусть дастъ пройти потемкамъ и ночи проведенной безъ сна въ «пиршествѣ, когда все неразлучно съ невѣдѣніемъ и неосмотритель- «ностію». Такъ успокоены опасенія государя, а съ наступленіемъ дня отправляются къ Агриппинѣ—ознакомить ее съ обвиненіемъ для того, чтобы она или опровергла или понесла бы должную казнь. Бурръ исполнялъ это порученіе передъ Сенекою; присутствовали и изъ отпущенниковъ свидѣтели объясненія. Бурръ, изложивъ сущность обвиненія и его виновниковъ, говорилъ съ угрозою. Агриппина, вѣрная своему неукротимому характеру, отвѣтила: «не удив- «ляюсь, что Силана, не родивъ никогда дѣтей, совершенно незна- «кома съ чувствами матери. Родители не мѣняютъ дѣтей такъ, «какъ безстыдныя женщины любовниковъ. И если Итурій и Каль- «визій, промотавъ все свое состояніе, стараются заплатить старухѣ «послѣднимъ содѣяніемъ, взявъ на себя обвиненіе, то не слѣдуетъ «ни мнѣ навлекать на себя безславіе дѣтоубійства, ни Цезарю со- «вершить убійство надъ матерью. Враждѣ Домиціи простила бы я «охотно, если бы она соревновала мнѣ въ расположеніи къ Неро- «ну, а теперь черезъ наложника Атимета и агтера Париса какъ «бы сочиняетъ сценическіе вымыслы. Она украшала свои Байскіе «садки въ то время: когда моими усиліями подготовлены были усы- «новленіе, права проконсула, назначеніе въ консулы и прочее что «нужно было для пріобрѣтенія верховной власти. Пусть явится кто «уличилъ бы меня въ покушеніяхъ на когортѣ въ городѣ, въ при- «зывѣ провинцій къ нарушенію вѣрности, наконецъ въ подкупѣ «рабовъ или отпущенниковъ на преступленіе! Могла бы я оста- «ваться жива, если бы Британникъ сдѣлался главою государства? «Да и если бы Плавтъ или кто другой овладѣлъ бы государ- «ствомъ и сталъ бы судить, то у меня ли будетъ недостатокъ въ «обвинителяхъ, которые поставятъ мнѣ въ вину невыравшіяся кой «когда неосторожно слова любви неумѣренной, а такія преступле- «нія, въ которыхъ оправданія могу я ждать развѣ только отъ сына?» Тронуты были присутствующіе и уже сами стали успокоивать взволнованную Агриппину. Она требуетъ свиданія съ сыномъ и во время его ни слова о невинности—это показало бы какъ бы сомнѣ-

ніе въ себѣ, ни о благодареніяхъ—какъ бы не попрекнуть, но добилась наказанія доносчикамъ и награды друзьямъ.

22. Завѣдываніе продовольствіемъ поручено Фенію Руфу; надзоръ за играми, которыя готовилъ Цезарь—Арунцію Стеллѣ; управленіе Египтомъ—К. Вольбиллу. Сирія назначена П. Антею, по, подъ разными предлогами, его задерживали и наконецъ оставили въ городѣ. Силана отправлена въ ссылку; Кальвизій и Итурій также. Атиметъ казненъ, а Парисъ слишкомъ былъ нуженъ для страстей государя, чтобы понести наказаніе. О Плавтѣ на этотъ разъ промолчали.

23. Затѣмъ послѣдовалъ доносъ: «согласились за одно Палласъ и Бурръ—призвать къ верховной власти Корнелія Суллу, «знатнаго происхожденія, находившагося въ свойствѣ съ Клавдіемъ, такъ какъ черезъ бракъ былъ зятемъ Антоніи. Виновникомъ этого обвиненія явился какой то Петъ, извѣстный публичными продажами при казнохранилищѣ, а въ то время явно обличавшій свое тщеславіе. И не на столько пріятна была невинность Палланта, какъ тяжка его гордость. Онъ, когда названы были его отщепенники, которыхъ будто бы имѣлъ «онъ соучастниками, отвѣчалъ: я у себя дома свою волю не обнаруживаю иначе, какъ мановеніемъ головы или руки, а если нужно высказать что нибудь побольше, то выражалъ на письмѣ «для того, чтобы не имѣть общенія словъ (голоса).» Бурръ, хотя обвиняемый, говорилъ свое мнѣніе сидя между судей. Постановлено обвинителя сослать, а таблицы (списки) сожжены, которыми онъ выводилъ наружу долги казначейству, отъ времени уже стиравшіеся.

24. Въ концѣ года когорта, стоявшая обыкновенно на караулѣ во время игръ, уведена, чтобы дать болѣе подобія свободѣ и чтобы воины, не участвуя въ театральномъ своеволіи, оставались бы недоступными порчѣ, а народъ представилъ бы доказательства: можетъ ли онъ скромно себя вести, съ удаленіемъ стражей. Государь произвелъ очищеніе городу вслѣдствіе отвѣта гадателей по птицамъ и того, что храмы Юпитера и Минервы были тронуты небеснымъ огнемъ.

25. Въ консульство К. Волузія и П. Сципіона извнѣ было спокойно, а внутри (государства) господствовалъ гнусный развратъ. Неронъ скитался по улицамъ Рима, заходилъ въ бордели и трактиры, скрываясь подъ одеждою раба, чтобы его не узнали. Его сопровождавшіе похищали предметы, выставленные для

продажи и наносили раны тѣмъ, которые встрѣчались; и, при совершенномъ невѣдѣніи, ихъ принималъ удары и слѣды ихъ оставались на лицѣ. Потомъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что это Цезарь такъ прогуливается и все чаще и чаще дѣлались оскорбленія противъ знатныхъ мужчинъ и женщинъ, а нѣкоторые—какъ разъ допущено было такое своеволие подъ именемъ Нерона,—безнаказанно совершали тоже самое съ своими шайками и ночь проходила какъ бы во взятомъ непріателемъ городѣ. Юлій Монтанъ, сенаторскаго сословія, но еще не домогавшійся никакихъ почетныхъ мѣстъ, сошедшій случайно въ потемкахъ съ государемъ, такъ какъ силою рѣзко отбилъ его нападеніе, а потомъ, узнавъ его, обратился къ нему съ мольбою, которая была какъ бы вмѣсто упрека, вынужденъ умереть. А Неронъ, ставъ побоязливымъ на будущее время, окружилъ себя воинами и большимъ числомъ гладіаторовъ; они должны были допускать начало ссоръ умѣренное и какъ бы частное дѣло (т. е. не вмѣшиваться); а если оскорбленные нападали сильнѣе, то должны были дѣйствовать оружіемъ. Свободу игръ обратилъ какъ бы въ сраженія между (поклонниками) благопріятелями актеровъ безнаказанностью и наградами, а самъ былъ скрытымъ и большею частью тутъ же смотрѣлъ, пока, вслѣдствіе раздора въ народѣ и изъ опасенія болѣе серьезнаго волненія, не нашлось другаго средства помочь бѣдѣ, какъ актеровъ изгнать изъ Италіи и войны опять стали присутствовать въ театрѣ.

26. Около того же времени толковали въ сенатѣ объ обменахъ, дѣлаемыхъ отпущенниками и высказано желаніе: «чтобы «ихъ господамъ (хозяевамъ) было предоставлено право отнимать «свободу у тѣхъ, которые служатъ недобросовѣстно.» И не было недостатка въ людяхъ, въ пользу этого подававшихъ мнѣнія; но консулы, не смѣя, безъ вѣдома государя, начинать докладъ, изложили впрочемъ на письмѣ единодушное мнѣніе сената. Пусть отъ него, государя, будетъ исходить это мнѣніе, такъ какъ немного находилось ему противниковъ. Нѣкоторые высказывали неудовольствіе, что непочтеніе, какъ послѣдствіе свободы, достигло до того: «что неизвѣстно стало—силою ли или на равныхъ съ хозяевами правахъ они дѣйствуютъ, спрашиваютъ ли «они (отпущенники) ихъ (хозяевъ) о ихъ мнѣніи, или сами уже «съ своей стороны грозятъ имъ побоями и вынуждая какъ бы «оставлять ихъ вину безнаказанною. Что же другое предоставлено ихъ оскорбленному господину, какъ только сослать отпу-

«щенника за двадцатый милевой камень, на границу Кампаніи? «Всѣ другія отношенія смѣшаны и одинаковы. Нужно же пре- «доставить такое средство обороны, которымъ пренебрегать было «бы невозможно. Да и для вольноотпущенныхъ какое же при- «тѣсненіе—тою же услужливостью удержать свободу, какую они «ее приобрѣли? А явно провинившихся не стоитъ ли вполнѣ «обращать въ рабство, чтобы хоть страхомъ сдержатъ людей, «на которыхъ и благодѣяніе не могло подѣйствовать.» Съ дру- «гой стороны утверждали: «вина немногихъ должна обращаться «въ пагубу только имъ, а нисколько не должна уменьшать пра- «ва всѣхъ, такъ какъ это сословіе широко распространилось. «Изъ нихъ составлены большая часть трибъ. (Прим. такъ на- «зывалось отдѣленіе Римскаго народа; сначала ихъ было 3, а «потомъ сдѣлалось 35; 31 назывались сельскими, а 4—город- «скими), декурій (собственно: отдѣленіе по 10 человекъ) по- «мощниковъ должностныхъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ, даже «когорты набранныя въ городѣ. Большая часть всадниковъ и «сенаторовъ имѣютъ не иное происхожденіе. Если отдѣлить от- «пущенниковъ, то обнаружится малочисленность лицъ благород- «наго происхожденія. Не даромъ же предки, раздѣляя сословія «по ихъ значенію, вольность постановили общимъ для всѣхъ «правомъ. Да и отпущенія на волю установлены два способа, «съ цѣлью открыть возможность передумать или увеличить бла- «годѣяніе и тѣ, которые отпущены на волю господиномъ безъ «участія общественной власти, остаются какъ бы прикрѣпленны- «ми узами рабства. Пусть же каждый разсматриваетъ заслуги и, «только обдумавши, зрѣло допускаетъ то, что, давъ разъ, на- «задъ взять уже не можетъ.» Это послѣднее мнѣніе имѣло бо- «лѣе силы и Цезарь написалъ сенату: «пусть они частнымъ об- «разомъ обсуживаютъ дѣла отпущенниковъ каждый разъ какъ они «будутъ обвиняемы ихъ господами, а въ общемъ пусть ничего не «измѣняютъ». Немного времени спустя отнять у тетки (Нерона) отпущенникъ Парисъ какъ будто бы въ силу гражданскаго пра- «ва, не безъ стыда для государя, по приказанію котораго сдѣ- «ланъ былъ приговоръ о его благородномъ (будто бы) происхо- «жденіи.

28. Оставлялось еще что то похожее на общественное управ- «леніе дѣлами. Такъ на примѣръ между преторомъ Вибулліемъ и «трибуномъ народнымъ Антистіемъ произошелъ споръ за то не «знавшихъ мѣры благопріятелей актеровъ (Гистріоновъ), кото-
*

рыхъ преторъ велѣлъ вестъ въ тюрьму, трибунъ приказалъ отпустить. Сенаторы одобрили дѣйствіе претора, а Антистію сдѣлали выговоръ за самоуправство. Въмѣстѣ съ тѣмъ запрещено трибунамъ: «предвосхищать право преторовъ и консуловъ или «звать изъ Италіи тѣхъ, съ кѣмъ можно дѣйствовать закономъ.» Л. Пизонъ, назначенный консулъ, присовокупилъ: «что «бы они у себя дома не дѣлали ничего по должности; а штрафъ, «ими назначенный, квесторы казначейства пусть не вносятъ въ «общественные списки ранѣе четырехъ мѣсяцевъ и въ этотъ про«межутокъ можно противъ него спорить и консулы пусть рѣ«шаютъ эти споры.» Ограничена тѣснѣе и власть эділей и по«становлено: «какъ велико поручительство должны брать куруль«ные эдили, и какое илебейскіе и какіе налагать штрафы. «Вслѣдствіе этого Гельвидій Прискъ, трибунъ народный, про«тивъ Обультропія Сабина, квестора казначейства имѣлъ споръ «отъ своего лица, такъ какъ тотъ право публичной продажи не«милосердно усиливаетъ будто бы въ отношеніи къ людямъ не«достаточнымъ.» Затѣмъ государь завѣдываніе общественными расчетами отъ квесторовъ перенесъ къ префектамъ.

29. Исполненіе этого дѣла понималось различно и часто измѣнялось: такъ Августъ предоставилъ сенату выбирать префектовъ; потомъ, такъ какъ вкралось подозрѣніе въ пристрастіи голосовъ, то стали назначать ихъ по жеребью изъ числа преторовъ для главнаго управленія, но и это оставалось недолго, потому что жребій сталъ склоняться въ пользу мало способныхъ. Тогда Клавдій опять поставилъ квесторовъ и имъ, какъ бы они изъ опасенія оскорбленій не отправляли бы нерадиво свою должность, предоставилъ почести внѣ порядка. Но недоставало зрѣлаго возраста, такъ какъ этой должности всего прежде добивались. Вслѣдствіе этого Неронъ избралъ уже бывшихъ преторами и опытомъ дѣла одобренныхъ.

30. При тѣхъ же консулахъ осужденъ Випсаній Ленасъ «за «жадность при управленіи Сардиніею провинціею.» Цестій Прокуль оправданъ въ вымогательствахъ, такъ какъ сами обвинители отступились (отъ обвиненія.) Клодій Квириналисъ осужденіе въ томъ, что: «будучи начальникомъ гребцовъ, находивших«ся въ Ровеннѣ, Италію, какъ будто самую послѣднюю изъ «странъ осквернилъ своимъ сладострастіемъ и жестокостью»—предупредилъ принятіемъ яда. К. Аминій Ребилъ, одинъ изъ первыхъ въ знаніи законовъ и количествомъ денегъ, избѣгъ бѣд-

ственныхъ страданій старости, выпустивъ кровь изъ жилъ. Не вѣрили, чтобы у него достало твердости принять смерть, такъ какъ онъ имѣлъ худую славу чловѣка женски преданнаго страстямъ. А Л. Волузій умеръ съ отличною славою; онъ прожилъ девяносто три года, посвятивъ особенное усиліе честнымъ занятіямъ и безобидно пережилъ злость столькихъ императоровъ. Въ консульство Нерона второй разъ и Л. Пизона случилось небольшое достойное памяти, развѣ кому захочется наполнить книгу, превознося похвалами основанія и связи, на какихъ Цезарь воздвигъ громадный амфитеатръ на Марсовомъ полѣ; такъ какъ признано соотвѣтственнымъ достоинству народа Римскаго—замѣчательныя событія излагать въ лѣтописяхъ, а такія (какъ о чемъ сказали выше) въ дневныхъ запискахъ (протоколахъ) города. Между прочимъ поселенія—Капуя и Нуцерія упрочены прибавленіемъ заслуженныхъ солдатъ: черни данъ на чловѣка подарокъ по 400 денегъ, а сорокъ милліоновъ сестерцій внесено въ казначейство въ обезпеченіе общенароднаго довѣрія (кредита). Отмѣнена пошлина пятой и двадцатой части съ товаровъ, больше видимая, чѣмъ дѣйствительная, такъ какъ, хотя продавцу приказано было платить, но настолько же увеличивалась цѣна предмета для покупателя. Цезарь издалъ указъ: чтобы никто изъ должностныхъ лицъ и правителей (прокураторовъ), которому достанется провинція, не давалъ бы зрѣлищъ гладіаторовъ или звѣрей и вообще никакихъ. «А прежде эта ихъ щедрость была для ихъ подвластныхъ неменѣе тяжела какъ и вымогательство денегъ, такъ какъ они всѣ грѣхи своего произвола старались прикрыть угодливостью народу.»

32. Состоялось сенатское опредѣленіе, вмѣстѣ для возмездія и общей безопасности, такое: «если кто будетъ убитъ своими рабами, то и тѣ, которые будучи отпущены на волю по духовному завѣщанію были, въ то время, подъ одною съ убитымъ кровлею, должны быть казнены вмѣстѣ съ рабами.» Возвращенъ сословію (сенаторскому) Л. Варій, бывший консулъ, подвергнутый когда то наказанію по обвиненію въ корыстолюбіи. Помпонія Грецина, женщина знатная, вышедшая за мужъ за Плавтія, который вернулся изъ Британніи съ почестями оваціи, обвиненная въ иноземномъ суевѣріи, предоставлена сужденію мужа. Тотъ, по древнему обычаю, передъ родственниками, произвелъ изслѣдованіе о жизни и чести жены и призналъ ее невиновною. Долго жила эта Помпонія, но въ постоянной печали. Она, послѣ

того, какъ Юлія, дочь Друза, была умерщвлена коварствомъ Мессалины, въ продолженіи сорока лѣтъ не снимала съ себя траурнаго платья и всегда была грустна. И это ей при владычествѣ Клавдія оставалось безнаказаннымъ, а потомъ обратилось къ славѣ.

33. Этотъ же годъ имѣлъ весьма много подсудимыхъ; изъ нихъ П. Целера, котораго обвиняла Азія, Цезарь, не имѣя возможности оправдать, дѣло тянулъ пока онъ умеръ, такъ какъ Целерь, убивъ—о чемъ я упоминалъ—проконсула Силана, громадностью преступленія прикрывалъ прочія злодѣйства. Киликійцы обвинили Коссуціана Капитона, какъ челоуѣка гнуснаго и позорнаго, считавшаго себя вправѣ и въ провинціи дѣйствовать также дерзко какъ въ городѣ. «Поражаемый упорнымъ обвиненіемъ, наконецъ пересталъ защищаться и осужденъ за взятки. «За Епрія Марцелла, отъ котораго Ликійцы отыскивали свою «собственность, до того имѣли силу интриги, что нѣкоторые изъ «его обвинителей осуждены въ ссылку, яко бы они невиннаго «подвергали опасности.»

34. Неронъ былъ въ третій разъ консуломъ и вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ консульство Валерій Мессала; немногіе уже изъ стариковъ могли припомнить, что его прадѣдъ, ораторъ Карвинъ, былъ товарищемъ въ той же должности (консульствѣ) божественному Августу, прадѣду Нерона; но честь благороднаго семейства получила приращеніе, такъ какъ ежегодно отпускаемо было по 50 милліоновъ сестерцій, которыми Массалла долженъ былъ поддерживать свою честную бѣдность. Аврелію Коттѣ и Гатерію Антонію государь опредѣлилъ ежегодное денежное жалованье, хотя они черезъ роскошь утратили состояніе предковъ. Въ началѣ года, война между Парсами и Римлянами о томъ, кому владѣть Арменією, сначала тянувшаяся медленно и вяло, принимаетъ характеръ болѣе живой, такъ какъ и Вологезъ не хотѣлъ допустить, чтобы братъ его, Тиридатъ, лишенъ былъ даннаго имъ царства или имѣлъ его какъ даръ чужеземнаго властителя, а Корбулонъ считалъ достойнымъ величія народа Римскаго взять обратно (у непріятеля) пріобрѣтенное нѣкогда Лукулломъ и Помпеемъ. Къ тому же Армяне сомнительной вѣрности приглашали войско и то и другое, положеніемъ ихъ страны, сходствомъ правовъ болѣе близкіе къ Парсамъ, съ которыми у нихъ были взаимныя брачныя связи; съ вольностью незнакомые, они были склонны болѣе къ рабству. Корбулону пришлось бороться съ большимъ трудомъ противъ безопасности войновъ,

чѣмъ противъ коварства непріятелей. Передвинутые изъ Сиріи легіоны, облѣнившіеся вслѣдствіе продолжительнаго спокойствія, съ величайшимъ трудомъ переносили обязанности Римскихъ воиновъ. Довольно вѣрно, что въ этомъ войскѣ находились (встераны) заслуженные воины, которые не стояли ни на постахъ, ни на караулахъ, а на валъ и ровъ смотрѣли какъ на что новое и чудное; безъ мечей, безъ панцирей, щеголеватые и имѣя въ мысляхъ одно пріобрѣтеніе, такъ какъ вся служба ихъ исполняема была по городамъ. А потому отпустивъ тѣхъ, которыхъ преклонныя лѣта или слабость здоровья не соотвѣтствовали службѣ, просилъ пополненія. По Галатіи и Каппадокіи произведенъ наборъ и присоединенъ легіонъ изъ Германіи съ союзными всадниками и пѣхотою когортъ. Все войско оставлено подъ кожами (въ палаткахъ), хотя зима была до того жестока, что на покрытой льдомъ палатокъ ставить было невозможно иначе, какъ вырывавъ землю. У многихъ члены поражены холодомъ, и нѣкоторые на караулахъ померли. Замѣчательно, что у воина, несшаго связку дровъ, руки до того оконечили, что пристали къ нимъ и вмѣстѣ съ ними отвалились. А самъ—вождь, въ одеждѣ легкой, съ непокрытою головою, часто находился на походѣ, во время производства работъ съ похвалою для дѣятельныхъ, съ утѣшеніемъ для слабыхъ, а всемъ служба примѣромъ. А какъ вслѣдствіе этого многіе тяготились суровостью климата и службы и оставляли ее, то средство помочь этому нашлось въ строгости. И не такъ какъ въ другихъ войскахъ первый и второй проступокъ покрывались прощеніемъ, но кто только оставлялъ значки, немедленно платился за это отсѣченіемъ головы. И на опытѣ это оказалось полезнымъ и лучшимъ чѣмъ снисхожденіе, такъ какъ гораздо меньше воиновъ дезертировъ оказалось въ этихъ лагеряхъ, чѣмъ въ тѣхъ, въ которыхъ прощаемо было.

36. Между тѣмъ Корбулонъ, держа легіоны внутри лагерей, пока наступитъ совершенная весна, расположивъ по удобнымъ мѣстамъ вспомогательныя когорты, запретилъ первымъ начинать сраженіе. Заботу о передовыхъ отрядахъ поручаетъ Пактію Орфиту, съ честью совершившему службу въ первыхъ рядахъ. Хотя онъ и написалъ (Корбулону) что дикари не берутъ никакихъ мѣръ осторожности и что представляется удобный случай дѣйствовать съ успѣхомъ, но получаетъ приказаніе: «оставаться въ укрѣпленіяхъ и дожидаться большихъ войскъ». Нарушивъ приказаніе по прибытіи немногихъ отрядовъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, а воины по своей неопытности требовали сраженія, онъ схватился съ

непріятелемъ и потерѣлъ пораженіе. Приведенные въ ужасъ его бѣдою и тѣ, которые долженствовали подать ему помощь, возвратились все въ лагери бѣгомъ и въ тревогѣ. Корбулонъ принялъ это весьма сурово: Пактію сдѣлалъ выговоръ, а префектамъ и воинамъ велѣлъ всемъ удалиться за валъ. И оставались они въ такомъ позорѣ, пока не прощены, по просьбамъ всего войска.

37. А Тиридатъ кромѣ собственныхъ силъ, получивъ пособіе отъ брата Вологеза уже не тайно, но явно сталъ тѣснить войною Арменію, раззоряя тѣхъ, о которыхъ полагалъ, что они намъ вѣрны, а какъ только выводимы были противъ него войска, онъ уклонялся, вертѣлся туда и сюда, страдая болѣе слухами, чѣмъ силою оружія. Вслѣдствіе этого Корбулонъ долго домогался сраженія, но обманувшись въ ожиданіи, по примѣру непріятеля вынужденъ былъ распространить кругъ военныхъ дѣйствій, раздѣлилъ силы съ тѣмъ, чтобы легаты и префекты разомъ въ различныхъ мѣстахъ произвели нападеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаетъ онъ царя Антіоха устремиться на ближайшія къ нему префектуры. Такъ какъ Фаразманъ, убивъ сына Радамиста, какъ будтобы измѣнника, за то что онъ объяснялся намъ въ вѣрности, тѣмъ съ большимъ усердіемъ, давалъ полный разгулъ своей ненависти противъ Армянъ. Такимъ образомъ соображенія Тиридата дѣлились въ двѣ противоположныя стороны, Отправилъ онъ пословъ—жаловаться отъ его имени и Парвовъ: «зачѣмъ, когда недавно даны заложники и обновленъ союзъ дружбы, долженствовавшій открыть мѣсто новымъ взаимнымъ услугамъ, его выживаютъ изъ давнишняго владѣнія Арменію? Оттого до сихъ поръ еще самъ Вологезъ не трогался, что Римляне предпочитаютъ дѣйствовать переговорами, чѣмъ силою. Если же они будутъ упорствовать въ открытой непріязни, но Арзакиды не обнаружатъ недостатка въ доблести и въ содѣйствіи счастья довольно часто уже доказаннаго пораженіемъ Римлянъ». На это Корбулонъ, знавшій хорошо, что Вологезъ задерживаетъ отпаденіе Гирканіи, убѣждаетъ Тиридата: «стараться подѣйствовать на Цезаря просьбами; можетъ онъ обезпечить себѣ и прочность царства и чуждое кровопролитія управленіе, если, оставивъ надежды позднія и дальнія, предпочтетъ послѣдовать за тѣмъ что лучше и существеннѣе».

38. Затѣмъ постановлено: такъ какъ взаимною пересылкою гонцовъ нисколько не приближаются къ главной цѣли—миру, то назначить и время, и мѣсто для переговоровъ ихъ самихъ. Тиридатъ говорилъ: что у него будетъ охрана изъ тысячи всадниковъ, а онъ не опредѣляетъ, сколько Корбулону взять съ собою воиновъ раз-

наго рода, лишь бы они пришли съ наружностью мирною, оставивъ панцыри и шлемы. Для каждаго изъ смертныхъ, а не только посѣдѣвшему и проницательному вождю ясно былобы коварство непріятели. Съ одной стороны опредѣлено такое ограниченное число, а другой предложено большее, чтобы приготовить западню. Всаднику, опытному въ употребленіи стрѣль, немного могло противо-дѣйствовать и большее число воиновъ, если только они подставятъ ему непокрытыя тѣла. Впрочемъ, скрывъ, что онъ понялъ дѣло, Корбулонъ отвѣчалъ: «будетъ правильнѣе, если они о мѣрахъ до «всѣхъ касающихся будутъ разсуждать передъ войсками въ пол-
«номъ составѣ». Мѣстность избралъ онъ, одна часть которой состояла изъ холмовъ, поднимавшихся мало по малу, гдѣ могли расположиться ряды шѣхоты, а часть — растилалась равниною, гдѣ могли развернуться эскадроны конницы. Въ условленный день первый Корбулонъ поставилъ союзныя когорты и вспомогательныя войска царей передъ флангами, а въ серединѣ построилъ шестой легионъ; ночью призваны были сюда изъ другаго лагеря три тысячи воиновъ третьяго легиона и поставлены подъ одинъ орелъ такъ, что все это высматривало однимъ легиономъ. Тиридатъ, когда уже день склонялся къ вечеру, остановился вдали такъ, что удобнѣе было его видѣть, чѣмъ слышать. А потому Римскій вождь, не сойдясь съ нимъ, приказалъ воинамъ удалиться ко своимъ лагерямъ.

39. Царь, или подозрѣвая коварство, такъ какъ разомъ расходились во многія стороны, а можетъ быть для того, чтобы отрѣзать подвозы, приходившія къ намъ Понтійскимъ моремъ черезъ городъ Трапезонтъ, удалился поспѣшно. Но и не былъ въ состояніи повредить нашимъ подвозамъ; препровождены они были по горамъ, занятымъ нашими вооруженными отрядами. А Корбулонъ для того, чтобы война безъ пользы не протянулась вдали и чтобы вынудить Армянь защищать свое, готовится упасть на укрѣпленія; себѣ онъ выбралъ самый что ни есть укрѣпленный въ той префектурѣ по имени *Валандумъ*, а менѣе значительныя предоставилъ легату Корнелию Флакку и Юстею Калитону, префекту лагерей. Тутъ, обозрѣвъ кругомъ укрѣпленія и принявъ мѣры для заготовленія всего что нужно къ приступу, онъ увѣщаетъ воиновъ: «непріятели «скитающагося, неготоваго ни къ войнѣ ни къ миру, сознаю-
«щаго бѣгство свое, коварство и неспособность, лишить мѣсть пре-
«быванія и такимъ образомъ разомъ обезпечить себѣ и славу и «добычу». Затѣмъ, раздѣливъ войско на четыре части, однихъ

сплотивъ подъ черепашу, ведетъ для подкопа вала; другимъ отдаетъ приказаніе приставить лѣстницы къ стѣнамъ и посредствомъ машинъ набросать туда множество зажженныхъ факеловъ и копей. Стрѣлкамъ и пращникамъ назначено мѣсто, откуда издали должны они были метать пращи; одновременно со всѣхъ сторонъ произведено движеніе, чтобы ни одно отдѣленіе не могло подать помощи подвергнувшимся нападенію. Притомъ таково было усердіе введеннаго въ дѣло войска, что не болѣе какъ въ продолженіи третьей части дня стѣны очищены отъ защитниковъ, сбиты запоры воротъ, укрѣпленія взяты приступомъ и всѣ совершеннолѣтніе перебиты; ни одного воина не потеряно, да и ранено весьма мало, а безоружная толпа продана съ молотка: остальную добычу (вождь) уступилъ побѣдителямъ. Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовали легаты и префектъ; въ одинъ день взяли они три укрѣпленія; и другіе, частью отъ ужаса, частью по согласію жителей, попадали въ нашу власть, такъ, что явилась увѣренность напасть на Артаксату, столицу народа. И не ближайшимъ путемъ ведены легионы; они, если бы рѣку Араксъ, омывающую стѣны города переходили по мосту, то были бы открыты для ударовъ непріятеля; а потому они перешли вдали и на болѣе просторныхъ бродахъ.

40. Тиридатъ, отъ стыда и изъ опасенія, если не воспрепятствуетъ осадѣ, обнаружить, что отъ него нѣтъ никакой помощи; а помѣшать намъ, значило бы себя и конныя войска поставить въ неблагопріятныя условія мѣстности, рѣшился наконецъ—показаться съ войскомъ и, назначивъ день, начать сраженіе, или притворнымъ бѣгствомъ снискать случай дѣйствовать предательски (изъ засады). А потому онъ вдругъ напалъ на Римское войско не безъ вѣдома вождя нашего, устроившаго войско одинаково и для похода, и для сраженія. На правомъ флангѣ шелъ третій легионъ, на лѣвомъ—шестой, а въ серединѣ отборныя воины десятаго легиона. Внутри рядовъ приняты войсковыя тяжести, а тылъ прикрывали тысячу всадниковъ; имъ приказано: «непріятелямъ, если они будутъ близко напирать, оказывать сопротивленіе, а если они обратятся въ бѣгство, то не преслѣдовать.» По краямъ фланговъ пѣшіе, стрѣлки и остальная конница. Лѣвому флангу дано больше протяженія, съ тѣмъ чтобы, если непріятель подойдетъ ближе, принять его одновременно и спереди и зайти съ боку. Съ разныхъ сторонъ подступалъ Тиридатъ, но не на полетъ стрѣлы; а то грозя, то какъ бы робѣя, не будетъ ли онъ какъ въ состояніи разстроить наши ряды и справиться

порознь. Но какъ нигдѣ не обнаружено ни малѣйшей неосторожности и только десятникъ конный, смѣло вышедшій впередъ, пронзенъ стрѣлами и примѣромъ своимъ доказавъ другимъ необходимость повиновенія, то Тиридатъ съ приближеніемъ сумерокъ удалился.

41. Корбулонъ, расположивъ лагерь въ этомъ мѣстѣ, сообщалъ—съ легіонами налегкѣ неидти ли ночью къ Артаксатѣ и обложить ее осадю, полагая, что туда удалился Тиридатъ. А когда лазутчики принесли извѣстіе, что царь отправился въ дальній путь, неизвѣстно къ Медамъ или къ Албанцамъ, онъ сталъ дожидаться разсвѣта. Впередъ посланы легковооруженные воины обойти покамѣсть стѣны и начать obleganіe издали. Но жители города добровольно отворили ворота и отдали себя и все свое Римлянамъ; это для нихъ послужило спасеніемъ. Артаксата же зажженъ, срытъ и сравненъ съ землею, такъ какъ ни удержать его во власти нельзя было безсильнаго гарнизона по обширности стѣнъ; и не столько силъ было у насъ, чтобы можно былъ раздѣлить и на достаточно крѣпкій гарнизонъ, и вмѣстѣ продолжать войну. Оставить же городъ цѣлымъ, но безъ охраны—не было никакой пользы и славы, что онъ взятъ былъ. Присоединяютъ чудо, какъ бы обнаружившее волю высшихъ силъ. Вездѣ извнѣ, кромѣ надъ городскими строеніями, обито было блескомъ солнца; и все, что было внутри стѣнъ, было до того покрыто вдругъ чернымъ облакомъ, по которому сверкали частыя молніи, что какъ бы все это враждебными богами было осуждено на гибель. За это Неронъ привѣтствованъ титуломъ императора. Вслѣдствіе сенатскаго декрета совершены благодарственныя молебствія; опредѣлены статуи, триумфальныя ворота, безсмынное консульство государю и чтобы въ число праздничныхъ внесены были дни, въ какой совершилась побѣда, въ какой получено о ней извѣстіе и въ какой доложено, и еще кое что въ этомъ же родѣ до того внѣ всякой умѣренности, что К. Кассій, относительно прочихъ почестей, высказавъ свое согласіе, изложилъ: «если бы богамъ высказать признательность, соотвѣтственно благосклонности счастія, то и цѣлаго года не было бы достаточно на благодарственныя молебствія; а потому необходимо отдѣлить «дни священные и дѣловые, такъ, чтобы, оказывая должное божествамъ, не остановить ходъ и дѣлъ человѣческихъ.»

42. За тѣмъ подвергся осужденію, не безъ позора для Сенеки, подсудимый, подвергавшійся различнымъ случайностямъ и заслу-

жившей ненависть многихъ. То былъ П. Суилій, во время господства Клавдія грозный и продажный; перемѣнами времени (обстоятельствъ) не настолько униженный, на сколько хотѣли его недруги; да и онъ самъ предпочиталъ лучше казаться опаснымъ (могущимъ вредить), чѣмъ унижаться до мольбы о пощадѣ. Полагали, что именно съ цѣлью погубить его возобновлено опредѣленіе сената и наказаніе по Цинцініеву закону противъ тѣхъ, которые за деньги стали бы защищать дѣла на судѣ. Суилій, съ своей стороны, не воздерживался отъ жалобъ и попрековъ; отъ природы смѣлый; старость еще больше развязывала ему руки и онъ не щадилъ ругательствъ для Сенеки: и враждебенъ онъ Сенека—приближеннымъ Клавдія, при которомъ подвергся самой справедливой ссылкѣ. Привыкнувъ къ занятіямъ бесплоднымъ и къ тому, чтобы имѣть дѣло съ неопытными отроками, завидуетъ онъ тѣмъ, которые живое и неиспорченное краснорѣчіе примѣнили къ защитѣ гражданъ. Онъ, Суилій, былъ квесторомъ (казначеемъ) Германика, а тотъ, Сенека—предлюбодѣемъ его дома. Не нужно ли считать преступленіемъ болѣе тяжкимъ — по добровольному согласію съ просителемъ получить отъ него вознагражденіе за честный трудъ, чѣмъ осквернять ложе женщинъ изъ семейства государя? Какою это мудростью, какими наставленіями философовъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ дружбы влестителя приобрѣлъ онъ триста милліоновъ сестерцій. Въ Римѣ устроена правильная охота за завѣщаніями и лицами одинокими. Италия и провинціи истощены необъятными поборами. Скорѣе подвергнется онъ, Суилій, обвиненію, опасности, всему самому худшему, чѣмъ старинное и дома приобретенное значеніе подчинить внезапному счастью!»

43. Разумѣется не было недостатка въ людяхъ, которые это тѣми же словами, или даже еще болѣе рѣзкими передали Сенекѣ. Нашлись обвинители, которые донесли: «подверглись будто бы грабежу союзники, когда Суилій правилъ провинціею Азіею и присвоилъ общественныя деньги.» Затѣмъ такъ исколотали для этаго слѣдствія годъ, короче показалось—начать обвиненія городскія, свидѣтели которыхъ на лицо. Они ставили въ вину Суилію: «жестокость обвиненія вынудила К. Помпонія по неволѣ начать гражданскую войну; Юлія—дочь Друза и Сабина Помпея вынуждены умереть: Валерій Азіатикъ, Лузіи Сатурнинъ, Корнелій Луцъ пали его жертвою; цѣлыя толпы всадниковъ Римскихъ осуждены и все, что жестокаго ни сдѣлалъ Клавдій, «ставили въ вину Суилію. Онъ защищался тѣмъ, что ничего

«изъ этого не бралъ онъ на себя по собственному побужденію, «а повиновался государю, пока эту рѣчь не остановилъ Цезарь, «сказавъ, что онъ узналъ достовѣрно изъ записокъ отца, что «не было ни одного обвиненія по его принужденію.» Тутъ сталъ Суилій ссылаться на приказанія Мессалины, и вообще защита стала слабѣть. Почему не выбранъ кто либо другой представить свой голосъ къ услугамъ жестокосердой, безстыдной? Нужно казнить исполнителей дѣлъ жестокихъ, такъ какъ они, воспользовавшись плодами преступленій, всю ненависть ихъ вваливаютъ на другихъ. Вслѣдствіе этого отнята часть имущества (а сыну и внуку уступлена часть, а также изъято (отъ конфискаціи) все то, что получили по завѣщанію матери и бабуки) и онъ отправленъ въ ссылку на Болгарскіе острова: ни среди опасности, ни послѣ осужденія не палъ духомъ и говорили, будто бы онъ переносилъ ссылку, живя въ изобиліи и роскоши. За сына его Нерулина, на котораго напали обвинители изъ ненависти къ отцу и уличая его во взяткахъ, заступился государь, находя возмездіе уже достаточнымъ.

44. Около этого же времени Октавій Сагитта, народный трибунъ, до безумія влюбленный въ Понтію, замужнюю женщину, огромными дарами склоняетъ онъ ее сначала къ преступной связи, а потомъ оставить мужа, обѣщая жениться на ней и взаимно договорясь о брачномъ союзѣ. Но когда эта женщина сдѣлалась свободною, стала медлить подъ разными предлогами, ссылаясь на несогласіе будто бы отца, найдя надежду на болѣе богатаго супруга, отказалась отъ своихъ обѣщаній. Октавій съ своей стороны то жаловался, то грозилъ, ссылаясь на утраченную добрую славу, на истощеніе своихъ денежныхъ средствъ; въ ея распоряженіе отдавалъ онъ жизнь, какъ одно что ему еще осталось. Когда и это было отвергнуто съ пренебреженіемъ, домогается одной только ночи какъ утѣшенія и, удовольствуясь ею, съумѣетъ онъ удержать себя на будущее время. Назначена ночь. Понтія поручаетъ обереженіе спальни служанкѣ обо всемъ знавшей; а тотъ съ однимъ отпущенникомъ пришелъ, скрывъ оружіе подъ платьемъ. Тутъ, какъ обыкновенно бываетъ при любви и раздраженіи—брань, мольбы, упреки, удовлетвореніе; часть ночи посвящена наслажденію. Еще болѣе воспламенясь ревностью, онъ пронзаетъ мечемъ ничего не опасавшуюся; прибѣжавшую служанку отбросилъ раненную и убѣжалъ изъ спальни. На другой день открылось убійство; о совершителѣ его не было сомнѣнія, такъ какъ улики были, что они оставались

вдвоемъ. Но отпущенникъ высказалъ: «его это преступленіе, мстиль «онъ за оскорбленіе своего господина». Подѣйствовало на нѣкоторыхъ величіе примѣра, пока служанка, оправясь отъ раны, открыла истину. Потребованный передъ консуловъ со стороны умерщвленной, послѣ того какъ оставилъ трибунство, приговоромъ сената осужденъ по закону объ убійцахъ, дѣйствовавшихъ предательски.

45. Не менѣе замѣчательный, въ этомъ же году случившійся примѣръ женскаго безстыдства послужилъ началомъ великихъ общественныхъ бѣдствій. Въ Римскомъ обществѣ была Сабина Поппеа, родившаяся отъ отца Т. Оллія, но имя приняла она дѣда съ материнской стороны, славной памяти Поппеа Сабина, бывшего консула, блиставшаго честию триумфа; и Оллію, прежде чѣмъ онъ добился какихъ либо почестей, пріязнь Саяна обратилась въ гибель. У этой женщины было все остальное, кромѣ честнаго образа мыслей. Мать ея, далеко опередившая красою всѣхъ современныхъ ей женщинъ, передала вмѣстѣ и славу и красоту. Средства соответствовали знатности рода; ласково она говорила и сама была не глупа; по наружности скромная, на дѣлѣ развратная. Рѣдко показывалась всенародно, да и то закрывъ часть лица, или чтобы не дать на себя насмотрѣться вдоволь, или потому, что такъ находила приличнѣе. Добрую славу свою никогда не щадила, не полагая различія между мужьями и любовниками; и при этомъ слушалась она не чувствъ своихъ или другаго; но гдѣ бы ни представлялась въ виду польза, туда обращала и свои желанія. Такимъ образомъ ее, когда она находилась въ супружествѣ съ Руфіемъ Криспиномъ, всадникомъ Римскимъ, отъ котораго родила сына, прельстилъ Оттонъ молодостью и роскошью и тѣмъ, что его считали въ величайшей милости Нерона. Безъ замедленія за любовною связью послѣдовалъ бракъ.

46. Оттояъ, или довольно неосторожный въ любви, хвалилъ передъ государемъ красоту и изящество манеръ жены. Можетъ быть, чтобы воспламенить его и въ случаѣ обладанія одною и тою же женщиною, скрѣпить этимъ свое вліяніе и силу. Нерѣдко слышали, что онъ, вставая съ пиршества Цезаря, говорилъ: «идеть «онъ къ женѣ, въ которой соединены благородство, красота, все «чего только можно желать для полнаго наслажденія счастьемъ». За такими и въ этомъ родѣ подстреканіями, въ нерѣзительности прошло немного времени. Получивъ доступъ, Поппеа сначала вошла въ силу лестью и хитростью; она притворилась, будто прельщенная красою Нерона, не можетъ совладѣть со страстью. Вслѣдъ за тѣмъ,

когда государь разгорѣлся любовью, ударилась въ гордость, не соглашалась оставаться на одну или двѣ ночи, говоря: что она за мужемъ, не можетъ разорвать брачнаго союза, будучи привязана къ Оттону образомъ жизни, въ которомъ никто съ нимъ не сравнивается. И въ душѣ, и въ обращеніи онъ величавъ; она видитъ въ немъ человѣка достойнаго стать на высшую степень счастья. А Неронъ, имѣя любовницею—служанку, привычкою связанный съ Акте, отъ сожительства съ рабою, не заимствовалъ ничего кромѣ низкаго и презрѣннаго. Оттонъ сначала устраненъ отъ прежней короткости (обращенія съ государемъ), потомъ отъ возможности его видѣть и быть у него въ свитѣ. Наконецъ для того, чтобы въ Римѣ не могъ онъ быть соперникомъ, сдѣланъ начальникомъ надъ провинціею Лузитаніею. Тутъ онъ прожилъ до самой междоусобной войны и не такъ какъ прежде съ худою славою, но честно и скромно, домогаясь больше всего спокойствія и умѣренно пользуясь властью.

47. До сихъ поръ Неронъ старался прикрывать свои позорныя дѣйствія и преступленія. Въ особенности имѣлъ онъ подозрѣніе противъ Корнелія Суллы, самый безпечный характеръ его принимая въ другую сторону и перетолковывая его хитростью и притворствомъ. Опасеніемъ этимъ воспользовался Грагтъ, изъ отпущенниковъ Цезаря, хорошо знавшій что дѣлается въ домахъ государей, еще служа старику Тиберію и придумалъ такую ложь. Мульвійскій мостъ славился въ то время ночными шалостями и безчинствами всякаго рода. Похаживалъ туда и Неронъ, чтобы свободнѣе внѣ города распутничать. Ему отпущенникъ передаетъ вымышленное: «на обратномъ ему пути на Фламинійской улицѣ устроена «была ему, Нерону, засада, которой онъ избѣгъ, случайно удалясь «въ Саллюстіевы сады другою дорогою; виновникъ этого коварства «Сулла». И дѣйствительно случилось, когда возвращались служители государя, что нѣкоторые изъ юношеской шалости—что тогда часто дѣлалось—нападеніемъ на нихъ для виду хотѣли ихъ только попутать. Да и при этомъ не былъ узнавъ ни одинъ изъ рабовъ или кліентовъ Суллы. Да притомъ его полное равнодушіе ко всему и природная неспособность къ чему либо смѣлому, совершенно отвергали основательность обвиненія; но во всякомъ случаѣ онъ—Сулла, какъ будто уличенный, получилъ приказаніе оставить отечество и не выходить изъ за стѣнъ города Массилии.

48. При тѣхъ же консулахъ выслушаны посольства Путеоланъ; разные депутаціи прислали къ сенату управление города и чернь. Первая жаловалась на наслѣдственныя дѣйствія большинства, а

вторая на насилія должностныхъ лицъ и безмѣрное корыстолюбіе главнѣйшихъ. И такъ какъ возмущеніе, дошедшее до бросанія камнями и угрозъ поджогомъ, могло перейти въ рѣзню оружіемъ, то избранъ К. Кассій, чтобы помочь этому дѣлу. Такъ какъ жителямъ была невыносима его строгость, то, по просьбѣ его самого, къ братьямъ Скрибоніямъ, перенесена эта забота и имъ дана преторіанская когорта; ея грозою и казнью немногихъ возстановлено между горожанами согласіе.

49. Не сталъ бы я упоминать о общеизвѣстномъ сенатскомъ декретѣ, коимъ дозволялось: «городу Сиракузамъ выйти за число «гладіаторовъ, какое имъ было дозволено держать для игръ», если бы не сталъ говорить противъ него Петъ Тразея и не далъ бы тѣмъ повода своимъ завистникамъ осуждать его мнѣніе: «зачѣмъ онъ, если полагаетъ, что дѣло общественное нуждается въ свободномъ выраженіи мысли сенаторами, въ такомъ пустомъ вопросѣ «прилагаетъ свою дѣятельность?» Почему не подаетъ онъ положительнаго или отрицательнаго мнѣнія о войнѣ, мирѣ, податяхъ, законахъ и другихъ предметахъ, которыми держится Римское дѣло. Сенаторы, получивъ право высказывать свои мнѣнія, могутъ излагать ихъ о чемъ бы ни захотѣли и требовать о томъ доклада. Одно ли только то заслуживаетъ исправленія какъ бы въ Сиракузахъ зрѣлища не приняли незаконно огромнаго размѣра? Остальные же по всеѣмъ частямъ Имперіи идетъ такъ отлично какъ будтобы управляетъ всеѣмъ не Неронъ, а Тразея. Если дѣла важныя пропускаются съ притворствомъ, то не лучше ли и въ пустыхъ воздержаться? Противъ этого Тразея, на просьбы друзей объяснить имъ побужденія, отвѣчалъ: «не безъ знанія настоящаго положенія дѣлъ позволяетъ онъ себѣ поправлять и такія сенатскія «опредѣленія, но дѣйствуетъ онъ такъ для чести сенаторовъ, чтобы показать, что не уклонятся они отъ заботы и о важныхъ дѣлахъ, со вниманіемъ занимаясь и самими пустыми».

50. Въ этомъ же году, вслѣдствіе часто высказанныхъ желаній народа, уличавшаго отступниковъ государственныхъ доходовъ въ неумѣренности, колебался было Неронъ: «не оставить ли все сборы и оказать тѣмъ великолѣпнѣйшій даръ роду смертныхъ». Его порывъ, осыпавъ предварительно большими похвалами величіе духа, сдержали сенаторы; они внушали, что послѣдуетъ общее разстройство государства, если уменьшатся доходы, которыми поддерживается общественное дѣло; за отмѣною таможенныхъ пошлинъ, станутъ домогаться отмѣны податей. Большинство товариществъ для

сборовъ установлено консулами и трибунами народными во время полной еще вольности народа Римскаго; а затѣтъ и остальное такъ предусмотрѣно, чтобы существовало правильное отношеніе между необходимостью поборовъ и расчетомъ издержекъ. Конечно нужно умѣрить жадность откупщиковъ и пусть они то, что въ теченіи столькихъ лѣтъ было переносимо безъ жалобъ, небывалыми притѣсненіями не обращаютъ въ ненависть себѣ.

51. Вслѣдствіе этого обнародовалъ государь: «условія, хотя бы «и отъ государства, но до того времени оставшіяся въ безгласности, изложить все письменно; на возобновленіе прошеній, оставленныхъ безъ движенія, срокъ только годовой. Въ Римѣ преторъ, «а по провинціямъ тѣ должностныя лица, которыя тамъ за консуловъ и преторовъ должны оказывать правосудіе противъ откупщиковъ не въ очередь. Воины свободны отъ всякихъ платежей «кромя если займутся торговыми дѣлами». И многое другое, все вполне справедливое; но короткое время все это соблюдалось, а потомъ осталось безплоднымъ. Остается впрочемъ отмѣна сороковой и пятидесятой долей и другихъ поборовъ подъ этими названіями, придуманныхъ откупщиками. Ограниченъ привозъ хлѣба у провинцій лежащихъ за моремъ, и постановлено: «суда не приписывать «къ окладамъ купцовъ и не плагить за нихъ пошлины».

52. Обвиненныхъ изъ провинціи Африки, имѣвшихъ тамъ власть проконсульскую, Сульпиція Камерина и Помпонія Сильвана оправдалъ Цезарь: Камерина отъ частныхъ лицъ и немногихъ, учававшихъ его болѣе въ жестокости, чѣмъ во взятіи денегъ. Сильвана обступило большое количество обвинителей; они требовали времени для вызова свидѣтелей. Обвиненный просилъ, чтобы ему защищаться тотчасъ же (на мѣстѣ). Пересилилъ своимъ богатствомъ при одиночествѣ и старости и пережилъ тѣхъ, которые ухаживая за нимъ, освободили его отъ преслѣдованія.

53. До этого времени въ Германіи дѣла были спокойны, умомъ вождей; видя что отличія триумфа сдѣлались столь обыкновенными большей чести надѣялись отъ того, если поддержать миръ. Павлинь Помпей и Л. Ветусъ въ то время начальствовали войскомъ. А чтобы воиновъ не держать въ праздности, первый привелъ къ концу насыпь начатую за 63 года передъ тѣмъ Друзомъ для сдержанія водъ Рейна. Ветусъ готовился соединить Мозель и Араръ, проведя между ними каналъ съ тѣмъ, чтобы войска, подвозимыя моремъ, а потомъ Роною и Араромъ—могли спускаться по каналу, потомъ рѣкою Мозелемъ въ Рейвъ, а за тѣмъ въ Океанъ и та-

кимъ образомъ съ устраненіемъ затрудненій переѣзда, доступны бы сдѣлались разомъ плаванію берега западные и сѣверные. Позавидоваль этому предпріятію Элій Грацильскій, легатъ Бельгійки. Страшаль онъ Ветера: «не вводилъ бы онъ легіоны въ чужую провинцію, какъ бы заискивая расположеніе Галлій; внушилъ онъ «этимъ опасенія Императору—а этимъ по большей части сдерживаются порывы къ честному».

54. Впрочемъ, при постоянномъ бездѣйствіи войскъ, распространился слухъ, будто у легатовъ отнято право вестъ ихъ противъ непріятеля. Вслѣдствіе этого Фризіи—молодыхъ людей по лѣсамъ и болотамъ, а тѣхъ, что по лѣтамъ уже неспособны были къ военной службѣ по озерамъ придвинули къ берегу и засѣли никѣмъ не занятыхъ поля, отведенныхъ для пользованія воиновъ. Все это дѣлалось стараніями Веррита и Малорига, правившихъ этимъ народомъ на сколько Германцы доступны управленію. Уже они устроили дома, посѣляли землю и обращались съ нею какъ бы съ своимъ наследственнымъ достояніемъ. Тутъ Дубій Авитъ, принявъ отъ Павлина провинцію, грозилъ: силою Римлянъ, если Фризіи не удалятся на прежнія мѣста жительства или не исходатайствуютъ себѣ у Цезаря новыхъ—заставилъ онъ Веррита и Малорига—приняться за мольбы. Отправившись въ Римъ и тамъ пока дожидались Нерона, вниманіе котораго было обращено на другія заботы, въ числѣ прочаго, что показывалось дикарямъ, введены въ театръ Помпея, чтобы могли видѣть несмѣтное стеченіе народа. Тутъ отъ нечего дѣлать (по ихъ невѣжеству не забавляли ихъ игры), спрашивали—кто сидитъ на отдѣленныхъ мѣстахъ, гдѣ всадники, гдѣ сенаторы, замѣтили на скамьяхъ сенаторовъ нѣсколько лицъ въ чужестранной одеждѣ. Они спросили: кто это такіе?—и услыхавъ: «почетъ эта оказана по сламъ тѣхъ народовъ, которые превзошли другихъ доблестью и дружбою къ Римлянамъ.»—«Нѣтъ людей, которые превосходили «бы Германцевъ силою оружія или «вѣрностью!»—воскликнули они, пошли и сѣли между сенаторовъ. Видѣвшіе приняли это благосклонно, какъ бы за порывъ стариннаго и благонамѣреннаго усердія.—Неронъ обоихъ наградилъ гражданствомъ Римскимъ, а Фризіямъ велѣлъ удалиться съ занятыхъ было ими полей. Такъ какъ они ослушались, то вдругъ наущена на нихъ вспомогательная конница, вынудившая ихъ (оставить поля), а оказавшіе болѣе упорное сопротивленіе, частью взяты въ плѣнъ, частью побиты.

55. Тѣ же поля заняли Ансибаріи, народъ посильнѣе (Фри-

зіевъ) не только численностью, но и состраданіемъ другихъ со-
сѣднихъ народовъ: изгнанные Хавками, не имѣя гдѣ поселиться
они молили только о безопасной ссылкѣ. Начальствоваль у нихъ
знаменитый у тѣхъ народовъ и вмѣстѣ намъ вѣрный, по имени
Боюкаль. Онъ говорилъ, что «во время возмущенія Херусковъ
«онъ заключенъ въ оковы, по приказанію Арминія, а потомъ
«служилъ въ нашихъ войскахъ подъ предводительствомъ Тибе-
«рія и Германика. Къ пятидесятилѣтнему повиновенію присое-
«диняетъ и то, что народъ свой отдаетъ подъ нашу власть.
«Какое пространство земель лежитъ впускѣ и только кой когда
«перегоняютъ туда стада рогатаго скота крупнаго и мелкаго,
«принадлежащія воинамъ. Пусть сберегутъ и ихъ уже не съ по-
«четомъ людей, а принявъ вмѣстѣ съ стадами; пусть только не
«предпочитаютъ пустыни и безлюдя дружественному народу.
«Нѣкогда поля эти были Хамавовъ, за тѣмъ Тубантовъ, а пос-
«лѣ нихъ Узишіевъ. Небо предоставлено богамъ, а земли роду
«смертныхъ и какія изъ нихъ лежатъ впускѣ, тѣ составляютъ
«общее достояніе.» Озираясь потомъ на солнце и призывая про-
«чія свѣтила, какъ бы лицомъ къ лицу спрашивалъ: «предпочи-
«таютъ ли они взирать на пустынную землю. Пусть лучше на-
«ведутъ море на похитителей земель!» Тронутый этимъ Авитъ
отвѣчалъ: «необходимо сносить власть тѣхъ, что лучше. И бо-
«гамъ, къ заступничеству коихъ они прибѣгають, угодно было,
«чтобы у Римлянъ было распоряженіе—что дать, а что отнять
«и пусть они не допускають другихъ судей, кромѣ самихъ се-
«бя.» Таковъ былъ всенародный отвѣтъ Авита Ансибарамъ, а
самъ отдѣльно Боюкалу: «въ память дружбы даетъ поля.» Но
тотъ пренебрегъ этимъ какъ цѣною измѣны и прибавилъ: «нѣтъ
«у насъ земель, на которыхъ жить, но гдѣ умереть недостатка
«не будетъ!» Такимъ образомъ обѣ стороны разошлись въ не-
пріязненномъ расположеніи духа. Ансибаріи звали товарищами
на войну Бруктеровъ, Тенктеровъ и другіе еще болѣе отдален-
ные народы. Авитъ написалъ къ Куртилію Манціи, легату верх-
няго войска, чтобы онъ, перейдя Рейнъ, показался въ тылу у
непріятеля, а самъ ввелъ легіоны въ землю Тенктеровъ, угро-
жая окончательнымъ разореніемъ, если они не разобчатъ своего
дѣла съ дѣломъ Ансибаріевъ. Вслѣдствіе этого тѣ отказались;
такое же опасеніе подѣйствовало на Бруктеровъ и прочихъ, ко-
торые взяли было подъ свою защиту чужую опасность и на-
родъ Ансибаровъ одинъ удалился назадъ къ Узишіамъ и Ту-
*

бинтамъ; будучи изгнаны изъ ихъ земель, идя къ Каттамъ, потомъ къ Херускамъ, въ долгомъ странствованіи, странниками въ крайней нуждѣ истреблены на чужой землѣ непріателемъ—молодежь вся сколько ея было, а неспособные носить оружіе раздѣлены какъ добыча. Этимъ же лѣтомъ происходило большое сраженіе между Гермундуровъ и Каттовъ; и тѣ и другіе силою присвоивали рѣку пограничную и обильную природною солью. Кромѣ страсти разбирать все оружіемъ, врожденное суевѣріе дѣйствовало тутъ: «въ особенности эти мѣста ближе къ небу и «мольбы смертныхъ богами ниоткуда скорѣе не могутъ быть «услышаны. Оттого-то, по милости вышнихъ силъ, въ той рѣкѣ «и въ тѣхъ лѣсахъ родится соль не такъ, какъ у другихъ на- «родовъ, оставленная волнами моря, когда высохнетъ вода, но «будучи вылита на горящій костеръ изъ деревьевъ, скипается «(соль) отъ взаимнаго дѣйствія враждебныхъ между собою сти- «хій—огня и воды.» Но война, будучи счастлива для Гермун- дуровъ, Каттамъ обратилась въ гибель, такъ какъ побѣдители обрели непріятельское войско Марсу и Меркурію, а поэтому обѣту кони, люди все живое предается избіенію. И самыя угрозы непріятелей обратили на нихъ же. А народъ Югановъ, союзный намъ, подвергся неожиданному несчастію. Огонь, показавшись изъ земли, въ разныхъ мѣстахъ пожиралъ дома, посѣянные поля, цѣлыя деревни и стремился на самыя стѣны недавно воздвиг- нутаго поселенія. Ничѣмъ нельзя было его потушить: ни падаю- щій дождь, ни рѣчная вода, и вообще никакая жидкость не гасили его. Наконецъ при отсутствіи средства противъ такого бѣдствія и имъ раздраженные, нѣкоторые поселяне издали бро- сали камни, потомъ, когда пламя стало стихать, подойдя бли- же, хлопали палками и другими бичами, какъ имѣли обыкнове- ніе пугать дикихъ звѣрей; наконецъ одежды, съ тѣла снятыя, бросаютъ въ огонь съ тѣмъ, что больше осквернено и загажено было, то будто бы сильнѣе подавляло пламя.

58. Въ этомъ же году Руминальское дерево на Комиціи (мѣсто, гдѣ происходили выборы), которое за восемьсотъ лѣтъ передъ тѣмъ прикрывало дѣтство Рема и Ромула, сдѣлавшееся гораздо меньше, такъ какъ сучья посохли и самый стволъ началъ было засыхать, что и сочтено было за чудесное вліаніе, пока оно не зазеленѣло новыми побѣгами.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Содержаніе: Гл. 1. Неронъ задумываетъ убійство матери, побуждаемый Поппею.—2. Агриппина покушается на кровосмѣшеніе или нескорѣ ли Неронъ?—3. Объ убійствѣ матери разсуждаетъ Неронъ. Аницета планъ.—4. Агриппины пиршество съ Нерономъ, скрывавшимъ преступленіе.—5. Она должна была погибнуть въ волнахъ моря и съ трудомъ спасается.—Ацерронія убита веслами.—6. Агриппина скрывается.—7. Неронъ въ испугѣ, совѣтуется съ Бурромъ и Сенекою. Аницетъ берется за убійство Агриппины и 8. совершаетъ его.—9. Бѣдвыя похороны Агриппины.—10. Неронъ удрученный совѣстью, ободренъ лестью.—11. Въ письмѣ къ Сенату обвиняетъ мать и послѣ смерти.—12. Гнусная лесть Сената. Трозеа Петъ обнаруживаетъ достоинство человѣка. Неронъ беретъ на себя личину милосердія.—13. Въ Римъ входитъ озабоченный; испытавъ лесть, бросается во всякаго рода излишества.—14. Игрокъ на цитрѣ, наѣздникъ онъ и знатныя лица побуждаетъ къ такимъ же порочнымъ занятіямъ.—15. Юношества праздникъ. Неронъ на сценѣ; дѣлаетъ перепись всадниковъ римскихъ, называемые Августовы.—16. Сочиняетъ стихи, насмѣхается надъ философами.—17. Побище между Нуцеринами и Помпеянами по случаю гладиаторскаго зрѣлища.—18. Осужденіе Блеза. Оправданіе Страбона.—19. Смерть Домиція Афра, М. Сервиля.—20. Пятилѣтнія игры въ Римѣ. Различныя объ играхъ толки, ихъ порицаютъ.—21. Оправдываютъ и хвалятъ. Неронъ побѣдителемъ въ краснорѣчій.—22. Встревоженный чудесными явленіями Рубеллія Плавта отправляетъ въ ссылку.—23. Корбуло наказываетъ грабительство Мардовъ.—24. Избѣгаетъ убійцы, беретъ Тиграноцергу.—25. Гиркановъ принимаетъ въ союзъ.—26. Тиридата устраняетъ отъ Арменіи и передаетъ ее Тиграну; дѣлается начальникомъ надъ Сирією.—27. Поселенія (колоніи) въ Пuteолахъ, Тарентѣ, Антиѣ.—28. Выбо-

ры преторскіе; осужденіе Вибія.—29. Пораженіе въ Британніи. Светоніи нападаетъ на Мону.—30. Усмиряетъ жителей.—31. Ицены подъ предводительствомъ вождя Боадіцея и Тринобанты возобновляютъ войну.—32. Берутъ силою Камилодунъ; Петилія Церіала съ девятымъ легиономъ обращаютъ въ бѣгство.—33. Оставленный Светоніемъ Лондиній и Веруламій предають грабежу, гражданъ и союзниковъ Римскихъ избиваютъ.—34—37. Дерзости Боадіцея усмиряетъ Светоній. Она кончаетъ жизнь ядомъ. Пеній Постумъ пронзаетъ себя мечемъ.—38. Классиціанъ, имѣя раздоръ съ Светоніемъ, приводитъ дѣло въ замѣшательство.—39. Отправленный туда Поликетъ дѣлается посмѣшищемъ непріятеля. Светонію преемникомъ дается Петроній Турпиліанъ.—40 и 41. Осужденные за ложное духовное завѣщаніе.—42. Педаній Секундъ, начальникъ (префектъ) города убитъ рабами.—43 и 44. Противъ нихъ хочетъ дѣйствовать закономъ К. Кассій.—45. Успѣваетъ въ томъ не смотря на противорѣчіе другихъ. Неронъ дѣлаетъ выговоръ народу, воспротивившемуся казни.—46. Тарквиній Прискъ осужденъ, произведенъ по Галліямъ цензъ.—47. Смерть и похвала Меммія Регула.—48. На Антистія послѣдовалъ доносъ въ оскорбленіи величества — 49. Запрещаетъ его Тразеа.—50. Фабрицій Всіенто, обличенный въ клеветѣ, изгнанъ изъ Италіи.—51. Смерть Бурра, похвальное ему слово, преемники Руфъ и Тигеллинъ.—52—54. Обвиненія готовится опровергнуть Сенека передъ Цезаремъ и проситъ пропуска, а тотъ—55 и 56. отвѣчаетъ хитро.—57—59. Руфу вредитъ Тигеллинъ, Плавту и Суллѣ ставить въ положеніе опасное и ихъ губить.—60. Неронъ, жениась на Поппеѣ, удаляетъ Октавію; потомъ ее призываетъ опять—61. къ радости народа. Поппеѣ впрочемъ вскорѣ послѣ того возвращены почести, ея коварство.—62—64. Злодѣйствомъ Аницета Октавія отправлена въ ссылку и умерщвлена въ Пандетаріи. Несчастныя времена.—65. Отпущенниковъ Дорифора и Паланта ядомъ уничтожаетъ Неронъ. Сенека обвиненъ—66. Пизонъ злоумышляетъ противъ Нерона.

Все это дѣлалось въ теченіи почти четырехъ лѣтъ, въ консульства: К. Витанія и К. Фонтея Капитона, Имп. Нерона, В. Косса Корнелія Лентула, К. Целонія Пета, К. Петронія Турпиліана, П. Марія Цельза, Л. Азинія Галла Консуловъ.

1. Въ консульство Каія Випсанія и Фонтея, давно задуманный преступный умыселъ Неронъ не сталъ дальше откладывать; давность владѣнія прибавляла смѣлости, и со дня на день все сильнѣе влюблялся онъ въ Пoppею; а та, не надѣясь добиться, пока жива Агриппина, чтобы Неронъ развелся съ Октавіею и женился на ней, часто ввoдила на нее обвиненія, а иногда и въ шуткахъ винила государя, называла его: «мальчикомъ, который «вполнѣ завися отъ чужихъ приказаній, уже не во власти только, «но и въ самой свободѣ имѣетъ нужду. Зачѣмъ онъ отлагаетъ «бракъ свой съ нею? Не нравится ему можетъ быть ея наружность и рядъ предковъ увѣнчанныхъ триумфомъ? Или неплодородіе ли и искренность чувства? Опасается онъ, какъ бы, хоть «жена, не раскрыла обиды сенаторовъ, раздраженіе народа противъ надменности и корыстолюбія его матери. Если Агриппина «можетъ сносить только невѣстку непріязненную сыну, то пусть «она будетъ возвращена браку съ Оттономъ. Удалится она въ «какой нибудь уголокъ земли, гдѣ лучше будетъ слушать порицанія на императора, чѣмъ быть свидѣтельницею всего и дѣлать съ нимъ опасности.» Никто не возражалъ на эти и имъ подобныя рѣчи, глубоко дѣйствовавшія вслѣдствіе слезъ и уловокъ женщины развратной; всѣ желали сломить власть матери, но никто не полагалъ, чтобы ненависть сына могла простираться до убійства.

2. Клувій рассказываетъ, что «Агриппина въ порывѣ желанія «удержать власть дошла до того, что среди дня, въ то время «когда Неронъ былъ разгоряченъ виномъ и пиршествомъ, предлагала себя ему пьяному много разъ разукрасясь, готовая на «кровосмѣшеніе. Уже ближайшіе замѣчали поцѣлуи и другія ласки «предвѣстники преступленія, когда Сенека искалъ помощи противъ женскихъ обольщеній въ женщинѣ же. Впущена (къ Нерону) отпущенница Акте; она встревоженная и собственною опасностью и позоромъ Нерона, объявила ему, что уже гласно толкуютъ о кровосмѣсительной связи вслѣдствіе похвальбы матери,

«и воины не снесутъ власти преступнаго государя.» Фабій Рустикъ говорить: «будто не Агриппинѣ, а Нерону хотѣлось этого, «но помѣшала хитрость той же отпущенницы. Но тоже, что Клувий, передали и прочіе писатели, да и самая молва была въ такомъ же смыслѣ: мало ли по малу созрѣла въ головѣ Агриппины мысль о такомъ неслыханномъ преступленіи, или весьма вѣроятнымъ показала мысль о новомъ распутствѣ въ той, кто еще въ лѣтахъ отрочества дозволила себѣ имѣть связь съ Лепидомъ въ надеждѣ верховной власти, вслѣдствіе такихъ же побужденій отдалась въ полное распоряженіе Палланта и на всякое преступленіе пріобрѣтя опытность замужествомъ съ дядею.

3. Вслѣдствіе этого Неронъ сталъ избѣгать свиданій съ нею наединѣ; когда она удалялась въ сады, или Тускуланъ, или на Антиатское поле, хвалили: что она ищетъ спокойствія. Наконецъ, считая ее для себя преопасною, рѣшился предать смерти. Объ этомъ онъ совѣтовался—ядомъ ли, мечемъ ли, или другимъ какимъ насильственнымъ средствомъ. Сначала избранъ былъ ядъ; но если дать во время пиршества у государя, то отнести этого къ случайности невозможно было; подобный былъ уже конецъ Британника. Казалось труднымъ ввести въ искушеніе служителей женщины, опытностью въ преступленіяхъ принявшей мѣры противъ всякаго коварства; она сама заблаговременно принимая средства предохранила тѣло. Убіеніе мечемъ какъ скрыть, никто не могъ придумать и опасался Неронъ какъ бы кто, будучи и избранъ для такого преступленія, не пренебрегъ приказаніемъ. Предложилъ выдумку вольноотпущенникъ Аницетъ, начальникъ флота у Мизена и воспитатель дѣтства Нерона, ненавистный Агриппинѣ и ей платившій взаимною ненавистью. Онъ внушаетъ, что: «можно устроить судно, котораго часть среди моря отпадетъ намѣренно и она погибнетъ ничего не зная. Ничто такъ какъ море не подлежитъ случайности и если Агриппина погибнетъ въ кораблекрушеніи, то кто же будетъ на столько несправедливъ—приписать злодѣйскому умыслу погрѣшенія вѣтровъ и волнъ? А государь опредѣлитъ ей уже мертвой храмъ, жертвенники и прочія доказательства любви.» Понравилась выдумка и прилаживалось оно къ обстоятельствамъ времени, такъ какъ Неронъ праздничные дни Квинкватровъ (пятидневный праздникъ въ честь Минервы) проводилъ въ Байяхъ. Онъ вызываетъ туда мать, не разъ повторяя: «нужно переносить и раздражительность родителей и успокоивать ихъ состояніе духа.» Этимъ онъ хо-

тѣль распространить слухъ о примиреніи, чтобы ему вняла Агриппина съ свойственною женщинамъ довѣрчивостью и радостью. Когда Агриппина пріѣхала, Неронъ встрѣтилъ ее на берегу (она прибыла изъ Антія), принялъ ее въ объятія и повелъ въ Баулы. Такъ называлась вилла, находившаяся между Мизенскимъ мысомъ и Баянскимъ озеромъ на заливѣ моря. Стоялъ тутъ корабль изукрашенный болѣе другихъ, какъ будто бы и этимъ хотѣлъ онъ оказать почестъ матери; она имѣла обыкновение совершать плаваніе на военномъ суднѣ и съ казенными гребцами. Тутъ приглашена она была къ ужину съ цѣлью, чтобы подошла ночь, какъ время болѣе удобное для скрытія преступленія. Довольно вѣрно извѣстіе, что нашелся предатель и Агриппина, слыша о зломъ умыслѣ, но можетъ быть считая еще этотъ слухъ сомнительнымъ, прибыла въ Байи, несомая на креслѣ. Тутъ ласки разсѣяли опасенія; ласково принятая, она посажена была на мѣстѣ выше самаго Нерона. Въ продолжительныхъ разговорахъ, гдѣ Неронъ, то съ юношескою короткостью, то какъ бы болѣе сдержанный и серьезный, дѣлился онъ съ матерью мыслями о важныхъ дѣлахъ, долго протянулось пиршество. Когда уходила Агриппина Неронъ ее провожалъ, не сводилъ онъ съ нея глазъ и крѣпче прижималъ къ себѣ или для того, чтобы совершеннѣе было притворство или видъ въ послѣдній разъ матери, осужденной на гибель, дѣйствовалъ и на чувства Нерона, какъ они необузданы ни были.

5. Боги ниспослали ночь, свѣтившуюся звѣздами и совершенно тихую; море не волновалось, какъ бы для того, чтобы яснѣе было преступленіе. И не далеко выступилъ впередъ корабль; изъ числа приближенныхъ Агриппины провожали ее двое; изъ нихъ Креперей Галль стоялъ недалеко отъ руля, а Ацерронія, склонясь у ногъ лежавшей Агриппины, съ веселіемъ припоминала: «раскаяніе сына и полное его примиреніе съ матерью.» Вдругъ по данному знаку упали въ этомъ мѣстѣ навѣсы, отягченные большимъ количествомъ свинца; задавленъ Креперей и тутъ же испустилъ духъ. Агриппина и Ацерронія нашли себѣ защиту въ выдававшихся стѣнкахъ кровати, которые можетъ быть были крѣпче и не уступили тяжести. Разрушеніе судна не послѣдовало; всѣ были смущены, а какъ большинство не знало, то оно служило помѣхою и знавшимъ. Вздумалось наконецъ гребцамъ—наклонить судно на одинъ бокъ и таѣе его потопить. Но они и не вдругъ стали единодушно дѣйствовать при такомъ внезапномъ рѣшеніи, а

нѣкоторые сопротивляясь и, усиливаясь въ противоположную сторону, сдѣлали то, что паденіе въ море совершалось исподволь. Неосторожная Ацерронія крича, что она Агриппина и чтобы подали помощь матери государя, палками, веслами и всѣмъ, что только изъ оружія подѣ руку попало на корабль добита. Агриппина молчала и вслѣдствіе того менѣе узнанная, получила только одну рану въ плечо. Вплывъ, а потомъ на одномъ изъ подплывшихъ челноковъ, она вѣхала въ Лукринское озеро и отнесена въ свою виллу. Тутъ то она сообразила, что именно за тѣмъ она обманчивымъ письмомъ приглашена и осыпана особенными почестями и что подлѣ берега корабль ни вѣтромъ не гонимый, ни на камни не наброшенный, рузрушился въ верхней части, какъ будто строеніе на твердой землѣ. Замѣтила она и обстоятельства убійства Ацерроніи, видѣла и свою собственную рану. Единственное средство противъ коварнаго злоумышленія, если сдѣлаетъ видъ будто не понимаетъ. Послала отпущенника Агерина — извѣстить сына: и по милости боговъ и его счастіемъ избѣжала она великой опасности: просить, чтобы онъ, какъ ни приведенъ въ ужасъ опасностью матери, отложилъ бы стараніе ее видѣть; ей въ настоящемъ нужнѣе всего спокойствіе. Между тѣмъ, притворяясь, что она вполне вѣритъ въ собственную безопасность, она прикладываетъ лѣкарства къ ранѣ и заботится о возстановленіи здоровья. Приказываетъ—и только въ одномъ этомъ не притворяется— розыскать завѣщаніе Ацерроніи и опечатать имущество.

7. Нерону, дожидавшемуся вѣстниковъ о совершеніи злодѣйства, доносятъ; «спаслась: (Агриппина) получилъ легкую рану и до того «очевидна была ея опасность, что о виновникѣ она не можетъ «имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія». Тутъ, внѣ себя отъ страха, онъ объявлялъ: «вотъ сейчасъ явится она, готовая на отмщеніе—вооружить ли рабовъ, возмутить ли войновъ, бросится ли къ сенату «и народу, ставя ему въ вину кораблекрушеніе, рану и убитыхъ «приближенныхъ. А противъ этого въ чемъ ему защита? Развѣ «что можетъ быть придумають Бурръ и Сенека». Немедленно онъ ихъ призвалъ, неизвѣстно знавшихъ ли предварительно обо всемъ. А потому долгое и съ той и съ другой стороны молчаніе, какъ бы не отсовѣтовать безъ успѣха или, по ихъ убѣжденію, въ такое пришло положеніе дѣло, что если Агриппина не будетъ предупреждена, необходимо погибнуть Нерону. На этотъ разъ Сенека посѣлъ скорѣе, взглянулъ на Бурра и спросилъ: «нужно ли прика- «зять воинамъ совершить убійство»? А тотъ отвѣтилъ: «преторіае-

«цы привязаны ко всему дому Цезарей и, храня воспоминаніе о Германикѣ, не дерзнуть ничего жестокаго противъ его потомства; а пусть Аницезъ довершитъ общанное». Тотъ, нисколько не медля, домогается совершить верхъ злодѣйства. На его слова Неронъ высказываетъ: «въ этотъ день дана ему верховная власть и виновникъ этого дара—отпущенникъ пусть идетъ поспѣшнѣе и «ведетъ съ собою наиболѣе готовыхъ исполнить приказанія. А самъ, «услыжавъ, что пришелъ вѣстникомъ отъ Агриппины посланный «ею Агеринъ, устраиваетъ съ своей стороны сцену злодѣйства. Пока тотъ «излагаетъ, что ему поручено было, онъ бросаетъ мечъ между ногъ «его. Затѣмъ какъ бы захваченнаго съ поличнымъ приказываетъ «заключить въ оковы для того, чтобы пустить въ ходъ выдумку «что мать покушалась погубить государя и отъ стыда что обличено злодѣйство, добровольно сама себѣ причинила смерть».

8. Между тѣмъ разнесся слухъ объ опасности, въ какой находилась Агриппина — всѣ полагали, что это дѣло случая — сбѣжались къ берегу: одни всходили на выдавшіеся въ море скалы, другіе на находившіеся вблизи лодки, нѣкоторые входили въ море насколько дозволяло тѣло. Весь берегъ наполнился голосами состраданія, обѣтами, криками спрашивавшихъ и дававшихъ отвѣты на угадъ. Нахлынуло огромное стеченіе народа съ факелами и когда узнали, что Агриппина невредима, готовились было идти ее поздравить, но видъ вооруженнаго и грознаго строя заставилъ ихъ разбѣжаться въ разныя стороны. Аницезъ окружилъ виллу вооруженнымъ отрядомъ, выломавъ дверь, схватилъ попавшихся на встрѣчу рабовъ, пока не достигъ дверей спальни. При ней находились немногіе, а прочіе приведены были въ ужасъ грозно ворвавшимися воинами. Въ спальнѣ находился слабый свѣтъ и одна изъ служанокъ. Агриппина тревожилась все болѣе и болѣе, что отъ сына нѣтъ никого, ни даже Агерина. Притомъ совершенно измѣнился видъ берега—вездѣ было пусто, раздавались какіе-то внезапные звуки; все предвѣщало крайнее и неминуемое зло. Уходила отъ нея и служанка: «и ты также меня покидаешь? сказавъ, увидала «Аницета, сопровождаемаго тріерархомъ (капитана триремы — во«еннаго судна о трехъ рядахъ весель), Геркулеемъ и Олосеритомъ «сотникомъ флотскимъ. Она имъ сказала: если онъ пришелъ про«вѣдать ее, то пусть отнесетъ вѣсть, что она оправилась; если «же—совершить злодѣяніе, то нисколько она не вѣритъ относи«тельно сына; онъ не могъ дать приказанія на убійство матери». Обстучили постель убійцы, и первый тріерархъ ударилъ Агриппину

палкою по головѣ. Когда сотникъ извлекъ мечъ, чтобы довершить убійство, выставивъ впередъ животъ: «бей въ него» воскликнула и пала подъ множествомъ ранъ. Всѣ эти подробности историки передаютъ согласно. Но—видѣлъ ли Неронъ мать бездыханную, при чемъ похвалилъ будто бы формы ея тѣла—есть которые передаютъ, а другіе отрицаютъ. Сожжена въ эту же ночь на ложѣ, служившемъ при пиршествахъ и похороны ея были очень бѣдны. И пока правилъ Неронъ, не была засыпана землею и не было у ней могилы; а потомъ, заботою ея домашнихъ, устроили ей небольшой могильной холмъ подлѣ Мизенской дороги и виллы Цезаря Диктатора, съ которой, какъ стоящей на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, открывается видъ на растиляющіеся внизу морскіе заливы. Когда зажгли костеръ, отпущенникъ ея прозываемый Мнестеръ, самъ себя пронзилъ мечемъ, неизвѣстно изъ привязанности къ госпожѣ, или изъ опасенія гибели. Въ такомъ своемъ концѣ за много лѣтъ раньше убѣждена была Агрипина и пренебрегла этимъ. Когда она совѣтовалась о Неронѣ, халдеи дали отвѣтъ: «онъ будетъ властвовать и убьетъ мать».—А она отвѣчала: «пусть убьетъ, лишьбы властвовалъ».

10. Но Цезарь понялъ всю громадность злодѣйства, только совершивъ его; всю остальную ночь то упрямо молчалъ, то нерѣдко вставалъ въ страхѣ, самъ не зная, что дѣлать; наступленія дня ждалъ онъ словно, какъ бы онъ грозилъ ему гибелью. Но его—и тутъ виновникомъ былъ Бурръ—сначала ободрила, разувѣривъ его опасенія, лестъ сотниковъ и трибуновъ, явившихся прикоснуться къ его рукѣ и поздравить «что онъ избѣгъ неожиданной опасности «и злодѣйства матери». Затѣмъ приближенные бросились въ храмы и, по подавному примѣру, ближайшіе города Компаніи изъясляли свою радость жертвоприношеніями и посольствами. А самъ Неронъ, давъ своему притворству другое направленіе, казался печальнымъ; собственное спасеніе казалось ему, какъ бы ненавистнымъ и проливалъ онъ слезы о смерти родительницы. Но какъ мѣстность не такъ быстро измѣняется, какъ выраженіе лицъ человѣческихкихъ; и постоянно передъ глазами Нерона былъ суровый видъ этого моря и его береговъ, находились люди, которые вѣрили—что слышится будто бы на близлежащихъ высокихъ холмахъ звукъ трубы, а на могилѣ матери плачь;—удалился въ Неаполь, написавъ къ сенату письмо, сущность котораго была: «найденъ съ мечемъ для совершенія убійства Агеринъ изъ самихъ близкихъ «Агрипинѣ отпущенниковъ и она сама себя казнила отъ сознанія

«задуманнаго преступленія. Присоединилъ и обвиненія придуман-
ныя гораздо раньше: надѣялась соучастія въ верховной власти,
«присяги преторіанскихъ когортъ на вѣрность женщинъ и такого
«же позора сената и народа; а когда ея надежды на это оказались
«тщетными, то, сдѣлавшись враждебною воинамъ, сенаторамъ и
«простому народу, стала отсовѣтовать раздачи денежныя и хлѣ-
«бомъ и устраивать опасности людямъ именитымъ. Сколько труда
«стоило ему, чтобы она не ворвалась въ зданіе сената, не давала
«отвѣтовъ чужестраннымъ народамъ». Косвенными нападками на
времена Клавдіевы, все что было дурнаго въ томъ правленіи
(Неронъ припасалъ матери, излагая что она погибла къ обще-
ственному счастью. Расказывалъ онъ и караблеурушеніе, а случай-
нымъ его счесть могли найдтись столь тупоумный? Или можно ли
было повѣрить, чтобы женщина, только что избѣгшая корабле-
урушенія, послала съ оружіемъ одного—сокрушить когорты и флоты
Императора? А потому въ худой славѣ былъ уже не Неронъ,
звѣрство котораго было выше всякаго осужденія, а Сенека за то,
что онъ такое признаніе дерзнулъ изложить на письмѣ.

12. Но съ удивленнымъ усердіемъ знати опредѣлены: «молеб-
«ствія во всѣхъ капищахъ, въ праздникъ Минервы, въ который
«открылся коварный умыселъ, совершать ежегодныя игры; въ зда-
«ніи сената поставить изображеніе Минервы изъ золота и подлѣ
«него портретъ государя; день рожденія Агриппины считать, въ
«числѣ неблагополучныхъ». Тразеа Петъ, имѣвшій обыновеніе
прежнія выраженія лести проходить молчаніемъ или краткимъ
одобреніемъ вышелъ тутъ изъ сената; условивъ для себя тѣмъ
опасность, для прочихъ не положилъ начала вольности. Замѣша-
лись тутъ и чудесныя явленія частыя и бесплодныя: женщина ро-
дила ужа, а другая въ минуту совоушленія съ мужемъ убита
молнією; солнце вдругъ померкло и поражены молнією четырнад-
цать частей города. Но все это случилось до того безъ промыш-
ленія (заботы) боговъ, что въ теченіи еще многихъ лѣтъ и послѣ
того Неронъ продолжалъ править и злодѣйствовать. Впрочемъ,
чтобы вызвать больше неудовольствія къ памяти матери и пока-
зать что безъ нея увеличилось его милосердіе, возвратилъ на ро-
дину изгнанныхъ нѣкогда Агриппиною знатныхъ женщинъ: Юнію
и Кальпурнію, бывшихъ префектами Валерія Капитона и Лицинія
Габала. Дозволилъ даже перенести изъ ссылки прахъ Лолліи Пав-
лины и воздвигнуть ей надгробный памятникъ; освободилъ отъ
наказанія незадолго передъ тѣмъ имъ самимъ сосланныхъ—Иту-

рія и Кальвизія. А Силана умерла по возвращеніи въ Тирентъ изъ отдаленной ссылки, вслѣдствіе уже падавшаго значенія Агриппины, жертвою нерасположенія которой она сдѣлалась, а можетъ быть и сама Агриппина въ отношеніи къ ней смягчилась.

13. Медлилъ Неронъ въ городахъ Кампаніи въ тоскливомъ сомнѣніи «какимъ образомъ войти ему въ городъ; встрѣтитъ «ли онъ раболѣпство въ сенатѣ, усердіе въ народѣ?» Но тутъ люди что ни есть хуже—а ими ни одинъ другой дворъ не могъ похвалиться въ такомъ изобиліи, стали его увѣрять: «ненавистно имя Агриппины и смерть ея увеличила, расположеніе народа: пусть идетъ безстрашно и лично убѣдится въ почтеніи къ «нему.» вмѣстѣ съ тѣмъ они ходатайствуютъ, чтобы имъ идти впередъ. Нашли болѣе готовности чѣмъ сколько общали. Трибы вышли на встрѣчу; сенатъ въ праздничной одеждѣ: ряды женъ и дѣтей, расположенные по полу и возрастамъ; устроены по той дорогѣ, гдѣ слѣдовало ему идти, подмостки для зрителей, такъ какъ это дѣлается, когда смотрять триумфальныя шествія. Вслѣдствіе этого надменный побѣдитель, торжествуя надъ общимъ порабоженіемъ, вошелъ въ Капитолій и тамъ принесъ благодарность (богамъ) а самъ пустился во все прихоти разврата, а полное развитіе ихъ все таки сколько нибудь задерживало уваженіе къ матери.

14. Давно уже имѣлъ Неронъ привычку управлять самъ лошадьми при ѣздахъ четверками; и не менѣе позорное занятіе—во время ужина играть на гитарѣ, какъ то бываетъ на сценическихъ представленіяхъ. При этомъ онъ напоминалъ, что тоже дѣлали цари и древніе вожди; это занятіе прославлено похвалами прорицателей и посвящено чести боговъ. Такъ пѣніе посвящено Аполлону и съ такимъ украшеніемъ изображается не только въ городахъ Греціи, но и въ Римскихъ храмахъ божество главное, прозирающее въ будущее. Да и удержать Нерона нельзя уже было. Сенека и Бурръ заблагоразсудили—какъ бы онъ не взялъ упорствомъ то и другое, допустить одно. Въ Ватиканской долинѣ огорожено мѣсто, гдѣ бы Неронъ управлялъ конями, не бывъ зрѣлищемъ для всехъ безъ различія. Но вскорѣ даже стали приглашать народъ Римскій, а тотъ перевозноситъ похвалами, такъ какъ народъ вообще жаждетъ наслажденій и радуется, если государь имѣетъ къ тому же склонность. Впрочемъ гласность позора не принесла за собою пресыщеніе какъ того ожидали, а подстрекнула на дальнѣйшее. Съ цѣлью уст-

ранить позоръ, если осквернить онъ имъ какъ можно большее число, Неронъ вывелъ на сцену потомковъ знатныхъ родовъ, вельдствие бѣдности сдѣлавшихся продажными: ихъ уже умершихъ не стану называть по именамъ, считая нужнымъ сдѣлать эту уступку чести ихъ предковъ. Стыдъ вмѣстѣ падаетъ и на того, кто предпочелъ давать деньги за проступки, чѣмъ отвлечь отъ нихъ. Извѣстныхъ всадниковъ Римскихъ общать соучастіе въ зрѣлищахъ на аренѣ заставилъ огромными дарами; нельзя не принять въ соображеніе, что денежная награда отъ того, кто имѣетъ власть и приказать, приноситъ въ себѣ силу необходимости.

15. А чтобы покамѣсть не страмиться участіемъ въ публичномъ театрѣ, установилъ игры, подъ названіемъ юношескихъ; въ нихъ записывались кто ни попало: ни знатность рода, ни лѣта, ни уже полученныя на службѣ почести не служили препятствіемъ принимать участіе въ Греческихъ и Латинскихъ сценическихъ представленіяхъ, даже до жестовъ и манеръ не совѣмъ приличныхъ мушнѣ. Да и знатныя женщины придумали безобразіе: у роши, которою Августъ окружилъ озеро, служившее для маневровъ флота, выстроены мѣста для свиданій и наслажденій и открыта продажа всего, что можетъ раздражать сладострастіе всякаго рода. Даваемы были денежные награды; люди благонамѣренные по необходимости, а невоздержные съ похвалбою ихъ тратили. Вслѣдствіе этого проникали испорченность и безславіе и ничто уже давно испорченной нравственности не принесло еще болѣе поощренія къ разгулу, какъ это сходбище. Съ трудомъ сдерживается стыдъ честными привычками; а при состязаніи въ порокахъ могли ли имѣть сколько нибудь мѣста—стыдливость, скромность и вообще чтолибо честное. Наконецъ самъ Неронъ вступилъ на сцену, съ большимъ стараніемъ дѣлая опыты игры на гитарахъ и руководя другими соучастниками. Была при этомъ и торжественная обстановка: когорта воиновъ, сотники и трибуны и Бурръ хвалившій чуть не сквозь слезы. Тутъ то въ первый разъ записаны всадники Римскіе подъ названіемъ Августовыхъ, лучшіе возрастомъ и крѣпостью силъ; одни по вражденной бойкости, а другіе—въ надеждѣ власти. День и ночь оглашали они рукоплесканіями наружность государя и голоеъ и называя ихъ божественными.

16. Но для того, чтобы сдѣлалось извѣстнымъ искусство императора не только въ сценическихъ представленіяхъ, онъ взял

ся съ усердіемъ и за сложеніе стиховъ. созвавъ всѣхъ сколько ни было мастеровъ на это. Дѣти уже не блестящаго періода, усѣлись они вмѣстѣ и связывали стишки частью принесенные, частью тамъ же придуманные и слова самаго Нерона какъ бы они тамъ выражены ни были, дополняли; самый наружный видъ стиховъ это доказываетъ, не однимъ порывомъ и побужденіемъ внутреннихъ и не плавно какъ изъ однихъ устъ выходящихъ. Да и учителямъ мудрости Неронъ удѣлялъ время послѣ пиршества съ тѣмъ, чтобы въ ихъ спорахъ открывались разнообразныя мнѣнія; не было недостатка и въ такихъ, которые страстно желали выставить на показъ, среди наслажденій царскихъ, свои печальныя лица и наружность.

17. Около этого же времени изъ пустаго спора произошло ужасное побоище между поселенцевъ Нуперинскихъ и Пампелнскихъ, во время гладіаторскаго зрѣлища, даннаго Ливиниемъ Регуломъ, о которомъ я говорилъ что онъ удаленъ былъ изъ сената; съ свойственнымъ горожанамъ своеволіемъ напали они другъ на друга сначала ругательствами, потомъ камнями, наконецъ взялись и за оружіе, при чемъ перевѣсъ силы былъ на сторонѣ черни Помпеянскои, да у нихъ же и зрѣлище давалось. Такимъ образомъ принесены назадъ въ городъ многіе изъ Нуперинъ съ обезображеннымъ отъ ранъ тѣломъ и весьма многимъ пришлось оплакивать смерть кому дѣтей, а кому родителей. Сужденіе объ этомъ дѣлѣ государь предоставилъ сенату, а сенатъ консуламъ. Снова дѣло доложено сенату и запрещено на десять лѣтъ жителямъ Помпей имѣть такого рода публичныя сборища, а Коллегіи (общества), заведенныя ими противозаконно, распущены. Ливиней и другіе виновники возмущенія, наказаны ссылкой.

18. Удаленъ изъ сената и Педій Влезъ по обвиненію Киренейцевъ: «насилъственно поступилъ онъ съ сокровищемъ Эскулапія, а наборъ воиновъ произвелъ неправильно подъ вліяніемъ денегъ и честолюбивыхъ соображеній.» Тѣ же Киренейцы призывали къ суду Ацилія Страбона пользовавшагося властью претора, а Клавдіемъ посланнаго для разбирательства спора о земляхъ, которыя составляя нѣкогда собственность царя Апіона; имъ вмѣстѣ съ царствомъ оставлены народу Римскому; ихъ захватывали сосѣдніе владѣльцы и влѣдствіе долговременнаго послабленія имъ неправды пользовались ею какъ бы правомъ имъ принадлежащимъ. А влѣдствіе отсужденія полей возникло

противъ судьи неудовольствіе и сенатъ отвѣчалъ: «неизвѣстны «ему порученія Клавдія и нужно обратиться къ мудрости госу- «даря». Неронъ, одобривъ образъ мыслей Страбона, написалъ: что онъ все таки готовъ помочь союзникамъ и уступаетъ имъ захваченное.

19. Послѣдовали кончины именитыхъ мужей—Домиція Афра и М. Сервилія; достигли они высшихъ почестей и отличались обильнымъ краснорѣчіемъ. Первый приобрѣлъ извѣстность, защищая дѣла, а Сервилій—долговременною дѣятельностью на форумѣ, а потомъ изложеніемъ событій Римской исторіи и изящнымъ образомъ жизни; ее онъ сдѣлалъ еще болѣе славною, будучи равенъ умомъ, но настолько же другой нравственности. Въ консульство четвертое Нерона и Корнелія Косса установлены въ Римѣ пятилѣтнія игры, по образцу Греческихъ состязаній; разные были толки, какъ почти всегда при всемъ новомъ. Находились и такіе, которые передавали, что и Кн. Помпею ставили въ вину люди старше его то, что онъ устроилъ постоянное помѣщеніе для театра; а прежде обыкновенно давали игры на подмосткахъ, выстроенныхъ на скорую руку и на временной сценѣ, а если обратиться къ еще болѣе отдаленной древности, то народъ, стоя смотрѣлъ для того, чтобы сидя не сталъ проводить цѣлыхъ дней въ праздности. Древній обычай зрѣлищъ былъ бы соблюденъ какъ только преторы давали бы ихъ, не ставя въ необходимость кого-либо изъ гражданъ въ нихъ состязаться. Впрочемъ мало по малу отиѣненные обычаи предковъ, гибнуть совершенно, вслѣдствіе пришлого своеволія, такъ что въ городѣ (Римѣ) можно видѣть что гдѣ либо есть испорченнаго или порчѣ содѣйствовать можетъ; молодежь выродилась, вслѣдствіе чуждыхъ вліяній и занятія гимназіями, празднаго препровожденія времени и гнусныхъ привязанностей, съ вѣдома и содѣйствія государя и сената; а они не только предоставили порокамъ полный просторъ, но даже примѣняютъ насиліе. Сановники Римскіе, подъ предлогомъ рѣчей и стихотвореній, оскверняютъ себя сценою. Что же осталось имъ, какъ, не обнаживъ тѣла, взять гладіаторскую перевязь и заниматься борьбою вмѣсто военной службы и занятія оружіемъ. Исполнять ли они всю правду гаданія птицами и высокую обязанность суда и расправы въ декуріяхъ всадническаго сословія, если съ знаніемъ дѣла будутъ слушать нѣжные звуки и пріятные голоса? Не ушли отъ позора и самыя ночи и пусть стыду не будетъ вовсе мѣста, но при общемъ смѣшеніи пусть каждый самый отчаянный чего возжелалъ въ теченіи дня могъ бы

дерзко осуществить въ мракѣ. Еще большому числу нравилось это безграничное своеволие и, впрочемъ, прикрывали его честными предложениями: и предки не обнаруживали отвращенія къ наслажденіямъ зрѣлищами сообразно съ положеніемъ дѣлъ, какое тогда было. Вслѣдствіе этого отъ Этрусковъ приглашены гистріоны (актеры), а отъ жителей Турій заимствованы состязанія коней; а когда овладѣли Ахаіею и Азіею, игры стали даваться съ большею заботливостію. И въ Римѣ никто, кто могъ гордиться честнымъ происхожденіемъ, не унижался до театральнаго искусства, а двѣсти уже лѣтъ прошло отъ триумфа Л. Муммія, который первый въ городѣ (Римѣ) представилъ этотъ родъ зрѣлища. И имѣли въ виду сбереженіе; предпочли устроить постоянное мѣсто для театра, чѣмъ съ огромными издержками ежегодно воздвигать его и строить. Должностныя лица не будутъ истощать свое состояніе и народу не будетъ повода требовать отъ должностныхъ лицъ Греческихъ зрѣлищъ, если государство беретъ ихъ на свой счетъ; ораторовъ и поэтовъ успѣхи принесутъ возбужденіе для умовъ; и ни одному судѣ не тяжко—слухъ свой примѣнить къ занятіямъ честными и наслажденіямъ дозволеннымъ. Веселости скорѣе, чѣмъ распутству посвящены немногія ночи всего пятидневнаго праздника, въ теченіи которыхъ при такомъ свѣтѣ огней нельзя скрыть ничего не дозволеннаго. Безспорно это зрѣлище прошло безъ особенно замѣтнаго скандала. И не малое возгорѣлось рвеніе въ народѣ, такъ какъ пантомимы, хотя возвращенныя сценѣ, были недопускаемы до священныхъ состязаній. Первой награды за краснорѣчіе не получилъ никто, но объявлено, что побѣдителемъ— Цезарь. Греческія одежды, въ которыхъ въ эти дни ходили большею частью, тутъ же скоро и были оставлены.

22. Въ это же время свѣтило кометы; о немъ народное повѣрье, будто оно предвѣщаетъ перемѣну царства. А потому какъ будто уже свергнуть Неронъ, прискивали кого бы избрать на его мѣсто. Въ устахъ всѣхъ было имя Рубеллія Плавта; онъ гордился происхожденіемъ по матери отъ семейства Юліевъ. А самъ онъ держался старинныхъ обычаевъ, велъ себя строго, въ семействѣ цѣломудренно и скромно и чѣмъ отъ страха онъ болѣе скрывался, тѣмъ болѣе пріобрѣталъ извѣстности, Увеличило толки столько же самонадѣянное происшедшее истолкованіе молніи. Вслѣдствіе того, что у Нерона, когда онъ возлежалъ за обѣдомъ у Симбрунекаго пруда, прозываемаго *sufflaqueum* (подъ петлею) — поражены яствы и столъ разбросанъ и это случилось въ предѣлахъ

Тибуртовъ, откуда Плавтъ происходилъ по отцу, то и полагали, что воля боговъ указываетъ на него. Многие, которые съ жадностью по большей части обманчивымъ честолюбіемъ предпочитаютъ поклоненіе новому и сомнительному — поддерживали эти слухи. А потому Неронъ, встревоженный всѣмъ этимъ, сочинилъ къ Плавту письмо: «пусть позаботится о спокойствіи города и «удалится отъ распускающихъ про него дурные слухи; есть у него «въ Азіи родовыя помѣстья, гдѣ онъ можетъ пользоваться безо- «пасною и ничѣмъ не возмущаемою молодостью». Вслѣдствіе этого Плавтъ удалился туда съ женою Антиріею и немногими приближенными. Въ эти же дни излишняя жажда наслажденій принесла Нерону и дурную славу, и опасность, такъ какъ онъ въ воду источника Марціи, проведенной въ городъ, вошелъ вплывъ; казалось, что онъ священное питье и святость мѣста осквернилъ мытьемъ тѣла. Послѣдовавшее за тѣмъ нездоровье какъ бы подтвердило раздраженіе боговъ.

23. А. Корбулонъ, уничтоживъ Артаксату, считалъ нужнымъ воспользоваться свѣжимъ еще ужасомъ, чтобы занять Тиграноцерту; съ тѣмъ, чтобы разрушеніемъ этого города, или увеличить страхъ непріятеля, или въ случаѣ, если пощадить, пріобрѣсть славу милосердія. Онъ туда устремился съ войскомъ неоткрыто непріязненно какъ бы не уничтожить надежду на прощеніе, но и не безъ принятія мѣръ осторожности, зная, что народъ этотъ весьма склонный къ перемѣнѣ, въ опасности недѣятельный, при благопріятномъ случаѣ готовъ на измѣну. Дикари, сообразно съ своимъ образомъ мыслей, одни являлись съ мольбами; нѣкоторые оставляли селенія и уходили въ мѣста непроходимыя; были и такіе, которые прятались въ пещерахъ и туда же прятали все что имѣли наиболѣе дорогаго. Вслѣдствіе этого и вождь Римскій поступалъ различно: милосердный къ просителямъ, въ отношеніи бѣглецовъ онъ дѣйствовалъ быстро; неумолимъ былъ къ тѣмъ, которые прятались въ потайныхъ мѣстахъ; отверстія и выходы пещеръ, наполнивъ хворостомъ и бурьяномъ, предавалъ огню. На него, когда онъ проходилъ мимо ихъ предѣловъ, сдѣлали набѣгъ Марды, опытные въ разбояхъ, а сами защищенные горами отъ вторженія къ нимъ; ихъ земли Корбулонъ, напустивъ Иберовъ, опустошилъ и отмстилъ дерзость непріятеля чуждою кровью.

24. Самъ и войско отъ сраженія, не понеся никакого урону, истомлены были нуждою и трудами; голодъ вынуждены были прогонять мясомъ скота. Къ тому же недостатокъ воды, жаркое лѣто,

длинные переходы становились сносны вследствие лишь одного терпѣнія вождя, а онъ переносилъ даже болѣе чѣмъ простой воинъ. Затѣмъ перешли въ мѣста воздѣланныя, скошены жатвы и изъ двухъ укрѣпленій, куда сбѣжались Армяне, одно взято приступомъ а тѣ, которые отразили первый натискъ, вынуждены (покориться) осадю. Перейдя оттуда въ область Тавранціевъ, Корбулонъ избѣжалъ неожиданной опасности. Не вдали отъ его палатки найденъ дикарь не изъ простаго роду съ оружіемъ—весь порядокъ злаго умысла высказалъ вслѣдствіе пытки—и что онъ виновникъ и кто его соучастники. Уличены и казнены тѣ, которые подъ личиною дружбы готовили злодѣйство. Немного спустя депутаты, присланные изъ Тиграноцеры, принесли извѣстіе что доступъ туда открытъ и жители готовы исполнить все, что имъ прикажутъ. Влѣстѣ они вручили даръ гостепрѣимства—золотой вѣнокъ. Корбулонъ принялъ его съ почетомъ и у города ничего не отнято, дабы жители, ничего не утративъ, съ болѣею готовностью оставались въ повиновеніи. Но царское укрѣпленіе, запертое неукротимою молодежью, взято не безъ борьбы; они (молодые люди) дерзнули и на бой передъ стѣнами и, будучи сбиты внутрь укрѣпленій, уступили только осаднымъ работамъ и оружію ворвавшихся (Римлянъ). Все это шло съ успѣхомъ тѣмъ легче, что Пары были отвлечены Гирканскою войною. Гирканы послали къ государю Римскому, прося о союзѣ и показывая, что: «они удерживаютъ Вологеза какъ «залогъ дружбы». Ихъ на обратномъ пути Корбулонъ, какъ бы они, перейдя Евфратъ, не были окружены непріятельскими отрядами, давъ конвой, велѣлъ проводить къ берегамъ Краснаго (чернаго) моря; оттуда, миновавъ предѣлы Пареевъ, возвратились въ родовыя мѣста жительствова.

26. Корбулонъ и Тиридата, вошедшаго черезъ Медію въ окраины Арменіи—пославъ впередъ съ вспомогательными войсками Верулана легата и самъ двинувшись за нимъ съ легіонами, вынудилъ отойти далеко и утратить надежду на войну, и земли тѣхъ, которыхъ зналъ, что они за царя расположены къ намъ враждебно, опустошилъ мечемъ и огнемъ и присвоилъ себѣ власть надъ Арменіею. Тутъ то прибылъ Тирганъ, избранный Нерономъ для того, чтобы быть облеченнымъ властью; онъ происходилъ изъ знатнаго Каппадокскаго рода, внукъ царя Архелая, но такъ какъ онъ долго оставался заложникомъ въ городѣ, то держалъ себя униженно даже до рабской терпѣливости. Принятъ былъ онъ не единодушно, такъ какъ у нѣкоторыхъ оставалось расположеніе къ Арзакидамъ,

а большинство изъ ненависти къ высокоумѣрю Паревъ, предпочитали царя, даннаго Римлянами. Дана ему и охрана: тысячу воиновъ изъ легіона, три когорты союзниковъ, два эскадрона всадниковъ: все это для того, чтобы онъ легче удержалъ новое царство. Части Арменіи, какъ кому прилегала, получили приказаніе повиноваться Фаразману, Полемону, Аристобуду и Антиоху. Корбулонъ удался въ Сирію, вслѣдствіе смерти Умидіа легата оставшуюся безъ начальника и ему предоставленную. Въ этомъ же году изъ именитыхъ городовъ Азіи, Лаодицея ниспровержена землетрясеніемъ; оправилась безо всякой отъ насъ помощи, собственными средствами. А въ Италіи старинный городъ Путеоме, получилъ отъ Нерона право и наименованіе Колоніи; заслуженные солдаты записаны въ Тарентъ и Анцію; не пособили они малолетству мѣсть и по большей части разошлись по провинціямъ, въ которыхъ оканчивали свой срокъ служенія; не привыкли они ни вступать въ брачные союзы, ни воспитывать дѣтей и послѣ нихъ оставались дома осиротѣлые, безъ потомства. Ибо теперь не такъ какъ прежде, не цѣлые легіоны были отводимы съ трибунами и сотниками и воинами каждый своего порядка, при чемъ они единомыслиемъ и расположеніемъ представляли чтото въ родѣ общественнаго тѣла; но незнакомые другъ съ другомъ, въ разныхъ подраздѣленіяхъ, безъ главы, безъ взаимной привязанности, какъ бы изъ другаго рода смертныхъ внезапно собранные въ едино; болѣе толпа людей, чѣмъ Колонія.

28. Выборы преторовъ, обыкновенно дѣлавшіеся по усмотрѣнію сената, такъ какъ отличались особеннымъ искательствомъ, государь уладилъ; трехъ, которые просили сверхъ положеннаго числа, сдѣлалъ начальниками легіона. Увеличилъ и почетъ сенаторовъ постановивъ: чтобы тѣ, которые апеллировали къ сенату отъ частныхъ судей, подвергались также возможности заплатить денежный штрафъ, какой тѣ, которые апеллировали къ императору, а прежде это не влекло за собою никакой отвѣтственности и наказанія. Въ концѣ года Вибій Секундъ, всадникъ Римскій, по обвиненію Мавровъ, обвиненъ за взятки и изгнанъ изъ Италіи, а чтобы онъ не подвергся болѣе тяжкому наказанію, содѣйствовали ему средства брата его—Вибія Криспа.

29. Въ консульство Цезонія Пета и Петронія Турпилліана понесенъ тяжкій уронъ въ Британніи. Тамъ и легатъ А. Дидій удержалъ только то, что было пріобрѣтено ранѣе и преемникъ его Вераній, умѣренными набѣгами, спустошилъ (земли) Силуровъ, но

смерть ему воспрепятствовала вступить войну далѣе; пока онъ живъ былъ, пользовался большою славою строгости, а послѣдними словами завѣщанія обнаружившій честолюбіе, съ большою въ отношеніи Нерона лестью присовокушилъ: «покорилъ бы онъ ему провинцію, «проживи только два года еще». А тутъ Паулиннъ Светоній сталъ управлять Британцами, знаніемъ военнаго дѣла и толками народа, который никого не оставляетъ безъ соперника, — достоинъ былъ состязаться съ Корбулономъ. Онъ страстно желалъ — сдѣлать равное съ честью пріобрѣтенія Арменіи, окончательно усмиривъ все неприязненныя дѣйствія. Вслѣдствіе этого готовится онъ напасть на островъ Мону, сильно населенный и пріючь бѣглецовъ; изготовлены суда съ плоскимъ дномъ для лѣйствія на берегахъ низменныхъ и неопредѣленныхъ очертаній. Такъ перевезена пѣхота, а всадники слѣдовали въ бродъ или переправились и въ болѣе глубокихъ мѣстахъ пустивъ коней вплавь.

30. На краю берега стоялъ разнообразный строй, тѣсно сплоченный изъ вооруженныхъ людей, а между ними бѣгами на подобіе фурій женщины въ траурныхъ одеждахъ съ распущенными волосами, нося передъ собою факелы. Кругомъ Друиды, поднявъ къ небу руки, произносили страшныя проклятія. Воины сначала были до того поражены новостью этого зрѣлища, что, какъ бы оцѣпенѣвъ и утративъ возможность двигать членами, подставляли ранамъ недвижимыя тѣла. Потомъ, вслѣдствіе увѣщаній вождя и ободряя сами себя — не робѣтъ передъ строемъ неистовыхъ и женщинъ, двигаютъ впередъ значки, ниспровергаютъ все, что попадаетъ на встрѣчу и тѣснятъ непріятеля его же огнемъ. Затѣмъ у побѣжденныхъ оставленъ гарнизонъ и вырублены рощи, посвященныя ужаснымъ суевѣрнымъ обрядамъ; жители имѣли обыкновение кровью плѣнныхъ орошать олтари и по внутренностямъ людей спрашивать совѣта боговъ. Среди этихъ дѣйствій Светонія получается извѣстіе о внезапномъ отпаденіи провинціи.

31. Царь Иценовъ, Прасутагъ, снискавшій извѣстность продолжительнымъ благосостояніемъ, назначилъ наслѣдниками — Цезаря и двухъ дочерей; полагая такую угодливостью свои владѣнія и семейство обезпечить отъ какого либо оскорбленія; но вышло совсѣмъ напротивъ, и владѣнія его сдѣлались предметомъ грабежа сотниковъ, а домъ — рабовъ, какъ бы захваченныя силою. И съ самаго начала его жена Боодицея выстѣчена розгами, а дочери изнасилованы. Какъ будто бы вся область получена была въ даръ; у знатнѣйшихъ изъ Иценовъ отняты ихъ родовыя имущества, а съ род-

ственниками царя обращались какъ бы съ рабами. Вслѣдствіе такихъ оскорбленій и изъ опасенія еще болѣе тяжелыхъ (такъ какъ ихъ земли приняла совсѣмъ видъ провинціи) берутся за оружіе. Подвинуты къ возмущенію Тринобанты и другіе, еще не сломленные рабствомъ—условились на тайныхъ совѣщаніяхъ домогаться свободы. Въ высшей степени сильную ненависть питали они къ ветеранамъ: тѣ, будучи недавно отведены въ колонію Камалодунъ, гнали хозяевъ изъ домовъ, называя ихъ плѣнными рабами. При томъ же храмъ, устроенный божественному Клавдію, видѣлся какъ оплотъ вѣчнаго господства; выбраны жрецы, которые, подъ предлогомъ религіи, тратили достояніе всѣхъ. И нетруднымъ казалось уничтожить колонію, неогражденную никакими укрѣпленіями: наши вожди мало объ этомъ думали, заботясь о томъ, что пріятно болѣе, чѣмъ о томъ что полезно.

32. Въ это время, безо всякой повидимому причины, въ Камалодунѣ изображеніе побѣды упало, оборотясь задомъ какъ бы уступающая врагамъ. Женщины, прійдя въ неистовство, пѣли: «наступила гибель». Въ курии (зданіи сената) колоніи слышались странные звуки ропота; театръ огласился воплями и въ волнахъ Темзы видно было изображеніе испровергнутой колоніи. И самый океанъ казался кровавымъ; волны, удаляясь въ отливъ, оставляли изображенія человѣческихъ тѣлъ; все это подавало Британцамъ надежду, а ветеранамъ внушало опасенія. Но такъ какъ Светоній былъ далеко, то просили помощи у прокуратора Ката Деціана. Тотъ послалъ не болѣе 200; да и то не какъ слѣдуетъ вполне вооруженныхъ; да тамъ—въ Колоніи—находилось небольшое число воиновъ. Надѣясь найти защиту въ храмѣ и воспрепятствованные тѣми, которые тайно участвуя въ возмущеніи, старались внести замѣшательство во всѣ намѣренія, не обвели ни рва, ни вала и не удалили стариковъ и женщинъ, оставивъ (какъ бы слѣдовало) одну молодежь. Все остальное при первомъ нападеніи разграблено или сожжено, а храмъ, въ которомъ столпились воины, взятъ послѣ двухдневной осады. Британецъ побѣдитель пошелъ на встрѣчу Петиллію Церіалу легату девятаго легіона, разбилъ его и всѣхъ пѣшихъ умертвилъ. Церіаль съ всадниками ушелъ въ лагерь и нашелъ себѣ защиту въ укрѣпленіяхъ. Вслѣдствіе этого пораженія и ненависти провинціи, которую онъ своею жадностью вынудилъ къ войнѣ, прокураторъ Катъ въ тревогѣ перешелъ въ Галлію.

33. А Светоній съ удивительною настойчивостью посреди враговъ проложилъ себѣ путь въ Лондиній, не имѣвшій еще чести

называться колонією, но имѣвшій очень большую извѣстность множествомъ торговцевъ и привозимыхъ товаровъ. Тутъ онъ обдумывалъ—не избрать ли тутъ мѣсто для военныхъ дѣйствій, видя вокругъ себя немногочисленность воиновъ и что неосторожность Петиллія уже обуздана довольно значительными доказательствами, вредомъ одного города рѣшился спасти все. Не смягчился онъ ни плачемъ, ни слезами умолявшихъ его о помощи, а подаль знакъ къ выступленію; тѣхъ, которые захотѣли его провожать, принялъ въ составъ строя. Задержанные или безсиліемъ пола, или дряхлостью возраста, или пріятностью мѣстности, подавлены непріателемъ. Такая же бѣдственная участь постигла и муниципій Веруламій: дикари оставивъ въ покоѣ укрѣпленія, гдѣ были военные гарнизоны, стремились туда, гдѣ больше могли найти для грабежа и наименьше безопасности для защитниковъ; они довольствовались добычею, а о прочемъ не радѣли. Оказалось, что въ тѣхъ, которыхъ я упомянулъ мѣстностяхъ пало до семидесяти тысячъ гражданъ и союзниковъ. Они не брали въ плѣнъ или для продажи и иной торговли обычной въ военное время не заводили, но убивали, вѣшали, жгли, распинали, какъ будто воздавая казнь за казнь и спѣша насытиться мщеніемъ.

34. Уже у Светонія находился четырнадцатый легіонъ съ значконосцами двадцатаго и изъ ближайшихъ мѣстностей вспомогательные воины, а всего около десяти тысячъ человекъ подъ оружіемъ: онъ готовится оставить нерѣшительность и сразиться въ бою; выбираетъ мѣстность въ тѣсномъ ущельи и съ тыла прикрытую лѣсомъ, достаточно узнавъ, что непріятеля нѣтъ иначе какъ только спереди и что равнина открытая, гдѣ нѣтъ опасности засады. А потому поставлены воины легіоновъ частыми рядами, кругомъ легковооруженные, а передъ флагами конница густою толпою. Войска Британцевъ двигались быстро въ разсыпную пѣшими и конными отрядами въ такомъ числѣ, какъ еще не разу и въ такомъ ожесточеніи, что они влекли съ собою и женъ быть свидѣтельницами побѣды, посадивъ ихъ на телеги, разставленные вокругъ крайняго предѣла лагеря.

35. Боадичеа, на колесницѣ передъ собою ведя дочерей, какъ подъѣзжала къ войскамъ какого либо племени, высказывала: «въ обычаѣ Британцевъ сражаться подъ предводительствомъ женщинъ, но на этотъ разъ, хотя и происходитъ отъ такого длиннаго ряда предковъ, но метитъ не за отнятыя царство и достояніе, но какъ послѣдняя изъ народа за утраченную свободу,

«тѣло изможденное ударами, поруганную стыдливость дочерей. «До того страсти Римлянъ не знаютъ предѣловъ, что не щадятъ «ни тѣлъ, ни старости, ни неоскверненной дѣвичьей невинности.» Но боги присутствуютъ при праведномъ мщеніи; палъ легионъ, который дерзнулъ на сраженіе; прочіе скрываются въ лагерѣ или озираются куда бы бѣжать. Неустоятъ они противъ криковъ и шума столькихъ воиновъ, а не только противъ натиска и рукопашной схватки съ ними. Если они примутъ въ соображеніе число вооруженныхъ и самые поводы къ войнѣ, то имъ ничего болѣе не остается, какъ или побѣдить въ этомъ бою или умереть. Таково назначеніе женщины, а мужья пусть живутъ и рабствуютъ.

36. Въ такую рѣшительную минуту не молчалъ и Светоній; онъ, хотя и полагался на доблесть своихъ воиновъ, но просьбы мѣшалъ съ убѣжденіями: «пусть пренебрегутъ громкими, но пустыми угрозами дикарей; въ ихъ рядахъ видно болѣе женщинъ «чѣмъ молодежи; къ войнѣ неспособные, безоружные тотчасъ же «уступать, когда, бывъ столько разъ поражены, узнаютъ оружіе и «доблесть побѣдителей. Уже во многихъ легионахъ мало такихъ, «которымъ приходится участвовать въ сраженіяхъ. Ихъ слава «еще увеличится тѣмъ, что не большой отрядъ совершитъ подвигъ цѣлаго войска. Тѣнѣ сплотясь, бросивъ дротики, щитами и мечами пусть все ломаютъ и умерщвляютъ передъ собою, «не думая о добычѣ; стяжавъ побѣду, все имъ уступить.» Такое усердіе воиновъ встрѣтило слова вождя; такъ старый воинъ пріобрѣтшій опытность во многихъ сраженіяхъ хорошо готовился къ бросанію дротиковъ, что Светоній, убѣжденный въ успѣхѣ, далъ знакъ къ сраженію.

37. Сначала легионъ, не двигаясь съ мѣста и самую тѣноту его имѣя вмѣсто укрѣпленій, когда непріятель, подойдя ближе далъ возможность побросать дротики и не даромъ, какъ бы клиномъ (свернувшись въ карре) бросился впередъ. Также силенъ былъ натискъ вспомогательныхъ войскъ, а конница, выставивъ впередъ коня, смяла все, что попадалось на встрѣчу и имѣло еще силу. Остальные обратили тылъ и трудно имъ было уйти, потому что поставленныя кругомъ телѣги преграждали путь. Воины не воздерживались отъ убійства и женщинъ; пронзенныя стрѣлами лошади дѣлали груды тѣлъ еще больше. Въ этотъ день пріобрѣтена слава блестящая и равная древнимъ побѣдамъ, такъ какъ нѣкоторые утверждаютъ, будто бы въ

этотъ день пало Британцевъ немного менѣе восьмидесяти тысячъ, а изъ воиновъ пало около 400 и немного болѣе ранено. Бодидея окончила жизнь ядомъ. Пэній Постумій, префектъ лагерей втораго легіона, узнавъ объ удачныхъ дѣйствіяхъ воиновъ четырнадцатаго и двадцатаго легіоновъ и такъ какъ онъ лишилъ свой легіонъ такой же славы, ослушавшись вождя, вопреки военнаго обычая, самъ себя пронзилъ мечемъ.

38. Потомъ все войско стянутае содержимо было въ палаткахъ для довершенія остальныхъ военныхъ дѣйствій. Увеличилъ Цезарь войска, приславъ изъ Германіи двѣ тысячи воиновъ изъ легіоновъ, восемь вспомогательныхъ когортъ и тысячу всадниковъ; съ прибытіемъ ихъ девятый легіонъ пополненъ воинами изъ легіоновъ, а когорты и эскадроны поставлены на новыхъ зимнихъ квартирахъ, а земли всѣхъ племенъ, которыхъ вѣрность была сомнительна или которыя и вовсе были враждебны, опустошены огнемъ и мечемъ. Но болѣе всего вредилъ имъ голодъ, такъ какъ они неохотники сѣять хлѣбъ и во всѣхъ возрастахъ занимаютъ лишь войною; наши подвозы они прочли было себѣ. Крайне свирѣпья племена не охотно склонялись къ миру. Юлій Глассиціанъ, присланный на мѣсто Кага, находился въ ссорѣ съ Светоніемъ и общему благу вредитъ частными неудовольствіями; онъ распускалъ слухъ, что: «необходимо дожидаться новаго легата, который, безъ неприятнаго раздраженія надменности внушонной побѣдою, милосердно позаботился «бы о покорившихся.» Въѣтъ онъ давалъ знать въ городъ (Римъ): «чтобы не ждали конца битвамъ, пока Светонію не будетъ присланъ преемникъ.» Неудачи его приписывалъ онъ его винѣ, а успѣшныя дѣйствія относилъ къ счастію государства.

39. А потому для изслѣдованія положенія Британніи посланъ изъ отпущенниковъ Поликлетъ, при чемъ Неронъ сильно надѣялся, что своимъ вліяніемъ не только водворитъ онъ согласіе между легатомъ и прокураторомъ, но внесетъ спокойствіе въ возмутившіеся умы дикарей. Не могло не случиться того, что Поликлетъ, огромною свитою бывший въ тягость Италіи и Галліи, переправаясь черезъ Океанъ, и для воиновъ нашихъ явился страшнымъ. Врагамъ же былъ только посмѣшищемъ; у нихъ, гдѣ еще вполнѣ процвѣтала свобода неизвѣстно было еще могущество отпущенниковъ. Видили они какъ вождь и войско, одолевшее такую войну, повиновались рабу. Императору все представлено въ видѣ смягченномъ и задержанный веденіемъ воен-

ныхъ дѣйствій Светоній за то, что немного судовъ потерялъ у берега и съ гребцами, получилъ приказаніе какъ будто бы война продолжалась: передать войско Петронію Турпиліану, уже оставившему консульство. Тотъ не раздражалъ непріятеля, да и самъ затрогиваемъ имъ не былъ и благовиднымъ именемъ мира прикрылъ позорное бездѣйствіе.

40. Въ этомъ же году въ Римѣ совершены два замѣчательныхъ злодѣянія—одно сенаторомъ, а другое—дерзостью раба. Домицій Вальбъ, бывшій преторъ, уже въ преклонной старости легко подвергся коварнымъ замысламъ, вельдѣствіе одипочества и богатства. Родственникъ его, Валерій Фабіанъ, назначенный помогать почетныхъ должностей, поддѣлалъ духовное завѣщаніе, при соучастіи Виниція Руфина и Теренція Лентина, всадниковъ Римскихъ. Они приняли въ товарищи Антонія Прима и Азинія Марцелла. Антоній, смѣлый и на все готовый. Марцеллъ именитый прадѣдомъ своимъ, Азиніемъ Полліономъ; да и нравственное поведеніе его не представляло ничего, чтобы заслуживало презрѣніе развѣ только тѣмъ, что онъ бѣдность считалъ высшимъ зломъ. Такимъ образомъ Фабіанъ скрѣпилъ завѣщаніе тѣми свидѣтелями, о которыхъ я упомянулъ и другими менѣе извѣстными. Все это обличено передъ сенаторами; Фабіанъ и Антоній съ Руфиномъ и Теренціемъ осуждены въ силу Корнеліева закона. Марцелла—въ память предковъ, и заступничества Цезаря освободили болѣе отъ казни, чѣмъ отъ безславія.

41. Поразили этотъ день и Помпея Эліана, молодого человека, квестора, какъ знавшаго о противозаконномъ проступкѣ Фабіана и ему запрещенъ въѣздъ въ Италію и Испанію, гдѣ онъ родился. Такое же безславіе постигло Валерія Понтика за то, что онъ обвиняемыхъ, съ цѣлью, чтобы они не были уличены передъ префектомъ города, отвелъ къ претору и, ссылаясь на законы, тянулъ дѣло, съ тѣмъ, чтобы какъ нибудь ускользнуть отъ наказанія. Къ сенатскому опредѣленію прибавлено: «кто подобнаго рода содѣйствіе будетъ продавать или покупать, «то долженъ подвергнуться такому же наказанію, какъ еслибы «онъ гласнымъ приговоромъ былъ осужденъ за клевету.»

42. Немного спустя префекта города—Педанія Секунда умертвилъ его рабъ или за то, что тотъ отказалъ ему въ свободѣ, за которую онъ заплатилъ деньги, или разсердясь за любовь его хозяина къ одному молодому человѣку, не терпя себѣ соперника. Но когда, согласно древняго обычая всю дворню,

сколько ее было подъ одною кровлею, слѣдовало вестъ на казнь, народъ сбѣжался, защищая столько невинныхъ и дѣло дошло почти до возмущенія. Да и въ самомъ сенатѣ обнаружилось стараніе нѣкоторыхъ умѣрить излишнюю жестокость; большинство же было того мнѣнія, что не нужно никакого измѣненія. Изъ числа этихъ К. Кассій, когда пришлось ему высказать мнѣніе, изложилъ его такъ:

43. «Часто, почтенные товарищи, присутствовалъ я въ этомъ собраніи когда требовали новыхъ декретовъ противъ установленій и законовъ нашихъ предковъ, и я не противился не потому, чтобы во мнѣ было сомнѣніе на счетъ того, что обо всѣхъ дѣлахъ въ старину лучше и правильнѣе было постановлено и что всякое измѣненіе обращается къ худшему; но какъ бы не умѣренной любовью древнихъ обычаевъ не показался я превозносящимъ мое усердіе. Притомъ же я не считалъ умѣстнымъ сколько у насъ осталось еще значенія разрушать частыми противорѣчіями. Пусть останется неприкосновеннымъ, если когда либо общественное дѣло потребуетъ нашихъ рѣшеній. Именно теперь это и случилось, когда бывшій консулъ убить въ своемъ домѣ предательскимъ замысломъ раба, которому никто не воспрепятствовалъ и не выдалъ его, хотя еще не отмѣнено постановленіе сената, грозящее казнью всей дворнѣ. Свидѣтельствуюсь Геркулесомъ, декретируйте безнаказанность. Но ктоже найдетъ защиту въ собственномъ достоинствѣ, если и префектура города нисколько не помогла? Кому послужить охраною число рабовъ, когда четыреста человѣкъ не защитили Педанія Секунда? Кому слуги его окажутъ помощь, если они и гдѣ нужно опасаться, не отвращаетъ того, что намъ грозитъ? Неужели—какъ не краснѣютъ нѣкоторые вымышлять—допустимъ, что убійца отмстил за нанесенное ему оскорбленіе. Можетъ быть онъ утратилъ отъ отца полученныя деньги или обязанности отъ дѣда дошедшія были у него отнимаемы? Выскажемъ же прямо, что, по нашему убѣжденію, господинъ убить за дѣло.»

44. Нужно ли приводить доказательства тому, что думано людьми умнѣе насъ? Но положимъ, что намъ пришлось бы теперь дѣлать первое постановленіе объ этомъ, неужели вы думаете, что рабъ задумалъ убить господина такъ, что у него не вырвалось ни одной угрозы? Въ самонадѣянности нисколько онъ не высказался? Положимъ—скрылъ онъ свое намѣреніе, оружіе

досталъ такъ, что никто этого не зналъ, но какъ же онъ прошелъ караульщикова, отворилъ дверь спальни, внесъ огонь, совершилъ убійство такъ, что никто о томъ не зналъ. Обнаруживаются многочисленныя слѣды преступленія. Если рабы станутъ насъ предавать, то возможно ли намъ будетъ жить однимъ среди болѣе многочисленныхъ, спокойнымъ среди безпокойныхъ, наконецъ—если уже намъ придется погибать, не отмщеннымъ среди виновныхъ. Предкамъ нашимъ расположеніе умовъ рабовъ всегда казалось подозрительнымъ, хотя бы они родились на тѣхъ же поляхъ и въ тѣхъ же домахъ и немедленно встрѣчали любовь господъ. А теперь, когда мы имѣемъ въ нашихъ дворняхъ людей племень совершенно другихъ обычаевъ, чуждой вѣры или и вовсе никакой, то такую смѣсь можно удержать только страхомъ. Но нѣкоторые погибнуть невинно? Но и изъ бѣжавшаго войска, когда десятый человѣкъ гибнетъ подъ палкою, достается и старательнымъ воинамъ. Самая мнимая несправедливость послужить великимъ примѣромъ и то, на сколько пострадаетъ личность, вознаграждается общою пользою.

45. Мнѣнію Кассія никто самолично не дерзнулъ противорѣчить, но тамъ и сямъ раздавались голоса, высказывавшіе состраданіе о большомъ числѣ, возрастѣ, полѣ и безспорной невинности большинства. Перевысила, впрочемъ, сторона, опредѣлявшая казнь, но невозможно было привести рѣшеніе въ исполненіе, такъ какъ столпился народъ и грозилъ камнями и поджогомъ: Цезарь указомъ побранилъ народъ, а дорогу, по которой осужденные должны были идти на казнь, обставили вооруженными отрядами. Цингоній Варро подалъ было мнѣніе, чтобы и отпущенники, находившіеся подъ одною кровлею, были высланы изъ Италіи. Но государь не допустилъ до этого (говоря): «если старинный обычай не могъ быть измѣненъ милосердіемъ, то нѣтъ надобности усиливать и его строгость».

46. При тѣхъ же консулахъ подвергся осужденію Тарквицій Прискъ за взятки, по просьбѣ Вионинцевъ, къ большей радости сенаторовъ, припоминавшихъ, что имъ обвиненъ Статилій Тавръ, бывший его проконсуломъ. Произведена переносъ по Галліямъ, К. Волузіемъ, Секстіемъ Африканомъ и Требелліемъ Максимомъ; въ знатности спорили между собою Валузій и Африканъ, а Требеллія они терпѣли, презирая его оба.

47. Въ этомъ году умеръ Меммій Регулъ. Вліяніемъ, твердостью, доброю славою, приобрѣлъ онъ такую извѣстность, какую

только могъ подъ сѣнью всеприкрывавшаго величія императора, до такой степени, что Неронъ, будучи боленъ, и, слыша голоса льстецовъ, говорившихъ: «наступилъ конецъ Имперіи» — отвѣчалъ: «если что съ нимъ и случится по волѣ судьбы, то отечество не остается безъ опоры.» На вопросъ: «кто же это именно?» прибавилъ — «Меммій Регулъ.» — Оставался и послѣ того живъ Регулъ, защищенный тѣмъ, что оставался покоенъ, пользовался извѣстностью новаго рода и средства его были таковы, что ни въ комъ зависти не возбуждали. Въ этомъ году освященъ Нерономъ гимназій и всадникамъ и сенату роздано масло съ тою готовностью, что у Грековъ..

48. Въ консульство П. Марія и Л. Азинія, Антистія преторъ, о которомъ я упоминалъ, что онъ въ бытность трибуномъ народнымъ, вѣлъ себя своевольно, сочинилъ ругательные стихи на государя и ихъ пустилъ въ ходъ среди многолюднаго собранія, пируя у Осторія Скапулы. Велѣдствіе этого Коссуціанъ Капитонъ, получившій не задолго передъ тѣмъ санъ сенатора, по просьбѣ Тигеллина, своего тестя, донесъ на Антистія въ оскорбленіи величества. Тутъ то въ первый разъ снова пустили въ ходъ этотъ законъ. И довольно основательно полагали, что не столько искали гибели Антистія, сколько славы императору: осужденный сенатомъ, онъ заступничествомъ трибунской власти долженъ былъ сохранить жизнь. Когда Осторій, приведенный въ свидѣтели, сказалъ, что ничего не слышалъ, дано вѣру свидѣтельствовавшимъ противное. Юній Маруллъ, назначенный консулъ, подалъ мнѣніе: «подсудимаго необходимо лишить преторскаго званія и казнить смертию по обычаю предковъ.» Когда прочіе на это соглашались, Петъ Тризеа въ самыхъ почетныхъ для Цезаря выраженіяхъ и самымъ рѣзкимъ образомъ осуждая поступокъ Антистія, высказалъ: какъ ни вполне заслужилъ казнь подсудимый, но, при такомъ отличномъ государѣ и безо всякой необходимости, которая бы понуждала сенатъ, не нужно возстановлять казнь. Палачъ и вѣсѣлица отмѣнены еще прежде, а есть наказанія, установленныя законами, каковыя и должны быть примѣняемы безъ жестокости судей и безславія времени. Будучи посланъ на островъ, причѣмъ все имущество должно быть у него конфисковано, чѣмъ долѣ виновный протянетъ жизнь, тѣмъ и самъ по себѣ будетъ жалчѣе и послужитъ великимъ примѣромъ общественнаго милосердія.

49. Свободомысліе Тризеа побѣдило раболѣзство другихъ и

когда консулъ допустилъ подавать мнѣніе, то всѣ почти, за немногими исключеніями, приняли мнѣніе Тразея. Въ числѣ несогласившихся съ нимъ наиболѣе готовности къ лести высказалъ А. Вителлій, не щадя браши лучшимъ людямъ, а на отвѣтъ сохраняя молчаніе, какъ то свойственно трусамъ. А консулы, не смѣя привести въ исполненіе рѣшеніе сената, написали къ Цезарю о согласіи. Тотъ колебался между стыдомъ и раздраженіемъ, наконецъ отвѣтилъ письменно: «Апистій, не вызванный «на то никакимъ оскорбленіемъ, высказалъ самыя тяжкія на го-«сударя порицанія. Возмездія за это требовалось отъ сенато-«ровъ и справедливо было бы опредѣлить наказаніе, которое со-«отвѣтствовало бы значительности вины. Впрочемъ онъ, который «воспрепятствовалъ бы строгому декрету, не остановитъ испол-«ненія и тяжкаго. Пусть сенаторы рѣшаютъ какъ хотятъ; имъ «предоставлена свобода даже оправдать.» По прочтеніи такихъ и въ этомъ же родѣ выражений, въ которыхъ ясно высказывалось раздраженіе, все таки и консулы не перемѣнили доклада и Тразея не отступилъ отъ своего мнѣнія да и остальные, одобривъ его, не измѣнили ему, частью какъ бы не показать, что они обличаютъ государя въ недоброжелательствѣ, частью считая себя безопасными многочисленностью; а Тразея, по свойственной ему твердости духа и изъ опасенія помрачить свою славу.

50. Въ этомъ же родѣ обвиненіе пало на Фабриція Всіенто: «будто бы онъ много оскорбительнаго для сенаторовъ и священниковъ помѣстилъ въ книгахъ, изданныхъ подъ названіемъ *маленькаго сборника*. Талій Геминъ, обвинитель, прибавилъ: «что «онъ продавалъ дары государя и право полученія почестей.» Это было поводомъ, что Неронъ взялъ рѣшеніе дѣла на себя; Всіенто уличенъ и изгнанъ изъ Италіи, а книги приказано ежечь. Старались ихъ отыскать и прочитать, пока ихъ пріобрѣтеніе сопряжено было съ опасностью; но скоро легкая возможность имѣть ихъ привела за собою забвеніе.

51. Со дня на день зло общественное становилось все тяжелѣе, а противудѣйствіе уменьшалось. Оставилъ жизнь Бурръ неизвѣстно отъ болѣзни или отъ яда. Первое предполагали потому, что у него опухло горло, дыханіе становилось все труднѣе и наконецъ прервалось. Большинство утверждало, что по приказанію Нерона, въ видѣ употребленія лѣкарства, горло вымазали вреднымъ веществомъ. Бурръ, понявъ преступленіе, когда государь пришелъ съ нимъ повидаться, отвернулся отъ него и на

его вопросъ (о здравіи) отвѣчалъ только: «я чувствую себя хо-
«рошо.» Общество все сильно жалѣло о потерѣ Бурра помня его
добродѣтели, а преемниковъ одного—праздное, хотя и невинное,
бездѣйствіе, а другаго—вопіющія злодѣянія и развратъ: Цезарь
сдѣлалъ двухъ начальниковъ надъ преторіанскими когортами:
одного Фенія Руфа, любимца народнаго за то, что онъ хлѣб-
нымъ дѣломъ завѣдывалъ безкорыстно, другаго—Софонія Тигел-
лина, къ которому привлекали его старинныя безстыдство и без-
славіе. Положеніе и того и другаго опредѣлилось извѣстною ихъ
нравственностью: Тигеллинъ имѣлъ болѣе вліянія на государя,
какъ соучастникъ самыхъ тайныхъ наслажденій; Руфъ пользо-
вался хорошою славою у народа и воиновъ, а за то отъ Не-
рона испытывалъ совсѣмъ противное.

52. Смерть Бурра надломила и могущество Сенеки; нестолько
было уже силы благотворнаго вліянія съ исчезновеніемъ одного
дѣятеля: да и расположеніе Нерона обращалось все болѣе и бо-
лѣе къ людямъ дурнымъ. Они стали взводить на Сенеку раз-
личныя обвиненія: «будто бы онъ свое громадное и уже превы-
«шающее потребности частнаго человѣка состояніе старается еще
«увеличить, задобриваетъ расположеніе гражданъ; украшеніемъ са-
«довъ и великолѣпнѣмъ загородныхъ дачъ, какъ бы старается
«превзойти государя.» Ставили ему также въ вину, «что онъ
«славу краснорѣчія старается снискать себѣ одному и чаще пи-
«шетъ стихотворенія съ тѣхъ поръ, какъ Нерону пришла охота
«слагать ихъ. Явно высказываетъ онъ (Сенека) свое неудоволь-
«ствіе относительно забавъ государя, дурно отзывается о его
«силѣ править конями; насмѣхается надъ голосомъ всякій разъ
«какъ онъ поетъ. Съ какою цѣлью домогается онъ, чтобы въ
«обществѣ не было ничего похвалы достойнаго, что, по общему
«убѣжденію, не исходило бы отъ него? Нѣтъ сомнѣнія кончилось
«дѣтство Нерона и наступило время крѣпкой юности; пора и
«избавиться отъ наставника; достаточно руководителей будетъ
«онъ имѣть въ примѣрахъ своихъ предковъ.»

53. Сенека не безызвѣстны были такія обвиненія; они ему
были переданы тѣми, которымъ честное было еще сколько нибудь
дорого. Цезарь все болѣе и болѣе уклонялся отъ короткости съ
нимъ, а потому онъ умоляетъ о времени объясниться. Добившись
этого, началъ такъ: «четырнадцатый годъ, Цезарь, какъ я со-
«участникомъ твоихъ надеждъ; восьмой съ тѣхъ поръ какъ ты
«получилъ власть императорскую: въ теченіи этого времени столько

«почестей и богатствъ сосредоточилъ на мнѣ, что къ моему бла-
«лополучію если что еще нужно, то именно умѣренность. При-
«веду великіе примѣры и изъ твоего высокаго положенія, а не
«изъ моего. Прадѣдъ твой, Августъ, предоставилъ М. Агриппѣ
«жить въ уединеніи и бездѣйствіи на Матилонѣ, а К. Меценату
«въ самомъ городѣ жить какъ бы чужеземцу; а изъ нихъ одинъ
«товарищъ военныхъ трудовъ, а другой въ Римѣ понесъ боль-
«шія заботы, получили щедрыя награды, но соразмѣрно съ ихъ
«великими заслугами; а я, къ твоему величію, что могъ прибавить
«кромѣ занятій взлелѣянныхъ, такъ сказать, во мракѣ? Если
«ихъ увѣнчала извѣстность такъ, какъ по видимому я присут-
«ствовалъ при первомъ развитіи твоей молодости, то уже въ
«этомъ заключалась великая мнѣ награда. А ты окружилъ меня
«непомѣрною милостью, несмѣтными деньгами до того, что часто
«я самъ съ собою разсуждаю: неужели я, родясь, во всадничес-
«комъ сословіи и въ провинціи, долженъ быть причисленъ къ
«первымъ сановникамъ государства? Долженъ ли я, человѣкъ
«новый, стать въ блистательномъ ряду лицъ знатныхъ, имѣю-
«щихъ за собою право долговременныхъ почестей? Гдѣ же то
«расположеніе ума, которое должно довольствоваться немногимъ?
«А онъ устроиваетъ такіе сады, захватываетъ такія загород-
«ныя мѣста, изобилуетъ такими значительными доходами? Одно
«оправданіе только и есть, что твоимъ дарамъ противиться я
«не долженъ былъ».

54. Но оба уже мы исполнили мѣру и ты—сколько государь
можетъ даровать другу и я, сколько въ качествѣ друга могу при-
нять отъ государя! Идти далѣе значило бы возбуждать зависть.
Всѣ эти соображенія, чисто человѣческія, конечно ниже твоего
великодушія; но на мнѣ они лежатъ; мнѣ необходимо помочь. Какъ
если бы на походѣ или на пути утомленный просилъ бы я объ
опорѣ; такъ на этомъ пути жизни уже старикъ, которому не подъ
силу и самыя легкія заботы, не будучи уже долге въ состояніи
справиться съ моими средствами, прошу помощи. Вели—мой; имѣ-
нія управлять прокураторамъ и принять въ твое достояніе. Да я
и не брошу самъ себя въ бѣдность, но, передавъ те, блескъ чего
меня ослѣпляетъ, все время, которое теперь употребляется на за-
боту о садахъ или вилахъ, сберегу для ума. Есть у тебя въ
избыткѣ силъ и въ теченіи столькихъ лѣтъ упроченное верховное
мощество: пусть будетъ намъ, престарѣлымъ друзьямъ, возмож-
ность предаться спокойствію. Да и это отнесется къ твоей славѣ,

что ты поставилъ на высокую степень тѣхъ, которые довольствовались бы и умѣреннымъ.

55. На это Неронъ отвѣтилъ почти такъ: «что я обдуманной рѣчи твоей въ состояніи отвѣчать немедленно и этимъ я обязанъ тебѣ; ты меня научилъ справляться не только съ тѣмъ, что возможно предвидѣть, но и что встрѣтится вдругъ. Прадѣдъ мой Августъ допустилъ Агриппѣ и Меценату послѣ трудовъ наслаждаться спокойствіемъ, но въ томъ же возрастѣ, котораго значеніе охраняется уже само собою, чтобы онъ и какъ бы ни приписалъ; однако ни того, ни другаго не лишилъ онъ данныхъ имъ наградъ. Заслужили ихъ они на войнѣ и среди опасностей; среди нихъ прошла молодость Августа. И мнѣ не было недостатка въ содѣйствіи твоихъ ружь и оружія, если пришлось дѣйствовать имъ; но что требовало нынѣшнее положеніе дѣлъ—разумомъ, предначертаніями, наставленіями пригрѣлъ ты сначала мое дѣйство, а потомъ и юношескій возрастъ. Твои въ отношеніи ко мнѣ заслуги, пока хватитъ мнѣ жизни, неотъемлемы; а то, что ты отъ меня имѣешь, сады, денежные доходы и виллы—подвержено разнымъ случайностямъ и, хотя они кажутся и значительными, но очень многіе, далеко неровняясь съ тобою заслугами, имѣли еще болѣе. Стыдно указать на отпущенниковъ, которыхъ мы видимъ богаче, а потому мнѣ приходится краснѣть, что первый по расположенію, по состоянію ты еще не превосходишь всѣхъ».

56. «Впрочемъ ты еще и по возрасту достаточно крѣпокъ, чтобы завѣдывать дѣлами съ пользою, да и мы только вступили на поприще власти, если только ты себя не ставишь послѣ Вителлія, бывшаго три раза консуломъ или меня послѣ Клавдія. Но сколько Волузій приобрѣлъ долговременною бережливостію, столько моя щедрость не могла тебѣ доставить. Почему тебѣ и не напоминать, если бы мы когда и уступили увлеченію молодости, честь и силу твою окружить приличными издержками. Не будетъ умѣренностію съ твоей стороны если ты возвратишь деньги; ни спокойствіемъ, если оставишь государя, но всѣ станутъ говорить о моемъ корыстолюбіи, о томъ какъ ужасна моя жестокость. Если твою умѣренность и стали бы осыпая великими похвалами, то умному челоуку не будетъ честно—снискать себѣ славу безславіемъ друга». Въ этому присоединилъ объятія и поцѣлуи, отъ природы селонный а отъ навыки приобрѣтшій опытность—прикрывать неприянь обманчивыми ласками. Сенека—такъ оканчиваются всякаго рода бесѣды съ властью имѣющими—поблагодарилъ Нерона, но измѣнилъ

привычки прежняго могущества, запретилъ сборища приходившихъ къ нему на поклонъ, избѣгалъ провожатыхъ; рѣдко показывался въ городѣ, какъ бы страдая здоровьемъ или умственными занятіями будучи задержанъ дома.

57. Съ униженіемъ Сенеки не замедлили ослабить значеніе и Фенія Руфа, ставя ему въ вину пріязнь Агриппины. Съ каждымъ днемъ входилъ все болѣе въ силу Тигеллинъ; онъ полагалъ, что его способности на зло, а въ нихъ у него недостатка не было, сдѣлаютъ его тѣмъ пріятнѣе, если государя онъ свяжетъ со товариществомъ въ преступленіяхъ. Онъ слѣдитъ за его опасеніями и подмѣтивъ, что больше всего опасается Плавта и Суллы, изъ которыхъ Плавтъ удаленъ былъ недавно въ Азію, а Сулла въ Галлію Нарбонскую, напоминаетъ: «знатность ихъ рода и близость «одному Восточнаго, а другому Германскаго войска. Онъ Тигеллинъ—не такъ какъ Бурръ, котораго надежды были и тамъ и «сямъ—имѣетъ въ виду лишь безопасность Нерона, лично оберегаетъ онъ ее отъ враждебныхъ замысловъ въ городѣ, но какъ «могъ бы онъ подавить отдаленныя возстанія? Полны ожиданія «Галліи при имени Диктаторскомъ, и не менѣе подозрительны на «роды Азіи, вслѣдствіе извѣстности дѣда Друза. Сулла бѣдентъ, «а это главное побужденіе къ смѣлости; онъ притворяется без«печнымъ, подстерегая случай дѣйствовать рѣшительно. Плавтъ «при своихъ огромныхъ средствахъ и не укрывается желаніемъ «оставаться въ бездѣйствіи, но предпочитаетъ примѣры древнихъ «Римлянъ. Онъ присталъ даже къ самостоятельному ученію стои«ковъ, которое дѣлаетъ людей безпокойными и жаждущими дѣя«тельности». Долже не стали медлить. Сулла на шестой день при«бывшими въ Массилію убійцами умерщвленъ прежде опасеній и толковъ, когда собирался садиться за столъ ужинать. Надъ при«несенною его головою издѣвался Неронъ, какъ обезображенною преждевременною сѣдиною.

58. Не такъ втайнѣ оставалось то, что Плавту готовится смерть вслѣдствіе того, что о его безопасности была забота мно«гихъ. Притомъ же отдаленность пути моремъ и время, которое прошло между тѣмъ, подали поводъ къ слухамъ. Придумали въ народѣ, будто бы онъ запрашивалъ Корбулона, въ то время на«чальствовавшего надъ большими войсками, самаго близкаго къ опасности, если смерть будетъ грозить всѣмъ лицамъ знаменитымъ и невиннымъ. Да и Азія изъ расположенія къ молодому человѣку взялась за оружіе, воины посланныя совершить преступленіе, не

были довольно сильны числомъ, ни богаты усердіемъ и не будучи въ состояніи исполнить то, что имъ было приказано, перешли туда, гдѣ новыя надежды. Все это пустое, какъ обыкновенно слухи, принимало размѣры все большіе отъ праздности тѣхъ, которые этому давали вѣру. Впрочемъ отпущенникъ Плавта быстрою вѣтровъ предупредилъ сотника и принесъ вѣсть отъ тестя его Л. Антистія: «пусть онъ уйдетъ отъ безславной смерти въ бездѣйствіи; «найдетъ онъ убѣжище и состраданіе къ великому имени при- «вяжетъ благонамѣренныхъ, соединитъ рѣшительныхъ, а пока не «нужно пренебрегать никакими средствами защиты. Отрази онъ «только шестьдесятъ воиновъ (столько ихъ приближалось), пока «прійдетъ объ этомъ извѣстіе Нерону, пока прибудетъ другой во- «оруженный отрядъ, произойдетъ многое, что разростетъ въ раз- «мѣры войны. А потому, пусть онъ или ищетъ спасенія въ та- «комъ рѣшеніи или понесетъ то, чего хуже не будетъ, дѣйствуя «смѣло, чѣмъ оставаясь, сложа руки».

59. Но на Плавта это не подѣйствовало; не предвидѣлъ ли онъ безоружнымъ и въ ссылкѣ никакой себѣ опоры, не по сердцу ли ему были сомнительныя надежды, любилъ ли онъ сильно жену и дѣтей, надѣясь, что государь, освободясь отъ всякихъ опасеній будетъ къ нимъ милостивѣе. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ отъ тестя получилъ другія вѣсти, что будто ему не грозитъ ничего страшнаго, и что Церанъ Грекъ и Музоній Тускъ совѣтовали: твердость въ ожиданіи смерти предпочтительна передъ жизнью невѣрною и среди опасеній. «То вѣрно, что «его нашли среди дня голымъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. «Туть его и умертвилъ сотникъ въ присутствіи эвнуха Целаго- «на; его Неронъ поставилъ начальникомъ надъ сотникомъ и «воинами какъ служителя царскаго. Принесена голова умерщ- «вленнаго; при видѣ ея—привожу собственныя слова государя:» зачѣмъ же ты Неронъ, отложивъ страхъ, не спѣшишь готовить бракосочетаніе съ Поппею, отложенное вслѣдствіе такихъ опасеній, удаливъ отъ себя жену Октавію. Какъ она ни скромно себя держитъ, но опасна именемъ отца и усердіемъ народа. «Въ «сенатъ онъ послалъ письмо въ которомъ не сознавался въ убій- «ствѣ Суллы и Плавта, но говорилъ о безпокойномъ располо- «женіи умовъ того и другаго и о томъ, что онъ постоянно пе- «чется о спокойствіи государства.» Вслѣдствіе этого опредѣленъ декретомъ молебствія, а Сулла и Плавтъ удалены изъ сена-

та. Конечно это болѣе было смѣшно, чѣмъ заключало бы въ себѣ существенное зло.

60. Получивъ такой декретъ сената, и видя, что все его преступленія принимаются какъ отличныя дѣйствія, прогоняетъ Октавію, говоря будто бы она безплодна. Вслѣдъ за тѣмъ соединяется съ Поппею. Она долгое время любовница, всесильная надъ Нерономъ и когда связь ихъ была еще преступна и теперь, когда онъ сдѣлался ея мужемъ, подучила одного изъ служителей Октавіи поставить ей въ вину любовныя отношенія къ рабу; указанъ и обвиненный, именемъ Евцеръ, родомъ изъ Александріи, мастеръ играть на флейтѣ. Вслѣдствіе этого горничныя Октавіи подвергнуты пыткамъ; нѣкоторыя, уступая силѣ мученій, подтвердили ложь своими показаніями, а большая часть упорно отстаивали святость жизни госпожи своей. Одна, когда ее настоятельно спрашивалъ Тигеллинъ, отвѣтила: «у Октавіи женскія «части чище (цѣломудреннѣе) чѣмъ твой ротъ.» Сначала Октавія удалена подъ видомъ гражданскаго развода и получила зловѣщими дарами домъ Бурра и помѣстья Плавта; вслѣдъ за тѣмъ изгнана въ Кампанію и окружена тамъ военнымъ карауломъ. Вслѣдствіе этого частыя жалобы и не скрывали ихъ въ народѣ; не богатъ онъ умомъ, да и по самой скромности положенія менѣе подверженъ опасностямъ. Вслѣдствіе этого Неронъ, нисколько не раскаиваясь въ злодѣяніи, возвратилъ Октавію женою.

61. Обрадованныя этимъ массы народа стремятся въ Капитолій и тутъ благодарятъ боговъ. Изображенія Поппеи ниспровергаютъ; статуи Октавіи несутъ на плечахъ, осыпаютъ цвѣтами, ставятъ на форумъ и храмахъ; ей, возвращенной, оказываютъ знамя глубокаго уваженія. Пускаются и въ похвалы государю; уже многочисленныя толпы наполняли криками дворецъ, когда высланные отряды воиновъ, навося побои и грозя оружіемъ, разсѣяли толпы. Возстановлено то, что было ниспровергнуто во время возмущенія и честь Поппеи удовлетворена. Постоянно дыша ненавистью, а въ то время тревожимая и сильными опасеніями—какъ бы народное возстаніе не обнаружилось съ новою силою и Неронъ не перемѣнился вслѣдствіе требованія народа, упала къ его ногамъ: «не въ такомъ она положеніи, чтобы спорить о бракѣ (хотя онъ ей дороже жизни), но самая жизнь «ея находится уже въ опасности отъ рабовъ и приверженцевъ «Октавіи: они, прикрываясь именемъ народа, въ мирное время

«держаютъ на то, что едва и на войнѣ случается. Оружіе взято «противъ государя; недоставало только вождя, а онъ при такомъ «волненіи легко найдется. Пусть только оставитъ (Октавія) Кам- «панію и прійдетъ въ городъ та, по мановенію которой и от- «сутствующей возникаютъ смуты. Иначе въ чемъ ея (Поппей) «вина? Кого она чѣмъ либо оскорбила. Не потому ли, что она «намѣревалась дать истинное потомство дому Цезарей, народъ «Римскій предпочитаетъ порожденіе Египетскаго музыканта поса- «дить на престолъ императорскій. Наконецъ если таково уже тре- «бованіе обстоятельствъ, то лучше пусть добровольно, чѣмъ вы- «нужденно призоветъ властительницу, или пусть обезпечитъ безо- «пасность справедливымъ возмездіемъ. Умѣренными средствами «успокоены начатки волненія, а если народъ отчаеся въ томъ «что Октавія будетъ женою Нерона, то онъ, народъ, самъ дастъ «ей мужа.»

62. Такія разнообразныя убѣжденія, приспособленныя вмѣстѣ и для развитія опасеній и раздраженія вмѣстѣ привели Нерона въ ужасъ и воспламенили его гнѣвъ. Но мало имѣло силы подозрѣніе раба, да и допросамъ горничныхъ ослаблено еще болѣе. Заблагоразсудили отыскать чье либо признаніе, которому можно было придать характеръ (политическій)—желанія перевороты. На это показался способнымъ Аницетъ, совершитель убійства матери, начальникъ, какъ я уже упоминалъ о томъ, флота у Мизена; по совершеніи преступленія пользовался онъ легко милостью, а потомъ сдѣлался сильно ненавистенъ; на исполнителей преступленій смотрять какъ на живой упрекъ. Призвавъ его, Цезарь напоминаетъ ему его прежнее дѣло; онъ одинъ помогъ государю, безопасности котораго угрожали замыслы матери. Предстоитъ случай оказать меньшую услугу,—содѣйствовать къ изгнанію ненавистной жены. Тутъ не нужно пускать въ ходъ ни рукъ, ни оружія; пусть признается только въ преступной связи съ Октавіею. Обѣщаетъ ему—въ настоящемъ еще скрытныя, но большія награды и веселую ссылку, а въ случаѣ отказа грозитъ смертью. Тотъ по природной подлости и уже пріобыкшій къ преступленіямъ, вымышляетъ болѣе чѣмъ сколько приказано было и дѣлаетъ признаніе передъ пріятелями, которыми какъ бы съ умысломъ окружилъ его государь. Затѣмъ сослали его въ Сардинію, гдѣ онъ терпѣлъ ссылку не въ бѣдности и умеръ своею смертью.

63. Неронъ эдиктомъ объявляетъ: префектъ соблазненъ что-

бы задобрить флотъ и забывъ, что незадолго передъ тѣмъ ту же Октавію обвинялъ въ безплодіи, говоритъ въ томъ же эдиктѣ: «сознавая преступленіе выгнали зародышъ; все это онъ, Неронъ, «достоверно узналъ; Октавія отправлена въ заключеніе на островъ Пандатарію. Ни одинъ изгнанникъ не возбуждалъ такого «состраданія во всѣхъ кто его видѣлъ, какъ именно Октавія. «Помнили еще нѣкоторые Агриппину, сосланную Тиберіемъ; свѣ- «жѣе въ памяти было Юлія, отправленная въ ссылку Клавдіемъ; «но та и другая была уже въ возрастѣ зрѣломъ, видѣли въ жиз- «ни кое что и веселаго; постигшее ихъ бѣдствіе становилось лег- «че, когда онѣ вспоминали о своихъ лучшихъ когда то дняхъ. «Октавіи же день брака былъ уже какъ бы похороннымъ; от- «ведена въ домъ, гдѣ ее ждало одно только горе: ядомъ от- «нять у ней отецъ и вслѣдъ за тѣмъ братъ; служанка ея бы- «ла сильнѣе госпожи. Поппея сдѣлалась женою лишь на поги- «бель первой; наконецъ обвиненіе оскорбительнѣе самой смерти.»

64. Молодая женщина на двадцатомъ году отъ рожденія между сотниковъ и воиновъ, съ жизнью отравленною ожиданіемъ худшаго, все еще не находила спокойствія въ смерти. Немного впрочемъ дней прошло какъ она получила приказаніе умереть: «свидѣтельствовалась уже она, что она вдова и сестра только, «общей (ей съ Нерономъ) Германики и наконецъ вызывала имя «Агриппины, при жизни которой несчастна она была въ бракѣ, «но гибель ей не грозила. Ее связали и перерѣзаны вены (кро- «вяныя жилы) по всемъ членамъ, а такъ какъ кровь шла мед- «ленно у пораженной ужасомъ, то ее умерщвляютъ паромъ слиш- «комъ горячей бани. Присоединена и неумѣренная жестокость; «голова отрѣзана, принесена въ городъ, показана Поппеѣ; за «это въ храмы посланы дары.» Объ этомъ мы упомянули на тотъ «конецъ, чтобы всѣ, кто съ случаями тѣхъ временъ ознакомится «черезъ насъ, или другихъ писателей, заранѣе знали, что каж- «дый разъ какъ государь распорядится пыткой, или убійствомъ, «то и богамъ воздавалась благодарность и то, что прежде воз- «вѣщало о благополучныхъ событіяхъ, сдѣлалось признакомъ об- «щественнаго дѣйствія. Но не умолчимъ и о сенатскомъ декретѣ «если какой лестью былъ новый, или терпѣніемъ крайній.

65. Распространился слухъ и ему вѣрили, будто въ этомъ году Неронъ самыхъ значительныхъ отлученниковъ умертвилъ ядомъ; Дорифора—за то что будто бы онъ противился браку съ Поппеею; Палланта—за то, что продолжительною старостью удер-

живаль у себя громадную сумму денегъ. Романъ тайными наговорами винилъ Сенеку, какъ соучастника К. Пизона, но Сенека съ большею силою обвинялъ его въ томъ же преступленіи. Отсюда опасенія Пизона и огромный, но неблагополучный замыселъ противъ Нерона.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Содержаніе: Главы 1. 2. Вологезъ, царь Паревовъ, замышляетъ войну по наущенію брата Тиридата и Монобаза Адіабена, котораго оскорбилъ Тигранъ.—3. Корбулонъ принимаетъ мѣры къ оборонѣ Сиріи.—4. Паревы, подъ предводительствомъ Монеза, осаждаютъ Тиграноцерту. — 5. Корбулонъ предлагаетъ Вологезу перемиріе и получаетъ.—6. Тщеславіе Цезеннія Пэта только что назначеннаго префектомъ Арменіи. 7. 8. Жестокость, неопытность, самохвальство.—9. Отъ нападенія на Сирію Корбулонъ отводитъ Паревовъ страхомъ и они—10. бросаются на Арменію и Пэта. Тотъ съ трудомъ приглашаетъ на помощь Корбулона.—11. Будучи сильно гѣснимъ Паревами,—12. тотъ отправляясь въ Арменію, ругаетъ бѣглецовъ, а своимъ дѣлаетъ увѣщаніе.—13. Вологезъ наступаютъ на Пэта.—14. Споръ между Римлянами и Паревами, вслѣдствіе котораго — 15. постыдное соглашеніе Пэта.—16. Корбулонъ приходитъ въ Арменію. — 17. Побранивъ Пэта, возвращается въ Сирію. — 18. Въ Римѣ пустое торжество надъ Паревами. Раздача хлѣба народу. Пошлины. — 19. Сенатское опредѣленіе объ усыновленіи для виду. — 20. 21. Клавдій Тимархъ Критянинъ подвергся обвиненію, но Тразеа Пэтъ обращаетъ это на общественную пользу.—22. Декретъ о томъ, чтобы должностнымъ главнымъ лицамъ не объявлять благодарности. Чудесныя явленія.—23. Вслѣдствіе рожденія дочери у Нерона неумѣренная, но безплодная радость. Ненависть государя къ Тразеѣ.—24. Послы Паревовъ издѣваются надъ Римомъ.—25. Во главѣ Армянской войны ставятъ Кор-

булона. Цезарь преслѣдуетъ Пэта насмѣшками.—26. Корбулонъ ведетъ войско въ Арменію.—27. Выслушиваетъ Парескихъ пословъ. Мститъ отпавшимъ Армянамъ.—28.—30. Тиридатъ проситъ мира у Корбулона и, сложивъ у статуи Цезаря знаки царскаго достоинства, получаетъ (миръ) и ласково принять Корбулономъ.—31. Заботливость Вологеза о братьѣ.—32. Жителей приморскихъ Альпъ Неронъ принимаетъ въ право Лаціа. Всадники Римскіе получаютъ въ циркѣ мѣста выше простаго народа. Знатныя женщины и сенаторы являются на аренѣ.—33. Неронъ самъ въ Неаполѣ вступаетъ на сцену.—34. Театръ обрушивается. Въ Бенсвентѣ Неронъ смотритъ зрѣлище, данное Ватиніемъ.—35. Вынуждаетъ къ смерти Тарквата Силана.—36. Тщетно замышляетъ поѣздки на Востокъ. — 37. Даетъ при посредствѣ Тигеллина пиршества роскошныя до гнусности. Женится на Пятагорѣ.—38. Бѣдствіе отъ огня пожигаетъ Римъ случайнымъ или коварнымъ умысломъ государя, который—39. въ облегченіе бѣдствія употребляетъ многія мѣры пріятныя народу.—40. 41. Значительность бѣдствія. Мысль заложить новый городъ.—42. Изъ развалинъ отечества воздвигаетъ Неронъ громаднѣйшій домъ. Тщетно пытается на еще большія предпріятія.—43. Наружность новаго города.—44. Богамъ приносятся умилостивленія, но вотще. Вина пожара взвалена на Христіанъ и они подвергнуты страшнымъ мученіямъ. — 45. Италію, союзниковъ, храмы грабитъ Неронъ; Сенеку за его неудовольствіе противъ этого старается погубить ядомъ.—46. Возстаніе Гладіаторовъ у Пренесты. Потеря флота у Мицена.—47. Чудесныя явленія.—48. Заговоръ Пизона противъ Нерона.—49. 50. Имена заговорщиковъ, нравы, причины ненависти къ Нерону. Къ нимъ присоединяется Руфъ, Префектъ Преторіа. Субрій долженъ былъ начать первый.—51. Епихарисъ выданъ въ его покушеніи подѣйствовать на флотъ. — 52. Стремленіе заговорщиковъ удержано Пизономъ вслѣдствіе священнодѣйствій стола.—53. Другой замыселъ заговорщиковъ.—54. Неблагодариміе Сцевина. Рабъ Милихъ доноситъ на господина; тотъ

отлично защищается, но уличенъ хитростью женскою.—55. 56. Натались дѣлаеть признаніе въ заговорѣ, именуеть Пизона; Сенеку, а Луканъ—мать.—57. Енихарисъ, истерзанная пыткой, даеть чудесный примѣръ вѣрности.—58. Неронъ выслушиваетъ подсудимыхъ, а ихъ сильно тѣснить Руфъ, скрывъ свое соучастіе.—59. Пизонъ, пренебрегши совѣтами друзей, умерщвленъ. Завѣщаніе его и жена.—60. Казнь Латорана и Сенеки; его защита оставлена безъ вниманія;—62. Послѣднія его бесѣды.—63. Дружескій споръ съ женою,—64. смерти которой Неронъ велитъ воспрепятствовать. Мученіе Сенеки, смерть, погребеніе.—65. Онъ былъ назначаемъ Императоромъ.—66. Выданъ и Руфъ.—67. Субрія Флавія.—68. Аспра и другихъ исполненныя твердости слова и кончина. Слабость Руфа.—69. Неронъ казнить Вестина, хотя невиннаго.—70. вслѣдъ за тѣмъ Лукани, Сивеціона, Квинтіана, Сцевина.—71. Притворныя по городу изъявленія радости. Доносчикамъ награды, подозрительнымъ освобожденіе отъ военной службы а инымъ ссылка.—72. Турпилиану, Нервѣ, Тигеллину даны почести триумфа, а Нимфидію знаки консульскаго достоинства.—73. Неронъ защищается отъ разныхъ о немъ слуховъ. Опасность Галліона.—74. Сенатское опредѣленіе о спасеніи Нерона. Кинжалъ Сцевина посвященъ Юпитеру Мстителю.—

Все это совершилось въ теченія съ небольшимъ трехъ лѣтъ въ консульство: К. Меммія Регула, Вергинія Руфа, К. Леканія Басса, М. Лицинія Кросса, П. Силія Нервы, К. Юлія Аттика Вестика.

1. Между тѣмъ царь Паревъ Вологезъ, узнавъ о дѣйствіяхъ Корбулона и что чужеродецъ Тигранъ посаженъ царемъ въ Арменію. Въстѣ, такъ какъ братъ его Тиридатъ прогнанъ, хотѣлось ему отомстить за униженное величіе рода Арзакова; но и съ другой стороны могущество Римлянъ и уваженіе къ продолжительному миру, занимали его умъ разнообразными заботами. Отъ природы нерѣшительный, вслѣдствіе отпаденія Гирканцевъ, народа сильнаго, вступался онъ въ сложныя военныя дѣйствія.

Среди этих колебаній новая вѣсть объ уничтоженіи подстрекнула его. Выйдя изъ Арменіи Тигранъ—Адіабеновъ, пограничнаго народа земли опустошилъ шире и долѣе, чѣмъ то бываетъ въ грабительскомъ набѣгѣ. Съ крайнимъ неудовольстіемъ терпѣли это старѣйшины народа; «въ такое пренебреженіе впали они, «что уже не Римскаго вождя нападеніямъ они подвергаются, но «дерзости заложника, въ теченіи сколькихъ лѣтъ считавшагося «между рабами.» Оскорбленное ихъ достоинство раздражалъ еще болѣе Монобазъ, которому принадлежала верховная власть надъ Адіабенами: онъ спрашивалъ: «въ комъ и откуда искать по-«мощи? Уже уступили Арменію и прилежація мѣста постигнетъ «таже участь, если не защитятъ Парены: но у Римлянъ сноснѣе «рабство тѣхъ, что сами покорятся, чѣмъ взятыхъ въ плѣнъ. «А Тиридатъ, бѣжавшій изъ царства, дѣйствовалъ всего силь-«нѣе частью молчаніемъ, частью умѣренными жалобами: позор-«нымъ бездѣйствіемъ нельзя поддерживать великія государства; «необходима борьба оружіемъ и людьми. Верховной власти тамъ «справедливость, гдѣ сила. И частные люди умѣютъ сохранить «свое достояніе; слава же царей—состязаться о чужомъ.»

2. Подвинутый всѣмъ этимъ Вологезъ созываетъ совѣтъ; поставивъ подлѣ себя Тиридата, онъ началъ говорить такъ: «вотъ «его я, рожденнаго отъ одного отца, но лѣтами уступившаго «мнѣ первенство власти, посадилъ было властителемъ Арменіи. «Это—третье мѣсто по могуществу; Пакоръ еще ранѣе овладѣлъ «Медями. Казалось, что я, вопреки давнихъ семейныхъ недо-«вольствій и споровъ, какъ слѣдуетъ уладилъ участь членовъ «моего семейства. Но этому поперечать Римляне и миръ, доселѣ «ими еще ни разу безнаказанно ненарушенный, теперь ниспро-«вергаютъ на свою гибель. Не стану притворствовать: предпо-«челъ бы я удержать то, что пріобрѣтено предками предпочти-«тельнѣе справедливостью, чѣмъ кровопролитіемъ, самую сущ-«ностью дѣла, чѣмъ оружіемъ. Но въ чемъ погрѣшилъ медли-«тельностью исправлю мужествомъ. Ваша сила и слава непри-«косновенны; къ нимъ присоединили вы еще умѣренность, а она «никогда не будетъ въ пренебреженіи лучшимъ изъ людей, да «и богами цѣнится.» Вмѣстѣ онъ положилъ діадему на голову Тиридата; готовый отрядъ конницы, который долженъ былъ, по обычаю, сопровождать царя, ввѣрилъ Монезу, знатнаго рода мужу, присоединивъ вспомогательныя войска Адіабеновъ и поручилъ: «Тиграна прогнать изъ Арменіи, пока онъ, уладивъ несогласія

«съ Гирканцами, собереть все силы и начнетъ главную войну, «грозя Римскимъ владѣніямъ.»

3. Когда Корбулонъ получилъ объ этомъ вѣрное извѣстіе, то онъ послалъ на помощь Тиграну два легіона съ Веруланомъ Северомъ и Веттіемъ Боланомъ, давъ имъ тайно приказаніе: «дѣйствовать осторожно и не спѣшить». Онъ предпочиталъ имѣть войну, чѣмъ вѣсть ее. Онъ написалъ Цезарю: «необходимъ особенный вождь защищать Арменію, а Сирія, на которую намъ брѣвается наступить Вологезъ, подвергается гораздо большей опасности». Между тѣмъ остальные легіоны ставитъ онъ по берегу Евфрата, вооружаетъ на скорую руку собранное ополченіе туземцевъ, слѣдитъ отрядами за движеніями непріятеля.

4. Вслѣдствіе того, что этотъ край бѣделъ водою, ставитъ укрѣпленія у источниковъ, а нѣкоторые заваливаетъ пескомъ. Пока Корбулонъ принимаетъ эти мѣры къ оборонѣ Сиріи, Монеъ успѣшно двинувъ войско съ цѣлю предупредить самый слухъ о движеніи, нашелъ Тиграна не въ располхъ и не безъ вѣстей о немъ. Тигранъ занялъ Тиграноцертъ, городъ сильный числомъ защитниковъ и громадностью стѣнъ. Къ тому же Нипефорій рѣка не мало-значительной ширины, обходитъ часть стѣнъ и проведенъ широкій ровъ тамъ, гдѣ на рѣку нельзя было надѣяться. Находились тутъ и воины, и прежде свезенные запасы; при доставкѣ ихъ нѣкоторые, зайдя неосторожно, были окружены нечаянно пришедшими непріятелями: но это вызвало у остальныхъ болѣе раздраженія, чѣмъ опасеній. Пары при осадахъ вообще дѣйствуютъ несмѣло; метательныхъ оружій у нихъ мало; ни осажденныхъ не могли они привесть въ ужасъ и сами озлобились въ своихъ расчетахъ. Адіабены начали было подвигать лѣстницы и осадныя орудія, но легко отбиты, а велѣдъ за тѣмъ нашими, сдѣлавшими вылазку, истреблены.

5. Впрочемъ Корбулонъ, какъ ни удачны были его дѣйствія, счелъ необходимымъ умѣренно пользоваться счастіемъ и послалъ къ Вологезу съ жалобою: «провинціи сдѣлано насиліе; царь союзникъ и другъ (народа Римскаго) и когорты Римскія въ осадѣ; пусть лучше оставитъ осаду, а иначе и онъ, Корбулонъ, въ непріятельской области, станетъ лагеремъ.» Касперій сотникъ на это посольство избранный, у города Низибиса, находящагося отъ Тиграноцертъ въ разстояніи 37 тысячъ шаговъ, нашелъ царя и смѣло и настоятельно изложилъ требованія вождя Римскаго. Вологезъ постоянно и издавна поставилъ себѣ за пра-

вило—избѣгать вооруженнаго столкновенія съ Римлянами. Да и въ настоящемъ дѣло шло неудачно. Осада была безуспѣшна. Тигранъ обезопасенъ и своею дѣятельностью и войсками. Тѣ, которые взяли на себя походъ, обращены въ бѣгство; легіоны посланы въ Арменію. Другіе, на крайнихъ предѣлахъ Сиріи, готовы сами ко вторженію; у него же конница изнемогла отъ недостатка провіанта. Такое множество появилось саранчи, что она поѣла всю траву и весь листъ на деревьяхъ. Вслѣдствіе этого, отвергнувъ опасенія, отвѣтилъ онъ въ духѣ умѣренности: «отправить къ императору Римскому пословъ—просить Арменію «и упрочить миръ.» Приказываетъ Монезу—оставить въ покоѣ Тиграноцерту и самъ удалился назадъ.

6. Большинство не находило выраженной достаточныхъ, превознося похвалами такой результатъ, добытый (будто бы) страхомъ царя и угрозами Корбулона. Другіе объясняли это тайною сдѣлкой: «съ той и другой стороны война должна была прекратиться, но съ удаленіемъ Вологеза и Тигранъ долженъ былъ «оставить Арменію. Иначе зачѣмъ войско Римское отведено изъ «Тиграноцеры? Зачѣмъ во время спокойное оставлено то, что «защищали въ военное? Лучше ли было зимовать на границахъ «Каппадокіи въ шаламахъ, поставленныхъ на скорую руку, чѣмъ «въ столицѣ царства, которую только что отстояли отъ враговъ? «Во всякомъ случаѣ отсрочены военныя дѣйствія для того, что- «бы Вологезу пришлось бороться съ другимъ, а не съ Корбу- «лономъ, и для того чтобы Корбулону не пришлось болѣе риско- «вать славою, приобрѣтенною въ теченіи столькихъ лѣтъ?» Дѣй- ствительно онъ—о чемъ я уже и упоминалъ, требовалъ особен- наго вождя для защиты Арменіи; былъ слухъ, что приближается Цезарій Пэтъ. Уже онъ и явился; войска раздѣлены такъ, что четвертый и двѣнадцатый легіоны, съ присоединеніемъ пятого, который незадолго передъ тѣмъ вызванъ изъ Мезіи, а также вспомогательныя войска изъ Понта, Галатовъ и Каппадоковъ должны повиноваться Пэту, а третій, шестой, десятый и прежнія Сирійскія войска должны оставаться у Корбулона. Въ осталь- номъ они должны были, по требованію обстоятельствъ, дѣйстви- вать, или вмѣстѣ, или отдѣльно. Впрочемъ и Корбулонъ не могъ снести себѣ равнаго и Пэтъ, для славы котораго было бы до- статочно считаться по Корбулонѣ первымъ, съ пренебреженіемъ отъивался о томъ, что было сдѣлано; онъ говорилъ: «вовсе не «было ни сраженій, ни добычи, а взятія городовъ только существо-

«вали по названію; а онъ наложить побѣжденнымъ—дань и за-
«коны и вмѣсто призрака царскаго—право Римское».

7. Около этого времени послы Вологеза, которыхъ, какъ упоминалъ, онъ отправилъ къ Государю, возвратились ни съ чѣмъ. Пары явно взяли за войну. И Петъ отъ нея не уклонялся, но съ двумя легіонами, изъ которыхъ въ то время четвертымъ начальствовалъ Фунизуланъ Веттонніанъ, а двѣнадцатымъ—Калавій Сабинъ, вошелъ въ Арменію при неблагополучномъ предзнаменованіи. При переходѣ Евфрата, черезъ который онъ переправлялся по мосту, безо всякой видимой причины лошадь, везшая знаки консульскаго достоинства, испугалась и бросилась назадъ; жертвенныя животныя, назначенныя для приношенія, находившіяся въ зимнихъ квартирахъ, которыя въ то время обводили укрѣпленіями, бросились бѣжать, когда они доведены были еще только до половины и ушли за окопы. Засверкали огнемъ дротики воиновъ и это чудесное явленіе имѣло тѣмъ болѣе значенія, что главное оружіе врага нашего Парса—метательное.

8. Но Петъ, пренебрегши дурными предзнаменованіями и недостаточно еще укрѣпивъ зимнія квартиры, недостаточно озаботившись заготовленіемъ провіанта, повелъ войско за гору Тавръ: «для «взятія назадъ, какъ онъ говорилъ Тиграноцеры и опустошенія «земель, которыя Корбулонъ оставилъ неприкосновенными». Нѣкоторыя укрѣпленія взяты; свисано нѣсколько славы и добычи, если бы онъ сумѣлъ пользоваться славою умѣренно, или добычею старательно. Длинными переходами прошелъ онъ мѣста, удержать которыя былъ не въ состояніи; запасы, которыя онъ взялъ съ собою, испортились и съ наступленіемъ зимы отвелъ онъ войско назадъ, а къ Цезарю написалъ донесеніе какъ будто война приведена къ концу въ пышныхъ выраженіяхъ, но лишенное содержанія.

9. Между тѣмъ Корбулонъ, берегъ Евфрата, постоянно обра- щавшій на себя особенную его заботливость, прикрылъ вооруженными отрядами еще чаще прежняго; а чтобы при наведеніи моста непріятельскіе отряды не дѣлали препятствія (такъ какъ они уже многочисленными конными отрядами носились по прилежавшимъ полямъ) суда значительной величины, скрѣпивъ ихъ поперечными бревнами и устроивъ на нихъ башни, погналъ по рѣкѣ; дѣйствіемъ поставленныхъ на нихъ орудій (катапультовъ и баллистовъ) сбилъ дикарей; камни и копья хватили гораздо дальше, чѣмъ возможно было непріятелю отвѣчать, съ успѣхомъ бросая стрѣлы. Потому продолжали наводить мостъ и возвышенности противоположнаго

берега заняты сначала союзными когортами, а потом лагерями легионовъ, съ такою быстротою и развитіемъ силъ, что Пары, оставивъ приготовленія къ нападенію на Сирію, обратили всю надежду на Арменію.

10. А тамъ Пэтъ, не зная, что ему угрожало, пятый легионъ держалъ далеко въ Понтѣ, да и остальные ослабилъ, давая войнамъ отпуска безъ разбора: какъ вдругъ услыхалъ, что Вологезъ приближается съ огромнымъ и враждебнымъ войскомъ. Признается двѣнадцатый легионъ и чѣмъ онъ надѣялся распространить слухъ объ увеличеніи войска, то обнаружило его немногочисленность. Во всякомъ случаѣ Пэтъ былъ бы въ состояніи удержать лагерь и провести Паревъ продолжительностью войны, если бы онъ хитѣль держаться твердо, или своихъ собственныхъ, или чужихъ рѣшеній. Но когда люди опытные въ военномъ дѣлѣ успокоили его относительно грозившей опасности, онъ вдругъ чтобы не показать, что нуждается въ чужихъ совѣтахъ, перешелъ къ совершенно другимъ и худшимъ рѣшеніямъ. Въ то время, оставивъ зимнія квартиры, провозглашая: «не рвы и валы нужны противъ непріателя, но тѣла и оружія», повелъ легионы, какъ бы намѣреваясь рѣшить дѣло сраженіемъ. Потомъ, утративъ сотника и немногихъ воиновъ, которыхъ послалъ впередъ для изслѣдованія силъ непріятельскихъ, отступилъ въ смѣтеніи. А такъ какъ Вологезъ наступалъ не слишкомъ горячо, то снова въ пустой самонадѣянности Пэтъ поставилъ на ближайшихъ возвышеніяхъ Тавра три тысячи отборной пѣхоты—воспрепятствовать переходу царя; а вспомогательныхъ Паннонцевъ, лучшую конницу, расположилъ на части поля: Жена и сынъ припрятаны въ укрѣпленіе, носившее названіе Арсамосагы; на прикрытіе дана имъ когорта. Такимъ образомъ разсѣяны по частямъ воины, которые, если бы ихъ держать вмѣстѣ, скорѣе могли бы удержать бродячаго непріателя. Говорятъ, что будучи сильно стѣсненъ, признался онъ въ томъ Корбулоу; но и тотъ не поспѣшилъ за тѣмъ, чтобы съ увеличеніемъ опасности, оказанная помощь имѣла бы болѣе похвалы. Впрочемъ онъ отдалъ приказаніе изготовиться въ путь по тысячѣ изъ трехъ легионовъ и по восьмисотъ изъ вспомогательной конницы и такому же числу изъ когортъ.

11. Вологезъ, хотя и получилъ извѣстіе, что Пэтъ загородилъ ему путь съ одной стороны пѣхотою, съ другой конницею, несколько не измѣнилъ задуманный планъ дѣйствія, но силою и угрозами привелъ въ ужасъ союзную конницу, а легионныхъ воиновъ

истребилъ; только одинъ сотникъ Тарквицій Кресцентъ—башню, въ которой онъ находился съ гарнизономъ, дерзнулъ защищать, неоднократно дѣлалъ вылазки, нанося смерть тѣмъ изъ дикарей, которые подходили ближе, пока не былъ окруженъ огнемъ брошеннымъ издали. Изъ пѣхотинцевъ, какіе были не ранены, ушли въ мѣста отдаленныя и непроходимыя, а раненыя въ лагерь; въ страхѣ они возвышали доблесть царя, жестокость и силы народа, а легко вѣрили тѣ, которые того же что и они робѣли. Да и вождь не пытался бороться съ невзгодою, но пренебрегъ всеми обязанностями военными, а снова обратился къ Корбулону съ просьбою, — чтобы онъ пришелъ какъ можно скорѣе—сохранилъ значки, орлы и имя—все что осталось несчастнаго войска, а что они сохранять вѣрность, пока останется жизнь.

12. А тотъ, нисколько не поддавшись опасеніямъ, оставилъ часть войскъ у Сиріи для удержанія укрѣпленій возведенныхъ у Евфрата и по дорогѣ ближайшей и гдѣ не могло быть нужды въ припасахъ, пошелъ въ область Коммагону, оттуда въ Каппадоцію и затѣмъ въ Арменію. Войско сопровождало кромѣ прочаго, что обыкновенно на войнѣ, большое число верблюдовъ, навьюченныхъ хлѣбомъ, для того чтобы быть въ состояніи отразить и непріятеля и нужду. Перваго изъ пораженныхъ встрѣтилъ Пактія, сотника перваго ряда, а за тѣмъ и множество воиновъ; когда они представляли различныя причины бѣгства Корбулонъ внушалъ имъ: «чтобы они вернулись къ значкамъ и «испытали бы милосердіе Цѣта, а онъ не знаетъ снисхожденія «иначе какъ къ побѣдителямъ. Въмѣстѣ онъ обошелъ свои легионы, сдѣлалъ имъ увѣщаніе, напоминалъ имъ прежнія ихъ «дѣйствія, показывалъ новую славу. Цѣль ихъ трудовъ на этотъ «разъ не села и города Армянъ, но лагерь Римскій и въ нихъ «два легиона. Если отдѣльнымъ воинамъ дается рукою императора самая важнѣйшая награда вѣнецъ за спасеніе гражданскаго, то какая же великая честь, когда окажется, что въ равномъ числѣ были и принесшіе спасеніе и получившіе его?» Такія убѣжденія общія поощряли воѣхъ (находились и такіе, которыхъ лично возбуждала опасность положенія братьевъ, или другихъ родственниковъ) воиновъ и они продолжали путь безостановочно день и ночь.

13. Тѣмъ усерднѣе Вологезъ тѣснилъ посаженныхъ, начиная то на окопы легионовъ, то на укрѣпленіе, служившее защитою тѣмъ, которые не были въ состояніи участвовать въ военныхъ

дѣйствіяхъ, подходя ближе, чѣмъ то въ обычаѣ Паревовъ, лишь бы какъ, хотя и мнимою неосторожною, вызвать на бой непріятели. А наши съ трудомъ оставляли мѣста отдохновенія и ограничивались только обороною укрѣпленій, частью по приказанію вождя, а другіе по собственной лѣности, какъ бы дожидаясь Корбулона, а на случай нападенія силы, припоминали примѣры пораженій Кавдинскаго и Нумантинскаго: «и не такая сила была у Самнитовъ, Итальянскаго народа или Испанцевъ, какъ у Паревовъ, соперниковъ Римлянъ во владычествѣ. И древле было въ ходу и даже похвально—заботиться о безопасности, «если измѣняло счастье.» Вождь, уступая такому отчаянію войска, сочинилъ первое письмо къ Вологезу непросительное, но какъ бы жалующее: «на то, что онъ (Вологезъ) за Армянъ, постоянно или находившихся подъ Римскимъ владычествомъ или подданныхъ царя, избираемаго императоромъ, началъ непріязненныя дѣйствія; миръ полезенъ былъ бы и той и другой сторонѣ и пусть онъ, Вологезъ, сообразить не теперешнее только «положеніе дѣлъ; онъ теперь пришелъ противъ двухъ легионовъ съ силами всего царства; а у Римлянъ остался весь шаръ земный для вспоможенія имъ на войнѣ.»

14. На это Вологезъ не счелъ нужнымъ оправдываться, но отвѣтилъ письменно: «необходимо ему подождать братьевъ Парора и Тиридата, назначено и мѣсто и время для совѣщанія «о мѣрахъ, какія надобно принять относительно Арменіи и—«придали боги достойнаго Арзакидовъ—относительно участи Римскихъ легионовъ.—Вслѣдъ за тѣмъ посланы Пэтомъ гонцы—«просить личнаго съ царемъ объясненія и тотъ велѣлъ идти «Вазаку, начальнику конницы. Тутъ Пэтъ приводилъ на память: Лукулловъ, Помпеевъ и все, что Цезарями сдѣлано относительно присвоенія и распоряженія Арменію, а Вазакъ возражалъ, что какъ только принадлежитъ призракъ и власти и «распоряженія, а сила у Паревовъ.» Много было споровъ съ той и другой стороны; на другой день призванъ Монобазъ Адиабенъ свидѣтелемъ тому что условлено; постановлено: «легионы «освободить отъ облѣжанія и всѣмъ воинамъ удалиться за предѣлы Арменіи, а укрѣпленія и припасы передать Паревамъ. По «исполненіи всего этого Вологезу должна быть дана возможность—отправить пословъ къ Нерону.»

15. Между тѣмъ на рѣкѣ Арзаніи (она протекала подлѣ лагерь, Пэтъ устроилъ мостъ, подъ видомъ будто бы готова се-

бѣ переправу, но въ дѣйствительности по приказанію Паревовъ, которымъ онъ долженъ былъ остаться какъ наглядное доказательство ихъ побѣды; имъ онъ собственно и нуженъ былъ, а наши пошли другою дорогою. Молва прибавила, будто легіоны пропущены подъ ярмо и приложено еще кое что, какъ обыкновенно при несчастіи, но основаніе дали этому нѣкоторое Армяне. Они вошли въ укрѣпленія прежде чѣмъ вышло оттуда войско Римское и обступили дороги, признавая взятыхъ у нихъ когда то рабовъ или вычнхъ животныхъ и отнимая ихъ. Самыя одежды похищены, вырвано оружіе, а оробѣвшіе воины во всемъ уступали лишь бы не подать повода къ сраженію. Вологезъ, собравъ въ кучу оружіе и тѣла убитыхъ, чтобы засвидѣтельствовать о нашемъ пораженіи, удержался отъ лицезрѣнія бѣжавшихъ легіоновъ. Онъ искалъ славы умѣренности, удовлетворивъ вполнѣ чувству гордости. Онъ переѣхалъ черезъ рѣку Арзанію, сидя на слонѣ, а ближайшіе къ нему силою коней справились съ теченіемъ (рѣки). Пронесся слухъ: «будто мостъ провалится «подъ тяжестями, вслѣдствіе коварнаго умысла дѣлавшихъ его, «но тѣ, которые дерзнули войдти на него, нашли его крѣпкимъ «и прочнымъ.»

16. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что осажденные до того изобиловали хлѣбомъ, что предали огню житницы. Съ другой стороны Корбулонъ обнаружилъ: «силы Паревовъ были слабы, под- «ножный кормъ весь былъ потравленъ, оставили бы они при- «ступъ, да и онъ Корбулонъ — находился всего на разстояніи «трехъ дней пути.» Онъ присовокушилъ: «клятвою Пэтъ скрѣ- «пилъ у значковъ, въ присутствіи присланныхъ царемъ свидѣ- «телей, что никто изъ Римлянъ не войдетъ въ Арменію, пока «не будетъ получено отъ Нерона письмо—согласенъ ли онъ на «миръ.» Можетъ быть это и придумано для увеличенія безсла- вія, но слѣдующее не было никому тайною: въ одинъ день Пэтъ прошелъ пространство въ 40 миль, покинувъ тамъ и самъ раненныхъ и замѣшательство бѣгущихъ имѣло видъ не менѣе безобразный, какъ еслибы они обратили тылъ въ бою. Корбулонъ, съ своими войсками попался на встрѣчу у берега Евфрата; видомъ знаковъ и оружія не хотѣлъ выставить какъ бы въ укоръ рѣзкую разницу; воины были въ печали, сострадавъ участи товарищей. Даже отъ слезъ воздержаться не могли и плачь не далъ почти мѣста обычному привѣтствію. Забыты были состязаніе въ мужествѣ и домогательство славы—ощущенія людей сча-

стливыхъ; одно состраданіе имѣло силу и у младшихъ по преимуществу.

17. Послѣдовало немногословное объясненіе между вождями; Корбулонъ жаловался: «напрасно онъ трудился; можно было бы «окончить войну бѣгствомъ Пареевъ.» На это Пэтъ возражалъ: «для нихъ обоихъ ничего еще не испорчено; пусть они обратятъ «орловъ и дружно вторгнутся въ Арменію, слабую съ удаленіемъ Вологеза.» Корбулонъ: «не таковы повелѣнія императора, «опасность легионовъ подвинула его оставить провинцію, а такъ «какъ неизвѣстны теперь замыслы Пареевъ, то онъ Корбулонъ— «и пойдетъ назадъ въ Сирію. И такъ прійдется молить въ высшей степени благосклонное счастье, чтобы пѣхота, изнуренная «большими переходами, могла слѣдовать за конницею свѣжею и «по ровному мѣсту не затрудненную въ движеніи.» Затѣмъ Пэтъ зимовалъ въ Каппадокіи. Вологезъ послалъ гонцовъ къ Корбулону: «чтобы онъ очистилъ укрѣпленія по ту сторону Евфрата «и чтобы по прежнему рѣка служила имъ границею; а Корбулонъ требовалъ, чтобы и Арменія была очищена отъ находившихся тамъ и сямъ вооруженныхъ отрядовъ. Наконецъ уступилъ царь, разрушены укрѣпленія возведенныя было Корбулономъ на той сторонѣ Евфрата и Армяне покинуты безъ властителя.»

18. А въ Римѣ, на срединѣ Капитолинской горы, воздвигали трофеи надъ Парееми и триумфальные ворота—по опредѣленію сената, состоявшемуся, когда война еще была не окончена, и теперь не оставили ихъ лишь бы на показъ, пренебрегши сознаніе. А чтобы скрыть заботу о дѣлахъ внѣшнихъ, Неронъ хлѣбъ, раздаваемый народу и испортившійся отъ времени, велѣлъ бросить въ Тибръ, желая показать до какой степени онъ покоенъ относительно продовольствія. И цѣна хлѣба нисколько не увеличена, хотя почти 200 судовъ въ самой пристани погибли отъ бури, а то еще, приплывшіе по Тибру, отъ случайно сдѣлавшагося пожара. Потомъ Неронъ надъ сборами общественныхъ податей поставилъ трехъ бывшихъ консуловъ: Л. Пизона, Дученія Гемина и Помпея Павлина, при чемъ порицалъ бывшихъ государей: «что они значительностью издержекъ превысили справедливые доходы, а онъ «ежегодно дарить государству шестьдесятъ милліоновъ сестерцій».

19. Въ это время сильно распространился весьма дурной обычай, что съ близостью выборовъ и при распредѣленіи по жеребью провинцій, большинство людей одинокихъ усновленіями для виду

приобрѣтали себѣ сыновей и, распредѣливъ провинціи между отцовъ семействъ, тотчасъ отпускали отъ себя усыновленныхъ. Въ большомъ негодованіи явились въ сенатъ, ссылались: «на права при-
«роды и труды воспитанія противъ хитрости, притворства и крат-
«ковременности усыновленія. Довольно уже и такъ хорошо оди-
«нокимъ, что совершенно спокойно, не неся никакихъ тягостей,
«пользуются расположеніемъ, почестями—все для нихъ готово и
«какъ бы идетъ на встрѣчу: а имъ обѣщанія закона, которыхъ
«они долго ждали, обращаются въ посмѣяніе, когда вдругъ роди-
«тель безо всякой заботы, безъ горя опять осиротѣть готовый,
«разомъ равняется съ долговременными ожиданіями отцовъ». Велѣд-
«ствіе этого состоялось сенатское опредѣленіе: «чтобы мнимое усы-
«новленіе не имѣло никакого значенія при общественныхъ должно-
«стяхъ и не приносило бы никакой пользы и при полученіи на-
«слѣдствъ».

20. Велѣдъ за этимъ обвиненъ Клавдій Тимархъ Критянинъ; вины ему поставлены обыкновенно свойственныя богатымъ жителямъ провинцій, которые, велѣдствіе огромнаго своего состоянія, готовы на обиды людей менѣе значительныхъ. Одно выраженіе коснулось даже порицанія сената; говорили будто онъ не разъ говорилъ: «отъ его власти зависитъ—будетъ ли объявлена призна-
«тельность прокунсуламъ, которые только получаютъ Критъ». Этотъ случай Пятъ Тразеа, обращая къ общественной пользѣ, и подавъ мнѣніе, что обвиненнаго нужно выслать изъ острова Крита, присоединилъ слѣдующія соображенія: «на опытѣ доказано, достопочтенные се-
«наторы, что самые лучшіе законы и честные примѣры людямъ
«благонамѣреннымъ послѣдовали изъ проступковъ другихъ. Такъ
«невоздержность ораторовъ вызвала Ценціевъ проэктъ (закона),
«происки искателей должностей—Юліевъ законы; корыстолюбіе
«должностныхъ лицъ—Кальпурніево постановленіе. По времени
«вина предшествуетъ наказанію и прежде проступокъ—возмож-
«ности предупредить его или исправить. А потому въ отпоръ
«недавно появившейся дерзости жителей провинцій прибегнемъ къ
«рѣшенію, которое было бы достойно и вѣрности и твердости Рим-
«лянъ и которымъ мы нисколько, не измѣняя заботливости о союз-
«никахъ, уничтожимъ мнѣніе будто бы передъ нами ктобы ни
«былъ можетъ зависѣть отъ чего иного, кромѣ суда согражданъ».

21. Встарину не только преторъ или консулъ, но и частныя лица были посылаемы—осматривать провинціи и доносить какъ кто тамъ исполняетъ свою обязанность. Народы трепетали передъ

мнѣніемъ одного лица. Теперь мы ухаживаемъ за иноземцами и льстимъ имъ; и какъ скоро по чьему либо мановенію высказываемъ признательность, также скоро опредѣляемъ и обвиненіе. Пусть опредѣляютъ и пусть остается жителямъ провинцій возможность такъ обнаруживать свое могущество; но лживая и цѣною купленная похвала должна быть ограничиваема столько же, какъ и злоба, и жестокость. Часто мы болѣе грѣшимъ, стараясь прислужиться, чѣмъ сдѣлать непріятное. И нѣкоторыми добродѣтелями можно заслужить ненависть—упорною суровостью, расположеніемъ ума, недоступнымъ никакому вліянію благосклонности. Потому что наши должностныя лица почти всегда въ началѣ своей дѣятельности дѣйствуютъ лучше, а подъ конецъ портятся, когда, точно искатели должностей, гонятся за одобреніемъ. Устранивъ это, сдѣлаемъ, что провинціи будутъ управляться и справедливѣе и равнѣе. Какъ страхомъ преслѣдованія за взятки надломлено корыстолюбіе, такъ съ запрещеніемъ выраженія признательности, будетъ сдержано желаніе задобрить.

22. Общимъ одобреніемъ встрѣчено это мнѣніе, но сенатское опредѣленіе состояться не могло, такъ какъ консулы отрицали, чтобы объ этомъ вопросѣ былъ докладъ. Вслѣдъ затѣмъ, по инициативѣ государя, постановилъ сенатъ: «чтобы никто на собраніяхъ союзниковъ не дѣлалъ предложеній объ изъявленіи признательности пропреторамъ или прокунсуламъ и чтобы никто не бралъ на себя «съ «этимъ посольства». При тѣхъ же консулахъ сгорѣлъ отъ удара молніи гимназій и статуя Нерона въ немъ обратилась въ безобразный кусокъ мѣди. Отъ землетресенія обрушилась большая часть Помпей, знаменитаго города Кампаніи, умерла дѣва весталка Лалія и на ея мѣсто взята Корнелія изъ фамиліи Коссовъ.

23. Въ консульство Меммія Регула и Вергинія Руфа, Неронъ рожденіе ему дочери отъ Поппеи встрѣтилъ съ радостью свыше человѣческой; онъ ее наименовалъ Августою и Поппеѣ далъ даже прозваніе. Мѣстомъ разрѣшенія отъ бремени была колонія Антій, гдѣ родился самъ Неронъ. Еще ранѣе сенатъ поручилъ милосердію боговъ чрево Поппеи и всенародно принялъ обѣты; они еще увеличены и исполнены. Присоединены: «молебствія, храмъ плодородію и состязаніе по подобію Актіакскаго религіознаго обряда». Опредѣлено: «поставить на порогѣ (храма) Капитолинскаго Юпитера «золотыя изображенія счастій; чтобы игры цирценокія подобно тому «какъ роду Юліевъ у Бовилль, такъ Влладіеву и Домиціеву, совершались у Анція». Все это было напрасно, такъ какъ ребенокъ умеръ на четвертомъ мѣсяцѣ. Снова начались выраженія лести и

подано мнѣніе: въ бозѣ почившей: почести, олтарь, храмъ и жертвенникъ. Самъ Неронъ не зналъ умѣренности ни въ радости, ни въ печали. Замѣтили, что когда весь сенатъ отправился въ Анцій вскорѣ послѣ родинѣ, Тразеа не былъ допущенъ, но съ твердостью духа встрѣтилъ оскорбленіе, предвѣщавшее грозившую ему гибель. Вслѣдъ затѣмъ, говорятъ, послѣдовало выраженіе Цазаря, въ которомъ онъ передъ Сенекою гордился, что помирился онъ съ Тразеєю и Сенека поздравлялъ съ этимъ Цезаря. Такъ людямъ свѣтлымъ съ славою росли и опасности.

24. Между тѣмъ съ началомъ весны, послы Паревовъ принесли порученія царя Вологега и письмо отъ него въ этомъ родѣ: «не «станетъ онъ на этотъ разъ повторять старинной, столько разъ «повторенной похвалы относительно присвоенія Арменіи, такъ «какъ боги, распорядители судебъ и самыхъ могущественныхъ на- «родовъ, передали обладаніе Арменією Паревамъ не безъ по- «зора Римлянъ. Недавно Тигранъ былъ въ осадѣ; послѣ Пэта и «легионы отпустилъ, имѣя возможность ихъ уничтожить. Достаточно «доказана сила, данъ образецъ и умѣренности. И не отказался бы «Тиридатъ явиться въ городъ для принятія діадемы, еслибы его «не удерживало его жреческое значеніе. Отправится онъ къ знач- «камъ и изображенію государя и тамъ передъ легионами получить «освященіе на царство».

25. Вслѣдствіе такого письма Вологега—такъ какъ Пэтъ писалъ совѣтъ другое, будто дѣла все въ одномъ положеніи какъ были—спрошенъ сотникъ, пришедшій съ послами: «въ какомъ по- «ложеніи находится Арменія?» и отвѣтилъ: «всѣ Римляне оттуда «удалились». Тутъ понята была насмѣшка дикарей, просившихъ то, что они уже исторгли силою. Неронъ совѣтовался съ значительнѣйшими лицами въ государствѣ: что предпочесть войну ли, результатъ которой еще сомнителенъ, или безчестный миръ? Война, безъ колебаній, предпочтена. И Корбулонъ, въ теченіи столькихъ лѣтъ ознакомившійся и съ воинами и съ врагами, поставленъ во главѣ веденія войны, какъ бы незнаніемъ другаго не сдѣлать вторичной ошибки; и относительно Пэта калялись. А потому отосланы послы безъ успѣха, впрочемъ съ дарами, чтобы подать надежду—не вотще остались бы о томъ же просьбы Тиграна, принеси онъ ихъ самъ. Управленіе Сирією поручено Цинцію, а военныя силы предоставлены Корбулону; прибавленъ ему изъ Паноніи 15 легионъ подъ предводительствомъ Маріа Цельза. Написано четвертовластникамъ (тетрархамъ) и царямъ, префектамъ и прокураторамъ и

тѣмъ изъ преторовъ, которые управляли сосѣдними провинціями— «чтобы они повиновались приказаніямъ Корбулона». Власть его увеличена почти въ такой же степени, въ какой далъ ее народъ Римскій Кн. Помпею на веденіе войны съ пиратами. Вернувшася Пэта, опасавшагося строгаго наказанія, Цезарь нашелъ достаточнымъ преслѣдовать насмѣшкою въ такихъ почти словахъ: «немедленно онъ его прощаетъ какъ бы онъ, столько къ робости «склонный, отъ болѣе продолжительной заботы не захворалъ».

26. Корбулонъ, переведя въ Сирію четвертый и двѣнадцатый легіоны, — они утратили храбрѣйшихъ воиновъ, да и остальные еще не оправились отъ ужаса, и повидимому могли мало быть полезны въ дѣлѣ,— перевелъ въ Сирію, а, взявъ оттуда шестой и третій легіоны, войско свѣжее и пріобрѣтшее опытность въ частыхъ и увѣнчанныхъ успѣхомъ трудахъ, повелъ въ Арменію. Присоединилъ и пятый легіонъ, который, находясь въ Понтѣ, былъ чуждъ пораженія, а также и воиновъ пятнадцатаго легіона, недавно приведенныхъ, и значки отборныхъ изъ Иллирика и Египта, и все сколько было союзной конницы и пѣхоты (когортъ). И вспомогательныя войска царей собралъ въ одно мѣсто къ Мелитенѣ, гдѣ готовился перейти Евфратъ. Тутъ войско, очистивъ по обычаю, зоветъ на собраніе; въ пышныхъ выраженіяхъ начинаетъ говорить о счастливой звѣздѣ Императора, о совершенныхъ имъ подвигахъ, всѣ неудачи относя къ незнанію Пэта; съ большимъ вѣсомъ (говорилъ онъ) и онъ то военному человѣку былъ вмѣсто краснорѣчія.

27. Вслѣдъ за тѣмъ онъ двинулся путемъ, когда то Лукулломъ проложеннымъ, отстранивъ препятствія отъ давняго времени возникшія. Не съ пренебреженіемъ обошелся онъ съ послами Тиридата и Вологеза, пришедшими къ нему о мирѣ; онъ присоединилъ къ нимъ сотниковъ съ порученіями не крутыми: «не до того дѣло дошло, чтобы неизбѣжна была рѣшительная борьба. Много счастливаго случилось Римлянамъ, кое что и «Парсамъ, какъ улики противъ надменности. Во всякомъ случаѣ и Тиридату выгоднѣе получить въ даръ царство нетронутое опустошеніемъ и Вологезъ больше пользы принесетъ народу Парсовъ союзомъ съ Римлянами, чѣмъ взаимнымъ вредомъ. «Не безъизвѣстно, сколько внутреннихъ несогласій и какими «неукротимыми и свирѣпыми народами онъ управляетъ. Напротивъ у императора Римскаго вездѣ невозмутимый миръ и только эта одна война.» Къ совѣту присоединилъ угрозу и Меги-

станъ Армянскихъ, которые отвали отъ насъ первые, прогналъ съ ихъ мѣстожителства, разрушилъ ихъ укрѣпленія, ровныя, возвышенныя мѣста, сильныхъ и слабыхъ поразилъ равнымъ страхомъ.

28. Имя Корбулона дикарямъ не только не было ненавистно, но и не враждебно и потому его совѣтъ считали надежнымъ. Вслѣдствіе этого и Вологезъ не былъ ожесточенъ до крайности, и для нѣкоторыхъ префектуръ выспросилъ перемиріе. Тиридатъ требуетъ назначить мѣсто и день для переговоровъ. Время назначено недалнее, а мѣсто гдѣ незадолго передъ тѣмъ были осаждены легіоны съ Пэтомъ. Дикари его выбрали какъ напоминавшее о радостномъ для нихъ событіи; да и Корбулонъ не уклонился, такъ какъ разница обстоятельствъ увеличивала славу. И не увеличивалось безславіе Пэта и это въ особенности обнаружилось тѣмъ, что сыну его трибуну приказалъ Корбулонъ вести отрядъ и прикрыть останки неблагополучнаго сраженія. Въ условленный день Тиберій Александръ, именитый всадникъ Римскій, приданный Корбулону для веденія войны и Вивіанъ Анній, зять Корбулона, по молодости лѣтъ еще не получившій сенаторскаго званія, но въ качествѣ легата начальствовавшій надъ пятымъ легіономъ, пришли въ лагерь Тиридата въ почетъ ему и чтобы онъ, при такихъ заложникахъ не опасался засады. За тѣмъ взяты двадцать всадниковъ. Увидавъ Корбулона, царь первый соскочилъ съ коня; не замѣдлил и Корбулонъ; спѣшившись, оба подали другъ другу правыя руки.

29. Тутъ Римлянинъ похвалилъ молодаго челоуѣка за то, что: «онъ, оставивъ опрометчивыя рѣшенія, предпочелъ образъ «дѣйствія безопасный и спасительный.» Тиридатъ, высказавъ прежде многое о знатности рода, впрочемъ, прибавилъ въ духѣ умѣренности: отправится онъ въ Римъ и принесетъ Цезарю честь «небывалую, что потомокъ Арзака, при благополучномъ положеніи дѣлъ у Парфовъ, явится просителемъ.» Тутъ рѣшено «чтобы Тиридатъ сложилъ у изображенія Цезаря знаки царскаго достоинства и взялъ бы ихъ опять не иначе какъ изъ рукъ Нерона; совѣщаніе окончилось поцѣлуемъ. Потомъ, немного дней «спустя, съ большою съ обѣихъ сторонъ торжественностью: у «Пареовъ конница была расположена по взводно въ убранствѣ «завѣщанномъ предками, а съ нашей стороны стояли ряды легіоновъ съ блестящими орлами, значками и изображеніями боговъ, на подобіе храма. Въ срединѣ на возвышеніи стояло ку-

«рульное кресло и на немъ статуя Нерона. Подойдя къ ней, Тиридать, причѣмъ принесены были жертвы по обычаю, снявъ вѣнецъ съ головы, положилъ его къ ногамъ статуи. На умы всѣхъ зрѣлище это сильно подѣйствовало; впечатлѣніе сильнѣе было отъ нагляднаго еще такъ сказать воспоминанія о пораженіи и осадѣ Римскихъ войскъ: теперь обстоятельства перемѣнились; пойдеть Тиридать на показъ народамъ чѣмъ, иначе какъ не «плѣнный?»».

30. Присоединилъ къ славѣ Корбулонъ—ласку и угощеніе пиршествомъ. Царь распрашивалъ причины какъ только замѣчалъ что либо новое, какъ то: смѣны карауловъ по знаку сотника, отпускъ воиновъ послѣ принятія пищи звукомъ трубы, зажженіе подложеніемъ факела жертвенника, воздвигнутаго передъ *автураломъ*. Все это превознося похвалами вызвалъ удивленіе къ завѣщаннымъ отцами обычаямъ. На другой день просилъ отерочки, чтобы прежде чѣмъ отправиться въ такой дальній путь, повидаться съ матерью и братьями. Между тѣмъ онъ заложницею далъ дочь свою и передалъ письмо просительное къ Нерону.

31. Удалясь, нашелъ онъ Пакора въ землѣ Медовъ, а Вологеца въ Экбатанахъ, любопытствовавшего о братѣ; онъ даже черезъ собственнаго гонца просилъ Корбулона: «чтобы Тирида-«ту не пришлось сносить чего либо похожаго на рабство; что-«бы не отбирали у него оружія, не устранили отъ привѣтствія завѣдывающихъ провинціями и не пришлось бы ему дожидаться «у ихъ порога и чтобы ему въ Римѣ была почестъ наравнѣ «съ консулами.» Это значило, что ему, пріобыкшему къ чужестранной гордости, мало было извѣстно наше обращеніе; у кого сила и власть въ рукахъ, тотъ пренебрегаетъ пустяками.

32. Въ этомъ же году Цезарь распространилъ право Лациума на народы приморскихъ Альповъ; для всадниковъ Римскихъ отвелъ мѣста въ циркѣ впереди тѣхъ, что служили для протаго народа, а до того дня они помѣщались безъ различія, такъ какъ въ Росціевомъ законѣ не постановлено ничего, кромѣ о четырнадцати рядахъ. Зрѣлища гладіаторовъ представилъ этотъ годъ съ такою же пышностью какъ и прежній, но участіемъ въ дѣйствиіи на сценѣ опозорено большее число именитыхъ женщинъ и сенаторовъ.

33. Въ консульство К. Деканія и М. Лицинія со дня на день усиливалась въ Неронѣ страсть—посѣщать разныя сцены;

до тѣхъ поръ пѣвалъ онъ въ домѣ или въ садахъ на играхъ молодежи (Ювенальскихъ), но отзывался о нихъ съ пренебреженіемъ какъ мало посѣщаемыхъ и для такого голоса тѣсныхъ. Не дерзнувъ, впрочемъ, начать съ Рима, избралъ Неаполь, какъ будто бы Греческій городъ: «оттуда сдѣлаетъ онъ начало и затѣмъ перейдя въ Ахаію и пріобрѣтя украшенія и издревле «священные вѣнки, большею славою привлечетъ вниманіе гражданъ.» Вслѣдствіе этого собраны жители простолудины, да слухъ объ этомъ дѣлѣ привлекъ нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ муниципій и колоній; присутствовали и тѣ, которые сопровождали Нерона какъ почетная свита или для разныхъ его надобностей даже отряды воиновъ; все это наполнили театръ Неаполя.

34. Тутъ то случилось происшествіе, по мнѣнію большинства, печальнаго предвѣстія, а по мнѣнію его, Нерона, скорѣе обнаружившее особенный промыселъ и расположеніе боговъ: по выходѣ находившагося тамъ народа, театръ обрушился уже опустѣлый и безъ чьего либо вреда. Вслѣдствіе этого въ составленныхъ нарочно пѣсняхъ, воздавая благодарственность богамъ и прославляя счастливый исходъ недавняго событія, онъ отправился съ намѣреніемъ переплыть Адриатическое море, но остановился на нѣкоторое время въ Беневентѣ; тутъ Ватиній давалъ знаменитыя гладіаторскія игры. Ватиній былъ однимъ изъ гнуснѣйшихъ явленій двора Неронова: вскормленный въ лавкѣ башмачника, безобразный тѣломъ, онъ отличался самымъ пошлымъ шутствомъ; сначала онъ взятъ былъ, чтобы надъ нимъ издѣваться, но потомъ наущничествомъ на людей лучшихъ онъ до того усилился, что вліяніемъ, деньгами, возможностью вредить превзошелъ даже сверстниковъ зла.

35. Между тѣмъ какъ Неронъ посѣщалъ это зрѣлище и среди наслажденій не прекращались преступленія. Именно въ эти самые дни вынужденъ умереть Таркватъ Силанъ за то, что онъ, выше знатности рода Юліевъ, хвалился предкомъ—божественнымъ Августомъ. Обвинители получили приказаніе упрекнуть его въ томъ, что онъ и былъ очень щедръ на подарки и что другой надежды ему не оставалось, какъ на переворотъ; даже держать онъ людей, которымъ даетъ названія отъ занятій письмами, веденій записокъ и счетовъ, а это даетъ поводъ думать куда заносится онъ въ своихъ предположеніяхъ и мечтахъ. «Затѣмъ, самые приближенные изъ его отпущенниковъ заключены въ

«оковы и увлечены. Когда уже осужденіе было неизбѣжно, Торкватъ перерѣзалъ себѣ жилы на рукахъ; послѣдовала обычная рѣчь Нерона: хотя виновный и основательно не довѣрившій защитѣ живъ бы онъ былъ, если бы выждалъ милосердія «судей.»

36. Немного времени спустя, оставивъ на этотъ разъ Ахаію—причины были неизвѣстны—посѣтилъ снова городъ; области Востока въ особенности Египеть—были предметомъ его тайныхъ помышленій. Въ слѣдствіе этого засвидѣтельствовалъ онъ эдиктомъ: «недолго будетъ онъ въ отлучкѣ и въ государствѣ все будетъ «по прежнему спокойно и благополучно; по поводу этого отъѣзда отправился онъ въ Капитолій. Тутъ онъ поклонился богамъ, а когда хотѣлъ было войти въ храмъ Весты, вдругъ «трепетъ пробѣжалъ по вѣзмъ его членамъ: или божество его «поразило ужасомъ или воспоминаніе его злодѣйствъ не остав- «ляло его ни на минуту свободнымъ отъ опасеній; оставилъ онъ «намѣреніе, высказывая, что любовь къ отечеству выше для «него всѣхъ остальныхъ заботъ. Видѣлъ онъ печальныя лица «гражданъ, слышалъ тайныя жалобы, что рѣшается на такой «путь онъ, котораго и кратковременныя отлучки имъ (гражда- «намъ) невыносимы, привыкшимъ въ лицедрвіи государя нахо- «дить ручательство противъ всѣхъ случайностей. А потому какъ «и въ частыхъ надобностяхъ ближайшіе залого должны имѣть «наиболѣе силы, такъ и народъ Римскій имѣетъ для него (Не- «рона) наиболѣе значенія и нужно повиноваться когда его удер- «живаютъ.» Дѣйствительно таковы или въ этомъ родѣ были ощущенія черни, жаждавшей удовольствій и—что составляло главный предметъ ея заботливости—опасавшейся недостатка въ продовольствіи, въ случаѣ отъѣзда Нерона. Сенатъ и сановники не могли себѣ отдать отчета: опаснѣ ли его жестокость когда онъ на лицо или вдали; отъ этого—и таково свойство великихъ опасеній считали худшимъ то, какъ дѣлалось.

37. А самъ, чтобы повѣрили, что ему нигдѣ въ другомъ мѣстѣ такъ не весело (какъ въ Римѣ), въ общественныхъ мѣстахъ устраивалъ пиршества и цѣлымъ городомъ пользовался какъ своимъ собственнымъ домомъ. Въ особенности отличался роскошью и молвою пирь, приготовленный Тигеллиномъ; о немъ я расскажу, чтобы не пришлось часто повторять рассказы такихъ излишествъ. На прудѣ Агриппы устроилъ онъ плотъ; приготовленное на немъ пиршество приводилось въ движеніе, такъ

какъ паромъ влекли другіе суда, украшенныя золотомъ и серебромъ; гребцами были отборныя красавцы, привыкшіе служить для удовлетворенія самой гнусной похоти; птицы и звѣри добыты изъ самыхъ различныхъ странъ и животныя морскія изъ океана. Къ берегамъ пруда примыкали дома наслажденій, наполненныя знатными женщинами; съ другой стороны видны были совершенно голыя публичныя женщины; все движенія и дѣйствія дышали развратомъ, а когда наступилъ сумерокъ, то вся близлежащая роща и окружающія строенія огласились пѣніемъ и засвѣтились огнями, а самъ Неронъ, оскверненный и позволеннымъ, и не позволеннымъ, не оставилъ ни одного порока, которымъ могъ бы сдѣлаться еще хуже. Даже немного дней спустя онъ, съ однимъ изъ скопища этихъ опозоренныхъ людей, по имени Пизагорою, вступилъ въ бракъ, съ соблюденіемъ всехъ обрядовъ законнаго торжества. Императору надѣтъ фламеумъ, видѣли гадателей, приданое, брачное ложе и свадебныя факелы; однимъ словомъ все выставлено на показъ, даже и то что въ женщинѣ прикрываетъ ночь.

38. Послѣдовало бѣдствіе неизвѣстно отъ случая ли, или отъ коварнаго умысла государя; и то и другое засвидѣтельствовали писатели, во всякомъ случаѣ это бѣдствіе превосходило и размѣромъ и силою все, что прежде городъ Римъ терпѣлъ отъ огня. Начался пожаръ въ той части цирка, которая прилежала къ горамъ Палатинской и Целіевой; оттуда по лавкамъ, наполненнымъ товарами, представляющими пищу огню, разъ начавшійся огонь разыгрался съ большою силою и раздуваемый вѣтромъ охватилъ всю обширность цирка: дома не были обведены оградями, ни храмы стѣнами и не было ничего, чтобы могло задержать ходъ пламени. Все распространяясь, пожаръ свирѣпствовалъ сначала на мѣстахъ ровныхъ, потомъ поднялся на холмы и, опять спустясь въ равнину, опустошалъ все. Самая быстрота не давала возможности помочь горю, а развитію огня способствовали узкія кривыя улицы, бросавшіяся то въ ту, то въ другую сторону и сплошныя громадныя строенія—таковъ былъ видъ древняго Рима. Вездѣ раздавался плачь оробѣвшихъ женщинъ, слабые старики и малые дѣти метались туда и сюда; одни заботились о себѣ, другіе о близкихъ; одни тащили слабыхъ, другіе дожидались и то, оставаясь на мѣстѣ, то спѣша, торопливо производили общее замѣшательство. Нерѣдко обративъ все вниманіе на то, что дѣлалось сзади, захватываемы были огнемъ

спереди или съ боковъ, или если и удавалось уходить въ мѣста ближайшія, и тамъ наступалъ огонь и что считалось отдаленнымъ, подвергалось все той же случайности. Наконецъ, не зная куда дѣваться и чего убѣгать, наполнили улицы, расположились по полямъ. Нѣкоторые, утративъ все состояніе, даже дневное пропитаніе, другіе же изъ жалости по своимъ, которыхъ исхитить изъ пламени не были въ состояніи, гибли, хотя и имѣли возможность спастись. И никто не дерзалъ бороться съ огнемъ, велѣдствіе частыхъ угрозъ многихъ лицъ, препятствовавшихъ тушить; другіе даже лвно подбрасывали факелы, громко крича, что они это исполняютъ чью то волю; можетъ быть съ цѣлью свободнѣе заниматься грабежемъ, а можетъ и вправду по чьему либо приказанію.

39. Въ это время Неронъ находился въ Анціѣ и не прежде вернулся въ городъ, какъ огонь сталъ приближаться къ его дому, который онъ пристроилъ къ дворцу и садамъ Мецената. Впрочемъ всѣ усилія остановить огонь были тщетны и онъ истребилъ дворецъ, домъ и все что окружало ихъ. Бездомному и бѣжавшему народу открыто убѣжище на Марсовомъ полѣ и въ памятникахъ Агриппы; Неронъ отерылъ даже для него свои сады; выстроилъ временныя строенія для помѣщенія немущихъ гражданъ; всѣ необходимыя хозяйственныя вещи подвезены изъ Остіи и ближайшихъ муниципій; цѣна хлѣба понижена до трехъ мелкихъ монетъ. Всѣ эти мѣры, хотя и въ пользу народа, не производили на него должнаго впечатлѣнія, такъ какъ распространился слухъ, что въ самое время пожара, Неронъ вступилъ на сцену своего домашняго театра и воспѣвалъ гибель Трои, приравнивая настоящее бѣдствіе съ древнимъ.

40. Наконецъ на шестой день внизу Есквилій положенъ конецъ пожару разрушеніемъ на необъятное пространство строеній, для того чтобы разрушительному пламени не предоставитъ другой пищи, кромѣ равнаго мѣста и открытаго неба. Еще не улегся страхъ, а снова показался огонь, хотя и легче и въ болѣе открытыхъ мѣстахъ города, велѣдствіе чего менѣе было потерь между людьми. Всего значительнѣе было разрушеніе капищъ боговъ и портика *прелести* посвященнаго. Этотъ пожаръ подалъ поводъ къ еще болѣе дурнымъ слухамъ, такъ какъ огонь обружился въ строеніяхъ Эмилианскихъ. Полагали, что Неронъ домогается славы построенія новаго города съ тѣмъ, чтобы назвать его своимъ именемъ. Римъ, въ то время, дѣлился на четыр-

надцать округовъ; изъ нихъ четыре оставались невредимыми; три разрушены до основанія, а въ остальныхъ семи оставались изрѣдка слѣды строеній поларазрушенныхъ пламенемъ.

41. Было бы неудобно (невозможно) счесть все количество домовъ, лавокъ и храмовъ, тутъ погибшихъ; но древнѣйшія религіозныя воспоминанія, храмы, построенные Сервіемъ Тулліемъ Лунсъ, великій жертвенникъ и часовня, посвященныя Аркадцемъ Евандромъ Геркулесу лично, храмъ Юпитера Статора, воздвигнутый обѣтомъ Ромула, дворецъ Нумы и капище Весты съ богами, хранителями народа Римскаго — погибли въ огнѣ. Богатства, снисканныя столькими побѣдами, лучшія произведенія Греческаго искусства, даже уметвенные памятники древніе и неиспорченные, не смотря на всю красоту возставшаго изъ пепла города, не могли быть отысканы, а ихъ помнили многіе старики. Нашлись нѣкоторые замѣтить, что начало пожара случилось въ 14-й день Секстильскихъ календъ и что въ этотъ самый день Сеноны взятый ими городъ предали огню. Другіе до того простерли свою заботливость, что начли между тѣмъ и другимъ пожаромъ тоже число лѣтъ, мѣсяцевъ и дней.

42. Какъ бы то ни было, а Неронъ развалины отечества употребилъ на постройку себѣ дома; въ немъ заслуживали удивленіе уже не драгоценныя камни и золото, предметы обычныя и вслѣдствіе безмѣрной роскоши опошлившіеся, а цѣлыя поля, озера и на подобіе пустынь тутъ лѣса, а тамъ открытыя мѣста и виды. Подали мысль и въ исполненіе привели Северъ и Целеръ; смѣлымъ умомъ своимъ они пытались искусствомъ выполнить то, въ чемъ отказала природа и тѣшиться средствами государя. Такъ они ему обѣщали: провести судоходный каналъ отъ Авернскаго озера до устья Тибра по грязнымъ берегамъ, по встрѣчнымъ горамъ. Но тутъ, по отсутствію влажности, неоткуда было взять воды, кромѣ болотъ Помитинскихъ; остальное — крутизны или мѣста безплодныя; да если бы и въ самомъ дѣлѣ возможно было прорыть каналъ, то — трудъ необъятный и недостаточно оправданный. Однако Неронъ, страстный охотникъ до всего, что по видимому превосходило всякую возможность, пытался прорвать горный хребетъ, ближайшій къ Аверну; остаются слѣды надежды оставшейся вотще.

43. Остальное города, незахваченное домомъ, не такъ какъ послѣ Галльскаго пожара безо всякаго разбора, какъ пришлось застроено, но размѣрены пространства кварталовъ и оставлены

широкія улицы; вышины строеній назначена мѣра, сдѣланы открытые дворы и устроены съ лицевой стороны для ихъ прикрытія портики. Неронъ обѣщалъ, что ихъ устроитъ на свои деньги, а хозяевамъ передастъ мѣста ихъ домовъ расчищенными. Присоединилъ раздачу денежныхъ суммъ согласно съ состояніемъ и общественнымъ положеніемъ каждаго и назначилъ срокъ въ какой они должны были вступить во владѣніе выстроенными домами или лавками: «для принятія обломковъ назначилъ Остіи-«скія болота и приказалъ, чтобы суда, привозившія хлѣбъ по «Тибру на обратномъ пути брали съ собою грузъ мусора. Строе-«нія въ назначенной ихъ части должны были ввозиться безъ «поперечныхъ брусевъ, будучи скрѣпляемы камнемъ Гобинскимъ «и Албанскимъ—такъ какъ онъ недоступенъ огню. Такъ какъ «воду перехватывали своевольно частныя лица, то чтобы въ боль-«шемъ количествѣ и многочисленнѣйшихъ мѣстахъ протекала она «для общаго употребленія, поставлены сторожа и каждый долженъ «былъ имѣть на видномъ мѣстѣ вспомогательныя средства для «тушенія огня. Запрещено имѣть общія стѣны, но каждое стро-«еніе должно было имѣть свои собственныя.» Все это предпри-
нятое, въ видахъ пользы, содѣйствовало и красотѣ новаго го-
рода. Нашлись впрочемъ и такіе, которые полагали: «прежній
«способъ постройки болѣе способствовалъ здоровью; узкія улицы
«и вышина строеній не такъ то давали ходъ жару солнца, а
«теперь полный просторъ широкихъ улицъ, гдѣ нѣтъ защиты въ
«тѣни, содѣйствуютъ болѣе тяжкому развитію зноя.»

44. Такія то мѣры приняты были человѣческою предусмотрительностью. Вслѣдъ за тѣмъ пытались умиловить боговъ, заглянули въ Сивиллины книги и по нимъ принесены мольбы Вулкану, Церерѣ и Прозерпинѣ, а Юнону старались умиловить женщины замужня, сначала въ Капитоліѣ, а потомъ у ближайшаго моря; почерпнутою оттуда водою оросили храмъ и изображеніе богини; пиршествомъ и всенощнымъ бдѣніемъ отпраздновали женщины, у коихъ были мужья. Но ни средствами человѣческими, ни щедростію государя, ни умиловленіемъ боговъ не уничтожилась дурная молва, будто этотъ пожаръ произошелъ по приказанію. Чтобы положить слухамъ конецъ Неронъ подыскалъ виновныхъ и примѣнилъ самыя изысканныя муки къ тѣмъ, которыхъ, ненавистныхъ за ихъ злодѣянія, народъ называлъ христіанами. Виновникомъ наименованія этого былъ Христосъ, котораго, въ правленіе Тиберія, казнилъ прокураторъ Понтій Пилатъ. Подавленное на этотъ

разъ пагубное суевѣріе снова обнаружилось не только въ Іудей, колыбели этого зла, но даже и въ городѣ, куда отовсюду стекается и гдѣ развивается все ужасное и срамное. Сначала схвачены тѣ, которые сознавались, потомъ по ихъ показанію огромное множество уличенныхъ не столько въ причиненіи пожара, сколько въ ненависти ко всему человѣческому роду. Губили ихъ съ посмѣяніемъ, какъ то: покрывали кожами звѣрей и отдавали на растерзаніе собакамъ, распинали на крестахъ, или предавали огню, такъ что когда угасалъ день, ихъ зажигали вмѣсто ночнаго освѣщенія. Для этого зрѣлища Неронъ отвелъ сады свои и давалъ цирцескія игры, въ одеждѣ кучера (правящаго колесницею) теряясь въ толпѣ народа, или управляя экипажемъ. Вслѣдствіе этого, хотя въ отношеніи виновныхъ и заслужившихъ самыя строгія наказанія, возникало состраданіе, будто они (христіане) гибли не въ видахъ общественной пользы, но на удовлетвореніе жестокости одного.

45. Между тѣмъ Италия предана грабежу для добытія денегъ; провинціи, союзные народы и города, именуемые свободными, разорены. И боги принесли свою часть добычи; обобраны въ городѣ храмы и вынесено золото, освященное вслѣдствіе триумфовъ, обѣтовъ во всѣ возрасты народа Римскаго въ минуты счастья или опасеній. А по Азіи и Ахайѣ уже не приношенія только, но самыя изображенія боговъ похищали; въ эти провинціи посланы были Арратъ и Секундъ Каринатъ; первый отпущенникъ, готовый на всякое злодѣйство, а второй, пріобрѣтя внѣшность Греческаго образованія, не обогатилъ умъ добрыми правилами. Говорятъ, что Сенека, чтобы отклонить отъ себя всю ненавистность святотатства, просилъ дозволенія—удиниться въ отдаленную деревню, но не получивъ его, притворился больнымъ нервами и не выходилъ изъ спальни. Нѣкоторые передали, будто бы ему былъ приготовленъ ядъ отпущенникомъ его по имени Клеониемъ, вслѣдствіе приказанія Нерона; но Сенека избѣгнулъ его; выдалъ ли свою тайну самъ отпущенникъ или вслѣдствіе собственныхъ опасеній, ведя самый простой образъ жизни и питааясь одними древесными плодами, а въ питье употребляя одну лишь ключевую воду.

46. Около этого же времени гладіаторы угорода Пренесты, пытаясь вырваться на свободу, усмирены отрядомъ воиновъ, находившимся тамъ для стражи. Толковали уже о Спартакѣ и бывшемъ давно бѣдствіи въ народѣ, жадномъ до всего новаго и склонномъ къ опасеніямъ. Немного спустя получается извѣстіе о несчастіи, постигшемъ флотъ и не на войнѣ—врядъ ли когда еще царствовало

такое полное спокойствіе—но Неронъ приказалъ флоту вернуться въ Кампанію къ назначенному дню, не дѣлая исключенія для случайностей моря. Вслѣдствіе этого кормчіе, не смотря на бурное море, отплыли изъ Формій и, при сильномъ отъ Африки дувшемъ вѣтрѣ, въ попыткахъ обогнуть Мизенскій мысъ отброшены къ берегамъ Кумъ и утратили тамъ большую часть триремъ, а мѣстами и меньшаго размѣра суда.

47. Въ концѣ года обнаружались чудесныя явленія, предвѣстники уже близкихъ бѣдствій. Молніи были такъ сильны и часты, какъ еще никогда и появилась комета, явленіе, вызывавшее постоянно Нерона на пролитіе именитой крови. Двуглавая порожденія людей и другихъ животныхъ брошены всенародно или найдены въ жертвоприношеніяхъ, гдѣ обычай требуетъ заколать беременныхъ животныхъ. На Плацентинскомъ полѣ, подлѣ дороги, родился теленокъ, у котораго голова была будто быдлѣшка. Послѣдовало толкованіе гадалелей: «готовится порядкамъ человѣческимъ новая глава, но не получить силы и не свернется—такъ какъ подавленная во чревѣ, родилась подлѣ дороги».

48. Вступили потомъ въ консульство Силій Нерва и Аттикъ Вестанъ, когда уже начался и усилился заговоръ, на который непрерывъ давали имена сенаторы, всадники, воины, даже женщины, частью изъ ненависти къ Нерону, частью изъ расположенія къ К. Пизону. Онъ, происходя отъ рода Кальпурніевъ и въ наслѣдственной знатности, сосредоточивъ кровь многихъ знатныхъ семействъ, пользовался въ народѣ почетною извѣстностью за свои добродѣтели или, по крайней мѣрѣ, за качества къ нимъ подходящія. Краснорѣчіе свое употреблялъ онъ на защиту гражданъ, былъ щедръ въ отношеніи къ друзьямъ и съ незнакомыми обходился при свиданіи вѣжливо и ласково. Имѣлъ онъ и дары случая: высокій ростомъ, красивъ лицомъ; но далекъ онъ былъ строгости нравовъ или умѣренности въ наслажденіяхъ; охотно предавался онъ безпечности, роскоши, а иногда и сладострастію. И это у многихъ заслуживало одобреніе, такъ какъ, при увлекательной прелести пороковъ, каждый хотѣлъ въ представителѣ верховной власти видѣть человѣка не упornaго и строгаго.

49. Заговоръ начался не отъ собственнаго стремленія Пизона; да и не легко мнѣ припомнить, кто былъ первый его виновникъ, по чьему побужденію возымѣло начало то, за что взялись столь многіе. Что всего усерднѣе были Субрій Флавій, трибунъ преторіанской когорты и сотникъ Сульпицій Аспръ—доказали твердость

ихъ конца. И Луканъ Анней и Плавтій Латеранъ, назначенный консулъ, внесли полную жизни ненависть. Лукана разжигали его собственныя личныя побужденія, такъ какъ славу его стихотворныхъ произведеній подавлялъ Неронъ изъ пустаго соревнованія, за- претивъ ихъ выпускать въ свѣтъ. Латерана, назначеннаго консула, заставило принять участіе въ заговорѣ не оскорбленіе какое либо, но любовь къ общему благу. Флавій Сцевинъ и Афраній Квинціанъ, и тотъ и другой сенаторскаго сословія, сдѣлались участниками такого замысла свыше ожиданій, какія отъ нихъ имѣли. Умственныя способности Сцевина разслабѣли отъ сладострастія и влѣдствіе этого жизнь его проходила въ сонливости. Квинціанъ изнѣженностью тѣла въ худой славѣ, осмѣянный Нерономъ въ сатирическихъ стихахъ, мстилъ за свое личное оскорбленіе.

50. Такимъ образомъ, толкуя между себя и съ пріятелями, «что государь совершаетъ преступленія, близокъ конецъ Имперіи и необходимо выбрать человѣка, который помогъ бы при такомъ об- щемъ изнеможеніи всего»—присоединили къ себѣ Туллія Сенеціона, Церварія Прокула, Вулкація Арарика, Юлія Тугурина, Мунація Грата, Антонія Наталиса, Марція Феста, всадниковъ Римскихъ; изъ нихъ Сенеціонъ былъ изъ числа самыхъ близкихъ къ Нерону лицъ и еще въ то время пользовался, повидимому, его расположеніемъ; тѣмъ большая опасность ему грозила. Съ Наталисомъ Пизонъ дѣлилъ свои самыя тайныя думы; остальные всего надѣялись отъ переворота. Присоединены, кромѣ Субрія и Сульпиція, о которыхъ я уже упомянулъ, люди военные: Граній Сильванъ и Статій Проксимъ, трибуны когортъ преторіанскихъ, Максимъ Скавръ и Венетъ Павиль, сотники. Но главная сила заключалась повидимому въ префектѣ Феніѣ Руфѣ; его, хвалимаго за образъ жизни и добрую славу, жестокостью и безстыдствомъ опережалъ Тигеллинъ въ расположеніи государя, тѣснилъ обвиненіями и не разъ наводилъ на серьезныя опасенія какъ на бывшаго любовника Агриппины, изъ жалости къ ней помышляющаго объ отомщеніи. А потому, когда заговорщики убѣдились изъ собственныхъ неоднократно повторяемыхъ его словъ, что и префектъ преторія сталъ за одно съ ними, то уже рѣшительнѣе стали толковать о времени и мѣстѣ убійства. Говорили, что сдѣлать нападеніе взялся Субрій Флавій, предположившій броситься на Нерона, когда онъ будетъ пѣть на сценѣ, или, когда среди пылающаго дома, ночью онъ будетъ бѣгать туда и сюда, никѣмъ не охраняемый. Тутъ случайность одиночества, тамъ самое многолюдство, долженствовав-

шее быть свидѣтелемъ такого прекраснаго поступка—поощряли возвышенный духъ; но удержало желаніе безнаказанности, постоянный врагъ великихъ начинаній.

51. Пока заговорщики медлили и тянули въ даль свои надежды и опасенія, нѣкто Епихарисъ, неизвѣстно какимъ образомъ разузнавъ (до того не было ей никакой заботы о чемъ либо добропорядочномъ) поджигала и пеняла заговорщиковъ: наконецъ, наскучивъ ихъ медлительностью, и живя въ Кампаніи, она пыталась завлечь главнѣйшихъ изъ моряковъ Мизенскихъ къ соучаствію въ заговорѣ, такимъ образомъ: былъ хилархъ въ томъ флотѣ Волузій Прокулъ, участвовавшій въ числѣ исполнителей убійства матери Нерона, но недостаточно какъ онъ полагалъ вознагражденный за громадность злодѣйства. Онъ высказалъ свои заслуги въ отношеніи Нерона и какъ они безплодны для него остались, присоединилъ жалобы и намѣреніе свое отомстить, если бы представился случай, подаль надежду, что можно задобрить и еще большее число. И не мало значительно было бы содѣйствіе флота; ему предстояли бы частые случаи, такъ какъ Нерону нравилось долгое время пребываніе у Путеоль и Мизена. Тогда Епихарисъ еще больше стала высказывать всѣ преступныя дѣйствія государя: «и не хвалится она тѣмъ, что не имѣло бы «никакого основанія, предусмотрѣнно какъ онъ долженъ понести «наказаніе за ниспроверженіе общественнаго строя; пусть онъ только возмется оказать свое содѣйствіе и поведетъ войновъ туда, «гдѣ больше будетъ дѣла, за что пусть и ожидаетъ достойной «награды.» Имена заговорщиковъ она, впрочемъ, скрыла; вслѣдствіе чего доносъ Прокула оказался бесполезнымъ, хотя онъ слышанное имъ и сообщилъ Нерону. Епихарисъ, будучи призвана и поставленная на очную ставку съ донощикомъ, безъ труда опровергла то, что не основывалось ни на какихъ свидѣтеляхъ; но сама удержана подъ стражею, такъ какъ Неронъ подозрѣвалъ, что не лживъ доносъ, хотя и не было доказательствъ его справедливости.

52. Однако заговорщики, встревоженные опасеніемъ, какъ бы ихъ не выдали, положили воспользоваться убійствомъ у Бай въ виллѣ Пизона; Цезарь, увлеченный красотою мѣстности, бывалъ тамъ часто, обѣдалъ и бралъ ванны, оставивъ почетную стражу и время своего высокаго положенія; но отказался Пизонъ, выставивъ всю мерзость поступка, если святыня стола и боги гостепріимства будутъ орошены кровью государя, какъ бы онъ дурень ни

былъ; лучше совершить это дѣло въ городѣ въ томъ ненавистномъ и воздвигнутомъ изъ достоянія отнятаго у гражданъ домѣ, или всенародно привести въ исполненіе то, что они и приняли на себя въ виду общей пользы. Такъ онъ говорилъ при всѣхъ, а, впрочемъ, было скрытое опасеніе, какъ бы Л. Силанъ, очень знатнаго рода, примѣромъ К. Кассія, у котораго былъ воспитанъ, приготовленный ко всякому самому высокому положенію, не захватилъ верховной власти, при готовомъ содѣйствіи тѣхъ, которые заговору неприястные обнаружили бы состраданіе къ Нерону, какъ жертвѣ преступнаго умысла. Большинство было того убѣжденія, что Пизонъ избѣгалъ консула Вестана, человѣка съ умомъ рѣшительнымъ и предприимчивымъ—какъ бы онъ не склонился на сторону свободы, или избраніемъ другаго императора не присвоилъ бы себѣ высокаго значенія въ государствѣ. Онъ дѣйствительно былъ чуждъ заговора, что, впрочемъ, не воспрепятствовало Нерону вымѣстить на невинномъ старинную ненависть, обвинивъ его въ соучастіи.

53. Наконецъ постановили—въ день цирценокскихъ игръ, которыя празднуются въ честь Цереры—привести въ исполненіе свой умыселъ, такъ какъ Цезарь, выходявшій рѣдко, заключившись въ домѣ, или въ садахъ, посѣщалъ забавы цирка и досугѣе былъ влѣдствіе веселостей зрѣлища. Порядокъ исполненія постановили такой: «Латеранъ, какъ бы прося о пособіи «при своихъ недостаточныхъ домашнихъ средствахъ, умолая, долженъ былъ упасть къ ногамъ государя и повалить его ничего «не ожидавшаго и придавить—смѣлымъ духомъ и громадный «тѣломъ. Тутъ на лежащаго и несвободнаго въ движеніяхъ, «трибуны, сотники и прочіе, у кого только хватило бы смѣлости, должны были броситься и умертвить.» Первую роль при этомъ требовалъ себѣ Сцевинъ; онъ утащилъ кинжалъ изъ храма Спасенія (въ Этруріи) или какъ другіе передаютъ, изъ храма Счастія въ Ферентинскомъ городѣ и носилъ какъ освященный на великое дѣло. Между тѣмъ Пизонъ долженъ былъ дожидаться у храма Цереры; оттуда его, префектъ Феній и прочіе взявъ, должны были нести въ лагерь въ сопровожденіи Антоніи, дочери Клавдія Цезаря, съ цѣлью привлечь расположеніе народа; такъ рассказываетъ К. Плиній. А мы, какъ бы это ни было передано, не сочли нужнымъ скрыть, какъ ни бессмысленнымъ повидимому кажется—какъ Антоніфъ, въ виду пустыхъ надеждъ употребить имя свое въ такое опасное дѣло, такъ и Пизону, котораго из-

вѣтна была любовь къ женѣ, связать себя другими брачными узами; но вѣдь страсть къ владычеству пересиливаетъ всё другія привязанности.

54. Удивительно было какъ при такомъ разнообразіи сословій, возрастовъ, пола—и богатые и бѣдные всё одинаково хранили глубокое молчаніе. Наконецъ измѣна началась съ дому Сцевина; онъ наканунѣ исполненія послѣ долгаго разговора съ Антоніемъ Наталисомъ, возвратился домой и скрѣпилъ печатью духовное завѣщаніе. Вынувъ изъ ноженъ кинжалъ, о которомъ я говорилъ выше, съ упрекомъ, напелъ его затупѣвшимъ отъ долгаго времени, приказалъ отточить на камнѣ и выострить хорошенько лезвіе, поручивъ это дѣло заботливости отпущенника Милиха. вмѣстѣ съ тѣмъ началось пиршество обильнѣе обыкновеннаго; любимѣйшіе изъ рабовъ получили свободу, а другіе и деньги. Ясно было, что самъ онъ грустилъ и погруженъ былъ въ глубокое размышленіе, хотя въ незначительныхъ разговорахъ старался выказать притворную веселость. Наконецъ тому же Милиху велитъ приготовить перевязи для ранъ, которыми останавливаютъ кровь. Зналъ ли Милихъ о заговорѣ и до того времени оставался вѣренъ, или не зналъ и тутъ только возымѣлъ подозрѣніе—какъ большинство передало при разсказѣ о послѣдовавшихъ событіяхъ. Когда рабскій умъ сообразилъ награду за вѣроломство, причемъ въ мечтахъ носились громадныя деньги и могущество—то забылъ о долгѣ, безопасности хозяина и благодарности за полученную свободу. Взялъ онъ совѣтъ и у жены—свойственный женщинѣ и клонившійся къ дурному, такъ какъ она сама же напугала его: «много было при этомъ свободныхъ «и рабовъ, бывшихъ свидѣтелями того же самаго; молчаніе одного не принесетъ никакой пользы, а награда будетъ принадлежать одному, кто предупредитъ своимъ показаніемъ.»

55. А потому съ разсвѣтомъ Милихъ отправился въ Сервиліанскіе сады и, когда его не пускали въ ворота, высказалъ неоднократно, что онъ имѣетъ сообщить важное и опасное. Привратники отвели его къ отпущеннику Нерона—Епафродиту, а тотъ тотчасъ же къ Нерону, сообщаетъ о грозящей ему опасности, о важномъ заговорѣ и передаетъ и слышанное, и свои догадки, показываетъ оружіе, приготовленное на его убійство, и предлагаетъ призвать обвиненнаго. Тотъ схваченъ воинами и началъ защищаться: «оружіе, которымъ его уличаютъ, какъ наслѣдственная вещь, была сберегаема тщательно, находилось въ

«его спальнѣ и похищено коварствомъ отпущеника. Не разъ «уже скрѣплялъ онъ печатью духовное завѣщаніе, не обращая «вниманія на дни, когда это приходилось. Деньги и свободу и «прежде давалъ рабамъ, а теперь еще съ большею щедростью «вслѣдствіе того, что при небольшихъ уже домашнихъ средствахъ «и притязаніяхъ кредиторовъ, сомнѣвается въ силѣ духовнаго «завѣщанія. Дѣйствительно онъ постоянно устраивалъ роскошные «пиры, велъ жизнь веселую и такую, которая могла заслужить «очень мало одобренія отъ строгихъ судей. Вовсе не приказывалъ онъ никакихъ перевязокъ отъ ранъ, но такъ какъ и остальное онъ высказалъ явно неосновательное, то и присовокупляетъ обвиненіе, чтобы въ одно и тоже время быть и доносчикомъ и свидѣтелемъ.» Слова эти сопровождалъ твердостью; съ своей стороны поноситъ какъ преступнаго и безсовѣстнаго съ такою увѣренностью въ голосъ и выраженіи лица, что подорвалъ бы доносъ, если бы Милица не предупредила жена: «Антоній «Наталісъ многое тайно говорилъ съ Сцевиномъ и что тотъ и «другой близкіе пріятели К. Пизону.»

56. Вслѣдствіе этого призываютъ Наталіса и порознь ихъ спрашиваютъ: «что это за разговоры были и о какомъ предметѣ?» Возникло подозрѣніе вслѣдствіе ихъ разнорѣчивыхъ отвѣтовъ; заключены въ оковы; не снесли вида пытки и угрозъ. Впрочемъ первый Наталісъ, болѣе знакомый со всѣмъ ходомъ заговора и вмѣстѣ болѣе опытный въ обличеніи, сначала сознается относительно Пизона, потомъ присоединяетъ Аннея Сенекку, потому ли, что черезъ него велись переговоры между Сенеккою и Пизономъ, или для того, чтобы снискать себѣ благорасположеніе Нерона; враждебный Сенеккѣ онъ изыскивалъ всѣ способы погубить его. Тутъ, узнавъ о показаніи Наталіса, и Сцевины, по такой же слабости, полагая, что все уже открыто и что молчаніемъ ничего больше не выиграешь, выдалъ и остальныхъ; изъ нихъ Луканъ, Квинціанъ и Сенеціо долго не сознавались, но потомъ соблазнясь обѣщанною имъ безнаказанностью, и какъ бы въ извиненіе своей медленности, назвали Луканъ—мать свою, Атиллу; Квинціанъ—Глитія Галла, Сенеціо—Аннія Полліона, главныхъ своихъ друзей.

57. Между тѣмъ Неронъ вспомнилъ, что по доносу Волузія Провула содержится въ заключеніи Епихарисъ и, имѣя въ виду что тѣло женское очень чувствительно боли—приказываетъ истерзать ее пытками. Ее ни побои, ни огонь, ни раздраженіе пы-

тавшихъ ее, вслѣдствіе какъ бы пренебреженія ихъ женщиною, не могли заставить отказаться отъ прежняго отрицанія. Такъ первый день пытки прошелъ безъ пользы; наконецъ, когда ее тащили на тѣ же мученія, посадивъ на кресло (вывихнутые члены не позволяли ей болѣе стоять) перевязку, бывшую у ней на груди, стащила, и завязавъ въ родѣ петли къ спинкѣ (дугѣ) кресла, вложила шею и усиливаясь тяжестью тѣла испустила и безъ того уже слабый духъ. Женщина—отпущенница показала похвальный примѣръ и въ такой крайности прикрыла людей ей чужихъ и почти незнакомыхъ, между тѣмъ, какъ люди благороднаго происхожденія, всадники Римскіе и сенаторы, не тронутые пыткой, выдали всѣхъ кто только былъ имъ ближе и дороже. Не переставали Луканъ, Сенеціо и Квинціанъ именовать то тѣхъ и другихъ изъ соучастниковъ къ все болѣе и болѣе усиливавшемуся страху Нерона, не смотря на то, что онъ окружилъ себя до крайности многочисленными караулами.

58. Даже самый городъ, занявъ вооруженными отрядами стѣны, прикрывъ ими рѣку и море, какъ бы отдалъ подъ стражу. Рыскали по форуму, по домамъ, даже по деревьямъ и сосѣднимъ муниципіямъ пѣхотинцы и всадники, перемѣшанные съ Германцами, коимъ, какъ иноземцамъ, наиболѣе довѣрялъ государь. Постоянно съ разныхъ сторонъ влекли сплошными толпами и оставляли ихъ у воротъ садовъ. Когда они входили для свиданія или допросовъ, то за вину ставили: не только радость при видѣ кого либо изъ заговорщиковъ, но и случайный разговоръ, неожиданную встрѣчу, то если вмѣстѣ входили на пиршество или на зрѣлище. Кромѣ суровыхъ распросовъ со стороны Нерона и Тигеллина, и Феній Руфъ сильно тѣнилъ, не будучи еще наименованъ въ показаніяхъ, но тѣмъ неумолимѣе къ соучастникамъ, что хотѣлъ показать будто ничего не зналъ. Онъ же Субрію Флавію, бывшему тутъ и мигнувшему—не обнажить ли мечъ во время самаго изслѣдованія и совершить убійство, сдѣлалъ отрицательный знакъ головою и сдержалъ порывъ Субрія, уже заносившаго руку къ мечу.

59. Нашлись люди, которые и по открытіи заговора, пока выслушивали Милиха, пока колебался Сцевинъ, убѣждали Пизона: «отправиться въ лагерь или взойти на ростры, испытать «расположеніе умовъ воиновъ и народа. Если въ его покушеніи «послѣдуютъ за нимъ единомышленники, то и неучаствовавшіе «пойдутъ за одно. Большой слухъ пройдетъ о начавшемся вол-

«неніи, а онъ то всего то болѣе и значить въ новыхъ замыс-
«лахъ. Со стороны же Нерона на этотъ случай ничего не пре-
«дусмотрѣно; люди и самыя твердыя робѣютъ отъ неожиданности,
«а чѣмъ болѣе этотъ актеръ, въ сопровожденіи ли Тигеллина и
«соучастниковъ своего разврата обнажить мечъ? Многое, при ис-
«полненіи, оказалось надежнымъ, что безопаснымъ казалось прежде
«загруднительнымъ. Напрасно было бы ждать молчанія или пре-
«данности при такомъ разнообразіи и мыслей и сложенія соучаст-
«никовъ. Пытка и деньги вездѣ проложатъ себѣ путь. Придутъ—
«свяжутъ его самого и наконецъ подвергнутъ позорной казни. Не
«гораздо ли похвальнѣе погибнуть, взявшись за дѣло обществен-
«ное, призывая на помощь свободѣ. Пусть лучше войны не при-
«мутъ участія и народъ покинетъ, лишь бы онъ самъ своею
«смертью снискалъ одобреніе и предковъ и потомства, въ случаѣ
«если бы жизнь и была бы у него исторгнута.» Нетронутый
этимъ и повертѣвшись немного въ обществѣ, потомъ заперся до-
ма, укрѣпляя свой духъ на угрожавшей ему конецъ, пока не
пришелъ отрядъ воиновъ, набранныхъ Нерономъ изъ рекрутовъ
или только недавно начавшихъ службу, а старыхъ воиновъ опа-
сался, какъ питавшихъ будтобы расположеніе къ Пизону. Умеръ
онъ, перерѣзавъ кровяныя жилы рукъ. Изъ любви къ женѣ на-
полнилъ онъ завѣщаніе постыдною лестью Нерону. Жена его
была роду простаго, замѣчательная только красотою тѣла; онъ
ее отнял у пріятели, за которымъ она была замужемъ. Женщи-
ну эту звали Арріа Галла; перваго мужа—Домицій Силь; онъ
снисходительностью, а она безстыдствомъ только распространили
безславіе Пизона.

60. Къ этой казни Неронъ присоединилъ немедленно казнь
Плавтія Латерана, назначеннаго консула и такъ быстро, что не
дали ему даже времени обнять дѣтей, этой неизбѣжной и крат-
ковременной отсрочки смерти. Увлечень въ мѣсто, отведенное
для казни рабовъ и умерщвленъ рукою Стація трибуна; онъ хра-
нилъ упорное молчаніе и не пощекнулъ трибуна соучастіемъ въ заго-
ворѣ. Послѣдовала казнь Аннея Сенеки, государю въ высшей степе-
ни пріятная не потому, чтобы онъ дѣйствительно убѣдился въ
его соучастіи въ заговорѣ, но чтобы оружіемъ покончить того,
противъ котораго ядъ оказался безуспѣшнымъ. Только одинъ
Наталисъ сдѣлалъ показаніе на Сенеку, да и то въ такихъ сло-
вахъ: «посланъ онъ былъ къ больному Сенекѣ — повидаться и
«спросить: почему онъ не хочетъ принимать Пизона? лучше было

«бы дружескимъ разговоромъ скрѣпить пріязнь.» На что Сенека отвѣчалъ: «взаимныя объясненія и частые разговоры бесполезны имъ обоимъ, впрочемъ его безопасность опирается на безопасность Пизона.» Приказано Гранію Сильвану, трибуну преторианской когорты, передать это Сенека и спросить его сознаетъ ли онъ слова Наталиса и свой отвѣтъ? «Сенека случайно ли или съ умысломъ, къ этому дню возвратился изъ Кампаніи и «остановился у четвертаго милеваго камня въ подгороднемъ имѣніи. Туда то, въ слѣдующій вечеръ, прибылъ трибунъ и окружилъ виллу толпами воиновъ; а ему, сидѣвшему за обѣденнымъ столомъ съ Помпеею Павлиною, женою его и двумя пріятелями, передалъ порученія императора.»

61. Сенека далъ отвѣтъ: «присланъ былъ къ нему Наталисъ съ жалобою отъ имени Пизона, что его не допускаютъ съ нимъ видѣться, а что онъ, Сенека, извинился состояніемъ здоровья и любовью къ спокойствію. Не было ему (Сенека) позволено безопасность частнаго человѣка ставить выше собственной, и это всего болѣе должно быть извѣстно Нерону, чаще испытавшему его вольныя чѣмъ рабскія рѣчи.» Когда трибунъ принесъ этотъ отвѣтъ—тутъ находились Тигеллинъ и Пoppеа—ближайшіе совѣтники государю въ его жестокостяхъ;—его спросилъ Неронъ: «готовится ли Сенека къ добровольной смерти.» Трибунъ завѣрилъ, что не замѣтилъ онъ ни малѣйшаго признака страха и ничего грустнаго ни въ словахъ, ни въ выраженіи лица. Тутъ онъ получаетъ приказаніе воротиться и объявить смерть. Передаетъ Фабій Рустикъ: «не тѣмъ путемъ вернулся какимъ ходилъ, а зашелъ къ Фенію префекту и, изложивъ приказанія Цезаря, спрашивалъ—повиноваться ли и получилъ совѣтъ—исполнить то, что ему приказано.» Какое роковое общее оцѣненіе! И Сильванъ находился въ числѣ заговорщиковъ, но увеличивалъ преступленія, на возмездіе которыхъ высказалъ было свое согласіе. Впрочемъ, не рѣшился самъ ни показаться, ни говорить; впустилъ онъ къ Сенека одного изъ сотниковъ—объяснить печальную необходимость.

62. Тотъ, не устращаясь, потребовалъ нужное, чтобы написать духовное завѣщаніе, а на отказъ сотника обратиться къ друзьямъ: «такъ какъ ему запрещаютъ выразить признательность за ихъ «заслуги,» то онъ оставляетъ имъ, что по его свидѣтельству онъ имѣетъ единственное и превосходнѣйшее—примѣръ своей жизни; если они будутъ имѣть ее постоянно въ памяти, то и

приобрѣтутъ похвалу за добрую нравственность, и окажутъ постоянство въ дружбѣ. «Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался удержатъ слезы «ихъ то бесѣдою, то съ большою настойчивостью въ родѣ выговора, напоминая имъ имѣть болѣе твердости, спрашивалъ: гдѣ же «наставленія мудрости? Гдѣ въ теченіи столькихъ лѣтъ обдуманнныя средства противъ случайности? Кому неизвѣстна была «жестокость Нерона? Ему, по убіеніи матери и брата, не осталось «ничего болѣе какъ присоединить къ нимъ казнь воспитателя и «наставника.»

63. Высказывая такія то и въ этомъ родѣ рѣчи ко всѣмъ вообще, обнявъ жену и немного смягчась въ отношеніи теперешней твердости, проситъ, умоляетъ: «умѣрить печаль и не со- «хранить ее навсегда, но, имѣя въ памяти жизнь, проведенную «въ добродѣтеляхъ, тоску по мужѣ умѣрять честными утѣшеніями. А та, съ своей стороны, утверждаетъ, что и ей назначена «смерть и требуетъ руки палача.» Тутъ Сенека, ея славѣ не противный, а также и вслѣдствіе любви, какъ бы нѣжно любимую не оставитъ на оскорбленія: «я тебѣ показалъ, чѣмъ «утѣшаться въ жизни, но ты предпочитаешь честную смерть; не «буду завидовать примѣру. Столь твердаго конца терпѣніе пусть «будетъ для обоихъ одинаково, а славы болѣе въ твоемъ концѣ. «Послѣ этого вмѣстѣ они открываютъ кровяныя жилы. Сенека, «такъ какъ его престарѣлое тѣло истомленное воздержаніемъ въ «пищѣ, весьма медленно выпускало кровь, открылъ жилы въ «верхней и нижней части ногъ. Мучимый сильными страданіями, «чтобы свою скорбью не ослабить твердость духа жены, да и «самому при видѣ ея мученій не почувствовать нетерпѣнія, со- «вѣтуетъ—удалиться въ другую комнату. И въ послѣднія ми- «нуты, неоставленный своимъ даромъ слова, позвавъ писцовъ, «изложилъ многое, что изданное въ свѣтъ его словами нахожу «излишнимъ здѣсь приводить.»

64. Неронъ, не питая собственно къ Павлинѣ ничего враждебнаго и желая предупредить толки о ненавистной жестокости, отдаетъ приказаніе— не дать ей умереть. По убѣжденію воиновъ, рабы и отпущенники перевязываютъ руки, останавливаютъ кровь—неизвѣстно съ ея ли вѣдома. Народъ, постоянно болѣе склонный принимать все въ дурную сторону и потому нашлись, которые были того убѣжденія, что Павлина до тѣхъ поръ искала славы общей смерти съ мужемъ, пока опасалась, что Неронъ неумолимъ, а когда представилась ей надежда на снисхо-

жденіе, то приманки жизни взяли свое. Пережила она мужа немного лѣтъ, сохранивъ достойную похвалы память о немъ; на лицѣ и во всѣхъ членахъ сохранила она такую блѣдность, которая обличала, что много жизненныхъ соковъ она утратила. Между тѣмъ Сенека, такъ какъ смерть приближалась медленно, умоляетъ Статія Аннея, котораго онъ издавна зналъ за вѣрнаго друга и искуснаго медика—дать ему давно уже приготовленный ядъ, которымъ губили осужденныхъ общественнымъ приговоромъ Аѳинянь. Принесенный ядъ принялъ безъ пользы, уже охладѣвъ членами и тѣло оставалось нечувствительно для силы яда. Наконецъ онъ вошелъ въ баню горячей воды, окропивъ ближе стоявшихъ рабовъ, сказавъ при этомъ: возливаетъ онъ эту жидкость Юпитеру Освободителю. Вслѣдъ за тѣмъ, внесенный въ баню, отъ ея пара потерялъ дыханіе и тѣло его предано огню безо всякой пышности похоронъ. Такъ онъ приказалъ въ запискахъ и, будучи еще на верху могущества и богатства, думалъ о своемъ концѣ.

65. Былъ слухъ, будто Сублий Флавій съ сотниками тайно замышлялъ, впрочемъ не безъ вѣдома Сенеки при содѣйствіи Пизона умертвивъ Нерона, убить и самаго Пизона, а верховную власть ввѣрить Сенецкѣ, какъ бы по выбору людей невинныхъ назначенному на высшую почесть. Даже при этомъ передавали слова Флавія: «не одинаково ли позорно будетъ, избавившись отъ гитариста, «поставить на его мѣсто трагическаго актера»,—такъ какъ Неронъ игралъ на гитарѣ, а Пизонъ пѣлъ въ трагическомъ одѣяніи.

66. Впрочемъ и заговоръ между военными не скрылся долѣе; явились горячіе доносы къ обличенію Фенія Руфа, такъ какъ невыносимо было видѣть въ одномъ и томъ же лицѣ и соучастника и слѣдователя. Сцевинъ, когда Руфъ приставалъ къ нему упорными угрозами, сказалъ ему съ усмѣшкою: «никто такъ хорошо «не знаетъ всего, какъ ты самъ» и съ своей стороны увѣряетъ «воздать должное такому доброму государю». Не нашлось словъ у Фенія противъ этого и не смолчалъ онъ, но, замаявшись, лепеталъ языкомъ въ явномъ испугѣ, а тутъ пристали и другіе съ обличеніемъ, въ особенности всадникъ Церварій Прокулъ. Императоръ отдалъ приказаніе воину Кассію, который тутъ же находился вслѣдствіе замѣчательной тѣлесной силы и тотъ схватилъ и связалъ Фенія.

67. Вслѣдъ за тѣмъ и показаніями тѣхъ же лицъ погубленъ

трибунъ Сублий Флавій; сначала онъ въ защитѣ своей ссылался на несходство привычекъ и что ему вооруженному не приходилось бы участвовать въ такомъ преступленіи съ безоружными и изнѣженными. Потомъ, сильно тѣснимый, онъ рѣшился съ честью признаться и на вопросъ Нерона: какія причины побудили его забыть присягу?— «Ненависть къ тебѣ, отвѣчалъ онъ, не было у тебя «воина вѣрнѣе, пока ты стоилъ чтобы тебя любили, а сталъ я тебя «ненавидѣть когда ты сталъ убійцею матери и жены, наѣздникомъ, «актеромъ и поджигателемъ». Привожу подлинныя его слова, которыя не были обнародованы такъ какъ Сенекины, а стоятъ быть извѣстны чувства война грубыя, но выраженыя сильно. Досто- вѣрно, что во всемъ этого заговорѣ не пришлось Нерону слышать ничего жестче этого; недолго не думая при совершеніи злодѣяній, онъ не привыкъ выслушивать правдивую оцѣнку своихъ дѣйствій. Казнь Флавія поручена Всіану Нигру, трибуну. Тотъ на ближайшемъ полѣ велѣлъ вырыть могилу; ее Флавій съ досадою нашелъ и тѣсною и недовольно глубокою и окружавшимъ воинамъ сказалъ: «и это сдѣлано не по военному уставу. На предупрежденіе—силь- «нѣе вытянуть шею, онъ замѣтилъ: ты только ударъ такъ же «сильно».

68. А тотъ (исполнитель казни) трепеталъ и на силу двумя уда- рами отдѣлилъ голову, а звѣрствомъ своимъ хвалился передъ Не- рономъ, говоря что онъ убить имъ вдвойнѣ. Ближайшій примѣръ твердости показалъ Сульпицій Асперъ, сотникъ; на вопросъ Нерона: за чѣмъ онъ вступилъ въ заговоръ противъ его жизни, отвѣчалъ коротко: «да какъ же иначе было положить конецъ столькимъ «преступленіямъ»? Затѣмъ онъ принялъ назначенную ему казнь. И прочіе сотники, при исполненіи надъ ними смертныхъ приговоровъ, не измѣняли себѣ. Феній Руфъ не имѣлъ столько твердости и свой плачь перенесъ даже въ духовное завѣщаніе. Ждалъ Неронъ, какъ бы и Вестана консула вовлечь въ обвиненіе, считая его опаснымъ и себѣ враждебнымъ; но изъ заговорщиковъ не обобщили своихъ намѣреній съ Вестаномъ—нѣкоторые по старинному къ нему недо- вольствію, а большинство считая его вспыльчивымъ и нелюдимымъ. Впрочемъ, ненависть Нерона къ Вестану началась вслѣдствіе весьма близкихъ пріятельскихъ отношеній; Вестанъ, хорошо зная дурныя стороны характера государя, презиралъ его, а тотъ опасался стро- гости друга, не разъ издѣвавшася надъ нимъ самыми злыми насмѣшками, а они то, во многомъ основанныя на истинѣ, оставили по себѣ крѣпкую память. Присоединилась и нечаянная причина—

Вестанъ Статилію Мессалину взялъ себѣ въ супружество, не безвѣстный о томъ, что въ числѣ ея любовниковъ находится и Цезарь.

69. Вслѣдствіе этого, не имѣя въ виду ни обвиненія, ни обвинителя и не имѣя возможности принять на себя роль доносчика, Неронъ обратился къ силѣ власти и послалъ трибуна Герелана съ отрядомъ воиновъ, отдавъ приказаніе: «предупредить замыслы консула и занять его, какъ бы крѣпость, подавивъ отборную молодежь». Вестана домъ возвышался надъ форумомъ, у него были рабы красивые и одного возраста. Въ этотъ день Вестанъ исправлялъ всѣ обязанности консула и давалъ пирь, ничего не опасаясь или скрывъ свои опасенія. Воины вошли и сказали, что его зоветъ трибунъ. Тотъ, нисколько не медля всталъ, и тутъ-то разомъ все приготовили: запертъ онъ въ спальню, явился медикъ, открыли кровяныя жилы; еще полный силъ внесенъ въ баню, погруженъ въ горячую воду, не испустивъ ни одного звука, которымъ бы выразилъ состраданіе о себѣ; между тѣмъ окружены стражею сидѣвшіе съ нимъ за пиршествомъ и выпущены уже глубокою ночью, а надъ ихъ страхомъ, такъ какъ они ждали изъ за обѣда смерти воображая его себѣ, посмѣялся Неронъ словами: «достаточно они уже наказаны за пирь съ консуломъ».

70. Затѣмъ Неронъ отдаетъ приказаніе относительно казни М. Аннея Лукана; тотъ, когда текла кровь, онъ замѣтилъ, что начали хладѣть руки и ноги и жизнь мало по малу оставлять оконечности тѣла, еще духомъ пылкій и сохранивъ вполнѣ и умъ и память, вспомнилъ стихи имъ сочиненные про раненаго воина, гдѣ онъ изложилъ описаніе смерти въ этомъ же родѣ и повторилъ ихъ тутъ вполнѣ какъ они были; то были вмѣстѣ и его послѣднія слова. Затѣмъ погибли Сенеціонъ, Квинкціанъ и Сцевинъ, несоответственно измѣженности прежней ихъ жизни, а вслѣдъ за ними и прочіе заговорщики, но они не сдѣлали и не связали ничего, чтобы заслуживало памяти.

71. Но между тѣмъ какъ городъ наполненъ былъ печальными процессіями похоронъ, въ Капитоліѣ не было конца принесенію жертвъ. У одного убитъ сынъ, у другаго братъ, у тѣхъ родные или друзья, но они благодарили боговъ, украшали лавромъ дома; припадали къ ногамъ Нерона и утомляли его руку поцалуями. А онъ, вѣря въ искренность этихъ заявленій радости, безнаказанностью вознаграждаетъ поспѣшныя показанія Антонія Наталиса и Церварія Провула. Милихъ, обогащенный наградами, принялъ себѣ

прозваніе Спасителя, Греческимъ это выражавшимъ словомъ. Изъ трибуновъ Граній Сильванъ, хотя оправданный, палъ отъ своей руки; Статій Проксимъ прощеніе, полученное отъ императора, испортилъ пустотою исхода. Лишены затѣмъ трибунства: Помпей, Корнелій Марціалъ, Флавій Непосъ, Статій Домицій какъ будто бы они государя ненавидѣли, но оставили это убѣжденіе. Новію Приску, вслѣдствіе дружбы къ Сенекѣ, Глитію Галлу и Аннію Полліону болѣе заподозрѣннымъ, чѣмъ уличеннымъ, назначена ссылка. Приска сопровождала его жена Антонія Флакцилла, а Галла—Егнатія Максимилла; сначала значительное его состояніе оставалось у него, но потомъ отнято, но то и другое увеличило его славу. Отправленъ въ ссылку и Руфій Криспинъ, по случаю этого заговора, но ненавистный Нерону за то, что нѣкогда былъ мужемъ Помпея. Виргинія Флакка и Музонія Руфа ссылка была причина: знатность ихъ именъ; при томъ первый развивалъ въ молодыхъ людяхъ любовь къ краснорѣчію, а Музоній—къ наставленіямъ философіи. Клувидіену Квиту, Юлію Агриппѣ, Блитію Катулину Петронію Приску, Юлію Алтину, какъ бы соображая ихъ значительное число, предоставлены острова Эгейскаго моря. Кадіціѣ, жемъ Сцевина и Цезонію Максиму запрещенъ въѣздъ въ Италію; только по наказанію и узнали они, что были въ числѣ обвиненныхъ. Атилла, мать Аннея Лукана, оставлена въ покоѣ безъ оправданія и безъ наказанія.

72. Совершивъ все это, Неронъ созвалъ собраніе воиновъ и роздалъ рядовымъ по двѣ тысячи мелкихъ монетъ и прибавилъ безденежно хлѣбъ, которымъ они прежде пользовались въ видѣ ежегодной роздачи. Тутъ какъ бы съ тѣмъ, чтобы изложить военные подвиги, созвалъ сенатъ и назначилъ честь триумфа Петронію Турпиліану, бывшему консулу, Кокцею Нервѣ, назначенному претору, Тигеллину—префекту преторіа; Тигеллина и Нерву до того превознося, что кромѣ ихъ увѣнчанныхъ изображеній на форумѣ велѣлъ поставить еще другіе у дворца. Нимеридію даны консульскіе знаки; о немъ, такъ какъ впервые представился случай, приведу немного, такъ какъ онъ и самъ будетъ частью Римскихъ бѣдствій. Онъ родился отъ матери отпущеницы; красивая тѣломъ, она его пустила въ ходъ между рабовъ и отпущениковъ государевыхъ и хвалился будто бы родился отъ К. Цезаря, такъ какъ случайно имѣлъ онъ огромный ростъ и суровое лицо, а можетъ быть К. Цезарь, охотникъ между прочимъ и до распутныхъ женщинъ, и надъ его матерью потѣшился.

73. Неронъ, созвавъ сенатъ, сказалъ рѣчь, а потомъ присоединилъ указъ къ народу, собравъ въ книги показанія и признанія осужденныхъ. Въ постоянныхъ народныхъ толкахъ не щадили его, говоря «будто бы онъ погубилъ людей невинныхъ изъ за-
«висти или опасеній». Впрочемъ что начатый заговоръ и возмужалъ и ожилъ, и въ то время никто не сомнѣвался, кто только желалъ вникнуть въ истину, да и сознавались тѣ, которые воротились въ городъ по убіеніи Нерона. А въ сенатѣ всѣ, чѣмъ болѣе кому было горя, тѣмъ сильнѣе пускались въ лесть. Юнія Галліана, оробѣвшаго вслѣдствіе смерти брата его Сенеки, умолявшаго за свою безопасность, сталъ поносить Салиенъ Клеменсъ, называя его врагомъ и отцеубійцею. Наконецъ остановленъ единодушнымъ мнѣніемъ сенаторовъ: «не давать повода къ заключенію, будто онъ «общественнымъ бѣдствіемъ пользуется для удовлетворенія личной «вражды и не вызывать новыхъ жестокостей по поводу того, что «уже оставлено или забыто милосердіемъ государя».

74. Тутъ опредѣляютъ приношенія богамъ и выраженія признательности, особенную почесть солнцу (древній храмъ его находился у цирка и тамъ то созрѣвалъ злой умыселъ), которое своимъ благоволеніемъ открыло тайну заговора; игры Цирценскія и Церсальскія должны были праздноваться съ усиленными бѣгами лошадей; мѣсяцъ апрѣль долженъ былъ получать прозваніе Нерона; храмъ спасенія долженъ быть воздвигнутъ на томъ мѣстѣ, изъ котораго Сцевинъ похитилъ кинжалъ. Самъ Неронъ обрекъ ему храниться въ Капитоліѣ, надписавъ: Юпитиру Мстителю (Виндексу). Въ то время обстоятельство это прошло незамѣченнымъ, но послѣ войны Юлія Виндекса, стали его понимать какъ предвѣстіе и предзнаменованіе будущаго возмездія. Нахожу въ запискахъ сената, что Періаль Аницій, назначенный консулъ, высказалъ мнѣніе: «необходимо какъ можно скорѣе на общественныя деньги воздвигнуть храмъ Нерону». Онъ опредѣлялъ это ему, какъ уже перешедшему за рубежъ мірскаго величія и достойному поклоненія смертныхъ, а нѣкоторые коварно думали видѣть въ этомъ предзнаменованіе кончины Нерона; божественныя почести государю приписываются не прежде какъ онъ перестанетъ вращаться между людей.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Содержаніе книги: Главы 1. 2. Издѣвается судьба надъ пустою Нерона чрезъ Басса, который хвалится, будто зарыто сокровище въ Нумидіи, которое Неронъ—3. безъ успѣха ищетъ.—4. Во время люстральнаго состязанія Нерону предложенъ вѣнокъ за краснорѣчіе и побѣда въ пѣніи осталась за нимъ же.—5. Въ этомъ зрѣлищѣ неудовольствіе слушателей и опасность Веспациана.—6. Умершую Поппею Неронъ хвалитъ у ростръ.—7.—9. Сосланные Кассій и Силанъ умерщвлены.—10. 11. Л. Вѣтъ гибнетъ съ тещею Секстіею и дочерью Поллуціею.—12. Награды обвинителю; новыя названія мѣсяцевъ.—13. Сильными вихрями опустошена Кампанія. Моровая язва. Бѣдствію Лугдуненцевъ Государь оказываетъ помощь.—14. 15. Коварствомъ Созіана уличены въ совѣтахъ съ Халдеями П. Антей и Осторій Скапула; получивъ приказаніе, они поспѣшаютъ умереть.—16. Жалобы Тациты по поводу столькихъ несчастій.—17. Руфій Криспінъ, по принужденію, убиваетъ самъ себя. Мелла вовлеченъ въ гибель ложными письмами и такимъ же обманомъ Церіалисъ.—18. 19. К. Петроній, извѣстный роскошью ученаго, сдѣлался ненавистнымъ вслѣдствіе наговоровъ Тигеллина, разрѣзываетъ себѣ жилы, обругавъ преступленія государя въ своихъ запискахъ.—20. За тѣмъ Силлія послана въ ссылку.—21. 22. Тразея Пѣту обвиняютъ Коссуціанъ и Епрій, 23. а Барса Сорана—Осторій Сабинъ.—24. Къ Нерону записку даетъ Тразеа; тотъ отдаетъ приказаніе созвать сенаторовъ.—25. 26. Совѣтуется Тразеа, не попытаться ли ему защищаться въ зданіи сената.—27. Неронъ вооруженными людьми окружаетъ сенатъ и съ упрекомъ выражается относительно многочисленности сенаторовъ.—28. 29. Марцеллъ Епрій-Тразею, Гельвидія Агриппина, Монтана, 30, Осторій-Барсъ съ дочерью Сервиліею подвергаютъ обвиненію.—31. Бѣдственная ихъ защита въ сенатѣ.—32. Егнатій жестокъ дѣйствуетъ ко-

варно въ отношеніи къ Сорану, а ему,—33. Кассій Асклепідотъ оказываетъ полное довѣріе. Тразеѣ, Сорану, Сервиліѣ предоставляется избрать родъ смерти. Гельвидій, Паконій изгнаны изъ Италіи. Монтанъ предоставленъ отцу. Награды обвинителямъ.—34. Тразеа возливаетъ Юпитеру освободителю.

Событія одного года, такъ какъ остальная часть книги утратилась, совершились въ консульство К. Светонія и Л. Понтія Телезина.

1. Тутъ судьба потѣшилась надъ Нерономъ вслѣдствіе легковѣрія его самаго и обѣщаній Цезелдія Басса. Бассъ, родомъ Карфагенянинъ, смущенный умомъ, призракъ ночнаго упокоенія обратилъ въ надежду несомнительную. Отправясь въ Римъ и купивъ себѣ доступъ къ государю, объявляетъ ему, что: «на своемъ полѣ нашелъ онъ пещеру огромной глубины, гдѣ находится огромное количество серебра, не въ видѣ денегъ, но въ старинной и грубой массѣ; лежатъ тамъ огромные кирпичи, а въ другомъ мѣстѣ возвышаются колонны; все это въ теченіи столѣтій въѣковъ собрано для увеличенія теперешнихъ благополучій. Впрочемъ, присоединилъ онъ къ этому и догадку будто Дидона, родомъ изъ Финикіи, убѣжавъ изъ Тира, и построивъ Карфагенъ, скрыла эти сокровища, какъ бы новый народъ не предался слишкомъ своеволю отъ излишнихъ богатствъ или чтобы цари Нумидовъ и другіе враждебные жаждою къ золоту не были подвинуты къ войнѣ».

2. Вслѣдствіе этого Неронъ, не выкнувъ достаточно въ достовѣрность рассказчика, ни самаго дѣла, не послалъ людей разузнать справедливо ли это извѣстіе, самъ даетъ ему еще большее развитіе и отправляетъ какъ бы за готовою добычею—привезть ее. Даны триремы (военные суда) и отборные гребцы для большей посѣшности. Во все это время только объ этомъ и толковали въ народѣ съ легковѣріемъ, а люди болѣе основательные—въ другомъ смыслѣ. Случилось, что пятилѣтнія игры праздновались вторымъ люстромъ; тутъ рассказчики и ораторы главное основаніе брали въ похвалу государя: «уже родятся не только обычайные плоды и «золото смѣшанное съ другими металлами, но земля обнаруживаетъ «небывалую производительность и боги сами предлагаютъ сокровища». И другое въ томъ же родѣ съ величайшимъ краснорѣ-

чѣмъ и не съ меньшею лестью, придумывали работѣнныя, заранѣе убѣжденные въ довѣрчивости того къ кому обращались.

3. Между тѣмъ роскошь росла вслѣдствіе тщетной надежды; тратились старинныя богатства, какъ бы уже готовы были новыя на многіе годы впередъ. Уже изъ нихъ даже предполагались траты и ожиданіе богатствъ было въ числѣ причинъ общественной бѣдности. Бассъ, перерылъ свое поле и сосѣднія вокругъ, увѣряя, что въ томъ или другомъ мѣстѣ находится обѣщанная пещера, при чемъ слѣдовали не только войны, но и множество поселянъ, взятыхъ для производства работъ. Наконецъ, отказавшись отъ своего безразсуднаго замысла, высказавъ удивленіе: дотолѣ сны его не были лживы и тутъ въ первый разъ онъ обманутъ, ушелъ отъ стыда и опасенія добровольною смертью. Нѣкоторые передаютъ, что онъ былъ заключенъ въ оковы и потомъ отпущенъ; имущество же у него отнято въ замѣнъ царскихъ сокровищъ.

4. Между тѣмъ сенатъ по случаю близости уже люстральнаго состязанія, желая предупредить посрамленіе, предлагаетъ императору побѣду въ пѣни и присоединяетъ вѣнокъ за краснорѣчіе, что бы этимъ прикрыть неприличіе спеническаго представленія. Но Перонъ, выражаясь не разъ, что не нуждается ни въ задобреніи чѣмъ либо, ни въ распоряженіяхъ сената, а, являсь наравнѣ съ соискателями, желаетъ снискать заслуженную похвалу безпристрастнымъ приговоромъ судей. Сначала читаетъ онъ стихотвореніе на сценѣ; потомъ по требованію народа—открыть предъ нимъ всѣ его занятія (таковы именно были выраженія) входитъ въ театръ, исполняя всѣ обязанности игрока на гитарѣ: уставъ, не сажился, потъ не стиралъ иначе какъ одеждою, которая на немъ была; берегся какихъ либо испражнений рта или ноздрей. Наконецъ, ставъ на колѣно, знакомъ руки привѣтствовалъ собраніе и въ мнимомъ страхѣ ожидалъ рѣшенія судей. А городская чернь, привыкшая поощрять труды актеровъ, выражала свое одобреніе извѣстнымъ образомъ и мѣрными рукоплесканіями. Можно было подумать, что она радовалась, и можетъ быть и дѣйствительно радовалась по своему равнодушію къ общественному позору.

5. Но тѣ, которые изъ отдаленныхъ муниципій, гдѣ еще сохранялись строгіе нравы древней Италіи или изъ дальнихъ провинцій, неопытныя въ развратѣ, пріѣхали съ обязанностями посольства или для своихъ частныхъ выгодъ и зрѣлица такого не выносили и оказывались недостаточно умѣлыми для нечестнаго труда; при своемъ незнаніи они напрасно утомляли руки, мѣшали знав-

шимъ дѣло и часто подвергались побоямъ отъ воиновъ, стоявшихъ отрядами и наблюдавшихъ какъ бы нисколько времени не пропало въ неумѣстныхъ крикахъ или лѣнливомъ молчаніи. Достоверно извѣстно, что очень много всадниковъ въ ихъ попыткахъ войти узкимъ ходомъ при стремленіи народа, были задавлены, а другіе, день и ночь оставаясь на мѣстахъ, подверглись гибельной болѣзни. Всего сильнѣе было опасеніе—не присутствовать на зрѣлищѣ; многіе явно, а еще большее число тайно слѣдили за именами, выраженіемъ лица, усердіемъ, грустью собиравшихся. Послѣдствіемъ были для людей простыхъ немедленныя наказанія, а относительно именитыхъ ненависть на этотъ разъ скрытая, но незамедлившая высказаться. Говорили, что Веспасіанъ былъ обруганъ отпущенникомъ Фебомъ, какъ поддавшійся было сну и съ трудомъ нашелъ защиту въ мольбахъ лучшихъ людей, а вслѣдъ затѣмъ избѣгъ угрожавшей опасности лучшимъ жребіемъ.

6. По окончаніи сценическихъ представленій, Поппеа умерла вслѣдствіи случайнаго раздраженія мужа, который ее беременную ударилъ обувью ногою. Не вѣрю я, чтобы тутъ участвовалъ ядъ, хотя нѣкоторые писатели это утверждаютъ скорѣе изъ ненависти, чѣмъ сами тому вѣря; въ сущности же Неронъ сильно желалъ дѣтей, да и жену любилъ. Тѣло не предано огню, каковъ обычай у Римлянъ, но, по примѣру чужеземныхъ царей, оно, пропитанное благовоніями, спрятано въ гробъ и онъ внесенъ въ гробницу Юліевъ. Впрочемъ шла погребальная процессія и Неронъ самъ хвалилъ съ роствъ красоту ея и то, что она была матерью божественнаго ребенка и другіе дары счастія выставилъ за добродѣтели.

7. Смерть Поппеи—о ней явно печалились, но въ душѣ радовались вслѣдствіе ея безстыдства и жестокости—пополнилъ Неронъ новою ненавистью, недопустивъ К. Кассія принять участіе въ похоронахъ. Это былъ первый признакъ несчастія, но оно и само не задолжилось. Присоединенъ и Силанъ: вины никакой, развѣ только то, что Кассій отличался старинными богатствами и строгою нравственностью, а Силанъ—знатностью рода и скромно проводимую молодостью. А потому, пославъ къ сенату рѣчь, излагалъ въ ней, что и того и другаго надобно удалить изъ государства; въ вину ставилъ Кассію, что въ числѣ изображеній его предковъ чтилъ и образъ К. Кассія съ надписью: вождь партій. Этимъ имѣлъ онъ въ виду посвятъ сѣмена гражданской войны и измѣну дому Цезарей. А чтобы не воспоминаніемъ только ненавистнаго имени воспользоваться для раздоровъ, приобщилъ къ себѣ Л. Си-

лана молодого человека знатного рода, пылкого умомъ на показъ для переворота.

8. Затѣмъ онъ самому Силану поставилъ въ вину тоже, что и дядѣ его, Торквату: «будто бы онъ уже распредѣлялъ обязанности «власти, поручая отпущенникамъ отчеты, записки и письма». Все это пустое и вымышленное. Силанъ былъ остороженъ изъ боязни и гибель дяди была для него предостереженіемъ. Затѣмъ привелъ онъ подъ видомъ доносчиковъ людей, которые придумали на Лепиду, жену Кассія, тетку Силана—кровосмѣшеніе съ сыномъ брата и отвратительные религіозные обряды. Привлечены какъ единомышленники—Вулкацій Тулліиъ и Марцеллъ Корнелій, сенаторы, и Кальпурній Фабатъ, всадникъ Римскій. Они апеллировали государю и тѣмъ задержали грозившее имъ осужденіе, а впоследствии ускользнули отъ Нерона, занятого болѣе возможными преступленіями, какъ менѣе достойные его вниманія.

9. Тутъ сенатскимъ опредѣленіемъ назначена Кассію и Силану ссылка, а относительно Лепиды предоставлено Цезарю постановить приговоръ. Отвезенъ на островъ Сардинію Кассій и старость его позволила ждать. Силанъ съ тѣмъ будтобы, чтобы отвезть его въ Наксосъ, удаленъ въ Остію, а потомъ заключенъ въ муниципій Апуліи, по имени Барій. Тамъ онъ умно переносилъ самую незаслуженную участь и застигнутъ сотникомъ присланнымъ убить его; на его убѣжденія—перерѣзать себѣ жилы, онъ сказалъ, что готовъ умереть, но палачу не предоставитъ чести исполнить порученное. Сотникъ видя его хотя безоружнаго, но полного силъ и болѣе близкаго гнѣву, чѣмъ робости, отдаетъ приказаніе воинамъ—подавить его. Силанъ не переставалъ бороться и отводить удары, насколько былъ въ силахъ голыми руками, пока наконецъ не палъ отъ сотника какъ бы въ сраженіи покрытый ранами, полученными спереди.

10. Не менѣе скоро подверглись казни Л. Ветусъ, теща его Секстія и дочь Поллуція, ненавистные государю, служа ему какъ бы живымъ упрекомъ въ убійствѣ Рубеллія Плавта, зятя Моція Ветера. Поводомъ къ обнаруженію жестокости подалъ вслѣдствіе разстройства дѣлъ своего патрона (хозяина) перешедшій въ обвиненію отпущенникъ Фортунатъ, присоединивъ Клавдія Деміана, котораго за его преступныя дѣйствія заключеннаго въ оковы Ветеромъ, проконсуломъ Азіи, выпустилъ на свободу Неронъ въ награду за обвиненіе. Когда обвиненный узналъ, что его отпущенника ставятъ на одну доску, онъ удалился въ Форміанскія земли.

Тамъ войны окружають его потайною стражею. Находилась тутъ и дочь, кромѣ грозившей опасности, измученная долговременнымъ горемъ съ того времени, какъ видѣла убійцъ ея мужа Плавта, обнявъ его окровавленную голову, сохраняла кровью орошенныя одежды; вдовою, предавалась она постоянно плачу и если принимала пищи, то на столько лишь бы не умерѣть. Тутъ, по совѣту отца, отправилась въ Неаполь. Ея не допускали къ Нерону, но она караулила его выходъ, говоря: «пусть выслушаетъ невинную «и когда-то сотоварища по консульству не отдастъ на жертву от-«пущеннику», то съ женскими воплями, то иногда забывъ свой полъ непріязненнымъ голосомъ, пока наконецъ государь не показалъ себя нетронутомъ просьбами, такъ близко граничившими съ бранью.

11. Вслѣдствіе этого она даетъ знать отцу: «отбросить надежду «и пользоваться крайностью». Въѣстъ принесено извѣстіе: «готовится изслѣдованіе въ сенатѣ и жестокой приговоръ. Не было «недостатка въ тѣхъ, что внушали, къ большей части наслѣдства «призвать Нерова, чтобы такимъ образомъ остальное обезпечить «своимъ внукамъ». Онъ пренебрегъ этимъ какъ бы жизнь, вблизи еще свободы, проведенную не осквернить крайнимъ раболѣдствомъ, раздаетъ рабамъ сколько ни было денегъ и приказываетъ унести все, что только кто въ силахъ будетъ, оставивъ лишь три постели. Тутъ въ одной и той же спальнѣ однимъ орудіемъ перерѣзываютъ жилы и поспѣшно покрытые отъ стыда лишь одною одеждою вносятся въ баню: отецъ смотрѣлъ на дочь, бабушка на внучку, она на обоихъ и наперерывъ молили слабѣющему духу скорѣйшаго исхода съ тѣмъ, чтобы оставить своихъ еще въ живыхъ, хотя и обреченными смерти. Судьба наблюла чередъ: старшіе прежде кончились, а потомъ болѣе юная. Обвинены послѣ похоронъ и опредѣлено «чтобы они были наказаны по обычаю предковъ. Неронъ «вступился, предоставляя смерть безъ суда». Такъ, совершивъ убійство, присоединяли насмѣшки.

12. П. Галлъ, всадникъ Римскій за то, что Фенію Руфу былъ короткимъ пріятелемъ да и не чужой былъ Ветеру, устраненъ отъ огня и воды. Отпущеннику и обвинителю въ награду за трудъ дано мѣсто въ театрѣ между урядниками трибуновъ. Мѣсяцы, слѣдовавшіе за апрѣлемъ — онъ же и Неронъ — переименованы май въ Клавдіевъ, іюнь въ Германиковъ, по свидѣтельству Корнелія Орфита, подавшему это мнѣніе: «іюнь мѣсяць оттого отпущенъ, «что уже два Торквата, казненные за преступленія, сдѣлали названіе іюня зловѣщимъ».

13. Столькими злодѣйствами оскверненный годъ и боги озвменовали непогодами и болѣзнями. Кампанія опустошена сильнымъ вихремъ, который разбросалъ въ разныхъ мѣстахъ загородныя дачи, вусты, плодовицыя деревья; опустошенія эти дошли до близкихъ къ городу мѣстъ, а въ городѣ сильная моровая язва свирѣпствовала во всѣхъ классахъ жителей безо всякой перемѣны въ воздухѣ, которою можно было бы наглядно объяснить это явленіе. А дома наполнялись бездыханными тѣлами, улицы—погребальными процессіями; не было ни пола, ни возраста свободнаго отъ опасности; одинаково быстро и гибли и рабы, и вольные изъ народа, оплакиваемые же нами и дѣтьми и тѣ. пока при этомъ находятся, пока оплакиваютъ, нерѣдко на томъ же кострѣ сожигаются. Всадниковъ и сенаторовъ кончины хотя многочисленныя, менѣе заслуживали слезъ, такъ какъ они общеою участію смертныхъ ускользали отъ жестокости государя. Въ этомъ же году произведенъ наборъ въ Галліи Нарбонской, Африкѣ и Азіи для пополненія Иллирскихъ легионовъ, а изъ нихъ уже слабые возрастомъ или состояніемъ здоровья освобождены отъ службы. Вѣдствію, понесенному Лугдуномъ, государь помогъ выдачею сорока милліоновъ сестерцій для возобновленія пострадавшей части города, а эти деньги жители Лугдуна предложили прежде при затруднительныхъ обстоятельствахъ.

14. Въ консульство К. Светонія и Л. Телезина Антистій Созіанъ за сочиненіе противъ Нерона ругательнаго стихотворенія осужденный, какъ я уже говорилъ, въ ссылке, узнавъ—въ какой чести доносчики и какъ государь готовъ на убійства, безпокойный умомъ и не пропуская удобнаго случая, задабриваетъ себѣ сходствомъ участі Паммена, находившагося въ ссылкѣ тамъ же, славнаго знатока въ наукѣ халдеевъ и велѣдствіе того находившагося со многими въ дружественныхъ отношеніяхъ. Соображая, что не даромъ приходятъ къ нему гонцы и за совѣтами, узнаетъ также, что П. Антей платитъ ежегодно деньги. Не безызвѣстно ему было и то, что Антей за любовь къ Агриппинѣ былъ ненавистенъ Нерону, что его богатства всего легче могутъ возбудить алчность и что это было причиною гибели многихъ. Велѣдствіе этого, перехвативъ письма Антея, укралъ и памятную книжку, гдѣ были записаны и день его рожденія и сокровенно будущее таинственнымъ искусствомъ Паммена; вмѣстѣ нашель онъ и то, что было составлено о происхожденіи и жизни Осторія Скапулы и написалъ къ государю: «можетъ онъ принести съ собою важное и относя-

щесся съ пользою до его безопасности, если только получить кратковременное увольненіе изъ ссылки, такъ какъ Антей и Осторій «грозятъ порядку и изслѣдуютъ свою судьбу и Цезаря». Тотчасъ же посланы суда и поспѣшно привезенъ Созіанъ. Когда обнаружился его доносъ, то Антей и Осторій уже считались въ числѣ осужденныхъ скорѣе чѣмъ обвиненныхъ, до того, что духовное завѣщаніе Тигеллина никто не хотѣлъ скрѣпить своимъ свидѣтельствомъ, еслибы Тигелинъ не принялъ въ этомъ участія. Ранѣе предупрежденъ Антей «чтобы не медлилъ съ послѣднимъ выраженіемъ своей воли». Онъ принялъ ядъ, но такъ какъ онъ, къ его неудовольствію, недостаточно быстро дѣйствовалъ, то перерѣзавъ жилы, ускорилъ себѣ смерть.

15. Осторій находился тогда въ отдаленномъ помѣстьи у границы Лигуровъ. Посланъ туда сотникъ ускорить его смерть. Поводъ спѣшить возникалъ отъ того, что Осторій пользовался большою военною славою, заслужилъ въ Британіи гражданскій вѣнокъ; крѣпкій и сильный тѣломъ, знатокъ военнаго дѣла внушалъ онъ опасеніе Нерону, какъ бы не бросился онъ на него постоянно трусливаго, а вслѣдствіе недавно открытаго заговора еще болѣе пришедшаго въ ужасъ. Вслѣдствіе этого сотникъ, занявъ всѣ пути изъ виллы воинами, объявилъ Осторію приказанія императора. Осторій храбрость, которую онъ неоднократно показывалъ противъ непріятеля, примѣнилъ и къ себѣ; такъ какъ жилы, хотя и перерѣзанныя, выпускали очень мало крови, настолько воспользовался рукою раба, чтобы онъ поднялъ и держалъ неподвижно кинжалъ, затѣмъ онъ схватилъ его правую руку и наткнулся горломъ.

16. Если бы я излагалъ даже войны вѣшнія и смертныя случаи понесенныя за дѣло общественное, но при такомъ сходствѣ ихъ сопровождавшихъ обстоятельствъ, то и самаго меня взяло бы пресыщеніе, да и вправѣ бы я былъ ожидать, что надоѣстъ разсказъ этотъ и съ пренебреженіемъ стали бы смотрѣть, на хотя честныя кончины гражданъ, но печальныя и однообразныя. А тутъ рабское терпѣніе, столько крови бесполезно пролитой дома, утомляютъ умъ и печаль охватываетъ душу. И другой защиты отъ тѣхъ, которые ознакомятся съ этимъ, не искалъ бы я, какъ—лишь бы не сопровождали ненавистью такъ бесплодно и нерадиво погибавшихъ. То былъ гнѣвъ высшихъ силъ на дѣла Римлянъ, о которомъ не такъ какъ о проявленіи его гибелью войскъ или потерю городовъ, разъ упомянувъ мож-

но пройти молчаніемъ. Дадимъ хоть то потомству знаменитыхъ мужей, что какъ при отданіи имъ послѣдняго долга, отдѣляютъ ихъ отъ общаго погребенія, такъ, сообщая объ ихъ концѣ, пусть они примуть и сохранятъ отдѣльную память.

17. Въ продолженіи немногихъ дней вмѣстѣ дружною толпою пали Анней Мелла, Церіалисъ Аницій, Руфій Криспинъ и К. Петроній. Мелла и Криспинъ, всадники Римскіе, были въ сенаторскомъ достоинствѣ. Этотъ послѣдній, когда то префектъ преторія, награжденный консульскими отличіями и недавно по обвиненію въ заговорѣ изгнанный въ Сардинію, получивъ извѣстіе о томъ, что ему приказано умереть, самъ себя умутилъ. Мелла, происходя отъ тѣхъ же родителей, что и Галліо и Сенека, воздержался отъ домогательства почестей вѣлѣдствіе особеннаго честолюбія для того, чтобы оставаясь всадникомъ Римскимъ, равняться могуществомъ съ консулами. Вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ этотъ путь ближе къ приобрѣтенію денегъ, завѣдывая въ видѣ управляющаго дѣлами государя. Онъ же былъ отцомъ Аннея Лукана, что давало ему еще большее право на извѣстность; по убіеніи его тщательно разыскивая оставшееся послѣ него имущество, вызвалъ обвинителя Фабія Романа изъ самыхъ близкихъ Лукана пріятелей. Придумываютъ, будто сынъ и отецъ имѣли общее свѣдѣніе о заговорѣ—для чего поддѣлываютъ письма Лукана. Взглянувъ на нихъ, Неронъ приказалъ несть къ нему—жаждая его богатствъ. А Мелла—въ то время этотъ путь смерти былъ самый скорѣйшій—перерѣзалъ жилы, написавъ завѣщаніе, которымъ назначалъ значительную денежную сумму Тигеллину и зятю его, Коссуціану Капитону съ тѣмъ, чтобы хоть остальное было цѣло. Прибавляютъ, что въ замѣткахъ, какъ бы жалуясь на несправедливость казни, онъ написалъ такъ: «онъ умираетъ «безо всякаго повода къ казни, а Руфій Криспинъ и Аницій «Церіалисъ наслаждаются жизнью—заклятые враги государя.» Считали это вымышленнымъ относительно Криспина потому что онъ былъ уже умерщвленъ, а относительно Церіалиса съ цѣлью причинить ему смерть. И дѣйствительно не много времени спустя, онъ самъ себя умутилъ, менѣе прочихъ вызвавъ состраданія, такъ какъ припоминали, что онъ то выдалъ К. Цезарю заговоръ.

18. О Петроніѣ остается сказать еще немного. Дни проводилъ онъ во снѣ, а ночи въ исполненіи обязанностей жизни и наслажденій и какъ другіе заслужили извѣстность дѣятельностью,

такъ этотъ—бездѣйствіемъ. Считали его не простымъ мотомъ и кутилою, но умѣвшимъ изысканно наслаждаться. Его поступки и слова, чѣмъ они распущеннѣе были и свидѣтельствовали о какомъ то пренебреженіи къ себѣ самому—тѣмъ снисходительнѣе были всеми встрѣчаемы какъ будто признаки простоты. Впрочемъ сдѣлавшись проконсуломъ Виенни, а потомъ консуломъ, показалъ много энергіи и въ уровень этой дѣятельности. Потомъ обратясь къ порокамъ, а можетъ быть къ подражанію имъ, онъ принятъ въ число немногочисленныхъ приближенныхъ Нерона, какъ наставникъ изящества; онъ находилъ только то пріятнымъ и достойнымъ наслажденія, что прежде заслужило одобреніе Петронія. Вслѣдствіе этого зависть Тигеллина какъ къ сопернику и въ искусствѣ наслажденій лучшему знатоку. Вслѣдствіе этого обращается онъ къ жестокости государя, которой уступали все прочія его страсти, ставитъ въ вину Петронію дружбу Сцевиана, подкупивъ на доносъ раба, отнявъ возможность защищаться и большую часть домашней прислуги заключивъ въ оковы.

19. Случайно въ это время Цезарь отправился въ Кампанію Петроніи и дошелъ до Кумъ, но тутъ былъ задержанъ; Петроній не перенесъ болѣе колебаній страха или надежды, но, не торопясь, лишилъ онъ себя жизни, но надрѣзанныя жилы, какъ хотѣлъ перевязалъ опять, и снова велѣлъ открыть, бесѣдуя съ друзьями, но не о важныхъ предметахъ и не такъ, чтобы домогаться славы твердости. Слушалъ онъ и ихъ рассказы, но вовсе не о безсмертіи души или наставленіяхъ мудрецовъ, но легкія стихотворенія и веселыя пѣсни; рабовъ однихъ одарилъ, а другихъ наказалъ розгами, сѣлъ за пиршество, предался сну для того, чтобы смерть хотя и вынужденная, имѣла видъ случайной. Даже и въ завѣщаніи (не такъ какъ большинство тѣхъ, что погибали) воздержался онъ отъ лести Нерону или Тигеллину или иному кому изъ лицъ въ силѣ, но позорныя дѣянія государя изложилъ, назвавъ по именамъ его любовниковъ, любовницъ и описавъ изобрѣтенія новыя каждаго вида разврата; запечатавъ послалъ къ Нерону, а кольцо сломалъ, чтобы оно не могло болѣе никого вовлечь въ опасность.

20. Недоумѣвалъ Неронъ, какимъ образомъ сдѣлалось извѣстнымъ препровожденіе его ночей; но ему указали на Силію, извѣстную супружествомъ съ сенаторомъ, соучастницу всѣхъ его, Нерона, наслажденій, а Петронію весьма близкую; отправлена въ ссылку за то, что будто бы изъ личной ненависти не молчала о

томъ, что видѣла и что вынесла. Минуція Терма, бывшаго преторомъ, отдалъ въ жертву нерасположенію Тигеллина, такъ какъ отпущенникъ Терма коечто высказалъ ругательно о Тигеллинѣ, за что и поплатился самъ терзаніями пытки, а хозяинъ его незаслуженною смертию.

21. Истребивъ столько мужей знаменитыхъ, Неронъ захотѣлъ наконецъ исторгнуть съ корнемъ самую добродѣтель, лишивъ жизни Тразея Пэту и Варей Сорана, давно уже враждебный тому и другому. На Тразею и было за что сердиться: онъ вышелъ изъ сената, когда докладывали объ Агриппинѣ, о чемъ я уже упоминалъ; во время игръ молодежи (Ювенальскихъ) оказалъ содѣйствіе весьма незначительное, а это оскорбленіе было тѣмъ чувствительнѣе, что онъ же, Тразея, въ Патавіѣ, откуда онъ происходилъ, во время Цестійскихъ (?) игръ, установленныхъ Троянцемъ Антеноромъ, пѣлъ въ трагической одеждѣ. Такъ же въ тотъ день, когда присуждали къ смерти претора Антистія за ругательныя противъ Нерона сочиненія, подалъ мнѣніе въ болѣе снисходительномъ духѣ и провелъ его, а когда опредѣляли божественныя почести Понпей, находясь въ добровольномъ отсутствіи, не участвовалъ и въ похоронахъ. Забыть все это не допускалъ Капито Коссудіанъ; отъ природы склонный къ преступнымъ дѣйствіямъ, питалъ вражду къ Тразеѣ за то, что сдѣлался жертвою его вліянія, когда онъ поддерживалъ пословъ Киллическихъ, преслѣдовавшихъ Капитона за взятки.

22. Сверхъ того онъ ему ставилъ въ вину: «въ началѣ года Тразея уклонился отъ обычной присяги; не присутствуетъ «при назначеніи обѣтовъ, хотя и состоитъ членомъ коллегія пятнадцати (жрецовъ); ни разу не приносилъ жертвъ за безопасность государя или за его божественный голосъ; когда не «утомимо дѣятельный и старательный, самымъ незначительнымъ «сенатскимъ разсужденіямъ привыкшій высказывать или одобреніе «или несогласіе, вотъ уже три года не входитъ въ зданіе сената». Въ самомъ недавнемъ времени, когда съ усердіемъ непрерывъ стекались другіе для обузданія Силана и Ветера, онъ предпочелъ лучше заниматься частными дѣлами кліентовъ. Что же это какъ не отпаденіе, стремленіе составить партію? И если много такихъ найдется, будетъ война.—Какъ нѣкогда—внушалъ онъ Нерону—общество, страстное до раздоровъ, только и говорило, что о К. Цезарѣ и М. Катонѣ, такъ теперь о тебѣ, Неронѣ и о Тразеѣ. Есть у него послѣдователи, люди ему предан-

ные; не высказывая еще таких дерзких мнѣній какъ онъ, подражаютъ ему въ манерахъ и выраженіи лица, суровые, печальные, упрекая тебя безъ словъ за твои забавы. Ему одному недорого—твоя безопасность, твои занятія искусствами. Съ пренебреженіемъ смотритъ онъ на благополучное положеніе дѣлъ государя; не ищетъ ли онъ насѣтиться плачемъ и страданіями? Одного и того же образа мыслей дѣло: не вѣрить въ божественность Поппеи, и не давать присяги на дѣйствія божественныхъ Августа и Юлія; пренебрегаетъ религіозными вѣрованіями; отмѣняетъ законы. Дневники народа Римскаго по провинціямъ, по войскамъ съ большимъ вниманіемъ читаются чтобы узнать—въ чемъ не участвовалъ Тразеа. Или перейдемъ же къ тѣмъ учрежденіямъ, если они лучше, или у желающихъ переворота отнимемъ вождя и виновника. Это ученіе породило Тубероновъ и Фавоніевъ—имена, и при старинномъ положеніи общественныхъ дѣлъ, непріятныя. Для ниспроверженія имперіи берутъ они предлогомъ свободу, а, достигнувъ желаемаго, накинута на самую свободу. Напрасно избавился ты отъ Кассія, если потерпишь рости и усиливаться этимъ сореvнователямъ Врута. Наконецъ, хотя ты самъ и ничего не писалъ о Тразеѣ, предоставь намъ разбирательство сената. «Неронъ превозноситъ похвалами столь быстрый на гнѣвъ умъ Капитона и присоединяетъ къ нему Марцелла Епрія «съ ядовитымъ краснорѣчіемъ»».

23. А Барей Сорана потребовалъ себѣ подсудимымъ Осторій Сабинъ, всадникъ Римскій—изъ проконсульства Азіи, въ которомъ усилилъ неудовольствіе государя справедливостью и дѣятельностью и тѣмъ, что взялъ на себя заботу объ открытіи порта Ефесцамъ, а насиліе жителей Пергама недавшихъ Акрату, отпущеннику Цезаря, увести статуи и картины, оставилъ безнаказаннымъ. Но въ вину ставили: дружбу Плавта и стремленіе задобрить провинцію въ пользу несбыточныхъ надеждъ. Время осужденію избрано, когда Тиридатъ пришелъ для принятія царства Арменіи, чтобы въ толкахъ о событіяхъ внѣшнихъ злодѣйство внутреннее прошло во мракъ или съ цѣлью выказать величіе императора убійствомъ знаменитыхъ людей какъ бы дѣломъ достойнымъ царской власти.

24. Вслѣдствіе этого, когда весь городъ вышелъ встрѣтить государя и посмотреть царя, Тразеа, получившій запрещеніе явиться, не упалъ духомъ, но сочинилъ записку къ Нерону, прося объяснить, что ему ставятъ въ вину и утверждая, что онъ оправдывается если только будетъ знать, въ чемъ его обвиняютъ и будетъ имѣть

возможность защищаться. Торопливо ухватился Неронъ за эти записки, въ надеждѣ, что Тразеа въ ужасѣ напишетъ такое, что, выходя достоинство государя, будетъ служить къ ущербу его собственной славы. Но когда этого не случилось, самъ устранился лица, духа и свободы невиннаго и отдаетъ приказаніе—собрать сенатъ. Тутъ Тразеа съ приближенными сталъ совѣтоваться—попытать ли защиту или пренебречь ею.

25. Различныя представлялись соображенія. Тѣ, которые считали лучшимъ—идти Тразеѣ въ сенатъ, говорили: «въ твердости «его увѣрены они вполне; ничего не скажетъ онъ, чтобы не увеличило его славу. Только лѣнливые и трусы окружаютъ молчаніемъ ихъ послѣднія минуты. Пусть народъ увидитъ человѣка, «идущаго на встрѣчу смерти, пусть сенатъ услышитъ выраженія, «какъ бы отъ какого то божества, выше чѣмъ человѣческія. Возможно чудо, что и самъ Неронъ будетъ тронутъ; если же онъ и «останется при своей жестокости, то потомство различитъ память «честнаго конца отъ позорнаго бездѣйствія гибнущихъ въ молчаніи».

26. Съ другой стороны, тѣ, которые были того мнѣнія, что нужно остаться дома, о самомъ Тразеѣ выражали то же что и прежде: «но грозятъ ему насмѣшки и поруганіе. Не одни Коссуціанъ «и Епрій готовы на преступленіе; найдутся и такіе, что въ звѣрствѣ могутъ быть дерзнуть поднять руки и ударить; и благона- «мѣренные отъ страха послѣдуютъ ихъ примѣру. Пусть лучше онъ «избавитъ сенатъ, которому служилъ украшеніемъ, отъ безславія «такого преступнаго поступка и пусть оставитъ въ неизвѣстности, «что опредѣлятъ бы сенатъ, увидѣвъ Тразею подсудимымъ. А что- «бы Неронъ устыдился своихъ злодѣйствъ, о томъ льстятъ они «себя тщетною надеждою, а гораздо болѣе нужно опасаться какъ «бы онъ не излилъ свою жестокость на жену, семейство и прочее, «что ему дорого. А потому пусть безстрашнымъ, чуждымъ какого «либо позора, но чьимъ слѣдамъ и урокамъ вѣль жизнь, съ ихъ «славою домогается конца». На этомъ совѣщаніи присутствовалъ Рустіеъ Арулень, пылкій юноша; страстно жаждая похвалы, онъ предлагалъ «воспротивиться сенатскому опредѣленію» въ качествѣ трибуна народнаго, которымъ онъ былъ. Сдержалъ его порывъ Тразеа: «пусть онъ не пускается въ начинаніе пустое, которое не принесетъ обвиненному никакой пользы, а ему, за его противудѣйствіе, гибель. Его время уже прошло и не долженъ онъ измѣ- «нять образа жизни, которому оставался вѣренъ въ теченіи столь- «кихъ лѣтъ къ ряду; а ему (Рустіеу) предстоитъ еще только на-

«чатое поприще службы и все, что остается нетронутымъ. Пусть «онъ прежде зрѣло самъ съ собою обдумаетъ, въ какое время на «какой путь вступить для того чтобы быть полезнымъ общественному дѣлу». Впрочемъ Траzea предоставилъ самому себѣ обдумать—идти ли ему въ сенатъ.

27. А на другой день, съ расвѣтомъ дня, двѣ преторіанскія когорты вооруженныя заняли храмъ Венеры Родительницы. Входя въ сенатъ обступила толпа людей, одѣтыхъ въ тоги, но не скрывавшихъ мечей; по площадямъ и портикамъ разставлены тамъ и сямъ военные отряды. Сенаторы входили въ зданіе сената въ ихъ глазахъ и слыша ихъ угрозы. Рѣчь государя была произнесена его квесторомъ; ни на кого именно не указывая, обличалъ сенаторовъ: «будто бы они не пренебрегаютъ общественными обязанностями, а, по ихъ примѣру, и всадники Римскіе коснѣютъ въ праздности. И что же послѣ того удивительнаго, что изъ отдаленныхъ провинцій не являются, когда большинство, получившихъ консульство и жреческія обязанности, предпочитаетъ заниматься украшеніемъ садовъ?» За это, какъ за оружіе, ухватились обвинители.

28. Начало сдѣлалъ Коссуціанъ, но съ большею силою вопіялъ Марцеллъ: «дѣло первой важности для государства; злоумышленіе «нисшихъ употребляетъ во зло снисходительность верховнаго главы. «Слишкомъ кротки доселѣ сенаторы, оставляя безнаказаннымъ уклоняющагося Тразею, зятя его Гельвидія Приска, соучастника «того же безумія, а также Паконія Агриппина, наслѣдника отцовской къ государямъ ненависти и Курція Монтана, слагателя «ненавистныхъ стиховъ. Требуется онъ въ сенатѣ бывшего консула, «при обѣтахъ—священнослужителя, въ присягѣ—гражданина: но «тутъ въ нарушеніи установленій и обрядовъ предковъ Траzea «явно высказался измѣнникомъ и гостемъ. Пусть наконецъ явится «сенаторомъ и обыкшій быть защитою оскорбителямъ величества, «подастъ мнѣніе, что онъ считаетъ нужнымъ исправить или измѣнить. Легче снесутъ они порицаніе въ томъ или другомъ, чѣмъ «терпѣніе молчанія, которымъ онъ все обрекаетъ осужденію. Что «ему не по сердцу—миръ ли по всему шару земному или побѣды «безъ ущерба для войскъ? Пусть они не заподозриваютъ въ злонамѣренномъ честолюбіи челоуѣка, сѣтующаго объ общественномъ «благополучіи, того, который за пустыни считаетъ форумы, театры, «храмы, который грозитъ своимъ добровольнымъ изгнаніемъ. Не «признаетъ онъ здѣсь общественнаго совѣта, не видитъ онъ здѣсь «ни сановниковъ, ни города Римскаго. Пусть же онъ не живетъ

«болѣе въ томъ городѣ, привязанность къ которому давно утра- тить, а теперь и видѣть не хочетъ».

29. Въ такихъ то и подобныхъ выраженіяхъ горячился Мар- целль, видѣ его былъ суровъ и грозенъ онъ голосомъ, выраженіемъ лица и глазъ. Сенатомъ овладѣла уже не та ему столь вѣдомая и обычная многократно повторявшимися опасностями грусть, но новый и глубже проникавшій страхъ, такъ какъ въ виду ихъ были движенія вооруженныхъ воиновъ. Но тутъ же глазамъ ихъ пред- ставлялся почтенный образъ Тразеи; нашлись и тѣ, которые со- страдали объ участи Гельвидія, которому прійдется заплатить за невинное родство. Что ставить въ вину Агриппину кромѣ печаль- ной участи отца? Да и то, столько же невинный, сдѣлался жерт- вою жестокости Тиверія. Монтанъ честно провелъ молодость и не за извѣстное стихотвореніе, въ которомъ онъ выказалъ умъ, пой- деть въ ссылку.

30. Между тѣмъ входитъ Осторій Сабинъ, обвинитель Сорана и начинаетъ говорить: «о дружбѣ съ Рубелліемъ Плавтомъ и о «о томъ, что Соранъ проконсульство въ Азіи употребилъ для сво- «ихъ личныхъ видовъ, для извѣстности, а не для общей пользы и «давалъ пищу возмущеніямъ городовъ. Все это было старо, а свѣ- «жее и вовлекавшее дочь въ опасность отца, то, будто бы она «щедро раздавала деньги магамъ (гадателямъ). Случилось это безъ «сомнѣнія вслѣдствіе любви къ отцу Сервилліи—такъ звали дѣ- «вушку; она изъ дочерней привязанности, а также по необдуман- «ности ея возраста, совѣтовалась не о другомъ чемъ, какъ о без- «опасности ихъ семейства, будетъ ли милосердъ Неронъ, а изслѣ- «дованіе сената не повлечетъ ли за собою гибельныхъ послѣдствій?» А потому призвана въ сенатъ и съ отцомъ поставлена врозь: передъ трибуналомъ консуловъ престарѣлый годами отецъ, а съ другой сто- роны дочь, которой еще и 20 лѣтъ отъ роду не было, но вслѣд- ствіе недавно послѣдовавшей ссылки ея мужа, Аннія Полліона— печальная вдова. Она боялась и взглянуть на отца, опасность по- ложенія котораго она по видимому увеличила.

31. На вопросъ обвинителя: «продала ли она приданныя вещи «и ожерелье, снявъ его съ шеи для того, чтобы собрать денегъ «на учиненіе магическихъ священнодѣйствій?» Сначала, распро- стершись по землѣ, долго плакала и молчала, но потомъ, обнявъ жертвенникъ, сказала: «не призывала она боговъ зла, никакихъ «заклинаній не дѣлала, но въ своихъ несчастныхъ молитвахъ «умоляла объ одномъ, чтобы ты, Цезарь, и вы, сенаторы, сохра-

«нили невредимымъ этого лучшаго изъ отцовъ. Драгоцѣнные камни, одежды и знаки достоинства я отдала такъ, какъ бы «еслибы требовали моей крови и жизни. Это касается ихъ, «до сихъ поръ я ихъ не знала, на какомъ они счету и каковы «ихъ занятія, а я о государѣ иначе и не упоминала, какъ на «ряду съ божествами. Впрочемъ несчастный мой отецъ ни о чемъ «не знаетъ и если это дѣйствительно преступленіе, то погрѣ- «шила я одна.»

32. Она еще говорила, а уже слова ея подхватилъ Соранъ и высказалъ громко: «она не ѣздила съ нимъ въ провинцію, и, «по молодости лѣтъ, не могла знать о томъ, что дѣлалъ Плавтъ; «не причастна она этому въ чемъ винили ея мужа; пусть отдѣ- «слятъ ее виновную лишь въ избыткѣ любви къ родителю, а его «подвергнуть какой угодно участи.» Съ этими словами хотѣлъ броситься онъ въ объятія подбѣжавшей дочери, но находившіеся между ними ликторы удержали ту и другаго. Вслѣдъ за тѣмъ дали мѣсто свидѣтелямъ и сколько состраданія возбудила жестокость обвиненія, столько раздраженія вызвалъ свидѣтель П. Егнатій. Онъ былъ кліентомъ Сорана и на этотъ разъ подкупленъ—на погубленіе друга; прикрывался онъ внѣшностью стойчихъ убѣжденій, приобрѣлъ опытность въ томъ, чтобы въ наружности и манерѣ имѣть видъ честнаго человѣка, но въ душѣ коварный, вѣроломный, полный скрытыхъ честолюбія и дурныхъ пожеланій. Когда это черезъ деньги открылось, подалъ онъ примѣръ, какъ надобно быть осторожнымъ настолько же извѣстныхъ обманами и по роскоши, на сколько и лживыхъ внѣшностью добрыхъ качествъ и друзей измѣнниковъ.

33. Но этотъ же день привелъ и честный примѣръ Кассія Асклепідота; значительностью богатствъ былъ онъ первый между Виинцевъ и какимъ уваженіемъ окружалъ онъ Сорана процвѣтавшаго, такъ не оставилъ и падавшаго: лишенный всего состоянія, отправленъ въ ссылку. Такъ боги равнодушны къ проявленіямъ добра и зла! Тразеѣ, Сорану и Сервиллі предоставленъ на выборъ родъ смерти. Гельвидій и Паконій изгнаны изъ Италіи. Монтанъ предоставленъ отцу, но съ тѣмъ, чтобы устранилъ себя отъ общественной дѣятельности. Обвинителямъ — Епріо и Коссуціану дано по пяти милліоновъ сестерцій; Осторію милліонъ двѣсти тысячъ и квесторскіе знаки.

34. Тутъ то, когда день уже вечерѣлъ, посланъ квесторъ консула къ Тразеѣ, когда онъ находился въ саду. Многочисленная

бывали у него собранія именитыхъ мужей и женщинъ; въ особенности занимался онъ Деметріемъ, учителемъ Цинической школы; съ нимъ, какъ можно было заключать по выраженію лица и слышавшимся словамъ, которыя произносились были громче другихъ, разговаривалъ онъ о природѣ души и разлученіи души и тѣла, пока пришелъ Домицій Цициліонъ, изъ числа его душевныхъ друзей, и изложилъ ему приговоръ сената. Велѣдъ за тѣмъ, тѣ, которые тутъ находились, стали плакать и жаловаться, а Тразеа ихъ убѣждаетъ: «поскорѣ удалиться, и собственныя опасенія не обобщать съ жребіемъ осужденнаго.» Аррію, покушавшуюся послѣдовать участи мужа и примѣру матери Арріи, увѣщаетъ: «сохранить жизнь и не лишать общую ихъ дочь «единственной опоры.»

35. Тутъ, выйдя въ портикъ, тамъ найденъ квесторомъ, почти въ веселомъ расположеніи духа, велѣдствіе полученнаго имъ свѣдѣнія, что Гельвидій, зять его, будетъ только удаленъ изъ Италіи. Получивъ потомъ сенатское опредѣленіе, Гельвидій и Деметрія вводитъ въ спальню; протянувъ обѣ руки для открытія жилъ, когда показалась кровь, онъ ею брызнулъ на полъ и подзававъ ближе квестора, сказалъ: «дѣлаемъ возливаніе Юпитеру «Освободителю. Смотри, молодой человѣкъ, и пусть не допустятъ «боги сбыться предсказанію; но ты родился въ такія времена, «когда необходимо укрѣплять духъ примѣрами твердости.» Затѣмъ, когда велѣдствіе медленнаго приближенія смерти усиливались страданія, обративъ къ Деметрію.....

Перевелъ А. Клевановъ.

31 Октября 1869 г.
Москва.

